This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

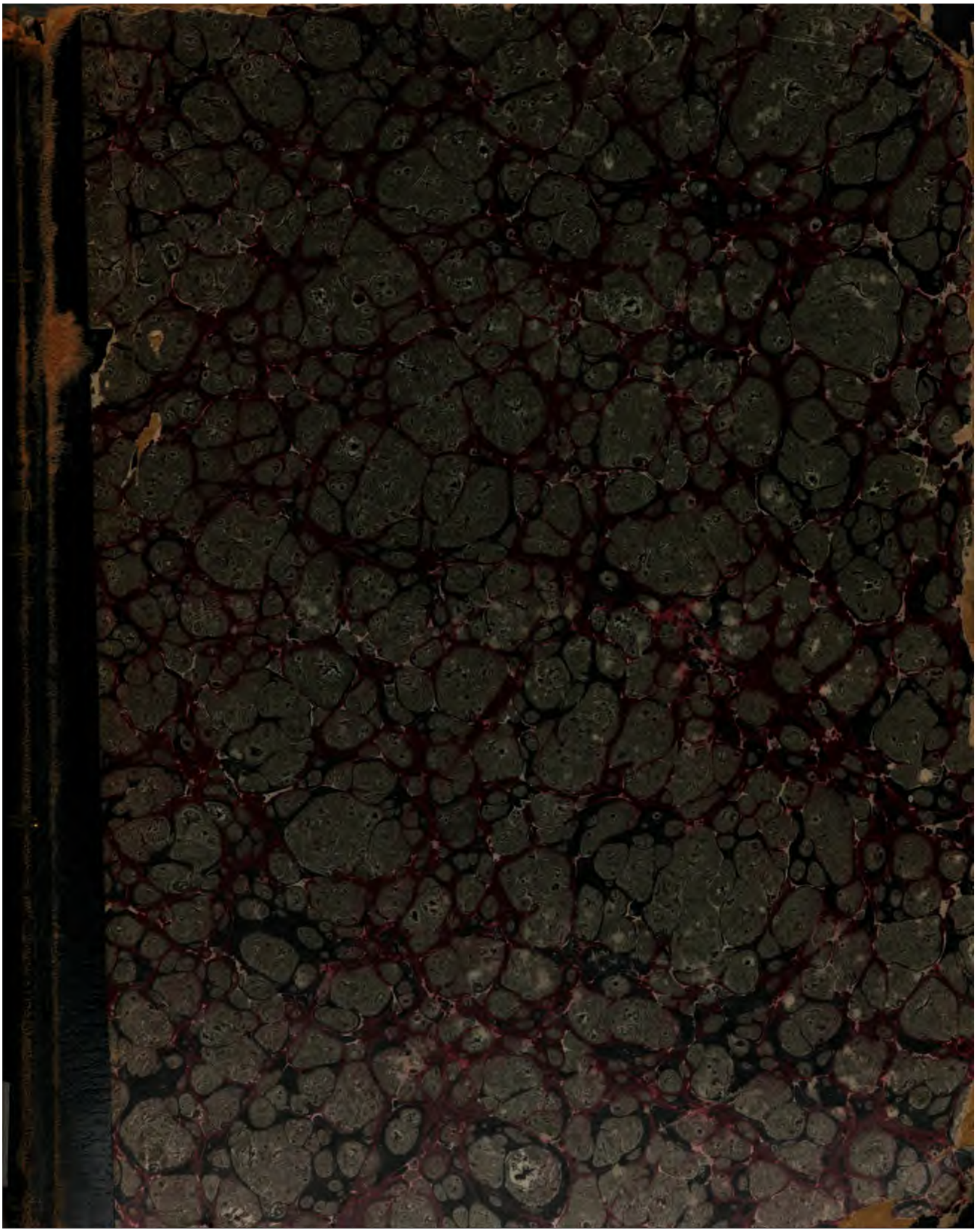
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



Mae
94269
A 242/2
XXIV 41/3
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

XXIV 11/3

АРХЕОЛОГІЯ

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ 2-ОЙ

МОСКВА.

1867.

Типографія Грачёва и К° у Пречистенскихъ воротъ д. Михайловой.

АРХЕОЛОГІЯ

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. Е. ГРАЧЕВА И ТОВАРИЩЕСТВА.

1865.

XXIV 41/3

ЧТЕНІЯ

МОСКВА.

1865—1867.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
FEB 8 1982

DK1
M5824
v.1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

1. Вступительная рѣчь Предсѣдателя Гр. А. С. Уварова. I
2. Церковный диптихъ V вѣка. Гр. Уварова. (4 политипажа и Таб. I—III). . 1
3. Для Археологіи русскаго быта. Примѣръ вліянія языка на образованіе народродныхъ вѣрованій и обрядовъ. А. Н. Аѳанасьева. 17
4. Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индо-европейскихъ. А А. Котляревскаго. 43
5. Скиѳскія могилы, Чертомлыцкій курганъ. И. Е. Забѣлина. 71
6. Скандинавскій корабль на Руси. А. А. Котляревскаго. 81
7. О вѣчевой степени. Д. И. Иловайскаго. 95

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

8. Византійскій наперстный крестъ V или VI вѣка. (политипажъ). 101
9. Евангеліе 1544 года Боголюбова монастыря. Н. А. Артлебена. (Таб. IV—V). . 104
10. О кладѣ, найденномъ въ Кіевской губерніи въ 1863 году. А. П. Клачкова (2 политипажа). 105
11. О монетахъ съ именемъ Аѳанасій. Д. П. Сонцова. (2 политипажа) 109
12. Кіотъ 1614 года въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ. Гр. А. С. Уварова. . 111

ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

13. Свинцовые оттиски, найденные въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина. Гр. К. П. Тышкевича. (Таб. VI—XI). 115
14. Недремаемое око Спасово (отрывокъ изъ русской Символики). Гр. А. С. Уварова. (политипажъ). 125
15. Символика драгоцѣнныхъ камней. Д. О. Шеппинга. 135
16. О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. А. А. Потебни. 153

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

17. Находка древностей въ юрту станицы Мигулинской на Дону. Архим. Амфилохія (Таб. XIII). 197
18. Новыя справки объ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ. М. П. Погодина. 200
19. Кадило Городищенской церкви. Н. А. Артлебена (политипажъ). 206
20. Желѣзные кубики съ надписью: Копѣйка и Деньга. А. П. Клачкова. (Таб. XII). 206
21. Объясненія надписи на монетѣ В. Князя Василія Дмитріевича. Гр. А. С. Уварова (политипажъ). 209
22. Замѣтка по поводу статьи о церковномъ диптихѣ V вѣка. П. С. Казанскаго. . 213
23. Отвѣтъ на замѣтку Прос. Казанскаго на статью о диптихѣ V вѣка. Гр. А. С. Уварова. 220
24. Къ статьѣ Г-на А. Аѳанасьева: Для археологіи русскаго быта. А. Потебни. . 227
25. Замѣтка къ статьѣ Гр. К. П. Тышкевича: О свинцовыхъ оттискахъ. А. А. Котляревскаго. 242

БИБЛІОГРАФІЯ.

26. Новые труды по археологіи древняго Востока, Греціи и Рима. Статьи I, II, и III. К. А. Гёрца. 1, 13, 25
27. Новѣйшія изслѣдованія Палестины. К. К. Гёрца. 33
Les ruines de Ninive. Par S. Feer. 13
Die Pfahlbauten in den Schweizer-Seen. Von Staub. 14
Die poetischen Naturanschauungen der Griechen, Roemer und Deutschen. Von Dr. W. Schwartz. 18
Ausgewählte Aufsätze aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft. Von L. Preller. 19
Iacob Grimm. Kleinere Schriften. 20
Ch. Petersen. Religion oder Mythologie, Theologie und Gottesverehrung der Griechen. 22
Bursian. Griechische Kunst. 23
Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes. 24
The history of our Lord. By M-rs Iameson. 26
La Vierge, type de l'art chrétien. Par Ed. Laforge. 27
F. Kanitz. Ueber Alt-und Neuserbische Kirchenbaukunst. . . . . 1. —27
Revue Archéologique 1864. 28
Mémoires lus à le Sorbonne. 32
Theologische Studien und Kritiken. 33
A. Tilesius de Tilenau. Explication de la figure problématique représentée sur les monnaies de Vladimir I et de Iaroslaw I. 34
Die Rusalien. Von Franz Miklosich. 35
Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи Московскаго Учебн. округа. И. Д. Бѣляева. 36
Виленскій вѣстникъ 1864 г. 37

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Аанес, Абецадло, Аввакумъ, Аіосъ надгробный, Аіосъ задушный, Адамовъ. . 15
Адамъ, Азовка, Аказо. 16
Алатырь, Алатырецъ. 17
Александръ Васильевъ, Александръ Мезенецъ, Алексіевская ента, Алексѣй

Лешковскій, Алконосъ или Алконостъ. 18
Аллилоуіа, Аллилуія красная, кѣнаничная зовомая Хабоува, полскока. радилова. 20
Аллилуія скокъ, Алтембасъ, Алцисъ (политипажъ). 21
Алюторы, Алыберское царство, Альтъ. 22
Ананеанес, Ананьинъ Иванъ, Анееане или Анеанѣе, Анееанеее, Ангельскія. 23
Андрѣевъ. Аненаки, Аннинъ плачь, Антифонъ. 24
Антіохійскій роспѣвъ. 25
Антоколь. 26
Аполинъ. 1
Апостроѳъ, Апракосъ. 26
Артемій. 27
Аспидъ. 1
Асценсіо, Атексталисъ. 27
Атламба, Аѳанасій клирошанинъ, Аѳанасьевъ Гаврило, Б., Багрянка. 28
Баранъ, Баскаковъ переводъ, Басъ, Безбородый Маркеллъ, Безлѣ, Безрѣчное, Бемолъ, или Бемулъ, Беммулярная мусикія, Бережанскій Петръ Ивановъ. 29
Било или Клепало. 30
Бирюза, Бисеръ, Благословенъ, Богъ, Бодро. 31
Болгарскій роспѣвъ. 32
Болонокъ, Большая, Большія кережи, Кудри, Большой недосктокъ, опрометъ, скочекъ, шибокъ, Большой роспѣвъ, Болѣвоще, Борзая мережа, Борзо. . . . 33
Борисоглѣбская ѳита, Борода Исаія. 34
Бочка, крыто бочкою (2 политипажа). 2
Бралья, Братскій дворъ. 34
Бѣляница и Бѣляница прилья, Букварь, Быковской Михайло. 35
Вѣко. 3
Гедиминова гора 35
Гудокъ, гудки. 36
Гусенокъ (политипажъ). 4
Духовная память. 36
Дыня. 4
Ердань, Ерусалимы или Іерусалимы. 36
Закамора. 5
Зваяно, ізваяны, истуканное. 36
Каменыхъ дѣлъ подмастерье; имена ихъ. 36
Кандія (политипажъ), Клепало. 40
Клепикъ (политипажъ). 6
Литовское племя. 40
Мусія, Нѣмига. 42
Обрѣзъ. 7
Обыденныя или единодневныя церкви. 43
Окладъ одверный, округлость. 7
Переславское Плещеево озеро, Перкунасъ (2 политижа). 47
Подлить. 7
Полати, Пономарь. 49
Порядныя 50
Потиръ (8 политипажей). 7
„ „ Примѣчаніе 1-ое. Статья П. С. Казанскаго. 56
„ „ Примѣчаніе 2-ое. О формѣ потировъ. (7 политипажей). 60

Прялья. 64
Ростеска. 12
Рѣзецъ каменныхъ дѣлъ, каменный рѣзецъ; имена ихъ. 64
Рѣчки (Планъ всей мѣстности). 65
Рядныя. 67
Сяколой, Сіоны. 72
Скураты. 74
Спуски, Скрыть, Слухи, Стрѣлка. 12
Тартаръ. 74
Таха. 75
Ткальи, Тороци. 76
Тріодь. 76
Троянъ. 13
Трапеза. 76
Хиннетъ. 77
Чаша трапезная. 78
Ширинка (политипажъ). 14
Ѳеодора Студійскаго монастырь. 78

ЛѢТОПИСЬ И. АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Уставъ. 1
Составъ Общества къ 1 Январю 1865. 5
Извлеченіе изъ протоколовъ отъ № 1 до 16 (2 политипажа). 6

ТАБЛИЦА РИСУНКОВЪ.

I. Диптихъ V вѣка.
II, III, Изображенія Благовѣщенія и Самаритянки.
IV, V. Заглавныя буквы изъ рукописнаго Евангелія Боголюбова монастыря.
— Кіотъ 1614 года въ Кирилло—Бѣлозерскомъ монастырѣ.
VI—XI. Свинцовые оттиски и знаки на сосудахъ.
XI. б. Марки и знаки собственности.
XII. — Желѣзныя копейка и деньга. (opp p. 208)
XIII. — Золотой сосудъ, найденный въ 1864 году.
XIV. — Сіоны.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕДСТОЯЩЕЙ МОСКОВСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ, гр. А. С. УВАРОВА.

Мм. Гг!

Открывая наше первое засѣданіе, невольно приходитъ на мысль цѣль и предметъ нашихъ будущихъ занятій. Предметомъ будетъ Археологія вообще и преимущественно русская Археологія. Ни та, ни другая не нуждаются въ изъясненіи ихъ пользы: лучшимъ тому доказательствомъ служитъ присутствіе членовъ, собравшихся во имя этой пользы. Но позвольте мнѣ, Мм. Гг., обратить ваше вниманіе на дѣятельность, открывающуюся передъ нами и на тѣ труды, которые намъ предстоятъ.

Взглянемъ сперва на измѣненія, происходившія въ самой Археологіи при постепенномъ ея развитіи.

Съ самаго начала — Археологія является съ характеромъ исключительно *классическимъ*: она дѣлается неотъемлемою частью классическихъ наукъ, и только съ первой половины XVI вѣка, благодаря ученымъ трудамъ августинскаго монаха Онуфрія Панвинія, начинаетъ развиваться новая отрасль Археологіи — Археологія христіанская.

Въ первое время издаются лишь описанія отдѣльныхъ памятниковъ, но послѣ богатыхъ открытій Бозіо — печатаются и болѣе общія изслѣдованія о римскихъ катакомбахъ: Аринги, Болдетти, Боттари, Бонаруоти и др. И

въ этихъ разсужденіяхъ мы не видимъ еще единства основной идеи: въ нихъ находится только рядъ описаній, безъ всякихъ слѣдовъ правильной науки. Подобныя собранія описаній продолжаются до самаго начала нынѣшняго столѣтія, и только съ этого времени въ наукѣ христіанскихъ древностей проявляются первые начатки научной формы. Отдѣльные факты соединяются въ одно цѣлое и образовываютъ какъ бы остовъ полной, отдѣльной науки, хотя и тутъ чувствуется еще недостатокъ въ изслѣдованныхъ памятникахъ.

Между тѣмъ, развитіе этой новой науки, при самомъ своемъ началѣ, внезапно пріостановилось. Политическія происшествія послѣднихъ годовъ XVIII и начала XIX вѣка отвлекли на время отъ всякихъ занятій археологическихъ, а тѣмъ болѣе — христіанскихъ. Но тѣ же происшествія, которыя препятствовали рождающейся наукѣ, сдѣлались потомъ, совершенно неожиданно, сильнѣйшими ея двигателями. Европа, подчинившись сперва нравственному вліянію Франціи, впослѣдствіи пала подъ силу ея оружія и, для освобожденія отъ этого ига, должна была прибѣгнуть не только къ простой силѣ, но также и къ нравственой опорѣ чувства народности. Съ такою опорою она сокрушила наполеоновскую власть.

Пробужденное чувство народности, по умиреніи Европы, обратилось на изученіе всего роднаго. Оно дѣятельно жило и ярко отразилось на самой Археологіи. Общій характеръ науки христіанскихъ древностей измѣняется и принимаетъ во всѣхъ странахъ характеръ національный. Подъ вліяніемъ чувства народности, въ Европѣ возникаютъ археологическія общества. Они дружными и совокупными силами занимаются изслѣдованіемъ родныхъ памятниковъ, не только отыскиваютъ и опредѣляютъ ихъ, но и въ особенности заботятся о сбереженіи ихъ, какъ дорогихъ остатковъ жизни самаго народа. Входитъ въ общее сознаніе мысль, что произведенія художественной дѣятельности народа, зданія и другіе памятники, послѣ вырабатывающихся въ народѣ важныхъ общественныхъ вопросовъ, суть лучшіе свидѣтели его нравственной жизни и умственнаго развитія.

Таковъ былъ ходъ Археологіи на западѣ, таково воззрѣніе Европы на Древности! У насъ, наша русская старина не дошла до такой обработки. Но, мы видѣли, что въ самой Европѣ Археологія такъ еще не давно получила право гражданственности между науками, что упрекать

русскую науку въ отсталости было бы слишкомъ строго и несправедливо. Русская Археологія, дѣйствительно, не сложилась еще въ стройную, правильную науку, не имѣетъ строгой научной формы, но должно сознаться, что это происходитъ не отъ недостатка матеріаловъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а отъ совершенно другой причины: отъ какого-то вѣковаго равнодушія къ отечественнымъ древностямъ. Не только мы, но и наши предки не умѣли цѣнить важности родныхъ памятниковъ, и безъ всякаго сознанія, съ полнымъ равнодушіемъ безобразно исправляя старинныя зданія, или возстановляя ихъ съизнова, они не понимали, что каждый разъ вырывали страницу изъ народной лѣтописи. Такое равнодушіе и доселѣ часто проявляется въ русской жизни и вредитъ, къ несчастію, не одной Археологіи.

Возвращаясь къ упреку въ недостаткѣ русскихъ памятниковъ, мы можемъ указать на блистательное его опроверженіе въ трудахъ нашихъ ученыхъ. Нашлись люди, которые съ умѣньемъ и съ любовью занялись письменными памятниками. Отыскивая рукописи, подвергая ихъ ученой критикѣ, они подготовили богатый матеріалъ для русской Археологіи. Съ своей стороны правительство много способствовало къ изданію такихъ документовъ, такъ что наша Археографія далеко опередила остальныя части нашей Археологіи. Намъ остается пожелать такихъ же ученыхъ дѣятелей и для памятниковъ вещественныхъ. Преимущество, высказанное доселѣ въ пользу памятниковъ письменныхъ, сдѣлается несправедливымъ предпочтеніемъ, если памятники вещественные долго еще останутся забытыми: отодвинутые на второй планъ, они малоизвѣстны, и упрекъ въ недостаткѣ такихъ предметовъ дѣлается почти правдоподобнымъ.

Ученыя изслѣдованія о русскихъ древностяхъ только изрѣдка появлялись у насъ, большею же частью довольствовались сухимъ, и часто даже неточнымъ, описаніемъ самаго предмета. Конечно, и эти описанія могутъ служить источникомъ для Археологіи, но источникомъ скуднымъ и требующимъ новой обработки. Скудость его ярко кидается въ глаза, когда мы сравнимъ такой сырой матеріалъ съ изданными письменными памятниками. Отсюда и Археологія наша, лишенная научной формы, оставалась въ видѣ сборника отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою матеріаловъ, а главный ея источникъ, наши вещественные памятники — не достигали своего прямаго значенія — историческихъ документовъ. Какъ рѣдко,

напримѣръ, пытались спросить у самой земли рѣшенія такихъ вопросовъ, которые остаются темными въ нашихъ лѣтописяхъ. А между тѣмъ, мы понимаемъ, какъ важны для исторіи и для археологіи раскопки могилъ и кургановъ. Необходимость такихъ раскопокъ доказана результатами изслѣдованій Копенгагенскаго Общества. Въ нѣдрахъ русской земли мы также найдемъ издѣлья каменныя и бронзовыя, которыя могутъ свидѣтельствовать о степени развитія древней Руси и пояснить намъ обширность ея сношеній. Какъ звено между Сѣверомъ и Византіею, между Азіею и западомъ—Россія обѣщаетъ для науки болѣе обильную жатву, чѣмъ скандинавскія страны.

Мы видѣли, какъ чувство народности быстро подвинуло западную Археологію и какъ сильно оно возбудило дѣятельность ученыхъ Обществъ; пусть то же чувство поможетъ теперь и намъ уничтожить равнодушіе къ отечественнымъ древностямъ и научитъ насъ дорожить родными памятниками. Тогда мы будемъ умѣть цѣнить всякій остатокъ русской старины, всякое зданіе, воздвигнутое нашими предками; тогда подумаютъ и о сохраненіи, о защитѣ ихъ отъ всякаго разрушенія.

Къ такому возбужденію общаго сочувствія должны стремиться всѣ наши ученыя Общества. Вотъ наша главная цѣль, до которой мы дойдемъ тогда только, когда живо будутъ интересоваться наукою и съ участіемъ слѣдить за ея успѣхами. Для такой цѣли, Московское Археологическое Общество, кромѣ предпринимаемаго имъ журнала, сдѣлало засѣданія свои публичными. Обыкновенная замкнутость нашихъ ученыхъ Обществъ не существуетъ въ нашемъ Уставѣ. Каждый можетъ присутствовать при нашихъ засѣданіяхъ. Тутъ онъ увидитъ занятія членовъ, будетъ слѣдить за ходомъ Общества, которое въ такой публичности почерпнетъ себѣ новыя силы для своихъ трудовъ. Мы надѣемся этимъ путемъ скорѣе распространить въ публикѣ пониманіе и любовь къ Археологіи.

Хотя публичность нашихъ засѣданій можетъ имѣть очень важное значеніе; но этой мѣры далеко не достаточно для разрѣшенія одного изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ русской Археологіи — *безопасное сохраненія самыхъ памятниковъ.*

Доселѣ они уничтожались скорѣе отъ рукъ неопытныхъ возстановителей, чѣмъ отъ разрушающей силы времени: часто даже спасеніе памятника, было его погибелью. Одинаковой участи подвергнуты какъ памятни-

ки общественные, славные въ нашей исторіи, такъ и тѣ изъ нихъ, которые, среди глухой мѣстности, остаются доселѣ неописанными. И тѣмъ и другимъ необходимо составить подробный списокъ, внося въ него сначала памятники насъ окружающіе, а потомъ, постепенно расширяя кругъ нашей дѣятельности, итти далѣе, раздвигать и самыя границы нашихъ изслѣдованій. Подобные списки послужатъ основаніемъ Археологической карты Россіи, необходимость которой такъ сильно чувствуется наукою. Памятникъ, разъ занесенный въ списокъ, этимъ уже однимъ обязываетъ Общество обратить вниманіе Правительства на его сохраненіе. Въ этомъ отношеніи мы должны сослаться на мѣры принимаемыя во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ учреждены особыя коммиссіи для охраненія памятниковъ и особые надзиратели для наблюденія за точнымъ исполненіемъ приказаній коммиссій.

Упомянувъ о коммиссіяхъ, мы не можемъ упустить изъ виду еще одну мѣру, по нашему мнѣнію самую дѣйствительную и коренную, для уничтоженія равнодушія къ русскимъ древностямъ и для возбужденія общаго, живаго участія къ русской Археологіи. Я разумѣю — *ученые съѣзды*.

Во Франціи, Англіи и Германіи ученые съѣзды успѣшно содѣйствовали развитію національной Археологіи, и вотъ обыкновенный порядокъ, которому слѣдуютъ: предварительно, за годъ, назначаютъ городъ, куда соберется съѣздъ; потомъ составляютъ списокъ археологическихъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія и такого разрѣшенія, которое тѣсно связано съ обслѣдованіемъ древностей этого города и мѣстности. Въ назначенное время съѣзжаются не только члены археологическаго общества, но приглашаются и мѣстные археологи и посторонніе ученые. Тутъ, въ общемъ сборѣ, рѣшаются поставленные вопросы, а мѣстныя древности подвергаются ученому изслѣдованію. Понятно, сколько въ подобныхъ совѣщаніяхъ пріобрѣтается драгоцѣнныхъ матеріаловъ для Археологіи, какое движеніе и интересъ возбуждается такими съѣздами. Примѣненіе этой мѣры къ Россіи принесло бы у насъ больше пользы, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ ученые спеціалисты чаще и удобнѣе могутъ сноситься между собою. У насъ такіе съѣзды, общеніемъ всѣхъ ученыхъ силъ, развили бы и самую Археологію и общественную любовь къ ней, они окончательно обезпечили бы сбереженіе русскихъ памятниковъ.

Я старался въ краткихъ словахъ изобразить вамъ, Мм. Гг., нѣкоторыя черты изъ той обширной дѣятельности, которая намъ предстоитъ. Но сама Археологія, въ сравненіи съ этою дѣятельностью, еще обширнѣе: съ своими разнообразными отдѣлами она представляется всеобъемлющею наукою, обхватывающею цѣлый бытъ народа. Для такой науки необходимы дружныя усилія цѣлаго Общества, которое тогда можетъ быть довольно своими трудами, когда разовьетъ и распространитъ истинную любовь къ русскимъ древностямъ, какъ вѣрный залогъ успѣха отечественной Археологіи.

„Et quasi cursores, vitai lampada tradunt".

Ноября 3-го дня 1863 г.

ЦЕРКОВНЫЙ ДИПТИХЪ V ВѢКА.

ГРАФА А. С. УВАРОВА.

Въ моемъ собраніи древностей хранится диптихъ, пріобрѣтенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нижегородской ярмаркѣ. Какъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ памятниковъ, этотъ диптихъ вполнѣ достоенъ нашего вниманія.

Греческое слово δίπτυχον соотвѣтствуетъ вполнѣ нашему слову *складнй*; Греческое δίπτχον происходитъ отъ δίς и πτυχὴ. Πτυχὴ происходитъ отъ глагола πτύσσω—складываю и означаетъ одно и то же что πτὺξ, и πτυχός, (plica, plicatura) т. е. все, что сложено и что складывается. Отсюда δίπτυχον, bis plicatum, вдвойнѣ сложенное или складнй. Диптихи, по словамъ древнихъ писателей, бывали: по числу досокъ τρίπτυχα, πεντάπτυχα и πολύπτυχα [1]); то же самое бывало и съ нашими складнями, между которыми встрѣчаются складни тройныя, пятерныя и многосложныя. Изъ этого видно что слово складнй можетъ служить самымъ точнымъ переводомъ греческаго δίπτυχον.

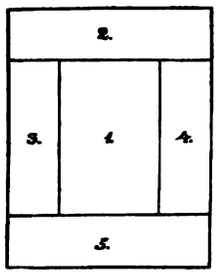
Диптихи бываютъ: или двойные, т. е. состоящіе изъ двухъ цѣльныхъ плитокъ, или сложные — изъ нѣсколькихъ плитокъ, скрѣпленныхъ между собою.

Нашъ диптихъ сдѣланъ изъ слоновой кости, сильно потемнѣвшей отъ времени, и, повидимому, составлялъ часть большаго сло-

[1]) Suiceri. Thesaur. I. pag. 922. — Gori. Thesaur. I. pag 232.

жнаго диптиха. Это мнѣніе мы основываемъ на томъ, что боковая кайма, въ видѣ тесмы, окружаетъ его только съ трехъ сторонъ. Если онъ сдѣланъ былъ не для присоединенія къ другимъ частямъ, то эта кайма окружала бы его со всѣхъ четырехъ сторонъ и образовала бы вокругъ него полную раму. Для яснаго пониманія этихъ большихъ диптиховъ, сложенныхъ изъ нѣсколькихъ костяныхъ плитокъ, надо взглянуть на диптихъ императора Констанція 357 года, или на диптихъ Муранскій VI вѣка.[1]) Такая сложная форма, по свидѣтельству позднѣйшихъ диптиховъ, сохранилась и до XI вѣка. Сюда принадлежатъ диптихи Ватиканскій [2]) и Оксфордскій [3]).

На серединѣ четыреугольная пластинка (1) въ видѣ продолговатаго параллелограма содержитъ главное изображеніе. На верху продолговатая пластинка (2) обыкновенно представляетъ изображеніе самого Бога или креста, поддерживаемаго парящими ангелами.



По сторонамъ середней плитки прикрѣплялись перпендикулярно двѣ (3—4), также продолговатыя, плитки, и снизу диптихъ заканчивался одною (5) длинною плитою. Обѣ боковыя (3 и 4) были одинаковой величины а верхняя (2) и нижняя (5) были также равны между собою. Боковыя плитки на сторонѣ, обращенной къ середней, имѣли закраины, на которыхъ лежала главная пластинка (1), утвержденная винтами или гвоздиками. Эта закраина и дырки для гвоздиковъ находятся на лѣвой сторонѣ нашего диптиха; изъ чего явствуетъ, что онъ составлялъ правую боковую сторону (4) цѣльнаго диптиха. Четыре дыры просверлены на немъ далеко позади закраины и довольно небрежно—для изваяній.

Рисунокъ изображеній, находящихся на нашемъ диптихѣ, совершенно правильный, но самое изваяніе не очень обронно и какъ бы недокончено, судя, напримѣръ, по правой рукѣ женщины на нижней части диптиха. Красивая простота драпировки носитъ отпечатокъ античнаго искусства и напоминаетъ рѣзецъ первыхъ христіанскихъ ваятелей. Вообще, весь стиль диптиха указываетъ на памятникъ современный катакомбамъ и древнѣйшимъ христіанскимъ саркофагамъ.

---

[1]) Gori. Thesaur. III. pag. 45. tab. IX.
[2]) Gori. ibid. III. pag. 33. tab. IV.
[3]) Annales arch. XX. pag. 118.

Вышина 24 сентиметра, ширина 9½.

На диптихѣ представлены двѣ сцены изъ Новаго Завѣта, расположенныя одна надъ другою. Онѣ отдѣлены между собою полосою съ продолговатою, гладкою рамкою вокругъ. На серединѣ крестъ, а по бокамъ его два голубя, обращенныя главами къ кресту.

Такое расположеніе голубей, попарно, часто встрѣчается на саркофагахъ. Для примѣра приведемъ гробницу Проба и Пробы 395 года [1]), на которой голуби, по два у каждой корзинки, клюютъ изъ нея фрукты. По мнѣнію Боттари голуби выражаютъ тутъ супружескую вѣрность. Но намъ кажется, что символическое значеніе этихъ голубей—въ прямой связи съ главнымъ изображеніемъ на самомъ саркофагѣ. Каждая пара находится между изваяніями апостоловъ, расположенныхъ также по два, такъ что необходимо принять этихъ голубей за символы самихъ апостоловъ. Кромѣ того мы можемъ подтвердить наше мнѣніе словами Павлина Нолянскаго [2]), который пишетъ:

Crucem corona lucido cingit globo,
Qui coronæ sunt corona Apostoli,
Quorum figura est in columbarum choro.

На нашемъ диптихѣ, вмѣсто корзинки съ плодами, стоитъ крестъ. Такое измѣненіе средняго изображенія не можетъ дѣйствовать на символическое значеніе голубей, потому что голуби въ значеніи апостоловъ еще чаще помѣщались съ крестомъ, чѣмъ съ корзинкою. Тотъ же Павлинъ Нолянскій, описывая стѣнописи своей церкви, упоминаетъ о крестѣ, вокругъ котораго летали голуби. На другой стѣнописи былъ изображенъ крестъ, а на вершинѣ его голуби. Эти фрески, по объясненію Павлина, не только символически изображали апостоловъ, но также могли означать вообще праведныхъ христіанъ. На мозаикѣ въ церкви св. Климента въ Римѣ двѣнадцать бѣлыхъ голубей сидятъ на крестѣ; тутъ число голубей прямо указываютъ на апостоловъ. То же самое число голубей и въ одинаковомъ значеніи встрѣчается на мраморномъ саркофагѣ въ церкви S. Lorenzo. Если двѣнадцать голубей обозначали двѣнадцать апостоловъ, то можно заключить изъ этого, что четыре голубя должны означать четырехъ евангелистовъ, что подтверждается мно-

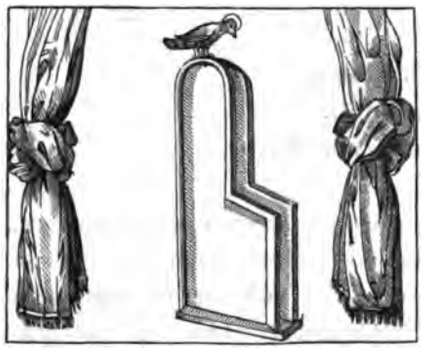
[1]) Bosio. pag. 49. — Bottari. tav. XVI—XVIII. pag. 53.

[2]) Epistola XXXII.

гими памятниками изъ римскихъ пещеръ. Въ катакомбахъ св. Маркеллина и Петра [1]), на четырехъ углахъ свода—изображены четыре голубя, а на серединѣ пастырь добрый и сцены изъ ветхаго и новаго Завѣта. Въ пещерѣ св. Присциллы [2])—такое же самое распредѣленіе четырехъ голубей. На этомъ основаніи можно предположить, что голуби на нашемъ диптихѣ означаютъ не просто апостоловъ, а самихъ евангелистовъ, по два на каждой сторонѣ всего цѣлаго диптиха.

Переходимъ къ объясненію двухъ главныхъ изображеній нашего диптиха.

Верхнее изображеніе представляетъ *Благовѣщеніе*. Богородица сидитъ на креслѣ, обращенная въ право. Кресло, съ высокою спинкою и съ прямыми поручнями, сдѣлано изъ дерева съ рѣзными украшеніями. Такія кресла, въ древнія времена назывались καθέδρα и обыкновенно не имѣли подлокотниковъ, но когда христіане начали ихъ употреблять, какъ сѣдалища для епископовъ, тогда измѣнили они первобытную ихъ форму. Въ пещерахъ св. Агніи мы видимъ два такія епископскія сѣдалища, поставленныя по обѣимъ сторонамъ главнаго входа [3]). Статуя св. Ипполита въ Латеранскомъ музеумѣ и изображеніе, найденное въ катакомбахъ святыхъ Маркеллина и Петра [4]), представляютъ намъ сѣдалища совершенно одинаковаго рисунка, какъ на диптихѣ. По своей



[1]) Bottari II. tav. CXVIII.

[2]) Bottari. III. tav. CLXXVI.

[3]) Bottari. III. pag. 45 tav. CXXXVIII.

[4]) Bottari. II. 28. — 29: „Postquam autem Bosius, opus hoc indigestum relinquens, „diem obiit, Severanus noster, una cum aliis ad S. Marcellini et Petri templum visendum „et ad cognoscenda extantium ibi marmorum fragmenta, pia admodum curiositate illectus, „Kal. Oct. anno 1631 accessit. Dum subterranea igitur loca attentius perlustrat, et ea præ„sertim, quae crebris circa idem templum ruinis congesta fuerant, diligenter revolvit, for„tuito quidem marmor ante ejus oculos objicitur, in quo hujusmodi inscriptionis fragmen„tum legebatur..... Insuper et fragmentum aliud tunc perscrutantibus contemplandum „se obtulit, quod pontificæ sedis imaginem ferro incisam, velisque hinc inde exornatam, in

формѣ они напоминаютъ престолъ (θρόνος, solium) древнихъ и въ точности соотвѣтствуютъ описанію Сервія [1]). Такія кресла изъ цѣльнаго дерева попадаются на миніатюрахъ рукописей. Въ ватиканскомъ Виргиліи (IV вѣка) Латинъ сидитъ на совершенно подобномъ деревянномъ креслѣ. Въ греческихъ рукописяхъ евангелисты почти постоянно сидятъ на такихъ же креслахъ; стоитъ только взглянуть на барберинскую (№ 184. 1.), или на Парижскую рукопись (Coisliana. № 66 et 67.), обѣ XI вѣка.

Подъ ногами Богородицы скамейка или подножіе (ὑποπόδιον, scabellum). Скамейка служила съ древнѣйшихъ временъ и у всѣхъ народовъ знакомъ особаго почета, а впослѣдствіи сдѣлалась неотъемлемымъ атрибутомъ божества. [2]) Престолъ съ подножіемъ придуманъ, по словамъ св. Климента Александрійскаго [3]), древними Персами, Гомеръ [4]) описываетъ скамьи Елены и Улиса. Въ книгахъ священнаго писанія мы находимъ, у Давида (98, 5): „Возносите Господа Бога нашего и поклоняйтеся подножію ногъ его, яко свято есть".

У пророка Исайя сказано (66, 1): „Тако глаголетъ Господь: „небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ". Блаженный Іеронимъ (посланіе XXII) увѣщеваетъ Евстохія въ знакъ смиренія не употреблять скамейки: „Quando in conventum fratrum veneris, vel sororum, humilius sedeas: scabello te causeris indignam".

Отсюда видно, что престолъ и подножіе искони служили знаками особаго почета, и понятно отъ чего христіанскій художникъ изобразилъ Богородицу на сѣдалищѣ такой формы и съ скамейкою подъ ногами.

Богородица одѣта въ длинный, женскій хитонъ (tunica), а сверхъ него, на плеча, накинутъ фелонь (poenula, φελώνης или

„cujus summitate marmorea item columba diademate redimita consistit, intuentibus contemplandam exhibet, quam pariter hic typis imprimendam curavimus".

[1]) Æn. I. 510: *Solium* proprie est armarium uno ligno factum, in quo reges sedebant propter tutelam corporis sui; dictum quasi *solidum*. Modo jam abusive *soliam* regalem dicimus. Ad Æn. VII. 169. Secundum alios, a soliditate dictum; secundum asprum per Antistoechon, quod solum unum capit: quasi *sodium*, a sedendo: nam et sella quasi sedda dicta est.

[2]) Chimenteli. Marmor. Pisan. cap. 29 Подробно говоритъ о значеніи скамьи.

[3]) Strom, lib. I. cap. 16.

[4]) Одиссея. кн. IV. ст. 136, кн. X. ст. 315.

φαινόλης) [1] которая прикрываетъ ей голову по обыкновенію какъ восточныхъ женщинъ, такъ и по обычаю греческихъ и римскихъ. Ренула замѣняла иногда гиматіонъ, (называемый у Римлянъ toga græcanica) и также накидывалась на голову; даже мущины иногда, по словамъ Ливія [2], слѣдовали этому обыкновенію женщинъ. Но тутъ, на диптихѣ нашемъ, такъ ясно обрисована poenula и задняя ея часть сдѣланная въ родѣ капюшона, что невозможно смѣшать ее съ гиматіономъ или тогою. Волосы у Богородицы подобраны и скручены въ видѣ валика, обхватывающаго всю голову. Такая прическа съ давнихъ временъ носилась христіанками [3] и сдѣлалась впослѣдствіи отличительною прическою византійскихъ женщинъ до самаго IX вѣка. Противъ этой прически сильно возсталъ св. Климентъ Александрійскій[4]), находя въ ней излишнія украшенія, и совѣтуя: „tenui aliqua fibula comam alligare frugaliter“. На волосахъ у Богородицы не видно ни жемчуговъ, ни драгоцѣнныхъ камней, которые обыкновенно приплетали къ волосамъ. На ногахъ башмаки (ὑποδημάτιον, calceolus). Возлѣ Богородицы на лѣво, стоитъ рабочая корзинка (τάλαρος, qualus) узкая и высокая. [5]) Самое положеніе Богородицы выражаетъ испугъ и удивленіе: изъ лѣвой руки она роняетъ шерсть, которую пряла, а правую руку приподняла, и открыла.

Передъ нею стоитъ Архангелъ съ большими крыльями. Онъ благословляетъ ее именосложно [6]), а въ лѣвой рукѣ держитъ посохъ съ крестомъ вверху. Длинный хитонъ опускается до самыхъ ногъ. На хитонъ надѣтъ гиматіонъ, ловко перекинутый спереди на лѣвую руку—обыкновенный способъ носить эту верхнюю одежду во время ходьбы. Художникъ хотѣлъ этимъ выразить, что Архангелъ только что пришелъ. Ноги его обуты, но

---

[1]) Botarri. III, pag. 64.

[2]) Lib. V. 46: Sacrificium erat statum in Quirinali colle genti Fabiae: ad id faciendum C. Fabius Dorsus, *gabino cinctu*, sacra manibus gerens.... — Lib. VIII, 9.

[3]) Bandini. In tabulam eburn. pag. 36. Capillos videtur, fascies ac fibulis sursum circa tempora religatos habere, quemadmodum christianas mulieres comam alere et ornare consuevisse.

[4]) Pædagogus lib. III cap. XI.

[5]) Разсказывается въ путешествіи Антонія Піаченскаго (около 600 года по Р. Х.) Acta Sanct. Boll. Maii. tom. II. pag. XVIII. cap. II:„ De Tholomaida maritima venimus in fines Galilææ, in civitatem qua vocatur Neocæsarea, in qua adoravimus amulam et canistellum s. Mariæ: in quo loco erat cathedra, ubi sedebat quando ad eam Angelus veniebat.“—

[6]) Именосложное благословеніе на всѣхъ памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства: Bandini. pag. 30; Bonaurotti, Vetr. antich. pag. 79—82, 270.

нельзя разобрать въ какую именно обувь. Волосы курчавы и на нихъ не видно еще повязки, съ которою впослѣдствіи постоянно изображали ангеловъ. Посохъ съ крестомъ въ лѣвой рукѣ архан-

гела—имѣетъ ту же самую форму, какъ посохъ Спасителя на диптихѣ Константія.

Совершенно подобное изображеніе Архангела мы видимъ на диптихѣ Британскаго музеума, принадлежащемъ V вѣку; но тутъ, вмѣсто креста, на вершинѣ посоха прикрѣпленъ шаръ.

Между Архангеломъ и Богородицею, на небѣ, виднѣется звѣзда съ шестью лучами. Такая же звѣзда находится на диптихѣ Константія на лѣвой сторонѣ отъ Бога. На обоихъ памятникахъ она имѣетъ одинаковое символическое значеніе: на диптихѣ Константія, помѣщенная вмѣстѣ съ луною и съ солнцемъ (въ видѣ вѣнца съ семью лучами), она изображаетъ звѣзду, явившуюся при Рождествѣ Христа [1]); и на нашемъ диптихѣ та же самая звѣзда служитъ символическимъ предзнаменованіемъ будущаго рожденія Христа.

Остатокъ украшенія, въ видѣ ряда жемчужныхъ привѣсокъ, сохранившійся надъ описаннымъ изображеніемъ, не принадлежитъ къ самой сценѣ, а помѣщенъ какъ простая прикраса.

Теперь, послѣ описанія Благовѣщенія, необходимо обратить вниманія на значеніе и важность этого изображенія въ христіанской иконографіи. Благовѣщеніе начали изображать послѣ 431 года, или третьяго

[1]) Piper. Myth. u. Symb. I. 2 pag. 132—133.

вселенскаго собора въ Ефессахъ, когда положенъ былъ конецъ несторіянскій ереси. Эта же причина можетъ объяснить отсутствіе изображеній Благовѣщенія на стѣнописяхъ катакомбъ и на саркофагахъ. Напрасно покойный Ленорманъ [1]) хотѣлъ объяснить этою новозавѣтною сценою одну непонятную фреску изъ пещеръ св. Прискиллы. [2])

Какъ только рѣшеніе Ефесскаго собора сдѣлалось извѣстнымъ, тотчасъ начали воздвигать храмы во имя Пресвятыя Богородицы и начали преставлять Богородицу на изображеніяхъ, заимствованныхъ изъ земной жизни Христа. Въ это именно время, и въ первый разъ—Благовѣщеніе было написано мусіею (таб. II. р. 4) въ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ, при папѣ Сикстѣ III (432—440). Богородица въ бѣломъ хитонѣ, съ желтымъ гиматіономъ, въ ожерельѣ (monile) изъ драгоцѣнныхъ камней, сидитъ на престолѣ, обращенная вправо. Вокругъ главы ея нѣтъ вѣнца. Архангелъ Гавріилъ (въ вѣнцѣ) прилетаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же стоитъ передъ Богородицею, въ латиклавной одеждѣ, бѣлой съ голубыми полосами и въ знакъ разговора приподнялъ правую руку. Надъ головою Пр. Дѣвы спускается съ небесъ голубь (головою внизъ). За сѣдалищемъ Богородицы стоятъ другіе два ангела (оба въ вѣнцахъ); за ними виднѣется строеніе. Спущенная завѣса притворяетъ входъ. Завѣшанная дверь вѣроятно намекаетъ на слова пророка Іезекіиля (44, 2): „Сія врата заключенна будутъ и никто же пройдетъ ими: яко Господь Богъ Израилевъ“ [3])....

Чіампини сообщаетъ очень неудовлетворительный рисунокъ этой мусіи, и хотя къ сочиненію Валентини: La patriarcale basilica Liberiana, приложенъ рисунокъ немного лучше Чіампиніевскаго, но то же не довольно вѣрный. Не смотря на неточность этихъ рисунковъ, по нимъ можно судить о простотѣ композиціи всего изображенія.

Въ одно время съ постройкою S. Maria Maggiore, начали и въ Царь-градѣ, по приказанію Пульхеріи († 453), сестры Ѳеодосія Младаго, воздвигать въ Влахернахъ храмъ во имя Пр. Богородицы и украшать его мозаиками, которыя, къ несчастью, не сохранились до нашего времени. Послѣ этихъ первыхъ опытовъ, изображеніе Благовѣщенія постепенно осложняется, хотя мелочными подробностями, но весьма важными для изслѣдователя.

---

[1]) Tresor. de glypt. II. pag. 5.

[2]) Bosio. pag. 541.

[3]) Ciampini Vet. mon. I pag. 208 tab. 49 Рисунокъ снятъ съ Чіампиніевскаго.

Для развитія и пополненія изображеній Благовѣщенія, надо было имѣть подробныя преданія о самомъ происшествіи, а такія подробныя преданія находились только въ апокрифическихъ сочиненіяхъ, распространенныхъ съ самаго почти перваго вѣка между христіанами. Между всѣми подобными сочиненіями первое мѣсто занимало евангеліе приписываемое апостолу Якову. Объ немъ уже упоминаютъ святые Іустинъ и Климентъ Александрійскій.

Къ этому апокрифическому источнику обратились художники, когда, по пораженіи Несторіянской ереси, поклоненіе Пр. Богородицѣ вполнѣ развилось. Тогда усердіе христіанъ не хотѣло уже болѣе довольствоваться однимъ краткимъ описаніемъ Евенгелиста Луки: присоединяя подробности изъ протоевангелія Якова къ словамъ каноническихъ евангелій, они начали пополнять и развивать изображеніе Благовѣщенія. Главнѣйшимъ источникомъ для иконописи служило теперь протоевангеліе Якова, которое пользовалось между христіанами большою извѣстностію и большимъ уваженіемъ. Заимствованія изъ этого сочиненія оставили слѣды на самыхъ древнихъ христіанскихъ памятникахъ. Даже на нашемъ диптихѣ, мы видимъ подробности, какихъ нѣтъ въ евангеліи отъ Луки. Такъ напримѣръ, Богородица сидитъ и прядетъ шерсть — преданіе заимствованное изъ X и XI главы протоевангелія Якова, въ которомъ подробно разсказывается, какъ священники и первосвященникъ, желая сдѣлать новую, багряную завѣсу для храма, послали за всѣми дѣвами изъ колѣна Давида и по жеребію отдали эту работу Богородицѣ. Далѣе повѣствуется о самомъ Благовѣщеніи:

„Она взяла кувшинъ и пошла за водою, и вотъ слышитъ голосъ „говорящій: Радуйся, Маріамъ, благодатная, Господь съ тобою, „благословенна ты въ женахъ! Марія осмотрѣлась на всѣ стороны, „чтобы знать откуда сей гласъ; и, смутившись, вошла въ домъ и „поставила кувшинъ и, взявши багрецъ, сѣла, на сѣдалищѣ, рабо„тать. И вотъ явился ангелъ Господень, говоря: Не бойся, Ма„ріамъ, обрѣла бо еси благодать у Бога“ [1])...

Въ этомъ разсказѣ описанъ первый испугъ Богородицы у колодца, мотивъ, которымъ также воспользовалась древняя иконопись, а впослѣдствіи и наша русская. Но эти изображенія не подлежитъ нашему разсмотрѣнію, какъ образующія совершенно особый отдѣлъ въ иконографіи Благовѣщенія; намъ надо обратимся къ такому памят-

[1]) Thilo Codex apocryphus Novi Test. Leipzig 1832 — G. Brunet. Evangiles apocryp. pag. 211—122.

нику, который имѣетъ полное сходство съ описаннымъ нами изображеніемъ—это Болонскій диптихъ изъ Museo Cospiano. Ученый Гори[1]) совершенно основательно относитъ этотъ памятникъ къ VII или VIII

вѣку, и, судя по изображеніямъ, сдѣланнымъ на немъ и въ особенности по изображенію Рождества, можно вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. На Болонскомъ диптихѣ (таб. II. p. 5) Богородица уже болѣе не сидитъ, какъ на нашемъ диптихѣ, а стоитъ. Возлѣ нея та же рабочая корзинка съ шерстью, а въ рукахъ веретено. Грубость изваянія, если довѣрить точности рисунка, показываетъ неопытность и неумѣніе художника, хотя самыя драпировки еще отчасти напоминаютъ отдѣлку нашего диптиха. Ангелъ держитъ въ лѣвой рукѣ посохъ съ крестомъ вверху, но правою рукою онъ не благословляетъ, а указываетъ на небо. Посохъ съ крестомъ тоже немного различествуетъ отъ нашего; но главное различіе между обоими диптихами состоитъ въ самомъ положеніи Богородицы. Стоячее поло-

[1]) Thesaur. III. tab. XXXV. pag. 272.

женіе сближаетъ Болонскій диптихъ съ болѣе позднѣйшими изображеніями VIII и даже IX вѣка. Такъ напримѣръ, на мозаикѣ 796 года въ церкви св. Нерея и Ахиллія въ Римѣ, которая можетъ еще быть причислена къ памятникамъ византійскаго искусства, хотя на ней уже встрѣчаются особенности, исключительно принадлежащія латинской иконописи и доказывающія, какой окончательный переломъ произошелъ между византійскою и латинскою иконографіею послѣ Трульскаго собора въ 692 году.

На мозаикѣ въ церкви св. Нерея и Ахиллія, Богородица, въ свѣтло-багряной одеждѣ, стоитъ передъ сѣдалищемъ древней формы, въ видѣ римской sella curulis. Голова ея покрыта по восточному обыкновенію, и на серединѣ этого покрывала и груди изображены двѣ золотыя звѣзды. Правую руку она приподняла и открыла въ знакъ удивленія, а въ лѣвой держитъ два золотыя веретена. Вокругъ головы Богородицы вѣнецъ, ноги ея босыя. На лѣво, подходитъ архангелъ, протянувъ руку, благословляетъ ее двуперстно. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ длинный, золотой посохъ съ шаромъ вверху. Вся его одежда бѣлая съ желтыми латиклавными полосами. Вокругъ головы — голубой вѣнецъ; свѣтло-русые волосы спускаются на плеча. На ногахъ сандаліи.

Если сравнить, теперь, эту мозаику съ Благовѣщеніемъ, написаннымъ въ Греческой рукописи императора Василія Македонянина (таб. III), то будемъ имѣть примѣръ окончательнаго развитія, до котораго постепенно дошло это изображеніе; но наши слова не относятся къ тѣмъ картинамъ Благовѣщенія, которыя изображаютъ другія моменты того же происшествія и слѣдовательно не имѣютъ близкаго сходства съ объясняемымъ нами представленіемъ.

Мы остановимся въ нашемъ исчисленіи памятниковъ на рукописи императора Василія, потому что всѣ позднѣйшія изображенія Благовѣщенія слишкомъ уже удаляются отъ изваянія на нашемъ диптихѣ и не идутъ къ сравненію съ нимъ. Рукопись проповѣдей Григорія Назіанзина, писанная для императора Василія между 867 и 886 годами, хранится въ Парижѣ (№ 510). Въ этой рукописи (folio 3), какъ на Болонскомъ диптихѣ, Благовѣщеніе (ὁ χαιρετισμός) помѣщено возлѣ посѣщенія Богородицы (ὁ ἀσπασμός). Богородица, обращенная въ лѣво, стоитъ на золотой скамейкѣ, украшенной драгоцѣнными каменьями; за нею золотой престолъ съ красною подушкою. Вся одеж-

да пурпуровая, темно-лиловаго цвѣта. Гиматіонъ, перекинутый черезъ голову, такъ обхватываетъ весь станъ, что закрываетъ почти всю правую руку. Въ лѣвой рукѣ Богородица держитъ два веретена различной формы. Вокругъ головы—вѣнецъ съ золотымъ полемъ; на ногахъ красная обувь. Возлѣ нея, на право, на низкомъ мраморномъ столбѣ поставлена рабочая корзинка съ мотками (τολύπη, glomus). Съ этой же стороны подходитъ Архангелъ Гавріилъ, благословляя именосложно. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ длинный, деревянный посохъ съ шаромъ на верху. Вокругъ головы у него золотой вѣнецъ. Курчавые волосы поддерживаются бѣлою повязкою. По голубому латиклавному хитону набросанъ, по античному, гиматіонъ дикаго цвѣта. На ногахъ сандаліи. Позади Богородицы видно зданіе четыреугольное; въ дверяхъ полураскрытая завѣса, а надъ дверьми украшеніе въ видѣ шестиконечнаго креста. На такомъ распредѣленіи Благовѣщенія остановился древнѣйшій способъ изображать ее; остальные всѣ способы, какъ мы уже выше замѣтили, совершенно различествуютъ отъ изображенія нашего диптиха.

Перейдемъ теперь къ описанію нижняго изображенія.

Нижнее изображеніе представляетъ Христа съ Самаритянкою. (Іоаннъ IV, 5—7). „Іисусъ же, утружденъ отъ пути, сѣдяше тако „на источницѣ, бѣ же яко часъ шестый. Пріиде жена отъ Сама„ріи почерпати воду; глаголя ей Іисусъ: даждь ми пити?..... Гла„гола ему жена Самаряныня: како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити „прóсиши, жены самаряныни сущей; не прикосаютъ бо ся жидове „Самаряномъ“....

На серединѣ изображенія колодезь, сложенный изъ большихъ плитъ. Надъ нимъ полукруглая арка, на двухъ витыхъ колоннахъ, для удобнаго добыванія воды, но тутъ не видно ни ведра, ни колеса для опусканія ведра. На лѣво отъ колодца стоитъ Христосъ, съ курчавыми волосами, придержанными повязкою, съ густою круглою бородою, въ хитонѣ съ гиматіономъ. Въ лѣвой рукѣ длинный посохъ, въ правой Христосъ держитъ круглую чашу. На правой сторонѣ колодца стоитъ Самаритянка, въ одинаковомъ одѣяніи какъ Богородица; капюшонъ пенулы также накинутъ на голову. Она отъ удивленія подняла обѣ руки вверхъ.

Разговоръ Христа съ Самаритянкою довольно часто изображался древними Христіанами, какъ отрадное доказательсто призыва Спасителемъ не однихъ Іудеевъ, но также и язычниковъ [1]).

[1]) Aringhi. II. p. 276. Св Амвросій Медіоланскій говоритъ (Serm. in Quadrag. et serm. 2 in cap. 3 lib. Ecclesiast.): „Ego hanc mulierem ecclesiam esse puto de gentibus con-

На мраморномъ саркофагѣ (таб. II. р. 3), найденномъ, въ Ватиканскихъ пещерахъ въ 1592 году [1]) между многими новозавѣтными сценами, представленъ Христосъ съ Самаритянкою. На лѣво отъ колодца стоитъ женщина. Она вытягиваетъ ведро изъ колодца и съ удивленіемъ смотритъ на Христа, который указываетъ на ведро, выражая этимъ слова: „даждь ми пити?“ Спаситель представленъ въ символическомъ образѣ молодаго юноши безъ бороды. Самое одѣяніе Самаритянки характеристично выражаетъ женщину простаго состоянія, которыя носили хитонъ и гиматіонъ, такъ какъ носили ихъ мущины. Іеронимъ упоминаетъ объ этомъ обыкновеніи простыхъ женщинъ „Vili tunica induitur, viliori tegitur pallio“ [2]).

Колодезь походитъ на сосудъ, а надъ нимъ придѣланъ воротъ (girgillus) на двухъ столбахъ, для выкачиванія воды. Сосудъ не имѣетъ обыкновенной формы деревянныхъ ведеръ на томъ, вѣроятно, основаніи, что св. Климентъ Александрійскій [3]) указываетъ на этотъ сосудъ, какъ на глиняный, желая выказать этимъ смиреніе Христа. На другомъ саркофагѣ [4]) изъ пещеръ св. Агніи (таб. II. р. 1), эта сцена изображена совершенно одинаковымъ образомъ, за исключеніемъ положенія Самаритянки, которая отъ удивленія выпустила одною рукою веревку. И тутъ отверстіе колодца сдѣлано въ видѣ сосуда. Подобную форму колодца мы встрѣчаемъ и въ вѣнской рукописи книги Бытія. [5]) На саркофагѣ у ногъ Спасителя лежатъ связанные свитки, означающіе божественную его проповѣдь.

Третій примѣръ изображенія того же самаго сюжета находится на стѣнописи (таб. II. р. 2) въ пещерѣ св. Каллиста. [6]) Самаритянка стоитъ одна у колодца. На ней надѣта туника, подвязанная подъ самую грудью и приподнятая до колѣнъ. Носитъ только одну

---

gregatam“. .. У Беды (in Io. cap. 4) мы находимъ, что городъ Самарія считался символомъ язычества; а у Исидора Испалинскаго (Allegor. in sacr. script.) Самаритянка принимается за символъ синагоги: „Mulier Samaritana mystice intelligitur Synagoga, quinque „libris legis, quasi quinque viris, secundum sensum carnis subjecta“....

[1]) Aringhi. I. p. 185; Bosio p. 65; Bottari I. p. 90. tab. XXIII.

[2]) Epist. VIII ad Demetriades.

[3]) Pædag. lib. III. cap. 3. „Et a Samaritana potum petiit, quae aquam vase fictili hauriebat e puteo, aurum regale non requirens, sitim autem decens facile restinguere“.

[4]) Bottari III. p. 42 tab. CXXXVII.

[5]) Lambecius. Comm. bibl. Vindob. tab. XI et XII.

[6]) Bottari II, tav. LXVI. pag. 35

тунику вообще означало людей, исполняющихъ тяжелую работу, и въ этомъ смыслѣ древніе обозначали такихъ работниковъ прозваніемъ tunicatus [1]). Самаритянка обѣими руками держитъ веревку, на которой виситъ сосудъ въ видѣ амфора. Возлѣ нея колодезь.

Наконецъ на Равенской мозаикѣ (таб. II р. 6) въ церкви S. Apollinare novo, сдѣланной въ 570 году [2]) представлена та же самая сцена и почти въ томъ же видѣ, какъ на саркофагѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что Христосъ сидитъ на камнѣ возлѣ колодца.

Въ евангеліи сказано, что Христосъ: „сидяше тако на источницѣ“ (ἀπὸ τοῦ στομιδίου τοῦ φρέατος [3]), такъ что равеннская мозаика не много точнѣе передаетъ слова Евангелія, чѣмъ саркофаги, на которыхъ Христосъ представленъ стоящимъ возлѣ колодца. Боттари полагаетъ, что ваятели принуждены были сдѣлать это отступленіе, за неимѣніемъ достаточнаго пространства. Колодезь сложенъ изъ большихъ плитъ, какъ на нашемъ диптихѣ. Христосъ, хотя мы судимъ по дурному рисунку Чіампини, представленъ въ символическомъ образѣ юноши съ вѣнцомъ вокругъ главы; за нимъ стоитъ мужская фигура, вѣроятно одинъ изъ учениковъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, можно заключить, что изображеніе Христа съ Самаритянкою были довольно обыкновенны въ древне-христіанской иконографіи; сверхъ того, должно также замѣтить, что изваяніе нашего диптиха по распредѣленію своему, совершенно соотвѣтствуетъ этимъ изображеніямъ. Единственое между ними различіе существуетъ въ одеждѣ Самаритянки и въ типѣ Христа.

На саркофагахъ и на мозаикѣ Равеннской, Христосъ представленъ еще въ томъ юношескомъ, условленномъ образѣ, который символически означалъ Спасителя и въ христіанскомъ искусствѣ пред-

---

[1]) Horatius. Epis. I, 7, 65 ..... Vulteium mane Philippus
Villa vendentem tunicato scruta popello
Occupat, et salvere jubet prior. —

[2]) Ciampini. Vet. mon. II. pag 97 tab. XXVII. n. 8.

[3]) Ducange ad Paulum Silent. § *76*. Отъ этихъ словъ перешло названіе ἁγίον φρέαρ на колодезь бывшій у церкви св. Софіи.

1

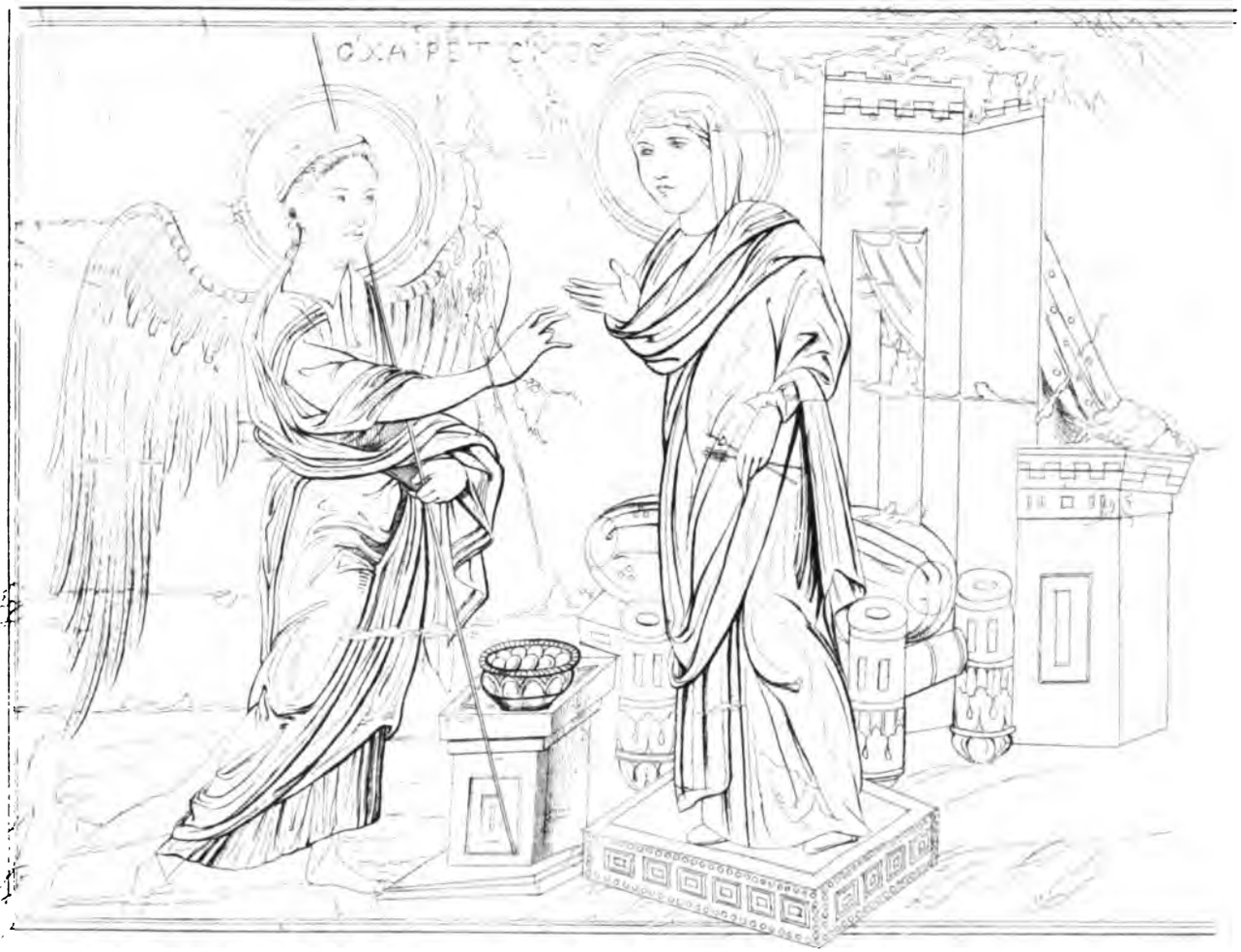
2

3

4

5

6



ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ ПРОПОВѢДЕЙ СВ: ГРИГОРІЯ IX. ВѢКА.

шествовалъ образованію историческаго типа. Къ V столѣтію принадлежитъ первыя попытки художниковъ изображать Христа, не въ символическомъ и условленомъ образѣ, а съ исторической достовѣрностію и въ томъ видѣ, въ какомъ преданія намъ передали черты Его лица. Эти первыя попытки далеко еще не похожы на тотъ византійскій типъ, который въ послѣдствіи встрѣчается на мозаикахъ. Превосходные образцы этихъ мозаикъ сохранились въ римскихъ церквахъ, и между ними, для насъ всѣхъ важнѣе мозаика 440 года въ церкви св. Павла fuori le mura [1]). Въ этой церкви, на самой серединѣ тріумфальной арки, сдѣланной по приказанію императрицы Плакидіи, представлено поясное изображеніе Христа, окруженнаго сіяніемъ. Вокругъ головы Его вѣнецъ, изъ котораго выходятъ девять лучей. Курчавые или волнистые волосы и круглая борода на нашемъ диптихѣ, какъ и на мозаикѣ св. Павла, напоминаютъ замѣчаніе Ѳеофана о волосахъ Спасителя: „Historicorum „vero nonnulli crispos et raros crines ad effingendam Salvatoris faciem „magis decentes autumant“ [2]).

Длинный посохъ въ рукахъ Спасителя объясняется также мозаикою св. Павла, на которой Онъ держитъ на лѣвомъ плечѣ такой же длинный посохъ съ крестомъ вверху: послѣднее воспоминаніе самаго древняго, самаго первоначальнаго изображенія Христа, какъ Пастыря Добраго.

Окончивъ описаніе нашего диптиха, намъ остается опредѣлить, къ какому именно времени слѣдуетъ отнести этотъ памятникъ.

По всѣмъ археологическимъ признакамъ—онъ принадлежитъ къ V вѣку.

Ни Христосъ, ни Богородица, ни ангелъ не имѣютъ еще вѣнцевъ вокругъ главы, между тѣмъ какъ вѣнецъ, въ концѣ V вѣка, дѣлается уже неотъемлемымъ атрибутомъ всѣхъ священныхъ изображеній.

Одѣяніе Богородицы и самаритянки очень различествуетъ отъ изваяній на саркофагахъ IV вѣка.

---

[1]) Лучшій рисунокъ съ этой мозаики находится въ атласѣ Gutensohn и Knapp: Basiliken des christl. Roms, хотя эта мозаика уничтожена пожаромъ 1823 года, но теперь возстановлена по прежнему рисунку. Ciampini. Vet. mon. I p. 288; Platner. Beschr. Rom's. III, 1, p. 451. — Barbet de Jouy Mosaiques chr. de Rome p. 18—21.

[2]) Theophanes (ed. Bonn. p. 174) ad ann. 455.

Ангелъ представленъ, какъ на диптихѣ Британскаго музеума, признанномъ за памятникъ V вѣка.

Типъ Христа, явно показывающій начинаніе историческаго типа, не походитъ еще на изображеніе въ церкви Косьмы и Даміана 530 года и, слѣдовательно, долженъ ему предшествовать.

Кромѣ того, на нашемъ диптихѣ такъ ясно сохранились слѣды древняго, такъ сказать катакомбнаго искусства, что съ большою достовѣрностію можно предположить, что онъ принадлежитъ болѣе къ началу, чѣмъ къ концу V столѣтія.

ДЛЯ АРХЕОЛОГІИ РУССКАГО БЫТА.

ПРИМѢРЪ ВЛІЯНІЯ ЯЗЫКА НА ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ И ОБРЯДОВЪ.

А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

Современныя историко-филологическія изслѣдованія неоспоримо доказали то важное вліяніе, какое постоянно оказывало слово человѣческое, въ древнѣйшую эпоху существованія народовъ, на образованіе ихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ. Изъ многочисленной массы примѣровъ, предлагаемыхъ наукою, позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на одномъ, именно на понятіи *вязать*, которое играетъ весьма значительную роль въ заговорахъ, чародѣйствѣ, симпатическомъ лѣченьи, юридическихъ и бытовыхъ обычаяхъ.

Первоначальный способъ всякаго пріобрѣтенія и обладанія предметомъ, владычества надъ нимъ, состоялъ въ вещественномъ схватываніи его *рукою*, откуда возникъ обще-распространенный обычай при куплѣ-продажѣ, заступившей мѣсто простаго, насильнаго захвата, и потомъ при всякомъ договорѣ (гдѣ одинъ какъ-бы продается другому, уступаетъ ему свою работу, услугу или право) *протягивать руку* въ знакъ утвержденія этого юридическаго акта. У насъ существуетъ выраженіе: *ударить по рукамъ* и дѣйствительный обрядъ *рукобитья* при заключеніи купли-продажи и вообще всякаго договорнаго условія, наприм. при заключеніи свадебнаго соглашенія вмѣсто выраженія: „мы дочь просватали“—говорятъ: „мы по рукамъ ударили“, „мы дочку пробили.“ Наложеніе руки впрочемъ невсегда

могло быть достаточнымъ для фактическаго овладѣнія, особенно если оно касалось дикаго животнаго или нелегко-подчиняющагося чужой власти человѣка — раба; надо было поймать это животное или раба, связать по рукамъ и по ногамъ, и тогда только можно было разсчитывать на упроченное и спокойное владѣніе. Издревле веревка—*ужище* (санскр. *юдж*, лат. jungere, conjungere, слав. ѫзати, ѫзъ, ѫзъ, ѫза — vinculum, *узель*, *узы*, *на-уза*, *узда*, *с-ужь* (1) и *путы* (*опутывать*) были видимымъ знакомъ того фактическаго обладанія, которому человѣкъ подчинялъ пойманное имъ дикое животное: кто накидывалъ на коня узду, тотъ и дѣлался его господиномъ; въ чьихъ рукахъ была привязь, которою опутанъ быкъ или корова, тотъ и былъ ихъ хозяиномъ. Впослѣдствіи узда и оброть стали символически выражать самое право на обладаніе извѣстнымъ животнымъ. „Кто коня купить, говоритъ малороссійская пословица, бере и уздечку“(2). Юридическій обычай, до сихъ поръ существующій на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ (3), требуетъ, чтобы продавецъ вмѣстѣ съ животнымъ отдавалъ покупщику и ту оброть, веревку или узду, на которой оно приведено на базаръ, и эта передача веревки или узды почитается необходимымъ обрядомъ при всякомъ совершающемся актѣ продажи и купли домашней скотины; потому что въ этомъ дѣйствіи наглядно, матеріальнымъ образомъ выражается переходъ власти надъ нею изъ однѣхъ рукъ въ другія. Наоборотъ, чтобы купля была недѣйствительна, надо, чтобы при совершеніи ея этотъ символическій аттрибутъ права собственности (узда, оброть) остался въ рукахъ продавца, безъ передачи. Въ любопытной сказкѣ, извѣстной почти у всѣхъ славянскихъ племенъ и нѣмцевъ(4), добрый молодецъ, наученный великой мудрости превращаться въ разные виды, оборачивается конемъ, наказываетъ своему отцу вести себя на продажу, и при этомъ говоритъ: „коня продавай, а уздечки ни за какія деньги не уступай!“ Точно также, превращаясь въ собаку и въ сокола, велитъ продавать первую безъ *ошейника*, а послѣдняго безъ *путцевъ*, и только въ такомъ случаѣ, по свидѣтельству сказки, проданный отцемъ сынъ можетъ воротиться къ нему безъ особенныхъ затрудненій. Когда старикъ позарился на деньги и продалъ сына, оборотившагося ретивымъ конемъ, вмѣстѣ съ уздечкою, то послѣдній

---

(1) Матер. для сравнительн. словаря, т. I, стр. 95.

(2) Старосвѣт. бандуриста, стр. 218.

(3) Volkslieder der Wenden — Гаупта и Смолера, т. II, стр. 261.

(4) Н. Р. С., в. V, № 22; в. VI, № 45; серб. сказки, № 6; Slov. pohadky, стр. 307—315; сбор Кульды, ч. 1, № 65 и 82; валахс. сказки, Шотта, № 18; Kinder- und Hausmärch, т. I, № 68; т III, стр. 317—9; сборн. новогреч. сказокъ Гана, т. II, № 66.

до тѣхъ поръ не могъ вырваться на волю, пока не сняли съ него узду. Подобно тому, какъ дикое животное, опутанное веревкою, становилось собственностью человѣка, такъ и побѣжденный, связанный непріятель дѣлался рабомъ. Кто покорился въ неравной борьбѣ своему врагу, отдался ему въ полонъ, былъ схваченъ его руками (manucaptus), опутанъ его веревками или цѣпями, тотъ въ глазахъ побѣдителя былъ его собственностію. Нашъ древній языкъ даетъ плѣнникамъ названія: *вязень* и *узникъ*. Понятія плѣна и покорности побѣжденнаго въ древности сливаются въ одно съ идеею рабства; въ нѣмецкомъ языкѣ *bänndigen, überwinden* (собственно—*обвить*) указываютъ на насильное связываніе побѣжденнаго въ битвѣ; *ring* — кольцо, звѣно цѣпи, эмблема подчиненія жены мужу и раба хозяину, и *ringen*—бороться; латин. *vinco*—побѣждаю, *victor* — побѣдитель сродны съ *vincio*, *vinctum* и *vinculum* — связываніе, узы и цѣпи. Самый бракъ въ глубочайшей древности, въ эпоху господства грубой физической силы, былъ своевольнымъ захватомъ невѣсты. Несторъ о нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ говоритъ, что у нихъ брака не было, а „*умыкаху* жены собѣ“. Слово *умычка* (похищеніе) совершенно совпадаетъ съ значеніемъ узъ, связыванія. Корень *мык* (*мык*), *мкну*—связываю, *замыкать* — обвязывать, оцѣплять, окружать, откуда *замокъ*—уза и *замокъ* — запертое, огражденное мѣсто, *крѣпость*. Въ примѣненіи къ гражданскимъ договорамъ слово „крѣпость“ получило значеніе юридическаго акта, дающаго на что-нибудь право собственности; выраженіе: „*заключить* договоръ“ указываетъ на *ключъ*, которымъ запирается установленная между договорившимися сторонами связь. *Умыкать* слѣдовательно: связывать, присвоивать себѣ и увозить — *умчать* на конѣ; напротивъ *раз-мыкать*— разнести, разорвать, уничтожить связи; *размычка*—древнѣйшій способъ наказанія: разорваніе преступника лошадьми; *размыкать горе* т. е. разорвать съ нимъ союзъ, ибо старинный человѣкъ представлялъ себѣ горе живымъ существомъ и выражался о немъ эпически: „ко мнѣ горе *привязалося*“.

Такъ свидѣтельства языка переносятъ насъ въ глубь понятій и нравовъ того до-историческаго, почти-животненнаго состоянія человѣка, о которомъ не помнятъ самые древніе письменные памятники. Когда съ развитіемъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній грубая сила мало по малу была приведена въ условныя границы, въ замѣнъ насильнаго завладѣнія появились другіе мирные способы пріобрѣтенія и вступленіе въ договоры; но въ языкѣ, въ юридическихъ формулахъ и обрядахъ, которыми были обставлены эти новые способы и договоры, необходимо сохранились древнѣйшія

воззрѣнія. Согласно съ общимъ ходомъ историческаго развитія языка, слова, создавшіяся нѣкогда для выраженія понятій чисто-матеріальныхъ, мало по малу одухотворяются въ своемъ значеніи, т. е. имъ придается другой, болѣе духовный смыслъ, но самое слово надолго остается все тоже, звучитъ все также, и хотя первоначальное, коренное его значеніе забывается, но путемъ ученаго анализа оно можетъ быть раскрыто и объяснено. Въ договорахъ всегда есть одна сторона, принимающая на себя *обязательство* (*об-вязательство* отъ *вязать*, *obligatio*, *verbindlichkeit*), т. е. сторона какъ-бы связанная, подчиненная, рабская, и древле, по установленіямъ Русской Правды, должникъ и наемный работникъ (наймитъ) поступали къ своему кредитору и наёмщику во временное рабство и назывались *закупами*. Это названіе уже показываетъ, что свободный человѣкъ *запродалъ* себя другому во временное холопство — въ кабалу, взявши впередъ съ хозяина, въ видѣ займа, извѣстную сумму денегъ или опредѣленную мѣру хлѣбныхъ припасовъ, и заработывая свой долгъ вмѣстѣ съ процентами (ростомъ) въ теченіе назначеннаго срока. Временное холопство могло даже переходить въ вѣчное, если закупъ убѣжитъ самовольно, или будетъ уличенъ въ покражѣ; въ послѣднемъ случаѣ господинъ отвѣчалъ за него передъ другими свободными лицами, и для ихъ вознагражденія могъ продать закупа(1). Самыя высоко-нравственныя, по преимуществу духовныя—семейныя и общественныя отношенія (между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, церковными властями и паствою, царемъ и народомъ) доселѣ выражаемъ мы словами, въ которыхъ позднѣе-развившіяся понятія любви, долга и добровольнаго подчиненія не могутъ затемнить древнѣйшихъ матеріальныхъ представленій о торжествующей силѣ и налагаемыхъ путахъ: все это *узы* родства и дружбы, *связи*, *привязанности*, *союзы*; нѣмец. *verwand* вмѣсто *verbant* — связанный, въ нашихъ древнихъ памятникахъ *ужикъ* — родичъ и чешское *přiuznik* — пріятель; выраженіе *долгъ* любви, дружбы, гражданской чести и проч. указываетъ на зависимость, подобную той, въ какой стоялъ въ старину *должникъ* (закупъ).

Древнѣйшіе символы брака, принятые и въ христіанской обрядъ,—*вѣнецъ* и *кольцо*. Областное *вѣнъ* или *вьюнъ*—вѣнокъ, вѣнецъ отъ глагола *вить*, *вью* — свивать, сплетать, скручивать; *вѣникъ*, *вица* и *вичка*—прутъ, розга, вѣтвь, изъ которыхъ плетутся вѣнки и связываются вѣники; въ сербскомъ спискѣ библіи слова *сноповіи* и

(1) Исторія гражданск. законовъ, Неволина, т. III, стр. 191—3.

вѣнк употреблены какъ синонимическія (1); въ словарѣ Памвы Берынды *увязло* и *увязенье* — вѣнецъ, *увясти вѣнцы* — короновать; сравни нѣмец. *binden* и *winden* (древнегерм. *vidan*). Вѣнокъ поэтому сдѣлался метафорою супружескаго союза: „кому мой вѣнъ достанешься“? спрашиваетъ дѣвица въ народной пѣснѣ, т. е. за кого-то я выйду замужъ? (2) По вѣнку, брошенному въ воду, дѣвицы гадаютъ о суженомъ, и молодая, недавно вышедшая замужъ, называется у поселянъ *вьюницею* (3), слово въ слово *окрученною*, *повязанною*. Слово *вѣнецъ*, кромѣ общепринятаго значенія, имѣетъ въ областныхъ нарѣчіяхъ еще слѣдующія: женской головной уборъ (*повязка*), день свадьбы и обрядъ вѣнчанія. Такъ какъ въ древности невсегда невѣстъ похищали, но часто покупали ихъ за деньги, то *вѣно* получило значеніе платы за жену; старин. *вѣнити*—покупать и продавать. Въ простомъ народѣ доселѣ употребительно слово *опутать*—въ смыслѣ сватать, и сватъ или сваха, отправляясь на переговоры съ родителями невѣсты, дѣйствительно является въ ихъ домъ съ пу̀томъ — веревкою (4). Идучи на сватовство, въ подольской губерніи связываютъ ножки стола, чтобы скорѣе дѣло *связалось*; въ другихъ же мѣстахъ сваха беретъ заранѣе-приготовленный путъ (веревка для спутанія лошадямъ ногъ), опоясывается имъ и произноситъ заклятіе: „какъ конь-скороходъ въ этой веревкѣ заплетается, такъ заплетись сердце такой-то!“ (имя невѣсты) (5). Любопытно, что подобнымъ-же образомъ на пѐрвый день Рождества опутываютъ ножки стола, ударяя по немъ плетью, чтобы лошади не сбѣгали со двора. (6) Подблюдная святочная пѣсня, предвѣщающая супружество, выражаетъ свое предсказаніе въ этой эпической формѣ:

Ты, мати, мати-порода моя!
Ты взглянь, мати, въ окошечко,
Ты вынинь, мати, *опутинку*,
Чтобы было чѣмъ *опутать* ясна сокола,
Что̀ ясна сокола—моего жениха. (7)

Въ старину, во время сватовства, клали на полу передъ невѣстою *поясъ въ видѣ круга*, или подставляли ей *юбку*, и она (въ случаѣ согласія на бракъ) прыгала въ средину пояса или въ юбку (8)

(1) От. Зап. 1851, № 8, стр. 49.
(2) Библ. для Чтен. 1848, № 10, стр. 96.
(3) Опытъ обл. великор. словаря, стр. 26 и 33.
(4) Ibidem, стр. 143.
(5) Свѣточь 1861 г., № 2, стр. 9; Соврем. 1857; № 1, смѣсь, стр. 54.
(6) Слав. нар. разск., стр. 157; Могил. губ. вѣд. 1852, № 4.
(7) У Сахарова въ Сказан. рус. нар., т. 1, стр. 14, эта пѣсня искажена.
(8) Послов. рус. нар., Даля, стр. 348; Калужск. губ. вѣдом. 1852, № 42; Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 114.

въ тамбовской губерн. соблюдается это понынѣ: братъ невѣстинъ держитъ въ рукахъ *панёву*, нарядъ, носимый только замужними женщинами, и упрашиваетъ: „вскацы, сестрицунька, вскацы, бѣлая лебедушка!“ А невѣста бѣгаетъ по лавкамъ, говоря: „хацу — вскацу, а хацу—не вскацу!“ И не вскакиваетъ, если женихъ ей не по сердцу; а если женихъ нравится, то, поломавшись, прыгаетъ въ панёву, которую тотчасъ стягиваютъ на ней и завязываютъ; вслѣдъ за тѣмъ бываетъ „запой“, или согласіе, даваемое жениху, утверждается заздравными чарками. Отсюда народная загадка, означающая *поясъ*: „въ день *колесомъ*, въ ночъ *якъ ужъ*; хто угадае, буде мій мужъ“ (у поляковъ: „w dzień kołem, w nocy jak wąż; kto zgadzie, będzie moy mąż“) (1). Наканунѣ 30-го ноября (день, посвящаемый гаданью) дѣвушка, проснувшись поутру, *подвязывается поясомъ*, цѣлый день постится и молится; а вечеромъ ложась спать, кладетъ *поясъ* подъ подушку, и вѣритъ, что во снѣ долженъ ей привидѣться суженой (2). Въ Сербіи когда молодая отъ вѣнца войдетъ въ избу, на нее бросается изъ-за угла свекровь и повязываетъ поясомъ. (3) Вступая въ бракъ, невѣста мѣняетъ свой дѣвичій нарядъ на женскій, облекается въ паневу и на голову надѣваетъ кичку; косы ея заплетаются по бабьи. Это переодѣванье называется *окручиваньемъ*, отъ слова *крутить* — вить, вязать; вологодс. *сукрутина*—круто-свитая нитка; *окрутить*— выдать замужъ, сыграть свадьбу (4). Расчесывая волосы невѣсты и заплетая на двѣ косы, что во многихъ деревняхъ совершается въ притворѣ самаго храма, стараются *завязать ихъ какъ можно крѣпче—узлами*, чтобы союзъ былъ крѣпкой, неразрывной (5). Коса въ свадебныхъ пѣсняхъ — символъ самой невѣсты; женихъ покупаетъ ее по требованію стариннаго обряда. Во время святочныхъ гаданій дѣвица кладетъ подъ подушку гребенку, приговаривая: „суженый-ряженый! причеши мнѣ голову“ — и суженый является во снѣ и чешетъ, т. е. *окручиваетъ* ей голову (6).

Какъ вѣнокъ или вѣнецъ служитъ символическимъ знакомъ той связи, которая устанавливается между женихомъ и невѣстою; такъ и кольца, обмѣниваемыя при вѣнчаніи, суть звѣнья съединяющей ихъ цѣпи. Кольцо въ народныхъ гаданьяхъ — эмблема брака (7)

(1) Малор. и галиц. загадки, стр. 20, 41.
(2) Херсон. губ. вѣд. 1846, № 4.
(3) Письмо Буслаева во II т. Исторіи Соловьева, стр. 41.
(4) Опытъ обл. слов., стр. 140.
(5) Опис.олонецк. губ., Дашкова, стр. 207.
(6) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 69.
(7) Ibidem, т. I, стр. 14—15.

и любви: „любовь — кольцо, а у кольца нѣтъ конца“, говоритъ пословица, указывая на христіанское представленіе о неразрывности брачнаго союза. Потеря обручальнаго кольца до вѣнчанія принимается за предвѣстіе, что свадьба не состоится, разойдется; а послѣ вѣнца—что кто-нибудь изъ сочетавшихся вскорѣ умретъ; въ обоихъ случаяхъ слѣдовательно потеря кольца знаменуетъ расторженіе супружеской цѣпи. Та-же примѣта относится и къ вѣнцу, если онъ спадетъ во время вѣнчальнаго обряда съ головы жениха или невѣсты; у кого спадетъ вѣнецъ, тому скоро вдовствовать (1). Обмѣнъ колецъ называется *обрученіемъ*—отъ слова *рука*; ибо уже простое соединеніе рукъ помолвленныхъ служило знакомъ ихъ сочетанія (dextrarum junctio), и теперь о сватающемъ женихѣ выражаются, что онъ *просить руки*; *заручить*— просватать, *обручь*— запястье на рукѣ, металическое кольцо (объ-руцѣ) и связующій *кругъ* на бочкахъ и кадкахъ, польск. *obrączka* — перстень; сравни *коло*, *кольцо* и *колесо*. Надѣваемыя на пальцы жениха и невѣсты кольца вполнѣ соотвѣтствуютъ повязкѣ рукъ молодой четы полотенцами — *ручниками*. Въ Малороссіи еще теперь, во время чтенія апостола, при обрядѣ вѣнчанія, священникъ, слѣдуя старинному обычаю, связываетъ руки жениха и невѣсты полотенцемъ. „Судьба придетъ— и *руки свяжетъ*“ (т.е. оженитъ), выражается пословица о брачномъ союзѣ, въ которомъ народъ видитъ „судъ Божій“: „смерть да жена Богомъ суждена“ (2). У нашихъ предковъ, по свидѣтельству Барберини (XVI в.), былъ такой обычай: въ случаѣ развода мужъ и жена шли къ проточной водѣ, становились на противоположныхъ сторонахъ, и держась за концы одного полотенца, тянули и *разрывали его пополамъ*. По указанію другаго иноземца (Гванини) мужъ и жена выходили за деревню, становились на перекрестной дорогѣ и держали полотенце за концы, а свидѣтели разрѣзывали его пополамъ. (3) У черногорцевъ въ этомъ случаѣ жена подносила мужу *поясъ*, и если онъ *перерѣзывалъ* его, то бракъ расторгался (4). Черемисы до сихъ поръ совершаютъ обрядъ развода такимъ образомъ: связываютъ несогласныхъ супруговъ сзади опояскою, которую потомъ разрѣзываютъ, а разведенные бѣгутъ въ разныя стороны. (5) На Руси, вслѣдъ за сговоромъ, родители невѣсты въ увѣреніе того, что не отопрутся отъ даннаго слова, посылаютъ жениху ручникъ или платокъ; роднѣ его посылаются

(1) Иллюстрац., годъ 2-й, стат. Даля, стр. 262.
(2) Послов. Даля, стр. 380.
(3) Терещ. Бытъ рус. нар., т. II, стр. 15.
(4) Ж. М. Н. Пр. 1846, октябрь, стр 94.
(5) Этнограф. сборн., в. VI, смѣсь, стр. 26.

такіе-же подарки, и это называется *платки давать* или *побрать хустки*. Малороссійское: „вже-й хустки побрали“ значитъ: уже сговорили, просватали; „дали платъ“ — значитъ: дѣло рѣшено, свадьба слажена. Если бы послѣ того случилось какой-нибудь сторонѣ отказаться, то она обязана заплатить за всѣ сдѣланныя издержки(1). Сюда же должно отнести русскій обычай повязывать свадебныхъ поѣзжанъ черезъ плечо полотенцами, красными платками и кушаками. Если невѣста уронитъ подъ вѣнцомъ платокъ, то, по народной примѣтѣ, ей придется вдовствовать (2). Самыя названія *супруга*, *супруга* указываютъ на тоже представленіе — отъ *прясть (пряду, пряжа* — плести, крутить нитку изъ кудели), неупотребит. форма *прячь* (за-прячь, запрягать) — накладывать на животное ярмо, узду; *упряжь, пряжка* — чѣмъ застегивается или связывается кушакъ и одежда, — подобно тому какъ *умыкать* одного корня съ словами: *мычки, мыканье* льну и вообще пряжи; сравни нѣмецк. *spannen* и *spinnen*. Въ Малороссіи слово *супруга* доселѣ употребительно въ значеніи упряжной пары: „воливъ супруга добра“; съ тѣмъ-же значеніемъ встрѣчается оно и въ старо-славянскомъ: „супругъ воловъ купихъ пять“(3). Отъ вышеуказаннаго санскрит. корня *юдж*, соотвѣтствующаго нашимъ *узамъ*, образовались нѣмецк. *joch*, латинск. *jugum, jumentum* и наше *иго*; такимъ образомъ въ словѣ „супружество“ лежитъ представленіе того нравственнаго ига, ярма, которое налагаютъ на себя вступающіе въ бракъ. Въ обрядахъ съ путомъ и въ значеніи, придаваемомъ слову „опутать“, мы уже видѣли сближеніе сосватанной дѣвушки съ пойманнымъ и обротаннымъ конемъ; согласно съ этимъ въ воронежской губерн.: а) *свозжаться* значитъ: свести парню дружбу съ дѣвною, тоже, что̀ *имѣть связь*, *связаться* съ кѣмъ, и b) *запрягать* — жениться, вѣнчаться. Отсюда объясняется народная примѣта: когда лошадь распряжется въ дорогѣ — знакъ, что жена невѣрна, сбросила съ себя супружескія узы (4), и извѣстный въ Малороссіи обычай надѣвать на мать и отца новобрачной или на сваху *хомутъ*, если невѣста окажется недѣвственною: этимъ символическимъ знакомъ выражается, что она уже до брака была въ любовной связи-сопряженіи съ другими.

Вѣнцы, цѣпи и кольца мало по малу сдѣлались символами всѣхъ юридическихъ и нравственныхъ связей и стали равно аттрибутами какъ той стороны, которая получаетъ власть, право и обя-

(1) Потебня: О нѣкот символахъ въ слав. нар. поэзіи, стр. 126; Архивъ историческ. и практ. свѣденій 1860—1 г., № 2, стр 79, статья о Колязинѣ.

(2) Бориченскаго: Слав. нар. разсказы, стр. 151.

(3) Старосв. бандуриста, стр. 538.

(4) О нѣкот. символахъ въ народн. поэзіи, стр. 123.

зываетъ другихъ, такъ и той, которая подчиняется и несетъ обязанности. Приготовляемые изъ благородныхъ металловъ, они явились знаками могущества, власти, свободы, и наоборотъ означаютъ покорность и рабство, если скованы изъ желѣза или замѣнены простой веревкой. Золотое кольцо было эмблемою свободнаго человѣка у древнихъ германцевъ; золотыя цѣпи и ожерелья, носимыя на шеѣ, указывали на благородство, достоинство, отличіе, власть (цѣпи рыцарскихъ орденовъ, феодальная инвеститура, царская корона — знаменіе союза государя съ народомъ); а желѣзное кольцо на пальцѣ и желѣзный ошейникъ или веревка на шеѣ — несомнѣнные знаки неволи и рабства. Въ нашемъ языкѣ любопытный примѣръ перехода понятія о связующей веревкѣ къ идеѣ административнаго и государственнаго союза представляетъ старинное слово *вервь* (врьвь), извѣстное во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ веревки, тесьмы; слово это послужило для опредѣленія семейнаго круга, общины и народнаго сборища: *врѣвник* — у сербовъ родственникъ, у хорутанъ сватъ, *врѣвница*—сваха, подобно тому, какъ у насъ въ старину родичи назывались *ужиками* и *сузниками* (отъ *ужище* и *узда)*; въ Русской Правдѣ *вервь*—община, извѣстное пространство земли; сербск. *врѣва* — turbo, multitudo, consorsus, frequentia; скандин. *warph*—вѣче, фриз. *warf* — мѣсто суда (1); мы до сихъ поръ говоримъ *бразды правленія*, а слово *бразды* означаетъ собственно конскія удила (2).

Метафорическія выраженія *связывать*, *дѣлать узлы*, *замыкать*, *опутывать* могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотря по примѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ то-же, что́ *запереть*, *забить* вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: „*завяжу* я рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, *загородите* стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, *замкните* всѣ пищали, *опутайте* всѣ луки, *повяжите* всѣ ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча *змѣиная* сокрыта—отъ змѣя двунадесятьглаваго, того змѣя страшнаго, что́ пролетѣлъ со окіанъ-моря“ (3). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и

(1) Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 135—6.
(2) Пѣсни Рыбникова, ч. III, стр. 198.
(3) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 27.

ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (*ужище* — веревка=*ужя* и *ужъ*; въ вышеприведенной загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается та-же могучая сила, какая приписывается миѳическому многоглавому змѣю, представителю громовыхъ тучъ и молній. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ „завязывать" чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы выраженія *связывать* и *опутывать* получили значеніе спасительнаго средства, *связывающаго* злыхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ—волѣ заклинателя. Апокрифическое слово о *крестѣ честнѣ* (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо — этой формулой: „*завѣ(я)зую* васъ азъ *печатію* господнею" (1). Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнуркѣ (2). Тою-же формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ колдуновъ и вѣдьмъ: „*завяжи*, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упирцу (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити". (3) *Завязать* получило въ устахъ народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: „мини якъ завязано" (малорос.)— мнѣ ничто не удается. Заговорныя слова, означавшія побѣду заклинателя надъ нечистою силою мрака, смерти и болѣзней, опутываніе ихъ, словно плѣнниковъ, цѣпями и узами, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное завязываніе узловъ. Отсюда въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль *каузы*, *узлы*, *навязки* — амулеты. Кириллъ Туровскій, исчисляя мытарства, по которымъ шествуетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: „13-е мытарство—волхованіе, потворы, *каузы*"(4). Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ разсказываетъ о Всеславѣ: „матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, *навяжи на-нь*, да

---

(1) Историч. очерки русск. нар. словесности и искусства, т. I. стр. 490.

(2) Печать получаетъ значеніе налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста — все равно, что „завязать кому ротъ", т е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови („запечатать рану"), вслѣдствіе сродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивѣ историко-юрид свѣд., т. II, полов. 2, стр. 40.

(3) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Росс., т. II, полов. 2, стр. 53—54.

(4) Рукописи графа Уварова, стр. 112.

носить è (наузу) до живота своего на себѣ“ (1). Въ старинномъ словѣ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: „а мы суще истинные христіяне прельщены есмы скверными бабами... оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) *наузы* (наузами) много вѣрныя прельщають: начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плюющe на землю, рекше—бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываеть творится, дѣти врачующе“ (2). Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: „такожъ учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни *узловъ*, ни примовленья, ни зеліа, ни вороженья, и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ. И гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дрьжали межу себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты, а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте“ (3). Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще „мнози отъ человѣкъ, приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская наюзы и носили ихъ на себѣ“ (4). Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: „немощъ волжбою лѣчатъ и *наузы* чарованіи и бѣсомъ требы приносятъ, и бѣса, глаголемаго трясцю (лихорадку), творятъ(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчитися чарованіи и *наузы*, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати то есть поганско дѣло“. (*Варіантъ*: „жертву приносять бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны“) (5) Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, „кои завѣзуютъ зверове (вар. скоти), и мечки, и гледать на воду, и завезуютъ деца малечки“ (дѣтей) (6). Знахарямъ, занимавшимся навязывані-

(1) П. С. Р. лѣт., т. V, стр 138. Памятникъ XII столѣт. (вопросы Кирика) упоминаетъ, что матери носили своихъ новорожденныхъ дѣтей къ волхвамъ (Памят. рос. слов. XII в., стр. 202).

(2) Москвит. 1844, № 1, стр. 243—4.

(3) А. Арх. Экс., т. I, № 369.

(4) Историч. очерки нар. міросозерцанія, Щапова, стр. 71; Временникъ, ч. I, стр. 38 „Домострой“.

(5) Архивъ историко-юрид. свѣд. о Россіи, кн. II, полов. 1, стр. XXVII; полов. 2, смѣсь, стр. 48—49.

(6) Архивъ историко-юрид. свѣдѣн., кн. II, полов. 2, стр. 41.

емъ такихъ амулетовъ, давались названія *наузники* (1) и *узольники*, какъ видно изъ одной рукописи С.Петербургской публичной библіотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: *обавники*, *чародѣи*, *скоморохи* и *узольники* (2). Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: бо́льшею частію это были травы, коренья и иныя снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиныя головки, змѣиная или ужовая кожа, и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлебную силу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья (3). Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлебныхъ средствъ, зашивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла *руны* (тайныя письмена) для излѣченія отъ болѣзни и предохраненія отъ колдовства, и амулеты эти назывались *ligaturae* (въ средніе вѣка и *angehenke* (4). Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками* — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Въ XVII вѣкѣ приведенъ былъ въ приказную избу крестьянинъ Игнашка Васильевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданъ его „крестъ мѣдной да корешокъ невеликъ, да травки немного *завязано въ узлишки* у креста“. На распросѣ Игнашка показалъ, что тотъ „корешокъ девесилной, а травка де ростетъ въ огородахъ, а какъ ее зовутъ, того онъ не вѣдаетъ: а держитъ де онъ тотъ корешокъ и травку отъ лихорадки.“ По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень тотъ называется „девятины — отъ сердечные скорби держатъ, а травишко де держатъ отъ гнетенишные скорби, а лихого де въ томъ ничего нѣтъ.“ За такое лѣченье Игнашка былъ наказанъ батогами (5). Въ тверской губерн., для охраны стада отъ

(1) Пам. стар. рус. литер. в. IV, стр. 202: поученіе митрополита Даніила; Опытъ обл. слов., стр. 125.

(2) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 2, стр. 37—38, статья А Попова.

(3) Обозр. рус. суевѣрій, Пузины, стр. 162; Этнограф. сборн., в. II, стр. 29. Наузы (чешск. navusi, navasy; navasovati — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами (Зап. морск. офицера, ч. I, стр. 278; Отечеств. Зап 1853, № 8, отдѣлъ иностр. литер., стр. 86).

(4) D. Myth. Гримма, стр. 1125—6.

(5) Юрид. Акты, № 30.

звѣрей, навязываютъ на шею передовой (1) коровы сумку съ какимъ-то снадобьемъ; сумка эта называется *вязло* (2), и значеніе чары состоитъ въ томъ, что она *связываетъ* пасть дикаго звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, берутъ висячій *замокъ*, и то, запирая его, то отмыкая, обходятъ трижды кругомъ стада и и причитываютъ: „*замыкаю* я симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна“. За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончательно и кладутъ его въ воротахъ, чрезъ которыя выгоняютъ лошадей; замокъ же прячутъ гдѣ-нибудь, оставляя замкнутымъ до самой осени, пока табунъ гуляетъ въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключемъ, замыкаетъ уста волковъ (3). Подобнымъ образомъ болгары думаютъ сберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выраженіи *зашить волчьи уши, очи и уста*. Вечеромъ баба беретъ иголку съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: „что шіешъ, бабо?“—Зашивамъ, сынко, на вльцы-тѣ уши-тѣ, да не чуятъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: зашивамъ, сынко, на вльцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: „зашивамъ на вльцы-тѣ уста-тѣ, да не ѣдятъ“ овецъ, козъ, свиней и телятъ (4). Нерѣдко наузы состоятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами, и это едва ли не древнѣйшая ихъ форма; такъ отъ лихорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ *красной* шерсти или тесьмы; девять нитокъ подобной шерсти, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скорлатина-*краснухи*; отъ глистовъ употребляютъ тоже навязываніе пряжи на дѣтей. Если *разовьется* рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти, то ее *обвязываютъ красною пряжею* (5). Такое симпатическое лѣченье извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на Vogelsberg'ѣ отъ лома въ костяхъ носятъ *желѣзныя кольца*, выкованныя изъ такаго гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь *повѣсился* (6). Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германіи поселяне отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви, потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ об-

---

(1) Корова, которая ходитъ впереди стада.

(2) Опытъ обл. словаря, стр. 34.

(3) Библ. для Чтенія 1848 г., № 9, статья Гуляева. стр. 55—56.

(4) Черниг. губ. вѣдом. 1861 г., № 6.

(5) Иллюстрац., годъ I, стат. Даля, стр. 565; Обозр. нар. суевѣрій, Пузины, стр. 160.

(6) D. Myth, стр. 1117, 1121; Маннгардтъ, Die Götterwelt der deut. und nordisch Völker, стр. 197.

разовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; или нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больнаго сквозь разщепленныя половины и потомъ связываютъ ихъ веревкою (1): пусть также срастется поломанная кость, какъ срастается связанное дерево. Отъ бородавокъ на Руси извѣстно такое лѣченье: завязываютъ на ниткѣ столько узловъ, сколько насчитано бородавокъ, и потомъ зарываютъ ее въ землю, съ убѣжденіемъ, что какъ скоро сгніютъ узлы—тотчасъ же пропадутъ и бородавки. Есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больнаго *поясокъ* и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣетъ, т. е. къ тому болѣзнь и *привяжется*; а хворый выздоровѣетъ (2). Нить съ узелками или еще лучше *сѣть* (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ осиновую *борону* и ловить ее *уздою;* подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ *свитыхъ вмѣстѣ лозъ* (3). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее *бредень* (рыболовная сѣть), или навязавъ на *длинной нитки*, какъ можно—болѣе, *узелковъ*, *подвязываютъ ею* невѣсту; дѣлается это съ цѣлію противодѣйствовать порчѣ. Точно также и женихъ и самые поѣзжане опоясываются *сѣткою* или *вязанымъ поясомъ*—въ томъ убѣжденіи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутаетъ безчисленныхъ узловъ сѣти или пока не удастся ему снять съ человѣка его поясъ (4). Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно (5), и что подъ шкурою убитаго оборотня неразъ находили парня или бабу, превращенныхъ колдовствомъ въ хищнаго звѣря, и всегда *безъ пояса*.

Мы указали, что слово *крутить, окручивать*, отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести—перешло къ опредѣленію понятій:

---

(1) D. Myth., стр. 1118—9; Маннгардтъ, Die Götterwelt etc., стр. 197; Ворон. губ. вѣдом. 1851, № 12.

(2) Этногр. сбор., вып. VI, стр. 129, статья первая.

(3) Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразмѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вымѣнять у него эти диковинки на черную кошку; но непремѣнно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то—бѣда неминучая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастія, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствіяхъ, пока не распутаетъ всѣхъ узловъ.

(4) Иллюстрац., годъ 2, стр. 333; Отеч. Зап. 1848 г., т. 56, стр. 204.

(5) Владим. губ. вѣдом. 1844 г., № 49.

одѣвать, наряжать (*окрута* — женское нарядное платье и вообще одежда, *окрутить* — одѣть, *окручать* — заплетать невѣстѣ двѣ косы, наряжать въ женской головной уборъ, *окручаться* и *окрутиться* — наряжаться, маскироваться, *окрутникъ*—наряженный по святочному, замаскированный) (1), и въ этомъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: *облача(и)ть* и *оборотить* (обворотить, обвернуть), точно также какъ слово *окрута* — одежда тождественно по значенію съ словомъ *облако* (облаченіе). Облака и тучи издревле понимались, какъ темные покровы, въ которые облекается свѣтлое небо. До сихъ поръ объ облачномъ, туманномъ небѣ говорится: *заволокло*; въ областномъ языкѣ облако называется — *наволока*. Творческія силы природы, являясь въ грозовыхъ тучахъ, представлялись демоническими существами, облачившимися въ волчьи или другія животненныя шкуры, *оборотнями* (вовкулаками), что̀ въ символическомъ обрядѣ стародавнихъ языческихъ празднествъ представлялось наряживаньемъ *окрутниковъ*. Оборотень-вовкулакъ (до слова: покрытый, обвернутый волчьей шкурою), по объясненію старинаго памятника, есть духъ, нагоняющій на горизонтъ темныя тучи—тучегонитель. Съ другой стороны въ весенней грозѣ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ-громовникъ вступалъ съ облачными нимфами, проливая на землю продотворное сѣмя дождя. Поэтому латин. *nubere* (отъ *nubes*—облако)—покрываться получило еще другое значеніе: жениться; гречес. νέφος — облако и νύμφη, νύμφιος — невѣста и женихъ. Покрывало, которымъ окручиваютъ голову невѣсты, ея *фата*, есть символическое знаменіе того облачнаго покрова, подъ которымъ являлась прекрасная богиня Весна, разсыпающая на всю природу богатые дары плодородія. Покрытіе головы сдѣлалось признакомъ замужства. Только дѣвица можетъ ходить съ открытою головою и красоваться своею русою косою; замужнимъ строго воспрещается выказывать хотя одинъ волосокъ изъ-подъ платка или кички—быть *простоволосою*. Митрополитъ Симонъ въ посланіи своемъ 1501 года, возвышая голосъ свой противъ разныхъ отступленій отъ церковныхъ уставовъ, прибавляетъ: „а жены ваши ходятъ простовласы непокровенными главами, ино то чините не по закону христіанскому“. Арабскій писатель XIII вѣка такъ описываетъ брачный обрядъ у славянъ: „если кто чувствовалъ склонность къ какой-нибудь дѣвицѣ, то *набрасывалъ ей на голову покрывало*—и она безпрекословно становилась его женою.“ Тоже воззрѣ-

(1) Опытъ обл. слов., стр. 140.

ніе высказывается въ словѣ *покрышка*, которымъ въ Малороссіи клеймятъ дѣвицу, потерявшую невинность. (1)

Изъ сейчасъ-указанной связи понятій, подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ метафорическаго языка, возникло повѣрье о превращеніи молодой четы и всего свадебнаго поѣзда въ оборотней-волковъ. Это превращеніе приписано чарамъ колдуновъ и вѣдьмъ, которымъ преданія присвоиваютъ полеты въ тучахъ и власть надъ грозовыми явленіями природы. Сейчасъ было сказано, что науза связываетъ колдуна, мѣшаетъ его чарамъ, и что онъ не прежде можетъ превратить человѣка въ звѣря, какъ снявши съ него предохранительную сѣтку или поясъ; но съ другой стороны та-же науза въ рукахъ колдуна и вѣдьмы получаетъ страшную силу: ею онъ покоряетъ себѣ все и все заставляетъ повиноваться своей волѣ. Своими метафорическими выраженіями древній языкъ пользовался весьма свободно и сочеталъ съ ними разнообразныя и часто совершенно-противоположныя представленія. По связи *окручиванья* съ *наузами*—эти послѣднія почитаются даже необходимымъ условіемъ оборотничества. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мочалокъ, сколько нужно оборотить лицъ, нашептываютъ на нихъ, и потомъ этими ремнями или мочалками *подпоясываютъ* обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Оборотни не иначе могутъ получить прежній человѣческій образъ, какъ только въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ *изотрется* и *лопнетъ* (2). Въ подляшской Руси разсказываютъ, что вѣдьма, чтобы обратить свадебный поѣздъ въ волковъ, *скрутила свой поясъ* и положила подъ порогъ избы, гдѣ была свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ — обратились въ волковъ. По другому разсказу она *крутила для этого липовыя лыки*, варила ихъ и отваромъ этимъ обливала поѣзжанъ (3). Сами вѣдьмы и колдуны, желая превратиться въ волковъ, бросаютъ на себя *кольцо* или кувыркаются черезъ *обручи* (4).

Замокъ, какъ таже науза, получаетъ въ свадебныхъ обрядахъ символическое значеніе орудія, замыкающаго супружескую цѣпь. Въ нижегородской губ. сватъ, ударивши по рукамъ съ отцемъ

---

(1) Акты Истор., т. I, № 112, II; Учен. Зап. 2-го отдѣл. Академіи наукъ, кн. VII, вып. 2, стр. 12—14.

(2) Воронежск. Бесѣда, стр. 195.

(3) О нѣкот. символахъ, Потебни, стр. 140; Deut. Myth., стр. 1049—1050.

(4) D. Myth., стр. 1049.

невѣсты, вынимаетъ маленькой замочекъ, запираетъ его и прячетъ въ карманъ во знаменіе крѣпости предположеннаго союза (1); въ другихъ мѣстностяхъ, отпуская невѣсту къ вѣнцу, кладутъ ей въ карманъ замокъ (астр. губ.), или: когда женихъ и невѣста пріѣдетъ изъ церкви—то старая женщина кладетъ замокъ и ключъ на порогъ избы, и какъ только новобрачные переступятъ черезъ него—тотчасъ же запираетъ этотъ замокъ, а ключъ бросаетъ въ рѣку, на всегдашнюю любовь и нерушимое согласіе юной четы (2). Крѣпость запертаго замка, отъ котораго потерянъ ключъ (заброшенный въ воду), сближается съ мыслію о всегдашней замкнутости супружескаго союза. Но метафора эта могла имѣть и другія примѣненія, и соотвѣтственно имъ породить новыя и даже совершенно-противоположныя представленія и повѣрья. Тотъ-же ключъ, который скрѣпляетъ союзъ любящихся, смыкая соединяющую ихъ цѣпь, въ иномъ метафорическомъ примѣненіи можетъ *запереть сердце милаго* и сдѣлать его недоступнымъ внушеніямъ любви. Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется:

У милаго сердце каменно,
Золотымъ ключемъ заперто,
Золоты ключи потеряны,
Что въ Оку-рѣку заброшены,
Бѣлымъ камешкомъ изложены (3).

Отсюда легко было возникнуть чарамъ на *остуду* красной дѣвицы или добра молодца: стоило только запереть на имя той или другаго замокъ и забросить ключъ въ рѣку—и дѣло сдѣлано. Мало того: одна и таже метафора могла служить и для означенія оплодотворяющей силы, дѣйствующей въ бракѣ, и для выраженія безплодія и мужской немощи. Языкъ доселѣ удерживаетъ выраженія: *любовная связь*, парень *повязался*, *свозжался* съ дѣвкою, обозначая тѣмъ въ пластическомъ образѣ сочетаніе мущины и женщины во едино. Эта метафора подала поводъ къ созданію любопытной народной сказки, принадлежащей къ разряду неудобныхъ для печати. Колдунъ даетъ мужику волшебный *ремешокъ*; тотъ накрываетъ свою невѣрную жену съ любовникомъ на самомъ дѣлѣ незаконной любви, *завязываетъ на ремнѣ узелокъ*, и тѣмъ самымъ скрѣпляетъ ихъ такъ, что никакія усилія не могутъ ихъ развести. Собирается тол-

(1) Отеч. Зап 1843, № 1, стр. 19, стат. Бурнашева.
(2) Абевега, стр. 196; Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 56.
(3) Пѣсни крестьянъ владимір. и костромск. губ., изд. Смирнова, стр. 45; Записки о Сибири, Авдѣевой, стр. 129.

па и рѣшаетъ послать за знахарями; явился одинъ знахарь, только сталъ ворожить да обдувать невольную чету, какъ мужикъ завязалъ еще узелокъ на ремнѣ — и знахарь прилипъ бородою къ любовникамъ. Явился другой знахарь, и послѣ завязаннаго еще узла прилипъ съ другой стороны; третій знахарь сунулъ было свою руку, и за вновь-сдѣланнымъ узломъ рука его такъ крѣпко пристала, что и оторвать нельзя. Сталъ было одинъ парень разбивать ихъ метлою, а мужикъ завязалъ новый узелъ — и парень вмѣстѣ съ метлою прилипъ къ любовникамъ и знахарямъ. Все это сборище только тогда и разошлось, какъ развязалъ оскорбленный мужъ узлы на своемъ ремнѣ. Этотъ нескромный разсказъ напоминаетъ намъ греческій миѳъ о томъ, какъ Гефестъ опуталъ тонкими *сѣтями* ложе, на которомъ покоилась Киприда съ любовникомъ Ареемъ (Одиссея, пѣснь VIII), и сказки, извѣстныя у разныхъ народовъ о томъ, какъ невѣрная жена, любовникъ и всѣ, кто хотѣлъ имъ помочь, прилипали къ золотому гусю, или какъ воръ, вздумавшій похитить овцу съ серебристой волною, прилипъ къ ней обѣими руками, а вслѣдъ за нимъ прилипали и всѣ тѣ, которые хотѣли его оторвать (1). Впрочемъ въ этихъ сказкахъ опущена самая существенная черта преданія: свидѣтельство объ наузахъ.

Но древній метафорическій языкъ допускалъ и такое выраженіе: „замкнуть, завязать силу плодородія.“ Въ зимнее время небо перестаетъ посылать на землю оплодотворяющее сѣмя дождей; холода и стужи какъ-бы *запираютъ* небесные источники, *запираютъ* и самую землю, которая лежитъ окованная снѣгами и льдами, и ничего не рождаетъ изъ своей материнской утробы. Старинное поучительное слово обозначаетъ бездождіе—*завязаннымъ* или *замкнутымъ небомъ*. Возставая противъ суевѣрнаго уваженія къ отреченнымъ (апокрифическимъ) сказаніямъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: „того ради *завязано небо*, не пуститъ дождя на землю“ (2). Съ возвратомъ весны богъ-громовникъ, разбиватель темныхъ тучъ и податель плодородія, отпираетъ своею молніей облачные источники и напояетъ землю дождями; онъ даетъ землѣ производительную силу и отпираетъ ея замкнутыя нѣдра. До перваго грома земля, по народному выраженію, *не растворяет-*

(1) Н. Р. С., в. V, № 33; Kinder-und Hausmärch., т. I, № 64; Zeitschrift für Deut. Myth., т. II, стр. 197—201; Slov. čitanka Эрбена, стр. 34 — 35; Westslawisch. Märchenschatz, стр. 61—62; сборн. Худякова, вып. III, № 99.

(2) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 1, стр. XXVII.

ся (1). Потому молнія въ поэтическихъ сказаніяхъ народа есть золотой Перуновъ *ключъ*. Народная загадка такъ выражается о молніи: „Дѣва Марія (христіанская подмѣна древней богини Весны — громовницы) по̀ воду ходила, ключи обронила“, т. е. чтобы добыть дождевую воду—она бросаетъ ключъ-молнію. Въ сербской пѣснѣ громовникъ Илья-пророкъ говоритъ Огняной Маріи, огорченной людскими грѣхами:

Молићемо Бога истинога,
Нек нам даде *ключе од небеса*,
Да затворим' седмера небеса,
Да ударим' печат на облаке,
Да не падне дажда из облака,
Плаха дажда, нити роса тиха...
Да не падне за три године,
Да не роди вино, ни шеница (2).

(Станемъ молить истиннаго Бога — пусть дастъ намъ ключи отъ неба, и затворимъ седьмь небесъ, наложимъ печать на облака, да не падетъ изъ нихъ ни шумящій дождь, ни тихая роса... три года и да не родится ни вино, ни пшеница). Языческія преданія о Перунѣ въ позднѣйшую эпоху были перенесены двоевѣрнымъ народомъ на Илью-пророка и Юрія Храбраго. На вешній Юрьевъ день (23 апрѣля), когда бываетъ первый выгонъ скотины на пастбище, бѣлоруссы причитываютъ:

Святый Юрья, божій посолъ,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнувъ землю сыруеньскую,
Пусцивъ росу цяплюсенькую (теплую)
На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ (3).

Но главнымъ образомъ представленіе о ключѣ-молніи сочеталось въ народныхъ повѣрьяхъ съ апостоломъ Петромъ, такъ какъ ему, по евангельскому свидѣтельству, обѣщаны ключи царства небеснаго. По выраженію сербскихъ пѣсенъ, при раздѣлѣ могучихъ силъ природы—ему достались лѣтніе жары (љетне врућине), урожаи нивъ и виноградниковъ и „кључеве од небеског царства“ (4).

(1) Украин. приказки, стр. 9.
(2) Српске нар. пјесме, кн. II, стр. 2—6.
(3) Пантеонъ 1856 г., № 3, стр. 5.
(4) Срп. нар. пјесме, ч. I, стр. 156; ч. II, стр. 2.

Чехи взываютъ къ нему: „sv. Petr na vrchu (na nebě) hřímá, dá nám trochu vina!“ (1) Сейчасъ приведенная нами бѣлорусская пѣсня варіируется еще такъ:

А Юрью, мой Юрью!
Подай Петру ключи
Зямлю одомкнуци,
Траву выпусциць,
Статокъ (скотину) накормиць (2).

Соотвѣтственно съ символическимъ представленіемъ вѣтровъ и грозы быстролетными птицами, народное русское повѣрье говоритъ, что ключи отъ неба (рая) находятся у той или другой птицы, которая, улетая на̀ зиму, уноситъ ихъ съ собою, а весною снова прилетаетъ отпирать небесные источники. Въ мартѣ-мѣсяцѣ, закликая весну, въ деревняхъ смоленской губ. поютъ:

Благослови, Боже,
Весну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць!
Вылети, сизая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣтечко (3)

Въ одной обрядовой пѣснѣ полтавской губ. галка называется *золотою ключницею* (4). Въ Малороссіи разсказываютъ, что ключи отъ рая=вирія хранитъ при себѣ вѣстница весны—кукушка или соя (5). Въ великорусскихъ губерніяхъ вѣрятъ, что 9-го марта „прилетаетъ куликъ изъ-за мо̀ря, *приноситъ воду изъ неволья*“ (6). Итакъ, слѣдуя поэтическому выраженію старины, Перунъ отпираетъ облака и посылаетъ дожди и плодородіе; но въ его божественной волѣ было и не давать благодатнаго дождя и наказывать смертныхъ неурожаями, почему ему приписывали и самое замыканіе тучъ, задержаніе дождевыхъ потоковъ. Въ числѣ разнообразныхъ метафо-

(1) Bájeslovný kalendář Гануша, стр. 165, 193.
(2) Матеріалы для сравнит. словаря, т. II, стр. 187.
(3) Смолен. губернія, Цебрикова, стр. 271 и 288.
(4) Полтав. губ. вѣдом. 1846 г., № 19.
(5) Москвит. 1846 г., №№ 11 и 12, стр. 153.
(6) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 2, стр. 117.

рическихъ сближеній, какія съ необыкновенною смѣлостью и свободою допускала фантазія древнѣйшаго человѣка, падающій съ неба дождь уподоблялся крови, истекающей изъ ранъ, наносимыхъ Перуновыми стрѣлами облачнымъ демонамъ. Отсюда возникли заговоры на остановленіе руды (крови), заговоры, обращенные къ богу-громовнику съ мольбою запереть кровавыя раны—также, какъ запираетъ онъ дождевые источники. Приведемъ слова заговоровъ: „Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, *ручьи-протоки запираетъ, руду унимаетъ*—стрѣльную, ручебную, ножевую, топоровую...“ (1). „Встану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны летятъ три *врана*, три брательника, *несутъ трои золоты ключи, трои золоты замки; запирали они, замыкали они воды и рѣки и синія моря, ключи* (источники) *и родники*; заперли они, замкнули они раны кровавыя — кровь горячую. *Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ, такъ бы у раба божьяго* (имярекъ) *кровь не канула.* Аминь“ (2). „Есть въ святомъ морѣ—лежитъ лотырь-камень, на томъ камню стоитъ Іоаннъ-креститель, подпершись желѣзнымъ посохомъ, и уговариваетъ у раба божьяго (имярекъ) кровавую рану—посѣченную, порѣзанную, въ бѣломъ тѣлѣ щипоту, въ костяхъ ломоту, уговариваетъ у раба божьяго семьдесятъ жилъ, становыхъ три жилы, и *замыкаетъ ключемъ божіимъ*“ (новгородск. луб.). Выраженія эти перешли въ самый обрядъ: при сильномъ теченіи крови изъ носу берутъ *замкнутый замокъ* и даютъ крови капать сквозь его дужку, или вмѣсто этого — держатъ въ обѣихъ рукахъ по ключу, и вѣрятъ, что такое средство останавливаетъ теченіе руды: кровавая жила запирается (3).—Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтнія засухи запираютъ плодотворное сѣмя дождей, такъ точно можно чародѣйными заговорами замкнуть силу плодородія въ обвѣнчанной четѣ. Германцы приписываютъ вѣдьмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма *запираетъ замокъ* и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется *schloss-schliessen* и *nestelknüpfen* (*nest*—шнурокъ, ремешекъ, *knüpfen* — завязывать) (4).

---

(1) Историч. очерки народ. міросозерцанія, Щапова, стр. 56.

(2) Иллюстрац. 1845 г., стр. 250.

(3) Ibidem, стр. 503.

(4) D. Myth., стр. 1027.

Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платьѣ (1). Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы *обвязывалъ* его невѣдомо для чего *киткою - портнинкою*, и съ того де часу онъ Тимошка уже два года не имѣетъ съ своей женою никакого *сполкованя* (spólkowanie=соитіе), а портнинку Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣетъ. Какъ въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе, такъ точно *закручиванье* колосьевъ (ржи, овса, конопли) на нивѣ можетъ, по повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью (плодородіе) и вмѣстѣ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожаевъ и голода въ старину, когда не знали предосторожности и не дѣлали запасовъ. Неурожай, голодъ и повальныя болѣзни бывали, по свидѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. *Закрутъ (заломъ, завитокъ)*, досихъ поръ наводящій ужасъ на цѣлыя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на бороду Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древняго бога, имѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донынѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями—на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло и сопровождается заклятіемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, заламываетъ ихъ и крутитъ (свиваетъ) на *западъ* — сторона, съ которой соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ залома находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то и другое—символъ омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ есть молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ мѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстранялъ его зловредное вліяніе (2).

У грековъ и римлянъ *поясъ* служилъ эмблемою дѣвственности, подобно тому, какъ въ нашемъ сказочномъ эпосѣ дѣвица представляется подъ символомъ замкнутаго ларчика, ключемъ отъ котораго владѣетъ ея будущій супругъ. Всякая дѣвица подпоясыва-

(1) Потебня. О нѣкот. символахъ въ нар. поэзіи, стр. 139.

(2) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 53; Иллюстр. 1845, стр. 538; Опытъ обл. словаря, стр. 60, 95.

лась шерстянымъ поясомъ, который разрѣшался въ первую брачную ночь ея мужемъ (см. Одиссею, пѣсня XI, стихи 245—6).

Во время родовъ узлы и поясъ почитаются вредными, потому что съ ними нераздѣльно понятіе связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина *разрѣшилась* отъ бремени (нѣм. *entbunden werden*), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу (1). Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распустить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ то-же время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики (2). Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ „Сонъ пресвят. Богородицы“ (3). Въ курской губ. страждущую родильницу переводятъ троекратно черезъ *порогъ* избы, чтобы ребенокъ скорѣе *переступилъ порогъ своего заключенія* и явился на свѣтъ изъ утробы матери. (4) Въ Германіи думаютъ, что сложенныя вмѣстѣ руки и поставленныя одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться (5). Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: „ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!“—и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ея пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вмѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебренымъ ключемъ (6).

Сходно съ этими данными, если умирающій долго мучится, то, чтобы душа скорѣе *разсталась* съ тѣломъ, дѣлаютъ отверстіе въ потолкѣ и въ кровлѣ избы или отворяютъ окно: обычай этотъ извѣстенъ и въ Россіи и въ Германіи. Продолжительная агонія отходящаго въ иной міръ и трудные роды родильницы заставляютъ германскихъ простолюдиновъ отворять дверь, отпирать окно и приподымать съ

(1) Послов. рус. народа, Даля, стр. 404.
(2) Черниг. губ. вѣдом. 1854 г., № 25.
(3) Иллюстрац. 1846 г., стр. 649; Ворон. губ. вѣдом. 1851, № 11.
(4) Этногр сборн., вып V, стр. 20.
(5) D. Myth., стр 1128.
(6) Сборн. Гана, т. II, № 71, 100.

прямо нѣсколько черепицъ или дранницу (1). Душа представлялась связанною съ тѣломъ до той поры, пока не являлась Смерть и не разрѣзывала соединяющей ихъ нити, выпряденной парками. Освобожденная отъ земныхъ узъ, душа улетаетъ въ открытое для нея отверстіе. Во многихъ деревняхъ, по выносѣ покойника со двора, *запираютъ ворота*, а въ нѣкоторыхъ даже *завязываютъ* ихъ *краснымъ поясомъ*, чтобы вслѣдъ за умершимъ хозяиномъ не *сошли со двора* его родичи и животы, т. е. чтобы не перемерли и другіе члены семьи и домашній скотъ. Желаніе скрыть отъ Смерти дорогу въ людское жилище вызвало обычай выносить трупъ усопшаго не въ тѣ *двери*, которыми ходятъ живые, а въ какое-нибудь нарочно-сдѣланное отверстіе, которое потомъ снова *закрывалось*. Такъ германцы въ языческую эпоху разбирали для того стѣну и выносили мертвеца *спиною впередъ*, либо прокапывали отверстіе подъ стѣною, и сквозь него выносили покойника. Нынѣ обычай этотъ соблюдается тамъ только съ трупами злодѣевъ и самоубійцъ, которыхъ выносятъ не дверями, а чрезъ отверстія подъ порогомъ или стѣною. (2) Несторъ разсказываетъ, что когда умеръ Владиміръ святой, то „ночью *межю клѣтми проимавше помостъ*, обертѣвше въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю“ отнесли его тѣло въ церковь (3) Народные русскіе разсказы доселѣ сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что мертвые выносились сквозь отверстіе, прорытое подъ порогомъ (4).

Множество другихъ повѣрій и обрядовъ, живущихъ въ народѣ, возникло изъ того-же источника. Приведемъ наиболѣе любопытные примѣры: a) чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси *разрѣзываютъ ножемъ промежъ его ногъ тѣ невидимыя путы*, которыя задерживаютъ его ходу (5). b) Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяйка *перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса* и произноситъ: „якъ густо сей поясъ *вязався*, щобъ такъ и мои огурочкы густо *вязались* у пупянкы въ огудини“ (6). Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется *завязью*, и на этомъ словѣ создался самый заговоръ и сопровождающій его об-

---

(1) D. Myth., стр. 801, 1133; Иллюстрац., годъ 1, стр. 415; Черты изъ исторіи и жизни литов. народа, стр. 112.

(2) Чтен. общ. ист. и др. 1860 г., кн. IV, стр. 337.

(3) П. С. Р. лѣт., т. I. стр. 56.

(4) Н. Р. Сн., вып. VI, № 66.

(5) Абевега, стр. 235.

(6) Украин. приказ., стр. 5.

рядъ. c) Того, кто сажалъ въ печь свадебный каравай, подвязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ каравай *не разошелся*, *не расплылся*. (1) d) *Круговая линія*, какъ замкнутая со всѣхъ сторонъ, получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе охранительной черты, защищающей человѣка отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и отъ покушеній нечистой силы. Черезъ круговую черту не можетъ переступить ни злой духъ, ни вѣдьма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругомъ деревни и села; при добываніи кладовъ и цвѣта папоротника, при совершеніи различныхъ чаръ и произнесеніи заклятій очерчиваютъ себя круговой линіей, для охраны отъ демонскаго навожденія. На Украйнѣ дѣти, завидя полетъ дикихъ гусей, причитываютъ: „гуси-гуси! *завяжу* вамъ дорогу, щобъ не втрапили до дому“ или: „гуси-гуси! *колесомъ*, червоннимъ поясомъ“ — и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ(2). У лужичанъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ корму, *окружая его цѣпью или обручемъ*, чтобы онѣ клали яйца дома: этотъ обрядъ есть наузъ, замыкающан птицу въ границахъ хозяйскаго двора (3). Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была безплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плодородія круговою чертою (4). e) Съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, неистовыхъ, всесокрушающихъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры мореплавателямъ, давая имъ *ремни съ волшебными узлами*: когда развязывали на ремнѣ одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другой узелъ—вѣтры крѣпчали, а вслѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла—подымалась страшная буря.

Указанныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы увидѣть, какъ важно и значительно вліяніе языка на образованіе народныхъ повѣрій и обычаевъ, и какъ необходимо занимающимся изученіемъ народнаго быта и старины обращаться къ пособію филологіи. Опираясь на дѣйствительные факты, наука эта ясно доказала, что духовная сторона человѣка, міръ его убѣжденій и вѣро-

(1) Этногр. сборн., вып. I, стр. 353.
(2) Украин. приказки, стр. 7.
(3) Volkslieder der Wenden, т. II, стр. 259.
(4) Этногр. сборн., в. I, стр. 50.

ваній — въ глубокой древности не были вполнѣ-свободнымъ дѣломъ, а неизбѣжно подчинялись матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово человѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить — свѣтить солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнею природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ человѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного названія, изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь человѣческую тяжелыми цѣпями, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предразсудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

МЕТАЛЛЫ И ИХЪ ОБРАБОТКА

ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ У ПЛЕМЕНЪ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ.

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

Много народовъ и еще болѣе поколѣній проходили по землѣ, ввѣряя ей памятники своей жизни, своей матеріальной и нравственной культуры. Часто безъ опредѣленнаго имени, безъ роду и племени, какими-то историческими сиротами—представляются эти памятники взору археолога, стремящагося разгадать загадку ихъ существованія. Матерьялъ смутный, неопредѣленный, но все же матерьялъ дѣйствительный и несомнѣнный: въ этой массѣ вещей, непомѣченныхъ опредѣленнымъ временемъ и родовымъ именемъ—еще рѣдко бываютъ возможны прочные, положительные выводы и заключенія; но пытливость изслѣдователя хотя до нѣкоторой степени удовлетворяется догадкой, болѣе или менѣе вѣроятнымъ гаданіемъ о судьбѣ этихъ нѣмыхъ свидѣтелей опочившей жизни человѣка, ихъ эпохѣ и этнологической генеалогіи. На первый разъ—и это—не мало: покрайней мѣрѣ изслѣдователь можетъ разсчитывать на будущіе успѣхи науки, которые—быть можетъ—оправдаютъ и его посильные труды, по крайней мѣрѣ его не смутитъ мысль о совершенной безплодности его стремленій: гдѣ существуетъ законная возможность догадки, тамъ еще нечего отчаеваться за успѣхъ!

Но гдѣ нѣтъ и этихъ памятниковъ, гдѣ народы переживаютъ

цѣлыя тысячелѣтія, не оставляя, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей былой жизни и культуры—неужели тамъ положенъ предѣлъ историческому знанію, предѣлъ, перешагнуть который не властна осторожная археологическая наука? Нѣтъ, если археологія не захочетъ произвольно съузить свой объемъ, ограничивъ его лишь такъ наз. вещественными памятниками, она найдетъ иного неподкупнаго свидѣтеля этихъ темныхъ эпохъ, свидѣтеля, предлагающаго богатый и благодарный матерьялъ для мысли археолога и историка. Я разумѣю—*языкъ*. „Языкъ, по словамъ величайшаго ученаго нашей эпохи, есть полное дыханіе человѣческой души: гдѣ раздается онъ, или гдѣ только существуютъ памятники его—тамъ исчезаетъ всякое сомнѣніе объ отношеніяхъ народа, имъ говорящаго, къ своимъ сосѣдямъ. Въ древнѣйшей исторіи, гдѣ изсякаютъ всѣ другіе источники, или сохранившіеся остатки ихъ оставляютъ изслѣдователя въ неразрѣшимомъ недоумѣніи, его выручаетъ только тщательное изслѣдованіе сродства и отклоненій языковъ и нарѣчій въ мельчайшихъ подробностяхъ ихъ внутренняго строя“ [1]). Языкъ—это не могила жизни опочившей, окончившейся, а живое хранилище, куда слагаетъ народъ всѣ элементы своей протекшей и настоящей нравственной и матеріяльной жизни. Слово человѣческое явилось не съ воздуха, безъ всякаго повода и причины: прежде чѣмъ существовать названію предмета, долженъ былъ существовать самый предметъ, дѣйствительный или фантастическій, но принимаемый за дѣйствительный. Вотъ почему языкъ можетъ быть названъ вѣрнымъ показателемъ матерьяльнаго и нравственнаго быта извѣстнаго народа, такъ сказать—археологическимъ складомъ предметовъ его культуры. Въ этой области археологу нечего опасаться ни того алчнаго святотатства, которое нарушаетъ покой могилъ съ корыстною цѣлью, ни того вольнаго или невольнаго вандализма, который мѣритъ дорогіе памятники старины лишь мѣрою узкой практической пользы или воображаемаго вреда: въ области языка частная воля человѣка не властна что либо измѣнить или уничтожить; измѣненія совершаются сами собою, силою времени и историческихъ условій, измѣненія часто сильныя, рѣшительныя, но не такія, чтобы они смутили изслѣдователя и заставили его отказаться отъ попытки археологической реставраціи. Сравнительный методъ изслѣдованія языковъ показалъ, что есть возможность до нѣкоторой степени воскресить утраченное, возстановить измѣненное и обезображенное, возвра-

[1]) Jacob Grimm. Gesch. d. deutsch. Sprache. 2 aufl. I. стр. 4.

тить ему первобытный видъ. Отсюда видно, какой неисчерпаемый источникъ представляетъ языкъ для древнѣйшей археологіи: тамъ, гдѣ, повидимому, прерывается всякая путеводная нить археолога и онъ отказывается итти впередъ, опасаясь заблудиться въ лабиринтѣ догадокъ и предположеній, тамъ онъ встрѣчаетъ лингвиста, который смѣло и прочно ведетъ его далѣе, даже до предѣла таинственнаго возникновенія народовъ... Давно уже признано высокое значеніе языка, какъ источника исторической науки. Существуютъ даже счастливыя попытки въ этомъ отношеніи: на основаніи языка ученые возсоздаютъ картину быта народовъ, лежащаго далеко впереди за предѣлами всякаго письменнаго или монументальнаго свидѣтельства. Эта *археологія языка*, или, какъ называютъ ее *лингвистическая палеонтологія*, составляетъ необходимую часть общей археологической науки и, мнѣ кажется — *первую, начальную* часть ея, съ изученія которой и долженъ начать каждый, кто дорожитъ историческою достовѣрностью своихъ послѣдующихъ разысканій. Едва ли умѣстно будетъ указывать здѣсь на несовершенства этой науки, происходящія и отъ ея молодости и отъ личныхъ ошибокъ и увлеченій ученыхъ: дѣло идетъ ни о какихъ нибудь частныхъ недостаткахъ—отъ нихъ не свободна никакая наука,— а о законности существованія цѣлой науки вообще правильности ея пріемовъ и основнаго метода; а съ этой точки зрѣнія она стоитъ внѣ всякаго недовѣрія и всякихъ сомнѣній самаго взыскательнаго скептицизма.

Имѣя въ виду все это, я думаю, что не нарушу закона осторожной археологической критики, когда рѣшаюсь предложить нѣкоторыя лингвистическія справки объ употребленіи и обработки металловъ у племенъ индо-европейскихъ въ доисторическую эпоху ихъ жизни. Въ археологической наукѣ предметъ этотъ тѣмъ важнѣе, что безъ посильнаго объясненія его—нельзя рѣшить и вопроса объ этнологическомъ распредѣленіи орудій каменнаго и бронзоваго вѣка дохристіанской Европы, т. е. нельзя опредѣлить: какому народу принадлежатъ тѣ или другіе памятники; а безъ этого условія археологія внесетъ въ историческую науку лишь одни общія, гадательныя и во многомъ невѣрныя очертанія.

1. Какому народу принадлежатъ орудія каменнаго вѣка въ Европѣ.

Разсѣянныя во множествѣ по всей Европѣ, орудія такъ называемаго каменнаго вѣка—какому племени или народу принадлежатъ

они? Въ прежнее время археологи не слишкомъ заботились этимъ вопросомъ: они приписывали орудія каменнаго вѣка тому народу, который былъ *исторически* извѣстенъ за древнѣйшаго обитателя страны, гдѣ произошла находка. Пока сравнительное языкознаніе не уяснило вопроса о переселеніи индо-европейскихъ племенъ изъ равнинъ средней Азіи въ Европу — такая мысль представлялась очень вѣроятною: не зная ничего о происхожденіи и доисторическихъ движеніяхъ Кельтовъ, Германцевъ и Славянъ, естественно было признать ихъ за первобытныхъ обитателей Европы, за ея аборигеновъ, естественно было думать, что и памятники каменнаго вѣка принадлежатъ этимъ племенамъ и знаменуютъ первый періодъ ихъ нравственной жизни и борьбы съ природою. Это предположеніе имѣло за собою столько очевидныхъ, убѣждающихъ доказательствъ, что археологическая наука приняла и безпрепятственно признала его за несомнѣнную истину: не только каменныя орудія, но и циклопическія каменныя сооруженія, встрѣчающаяся въ Англіи, Франціи, Даніи, Скандинавіи и Германіи и извѣстныя подъ названіемъ: *кенировъ*, *кромлеховъ*, *дольменовъ*, *могилъ гунновъ*, *каменныхъ комнатъ* или *жилищъ великановъ*— оказались плодомъ религіозной и матерьяльной культуры племенъ кельтскихъ, нѣмецкихъ и даже славянскихъ. Мысль эта пустила такіе прочные корни въ наукѣ, что ни успѣхи сравнительнаго языкознанія, указавшаго, что Кельты, Нѣмцы и Славяне не аборигены, а позднѣйшіе колонисты Европы, ни успѣхи описательной археологіи, открывшей существованіе подобныхъ памятниковъ въ различныхъ мѣстахъ Европы Азіи и Африки, гдѣ никогда не жили племена индоевропейскаго корня—не могли поколебать ее; и теперь еще она находитъ многихъ послѣдователей и защитниковъ!

Циклопическія каменныя постройки преимущественно усвоивались Кельтамъ: изслѣдователи объясняли ихъ возникновеніе потребностями богослуженія друидовъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ, въ нихъ видѣли жертвенники языческихъ Кельтовъ, мѣста ихъ торжественныхъ судилищъ; а нѣкоторые англійскіе археологи заходили такъ далеко, что, вопреки извѣстіямъ древнихъ историковъ и географовъ—отрицали существованіе кельтскихъ поселеній въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ не замѣчалось *кромлеховъ*, *дольменовъ*, *кенировъ* и т. д. [1]). Рѣшительный ударъ

---

[1]) Weinhold — Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland, Wien, 1859, Heft 1, pag. 16—18 (или Sitzungsberichte der philos. hist. classe d. k. Akademie der Wissenschaften. Band XXIX, 1858, December pag. 130—2). Изъ числа многихъ защитниковъ

этому мнѣнію былъ нанесенъ извѣстнымъ датскимъ археологомъ Ворсо (Worsaae) [1]). Онъ лично осмотрѣлъ большую часть мѣстъ, гдѣ находятся циклопическія каменныя сооруженія, со вниманіемъ изслѣдовалъ предметы въ нихъ находимые и пришелъ къ заключенію, что эти постройки не принадлежатъ Кельтамъ, а относятся къ эпохѣ предшествовавшей кельтской колонизаціи и должны быть приписаны неизвѣстнымъ доисторическимъ обитателямъ Европы. Еслибы циклопическія сооруженія принадлежали Кельтамъ, то необходимо долженъ былъ бы существовать переходный періодъ, отдѣлявшій древнѣйшій каменный вѣкъ отъ болѣе поздняго—бронзоваго, но такаго перехода нельзя замѣтить ни въ постройкѣ гробницъ, ни въ находимыхъ въ нихъ издѣліяхъ: огромная бездна отдѣляетъ гробницы каменнаго вѣка, когда трупы хоронились несожженными, въ сидячемъ или согнутомъ положеніи и безъ присутствія металлическихъ орудій — отъ гробницъ бронзоваго и послѣдующихъ періодовъ, гдѣ замѣчается сожженіе и изобиліе металлическихъ орудій и совершенно иныя формы ихъ. Равнымъ образомъ географическое распространеніе циклопическихъ построекъ самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчитъ ихъ кельтскому происхожденію: онѣ должны были бы находиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, уже на глазахъ исторіи — по указаніямъ древнихъ историковъ и географовъ—обитали Кельты, но ни въ Австріи, ни въ южной Германіи, ни въ другихъ странахъ, гдѣ проходили или жили Кельты—такихъ каменныхъ сооруженій не встрѣчается. Ясно, что эти памятники принадлежатъ какому то иному племени, которымъ населена была Европа до пришествія индо-европейскихъ колонистовъ. Замѣчательно и то обстоятельство, что каменныя сооруженія находятся по преимуществу въ приморскихъ странахъ: въ южной Швеціи, Даніи, Сѣверной Германіи, Голландіи, большой Бретани, Ирландіи, Западной Франціи, Португаліи, Корсикѣ и т. д., ихъ нѣтъ ни въ Скандинавіи (въ тѣсномъ геогра-

---

кельтскаго происхожденія каменныхъ циклопическихъ построекъ укажемъ только на извѣстнаго Генриха Шрейбера. Кромѣ многихъ отдѣльныхъ монографій археологическаго содержанія онъ издалъ 5 томовъ сборника, посвященнаго преимущественно разработкѣ кельтскихъ древностей: Taschenbuch für Geschichte und Alterthum in Süddeutschland. Freib. 1839—1846 5 vol. Мысли его о назначеніи каменныхъ циклопическихъ сооруженій изложены въ 5 томѣ Сборника стр. 39—91 и въ отдѣльномъ сочиненіи: Die Feen in Europa. Eine historisch - archeologische Monographie. Freib. im Breisgau. 1842. 4°, стр. 1—36. Труды Шрейбера давно оцѣнены наукою, а равно и его увлеченія вездѣ и во всемъ видѣть Кельтовъ. Grimm's. Mythol. 2-e Ausg. p. XXVI.

[1]) Worsaae. Zur Alterthumskunde des Nordens. Leipz. 1847, 4°, pag. 49—56 et passim. Сравни также его письмо къ Мериме, L'Athenæum français 1853, № 17 (23 Avril).

фическомъ смыслѣ[1], ни въ Шотландіи, ни въ средней Европѣ: какъ будто эти первобытные обитатели не смѣли долго останавливаться въ лѣсахъ и при болотахъ центральной Европы: у нихъ не было средствъ покорить дикую лѣсную природу страны они проходили по ней и стремились къ странамъ открытымъ, гдѣ море и ихъ нехитрыя орудія могли обезпечить ихъ существованіе; здѣсь думали они основаться и долго прожить, потому и сооружали такія прочныя жилища дорогому праху отшедшихъ отцовъ [1]). Напрасно! Постепенный притокъ арійскихъ колонистовъ вытѣснялъ ихъ и отсюда: отодвигаемые все далѣе на западъ они, наконецъ, совершенно исчезаютъ изъ исторіи. Вотъ почему высшія по отдѣлкѣ каменныя орудія находятся на самомъ крайнемъ западѣ Европы, въ Ирландіи и Бретани: оттѣсненные въ эту мѣстность, европейскіе аборигены успѣли усовершить свою культуру и своимъ орудіямъ сообщить болѣе искусную отдѣлку.

Къ соображеніямъ, выказаннымъ Ворсо противъ мысли о кельтскомъ происхожденіи циклопическихъ каменныхъ построекъ, можно прибавить еще остроумную и ученую критику извѣстнаго Эдельстана дю-Мери (du Méril): онъ подробно разсмотрѣлъ положенія защитниковъ этой мысли и нашелъ, что ни одна изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики и что нѣтъ никакихъ причинъ считать *кельтскими—такъ называемые кельтскія сооруженія*: ни въ понятіяхъ, условившихъ ихъ возникновеніе, ни въ названіяхъ этихъ построекъ, ни въ предметахъ, въ нихъ находимыхъ,—нельзя видѣть ничего исключительно кельтскаго [2]).

Въ послѣднее время Бертранъ снова подвергъ этотъ вопросъ тщательному изслѣдованію: разсмотрѣвъ географію кельтскихъ племенъ, на сколько извѣстна она изъ указаній историковъ и географовъ: онъ сличилъ ее, съ географіей такъ называемыхъ—*кельтскихъ* построекъ и замѣтилъ, что эти послѣднія лежатъ именно

---

[1]) Основываясь на отсутствіи сооруженій каменнаго вѣка въ средней Европѣ, Ворсо находитъ возможнымъ допустить мысль, что первобытные обитатели Европы никогда не жили въ средней части ея: „при своемъ переселеніи изъ Азіи въ Европу — говоритъ онъ — кажется они были раздѣлены на двѣ толпы: одна шла по берегамъ Средиземнаго моря, другая слѣдовала сѣверо-западному пути и по рѣкамъ сѣверной Россіи достигла сначала береговъ Балтики, потомъ Сѣвернаго моря и наконецъ атлантическаго океана". Zur Alterthumskunde des Nordens. p. 49—50. Но не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что эти народы проходили и по средней Европы, тѣмъ болѣе, что они, какъ увидимъ, оставили здѣсь несомнѣнные слѣды своего существованія.

[2]) Edélstand du Méril—Mélanges Archéologiques et littéraires. Paris 1850, статья: Essai sur l'origine, la destination et l'importance historique des monuments connus sous le nom de celtiques. Стр. 95—147.

внѣ странъ, гдѣ обитали кельтскія племена [1]). Въ общихъ результатахъ Бертранъ сходится съ Ворсо, также отрицаетъ кельтское происхожденіе циклопическихъ каменныхъ построекъ, относя ихъ къ европейскимъ аборигенамъ, но думаетъ, что Ворсо былъ не совсѣмъ правъ, когда утверждалъ, что дольмены исключительно принадлежатъ каменному вѣку и всегда служили могилами. Бертранъ пока обнародовалъ только общіе результаты своихъ изслѣдованій, но изъ нихъ уже ясно, что мысль о кельтскомъ происхожденіи каменныхъ циклопическихъ построекъ—должна навсегда устраниться изъ науки.

Итакъ не Кельты, а первобытные обитатели Европы сооружали эти громадныя *жилища великановъ*: Кельты нашли ихъ уже готовыми и, немудрено, что пораженные ихъ внѣшнею громадностью, они приняли ихъ за дѣло рукъ нечеловѣческихъ и отнеслись къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ и поклоненіемъ. Что создается самимъ народомъ на глазахъ всѣхъ и каждаго, то бываетъ слишкомъ близко къ нему, чтобы такъ сильно запугать его воображеніе и заставить его призвать великановъ и феи на мѣсто обыкновенныхъ смертныхъ строителей. Такое суевѣрное чествованіе предметовъ, созданныхъ чужою неизвѣстною рукою—не составляетъ исключенія въ археологической наукѣ, довольно указать на *каменныя бабы* южно-русскихъ степей: къ нимъ и теперь простолюдинъ относится со страхомъ и мольбой, а онѣ поставлены рукою не его кровныхъ благочестивыхъ предковъ, а чужимъ неизвѣстнымъ и, можетъ быть, враждебнымъ народомъ! Кельты и иныя племена могли употребить эти каменныя постройки для своихъ матерьяльныхъ, или религіозныхъ потребностей: торжественныхъ празднествъ, богослуженія, народныхъ судилищъ [2]); но было бы слишкомъ поспѣшно заключать отсюда, что таково и было ихъ первоначальное назначеніе и что съ этою цѣлью онѣ были воздвигнуты именно Кельтами; напротивъ, все, отъ внѣшняго вида этихъ памятниковъ до предметовъ, находимыхъ внутри ихъ—убѣждаемъ, что это

---

(1) Les monuments primitifs de la Gaule Monuments dits celtiques, dolmens et tumulus". Revue archéolog. 1863, (Avril) p. 217—237. Ibidem. 1864 (Aout) p 144—154.

2) Bouché de Cluny—Les Druides. Par. 1844. p. 134 — 137. Caumont — Cours d'antiquités monumen. t. 1. Par. 1830 p. 74—111 et passim. Villemarqué—La Légende celtique. Par 1859. p. 18. 274. Preusker—Blicke in die vaterländ. Vorzeit, L 1841—4, t. I, 100—15; II, 116—133, 207; III, 196—207 et passim. Kollar Výklad ku Slávy Dceře. Pr. 1861. pag. 74—77. Срезневскій. Святилища и обряды языческаго богослуженія древ. Славянъ. Хар. 1846, p. 29—31.

были *люди* [1]), скрывавшіе прахъ какого-то неизвѣстнаго племени съ грубою культурою, стоявшею далеко назади развитаго быта арійскихъ колонистовъ!

Вопросъ о томъ, какому племени принадлежатъ *каменныя орудія*— гораздо сложнѣе предыдущаго: съ одной стороны и письменныя свидѣтельства и народныя преданія говорятъ, что каменныя орудія имѣли свое значеніе въ бытѣ индо-европейскихъ переселенцевъ, употреблялись [2]) ими и стало быть были плодомъ ихъ народной культуры, съ другой — почти повсемѣстное распространіе этихъ орудій по Европѣ и даже въ тѣхъ мѣстахъ, куда арійскіе колонисты проникли очень поздно, находки каменныхъ издѣлій въ такихъ слояхъ земли, которые указываютъ на эпоху глубочайшей древности и первобытнаго дикаго состоянія человѣка [3]), наконецъ очевидное сходство формъ и отдѣлки этихъ орудій, вышедшихъ какъ бы изъ одной мастерской—дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что орудія каменнаго вѣка относятся ко времени, предшествовавшему появленію индо-европейскихъ племенъ въ Европѣ и принадлежатъ неизвѣстнымъ, первобытнымъ ея обитателямъ. Съ той поры, какъ археологія обратила серьезное вниманіе на важность этнологическихъ опредѣленій, это кажущіяся противорѣчія породили между учеными два противуположныя мнѣнія: одни считаютъ каменныя орудія произведеніемъ культуры первобытныхъ обитателей Европы, другіе полагаютъ, что и индо-европейскія племена пережили на европейской почвѣ свой каменный вѣкъ, прежде чѣмъ вступили въ бронзовый; потому первые не позволяютъ себѣ никакихъ заключеній о культурѣ индо-европейскихъ племенъ на основаніи археологіи каменнаго вѣка, вторые же, по естественной послѣдовательности, не отступаютъ предъ такою попыткою. Рѣшительнымъ и рѣзкимъ защитникомъ позднѣйшаго происхожденія каменныхъ орудій выступилъ не такъ давно пасторъ Кирхнеръ: его возраженія направлены противъ мнѣнія, что каменныя издѣлья возникли въ эпоху предшествовавшую знакомству съ ме-

---

[1]) Эта мысль первоначально высказана Worsô, Бертранъ также находитъ ее согласною съ фактами: cf. Revue archéologique 1863, Avril, p. 226—7, 230—7.

[2]) Schreiber's — Taschenbuch etc. I, 145 et seq. Kirchner — Thor's Donnerkeil... Neu Strelitz. 1853 p. 85—88. Grimm's — Deut. Myhol. 2-te Ausg. p. 1166—1172. Preuker—Blicke in d. vat. Vorzeit, I, 160—176. Wocel—Grundzüge d. böhmisch. Alterthumskunde. Pr. 1845. p. 16—19, 47—8.

[3]) Baer — Ueber die frühesten Zustände der Menschen in Europa, (въ приложеніи къ петербур. нѣмецк. мѣсяцеслову на 1854 г.) стр. 8—16. Sacken—über die vorchristlichen Culturepochen Mitteleuropa's. Wien, 1862, p. 26. et. seq.

таллами и употреблялись для обыкновенныхъ житейскихъ цѣлей; онъ старался доказать, что эти орудія обязаны своимъ происхожденіемъ не недостатку въ металлахъ, а особымъ религіознымъ потребностямъ, потому и предназначались только для религіозныхъ цѣлей, какъ жертвенные молоты, ножи, амулеты или орудія религіозныхъ игръ; по теоріи Кирхнера — эти орудія выдѣланы посредствомъ металлическихъ инструментовъ и употреблялись въ жизни нѣмецкихъ племенъ даже до XII-го вѣка нашей эры, одновременно съ бронзовыми и вообще металлическими [1]). Крайность и несостоятельность такого мнѣнія очевидна для каждаго, кто знакомъ съ успѣхами доисторической археологіи, но тѣмъ не менѣе мысль объ относительно позднемъ происхожденіи орудій каменнаго вѣка раздѣляютъ еще многіе основательные археологи. Такъ, по мнѣнію графа Евст. Тышкевича [2]), каменныя орудія, встрѣчающіяся въ Литвѣ и Руси литовской, принадлежатъ нынѣшнимъ туземцамъ страны, Литовцамъ или Славянамъ, самые же способы обработки камня и формы орудій были первоначально заимствованы ими у Скандинавовъ. Предположеніемъ этой связи почтенный польскій археологъ хочетъ объяснить сходство или тожество каменныхъ орудій, находимыхъ въ Литвѣ и западной Руси съ подобными орудіями скандинавской территоріи; если такъ, то приходится сдѣлать весьма невыгодное заключеніе о доисторической культурѣ Славянъ и Литвы, которые не съумѣли даже самостоятельнымъ путемъ дойти до искусства обработывать камни; а такая мысль станетъ въ противорѣчіе со всѣмъ, что намъ извѣстно о доисторическомъ бытѣ этихъ народностей, и притомъ, какъ извѣстно, каменныя издѣлья литовско-русской территоріи тожественны не только съ орудіями, находимыми въ Скандинавіи, но и со всѣми вообще, какія до сихъ встрѣчались во всей Европѣ, Азіи и даже Америкѣ, такъ что становится невозможнымъ допустить мысль о внѣшнемъ заимствованіи ихъ отъ Скандинавовъ только на основаніи сходства внѣшнихъ формъ и обработки. Другой польскій писатель-археологъ г. Крашевскій, излагая исторію славянскаго искусства, также начинаетъ ее съ построекъ и орудій каменнаго вѣка [3]). Очевидно, что наука не пришла еще къ опредѣ-

[1]) E. Kirchner — Thor's Donnerkeil und die steinernen Opfergeräthe des nordgermanischen Heidenthums. Neu Strelitz. 1853. cf. также Schreiber's Taschenbuch etc. t. I. p. 145—149, и возраженія ему у Ворсо: Zur alterthumsk. d. Nordens, p. 58

[2]) Eus. Hr. Tyszkiewicz—Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuk i rzemiosł... Wilno, 1850, pag. 85—91.

[3]) Kraszewski. Sztuka u Słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej.

денному взгляду на этотъ предметъ, нѣтъ даже сколько нибудь замѣчательныхъ попытокъ уяснить вопросъ точнымъ сравнительнымъ разборомъ фактовъ и ученыхъ мнѣній: все дѣло ограничивается лишь личными и притомъ равнодушными взглядами, неимѣющими обязательнаго ученаго значенія; кажется даже, что съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ археологическая наука на вопросъ объ этнологіи каменныхъ орудій—окончательное рѣшеніе его едва ли возможно. Въ самомъ дѣлѣ: народныя преданія и письменныя свидѣтельства говорятъ намъ объ употребленіи каменныхъ орудій въ житейскомъ бытѣ арійскихъ колонистовъ Европы — предположимъ, что они, владѣя искусствомъ обработки металловъ и вообще металлическими орудіями, употребляли каменныя лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обстоятельствахъ житейскаго обихода, гдѣ камень вполнѣ могъ замѣнить металлъ, допустимъ, что употребленіе металловъ—общій законъ, а камня—частное явленіе; и тогда—исчезнутъ ли сомнѣнія, можно ли будетъ прійти къ какому нибудь вѣрному выводу? Нѣтъ: съ одной стороны тожественное сходство формъ каменныхъ орудій еще не дастъ права заключать, что они принадлежатъ одному племени: это сходство могло быть слѣдствіемъ одинакихъ потребностей и условій жизни, въ какихъ находятся народы совершенно различные по происхожденію, съ другой—нѣтъ причины не допустить, что и племена индо-европейскаго корня должны были, подобно прочимъ, когда-то пережить свой періодъ каменныхъ орудій, а потому и нѣтъ прочныхъ доказательствъ для мысли, что орудія изъ камня, находимыя на европейской почвѣ, принадлежатъ исключительно первобытнымъ обитателямъ страны: съ равнымъ правомъ ихъ можно отбудетъ нести и къ индо-европейскимъ пришельцамъ. Вообще, до тѣхъ поръ, пока археологическая наука будетъ опираться лишь на одни такъ называемые вещественные памятники—сомнѣнія и недоразумѣнія не устранятся: необходимо призвать на помощь иного археологическаго свидѣтеля — и мы найдемъ его въ *языкѣ*. Если будетъ доказано, что арійскіе колонисты вступили на европейскую почву съ умѣніемъ добывать металлы и сообщать имъ искусственную обработку, тогда каменныя орудія несомнѣнно должны быть отнесены къ періоду предшествующему, къ первобытнымъ обитателямъ страны, ибо невозможно предположить, чтобы арійскіе переселенцы, разъ достигши обладанія металлами, вно-

---

Wilno, 1860, p. 15—45. Кажется, что и Воцель раздѣляетъ это мнѣніе, см. Archäologische Parallelen I, p. 24, или Sitzungsber. der Acad. т. XI, p. 737.

слѣдствіи утратили это великое искусство и, пришедши въ обѣтованную землю, спустились въ матерьяльномъ развитіи на цѣлую огромную стадію ниже, принялись снова за грубую обдѣлку камня и каменнымъ вѣкомъ снова начали свою новую, европейскую жизнь. Рѣшить этотъ вопросъ можно только посредствомъ языка, такъ какъ никакой иной свидѣтель не досягаетъ до такой отдѣленной древности. Послѣдующее изложеніе, надѣюсь, докажетъ ранее, до-европейское знакомство арійскихъ племенъ съ металлами, но теперь, позволю себѣ еще на нѣкоторое время остаться въ предѣлахъ каменнаго вѣка и напередъ прійму какъ несомнѣнную истину то положеніе, что *каменный вѣкъ и его орудія относятся не къ племенамъ индо-европейскимъ, вышедшимъ изъ равнинъ средней Азіи и постепенно заселившимъ Европу, а къ какому-то неизвѣстному племени, обитавшему въ Европѣ до пришествія индо-европейскихъ колонизаторовъ.* Спрашивается — что это было за племя! И здѣсь, какъ въ предыдущемъ, мнѣнія ученыхъ различны: одни относятъ каменныя орудія къ древнѣйшему финно-чудскому населенію Европы, остатки котораго представляютъ нынѣшніе Лапландцы [1]), другіе приписываютъ ихъ Баскамъ, или Иберамъ [2]). Заключенія эти главнымъ образомъ основываются или на совершенно личныхъ предположеніяхъ, или на изслѣдованіи формы и строенія череповъ, что для археологической науки тоже имѣетъ цѣну не болѣе личныхъ предположеній. Вѣрнѣе, однако же, будетъ оставить каменный вѣкъ за Иберами. Народъ каменнаго вѣка не былъ въ строгомъ смыслѣ слова кочующимъ номадомъ: номады не создаютъ подобныхъ прочныхъ каменныхъ сооруженій и безслѣдно исчезаютъ изъ страны, если она не можетъ дать прочной и постоянной поддержки ихъ существованію, потому — едва ли вѣроятно, что постройки и орудія каменнаго вѣка принадлежатъ Финнамъ-Лапонцамъ, которые и теперь не имѣютъ прочной осѣдлости и еще менѣе должны были имѣть ее въ эпоху отдѣленнѣйшей древности. Трудно также, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, допустить мысль, что Лапонцы изъ первобытной осѣдлости обратились къ кочевью вслѣдствіе прилива индо-европейскихъ колонистовъ: это значило бы отрицать идею историческаго развитія; притомъ же каменныя орудія, встрѣчающіеся въ сѣверной Скандинавіи, гдѣ, какъ извѣ-

[1]) Weinhold. Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland. 1 Heft Wien. 1859, p. 17 или 131 d. Sitzungsberichte. d. k. acad. vol. XXIX. (Decemberheft).

[2]) Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, XIV Jahrg. Schw. 1849, p. 301, et sqt.

стно, обитали Лапонцы, во многомъ не походятъ на орудія южной Скандинавіи и остальной Европы: они выдѣланы изъ инаго камня, не такъ художественно обработаны и вообще обнаруживаютъ гораздо низшую степень культуры противъ той, какую можно усмотрѣть изъ орудій, такъ называемыхъ первобытныхъ обитателей Европы. Повсемѣстное распространіе Линновъ-Фапонцевъ по Европѣ не встрѣчаетъ никакого подтвержденія со стороны историческихъ свидѣтельствъ и противорѣчитъ извѣстному широкому распространенію Иберовъ; главная масса обитателей каменнаго вѣка сосредоточивалась на западѣ, а Финны сидѣли на востокѣ; замѣчательно также, что во всей Норвегіи и сѣверной Швеціи, гдѣ обитали Финны—не встрѣчается ни каменныхъ построекъ, ни каменныхъ могилъ [1]). Впрочемъ Ворсо сомнѣвается и въ иберійскомъ происхожденіи построекъ и орудій каменнаго вѣка, онъ предпочитаетъ назвать этотъ народъ общимъ именемъ доисторическаго обитателя Европы [2]). Дѣло не въ имени, а въ томъ, что благодаря памятникамъ этого народа, наука до нѣкоторой степени уяснила вопросъ о *ходѣ заселенія Европы*, который безъ каменныхъ памятниковъ опочившаго народа, навсегда остался бы для насъ темною, закрытою страницею.

2. *Названія металловъ у Индо-Европейскихъ племенъ. Археологическіе выводы отсюда.*

За *каменнымъ* вѣкомъ въ Европѣ непосредственно слѣдуетъ *бронзовый*, оставившій по себѣ многочисленные и глубокіе слѣды. Естественно возникаетъ вопросъ: какому племени принадлежитъ этотъ важный шагъ впередъ въ исторіи человѣчества, кто былъ виновникомъ открытія металловъ, кто впервые съумѣлъ примѣнить ихъ къ удовлетворенію нуждъ и потребностей человѣка? Сами ли первобытные обитатели Европы, путемъ постепеннаго развитія, пришли къ такому великому пріобрѣтенію и естественнымъ порядкомъ смѣнили камень на бронзу, или это совершили новые пришельцы, которымъ суждено было заключить періодъ дикой первобытной жизни и начать тотъ новый порядокъ вещей, изъ котораго вышла современная европейская культура! Уже потому, что было замѣчено выше о перерывѣ, существующемъ между культурой камен-

---

[1]) Worsaae — Zur Alterthumskunde des Nordens. L. 1847. p. 50—3. Weinhold—Die Heidnische Todtenbestattung in Deutschland. 1 Heft W. 1859, p. 17—18.

[2]) Op. cit, p. 55.

наго и бронзоваго вѣковъ, объ отсутствіи преемственности во внѣшнихъ формахъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій — можно утверждать, что не первобытные неизвѣстные обитатели, а новые колонисты основали культуру бронзоваго вѣка въ Европѣ. Насъ не можетъ въ этомъ мнѣніи остановить и то обстоятельство, что въ могилахъ каменнаго вѣка иногда встрѣчаются металлическія издѣлья изъ бронзы и даже желѣза: старыя могилы нерѣдко раскрывались за тѣмъ, чтобы принять въ себя останки новыхъ племенъ и народовъ, и если въ дѣйствительной тревожной жизни новый пришлецъ совершенно уничтожилъ и поглотилъ стараго аборигена, то за дверями гроба они мирно покоились другъ возлѣ друга, или другъ на другѣ, не споря болѣе за право обладанія мѣстностью.

Еще не принимая во вниманіе свидѣтельствъ языка, всѣ изслѣдователи, съ рѣдкимъ согласіемъ, относятъ бронзовый вѣкъ къ первымъ пришельцамъ великаго индо-европейскаго племени: съ появленіемъ бронзы обнаруживается большее чувство изящнаго, большій навыкъ въ искусствѣ, другой стиль въ украшеніяхъ и вообще высшее состояніе культуры; вмѣсто огромныхъ каменныхъ комнатъ съ несожженными тѣлами и простыми каменными орудіями — вдругъ появляются земляные холмы, могильныя помѣщенія, въ которыхъ почти всегда лежатъ сожженные трупы и при нихъ изящное вооруженіе и другія художественныя издѣлья изъ бронзы и золота. Вещей грубыхъ, которыя знаменовали бы естественный переходъ отъ каменной культуры къ бронзовой — не встрѣчается вовсе; словомъ — все указываетъ на иной, пришлый народъ, который замѣнилъ прежнихъ обитателей и принесъ съ собою новую развитую культуру![1]) Ни одно свидѣтельство, ни одинъ памятникъ, никакой даже простой намекъ — не говорятъ, что этотъ народъ былъ происхожденія не индо-европейскаго, напротивъ, многое свидѣтельствуетъ объ его арійскомъ источникѣ: если бы индо-европейскіе колонисты населили Европу позднѣе, въ эпоху, когда гадательная бронзовая культура туземцевъ окрѣпла и развилась, то отъ столкновенія ея съ культурой пришлецовъ необходимо образовался бы особый художественный типъ, отличный отъ прежняго бронзоваго; а въ памятникахъ нѣтъ и слѣда такой борьбы: бронзовыя издѣлья разнообразны и по своимъ формамъ и по орнаментовкѣ, но это разнообразіе есть необходимое слѣдствіе прав-

(1) Worsaae — Zur Alterth. d. Nord. p. 54, 56. Baer — Ueber d. frühest. Zustände der Menschen in Europa .. p. 35—39.

ственнаго и матерьяльнаго развитія индо-европейскихъ племенъ, уже успѣвшихъ раздробиться и образовать особыя народности, каждая съ болѣе или менѣе особымъ характеромъ —, и при всемъ томъ, это разнообразіе издѣлій не таково, чтобы изъ за него нельзя было не видѣть родственности ихъ происхожденія, ихъ общей колыбели, изъ которой они только самостоятельно выросли и развились. Съ бронзовой культуры начинается настоящая исторія художественной обработки металловъ въ Европѣ: съ этой эпохи можно слѣдить постепенность въ развитіи формъ и украшеній металлическихъ издѣлій; потому что нигдѣ нельзя уже замѣтить такого перерыва, какой отдѣляетъ каменный вѣкъ отъ бронзоваго. [1]) Одно уже это представляетъ достаточное ручательство въ индо-европейскомъ происхожденіи бронзоваго періода.

Вопросъ переносится теперь въ сферу болѣе частную: спрашивается, когда и какимъ путемъ достигли арійскія племена знакомства съ металлами, извѣстна ли была обработка ихъ въ эпоху первоначальнаго единства, или они пріобрѣли это важное для успѣховъ жизни искусство по своемъ раздѣлѣ на отдѣльныя группы, во время своего движенія въ Европу и въ самой Европѣ, было ли это искусство туземное, самопріобрѣтенное, или оно пришло извнѣ, отъ иныхъ племенъ чуждаго происхожденія? Академикъ К. М. Бэръ, недовѣряя выводамъ и сближеніямъ извѣстнаго лингвиста—археолога Ад. Пиктé, находившаго у первичнаго индо-европейскаго племени почти всѣ употребительные металлы, полагаетъ болѣе вѣроятнымъ обратное заключеніе и думаетъ, что знакомство съ металлами пріобрѣталось съ разныхъ сторонъ и что индо-европейскія племена, по крайней мѣрѣ отчасти, узнали эти металлы во время своихъ странствованій... „Если бы этимъ племенамъ— говоритъ К. М. Бэръ, были извѣстны всѣ металлы прежде развѣтвленія, то бронза не могла бы долго употребляться у нихъ для рѣжущихъ инструментовъ. Тогда не существовало бы отдѣльнаго періода бронзы“ [2]). Не такъ рѣшительно говоритъ противъ знакомства первичнаго арійскаго племени съ металлами ученый зна-

---

([1]) Мы разумѣемъ здѣсь обработку легкоплавныхъ металловъ, но отнюдь не желѣза, грубый матеріалъ котораго естественно долженъ былъ обусловить возникновеніе грубыхъ вещей. Вотъ почему нѣкоторые изслѣдователи не замѣчаютъ послѣдовательности, между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ, но не слѣдуетъ, кажется, упускать изъ виду трудности, сопряженной съ добываніемъ и обработкою желѣза: и самый образованный народъ, владѣющій художественною обработкою мѣди, познакомясь впервые съ желѣзомъ, могъ начать лишь съ грубыхъ издѣлій.

[2]) Über die frühest. Zustände d. mensch. in Europa, pag. 37.

токъ эранскихъ нарѣчій, г. Лерхъ: въ своей замѣчательной статьѣ объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ Европѣ [1]) онъ, по крайней мѣрѣ допускаетъ, что первоначальныя индо-европейскія названія металловъ у разныхъ племенъ могли быть замѣнены современемъ *новыми*, стало быть въ эпоху индо-европейскаго единства могли существовать и свои собственныя имена, могла быть извѣстна и обработка металловъ [2]). Безъ подобныхъ предположеній не обходится еще пока никакая историческая наука, но въ настоящемъ случаѣ они едва ли необходимы: ни одинъ осторожный лингвистъ не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что Арійцамъ была извѣстна обработка и употребленіе металла—и сомнѣваться можно лишь на счетъ того, какой металлъ обозначался общимъ именемъ.

Остановимся на именахъ важнѣйшихъ металловъ у индо-европейскихъ племенъ и потомъ сдѣлаемъ нѣкоторые общіе археологическіе выводы.

Для обозначенія *металла* вообще—санскритъ употребляетъ слово *ayas*, въ другихъ родственныхъ языкахъ — отъ одного корня произошли слова, обозначающія то *мѣдь*, то *желѣзо*, таковы: латинское—*aes* (вмѣсто *ais* изъ *ayas*, или же, какъ сокращеніе, изъ *ahes*, *aheneus*), готское *ais* и (*eisarn*), древ. вер. нѣмецкое *êr* (и *îsarn*), ново-нѣмецкое—*er-z*, древне-ирландское—*iarn* (изъ * *isarn*), англо-саксонское—*âr*, англійск.—*ore*. Трудно, почти невозможно думать, что сходство этихъ названій есть дѣло случая или внѣшняго заимствованія: они идутъ отъ одного корня, вылиты по одной первичной формѣ и въ теченіи многихъ столѣтій испытали лишь легкія видоизмѣненія; потому предположеніе, что арійскія племена въ эпоху до-историческаго единства были знакомы съ употребленіемъ металла—получаетъ силу достовѣрнаго историческаго явленія. Иной вопросъ, какой родъ металла обозначался этимъ названіемъ. Въ Санскритѣ оно почти исключительно употреблялось для обозначенія *желѣза*, въ латинскомъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ оно значило первоначально *мѣдь*, а потомъ тотъ металлъ, который въ древности употреблялся предпочтительно для практическихъ цѣлей, помѣсь мѣди съ оловомъ или цинкомъ, *бронзу*. Максъ Мюллеръ думаетъ, однако, что и въ Санскритѣ *ayas* первоначально

[1]) Извѣстія Императ. Археологич. Общества т. 4-й Спб. 1863 г стр. 149.

[2]) Въ своей послѣдней статьѣ (ibid. т. V вып. 4, стр. 217) Г. Лерхъ уже прямо говоритъ, что, по его мнѣнію, „индо-европейскіе народы, при переселеніи своемъ въ Европу не были знакомы съ обработкою металловъ". Такая опредѣленность произошла, по всему вѣроятію, вслѣдствіе нынѣшнихъ высказанныхъ К. М. Бэромъ и Нильсономъ.

значило *металлъ* т. е. *мѣдь*, а когда мѣсто мѣди заступило желѣзо, это слово получило другое спеціальное значеніе, значеніе *желѣза*. Въ Атарва—Ведѣ (XI, 3, 1, 7) и въ Vâjasaneyisanhitâ (XVIII, 13) встрѣчается мѣсто, гдѣ дѣлается различіе между *Syâmam ayas* = *темный, черноватый металлъ* и *loham* или *lohitam ayas* = *свѣтлый металлъ*, такъ что первое значитъ *мѣдь*, второе же—*желѣзо*. Мясо животныхъ сравнивается съ мѣдью, кровь уподобляется желѣзу. Это показываетъ, что исключительное значеніе *ayas* = *желѣзо*—позднѣйшаго происхожденія и дѣлаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что, подобно племенамъ латинскимъ и нѣмецкимъ, Индусы первоначально съ словомъ *ayas* соединяли понятіе о металлѣ *par excellence* т. е. о *мѣди*. Въ греческомъ *ayas* перешло бы *ês* но оно не удержалось и было замѣнено словомъ χαλκός: это слово тоже первоначально значило *мѣдь*, а позднѣе получило значеніе *металла вообще* и χαλκεύς = *ковачь мѣди* встрѣчается въ Одиссеѣ (12. 391) въ значеніи *кузнеца вообще*, или работника желѣза, σίδηρεύς. Ясно, что греческая народность уже существовала до открытія желѣза. Даже въ греческой поэзіи сохранилась память о періодѣ, когда мѣдь была единственнымъ металломъ, употреблявшимся для приготовленія оружія, военныхъ доспѣховъ и мирныхъ орудій: Гесіодъ говоритъ о третьемъ поколѣніи людей, „которое имѣло мѣдное оружіе, мѣдные домы, мѣдью работало (пахало) и незнало чернаго желѣза". Въ поэмахъ Гомера—ножи, концы копій, доспѣхи—приготовлялись все еще изъ мѣди... Можно думать, что древніе знали способъ придавать твердость этому мягкому металлу... Латинское *cuprum* очень поздняго происхожденія: оно вошло въ общее употребленіе не ранѣе III—IV в. и было лишь простымъ сокращеніемъ двухъ словъ *aes cyprium*. *Желѣзо* называлось по латыни—ferrum [1]). Въ готскомъ словомъ *ais* передается греческое χαλκός, но въ древ. верх. нѣмецкомъ — *chuphar* является съ болѣе спеціальнымъ значеніемъ и *êr* получаетъ значеніе бронзы. Это *êr* утратилось въ новомъ нѣмецкомъ за исключеніемъ прилагательной формы *ehern* и для обозначенія металла вообще образовалось новое слово, др. вер. нѣм. *ar-uzi*, новонѣмецк. — *erz*. Какъ въ Санскритѣ—*ayas* получило спеціальное значеніе *желѣза*, такъ и въ нѣмецкомъ названіе желѣза было произведено отъ древнѣйшаго названія мѣди: готское *eisarn*=желѣзо Як. Гриммъ разсматриваетъ, какъ производную форму отъ *ais*, *eisarn* измѣнилось въ древне-

[1]) Max Müller—Lectures on the science of language. II (L. 1864) p. 230—1.

верхне-нѣмецк. въ *isarn*, позднѣе—въ *isan*=новонѣмец. *eisen*, между тѣмъ, какъ англо-саксонское *isern* служитъ переходомъ къ *iren* и *iron*.

Летто-славянскіе языки для обозначенія двухъ названныхъ металловъ употребляютъ свои особыя имена, стоящія внѣ грамматическаго родства съ именами прочихъ индо-европейскихъ племенъ. Церк. Слав.—мѣдь, рус.—мѣдь, чешск. *měd'*, польск.—*miedź*, сербск.—*мјед*, литов,—*waras* (?). Названіе *бронзы*—позднѣйшаго, и при томъ чужаго, происхожденія. *Желѣзо* въ цер. сл., рус., чеш., серб.—желѣзо; польск., — *żelazo*, литовское — *jeležis*, какъ очевидно — одно и то же слово даже безъ особыхъ фонетическихъ измѣненій.

Названія драгоцѣнныхъ металловъ, *золота* и *серебра*—не могутъ уже быть съ такою очевидностью возведены къ эпохѣ доисторическаго единства племенъ: можно сближать между собою названія этихъ металловъ (санскр. *radžata*, греческ.—ἄργυρος, латин. *argentum*, кельт.—*airgiod*; санскр. *hiranyam*, зендск.—*zara*, готск.—*gulth*, слав.—злато, литов.—*selt's*, греческ.—χρυσός), можно отсюда *предполагать* о знакомствѣ первобытныхъ арійцевъ съ благородными металлами; но *несомнѣннымъ* остается покамѣсть лишь то, что золото и серебро были извѣстны племенамъ индо-европейскимъ въ ту эпоху ихъ жизни, когда они раздѣлились и составили большія группы, изъ которыхъ потомъ вышли болѣе дробныя нынѣшнія индо-европейскія народности; такъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что оба благородные металла были въ употребленіи у племени славяно-летто-нѣмецкаго: золото носило названіе *garta-m* (вмѣсто первонач. *ghar-ta-m*, отъ корня *ghar*=блестѣть), отсюда съ небольшими фонетическими измѣненіями: готск. — *gulth*, слав.—злато, леттск. — *selt's*. У нѣкоторыхъ другихъ индо-европейскихъ племенъ названія золота могутъ быть также произведены отъ того же корня *ghar*: древ. санск.—*hir-an'a-m*, *hir-an'ja-m*, древне-бактр.-*zara*, *zairi* т. е. **zari*, греческ.-χρύσος; но сильныя грамматическія отклоненія позволяютъ предполагать, что эти названія образовались впослѣдствіи, путемъ независимымъ, хотя и отъ того же корня, обозначавшаго блескъ. Такимъ образомъ, древнѣйшее знакомство съ золотомъ и существованіе его обработки у племени греко-итало-кельтскаго еще не можетъ быть доказано путемъ языка; напротивъ того—*серебро* было извѣстно и Славяно-Летто-Германцамъ и тому племени, изъ котораго вышли Греко-Итало-Кельты и Индо-Эранцы: у первыхъ—серебро называлось *sarabra-m*, откуда позднѣе образовались: готское—*silubr*, слав.—сребро, древ. прус.—*sirabla*, литовск.—*sidabra*; у втораго же племени, давшаго происхожденіе

Индо-Эранцамъ и Греко-Итало-Кельтамъ — оно носило названіе *rag-ata* или *arg-ata*=блестящее (корень *rag*, *arg*=блестѣть и притомъ—бѣлымъ блескомъ.), отсюда: санскр.—*rag'-ata-m*, древне бактрійское-*ereз-ate-m* латинск.—*arg-entu-m*, осское—*arageto-m*, греческ. — ἄργ-υρο-ς, кельтск.—*airgiod.*[1]) Такое сходство въ названіяхъ металловъ не можетъ, не должно быть объясняемо случайностью созвучія или внѣшнимъ заимствованіемъ многіе изъ племенъ арійскаго корня по раздѣленіи и прошествіи своемъ въ Европу—оставались чужды другъ другу и не имѣли между собою никакихъ исторически извѣстныхъ сношеній и столкновеній и потому не могли передать другъ другу этихъ названій. Это сходство родственное, идущее изъ эпохи единства индо-европейскихъ племенъ: выдѣляясь изъ общаго племеннаго потока, становясь на собственныя ноги, каждый народъ забралъ съ собою и запасъ словъ, образовавшійся въ эпоху этнологическаго единства, съ теченіемъ времени старыя слова забывались, замѣнялись новыми, или же видоизмѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ и историческихъ условій. Намъ неизвѣстны въ точности внутреннія причины этихъ видоизмѣненій, но существованіе законовъ, по какимъ совершались эти измѣненія — не подлежитъ сомнѣнію: на это указываетъ постоянство и правильность фонетическихъ измѣненій въ языкахъ, и если взглянуть на приведенныя мною названія металловъ у различныхъ племенъ съ точки зрѣнія законовъ, дѣйствовавшихъ въ языкахъ индо-европейскаго корня, то всѣ названія окажутся не только *сходными*, но и родственными, идущими отъ одного корня, органически правильно измѣнившими свою фонетику; потому, я думаю, съ увѣренностью можно заключить, что арійскимъ племенамъ—еще до разселенія ихъ—было извѣстно употребленіе металловъ: золота, серебра и мѣди въ болѣе или менѣе чистомъ состояніи: санскритъ, латинскій нѣмецкій и кельтскій языки сходятся въ названіяхъ мѣди или бронзы; славянскій, литовскій и нѣмецкій—въ названіяхъ золота и серебра; санскритъ, зендъ, греческій, латинскій, кельтскій—въ названіяхъ серебра.

Не всѣ, какъ видно, племена удержали древнія названія трехъ металловъ: золота, серебра и мѣди: иныя образовали новыя наз-

---

[1]) Мы почерпнули наши сближенія изъ слѣдующихъ сочиненій: Grimm—Gesch. d. deutsch. Sprache, 1, p. 6—10 (или 9—14, 1-го изд.). Pictet—Les Origines Indo-Europeennes. Par. 1863, t. 1. pag 152—184. Schleicher въ журналѣ Гильдебранда: «Jahrbücher für nationaloekonomie. 1863, 4 вып., стр. 410—11; Pott въ журналѣ Штейнталя и Лазаруса: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. 1-й. (Berl. 1860) стр. 510—518), т. 2-й. (1861) стр. 120—126. A. W. Schlegel—Indische Bibliothek; Bonn. 1823 t. 1. p. 242—245. Max Müller — Lectures on the science of Language. Second series. L. 1864, p. 230—236.

вания; но такое явленіе ничего не говоритъ противъ основной мысли объ исконномъ знакомствѣ арійскихъ племенъ съ употребленіемъ металловъ: на долгомъ пути отъ равнинъ средней Азіи въ Европу народы могли на нѣкоторое время быть лишены употребленія нѣкоторыхъ металловъ: это обусловливалось и переходнымъ, непосѣднымъ бытомъ ихъ и металлургическою природою странъ, проходимыхъ ими,—такъ съ утратой предметовъ утратились и имена ихъ; но усѣвшись на прочныя жилища, они скоро воротили утраченное и естественно должны были образовать новыя названія, какъ для новоотысканныхъ металловъ, такъ и для искусства ихъ обработки.

Въ противуположность названіямъ мѣди, золота и серебра названія желѣза, различны въ каждой изъ главныхъ отраслей арійской семьи—и если вспомнимъ, что санскритское *ayas* первоначально значило тоже, что латинское — *aes*, готское *ais*, а потомъ стало обозначать *желѣзо*, что нѣмецкое названіе желѣза произведено отъ готскаго *ais* и что греческое χαλκός, сперва обозначавшее мѣдь, употреблялось потомъ въ значеніи металла вообще,[1] а иногда и въ значеніи желѣза—то можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что индо-европейскіе языки существовали прежде открытія желѣза, что отдѣльныя племена арійской семьи познакомились съ этимъ полезнѣйшимъ металломъ послѣ своего разселенія, потому то каждое племя образовало названіе этого металла изъ своихъ собственныхъ средствъ, наложивъ на него свой національный отпечатокъ, между тѣмъ какъ названія золота, серебра и мѣди были вынесены изъ общей сокровищницы ихъ прародины. Первобытное арійское племя не только было знакомо съ металломъ, но и умѣло обработывать его, придавать ему извѣстную форму для извѣстныхъ цѣлей: нѣкоторые изъ орудій, служащихъ и теперь для мирныхъ и воинственныхъ цѣлей удержали свои первоначальныя названія: *serpa*-греч. ἅρπη (вм. σαρπη), латинск.—*sarpo*=очищать, обрѣзывать, франц. — *serpe*=орудіе, которымъ обрѣзываютъ вѣтви, нѣмецк.—*sarf* (изъ scarf)—могъ быть только изъ металла, равнымъ образомъ изъ металла должны были быть и острыя рѣжущія и колющія орудія, какъ *топоръ*, *ножъ*, *мечъ*, *копье*, *стрѣла*, *буравъ*, для которыхъ также существуютъ общія названія во многихъ индо-европейскихъ языкахъ. Замѣчательно, что и термины *кузнечнаго дѣла*, *ковки*, *литья* одинаковы у самыхъ отдаленныхъ народовъ арійскаго корня.[1]) Индо-европейское племя

[1]) Ad. Pictet. Les Origines Indo-Européennes ou les Aryas primitifs. Par. 1863. 2 т. стр. 103—39. Здѣсь представленъ подробный лингвистическій разборъ этихъ наименованій

не было народомъ кочевнымъ: оно имѣло прочныя жилища, обрабатывало землю *плугомъ* и *сохою*, знало различныя роды зернового хлѣба; а при такихъ условіяхъ быта почти нельзя представить народа, не знающаго употребленія и пользы металловъ, еслибы даже и не сохранилось никакихъ иныхъ свидѣтельствъ о такомъ знакомствѣ [1])

Языкъ предложилъ намъ вѣрное свидѣтельство о знакомствѣ древнѣйшихъ арійскихъ племенъ съ металлами. Не излишнимъ будетъ теперь съ точки зрѣнія добытаго вывода еще разъ осмотрѣть этнологію орудій бронзоваго и желѣзнаго вѣка въ Европѣ. Для полнаго и окончательнаго результата недостаетъ лишь средняго термина, неизвѣстнымъ остается употребленіе металловъ въ эпоху переселенія арійскихъ племенъ: оставивъ арійскую прародину, непрерывно-ли сохранили эти племена искусство обработки металловъ, сами ли они, путемъ самостоятельнымъ—принесли это искусство въ Европу, или позабывъ однажды пріобрѣтенное, научились ему лишь впослѣдствіи отъ народовъ чуждаго происхожденія, иными словами: принадлежитъ ли бронзовый вѣкъ къ самобытной культурѣ арійскихъ переселенцевъ, или онъ возникъ подъ вліяніемъ чуждой, иноземной культуры, съ которой арійцы ознакомились въ эпоху своихъ переселеній въ Европу?.. Въ пользу послѣдняго предположенія, сколько мнѣ извѣстно, нельзя найти ни одного прочнаго археологическаго указанія; а противъ него—говоритъ многое: еслибы арійскіе колонисты заимствовали обработку металловъ отъ чужихъ народовъ, то они не удержали бы собственныхъ древнихъ названій металловъ: что приносится извнѣ, то почти всегда отмѣчается чужимъ именемъ и долго, по крайней мѣрѣ — носитъ на себѣ печать чуждаго происхожденія. Ни того, ни другаго нельзя сказать объ орудіяхъ и издѣльяхъ бронзоваго вѣка Европы! Въ могилахъ этого вѣка, правда, находятся издѣлья, обнаруживающія близкое сходство съ вещами чудскими, финикійскими и вообще восточными, но количество этихъ вещей всегда останется незначительнымъ сравнительно съ огромнымъ запасомъ издѣлій самобытнаго европейскаго происхожденія или, по крайней

и терминовъ, хотя, конечно, никто не назоветъ его вполнѣ рѣшающимъ дѣло: Пиктe недостаетъ основательнаго знакомства съ литовскимъ и славянскими нарѣчіями. Болѣе осторожный, чѣмъ Пиктѣ—А. Веберъ также полагаетъ, что арійское племя знало употребленіе мѣди или бронзы (erz) и изъ нея выдѣлывало свои орудія: мечи, ножи, копья и стрѣлы. v. Indische Skizzen: B. 1857, p. 9 sq.

[1]) Pictet—Les origines, II, p. 87—98, 235 sqt., 309 sqt. Kuhn—Zur ältest. Gesch. d. Indo-germ. Völker (1845) p. 12—18 и Justi—въ Historisch. Taschenbuch v. Raumer. Leip. 1862. p. 317—333.

мірѣ такихъ, которыя должно признать за самобытныя, потому что нельзя признать за заимствованныя. Многіе ученые отрицаютъ самобытное происхожденіе европейскихъ бронзовыхъ издѣлій [1]), но ни одинъ изъ нихъ еще не указалъ полнаго тожества между предметами европейской и азіатской (финно-чудской, финикійской или юго-азійской) бронзы: замѣчаютъ лишь сходство въ нѣкоторыхъ частностяхъ, указываютъ мелкія однородности въ стилѣ формъ и украшеній, приводятъ и тожество между немногими вещами, но все это далеко отъ того полнаго сходства или тожества, которое одно можетъ дать прочную опору для мысли о внѣшнемъ заимствованіи [2]). Зная раннія торговыя сношенія Европы съ Азіей—было бы странно, если бы въ почвѣ ея не отыскалось слѣдовъ этихъ сношеній, восточныхъ монетъ, металлическихъ издѣлій, но заключать отсюда о круговомъ, повальномъ заимствованіи бронзовыхъ вещей съ Востока — несогласно съ осторожною археологическою критикой; потому нѣтъ, кажется, причинъ относить происхожденіе европейской бронзы къ внѣшнему заимствованію, гораздо вѣроятнѣе признать ея самобытное арійское происхожденіе: съ одной стороны эта мысль находитъ поддержку въ несомнѣнномъ раннемъ — и при томъ непрерывномъ — знакомствѣ индо-европейскихъ племенъ съ употребленіемъ мѣди, золота и серебра, съ другой ее подкрѣпляетъ то явленіе, что во многихъ мѣстахъ Швейцаріи, Франціи, Англіи, Германіи и Скандинавіи вмѣстѣ съ бронзовыми орудіями нерѣдко находятъ и литейныя модели и формы, неоконченные, или неудавшіеся опыты, литья и возлѣ нихъ грубые куски металла, предназначенные для расплавки [3]).

Итакъ должно принять, что индо-европейскія племена вступили въ Европу съ умѣніемъ обрабатывать мѣдь, золото и серебро. Имъ, а не инымъ какимъ народамъ—принадлежитъ культура брон-

---

[1]) Nilsson — Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens. Hamb. 1863, а также и прибавленіе къ этому сочиненію (Nachtrag), издан. въ нѣмецк. переводѣ въ нынѣшнемъ году, ibid. 64 стр. Лерхъ полагаетъ, что „индо-европейскіе народы, занявшіе балканскій и аппенинскій полуострова познакомились съ обработкою металловъ (сначала мѣди) чрезъ жителей передней Азіи. Впослѣдствіи южная Европа передала умѣнье обрабатывать мѣдь и желѣзо западной части сѣверной Европы, снабжавши ее передъ тѣмъ долгое время готовыми металлическими произведеніями.“ Извѣстія археол. общ. т. 5, вып. 4 (1884), стр. 217.

[2]) Полное тожество формъ встрѣчается только въ орудіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ цельтовъ, но это орудіе остается до сихъ поръ загадкою въ археологіи: ученые несогласны между собою на счетъ его происхожденія и употребленія.

[3]) Worsaae—Zur Alterthumskunde des Nordens. p. 60—1.

зоваго вѣка въ Европѣ, потому и археологъ имѣетъ полное право воспользоваться матерьяломъ бронзоваго періода для поясненія древнѣйшей жизни и быта арійскихъ колонистовъ на европейской почвѣ.

Не вдругъ, однако же, произошло заселеніе Европы: племена шли не въ одно время и не сплошною массою, а дробными выселками, постепенно заселяя страну и подвигаясь все далѣе къ западу вслѣдствіе новаго притока колонистовъ; порядокъ этого движенія опредѣляется какъ географіей племенъ, такъ и изслѣдованіемъ сродства и взаимныхъ отношеній языковъ: первыми на почву средней Европы должны были вступить Кельты, за ними шло племя нѣмецкое, потомъ Литва и Славяне [1]). Какому же изъ этихъ народовъ принадлежатъ орудія бронзоваго вѣка? Большинство ученыхъ археологовъ оставляетъ ихъ за Кельтами [2]), но гораздо вѣроятнѣе думать, что бронзовый вѣкъ принадлежалъ столько же Кельтамъ, сколько и другимъ индо-европейскимъ племенамъ, населившимъ Европу: бронза не была исключительною собственностью Кельтовъ, непрерывное употребленіе и обработка ея, какъ мы видѣли — были извѣстны и племенамъ нѣмецкимъ и при всемъ сходствѣ орудій и издѣлій бронзоваго вѣка въ разныхъ мѣстахъ средней Европы, между ними нельзя не замѣтить и глубокой разницы въ стилѣ и украшеніяхъ, разницы, которая можетъ быть объяснена не иначе, какъ различіемъ въ народностяхъ; потому слишкомъ смѣло поступаютъ тѣ археологи, которые рѣшаются говорить о кельтскомъ заселеніи сѣверной Германіи и Скандинавіи лишь на основаніи бронзовыхъ издѣлій тамъ находимыхъ: бронзовый вѣкъ обнимаетъ не одну какую нибудь народность, а цѣлый періодъ времени, вмѣщавшій въ себѣ рядъ племенъ и народовъ индо-европейскаго потока [3]). Археологической наукѣ предстоитъ здѣсь важная, хотя и трудная работа: она должна опредѣлить особый бронзовый стиль, принадлежащій каждой народности. Только послѣ этого историкъ культуры въ должной и законной мѣрѣ можетъ воспользоваться богатымъ матерьяломъ бронзоваго вѣка.

---

[1]) Schleicher—Die ersten Spaltungen des Indo-germanischen Urvolkes, въ Allgem. Monatschrift für Literatur und Wissenschaft, 1853, стр. 786—7. Его же — Die Deutsche Sprache. St. 1860, p. 71—84.

[2]) Worsaae — Dänemark's Vorzeit, Kop. 1844, p. 110 et sqt. Schreiber's Taschenbuch f. Geschichte und Alterth. passim.

[3]) Worsaae — Zur Alterthumsk. des Nordens. p. 58—63. Weinhold — Die heidnische Todtenbestattung. 1. p. 20 (или 134, тоже Sitzber).

Бронзовый вѣкъ былъ только переходнымъ періодомъ въ жизни индо-европейскихъ племенъ: бронза господствовала лишь до тѣхъ поръ, покамѣсть они пассивно завладѣвали землею и покоряли дикую, лѣсную природу, пріучая ее къ удовлетворенію потребностей осѣдлой земледѣльческой жизни, но съ первымъ дѣйствительнымъ выходомъ народа на сцену исторіи, мы видимъ его обладателемъ *желѣза*. Открытіе желѣза знаменуетъ новый періодъ въ исторіи міра: оно не находится, подобно мѣди, золоту и серебру—въ безпримѣсномъ состояніи, желѣзная руда требуетъ поисковъ, изслѣдованія и процессъ выдѣленія изъ нея чистаго металла не совсѣмъ легокъ, потому желѣзо появилось позднѣе прочихъ общеупотребительныхъ металловъ: арійское племя въ эпоху единства не знало употребленія желѣза, оно стало извѣстно лишь впослѣдствіи, когда главнѣйшія племена раздробились и обособились въ отдѣльныя народности и можно полагать, что каждая народность познакомилась съ желѣзомъ путемъ самостоятельнымъ и притомъ уже на новыхъ европейскихъ своихъ жилищахъ, иначе, скажемъ мы съ акад. Бэромъ—не существовало бы особаго періода бронзы въ Европѣ, не было бы и такого рѣзкаго несходства въ названіяхъ желѣза и желѣзныхъ орудій у разныхъ народовъ. К. М. Бэръ полагаетъ, что сѣверные племена могли заимствовать обработку желѣза отъ финновъ, извѣстныхъ и по скандинавскимъ и по туземнымъ преданіямъ за искусныхъ ковачей [1]), но есть причины сомнѣваться, что слава эта пріобрѣтена ими за художественную обработку желѣза: раскопки финно-чудскихъ могилъ показываютъ лишь весьма слабую часть желѣзныхъ орудій сравнительно съ богатою обработкою мѣдныхъ и бронзовыхъ. Сверхъ того, какъ показалъ Шёгренъ [2])—Финны извлекали желѣзо изъ болотъ и не пользовались горными залежами, а одно изъ финнскихъ словъ, обозначающихъ желѣзо заимствовано изъ языковъ славянскихъ: *rauta*=*руда*, потому что въ языкахъ индо-европейскихъ (латинск.—*rudus*, литовск.—*rúda*, *rauda*=красная краска, *rudas*=темно-красный, русск.—*руда* въ смыслѣ крови, *рудый*=красно-желтый) это слово имѣетъ свой корень и смыслъ, въ финнскомъ же представляется безъ особеннаго знаменованія, хотя и получило весьма широкое распространеніе и даже перешло въ мѣстныя названія. Гораздо болѣе залоговъ истины имѣетъ за собою мнѣніе Ворсо, который

[1]) Baer—Ueber die frühest. Zustände d. Menschen in Europa. p. 37.

[2]) (Sjogren's—Zur Metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Völker—ero Gesammelte Schriften. Spb. 1861. t. I. стр. 625—638.

полагаетъ, что обработка желѣза въ средней и сѣверной Европѣ возникла подъ вліяніемъ римской культуры [1]): дѣйствительно, сходство формъ скандинавскихъ военныхъ орудій съ римскими указываетъ на прямое и рѣшительное заимствованіе, но едва ли вліяніе классической культуры было такъ широко, чтобы исключительно ему одному можно было приписать возникновеніе желѣзнаго вѣка: оно могло сообщить толчокъ, вызвать искусство обработывать желѣзо, выдѣлять его изъ соединенія съ прочими металлами, но *повсемѣстная* культура желѣза не была занесена съ Юга и должна была возникнуть самостоятельно, путемъ постепеннаго, туземнаго знакомства съ этимъ металломъ: уже въ самыхъ издѣльяхъ бронзоваго вѣка замѣчается значительная примѣсь желѣза [2]), въ могилахъ Даніи, южной Швеціи, всей средней Европы при бронзѣ находится и желѣзо: бронза преобладаетъ, но не отсутствуетъ и желѣзо. Все это указываетъ на возможность самостоятельнаго знакомства съ желѣзомъ, на постепенность въ ознакомленіи съ нимъ; нужно было лишь прійти къ убѣжденію въ высокомъ значеніи этого металла для жизни, чтобы начать новую эпоху европейской культуры, *эпоху желѣза*.

Можетъ быть такоеубѣжденіе и было плодомъ сближенія съ культурою классическаго міра!

3. *Металлы у Скиѳовъ. Общіе результаты изслѣдованія.*

Не можемъ обойти еще одного важнаго для насъ вопроса, употребленія металловъ у скиѳскихъ племенъ. Не безъ основанія нѣкоторые изслѣдователи [3]) считаютъ Скиѳовъ за племя индо-европейскаго происхожденія. У древнихъ историковъ, географовъ и поэтовъ—названія: Скиѳія, Скиѳы не имѣютъ строгаго географическаго и этнологическаго смысла. Скиѳія—это обширныя области, лежавшія на Сѣверъ и Востокъ отъ Чернаго моря, Скиѳы—это собирательное имя народовъ, занимавшихъ эти страны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ составъ Скиѳовъ входили и кочевники чудскаго или монгольскаго происхожденія и племена индо-европейскія. Полукочевая-полуосѣдлая стоянка Скиѳовъ на равнинахъ южной Руси

---

[1]) Zur Alterthumsk. des Nordens. p. 63 et sqnt.

[2]) Wocel—Archäologische paralellen, I, p. 9, 12—14, 36.

[3]) Grimm—Gesch. d. deutsch. Sprache I p. 1523. Bergmann—Les Scythes... Colm. 1858. Ch. Lenormand Les Antiquités du Bosphore Cymmerien. Par. 1861. 4°. Šafařik. Slovanské Starozitnosti. Pr. 1837 p. 227 et sq. Hansen—Ost-Europa nach Herodot... Dorp. 1844.

стоитъ въ видимой связи съ великимъ движеніемъ племенъ изъ средней Азіи въ Европу. Физическій обликъ Скиѳовъ, образъ жизни, религія, нравы, обычаи ихъ, на сколько они извѣстны изъ неполныхъ и неточныхъ историческихъ указаній, находятъ многочисленныя аналогіи въ жизни индо-европейскихъ племенъ, Германцовъ, Славянъ, Литвы и взаимно другъ другомъ объясняются [1]), потому намъ необходимо коснуться вопроса объ употребленіи металловъ у скиѳскихъ племенъ: Скиѳы служатъ единственными представителями того переходнаго періода жизни индо-европейскихъ племенъ, которымъ замыкается древняя азіатская эпоха и начинается новая, европейская!

По извѣстіямъ Геродота—*золото* и *желѣзо* были употребительнѣйшими металами у Скиѳовъ: золото находилось въ большомъ количествѣ на западной границѣ и на сѣверѣ, гдѣ Аримаспы тайно похищали его у грифовъ стражей золота (IV, 27), Массагеты употребляли его для украшенія вооруженія головы, плечь и самаго туловища (I. 215.); желѣзо служило для военнаго оружія: желѣзный мечъ, символъ бога войны, находимъ въ каждой области, (IV, 62, 71), впрочемъ у собственныхъ Скиѳовъ и Сарматовъ желѣзо не было обыкновеннымъ металломъ: по замѣчанію Павзанія (I, 21, 8)—Савроматы не знали искусства обработывать желѣзо, а Массагеты вовсе не употребляли его, и почва, ими обитаемая, не заключала желѣза, но за то была неисчерпаемо богата золотомъ и *мѣдью*, изъ которой они вырабатывали копья и военныя сѣкиры (I, 215). Хотя въ одномъ мѣстѣ своей исторіи (IV, 71). Геродотъ и замѣчаетъ, что *мѣдь* не была въ употребленіи у Скиѳовъ, но, описывая (VI, 81) исполинскій сосудъ, сдѣланный изъ оконечностей стрѣлъ, онъ называетъ его χαλκήιον—*мѣднымъ*, такъ что мы имѣемъ право предположить, что Скиѳы пользовались мѣдью для приготовленія стрѣлъ. *Серебро* не употреблялось вовсе ни у собственныхъ Скиѳовъ, ни у Массагетовъ (I, 215, IV, 71). [2]) Изъ этихъ нѣсколько разнорѣчивыхъ извѣстій можно однакоже сдѣлать тотъ достовѣрный выводъ, что Скиѳскимъ племенамъ было извѣстно употребленіе всѣхъ важнѣйшихъ металловъ за исключе-

[1]) Неполный и недостаточный опытъ сближенія скиѳскихъ нравовъ, обычаевъ и образа жизни съ индо-европейскими былъ сдѣланъ мною въ журн. „*Лѣтописи русской литературы и древности*“, изд. Н. С. Тихонравовымъ. т. (1-й, вып. 1-й, М. 1859 стр. 121—144.

[2]) Hansen. Ost-Europa nach Herodot, Dorp. 1844, p. 63—64.—Ukert Skytien....N. 1846 r., p. 246—7. Eichwald—Alte Geographie des Kaspisch. Meeres. Ber. 1838, p. 18—19 et passim.

мѣнъ серебра, болѣе всего употреблять *золото* и *желѣзо*. Если, послѣ этого, мы обратимся къ могиламъ, схоронившимъ остатки нѣкогда славныхъ Скиѳовъ, то найдемъ полное подтвержденіе древнихъ извѣстій: въ двухъ важнѣйшихъ и безпорно скиѳскихъ курганахъ — Александровскомъ и Чертомлыкѣ находки состояли въ вещахъ изъ золота, серебра, мѣди и желѣза, въ другихъ менѣе замѣчательныхъ южныхъ курганахъ, относимыхъ не безъосновательно къ скиѳскимъ—также найдены были вещи всѣхъ четырехъ родовъ метала [1]). Отсутствіе точныхъ и подробныхъ описаній скиѳскихъ раскопокъ—не дозволяетъ еще сдѣлать вывода на счетъ количественнаго отношенія найденныхъ металлическихъ вещей, но можно думать, что скиѳскія могилы заключатъ въ себѣ серебра относительно менѣе, чѣмъ золота, желѣза и мѣди. Этимъ хотя отчасти объясняется извѣстіе Геродота, что Скиѳы не употребляли серебра вовсе.

Допустивъ мысль объ индо-европейскомъ происхожденіи скиѳскихъ племенъ, невольно останавливаемся на важномъ извѣстіи, что имъ было знакомо употребленіе *желѣза*, невольно приходимъ къ убѣжденію, что индо-европейскія племена лишь въ Европѣ познакомились съ этимъ полезнѣйшимъ металломъ. Въ то время какъ западныя колоніи арійскихъ племенъ, Кельты и народы нѣмецкіе — пользуются лишь *бронзовыми орудіями*, юго-восточные, Скиѳы, быть можетъ родоначальники Литвы и Славянъ — уже владѣютъ *желѣзомъ* и умѣютъ искусно употреблять его для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей. Сами ли они выработали это искусство, или заимствовали его своихъ сосѣдей: сѣверной Чуди, издавна занимавшейся обширнымъ металлическимъ производствомъ [2]), или отъ классическихъ народовъ, съ которыми стояли въ такихъ близкихъ сношеніяхъ, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ — Скиѳы первые изъ всѣхъ народовъ центральной Европы начали эпоху европейскаго желѣзнаго вѣка.

Этимъ я окончу замѣтки объ употребленіи металловъ въ древ-

---

[1]) Журналъ Министр. Народ. Просв. 1853, № 7 (ч. LXX, IX, отд. II) стат. Терещенка. „Насыпи могильныя въ Южной Россіи", стр 1—36. Извлеченіе изъ всеподд. отчета объ археол. разысканіяхъ въ 1853 Спб. 1855, стр. 47—65. Сравни также: стат. Zwick'a: „Die gräber in den Caucasischen Don." въ Dorpater Jahrbücher 1835, № 10, стр. 285—290; таблицы кургановъ, разрытыхъ Кориисомъ въ „Bulletin scient. de L'Academie de Spb". 1845, № 37 и стат. Кёппена: „Sur quelques tumulus dans la Rujsie meridionale", ibid. 1838, № 18—19 IV-го тома.

[2]) Эйхвальдъ — „О Чудскихъ копяхъ". Записки Импер. археологическаго Общества, т. IX, вып. 2-ой, стр. 270—280

древнѣйшую эпоху жизни индо-европейскихъ племенъ, не коснувшись многихъ входящихъ сюда вопросовъ, какъ напр. вопроса о мѣстѣ и времени появленія бронзы т. е. сплава мѣди съ оловомъ и позднѣе съ цинкомъ.

Въ заключеніе позволю себѣ собрать въ одно цѣлое общіе выводы, слѣдующіе изъ моего изложенія.

Умѣніе обработывать и пользоваться металлами выходитъ къ отдаленной эпохѣ доисторическаго единства индъ-европейскихъ племенъ: еще до раздробленія на отдѣльныя вѣтви — Арійцы знали употребленіе *мѣди* и — можетъ быть — двухъ благородныхъ металловъ—*золота* и *серебра*. Несомнѣннымъ представляется употребленіе *мѣди* и *серебра* у вѣтви греко-итало-кельтской и индо-эранской, *мѣди*, *золота* и *серебра* — у вѣтви летто-славяно-нѣмецкой. На европейскую почву всѣ эти племена вступили съ умѣніемъ обработывать металлы: мѣдь (бронзу), золото и серебро — и потому бронзовая культура средней Европы была самобытнымъ произведеніемъ первыхъ колонистовъ арійскаго племени: Кельтовъ и народовъ нѣмецкихъ. Въ исторіи употребленія *мѣди* у племенъ летто-славянскихъ замѣчается нѣкоторый переломъ, заставившій ихъ образовать собственныя, отличныя отъ прочихъ родственныя — названія этого металла; происходилъ ли этотъ переломъ вслѣдствіе временной утраты знакомства съ мѣдью, или это была простая замѣна стараго названія—новымъ,—рѣшить, пока, невозможно. Юго восточная часть Европы не знала строгаго бронзоваго періода: уже древнѣйшіе ея поселенцы — Скиѳы владѣютъ желѣзомъ въ богатомъ количествѣ; позднѣе, въ первыя вѣка по Р. Х. и вся сѣверная и средняя Европа мѣняетъ бронзу на желѣзо, постепенно достигнувъ искусства его обработки. Чужеземныя вліянія на культуру бронзоваго и желѣзнаго вѣка въ средней Европѣ не могутъ быть указаны съ полною отчетливою достовѣрностью: если они и *были*, то далеко не въ такой рѣшительной степени, чтобы имъ однимъ можно было приписать возникновеніе бронзовой и желѣзной культуры. Вообще есть гораздо болѣе причинъ принимать самостоятельное возникновеніе и образованіе этой культуры, чѣмъ думать о внѣшнемъ заимствованіи. По всему этому исторію индо-европейской культуры въ Европѣ должно начинать не съ каменныхъ построекъ и орудій, принадлежащихъ первобытнымъ обитателямъ страны, а съ періода бронзы для сѣверной и средней Европы и совмѣстнаго употребленія бронзы и желѣза для юго-восточной.

Вотъ все, что можно сказать о такой отдаленной древности,

опираясь на свидѣтельство языка, исторіи и нѣмые монументальные документы!

Итти-ли далѣе, за предѣлы первобытнаго арійскаго племени, къ первоначальной колыбели народовъ? Утверждать ли, подобно одному археологу, замѣчательному сколько обширною ученостью, столько и мистическимъ взглядомъ на предметы, что Арійцы сами переняли искусство пользоваться металлами отъ другихъ верхнеазійскихъ племенъ, что поэтому существовалъ у нихъ презираемый ими культъ металловъ, страшныя божества металловъ... [1])

Младенчествующій человѣкъ населилъ свою исторію многими миѳическими мечтаніями и грѣзами: есть у него и свое золотое время и свои безгрѣшные люди-прародители; но наука имѣетъ дѣло лишь въ дознаннымъ фактомъ, она прибѣгаетъ къ догадкамъ лишь тогда, когда существуютъ достаточныя основанія для нее...

Вотъ почему здѣсь должно пока остановиться!

---

[1]) L'Athenaeum français III, 1854, № 33, p. 577—8. «Des origines de la metallurgie» dar baron Eckstein.

СКИѲСКІЯ МОГИЛЫ.

ЧЕРТОМЛЫЦКІЙ КУРГАНЪ.

И. Е. ЗАБѢЛИНА.

Кочевые разноплеменные народы, населявшіе въ незапамятныя времена наши южныя и особенно приднѣпровскія степи, оставили по себѣ неисчислимое множество памятниковъ въ могильныхъ насыпяхъ или курганахъ. Если по особенному скопленію этихъ насыпей въ извѣстной мѣстности мы справедливо можемъ заключать о большей или меньшей густотѣ древнѣйшаго населенія, то въ этомъ отношеніи весьма примѣчательно, что наибольшая населенность обозначается въ степяхъ, прилегающихъ къ знаменитымъ Днѣпровскимъ порогамъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого числа могилъ, самой разнообразной величины и конструкціи, какъ на пространствѣ, окружающемъ пороги верстъ на 200 или 300 въ квадратѣ. Повидимому пороги представляли центральную мѣстность древнѣйшаго кочевья степныхъ народовъ. Здѣсь же Геродотъ помѣщаетъ и свой скиѳскій Герросъ, гдѣ совершались похороны скиѳскихъ царей. Мы не имѣемъ однакожъ основаній заключать, что всѣ эти безчисленные курганы насыпаны однимъ какимъ либо племенемъ, напр. скиѳскимъ. Здѣсь проходило, останавливалось и жило, много различныхъ племенъ и народовъ, которые безъ сомнѣнія, также, какъ и Скиѳы оставляли по себѣ память въ могильныхъ насыпяхъ, этомъ единственномъ сооруженіи, какое

только было возможно въ голой степи. Можетъ быть иныя изъ этихъ насыпей помнятъ не одно тысячелѣтіе даже до нашей эры.

Большая часть степныхъ могилъ меньшей и средней величины, на сколько намъ удалось ихъ разслѣдовать, не заключаютъ въ себѣ богатыхъ и особенно важныхъ гробницъ.

Мертвяки, какъ выражаются землекопы, или остовы покойниковъ очень часто были находимы безъ всякихъ вещей, за исключеніемъ простаго глинянаго горшка въ головахъ изъ самаго грубаго матеріала и самой грубой работы, заставляющей, въ иныхъ случаяхъ, предполагать, что такіе горшки тутъ-же на похоронахъ лѣпились и обжигались. Были однакожъ не разъ находимы комки особенныхъ цвѣтныхъ глинъ, указывавшихъ, что нѣкогда это были какія то металлическія вещи, отъ времени совсѣмъ разложившіяся въ глину. Въ одномъ изъ кургановъ (въ Толстой могилѣ Бѣленькой) въ насыпи мы нашли каменный молотокъ, а въ другомъ (въ Геремесовой Близницѣ) въ головахъ остова—кремневое копье и кремешекъ въ родѣ стрѣлы. Попадались также, хотя очень рѣдко, и преимущественно въ малыхъ курганахъ, копья желѣзныя и бронзовыя, желѣзныя удила, пряжки и т. п. и разныя костяныя вещицы.

Положеніе гробницъ и лежащихъ въ нихъ мертвяковъ такъ разнообразно, что нельзя заключить о какомъ либо общемъ и неизмѣнномъ условіи, которое руководило бы въ этомъ отношеніи похоронами. Иные лежатъ головою на сѣверъ, иные на югъ, на западъ, на востокъ и даже въ направленіяхъ промежуточныхъ упомянутымъ. Впрочемъ наиболѣе встрѣчается положеніе головою на востокъ. Положеніе остововъ также разнообразно: иные лежатъ въ протянутомъ положеніи навзничь, иные повидимому схоронены были въ сидячемъ положеніи; чаще остовы были находимы лежащими навзничь или на боку, скорчившись, съ прижатыми колѣнами и руками къ груди.

Гробницы рыты въ материковой глинѣ глубиною отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ аршинъ; въ иныхъ стѣнки очень тщательно выглажены; въ иныхъ на тѣхъ же стѣнкахъ можно было примѣтить слѣды остроконечнаго орудія въ родѣ копья, которымъ копали яму. Покойники, въ большинствѣ открытыхъ гробницъ, особенно въ курганахъ средней величины, были засыпаны черноземомъ. Иногда гробницы покрыты толстыми досками, или же кругляками, также слоемъ тростника или слоемъ хвороста. Встрѣчались остовы, лежавшіе на материкѣ, а иногда въ вырытой могилкѣ глубиною не болѣе $^1/_4$ аршина.

Курганы средней величины, имѣющіе вышины по отвѣсу около 2—4 саж. и въ окружности около 100 саж., почти всегда скрываютъ подъ своею насыпью цѣлое кладбище, т. е. нѣсколько гробницъ, расположенныхъ въ различномъ направленіи около одной центральной. Замѣчательно, что сѣверный бокъ у всѣхъ сколько нибудь значительныхъ кургановъ всегда круче остальныхъ и особенно южнаго, который наоборотъ бываетъ всегда отложе. Тоже самое замѣчено и придонскихъ курганахъ г. Леонтьевымъ [1]) Конструкція курганныхъ насыпей, какъ мы упомянули, весьма различна. Курганы болѣе или менѣе значительной величины, соотвѣтственно этой конструкціи, носятъ въ народѣ различныя названія, очень метко обозначающія ихъ форму. Такъ одни называются *острыми могилами*, потому что имѣютъ вершину закругленную остро и представляютъ вообще довольно правильный конусъ; другіе называются *широкими могилами* по значительной разлогости своихъ боковъ и всего корпуса; иныя *рябыми*, когда ссыпаны двѣ или три могилы рядомъ въ одну, получавшую отъ того неправильную продолговатую или кривобокую форму. Если же могила насыпана продольно и правильно, какъбы валомъ, то ей даютъ названіе *долгой могилы*. Два кургана одинаковой величины, стоящіе рядомъ называются обыкновенно *близницами*. Могила *великая*—большая, могила *раскопанная* зачитъ была копана; могила *злодѣйка* — жили на ней прежде злодіи (воры, разбойники) и т. п. Не упоминаемъ названій могилъ по именамъ урочищъ, хуторовъ или мѣстныхъ землевладѣльцевъ и пр. даже по именамъ чабановъ или пастуховъ, которые, пася нѣкогда подлѣ могилы стада, оставляли на память мѣсту свое прозвище,—такихъ названій множество. На иныхъ могилахъ еще доселѣ стоятъ каменные болваны или *бабы*; а въ прежнее время такія бабы стояли вѣроятно на весьма многихъ могилахъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ называются *бабоватыми*, хотя уже никто не помнитъ, чтобъ стояли на нихъ бабы. Встрѣчается много могилъ, меньшей величины, которыя обложены вокругъ камнемъ. Есть также могилы, безъ насыпи, огороженныя вокругъ стоймя большими камнями. Въ этомъ они сходствуютъ съ подобными же могилами, существующими въ Сибири и въ киргизнайсацкихъ степяхъ.

Но особенно замѣчательны могилы *толстыя*. Этимъ именемъ народъ обозначаетъ курганы, которые, кромѣ нарочитой величины, имѣютъ и особенную форму, рѣзко отличающую ихъ отъ всѣхъ

[1]) Древности, кн. IV, стр. 399.

остальныхъ насыпей. Это могилы съ значительно крутыми боками, которые, при обширности насыпи, дѣйствительно придаютъ ей видъ толстоты, особенно въ сравненіи со всѣми другими курганами обыкновенной конусообразной и притомъ болѣе разлогой формы. Крутизна боковъ у *толстыхъ могилъ*, какъ оказалось при разслѣдованіи, поддерживается фундаментомъ или цоколемъ, правильнѣе же *окладомъ*, сложеннымъ по подошвѣ кургана изъ большихъ нетесанныхъ камней, которые были добываемы въ рѣчкахъ и балкахъ, удаленныхъ иногда на значительное разстояніе отъ насыпи. Само собою разумѣется, что уже одно это обстоятельство заставляло бы предполагать, что *толстыя могилы* есть гробницы древнихъ степныхъ властителей, ибо, не говоря объ огромности самой насыпи, для того чтобы собрать въ голой степи, привезти изъ разныхъ, довольно отдаленныхъ, мѣстъ такое количество огромныхъ камней (иные имѣютъ аршинъ 5 длины и аршина 1½ толщины),—для этого необходимо было располагать весьма значительнымъ числомъ рабочихъ рукъ. Изслѣдованія показали, что въ дѣйствительности эти могилы суть царскія гробницы, и несомнѣнно гробницы царей скиѳскихъ. Конструкція *толстыхъ могилъ* заключается въ слѣдующемъ: въ срединѣ подъ насыпью находится четыреугольная яма, вырытая въ материкѣ въ длину отъ В. къ З. около 4 арш. или болѣе, въ ширину около 3 арш., глубиною отъ 2½ до 3 сажень. Въ курганахъ средней величины эта яма бываетъ завалена съ самой головы насыпи большими камнями, какими окаденъ цоколь насыпи. Глубина этой гробничной ямы зависѣла повидимому отъ того, на какой глубинѣ лежалъ въ материкѣ слой самой чистой бѣлой глины, который всегда и служилъ дномъ гробницы. На немъ ставился гробъ покойника. Быть можетъ этотъ бѣлый слой глины имѣлъ какое либо особое значеніе и смыслъ въ вѣрованіяхъ степныхъ кочевниковъ. Пласты материковой глины въ степи, гдѣ мы производили свои разслѣдованія, лежатъ такимъ образомъ: за слоемъ чернозема идетъ пластъ желтоватой глины, сажени на 1½ толщиною, переходящій въ пластъ глины красноватой, цвѣтъ которой чѣмъ глубже, все болѣе густѣетъ и становится чище; затѣмъ на глубинѣ съ верхосемки отъ 2½ до 3 саж. лежитъ пластъ бѣлой чистой глины отъ 1½ до 2 арш. толщиною. Толщина пластовъ въ различныхъ мѣстностяхъ неодинакова. За этимъ послѣднимъ слоемъ бѣлой глины лежитъ слой самой чистой тонкой и красной глины превосходнаго цвѣта.

Такимъ образомъ, какъ скоро скиѳскіе могильщики доходили до слоя бѣлой глины, цвѣтомъ почти какъ мѣлъ, они останавлива-

ли работу и на этомъ то слоѣ погребали покойника. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, какъ увидимъ ниже, такой слой встрѣтился на шестой сажени глубиною, что, безсомнѣнія, и было причиною такой непомѣрной глубины погребенія.

На верхоземкѣ вблизи гробницы и прямо противъ нея, въ нѣсколькихъ саженяхъ къ западу, находилась могила коней, рытая глубиною на 1 сажень. Число погребаемыхъ коней, вѣроятно, соотвѣтствовало богатству и значенію покойника. Такъ въ одной могилѣ, по прозванію *Каменной*, найдена гробница только съ однимъ конемъ, въ другой, толстой Краснокутской, съ четырьмя, а въ Чертомлыцкой съ 11 конями. Съ восточной стороны, также прямо противъ Толстой царской гробницы и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, въ одномъ курганѣ, Краснокутской—были положены на верхоземкѣ въ двухъ кучкахъ обломки колесницы, удила съ уборами, а также изображенія львовъ, грифовъ и птицъ на втулкахъ, служившія быть можетъ чѣмъ либо въ родѣ знаменъ или значковъ, или же украшавшія погребальную колесницу. Въ другомъ курганѣ, Близницѣ Слоновской, подобныя же изображенія найдены съ западной стороны; въ Чертомлыцкой могилѣ тѣ же вещи лежали въ насыпи, на вершинѣ кургана, въ 3 саж. съ его поверхности. Въ Толстой могилѣ Краснокутской въ глубинѣ гробницы, подлѣ ея сѣверозападнаго угла, находилось обширное подземелье съ признаками, что въ немъ также были схоронены покойники и различныя вещи. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ такихъ подземелій найдено четыре, во всѣхъ углахъ гробницы. Замѣчательно, что главную гробницу мы всегда находили уже опустошенною, вѣроятно въ незапамятныя времена, можетъ быть даже современниками погребенія или ближайшими потомками того племени, на глазахъ котораго совершалось погребеніе и хоронилось въ землю золото и всѣ сокровища царственнаго покойника. Мудрено, чтобы люди, хотя и удерживаемые страхомъ какого либо вѣрованія о неприкосновенности отцовскихъ могилъ, оставались холодными къ пріобрѣтенію этихъ подземныхъ сокровищъ. Расхищеніе производилось посредствомъ подземныхъ лазеекъ, входъ въ которыя рытъ обыкновенно у подошвы кургана съ сѣверной стороны, какъ ближайшей къ центру, ибо какъ упомянуто сѣверный бокъ кургана всегда бываетъ круче остальныхъ, а слѣдовательно и радіусъ круга съ этой стороны короче чѣмъ съ другихъ пунктовъ. Лазейки всегда направляются довольно прямо и вѣрно къ центру, т. е. къ главной гробницѣ. Бываютъ случаи, что они проходятъ искомое мѣсто, но, поворачивая, все таки достигаютъ цѣли и минуютъ лишь такія подземныя хранилища, ко-

торыхъ мѣстоположеніе почему либо услользало изъ памяти или соображеній смѣлыхъ хищниковъ.

Вообще можно съ большою вѣроятностію заключить, что едва ли когда встрѣтится могила съ главною гробницею, не разворенною кладоискателями. Обыкновенно остаются въ сохранности лишь ея побочныя, такъ сказать придаточныя, подземелья и гробницы. Тѣмъ не менѣе и эти послѣднія доставляютъ чрезвычайно много любопытныхъ и богатыхъ находокъ. Само собою разумѣется, чѣмъ значительнѣе и богаче былъ покойникъ, тѣмъ больше сокровищъ хоронилось съ нимъ въ землю, тѣмъ огромнѣе насыпалась и могила, а потому очень понятно, что наиболѣе важныя и блистательныя открытія ожидаютъ изслѣдователя только въ курганахъ самой большой величины, напр. въ родѣ *толстой могилы Чертомлыцкой*, къ объясненію раскопки которой мы теперь и обратимся.

Толстая Могила, извѣстная подъ именемъ Чертомлыцкой или Чертомлыка, отъ рѣчки Чертомлыка, находится въ имѣніи г-жи Зейфартъ, неподалеку отъ истоковъ этой рѣчки и отъ большой *чумацкой* и *старой сѣчевой* дороги, верстахъ въ 20 къ С. З. отъ мѣстечка Никиполя, лежащаго на самомъ Днѣпрѣ (Екатеринославской губерн. и уѣзда.). Почти въ такомъ же разстояніи, прямо на югъ отъ могилы у рѣки Подпольной (рукавъ Днѣпра), при впаденіи въ нее степной рѣчки Чертомлыка, находится селеніе Капуливка — мѣсто Старой Запорожской Сѣчи, а нѣсколько ниже по теченію Подпольной—село Покровское, мѣсто новой Запорожской Сѣчи. Могила по своей величинѣ принадлежитъ къ самымъ огромнѣйшимъ сооруженіямъ, какія только извѣстны въ тамошнихъ степяхъ. Она насыпана на возвышенной и весьма ровной мѣстности, перерѣзанной во многихъ направленіяхъ болѣе или менѣе глубокими балками и рѣчками, которыя, по большей части, неподалеку отъ могилы и получаютъ свое начало. Примѣчательно, что одна изъ ближайшихъ къ могилѣ балокъ, впадающая на Ю. В., въ р. Чертомлыкъ, называется *Казарькою*. Съ могилы во всѣ стороны открываются далекіе виды и ровная степь, особенно къ западу, представляется совершеннымъ моремъ. Къ югу виднѣются плавни, поемные днѣпровскіе лѣса, къ сѣверу видны еще двѣ *Толстыя* огромныя могилы Гегелина и Нечаева, лежащія верстахъ въ 30 отъ Чертомлыцкой. Вблизи могилы, съ западной стороны, въ разстояніи 12 саж. лежитъ *Долгая Могила*, продолговатый курганъ, насыпанный по направленію отъ В. къ З., длиною около 60 саж.;

а за нею разбросано по степи еще нѣсколько могилъ меньшей величины.

Насыпь Чертомлыцкой Могилы имѣла обыкновенную конусообразную форму. Вершина ея представляла ровную площадь въ 7 саж. въ діаметрѣ, посрединѣ которой въ ямѣ стояла лицемъ къ В. *каменная баба*, т. е. вытесанный изъ камня болванъ, въ мужскомъ нарядѣ, съ головою, уже отшибенною отъ плечъ и снова приставленною. Вышина боковъ могилы по откосу съ подошвы до краевъ упомянутой площади, простиралась отъ 24 до 26 саж. Сѣверный бокъ былъ круче, чѣмъ остальные и особенно круче южнаго, который у подошвы имѣлъ значительную пологость. Впослѣдствіи оказалось, что сѣверный бокъ посрединѣ былъ утвержденъ каменьями, отъ чего и имѣлъ съ верху до средины почти отвѣсную крутизну.

Въ окружности по подошвѣ могила имѣла болѣе 165 сажень; отвѣсной вышины съ вершины до материка около 9 сажень. Подошва могилы по всей окружности была обложена огромными нетесаными известковыми камнями. Этотъ цоколь имѣлъ толщины болѣе сажени и простирался вверхъ по пологости боковъ могилы, на 7 саж., а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе. Очевидно, что могила обложена была камнями съ намѣреньемъ укрѣпить ея насыпь и сохранить нарочитую крутизну ея боковъ. Съ сѣвернаго бока, ближе къ западу, у самой подошвы кургана находилась круглая ямина, около 4 саж. въ діаметрѣ, осыпанная валомъ около 3 саж. шириною. Легко было догадаться, что здѣсь рытъ подземный ходъ въ могилу давнишними искателями ея кладовъ, отъ чего образовался и самый валъ изъ земли, которая выкидывалась при раскопкѣ. Впослѣдствіи дѣйствительно обнаружилось, что отсюда къ главной, центральной гробницѣ направлялась подземная лазейка.

Чертомлыцкая могила очень хорошо была извѣстна Запорожцамъ и упоминается въ ихъ преданіяхъ; она, безсомнѣнія, служила для нихъ самымъ выгоднымъ сторожевымъ постомъ при наблюденіяхъ за движеніемъ Татаръ и другихъ непріятелей. Ученые путешественники Екатерининскаго времени также не могли не обратить особаго вниманія на этотъ замѣчательный памятникъ степной древности. В. Зуевъ въ своихъ „Путешественныхъ Запискахъ отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. (Спб. 1787.) довольно подробно описываетъ тогдашнее состояніе могилы, которую онъ осматривалъ съ истинно-ученымъ вниманіемъ. Онъ замѣчаетъ между прочимъ, что каменная баба стояла лицемъ не на востокъ, а на западъ, къ Долгой могилѣ. Упоминаетъ также, что

обѣ могилы были вокругъ укладены камнемъ, котораго и по степи много валялось Поселяне разсказываютъ, что въ прежнее время отъ могилы къ востоку, почти на версту въ длину, обозначена была дорога положенными въ нѣсколько рядовъ каменьями. Такія дороги отчасти и теперь сохраняются у двухъ раскопанныхъ нами кургановъ (Близницъ Томаковской и Слоновской) близъ села Томаковки. По всему вѣроятію эти дороги обозначали путь погребальной процессіи къ могилѣ.

Любопытны разсказы окрестныхъ поселянъ о каменной бабѣ. Тому лѣтъ 20 или 30, ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ, для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень А какъ между поселянами существовало, да и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе, что эта баба исцѣляетъ отъ лихорадокъ, для чего къ ней всегда ходили съ этою цѣлью на поклонъ, то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки и случай этотъ сопровождался будто бы четырехлѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ вѣроятно была отбита у ней голова и сама она потомъ поставлена лицемъ къ востоку. Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезть бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибенную голову бабы и приладилъ ее, какъ подставу, у своего погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ дѣйствительно и случилось. Вообще изъ разсказовъ открывается, что Чертомлыцкая баба пользуется особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басенъ старые *чабаны* или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертвы приносимыя ей въ чаянін исцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собираются тайно тѣми же чабанами. Намъ разсказывала между прочимъ одна старуха изъ чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ она носила къ бабѣ своего 12 лѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ.). Съ той поры сынъ исцѣлѣлъ. Трудно было разузнать всѣ подроб-

ности этого языческаго поклоненія, о которыхъ поселяне въ своихъ, и безъ того смутныхъ и сбивчивыхъ, разсказахъ боязливо умалчиваютъ; но должно полагать, что совершались вѣроятно и еще кое какіе обряды, относившіеся прямо къ истукану. Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ на восходѣ солнца мы встрѣтили тамъ старика чабана, который благоговѣйно объяснилъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на восходѣ солнца, пришедшимъ чудится, какъ будто она промолвитъ, какъ будто спроситъ, „покайся", скажетъ, „що съ молоду робивъ?" Такое суевѣрное поклоненіе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки и многіе поселяне, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и иногда цаловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на Долгой могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась въ землю, приложилась къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей — землекоповъ.

Раскопка кургана начата въ маѣ 1862 года, съ его вершины или головы. На глубинѣ $1^1/_2$—$2^1/_2$ арш. въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ разстояніи отъ центра площади, время отъ времени стали попадаться черепки разбитыхъ глиняныхъ простыхъ амфоръ, и разныя вещицы, составлявшія уздечный приборъ: желѣзныя удила, бронзовые баранчики, пуговицы, запоны. У подножія бабы найдены копейки 1854 г., двукопѣешникъ 1832 г. и еще двѣ копейки 30 же годовъ, что послужило подтвержденіемъ приведенныхъ разсказовъ о бабѣ. На глубинѣ 3-хъ сажень и въ разстояніи $1^1/_2$ саж. къ востоку отъ центра кургана открыты сложенные въ кучу безъ всякаго порядка различные предметы конскаго уздечнаго и другаго убора, именно перержавѣвшія и сварившіяся желѣзныя удила, числомъ около 250 съ принадлежащими къ нимъ бронзовыми баранчиками, пуговицами, пряжками, запонами рѣзными въ видѣ птичьей головы, наносниками въ видѣ бюста ка-

кого-то животнаго и пр.; также части шейнаго убора, состоявшаго изъ бронзовыхъ бляхъ разной величины, овальныхъ, и въ видѣ полумѣсяца и колокольчиковъ, соединенныхъ съ бляхами посредствомъ желѣзной цѣпочки; множество бронзовыхъ круглыхъ бляхъ разной величины съ сквазинами частію по срединѣ, а большею частію по краямъ, которыя, какъ замѣчено по истлѣвшимъ остаткамъ нитокъ, были нашиты на какую-то ткань; множество бронзовыхъ стрѣлокъ разной величины и формы. Въ срединѣ подъ удилами лежали бронзовый прорѣзной шаръ со втулкою для надѣванія на древко; 4 бронзовыя изображенія львовъ, 4 бронзовыя изображенія драконовъ и 2 изображенія птицы, также со втулками для надѣванья на древко. Въ восточной сторонѣ кучи найдено нѣсколько золотыхъ пластинокъ, басменныхъ на подобіе перьевъ, листковъ, бляшекъ и ленточекъ, со скважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ они были прикрѣплены золотыми же гвоздиками вѣроятно къ ремнямъ. Здѣсь же находилась круглая серебряная бляха въ 3 вершка въ діаметрѣ, которая совсѣмъ окислилась и отъ прикосновенія разсыпалась въ песокъ. Около нея примѣчены были еще другія серебряныя вещи, точно также превратившіяся въ золу, такъ что нельзя было узнать ихъ форму. Отъ упомянутой бляхи къ кучѣ желѣзныхъ удилъ тянулась цѣлая нитка мелкихъ перетлѣвшихъ раковинъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ змѣиныхъ головокъ, которыя, вѣроятно, были нанизаны на ремнѣ. Такъ какъ всѣ вещи были сложены безпорядочно въ кучу (длиною 2 арш., шириною 1½ ар., толщиною 1 арш.), то большая ихъ часть и особенно желѣзныя удила, такъ были перепутаны своими частями, что требовалась величайшая осторожность и тщательность при очищеніи ихъ отъ земли и при отдѣленіи ихъ другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ въ значительной степени перержавѣли и окислились.

Вершина или голова кургана была снята вся вышиною на 4 сажени, послѣ чего образовалась площадь около 24 саж. въ діаметрѣ. Отсюда раскопка поведена продольнымъ разрѣзомъ отъ В. къ З. шириною на 22 саж. Снявши одну сажень въ глубь, мы уменьшили ширину разрѣза до 20 саж.; затѣмъ, снявши еще одну сажень въ глубь, мы назначили ширину разрѣза только въ 16 саж., которая впослѣдствіи и была доведена до материка при длинѣ въ 44 сажени, которая составляла длину діаметра цокольной каменной обкладки кургана. Такой способъ раскопки, уступами по стѣнамъ, былъ совершенно неизбѣженъ по той причинѣ, что черноземная насыпь кургана постоянно давала въ стѣнахъ трещины и

обваливалась. Сдѣланные уступы обезопасили насъ отъ подобныхъ обваловъ, ибо отвѣсная вышина стѣнъ была уменьшена этимъ способомъ до 3 саж. При раскопкѣ разрѣза, въ разныхъ мѣстахъ найдены черепки простыхъ глиняныхъ амфоръ, въ томъ числѣ двѣ амфорныя ручки съ греческими клеймами; малыя желѣзныя удила, бронзовые баранчики и пуговицы отъ такихъ удилъ, бронзовыя стрѣлки, лошадиныя кости отъ челюсти и ногъ, нѣсколько черепковъ простаго горшка изъ черной крупнозернистой глины, какіе очень часто находятся въ малыхъ степныхъ курганахъ подлѣ остововъ.

Доведенная до седьмой сажени глубины съ верха кургана, раскопка была остановлена до слѣдующаго года, при чемъ приняты были мѣры сохранить ее отъ расхитителей и отъ весенней воды. Съ этою цѣлію въ центрѣ вырѣзанной площади оставлена была земляная колонна около 2 саж. вышиною и въ $1^1/_2$ саж. толщиною, отъ которой къ краямъ разрѣза по всей площади сдѣланы были, для стока воды, небольшіе широкіе уступы въ родѣ лѣстницы, такъ что въ срединѣ площади надъ материкомъ оставалась толща насыпи около 3-хъ саж. въ вышину.

На другой годъ (1863) произведенныя работы были найдены съ полной сохранности. Они вообще представляли довольно красивое сооруженіе, привлекавшее любопытство мѣстныхъ жителей, которые даже сожалѣли о томъ, что сооруженіе это будетъ разрушено.

Начатая вновь раскопка производилась *штыкомъ* т. е. горизонтально по всей площади, которая при 16 саж. ширины, постепенно увеличивалась въ длину по мѣрѣ приближенія къ материку и впослѣдствіи, уже на материкѣ, достигла 44 саж. длины, въ чертѣ каменнаго цоколя. Необходимо опять напомнить, что вся насыпь состояла изъ чернозема. Когда стали приближаться къ материку, то въ сплошномъ черноземномъ слоѣ, около средины кургана показались слои глины красноватой, бѣловатой и желтой, очевидно вынутые изъ гробничной ямы, которую они окружали на пространствѣ 16 саж. въ длину и столько же въ ширину. Затѣмъ, когда мы достигли материковой глины, обыкновенно желтой, и выровняли всю раскопанную площадь, то въ центрѣ кургана обнаружилась въ желто-глиняномъ материкѣ четыреугольная продолговатая яма, засыпанная чистымъ черноземомъ длиною отъ В. къ З. $6^1/_2$, шириною отъ С. къ Ю. 3 аршина; къ сѣверозападному ея углу примыкала другая такая же яма овальной неправильной формы, около 5 саж. въ діаметрѣ. Далѣе къ Запа-

ду въ разстояніи 5 саж. отъ первой ямы и прямо противъ нея обнаружились еще три ямы, лежавшія рядомъ по направленію отъ Ю. къ С., почти квадратныя, длиною и шириною около 4 арш.

Противъ этихъ ямъ, южной и средней, съ восточной стороны обнаружились двѣ небольшія земляныя гробницы длиною отъ В. къ З. 3, шириною около 1½ арш.

Мы начали разслѣдованіе съ этихъ двухъ небольшихъ гробницъ. Въ одной изъ нихъ, южной найденъ остовъ человѣка, лежавшаго лицемъ къ западу т. е. къ главной гробницѣ; на шеѣ у него былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ, обручъ; въ правомъ ухѣ золотая серьга греческой работы; на среднемъ пальцѣ правой руки—золотое, свитое спиралью изъ проволоки, кольцо; съ праваго бока подлѣ остова лежали рядомъ желѣзное копье и такая же стрѣла, древки которыхъ совсѣмъ уже истлѣли; съ лѣваго бока у пояса небольшой ножикъ, а у тазовой кости кучка бронзовыхъ стрѣлокъ съ явными слѣдами истлѣвшаго кожанаго колчана. Въ другой могилкѣ, сѣверной—лежалъ въ томъ же положеніи другой остовъ, у котораго на шеѣ былъ золотой витой массивный обручь (около ½ ф. вѣсомъ); у головы справа—кучка бронзовыхъ стрѣлокъ съ остатками деревецъ, кои были росписаны киноварем поясками; у лѣвой руки подлѣ кисти найдено еще пять такихъ же стрѣлокъ.

Въ головахъ этихъ покойниковъ расположены были рядомъ упомянутыя три квадратныя могилы, вырытыя въ материкѣ глубиною на 3 аршина. Въ нихъ открыто одиннадцать коней, лежавшихъ головами къ западу или къ главной гробницѣ, въ южной три, въ остальныхъ двухъ по четыре; изъ нихъ пять съ серебряными уздечными нарядами, а шесть съ золотыми нарядами уздечными и сѣдельными. Изъ этихъ послѣднихъ на двухъ коняхъ кромѣ того находились шейные бронзовые уборы изъ бляхъ большихъ овальныхъ и малыхъ въ видѣ полумѣсяца и колокольчиковъ. Уздечные наряды состояли каждый изъ массивнаго наносника, изображавшаго бюстъ какого-то животнаго, изъ 2 бляхъ большихъ съ изображеніемъ птицъ, изъ 2 небольшихъ массивныхъ пуговицъ, изъ 6 большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками. Сѣдельный нарядъ каждаго коня заключалъ: 4 пластины, украшавшія сѣдло, 4 большія пуговицы или бляхи съ ушками, желѣзную пряжку и серебр. кольцо, вѣроятно отъ подпруги.

Въ южной конской гробницѣ найдена сверхъ того одна бронзовая уздечка (уборъ) можетъ быть съ коня, неполныя останки ко-

тораго именно голова, нѣсколько позвонковъ и ножныя кости открыты были дальше на западъ поверхъ материка подъ каменнымъ цоколемъ могилы. Въ челюсти конскаго черепа оставались одни только желѣзныя удила. Останки его костей были однакожъ размѣщены въ положеніи, какое долженъ былъ имѣть полный остовъ животнаго.

Мы замѣтили выше что неизбѣжнымъ, повидимому, условіемъ скиескаго царскаго погребенія былъ материковый слой бѣлой чистой глины, на которомъ ставили гробъ и который подъ Чертомлыцкимъ курганомъ лежалъ гораздо глубже, какъ сейчасъ увидимъ.

Разслѣдованіе главной гробницы представило величайшія затрудненія, какихъ нельзя было и предполагать. Съ поверхности материка гробница обозначалась правильнымъ четыреугольникомъ изъ чернозема, имѣвшимъ $6^1/_2$ арш. длины отъ В. къ З. и 3 арш. шир. отъ С. къ Ю. Когда мы стали углубляться въ черноземъ, то скоро увидѣли, что яма гробницы и въ планѣ и въ разрѣзѣ имѣетъ форму трапеціи и ко дну, а равно и на востокъ постепенно расширяетъ свое пространство. Это обстоятельство въ значительной степени усложнило наши работы, ибо съ каждымъ шагомъ въ глубь мы принуждены были увеличивать ширину и число такъ называемыхъ припечковъ или приступокъ, посредствомъ которыхъ выбрасывали изъ ямы черноземъ. Чѣмъ глубже шла работа, тѣмъ становилась она затруднительнѣе и опаснѣе: стѣны и припечки, высыхая отъ солнца и вѣтровъ, трескались и обваливались. Иногда цѣлые дни проходили лишь въ томъ, чтобъ выкидать со дна обвалившійся уголъ или часть стѣны. — Мы углубились уже слишкомъ на 3 саж., но дна еще не было, между тѣмъ какъ въ другихъ раскопанныхъ нами скиескихъ курганахъ гробничное дно обнаруживалось почти всегда на $2^1/_2$ саж. вмѣстѣ съ материковымъ слоемъ бѣлой глины. Наконецъ, углубившись слишкомъ на 5 саж. съ верхоземки, мы подъ черноземомъ открыли завѣтный слой бѣлой глины, т. е. материковое дно гробницы, на которомъ обнаружились только лишь признаки того, что здѣсь нѣкогда стоялъ гробъ и безсомнѣнія находились всѣ принадлежности погребенія. На это указывали: открытые посреди отпечатки красокъ, голубой и карминной, еще остававшихся на исподней сторонѣ черноземнаго слоя и служившихъ, повидимому, украшеніемъ гроба; посторонамъ — малые остатки совсѣмъ истлѣвшаго дерева и тростника, а у стѣнъ ямы перержавѣвшія желѣзныя скобы и согнутые въ видѣ скобъ гвозди, нерѣдка нахо-

димые и по всему пространству два въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ напряженныхъ ожиданій и долгихъ опасныхъ работъ, мы убѣдились только, что гробница была расхищена до-чиста.

Расхищеніе произведено изъ упомянутой выше овальной ямы, примыкавшей къ сѣверозападному углу гробницы. Въ эту яму съ внѣшней сѣверозападной же стороны кургана отъ той именно небольшой раскопки, о которой мы также упоминали, шла подземная лазейка, аршина въ 1½ въ діаметрѣ, на глубинѣ 2 сам., направленная прямо къ углу гробницы. Не доходя до этого угла сажень на 5, лазейка почти отвѣсно опускалась въ глубь, въ подземелье, уже обвалившееся и образовавшее овальную яму Черезъ это подземелье расхитители и очистили главную гробницу. Но видно было, что ихъ застигъ обвалъ подземелья и они не успѣли всего вытаскать. На это указывалъ между прочимъ найденный нами въ слояхъ рушеной земли человѣчій остовъ, въ такомъ безпорядкѣ въ отношеніи расположенія костей, который явно показывалъ, что покойникъ погибъ отъ обвала подземелья. На днѣ этого подземелья почти подъ самымъ входомъ въ него, изъ лазейки стояли двѣ большія мѣдныя вазы простой работы; у одной, самой большой, по вѣнцу находятся ручки, изображающія козловъ. Дальше къ востоку найденъ бронзовый свѣтильникъ. Въ томъ же подземельи по дну собраны въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ югозападномъ углу, различныя мелкія золотыя вещи, частію въ обломкахъ; и сверхъ того подъ стѣнами открыто три пещерки, наполненныя также различными вещами, можетъ быть припрятанными нарочно во время расхищенія гробницы. Въ одной пещеркѣ найдены пять колчановъ стрѣлъ, снипѣвшихся отъ ржавчины, семь ножей, мечь съ рукоятью, обложенною золотомъ, золотой наконечникъ отъ мусата и бронзовая чаша, совсѣмъ перержавѣвшая. Въ другой пещеркѣ у входа стояло бронзовое ведерцо, а дальше лежала цѣлая куча золотыхъ разновидныхъ бляхъ (около 700 штукъ) со множествомъ мелкихъ пуговокъ, (слишкомъ фунтъ вѣсомъ), служившихъ украшеніемъ какой либо одежды или покрывала, остатки коего истлѣвшіе и превратившіеся въ землю, лежали подъ этими вещами и дальше въ глубинѣ пещерки. Въ числѣ бляшекъ, на четыреугольныхъ изображена женская сидящая фигура, съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ; передъ ней стоитъ фигура скиѳа, пьющаго изъ рога; другія бляхи—круглыя, съ изображеніемъ женской головы, розетки; одна изображаетъ медузину голову.

Подлѣ этой пещерки съ одной стороны найдены остатки чело-

нѣчьяго остова, а съ другой по дну въ разныхъ мѣстахъ собраны золотыя вещи: два перстня одинъ съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки, другой съ изображеніемъ быка; массивное кольцо, наконечникъ отъ ноженъ меча, разныя бляхи, бусы и пластинки.

Далѣе, въ третьей пещеркѣ находки были еще интереснѣе: кромѣ мелкихъ золотыхъ вещицъ, найдена золотая чеканная доска или *покрышка съ налуча*, или футляра для лука, другая съ ноженъ меча, обѣ съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи; нѣсколько золотыхъ бляхъ съ колчановъ; пять мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ, изъ которыхъ на 4-хъ грубою работою изображены грифоны и олени, а на одномъ превосходно вычеканено изображеніе охоты и вверху двѣ бычачьи головы безъ роговъ [1]); найденъ также круглый мусатъ съ золотою рукоятью, три колчана бронзовыхъ стрѣлъ, пять подъемныхъ бронзовыхъ скобъ, можетъ быть отъ гроба; много пластинокъ отъ желѣзныхъ и бронзовыхъ наборныхъ поясовъ и пр. Безпорядокъ, въ какомъ лежали всѣ эти вещи, явно указывалъ, что чрезъ это именно подземелье происходило расхищеніе гробницы.

Но расхитители, оставившіе еще такъ много изъ своего грабежа, вовсе не попали въ побочные четыре гробницы, которые выкопаны были обширными, около 8 арш. въ квадратѣ, пещерами въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной гробницы и притомъ ниже уровня ея дна аршина на 2, такъ что средина этого дна, гдѣ найдены признаки гроба, возвышалась передъ этими подземными комнатами въ видѣ катафалка, съ котораго въ пещеры вели покатые спуски Такое низменное положеніе этихъ подземелій, быть можетъ, уберегло ихъ отъ расхищенія. Пещеры были совсѣмъ завалены обрушившеюся землею, такъ что едва можно было различить рушеные слои отъ материковыхъ. При разслѣдованіи ихъ мы встрѣчали величайшія затрудненія и подвергались ежеминутной опасности отъ обваловъ. Только смѣлость и ловкость привычныхъ къ подобнымъ работамъ гробарей устранили несчастные случаи и много способствовали даже къ сокращенію расходовъ на раскопку.

Въ сѣверовосточномъ наугольномъ подземельѣ, при самомъ входѣ, слѣва найденъ человѣч. остовъ съ бронзовымъ обручемъ на шеѣ, съ серьгою въ правомъ ухѣ и съ спиральнымъ золотымъ кольцомъ на среднемъ пальцѣ правой руки; въ головахъ у него собрано нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ

[1]) Геродотъ упоминаетъ, что въ Скиѳіи водились быки комолые.

по видимому что-то въ родѣ жезла: у конца съ лѣвой стороны найденъ вложенъ съ костянымъ черешкомъ и тотъ-же у тазовой кости колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Затѣмъ обнаружилось, что въ этомъ подземельѣ были сложены богатыя одежды и различные уборы, головные и т. п. Золотыя украшенія и принадлежности этихъ уборовъ состояли: изъ пластинъ (родъ вѣнчиковъ) съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, травъ, цвѣтовъ, плодовъ и узоровъ, драконовъ, терзающихъ оленей, драконовъ, борющихся съ сфинксами, пластинъ сфинксовъ и т. п. изъ разнородныхъ бляшекъ круглыхъ, четыреугольныхъ, треугольныхъ, такие съ изображеніями на одной недлинной головы Геркулеса со львомъ; льва, терзающаго оленя; на другихъ грифа, зайца, розетки, тельца и пр.: изъ пуговицъ разной величины въ видѣ головы человѣка, въ видѣ розетки, и гладкихъ: изъ бусъ, украшенныхъ сканью, изъ запонъ въ видѣ сфинксовъ и пр. (Всего около 2500 штукъ, мелкихъ и крупныхъ). Найдено кромѣ того нѣсколько стеклянныхъ синихъ бусъ и бѣлыхъ бисеринокъ, а также бронзовое зеркало, съ желѣзною рукояткою, серебряная ложка, нѣсколько костяныхъ дощечекъ съ остатками позолоты, вѣроятно украшавшихъ ларецъ или ящикъ. Безпорядокъ, въ какомъ лежали эти вещи, большею частію кучками, не далъ намъ никакой возможности составить какое либо опредѣленное понятіе объ ихъ первоначальномъ расположеніи. Повидимому одежды съ ихъ уборами были развѣшены въ сводѣ подземелья на желѣзныхъ крючкахъ, которые тутъ же были находимы съ признаками на нихъ перетлѣвшихъ тканей. Въ глубинѣ задней стѣны подземелья найдены и самыя ткани въ кускахъ, уже истлѣвшія.—При входѣ въ подземелье, справа у стѣны стояло шесть глиняныхъ простыхъ, уже раздавленныхъ, амфоръ.

Въ юговосточномъ наугольномъ подземельѣ у входа съ правой стороны у стѣны стояла бронзовая небольшая ваза, подобная двумъ большимъ, найденымъ въ подземельѣ грабителей, а за нею по стѣнѣ же пять глиняныхъ, раздавленныхъ уже, амфоръ, противъ которыхъ найдены истлѣвшія кости какого-то небольшаго животнаго, лежавшаго головою къ амфорамъ. Далѣе въ глубинѣ подземелья найдены подобныя же золотые головные уборы въ видѣ пластинъ — вѣнчиковъ, также бляшки и пуговки. (Всего болѣе 350 штукъ). По южной стѣнѣ (гдѣ стояли амфоры) найдено нѣсколько колчановъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько ножей съ костянными ручками, какіе уже были находимы, и остатки истлѣвшей ткани.

Особенно важны и замѣчательны были открытія въ сѣверозападномъ наугольномъ подземельѣ. Здѣсь прежде всего мы нашѣ-

ткани въ слояхъ глины отпечатки красокъ, голубой, красной, зеленой и желтой. Ширина мѣста, на которомъ сохранялись эти краски, была около 2 арш., а вышина 1 арш. Мѣстами попадались остатки совсѣмъ перегнившаго дерева. Видимо было, что здѣсь стоялъ деревянный гробъ или саркофагъ. Послѣ обозначилось, также по отпечаткамъ красокъ и остаткамъ дерева, что онъ имѣлъ длины по направленію отъ З. къ В. 3¼ арш. Посрединѣ истлѣвшаго гроба на материкѣ открытъ женскій остовъ, лежавшій головою къ западу и слѣд. лицемъ къ главной гробницѣ. На немъ былъ слѣдующій уборъ: на шеѣ золотой массивный гладкій обручь около 1 ф. вѣсомъ, съ изображеніемъ по концамъ львовъ; въ ушахъ двѣ серги, состоящія изъ колецъ съ подвѣсками; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходная съ подобными же уборами, найденными въ двухъ описанныхъ подземельяхъ. Около головы и всего корпуса лежали рядомъ четыреугольныя бляшки съ изображеніемъ сидящей женщины и стоящаго предъ ней мальчика съ зеркаломъ въ рукѣ; рядъ или нитка этихъ бляшекъ простиралась выше черепа на 8 вершковъ, огибая его, и потомъ опускалась до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія бляшки служили каймою какого либо покрова; съ исподней стороны на нихъ еще очень были замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были широкіе гладкіе золотые браслеты, а ниже ихъ стеклянныя бусы; на всѣхъ пальцахъ—золотые перстни, на девяти гладкіе, а на одномъ, правомъ мизинцѣ, съ изображеніемъ летящей птицы. Между костью таза и ребрами лѣвой стороны найденъ круглый камень въ родѣ картечной пули. Съ права подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ костяною рукоятью.

Въ разстояніи 2 арш. отъ гроба, противъ его средины, по направленію къ сѣверу, лежалъ мужской остовъ, головою къ гробу т. е. на югъ; голова покоилась на правой щекѣ, слѣд. лицемъ къ главной гробницѣ. У него на рукахъ были небольшія браслеты; у пояса ножикъ съ костяною ручкою, у таза слѣва небольшой колчанъ стрѣлъ. Ноги остова почти упирались въ рядъ глиняныхъ, уже раздавленныхъ амфоръ, стоявшихъ по всей сѣверной стѣнѣ подземелья, начиная отъ самаго входа въ него изъ главной гробницы. Амфоръ было 13. Съ лѣваго бока остова лежала еще такая же амфора.

Далѣе въ глубинѣ подземелья открыты: *серебряная ваза* въ родѣ амфоры, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ въ плечахъ около 9 вершковъ, вся изящно разчеканенная травянымъ орнаментомъ съ

изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ, и въ верху двухъ грифовъ, терзающихъ оленя, а по плечу украшенная горельефными вызолоченными изображеніями сценъ изъ быта Скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями. Любопытно, что у вазы въ горлѣ находится ситка, какъ и въ трехъ носикахъ сдѣланныхъ, одинъ спереди, въ видѣ окрыленной головы коня, а два, по сторонамъ, въ видѣ львиныхъ головъ. По стилю и отдѣлкѣ ваза можетъ быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства, и есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ скиѳской древности. Подлѣ вазы стояла серебряная же большая плоская *чаша*, родъ блюда на поддонѣ, такой же работы, украшенная желобками и травнымъ узоромъ, съ двумя ручками, подъ коими изображены рельефно женскія фигуры. На ней лежала большая серебряная *ложка* съ рукоятью, украшенною на концѣ кабаньей головой.

Въ юговападномъ наугольномъ подземельѣ открыто на материкѣ два остова воиновъ, лежавшихъ рядомъ, головами къ западу и лицемъ къ главной гробницѣ. Одинъ, лежавшій справа, подлѣ сѣверной стѣны, былъ въ слѣдующемъ уборѣ: на шеѣ золотой обручь съ изображеніемъ львовъ, по 6 на каждомъ концѣ; на кистяхъ рукъ золотые браслеты; на безъименныхъ пальцахъ по кольцу; около черепа лежали вокругъ рядомъ четыреугольныя бляшки съ изображеніемъ грифона, украшавшія вѣроятно головной покровъ; у лѣваго бедра находился мечъ съ рукоятью, покрытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифона и оленя; на ножнахъ былъ золотой наконечникъ. Какъ этотъ мечъ, такъ и найденные прежде, съ которыми онъ совершенно сходенъ, имѣли длины около 21 дюйма. На чреслахъ былъ найденъ бронзовый поясъ, состоявшій изъ набора бронзовыхъ пластинокъ. Видимо, что на этомъ поясѣ вѣроятно и висѣлъ упомянутый мечъ. Подлѣ меча найденъ ножикъ съ костяною рукоятью, а ниже его колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Ноги, отъ колѣнъ до щиколотокъ, были покрыты бронзовыми латами, кованными изъ тонкаго листа, и потому совершенно перержавѣвшими. Съ лѣваго бока у остова лежало желѣзное копье и такая же стрѣла съ желѣзными же наконечниками, находившимися у ногъ остова, такъ что длина этихъ оружій была около 3 арш. Еще дальше въ разстояніи $^3/_4$ арш. найдены еще три такихъ же копья. Въ головахъ остова, съ лѣвой стороны, близъ черепа, лежала бронзовая чашка съ серебряными ручками и серебр. кувшинчикъ въ родѣ кубышки. За ними дальше былъ положенъ колчанъ стрѣлъ.

На другомъ остовѣ, лежавшемъ съ правой стороны отъ перва-

го найдены: на шеѣ золотой обручъ съ рѣзнымъ изображеніемъ львовъ по концамъ; на правой рукѣ серебряный браслетъ и золотое кольцо на среднемъ пальцѣ; на чрслахъ такой же бронзовый наборный поясъ съ перержавѣвшими остатками ножа; у тазовой кости колчанъ стрѣлъ. Костей лѣвой руки до локтя не было.

Такимъ образомъ, хотя мы и не были счастливы по разслѣдованію главной гробницы, опустошенной давнишними искателями, можетъ быть, еще въ незапамятныя времена, зато эти наугольныя ея подземелья, остававшіяся нетронутыми, вполнѣ вознаградили наши, совсѣмъ было потерянныя, надежды и ожиданія. Неимовѣрное множество открытыхъ вещей своимъ разнообразіемъ и значеніемъ даетъ весьма обильный фактическій матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о скиѳской древности, представляя или новыя варіанты относительно прежнихъ открытій, или совершенно новые и доселѣ неизвѣстныя данныя. Особенно важно то, что значительная часть находокъ касается бытовой, домашней стороны этой древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти подземелья съ открытыми въ нихъ сокровищами могутъ служить самымъ наглядным подтвержденіемъ Геродотова сказанія о погребеніи скиѳскихъ царей (Книга IV) и стало быть доказательствомъ, полнымъ и несомнѣннымъ, что важнѣйшіе изъ Екатеринославскихъ кургановъ въ дѣйствительности есть памятники скиѳскіе.

Что касается до открытій, сдѣланныхъ въ то же время на верхоземкѣ, подъ насыпью и въ самой насыпи кургана, то онѣ, хотя и не представили никакихъ важныхъ и цѣнныхъ находокъ, но все таки были любопытны по несомнѣнному отношенію ихъ къ обрядамъ и обыкновеніямъ, какими сопровождалось нѣкогда погребеніе скиѳскихъ царей. Дальше къ западу, за могилами царскихъ коней, въ 4 саж. отъ нихъ, найдено еще нѣсколько небольшихъ могилокъ, выкопанныхъ въ материковой глинѣ глубиною неболѣе $1^1/_2$ арш., въ которыхъ открыты, подлѣ одного большаго остова, кости коего находились въ безпорядкѣ, три остова младенческихъ, имѣвшихъ въ наличности только одну верхнюю часть корпуса т. е. голову и грудь съ костями рукъ по локоть. Въ разстояніи одной сажени отъ этихъ могилокъ на С. З. на самомъ материкѣ лежали кости коня, о которомъ мы уже говорили выше. Затѣмъ, еще далѣе, подъ сѣверозападнымъ пластомъ огромныхъ камней курганнаго цоколя, по направленію отъ сѣвера къ югу — лежалъ слой конскихъ же костей и черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. Слой этотъ шириною былъ въ $1^1/_2$ арш., толщиною въ $^1/_4$ арш. и простирался сплошь на 7 саж. длины. Очевидно, это были

слѣды справленной здѣсь тризны или поминокъ по покойникѣ. Вообще должно замѣтить, что западная мѣстность отъ главной гробницы и не только подъ насыпью кургана, но и дальше по степи, служитъ явнымъ свидѣтельствомъ, что здѣсь въ виду царя покойника, лежавшаго безъ сомнѣнія сюда лицемъ, совершались въ его память тризны и погребались всѣ лица, почему либо ему близкія. Кромѣ множества небольшихъ кургановъ, разсѣянныхъ по степи съ этой стороны, должно упомянуть особенно о долгой могилѣ, находящейся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого *западнаго* кургана и, по всему вѣроятію, имѣющей къ нему зависимое отношеніе. Но не должно полагать, что и въ ней откроются такія же сокровища, какими былъ такъ богатъ главный курганъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, погребены рабы царя, быть можетъ тѣ, которые, по сказанію Геродота, насильственно погибали въ память царя, во время годовщины его поминовенія.

СКАНДИНАВСКІЙ КОРАБЛЬ НА РУСИ.

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

Въ числѣ памятниковъ, достойныхъ вниманія и мысли археолога, представляющихъ не малую добычу для его соображеній, по всей справедливости можно назвать и произведенія устной народной словесности. Даже записанныя въ позднѣйшее время и въ позднѣйшей формѣ, они часто хранятъ въ себѣ драгоцѣнныя черты старины, которыя остались бы вовсе неизвѣстны намъ, если бы ихъ не сберегла благодарная память народа.

Особыя исключительныя условія древне-русскаго образованія не дозволили произведеніямъ народной словесности войти въ письменность и получить литературную обработку: какъ были такъ и оставались они устнымъ достояніемъ простаго народа до поры, когда наука захотѣла обезпечить ихъ отъ дальнѣйшей порчи и утраты рукою умѣлыхъ собирателей и приняла ихъ подъ защиту, какъ свое законное достояніе. Оттого у насъ вовсе нѣтъ пѣсенъ, о которыхъ можно было бы сказать, что онѣ исключительно принадлежатъ извѣстной эпохѣ и сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ, еще не тронутомъ порчею и позднѣйшими привнесеніями. Передъ нами лежитъ лишь огромная масса разновременнаго матеріяла, части котораго сплотились между собою въ разнообразныя причудливыя сочетанія: возлѣ воспоминаній — если такъ можно выразиться, вчерашняго дня, стоятъ и воспоминанія глубокой старины и стоятъ не какъ внѣшняя механическая прибавка, но со-

единенныя между собою простодушіемъ и наивностью народнаго чувства, не требующаго строгой исторической или хронологической достовѣрности, не смущающагося никакими сомнѣніями. Кто привыкъ вникать въ исторію народа, въ развитіе его быта, тотъ не удивится этой помѣси анахронисмовъ и противорѣчій, наполнявшихъ и наполняющихъ его существованіе. Съ той поры, какъ человѣкъ перешагнулъ непосредственное природное состояніе и выступилъ на сцену исторической дѣятельности — противорѣчія и анахронисмы стали необходимымъ дѣйствующимъ началомъ его жизни и исторіи: отъ нихъ не свободны ни образованныя общества, ни высокоразвитыя отдѣльныя личности, — и какъ часто многія историческія событія своимъ происхожденіемъ бываютъ обязаны противорѣчію между сознаннымъ убѣжденіемъ и роковымъ, безсознательнымъ влеченіемъ къ поступку! Можно даже сомнѣваться, что это дѣятельное историческое начало когда нибудь исчезнетъ предъ общею нивеллирующею силою образованія и науки, что жизнь, однажды нарушенная вторженіемъ противорѣчій, подведетъ итогъ всѣмъ своимъ анахронисмамъ, нравственнымъ и матерьяльнымъ — и вступитъ въ послѣдовательное ровное теченіе! Сѣтовать-ли на такое, повидимому — болѣзненное движеніе исторіи, ставить ли ей въ упрекъ обиліе противорѣчій, густыми слоями скопившихся отъ разныхъ періодовъ жизни и во многомъ препятствующихъ успѣхамъ просвѣщенія? Но это значило бы сѣтовать на всю исторію, отнимать у нея живой характеръ борьбы, сводить ее къ осуществленію безплотнаго закона формальной логической необходимости! Относительно русской науки — мнѣ кажется—скорѣе должно сѣтовать на то, что до сихъ поръ она такъ мало извлекла пользы изъ этого качества исторіи, не воспользовалась имъ въ должной мѣрѣ для поясненія русской древности... Извѣстно, какія любопытныя и важныя данныя для исторіи древнерусскаго быта, вѣрованій, обычаевъ, нравовъ, костюма — извлечены гг. Срезневскимъ и Буслаевымъ изъ народныхъ пѣсенъ, нищенскихъ стиховъ, пословицъ и поговорокъ. Попытку объясненій подобнаго рода слѣдовало бы сдѣлать относительно всего археологическаго матерьяла русской народной поэзіи, и я имѣю твердыя основанія думать, что такой трудъ вознаградился бы полнымъ успѣхомъ и во многихъ отношеніяхъ прояснилъ бы исторію древне-русскаго быта, торговли, промышленности, ремеслъ и искусствъ. Нужно умѣть лишь привести въ связь письменныя свидѣтельства съ свидѣтельствами устной народной словесности, внести хотя приблизительный хронологическій порядокъ въ послѣднія, однимъ сло-

вомъ—разложить сочетаніе анахронизмовъ въ достовѣрные историческіе факты.

Позволяю себѣ на этотъ разъ остановиться на разборѣ извѣстій, сообщаемыхъ нашими былинами о *кораблѣ*. Въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ изображается, какъ изъ-за моря-глухоморья зеленаго, отъ славнаго города Леденца, отъ царя *заморскаго* — выбѣгали—выгребали тридцать кораблей и единъ корабль славнаго гостя богатаго, Соловья Будимировича:

„Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому —
И якутскому — вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе.
У того было Сокола у корабля —
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено—
На томъ было Соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ-корма по туриному
Бока взведены по звѣриному....“ (Кир. Дан. № 1).

На этомъ Соколѣ-кораблѣ былъ сдѣланъ муравленъ чердакъ, а въ чердакѣ—*бесѣда-дорогъ рыбій зубъ*, подернута рытымъ бархатомъ. По другой редакціи былины (Рыб. 1, 318) — этотъ корабль передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ, высоко его головка призаздынута, носъ-корма у него была по звѣриному, а бока сведены по туриному, того ли тура заморскаго, заморскаго тура литовскаго; самъ корабль-червленый, у него паруса-флаги крупчатой (хрущатой) камки, снасти и кодолы (канаты) шелковыя, шелку шемахинскаго, якори у него булатные, желѣза сибирскаго, поморскаго; *середи* корабля стоялъ муравленый зеленъ чердакъ потолокъ его обитъ чернымъ бархатомъ, стѣны покры-

ты чернымъ соболемъ, изнавѣшанъ зеленъ чердакъ куницами и лисицами, печерскима и сибирскима, ушистыма и пушистыма... Въ другихъ варіантахъ былины говорится, что носъ-корма корабля были *расписаны* по змѣиному — по звѣриному, вмѣсто рукъ было повѣшено по дорогу заюшку заморскому, вмѣсто личика повѣшено по дорогой лисицѣ по заморскія, вмѣсто очей врощено по дорогу по соколу заморскому, пролетному..., вмѣсто лба было врощено по дорогу камешку самоцвѣтному, вмѣсто кудрей было повѣшено по дорогу бобру по заморскому, на чердачкахъ бесѣдочки сидѣльныя... (Рыб. II, 185—6) Въ былинѣ о Садкѣ богатомъ, этотъ знаменитый новгородскій гость строилъ себѣ черленъ корабль,

„Корму въ емъ строилъ по *гусиному*,
А носъ въ емъ строилъ по орлиному,
Въ очи вкладывалъ по камешку
По славному по камешку по яхонту...(Рыб. I, 364).

Другіе его кораблики великіе имѣютъ снасточки шелковыя, кормы-то писаны по звѣриному, а носъ-то писанъ по змѣиному (Рыб. I, 368). Подобно кораблю Соловья Будимировича и корабль Садки называется *Соколомъ*, вообще корабли его чорные, они летятъ какъ соколы; а самъ соколъ какъ бѣлъ кречетъ летитъ, паруса у нихъ полотняные... (Кирѣев. V, 34, 41—3, 46). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ также называется *Соколя*-корабль, носъ его съ кормою выгнутъ по звѣриному, а киль его сдѣланъ по змѣиному, вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло. (Кирѣев. I, 22—3).

Вотъ поэтическое, живописное изображеніе древне-русскаго богатаго корабля!

Откуда взятъ этотъ образъ? Вымыселъ ли это фантазіи пѣвца, или сказателя былины, желавшаго изобразить роскошный корабль богатаго гостя, или это образъ дѣйствительный, почерпнутый прямо изъ жизни? Ничто не вызвало пѣвца на подобный вымыселъ: роскошь и богатое убранство корабля сами по себѣ—еще не причина, они были бы живописуемы инымъ образомъ, иными чертами, если бы сама дѣйствительность не предлагала достаточнаго повода къ созданію поэтическихъ очертаній именно—*корабля-звѣря*; сверхъ того и эпическое постоянство, съ какимъ былина каждый разъ повторяетъ это описаніе и самая опредѣленность очертаній, трезвая, чуждая всего невозможно-фантастическаго—прямо указываютъ на дѣйствительный фактъ народной жизни. Нельзя, конечно, сказать, что всѣ приведенныя нами подробности корабельной

орнаментовки взяты съ дѣйствительности: многія изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь идеальному настроенію поэта, но цѣлый образъ не вымышленъ, — онъ взятъ — чтобъ не сказать срисованъ — съ роскошной житейской обстановки древне-русскихъ богатыхъ гостей-мореходцевъ, и потому, я думаю — наука русской древности безопасно можетъ занесть на свои страницы фактъ существованія въ древней Руси кораблей *звѣринаго символическаго стиля*.

Но для науки—этого мало: она спрашиваетъ объ источникѣ этого стиля, хочетъ знать—откуда и почему явился онъ, былъ ли онъ самобытнымъ плодомъ русской культуры, или заимствованъ отъ другихъ народовъ и имѣетъ лишь цѣну блѣднаго подражанія полному смысла оригиналу! Отъ рѣшенія вопроса, въ ту или другую сторону зависитъ степень археологической цѣнности факта, но въ обоихъ случаяхъ русскій зооморфическій корабль — заслуживаетъ вниманія изслѣдователей отечественной древности, какъ несомнѣнный памятникъ почтенной старины.

Нельзя не признать, что тѣ украшенія корабля, подробности которыхъ переданы намъ былинами — не украшенія одной роскоши и комфортныхъ стремленій богатаго мореходца сибарита, но имѣютъ и смыслъ положительный, если можно такъ выразится—*символическій*: корабль рисуется, какъ живое существо, какъ какой-то морской звѣрь съ опредѣленными формами: головы, глазъ, ушей, гривы, боковъ, хвоста...

Только народъ всецѣло отдавшійся интересамъ морской жизни, нашедшій въ ней не одно лишь средство къ удовлетворенію нуждъ и практическихъ стремленій, но и высокую прелесть поэзіи, народъ, для котораго море стало отчизною, которому оно внушало и любовную тоску въ разлукѣ и поэтическое вдохновеніе, только такой народъ могъ почувствовать необходимость надѣлить корабль аттрибутами живаго существа: морская жизнь была слишкомъ близка его сердцу, чтобы онъ могъ оставаться равнодушнымъ къ своему кораблю и видѣть въ немъ лишь механическую постройку, лишенную дыханія жизни: любовь къ морю — создала образъ *корабля-звѣря*!

Но существовалъ ли поводъ къ созданію подобнаго образа у русскихъ Славянъ? Сколько помнитъ исторія—славянскія племена (за вычетомъ Славянъ балтійскихъ) никогда не отличались въ мореходномъ дѣлѣ: по выдѣленіи своемъ изъ общаго славяно-летто-нѣмецкаго потока, обособившись въ отдѣльное племя, они заняли страну, природа которой не допускала развитія мореходства: древнѣйшій лѣтописецъ говоритъ только о разселеніи Славянъ по рѣ-

камъ и озерамъ, вовсе не упоминая, чтобы какое-нибудь племя (кромѣ Поморянъ) заняло приморье. Правда, народныя славянскія пѣсни называютъ и миѳическія и дѣйствительныя имена морей, но не надо забывать, что пѣсня есть плодъ *всей* исторической жизни народа, что она, въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, не слѣдуетъ точному отличію историческихъ эпохъ и беззаботно сближаетъ и князя Володимира съ Татарами и Ермака Тимоѳѣевича съ княземъ Володимиромъ, она роднитъ самыя отдаленныя лица, ставитъ рядомъ самыя разновременныя и изъ разныхъ источниковъ почерпнутыя событія, и поэтому не представляетъ надежнаго ручательства для мысли, что русскіе Славяне искони занимались обширнымъ мореходствомъ; сверхъ этого древняя народная пѣсня представляетъ такія смутныя, неопредѣленныя очертанія моря, что не остается сомнѣнія въ томъ, что оно было вѣдомо народу не по собственному опыту, а по разсказамъ тѣхъ немногихъ странствователей, которые „многихъ племенъ города посѣтили и обычаи зрѣли [1])“. Собственное дѣйствіе, происшествія и похожденія героевъ русской былины никогда не совершаются на морѣ, но всегда на твердой землѣ, на рѣкахъ. Еще рѣшительнѣе въ пользу континентальнаго характера первоначальнаго быта русскихъ Славянъ свидѣтельствуетъ языкъ: у нихъ вовсе не существуетъ собственныхъ древнихъ словъ и терминовъ мореходнаго дѣла, они забыли и древнее арійское названіе корабля (санскр.—*nau*, греческ.—*νεως*, латин.—*navis*, др. вер. нѣм. *nahho*, англо-сакс.—*naca*, древне-сѣверн.—*nöckvi*, средн. вер. нѣм. — *nache*), сохранившееся у всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ племенъ, которымъ судьба отвела въ удѣлъ приморское житье, заимствовали отъ чуждыхъ народовъ (отъ Грековъ?) самое слово *корабль* (греч. *κάραβος*, *κάραβιᾶ*, лат.—*carabus*, роман.—*corbita*, *corbeta*), примѣнивъ его къ легкому рѣчному судну... Вообще всѣ русскіе термины судоходства относятся исключительно къ судоходству рѣчному, морскіе же явились очень поздно и обнаруживаютъ несомнѣнно чуждое происхожденіе.

Народъ материковаго быта, удаленный отъ моря, знакомый съ нимъ лишь по разсказамъ немногихъ предпріимчивыхъ купцовъ, не имѣлъ ни причины, ни повода украшать мореходное судно зооморфическими живыми аттрибутами, съ какими выступаетъ образъ Сокола корабля нашихъ былинъ—и дѣйствительно, въ про-

[1]) Къ этимъ единичнымъ предпріятіямъ должны быть, по нашему мнѣнію — отнесены свидѣтельства лѣтописей и арабскихъ путешественниковъ о посѣщеніи русскими гостинными людьми различныхъ морей и такихъ отдаленныхъ странъ, какъ Римъ и Испанія.

изведеніяхъ древне-русскаго искусства намъ нигдѣ не удалось замѣтить изображеній корабля-звѣря: миніатюры нашихъ рукописей (какъ напр. въ знаменитомъ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в.) рисуютъ намъ русскій насадъ — простое рѣчное судно на подобіе глубокой ладьи съ возвышеннымъ носомъ и кормою, но безъ всякихъ украшеній зооморфической орнаментовки.

Возможно еще одно предположеніе: можно думать, что вслѣдствіе существованія нѣкоторыхъ чисто миѳологическихъ представленій о кораблѣ, вынесенныхъ изъ эпохи доисторическаго единства племенъ, *дѣйствительному* кораблю сообщали тотъ образъ, тѣ аттрибуты и украшенія, какими народное воображеніе надѣляло корабль фантастическій... Дѣйствительно, сравнительная миѳологія свидѣтельствуетъ, что у племенъ индоевропейскихъ очень обыкновенно было представленіе неба, какъ моря-пустыни, а тучь, какъ кораблей, плывущихъ по морю: наивное міросозерцаніе первобытныхъ людей представляло себѣ движущіяся, причудливо — разнообразныя облака — въ формахъ различныхъ животныхъ: для него это были—небесные кони, коровы или быки, змѣи и драконы, лебеди и сильныя хищныя птицы, живущіе и дѣйствующіе въ небесной сферѣ. При ближайшемъ ознакомленіи съ морскою жизнью, быстрыя облака, по сходству впечатлѣнія были приняты за небесные корабли и естественно получили въ народномъ воображеніи—зооморфическія формы и аттрибуты: уже въ Ведахъ облака называются *nâvyaḥ* т. е. *корабли небеснаго океана*, у Грековъ водная нимфа Ναιάς, Νηιάς—*ναυά*—первоначально принималась за плывущую богиню *облака* [1]), въ миѳѣ Аѳины *корабль* также имѣетъ смыслъ облака, у нѣмецкихъ племенъ, начиная съ Эдды, гдѣ облако носитъ названіе *корабля вѣтра* (*vindflot*) и до поговорокъ, живущихъ въ устахъ современнаго народа, можно замѣтить яркіе слѣды миѳическаго представленія тучи, облака въ образѣ корабля [2])... Но какъ Индусы, такъ и Греки и племена нѣмецкія могли во всей свѣжести удержать этотъ первоначальный образъ, потому что сама обстановка жизни, сближавшая ихъ съ моремъ—поддерживала и такъ сказать питала это воззрѣніе; но у Славянъ, удаленныхъ отъ моря, слѣды подобныхъ представленій — очень слабы: только въ какой нибудь сказкѣ, отъ которой народъ не ждетъ и не требуетъ изображенія дѣйствительной жизни, гдѣ нибудь въ темной загадкѣ [3]) тускло свѣтитъ миѳическій образъ живаго *звѣря корабля*;

[1]) Kuhn — Zeitschr. für vergleich. Sprachforsch. t. I, p. 535.

[2]) Mannhardt — Germanische Mythenforsch. B. 1898 p. 37—41, 366.

[3]) Худяковъ — Великорусскія Загадки (2-го изд.). № 607. 919, 1503.

но въ практической обрядовой сторонѣ народнаго быта нѣтъ никакихъ признаковъ воспоминанія о такомъ образѣ, потому нельзя и думать, чтобы изъ области фантазіи онъ былъ перенесенъ въ жизнь практической дѣйствительности и вызвалъ появленіе корабля-звѣря нашихъ былинъ. Причина весьма понятна: несмотря на всю привязанность народа къ обрядовой старинѣ, на упорную стойкость его стародавнихъ представленій и обычаевъ, онъ невольно покоряется природѣ страны имъ занятой и мало по малу утрачиваетъ память, забываетъ то, что противорѣчитъ этой природѣ и ея условіямъ. Такимъ образомъ, уступая неотразимому вліянію природы, блекнутъ тѣ образы и представленія, которые, при иныхъ территоріальныхъ условіяхъ, могли бы устоять и сохраниться во всей свѣжести, какъ и дѣйствительно сохраняются они у другихъ родственныхъ народовъ, территорія которыхъ благопріятствовала ихъ процвѣтанію. Еще въ началѣ X вѣка, по свидѣтельству Ибн-Фослана—русскіе Славяне (?) сожигали тѣла усопшихъ въ лодкѣ на рѣкѣ, по воспоминанію о первоначальномъ способѣ погребенія на морѣ въ кораблѣ или ладьѣ, но уже въ эпоху начальной кіевской лѣтописи этотъ обычай исчезаетъ: сожженіе тѣлъ совершается на твердой землѣ, и только могилы, воздвигаемыя надъ прахомъ усопшихъ по берегамъ *рѣкъ*—позволяютъ догадываться, что связь воды, моря и загробнаго существованія еще слабо мерцала въ сознаніи народа. Видна эта связь и въ обычаѣ, уже совершенно *безсознательномъ*, современнаго простолюдина, когда въ такъ называемый *Навскій Великдень* (*навье*, *навь*, готск. *наив—мертвецъ;* срав. санскр. *наив*, греческ. νεως, ναῦς, латин. *навіs*, франц.—*nef.* etc.—*ладья*, *корабль*) онъ бросаетъ въ *воду* скорлупы красныхъ яицъ, которыя *приплывутъ* къ берегамъ жилищъ *мертвыхъ праотцовъ* въ тотъ день, когда они начинаютъ праздновать Свѣтлое Воскресенье! Сообразивъ такой законъ изчезновенія и измѣненія народныхъ миѳическихъ представленій и обычаевъ — естественно прійти къ заключенію, что нѣкогда извѣстный *образъ морскаго звѣря корабля*, въ фантастическихъ представленіяхъ русскихъ Славянъ, почти незнакомыхъ съ морскою жизнью — ослабѣлъ, не получилъ поддержки и развитія, а потому и не могъ перейти въ жизнь дѣйствительную, не могъ быть поводомъ къ тѣмъ звѣринымъ украшеніямъ, съ какими выступаетъ въ нашихъ былинахъ славный Сокôлъ корабль Соловья Будимировича или Садки богатаго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что настоящее море не играетъ никакой роли ни въ миѳологіи, ни въ быту древнихъ русскихъ Славянъ: у нихъ нѣтъ ни опредѣленныхъ морскихъ бо-

жествъ, ни морскихъ миѳовъ, какъ у прочихъ родственныхъ племенъ; а всюду только одни лѣсные, рѣчные, озерные, болотные и т. д.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что образъ славнаго Сокола корабля не обязанъ своимъ происхожденіемъ древнерусскому народному міросозерцанію: оно не предлагало къ этому никакихъ прочныхъ основаній, никакого матеріала; остается допустить, что устройство, а главнымъ образомъ украшенія этого корабля—были заимствованы отъ другихъ народовъ. Изъ всѣхъ сосѣдей русскихъ Славянъ только одинъ народъ отмѣтилъ себя въ исторіи славнымъ мореходствомъ, отважными морскими походами. Это—Скандинавы. Еще не справляясь съ исторіей, теоретически только—можно утверждать что при постоянныхъ торговыхъ и воинскихъ сношеніяхъ Скандинавовъ съ русскимъ Сѣверомъ, они не могли не имѣть вліянія на развитіе судоходства и морской торговли Новгородцевъ. Быть можетъ даже колонизаціонныя стремленія Новгорода, неустанно дѣйствовавшія во все продолженіе древняго періода русской исторіи — своимъ происхожденіемъ отчасти обязаны вліянію той жажды смѣлыхъ предпріятій и опасностей, какую приносили съ собою заморскіе выходцы! Здѣсь не у мѣста приводить свидѣтельства исторіи о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ: эти связи слишкомъ извѣстны и не могутъ болѣе быть предметомъ сомнѣнія или кривотолка. Русская былина съ своей стороны предлагаетъ не только полное подтвержденіе ихъ, но и довольно яркое доказательство вліянія смѣлыхъ сѣверныхъ мореходцовъ на самое устройство и украшеніе русскаго торговаго корабля.

Куда ни обращалъ взоры сѣверный германецъ въ своихъ поискахъ чести, славы и богатства, вездѣ онъ встрѣчался съ моремъ, потому, сколько помнитъ исторія, море было для него отечествомъ: купецъ и мореплаватель обозначались у Скандинавовъ однимъ и тѣмъ же словомъ—*farmadr*. При такихъ условіяхъ жизни—сѣверный житель не могъ отнестись равнодушно къ своему кораблю: послѣдній былъ для него болѣе, чѣмъ обыкновенное перевозное судно, онъ—его ближайшій другъ и товарищъ, какъ у звѣролова-охотника другомъ бываетъ собака, а у воина-богатыря — вѣрный конь его, оттого корабль въ глазахъ германскихъ мореходцовъ былъ живымъ, одушевленнымъ существомъ, морскимъ звѣремъ, онъ носилъ собственное имя, къ нему обращался герой съ просьбой въ минуту опасности, съ благодарностью или прощальною рѣчью, и корабль — говорятъ преданія—понималъ своего господина... Устройство и украшенія корабля соотвѣтствовали этому понятію о немъ

по свидѣтельству Снорри Стурлесона—суда строили заостренные съ обоихъ концовъ и давали имъ видъ драконовъ, змѣй, буйволовъ и другихъ животныхъ, передняя часть судна была головою и шеей животнаго, задняя — хвостомъ его. Всего обыкновеннѣе сравнивали такой корабль съ *конемъ*, *оленемъ*, *медвѣдемъ*, *волкомъ быкомъ* или *хищною птицей*; цѣлый особый отдѣлъ кораблей носилъ названіе *драконовъ* (drekar); передняя часть корабля (носъ—корма) украшалась изображеніемъ головы и гривы этихъ животныхъ, а задняя хвоста животнаго, рыбьяго или змѣинаго Всѣмъ этимъ изображеніямъ приписывали сверхъ-естественную силу. Какъ живыя существа корабли—подобно нашему Соколу—имѣли собственныя имена: буйвола, коршуна, орла, ворона... Широкіе брустверы окружали корабль, въ срединѣ стояла подвижная мачта, въ средней же части помѣщалась *бесьда*, шатеръ, покрытый сукномъ или бархатомъ. На выдающихся частяхъ вдѣлывались кольца, вбивались гвозди, золоченыя бляхи, помѣшались и другія рѣзныя или раскрашенныя украшенія [1]). Изображенія подобныхъ кораблей не рѣдки: на знаменитыхъ коврахъ Матильды (XI вѣка) представленъ цѣлый рядъ норманскихъ военныхъ кораблей, у всѣхъ у нихъ носъ-корма украшена огромными изображеніями звѣриныхъ и человѣчьихъ головъ, на одномъ же изъ плывущихъ кораблей позади кормы привѣшено два длинныхъ щита на подобіе крыльевъ летящей птицы и, вѣроятно, съ цѣлью изобразить это подобіе, вмѣсто хвоста обыкновеннаго украшенія задней оконечности корабля — помѣщается человѣческая фигура, дующая въ трубу на развертывающійся парусъ (символическое изображеніе вѣтра) и съ флагомъ въ правой рукѣ [2]). Въ описаніи древней Англіи Іосифа Штрутта находится изображеніе древняго англо-саксонскаго корабля: остовъ его очень коротокъ, но съ высокими бортами, корма украшена высокою лошадиною головою на длинной шеѣ, съ которой идетъ волнистая грива, задняя часть корабля оканчивается небольшимъ хвостомъ [3]). На печати вольнаго города Любека также изображено мореходное судно, на обѣихъ оконечностяхъ котораго представлены двѣ звѣриныя головы на длинныхъ шеяхъ [4])...

---

[1]) Weinhold — Altnordisches Leben. B. 1856, p. 125—135, Стрингольмъ — Походы Викинговъ... рус. перев. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древ. 1860. кн. 3-я, стр. 248—252. Wackernagel — статья въ журн. Гаупта: «Zeitschrift für deutsche Alterth. IX, стр. 572 et sqt.

[2]) Falke — Deutsches Schiff und deutsche Flotte im Mittelalter въ журналѣ Вестермана Jahrbuch d. Illust. deutsch. Monatsh. t. XIII, 1863, стр 22—23.

[3]) Ibidem стр. 20.

[4]) Kurd v. Schlözer—Die Hansa etc. 1851. Печать оттиснута на заглавной страницѣ.

Если сравнить устройство и украшенія скандинавскаго корабля съ описаніемъ Сокола—корабля нашихъ былинъ и вспомнить при этомъ, что купеческій корабль, отличаясь отъ военнаго большею роскошью, могъ имѣть и *бесѣду* (чердакъ, мезонинъ)—*дорогъ рыбій зубъ* (моржевая кость), подернутую рытымъ бархатомъ и богато-украшенныя скамьи и прочія украшенія, принадлежавшія къ необходимымъ условіямъ всякаго богатаго скандинавскаго дома,—то нельзя не замѣтить ихъ поразительнаго сходства: разница лишь въ матерьялѣ украшеній (соболь якутскій, лисицы, куницы, шелкъ шемахинскій, желѣзо сибирское, копье мурзамецкое и т. д.), но не въ общемъ характерѣ ихъ — и кажется дѣйствовала одна и та же мысль, одни и тѣ же понятія и побужденія при созданіи такой сходственной причудливо-роскошной орнаментовки, кажется, что и скандинавскіе корабли и нашъ Соколъ-корабль вышли изъ одной мастерской, созданы по одной мысли и по одному плану, по крайней мѣрѣ *такого* сходства нельзя объяснить случайностью: оно могло явиться или какъ слѣдствіе одинакихъ условій жизни, взглядовъ и понятій двухъ различныхъ народностей, или какъ простое внѣшнее заимствованіе, какъ подражаніе. Ни условія быта, ни проистекавшія отсюда понятія русскихъ Славянъ не указываютъ возможности самостоятельнаго созданія художественнаго образа корабля-звѣря: у нихъ не было поводовъ къ подобному созданію, не было почвы, питаясь соками которой представленіе могло постепенно сложиться и вылиться въ цѣльный художественный образъ. Въ обстановкѣ русскаго быта богато изукрашенный зооморфическій корабль является лишь прихотливою игрушкою, лишенною внутренняго смысла и значенія — и невозможно понять, почему стремленія русскаго купца къ роскоши и изяществу выразились въ такихъ глубоко задуманныхъ образахъ, а не въ иныхъ какихъ либо пустыхъ украшеніяхъ. Только принявъ чужеземное, скандинавское происхожденіе нашего корабля-звѣря,—можно будетъ объяснить и появленіе его на Руси и его историческое значеніе; а не принять этого нельзя уже и потому, что сама былина свидѣтельствуетъ о его чужеземномъ происхожденіи: одинъ изъ хозяевъ Сокола корабля—Соловей Будимировичъ былъ заѣзжій удалецъ изъ-за моря, отъ царя заморскаго и славнаго города Леденца, другой — Садко богатый гость новгородскій-странствователь купецъ, много ѣздившій по чужимъ морямъ!

Если достовѣрно, что скандинавскій корабль послужилъ образцомъ для Сокола корабля нашихъ былинъ, то къ запасу историческихъ свѣдѣній о вліяніи морскихъ витязей на сѣверно-русскій

бытъ—прибавляется еще одно немаловажное свидѣтельство и именно для той стороны его, на которую доселѣ менѣе всего было обращено вниманіе, для стороны житейской обстановки, удобствъ и роскоши ея. Кажется, что вліяніе сѣверныхъ мореходцовъ на русскую жизнь не ограничивалось областью суровой практической—торговой или военной—дѣятельности; оно шло глубже, вторгаясь въ житейскій обиходъ и производя тамъ нѣкоторыя измѣненія и привычки въ новомъ духѣ *заморской моды.*

Корабли Соловья Будиміровича и Садки богатаго были произведеніями этой заморской моды въ житейской обстановкѣ древняго русскаго гостя-мореходца!

О ВѢЧЕВОЙ СТЕПЕНИ.

Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.

Обстановка древне-русскаго вѣча до сихъ поръ уяснена вообще очень мало. Источники на этотъ счетъ весьма скупы. Тѣмъ необходимѣе для насъ собирать разсѣянныя въ нихъ черты, чтобы впослѣдствіи могло составиться сколько-нибудь цѣльное представленіе. На первый разъ я беру преимущественно одну принадлежность вѣчевыхъ собраній, именно то мѣсто, съ котораго власти обращались съ своимъ словомъ къ народу. Конечно, гдѣ собирается многочисленное общество на совѣщаніе и притомъ подъ открытымъ небомъ, тамъ необходимо предполагается и возвышенное мѣсто для оратора или трибуна. Не буду говорить о тѣхъ вѣчахъ, которыя собирались иногда не въ обычномъ мѣстѣ, а гдѣ придется, особенно во время народныхъ смутъ; но и тутъ конечно ораторы становились на какое-нибудь возвышеніе, будетъ ли это скамья, бочка или что другое; а чаще всего, вѣроятно, церковная паперть, такъ какъ подобныя собранія происходили преимущественно около церквей. Я останавливаюсь собственно на большомъ или постоянномъ вѣчѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно устроилось въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь возвышенное вѣчевое мѣсто называлось *степенью*.

Прежде нежели перейду къ вѣчевой степени, обращу вниманіе на самое слово „степень“. Очевидно это то же самое что „ступень“. Въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ вмѣсто послѣдней формы первую. Для примѣра укажу на свидѣтельство Ипатьев.

лѣтописи, подъ 1152 г., по поводу извѣстнаго посольства отъ Изяслава кіевскаго къ Владиміру галицкому. Посолъ кіевскій Петръ, требуя возвращенія городовъ, напомнилъ галицкому князю о его крестномъ цѣлованіи. Владимірко посмѣялся надъ нимъ и отослалъ его ни съ чѣмъ. Вскорѣ князь пошолъ къ вечернѣ. Дорогой онъ увидѣлъ Петра, уѣзжавшаго изъ города: „Вотъ поѣхалъ русскій мужъ: всѣ волости захватилъ!“—сказалъ князь съ насмѣшкою и вслѣдъ за тѣмъ взошелъ на полати. Отстоявъ вечерню, Владимірко отправился назадъ въ свой теремъ. Но тутъ, на томъ мѣстѣ, на „степени“, гдѣ онъ посмѣялся надъ Петромъ, князя вдругъ ударилъ параличъ, такъ что онъ едва не упалъ; его подхватили подъ руки и внесли въ горенку. Здѣсь слова „на томъ мѣстѣ на степени“, очевидно означаютъ: на той же ступени. (Въ варіантѣ сказано просто: „на томъ степени“). Выраженіе: „иде на полати“ указываютъ, что князь именно поднимался вверхъ, когда посмѣялся надъ Петромъ.

Впослѣдствіи степень пріобрѣла преимущественно понятіе верхней части возвышенія. Слова степень, ступень ближе всего напоминаетъ намъ столъ и позднѣйшую форму—стулъ. Столъ (съ его уменьшительною формою столецъ), какъ извѣстно, прежде означалъ мѣсто для сидѣнія. Но обратимся къ вѣчевой степени.

Прямыхъ упоминаній о степени, находившейся въ Новгородѣ на дворѣ Ярослава, мы почти не встрѣчаемъ въ источникахъ [1]). Однако, на существованіе тамъ степени указываетъ названіе посадника, правящаго должность, *степеннымъ*; тысяцкій, состоящій въ должности, также назывался „степеннымъ“. Во Псковѣ мы находимъ болѣе указаній на вѣчевую степень. Тамъ встрѣчаемъ также степеннаго посадника, мало того—даже двухъ степенныхъ посадниковъ. По поводу этого факта сдѣлаю мимоходомъ одно замѣчаніе. Изслѣдователи, писавшіе о Новгородѣ и Псковѣ, очевидно недоумѣваютъ, какъ объяснить то обстоятельство, что въ Нов-

---

[1]) Говоря почти, я имѣю въ виду одно мѣсто изъ преданія, найденнаго г. Пекарскимъ въ числѣ бумагъ Екатерины II, „О новгородскомъ войскѣ, пришедшемъ къ Димитрію Донскому противъ Мамая“. А именно: „Посадницы же новгородскіи на степени вшедше, повелѣша въ вѣстный колоколъ звонити и по всѣмъ улицамъ на конѣхъ ѣздити и кликати яко земная дума думати. И сиидеся народъ многъ ѣзло къ вѣстному звону. Посадници къ возвѣстиша святителю, что сиидеся народъ многъ, яко да умолчатъ отъ молвы Архіепископъ же новгородскій Евѳимій ста на *степени высоцѣ* и рече велегласно“. Зап. Акад Н. 1864. Кн I. Это преданіе пока еще совсѣмъ не разъяснено; но несомнѣнно однако, что авторъ его имѣлъ ясное представленіе степени, какъ о возвышенномъ вѣчевомъ мѣстѣ въ Новгородѣ.

городѣ посадникъ одинъ, а во Псковѣ два, именно въ послѣдній періодъ его независимости. Но въ Новгородѣ рядомъ съ посадникомъ былъ и степенный тысяцкій а во Псковѣ степенныя тысяцкій вовсе не встрѣчается. По этому одинъ изъ двухъ псковскихъ посадниковъ по кругу своей дѣятельности не соотвѣтствовалъ ли новгородскому степенному тысяцкому?

Теперь приведу изъ псковскихъ источниковъ три случая, при которыхъ непосредственно говорится о вѣчевой степени:

Въ 1461 г. великій князь Василій Темный прислалъ во Псковъ намѣстникомъ своимъ князя Владиміра Андреевича, „не по псковскому прошенію“ а по собственному выбору. Псковичи не посмѣли ослушаться и приняли его съ честью. Но въ слѣдующемъ году весной Василій умеръ; а осенью того же года граждане выгнали отъ себя Владиміра Андреевича, который оказался не добръ къ народу, да кстати и во Псковъ пріѣхалъ, не будучи позванъ псковичами. При этомъ во 2-й псковской лѣтописи прибавлено: „А иные люди на вѣчи *со степени его сонхнули*, и онъ поѣхалъ на Москву съ безчестіемъ къ в. князю Ивану Васильевичу жаловаться на Псковъ“.

Другой случай изъ лѣтописи, относится къ 1510 году, къ послѣднимъ днямъ псковской вольности. Послѣ извѣстнаго захвата псковскихъ посадниковъ и лучшихъ людей, изъ Новгорода отъ великаго князя Василія пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ Долматовъ. Онъ объявилъ на вѣчѣ двѣ воли в. князя: во Псковѣ уничтожить вѣче и принять двухъ намѣстниковъ, въ пригороды также принять московскихъ намѣстниковъ; если же псковитяне этихъ двухъ воль не исполнятъ, то на нихъ падетъ вина кровопролитія. Сказавъ свою рѣчь, Долматовъ *сѣлъ на степени*.

Третье свидѣтельство выставляетъ степень отличительною принадлежностію посадника, состоящаго въ должности, и такимъ образомъ уясняетъ, почему именно онъ названъ степеннымъ. Это свидѣтельство находится въ Псковской судной грамотѣ, которую относятъ къ 1467 г. „А который посадникъ *сѣзметъ степени своей*, орудіе и судове самому управливати, а иному *наслѣдъ* его судове не пересуживати“. Т. е. посадникъ, оставлявшій свою степень, долженъ самъ окончить всѣ дѣла, начатыя при немъ; а пріемникъ, сѣвъ на его мѣсто, не долженъ пересуждать дѣла, оконченныя предшественникомъ. Здѣсь слово степень, употребляется и въ прямомъ смыслѣ возвышеннаго мѣста, и въ смыслѣ самой должности или достоинства посадника, связанныхъ нераздрывно съ этимъ мѣстомъ. Аналогическое этому явленіе представляетъ понятіе: о

княжескомъ столѣ. Выраженіе „стольный князь“ совершенно соотвѣтствуетъ выраженію „степенный посадникъ“ [1]).

Упомянутыя свидѣтельства пополню еще однимъ, впрочемъ гораздо позднѣйшимъ, которое относится къ Новгороду и говоритъ о степени, какъ о части церковнаго амбона. Именно: Уставъ архіерейскаго служенія— рукопись XVII вѣка, хранившаяся въ новогородской Софійской библіотекѣ. (По этой рукописи новогородскимъ археологомъ Куприановымъ составлена статья „Крестные ходы, мѣстные праздники и церковные обряды древняго Новгорода“, откуда я и заимствую свою ссылку). Тамъ, въ числѣ другихъ обрядовъ, описывается и Хожденіе Святителево на ослятиво Вербное воскресеніе. Между прочими приготовленіями къ этому обряду, звонцы софійскіе брали изъ собора *отъ амбона заднюю степень*, относили ее къ церкви Іерусалиму, ставили передъ церковью и покрывали ковромъ; потомъ ставили другую *степень* передъ Корсунскими вратами и также покрывали ковромъ. Изъ дальнѣйшаго описанія церемоніи видно, что святитель со степени передъ Корсунскими вратами садился на осля и ѣхалъ къ Іерусалиму, гдѣ слѣзалъ на степень, молился тутъ на иконы, благословлялъ боярина и дворецкаго, державшихъ за поводъ его осля и входилъ въ церковь: Потомъ онъ снова садился на осля, и возвращался къ Корсунскимъ вратамъ. Слѣдовательно, степень въ данномъ случаѣ служила подножіемъ для святителя, чтобы ему удобнѣе было садиться на лошадь и слѣзать съ нея.

Соображая всѣ извѣстныя намъ сказанія о вѣчевой степени, приходимъ къ слѣдующимъ вопросамъ и заключеніямъ. Это былъ помостъ, по всей вѣроятности деревянный (иначе отъ него сохранилось бы болѣе слѣдовъ въ источникахъ). Главное затрудненіе заключается въ рѣшеніи вопроса: назначалось ли это возвышенное мѣсто единственно для оратора, или оно было на столько просторно, что тутъ могли помѣщаться важнѣйшія власти республики, т. е. князь, посадникъ и тысяцкій. Въ такомъ случаѣ оно должно быть снабжено лавками и сидѣньями. Мы болѣе готовы принять послѣднее. Вообще на вѣчевую ступень всходили всѣ тѣ,

---

[1]) Интересно, что слово степенный, какъ прилагательное къ самой значительной изъ выборныхъ городскихъ властей, встрѣчается еще въ XVIII вѣкѣ. Именно Петерб. Вѣд. 1772 г. № 56, въ отчетѣ объ учрежденіи города въ Боровичахъ между выборными властями первымъ упоминается городской *степенной* голова. А въ учрежденіи для управленій губерній (250 стр.) 1775 года г., повелѣвается городскихъ бургомистровъ „отличать названіемъ *степенныхъ*“.

которые имѣли что либо сказать народу; послы, возвратившіеся изъ посольства, отсюда отдавали отчетъ въ исполненномъ порученіи, также послы или знатные люди, приходившіе изъ сосѣднихъ земель—отсюда обращались къ вѣчу. Можно подумать, что послѣдніе иногда садились здѣсь рядомъ съ мѣстными властями, судя по словамъ псковск. лѣтоп. подъ 1478 г.: „князь Шуйскій вмѣстѣ съ Московскимъ воеводой, *присѣдя на вѣчѣ*, сказали походъ". Края степени вѣроятно были огорожены рѣшеткой или перилами.

Нѣкоторое наглядное понятіе о возвышеніяхъ подобнаго рода можетъ намъ дать московское Лобное мѣсто, которое прежде было не каменное, а кирпичное, съ деревянными перилами и притомъ имѣло навѣсъ или шатеръ на столбахъ. Извѣстно, что при московскихъ царяхъ отсюда въ торжественныхъ случаяхъ обращалось слово къ народу, отсюда объявлялись царскіе указы. Оно играло важную роль и въ религіозныхъ церемоніяхъ, особенно въ обрядѣ вербнаго хожденія. Первоначальное значеніе Лобнаго мѣста, по всей вѣроятности, было вѣчевое [1]).

Отъ XVI вѣка сохранились новогородскія печати, носящія изображеніе ступеней съ положеннымъ на нихъ посохомъ (архіескопскимъ). Думаютъ, что здѣсь изображаются именно вѣчевыя ступени [2]). Можетъ быть. Однако, при этомъ не надобно упускать изъ виду, что такія изображенія встрѣчаются не ранѣе XVI вѣка; а дошедшія до насъ печати В. Новгорода изъ временъ его самобытности—ихъ не имѣютъ. Кромѣ того, предстоитъ еще разрѣшить вопросъ, на сколько въ этихъ изображеніяхъ участвуетъ элементъ символическій.

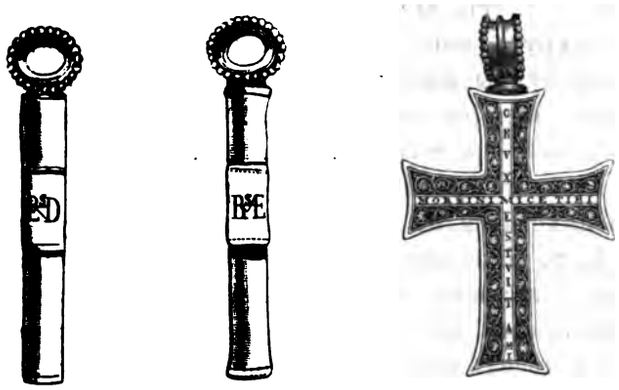
Окончивъ со *степенью*, укажу вкратцѣ и на другія принадлежности вѣчевой обстановки, которыя, по крайней скудости источниковъ, остаются для насъ еще не уясненными Обыкновенно въ Новгородѣ на Ярославовомъ дворѣ предполагаютъ существованіе особой башни или избы, которая представляла родъ вѣчевой канцеляріи, гдѣ дьяки и подьячіе писали вѣчевыя грамоты, но отношенія этой башни къ церкви Николы, стоявшей на томъ же Ярославовомъ дворищѣ—неизвѣстны. Гдѣ именно висѣлъ вѣчевой колоколъ — не знаемъ. Гдѣ хранился ларь или сундукъ съ вѣчевыми грамотами и ларь съ общественной казной — въ вѣчевой избѣ или

[1]) О чемъ замѣтилъ г. Снегиревъ въ своей статьѣ о Лобномъ мѣстѣ.
[2]) *Русская Геральдика* Лакіера. Зап. Археол. Об. Т. VII.

у Николы на Полатяхъ, сообразно съ обычаемъ того времени, хранить драгоцѣнное имущество въ церквахъ? Во Псковѣ вѣче, по видимому, созывали звономъ Троицкаго колокола. Въ Троицкомъ соборѣ вѣроятно находился и ларь съ общественною казною. Въ Псковской лѣтописи подъ 1509 г. говорится: „поимали троицкаго пономаря Ивана, а онъ изъ ларевъ деньги ималъ, да той гибели доспѣлъ 400 рублевъ“ Его на вѣчѣ пытали кнутомъ, онъ повинился и былъ потомъ сожженъ на рѣкѣ Великой. Деньги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, понимаются обыкновенно въ смыслѣ общественной казны. Это достовѣрно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ томъ же соборѣ вѣроятно стояли на сохраненіи сундуки съ деньгами разныхъ знатныхъ людей и также собственно съ соборною казною.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Византійскій наперстный крестъ V или VI вѣка.—Въ храмѣ св. Лаврентія fuór delle mura, въ гробницѣ лежащей подъ помостомъ Константиновской базилики nell'agro Verano, найденъ золотой наперстный крестъ вѣсомъ въ одну унцію. Гробни-



ца, раскрытая въ присутствіи кардинала Патриція, предсѣдателя археологической коммиссіи, находилась подъ древнимъ помостомъ ближе всѣхъ прочихъ къ гробницѣ св. Лаврентія. Тѣло было совершенно обвито холстомъ, бальзамировано и покрыто слоемъ гипса. На груди лежалъ этотъ крестъ, украшенный узорами подъ чернью и надписями. Такіе наперстные кресты, извѣстные у Византійцевъ подъ именемъ σταυρὸς ἐγκόλπιος или просто ἐγκόλπιον, носились на груди, и Анастасій библіотекарь (ad act. 5. Synodi VIII.) опредѣляетъ ихъ словами: „Crucem cum pretioso ligno, vel cum reliquiis sanctorum ante pectus portare suspensam ad colum, hoc est quod vocant Encolpium". Ушко, привинченное къ вершинѣ креста, служило для привѣшиванія. По обѣимъ сторона креста идутъ по серединѣ, между двуми рядами узоровъ, полосы съ надписями. На одной сторонѣ написано греческими буквами ЄMMANOYHΛ, а въ отвѣсной надписи латинскими буквами NOBIS — CVM DEVS. На другой сторонѣ всѣ

надписи латинскія: CRVX — EST VITA MI(HI), MORS INIMICE TIBI. Послѣднія буквы HI отъ слова MIHI неумѣстившіяся на отвѣсной надписи, вырѣзаны на ободѣ подножія вмѣстѣ съ монограммою. На ободѣ концовъ средокрестія поставлены двѣ монограммы, изъ которыхъ вторая повторена на подножіи. Эти монограммы навѣрно содержатъ имена лица носившаго этотъ крестъ, но разъяснить монограммы—весьма трудная задача, потому что древніе христіане нарочно скрывали свои имя въ самой вычурной связи главныхъ его буквъ. Симмакъ печаталъ своею монограммою письма къ другу своему Никомаку Флавіану и писалъ ему, что на этой печати легче отгадать его имя, чѣмъ прочесть его (Epist. II, 12): „Cupio cognoscere, an omnes (epistolas) obsignatas sumpseris eo annulo, quo nomen meum magis intelligi, quam legi promptum est.“ Авитъ, епископъ вѣнскій, приказывалъ чтобы на его печати вокругъ монограммы были бы четко написаны и расположены всѣ буквы имени, для поясненія монограммы: „signum monogrammatis mei per gyrum scripti nominis legatur indicio“ (S. Aviti epist. LXXVIII ap. Sirmond. opp. t. II. p. 117.) При такомъ затрудненіи, надо, по крайней мѣрѣ, опредѣлить тѣ буквы, которыя несомнѣнно находятся въ монограммѣ. Такихъ буквъ мы имѣемъ четыре: B, L, S, E; сомнительныхъ — тоже четыре: P, R, M, D, сомнительныхъ гласныхъ три: A, I, V. Сверхъ того, поперечная черта, соединяющая вмѣстѣ двѣ главныя буквы монограммы, по свидѣтельству доселѣ извѣстныхъ монограммъ, соотвѣтствуетъ всегда буквѣ H. Не находя положительной разгадки этихъ монограммъ, можно предложить имя LEOPARDUS, но при этомъ надо сознаться, что отсутствіе буквы H вредитъ такому предположенію.

Отыскивая какому времени принадлежитъ крестъ, можно отчасти опредѣлить эпоху самою формою монограммъ. Судя о времени по формѣ монограммъ, хотя теперь еще трудно вывести положительное заключеніе, но можно ихъ раздѣлить на двѣ различныя эпохи. Монограммы послѣ VI и VII вѣка обыкновенно общими чертами выражаютъ форму креста, а если имѣютъ четыреугольное очертаніе, то образуютъ самые причудливые узоры и разгадываются съ большимъ трудомъ. Самыя древнія монограммы напротивъ того болѣе просты, менѣе сложны и читаются довольно легко. Наши монограммы образуютъ какъ бы середину между самыми древними и позднѣйшими. Онѣ имѣютъ въ основаніи букву H, основаніе значительнаго количества монограммъ, начиная съ V столѣтія, и весьма рѣдко встрѣчаемое въ монограммахъ IV и III вѣковъ. Поэтому можно отнести нашъ крестъ и наши моно-

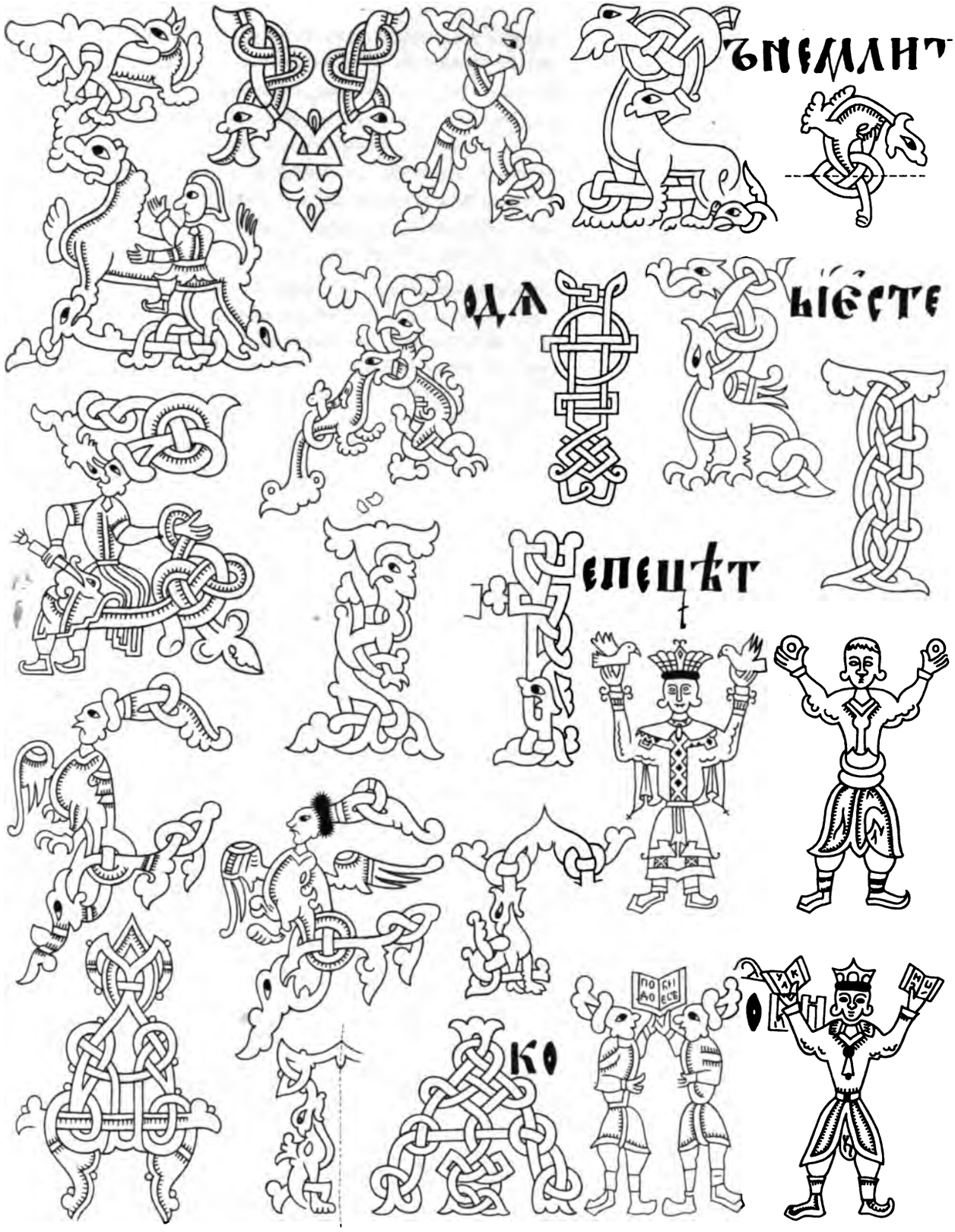


рис. Н. Артлевенъ. Лит. В. Бахманъ.

Заглавныя буквы изъ рукописнаго Евангелія Боголюбова Монастыря.

рис. Н Артлебенъ

Лит В.Бахманъ.

Заглавныя буквы изъ рукописнаго Евангелія Боголюбова Монастыря.

граммы къ v или vi вѣку. Сверхъ того надо замѣтить, что до vii вѣка избѣгали, въ особенности на востокѣ, изображать распятаго Христа. Св. Никифоръ, патріархъ Царьградскій (Antirrhet. III in Mai Nova patr. bibl. P. v. T. I. pag. 99), опровергая иконоборцевъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время между христіанами существуетъ много наперсныхъ крестовъ и наперсныхъ ковчежцевъ, на которыхъ изображены страсти Спасителя, Его чудеса, Его воскресеніе; и вообще онъ говоритъ объ нихъ, какъ о вещахъ новѣйшей работы. Отсюда видно, что до этого времени не было еще изображеній распятаго Спасителя. Такъ напримѣръ: на 16 золотыхъ сосудцахъ, хранящихся въ Монцѣ и принесенныхъ изъ Іерусалима Теодолиндою, съ масломъ изъ лампады гроба Господня, представляются изображенія всѣхъ страстей Христовыхъ, кромѣ Распятія, на мѣсто котораго Спаситель представленъ во славѣ, въ вѣнцѣ и на вершинѣ богатаго креста. Надпись, находящаяся при отверстіи этого сосуда, писана по гречески и одинакаго смысла съ одною изъ надписей нашего креста: ЄMMANOYHΛ METHMωNΘEOC (Еммануилъ, съ нами Богъ). Такія изображенія дѣлались вѣроятно на наперсныхъ крестахъ до vii вѣка. Такъ какъ надписи на крестѣ латинскія, то надо полагать, что онъ сдѣланъ не византійскимъ художникомъ. Буквы красивы и такаго именно очертанія, какое употребляли въ v и vi вѣкѣ; орѳографія правильна; слогъ и выборъ надписей не содержитъ ни одной неправильности выраженія. Готы сохранили на время послѣдніе слѣды римской имперіи, и при Теодорихѣ въ послѣдній разъ еще разцвѣли Римъ и Италія. Къ этому именно времени слѣдуетъ отнести нашъ крестъ. Пентаметръ на немъ написанный: „Crux est vita mihi, mors inimice tibi“, можетъ быть заимствованъ у какого-нибудь христіанскаго поэта этого времени

Всѣ эти признаки v вѣка подтверждаются сверхъ того и самою гробницею, въ которой найденъ крестъ. Всѣ другіе саркофафи, найденные доселѣ подъ поломъ древнѣйшаго храма св. Лаврентія, и въ особенности тѣ, которые были болѣе отдалены отъ гробницы мученика, почти всѣ составлены изъ мраморныхъ плитъ, уже прежде служившихъ для другихъ гробницъ. Явный признакъ бѣдности и недостатка Римлянъ въ новыхъ мраморахъ; они брали тогда плиты не изъ каменоломень, но изъ разрушаемыхъ древнихъ зданій. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ этихъ камней имѣютъ надписи и лѣточисленіе принадлежащіе iv и v вѣкамъ; такъ что гробницы, выстроенныя изъ этихъ обломковъ, явно новѣе похищенныхъ плитъ. Гробница состояла изъ

саркофага, составленнаго изъ шести красивыхъ, цѣльныхъ, новыхъ плитъ греческаго мрамора, безъ всякихъ буквъ или другихъ надписей, которыя бы доказывали, что онѣ прежде уже были употреблены на другое дѣло. Изъ этого можно заключить, что крестъ найденный въ этой гробницѣ былъ древнѣе послѣдняго разоренія и окончательной нищеты, до которой дошелъ Римъ послѣ готской войны и послѣ неисчисленныхъ несчастій, послѣдовавшихъ за этою войною. (Bulletino di Archeologia Cristiana. G. B. Rossi 1868. № 4 и 5. — Basilica di S. Lorenzo fuor delle mura).

Примѣчаніе. Не можемъ согласиться съ ученымъ Росси, что этотъ крестъ сдѣланъ въ Италіи на томъ только основаніи, что надписи на немъ латинскія. Эта причина недостаточна, потому что византійскіе художники, на вещахъ изготовляемыхъ для Италіи, почти всегда ставили надписи латинскія, доказательствомъ могутъ служить не только бронзовыя двери въ церкви св. Павла fuor delle mura и другихъ церквей (см. Schulz. Denkmäler d. Kunst des Mittelalt. in Unteritalien, I. pag. 249.) Италіи, но также и много различныхъ мелкихъ памятниковъ царьградскаго издѣлія. Сверхъ того надо замѣтить, что наводить чернь или другими металлами обрисовывать контуры—было искусство первоначально исключительно византійское. Не останавливаясь даже на этомъ доказательствѣ, обратимъ вниманіе не только на сходство надписей между описаннымъ крестомъ и сосудами Теодолинды, и въ особенности на то, что на крестѣ стоитъ дословный переводъ по латынѣ греческаго изреченія, написаннаго на сосудѣ, и при томъ съ сохраненіемъ греческихъ буквъ въ словѣ Еммануилъ,—вотъ новые признаки византійскаго происхожденія самаго креста. Г-нъ Росси обратилъ вниманіе на сходство монограммъ креста съ монограммами византійскихъ монетъ, но не обратилъ вниманія на самую форму креста съ расширяющимися оконечностями и кончающимися не прямою, а вогнутою линіею. Такая форма креста въ первый разъ встрѣчается на серебряной монетѣ Евдокіи (421—444), супруги Ѳеодосія II [1]). Эта монета чеканена въ Царьградѣ (cons) и служитъ для еще точнѣйшаго опредѣленія времени описаннаго креста. гр. А. У.

Евангеліе 1544 года Боголюбова монастыря.—Н. А. Артлебенъ представилъ три листа снимковъ съ замѣчательнаго рукописнаго евангелія, хранящагося въ ризницѣ Боголюбова монастыря. На двухъ листахъ, снятыхъ въ настоящую величину, заглавныя фигурныя буквы и нѣсколько строчныхъ (Таб. IV и V) а на третьемъ начальный листъ евангелія отъ Луки, снятый въ

[1]) Sabatier. Description gen. des mon. byzantines. I. pl. V. fig. 26.

уменьшенномъ видѣ посредствомъ фотографіи. Евангеліе писано въ листъ на прочной лощеной бумагѣ, отъ первой страницы до послѣдней, однимъ почеркомъ; заглавныя буквы, составленныя изъ разныхъ фигуръ людей, звѣрей и змѣй, переплетенныхъ листьями и лентами, находятся при каждомъ зачалѣ; фигурныя заставки нарисованы на начальныхъ страницахъ четырехъ Евангелій и на двухъ листахъ въ началѣ книги; изображенія Евангелистовъ писаны красками по золотому фону, изъ нихъ сохранились три: Матѳея, Марка и Іоанна. Когда и кѣмъ писано евангеліе въ рукописи нигдѣ не означено. Внизу страницъ предисловія есть собственно-ручная подпись Іоны епископа рязанскаго, посвященнаго въ этотъ санъ въ 1522 году. Подпись епископа Іоны, сдѣланная имъ на восьми страницахъ, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

Лѣ ҂з.ик. Сїе. Еѵалїе. Положинапртлѣстмыую
творцуниколѣнаволосово. смиреныивлдка
Іонарѧзаскы. своеидшинапамѧ. икойбудеть
настоѧте игуменъ, и свщнници. Ивыбгаради
сїеевалїе прочитайте. аннока андроника, и мене
грѣшнагопоминайте. въ стыхсвоихмлтвахъ
аще гь бгъ помянеть въцртвїи нбнмъ.·.

чрезъ пять страницъ подписано:

смиреный влка, Іонарѧзаскыирукусвоюприложилъ.

Волосовъ монастырь, находящійся въ 16 верстахъ отъ Владиміра, былъ упраздненъ и приписанъ къ Боголюбову монастырю въ 1843 году; поэтому и приложенное епископомъ Іоною Евангеліе находится теперь въ боголюбовской ризницѣ.

Фигура буквы Б (таб. V-я), по костюму и уборкѣ волосъ очевидно женская, замѣчательна тѣмъ, что представляетъ переписчицу книгъ, держащую въ правой рукѣ вынутое изъ чернилицы перо, а въ лѣвой переписываемую книгу; передъ фигурой на подставкѣ находится чернильница, ножикъ и какой то сосудъ или футляръ, имѣющій форму рожка. Если рисунки этого списка Евангелія оригинальные, то можетъ быть онъ есть трудъ женщины, слѣдовавшей примѣру Предславы и Евфросиніи княжны Полоцкой.

✓ **Окладъ найденномъ въ Кіевской губерніи въ 1863 году.** Сообщенно А. П. **Клачковымъ.** Въ концѣ 1863 года въ Русскомъ Инвалидѣ и другихъ газетахъ было перепечатано извѣстіе, ка-

жется изъ Кіевскаго телеграфа, о кладѣ, найденномъ въ томъ году, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Старой Будѣ.

Въ этомъ извѣстіи было упомянуто только, что кладъ состоитъ изъ серебряныхъ монетъ и слитковъ, съ показаніемъ числа тѣхъ и другихъ, а равно и вѣса всего найденнаго. Такъ какъ кладъ этотъ, кажется, нигдѣ не былъ описанъ болѣе подробно, то считаю своею обязанностію сдѣлать извѣстнымъ все, что сообщилъ мнѣ объ немъ въ письмѣ своемъ, по моей просьбѣ, почтенный нашъ собратъ по нумизматикѣ, извѣстный долговременною опытностію, Я. Я. Волошинскій, который, разсмотрѣвъ весь этотъ кладъ, часть онаго пріобрѣлъ для Мюнцъ-Кабинета университета Св. Владиміра. Г. Волошинскій, заявляя, что онъ считаетъ себя не спеціалистомъ и даже мало свѣдущимъ въ той отрасли нумизматики, къ которой почти исключительно относится содержаніе разсмотрѣннаго имъ клада, и, поэтому, предупреждая, что въ большей части описанія онъ ограничится однимъ поверхностнымъ очеркомъ, сообщаетъ слѣдующее:

„Весь кладъ состоялъ изъ 1211 штукъ серебряной мелкой монеты и 5-ти серебряныхъ же слитковъ.

„По моему наблюденію: (конечно - наблюденію не знатока) въ мелкой монетѣ исключительно преобладало *золото-ордынская*. Многіе ея экземпляры были съ тамгами, которыя по сличеніи съ Френовыми, показались мнѣ довольно рѣдкими — хотя вопросъ еще въ томъ, соотвѣтствуютъ-ли тамгамъ самыя надписи.

„Все остальное, относящееся къ ближайшему описанію этой части клада, переступаетъ уже границы моихъ свѣдѣній. Болѣе всего привлекъ мое вниманіе разрядъ (числомъ 17 штукъ) двуязычныхъ монетъ, т. е. такихъ, въ которыхъ на одной сторонѣ восточная легенда, а на другой проглядываютъ слѣды латинской, съ изображеніемъ герба Генуэзцевъ. Монеты этого рода до 1841 года были почти неизвѣстны и только въ этомъ году впервые описаны Женевскимъ нумизматомъ Соре, подъ именемъ генуэзско-татарскихъ; да и то не въ большомъ количествѣ. Быть можетъ, что онѣ и нынѣ не принадлежатъ еще къ числу обыкновенныхъ; по крайней мѣрѣ—въ нашемъ краѣ. Ихъ не было въ нашей коллекціи и первый разъ онѣ попались мнѣ въ описываемомъ кладѣ; къ сожалѣнію, онѣ сохранились незавидно. Тѣмъ не менѣе, при взаимномъ сличеніи нѣсколькихъ экземпляровъ, въ латинской легендѣ, безъ большой натяжки, возстановляется слово CAFA (Cafa). О значеніи монетъ этого рода можно найти объясненіе (хотя и не прямое)—въ статьѣ Г. Кене, изд. въ Mem. de la soc. Arch. et de num. de S. Petersbourg vol. 1, p. 356...

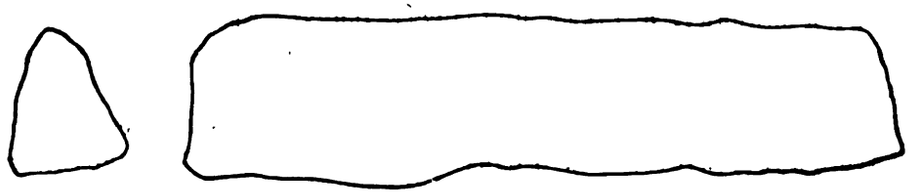
и въ замѣчаніяхъ на эту статью покойнаго П. С. Савельева, въ 1-мъ томѣ записокъ Арх. общества. Впрочемъ экземпляръ Рейхеля, приложенный къ статьѣ В. Кене Tab. xx. fig. 2, въ весьма многихъ отношеніяхъ различествуетъ отъ нашихъ.

„Какъ заблудшую странницу, въ той же мелкой монетѣ я нашелъ еще одну, безспорно, южно-славянскаго происхожденія.—Лицевая ея сторона изображаетъ регента въ мантіи и коронѣ, съ мечемъ въ правой и державою въ лѣвой рукѣ. Изъ надписи уцѣлѣло:.... VAΔI()—I@.... На оборотѣ: благословляющій Спаситель, съ евангеліемъ. По сторонамъ ic—xc. Величина 7½ линій.

Типъ вовсе не противорѣчитъ сербскимъ монетамъ. Его находимъ: (хотя и раздѣльно) у Рейхеля въ Alte serb. münz., tab. xvi. fig. 19, et xv fig 22.

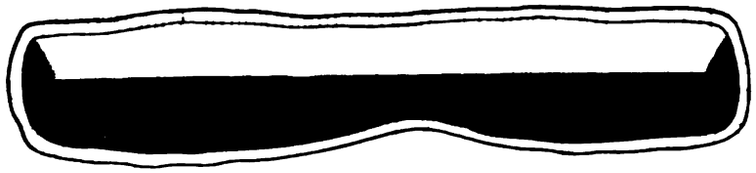
„По этому-то я склоненъ отнести ее къ числу сербскихъ и въ частности, приписать тѣмъ Сербамъ, которые состояли подъ покровительствомъ Венгріи; ибо стиль рисунка живо обличаетъ Венгерское вліяніе. Въ такомъ случаѣ, она могла бы принадлежать послѣднему ихъ деспоту Іоанну (1485—1502), сыну Стефана Георгіевича, на что, повидимому наменаетъ надпись лиц. стороны. Да и величина монетнаго кружка и типъ оборота во всемъ сходствуютъ съ Рейхелевымъ экземпляромъ сказаннаго Іоанна (l. c. Tab. xv fig. 22). На этихъ догадкахъ я остановлюсь; такъ какъ для болѣе смѣлыхъ сужденій слѣдовало-бы располагать болѣе серьезными средствами, чѣмъ какія можетъ имѣть провинціальный ученый, и, въ особенности, въ столь еще новомъ и не разработанномъ отдѣлѣ, какъ отдѣлъ южно-славянскій.

„Особый разрядъ въ кладѣ, и едвали не особый видъ въ наукѣ, составляютъ серебряные продолговатые слитки.



Таковыхъ слитковъ было доставлено мнѣ числомъ 5; но вѣроятно найдено было больше; ибо я имѣю много поводовъ думать, что не всегда клады, вырываемые въ нашемъ краѣ (и въ особенности изъ благороднаго металла, полновѣсные и хорошей пробы),

пересылаются къ намъ въ нетронутомъ видѣ. Хотя вѣсъ этихъ слитковъ подходитъ подъ извѣстныя рязанскія и новгородскія гривенки, но они значительно отъ послѣднихъ отличаются формою. Они вообще гораздо короче, толще и, кромѣ того, на сторонѣ, служащей основаніемъ, имѣютъ выемку, занимающую всю ея поверхность и до того, иногда, глубокую, что нѣкоторые эк-



земпляры представляютъ совершенное подобіе корытца или выдолбленнаго челна; впрочемъ, въ разрѣзѣ они не столько четыреугольникъ или усѣченный элипсисъ (какъ въ рязанскихъ и новгородскихъ), сколько какъ бы подкругленный треугольникъ.

„Подобныхъ экземпляровъ слитковъ не только никогда еще не случалось мнѣ видѣть въ натурѣ, но даже я не встрѣчалъ ихъ и въ рисункахъ, въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ по русской нумизматикѣ; можетъ статься они извѣстны въ оріентальной. Хотя въ изданіи Френа (Num. Muchamed. ed. 1826) я ихъ не нашелъ, на сколько, по крайней мѣрѣ, я съумѣлъ ихъ искать; но можетъ быть для послѣдующаго времени они не составятъ болѣе въ ней диковины. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ на первый разъ преобладающее содержаніе клада располагаетъ меня подозрѣвать въ нихъ скорѣе татарское, чѣмъ русское происхожденіе. На случай же, ежели любопытно будетъ узнать подробно ихъ вѣсъ, длину и ширину, а также приблизительную ихъ форму, — я сообщаю это въ особой вымѣткѣ съ рисункомъ, сдѣланнымъ, впрочемъ, моею неискусною рукою.

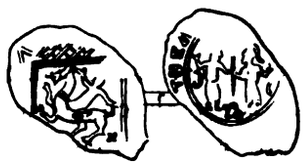
„Изъ клада этого оставлены мною для нумиз-кабинета: (Кіевскаго университетскаго): 3 слитка, 1 сербская и 17 генуезско-татарскихъ, (о которыхъ я упомянулъ выше): а также 13 чисто татарскихъ монетъ, (которыя показались мнѣ болѣе характеристичными), какъ бы въ видѣ образчиковъ остальной части клада. При этомъ конечно, я весьма сожалѣлъ, что въ нашей сторонѣ нѣтъ ни одного оріенталиста и что я, такимъ образомъ, невольно долженъ былъ отказаться отъ тѣхъ научныхъ выводовъ, къ которымъ

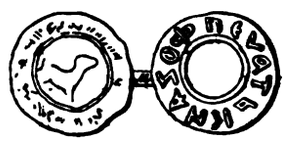
такъ часто приводитъ подробный разборъ содержанія клада, въ особенности въ настоящемъ случаѣ, когда подобный разборъ могъ бы бросить не мало свѣта и на самую классификацію."

Вѣсъ, длина и ширина слитковъ:

Слитки.	Вѣсъ.	Длина.	Ширина.
1-й	44 зол. 58 дол.	45 линій	8 линій
2	46 — 17 —	46 —	7 —
3	46 — 39 —	44½ —	7 8 —
4	46 — 45 —	46 —	7—8 —
5	46 — 73 —	45—46 —	7 —

✓О монетахъ съ именемъ Аѳанасій. — Д. П. Сонцова. Большая часть нашихъ нумизматовъ, основываясь на сочиненіи Черткова, относятъ двѣ монеты, одну серебряную, другую мѣдную, съ остаткомъ имени „Офонас.",—князю Серпуховскому Ярославу Владиміровичу. Серебряная, изображенная у Черткова (Т. XX, фиг. 8.), описана имъ такъ: четвероногое скачущее на лѣво, на немъ человѣкъ съ распростертыми руками,— на оборотѣ два человѣка, обращенные одинъ къ другому, держатъ копье или палку, вокругъ слѣды надписи; и въ примѣчаніи сказано, что по лучшему экземпляру онъ читалъ во кругъ: „печать





Офонас." Вѣсъ 14 грановъ.—Другое Пуло, изображенное у Черткова на т. xx, фиг. 9. и на т. xxxii, ф. 10, описано такъ: человѣкъ

во весь ростъ съ палкою въ рукѣ; вокругъ надпись истерта,—на оборотѣ птица съ поднятымъ хвостомъ; вокругъ надпись „печать кна оф.“ В. 56 гранъ.

Совершенно согласенъ, что эти двѣ монеты князя Афонасья, но не могу согласиться, что они Ярослава Владиміровича Серпуховскаго. Мы знаемъ деньгу этого князя съ княжескимъ его именемъ, а не монашескимъ; она тоже изображена у Черткова (т. xv фиг. 5.): князь на тронѣ съ мечемъ въ рукѣ, по сторонамъ „кн.“; на оборотѣ: „печать кназ Аросл.“ В. 11 гранъ.

Кромѣ этой деньги князя Ярослава Серпуховскаго и денегъ его сына, на которыхъ надпись „Василій Ярославичь“, но ни на одной Афанасьевичь—я основываю свое мнѣніе,—что монеты съ именемъ Офон. не могутъ быть отнесены ему же, на слѣдующемъ:

1) Сынъ Владиміра Храбраго—во всѣхъ актахъ и документахъ называется не Афонасьемъ, а Ярославомъ; привожу нѣсколько тому доводовъ: въ духовной Владиміра, 1410 года, онъ названъ Ярославомъ. Въ Воскресенской лѣтописи, говоря о женитьбѣ этого князя подъ лѣтомъ 6915, и смерти его въ 6934 г., онъ именуется Ярославомъ, а не Афонасьемъ. Въ Софійскомъ Временникѣ сказано: той же осени преставился князь Андрей Владиміровичъ, и князь Иванъ Васильевичъ Ярославскій, и князь Семенъ Владиміровичъ въ черньцахъ нареченъ Сава, и положенъ у Троицы, и Ярославъ Владиміровичъ положенъ въ Архангелѣ, на площади на Москвѣ.

2) Ежели Ярославъ имѣлъ имя Афонасья въ иночествѣ, какъ и братъ его Семенъ, — имя Савы, то не могъ выбивать монету съ этимъ именемъ. Наши великіе и удѣльные князья принимая иночество—отказывались отъ мірской власти, да и принимали монашескій санъ при смерти; слѣдовательно, трудно предполагать, чтобы они выбивали монеты съ именемъ, даннымъ при предсмертномъ постриженіи.

По формѣ и вѣсу эти монеты гораздо старѣе и болѣе схожи съ монетами xiv столѣтія; по остатку же надписи „Офон.“, я полагаю ихъ монетами князя Афонасья Даниловича, который во время велико-княженія брата его Юрія, отправленъ былъ имъ править Новгородомъ въ 1320 году и умеръ въ 1322 году. Въ лѣтописяхъ упоминается еще объ Афонасіи, братѣ Невскаго защищавшемъ Тверь въ 1239 году.

Можетъ быть въ чьемъ либо собраніи находятся эти монеты, или кому либо извѣстны ихъ экземпляры съ болѣе сохранившеюся и болѣе полной надписью!

Кіотъ 1614 года, въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ. Гр. А. С. Уварова. Въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ хранится кіотъ (кивотъ, кіота, κιβωτός, ἡ) весьма замѣчательный какъ по работѣ, такъ и по точному обозначенію года, въ которомъ онъ сдѣланъ. Доселѣ этотъ любопытный памятникъ XVII вѣка не былъ еще изданъ и даже какъ-то мало обращалъ на себя вниманіе путешественниковъ, посѣщавшихъ Кирилловъ монастырь; хотя онъ во всѣхъ отношеніяхъ — одинъ изъ любопытнѣйшихъ образцовъ древняго русскаго искусства и вовсе почти не пострадалъ отъ позднѣйшихъ поправокъ.

Кирилловскій кіотъ сдѣланъ изъ дерева и имѣетъ обыкновенную форму шкапа съ двойными дверцами. Верхняя часть состоитъ изъ крыши о двухъ скатахъ, съ округленными боками, обитыми басебнымъ серебромъ съ узорами. На срединѣ самаго верха прикрѣпленъ на шарѣ вызолоченный осмиконечный крестъ. На передней сторонѣ крыши, на фронтонѣ, окаймленномъ узорчатою полосою изъ басебнаго вызолоченнаго серебра, написанъ убрусъ, поддерживаемый двумя ангелами, стоящими на колѣнахъ. Гладкая вызолоченная полоса и широкій карнизъ отдѣляютъ верхнюю часть отъ средней. Карнизъ этотъ, вмѣсто архитектурныхъ орнаментовъ, украшенъ обронною надписью, золотою вязью по темно-синему полю:

„Образъ чюдотворца Кирила.
списанъ прпдобнымъ Дионисіемъ глущицкимъ еще живу сущ
у чюдотворцу Кирилу в лѣто ,ѕцлѳ г.

Образъ св. Кирилла, хранимый въ главномъ соборѣ, теперь замѣщенъ въ кіотѣ иконою Воскресенія Христова. Бока кіота высеребрены и покрыты рѣзною сѣткою изъ вызолоченнаго дерева; по краямъ они украшены красными полосами съ золотыми травами. Такая же полоса помѣщена на серединѣ, между двумя отвѣсными полосами и раздѣляетъ весь бокъ на два равные четыреугольника. Дверцы кіота съ внутренней стороны покрыты иконописью, сильно подновленною; снаружи онѣ обиты кожею, на которой вытѣснены осмиконечные кресты на подставахъ; по сторонамъ крестовъ копье и губка и обыкновенныя надписи:

црь	слава
і҃с	х҃с
ни	на
к҃	г҃
ц҃а	р҃ѣ

Иконы внутренней части дверей сдѣланы въ одно время съ кіотомъ, представляютъ четыре праздника и обложены вызолоченнымъ окладомъ изъ басебнаго серебра. Эти иконы, къ несчастью, были поновлены такъ, что потеряли почти всѣ слѣды древняго пошиба. Нижняя часть кіота заканчивается тремя узорчатыми, позолоченными филенками и широкимъ карнизомъ, какъ на верхней части, обронной работы съ золотою вязью по темносинему полю:

„Здѣланъ сии киотъ в домъ Пречтыя
и чюдотворца Кирила в лѣто ҂зрк г. по благословенiю игу
мена матфѣа пособиѣ Бгу аминь.

Кіотъ сдѣланъ въ 7122 (1614) по мѣрѣ иконы, написанной Св. Діонисіемъ, и предназначался въ одинъ изъ главнѣйшихъ храмовъ кирилловской обители, въ церковь Пр. Богородицы, и даже по смыслу этой второй надписи можно предположить, что онъ исполненъ въ самомъ монастырѣ. Обѣ надписи замѣчательны по красотѣ вязи и формы буквъ, — отчетливости каждой буквы и узорчатымъ къ нимъ украшеніямъ. Вообще, вся отдѣлка кіота показываетъ какъ, даже въ XVII вѣкѣ, высоко еще стояло въ Россіи искусство рѣзьбы изъ дерева.

Діонисій Глушицкій, въ художественномъ отношеніи, извѣстенъ не только какъ иконописецъ, но также и какъ рѣзчикъ на деревѣ и какъ строитель многочисленныхъ церквей и обителей. Его образъ Св. Кирилла, писанный въ 6932 (1424), съ натуры, „еще живу сущу чюдотворцу“ хотя выдержанъ въ иконномъ стилѣ, но долженъ намъ передавать черты чудотворца съ портретною точностью.

Діонисій [1]), уроженецъ города Вологды, въ мірѣ Димитрій, юно-

---

[1]) *Кн. Эристовъ*. Словарь истор. о святыхъ въ русс. церкви
Филаретъ. Исторія русс. церкви. Періодъ третій, стр. 158.
Исторія Росс. Іерархіи, III, 697—934.

шею пришелъ въ Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ и постриженъ (1384) въ монахи игуменомъ Діонисіемъ [1]). Діонисій Глушицкій, девять лѣтъ послѣ своего постриженія, покинулъ Каменскій монастырь, и на берегу того же Кубенскаго озера, при деревни Святая Лука, возобновилъ бывшій здѣсь монастырь и построилъ церковь во имя св. Николая (1393 г.). Въ 1403 году Діонисій удалился („оттуда поприщъ пятнадесять“) на рѣку Глушицу и выстроилъ небольшую церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы и монастырь. Болѣе обширную церковь выстроилъ онъ въ 1412 году; и Покровскій монастырь назывался еще при Діонисіѣ,—лаврою. Въ двухъ верстахъ за Покровскимъ монастыремъ онъ создалъ храмъ во имя Св. Леонтія Ростовскаго, а при немъ общежитіе монахинь; а за 18 верстъ—создалъ храмъ Вознесенія Господня и при немъ обитель иноковъ. Въ четырехъ верстахъ за Покровскимъ монастыремъ, на той же рѣкѣ Глушицѣ, Діонисій построилъ въ 1420 году церковь во имя Іоанна Предтечи и обитель, названную имъ Сосновцемъ, потому что нашелъ на этомъ мѣстѣ сосну необыкновенной толщины. Покровскій монастырь сталъ извѣстенъ подъ именемъ Глушицкаго-Покровскаго монастыря, а послѣдняя выстроенная имъ обитель—подъ именемъ Глушицкаго-Сосновецкаго-монастыря.

Діонисій Глушицкій, вѣроятно подъ вліяніемъ грека Діонисія, архимандрита Каменскаго монастыря, былъ учредителемъ у насъ монашеской жизни въ восточномъ ея значеніи. Этому же самому вліянію должно отнести и любовь его къ искусствамъ. Сосредоточивъ всю свою дѣятельность на берегахъ Кубенскаго озера не далеко отъ Бѣло-озера, онъ долженъ былъ имѣть частныя сношенія съ Св. Кирилломъ и въ это время, въ 1424 году списалъ образъ Святаго, за три дня до его кончины. Діонисій любилъ заниматься иконописью и рѣзьбою на деревѣ и снабжалъ иконами писанными и рѣзными всѣ построенныя имъ обители. Въ церкви Іоанна Предтечи, за правымъ клиросомъ, находится икона Серафима; въ той же церкви при гробницѣ его († 1437) находится также нѣсколько иконъ его работы. Письмо его, повидимому, отличалось особымъ пошибомъ, сдѣлалось извѣстнымъ и цѣннымъ подъ именемъ „Діонисова письма“. Мы имѣемъ указаніе такихъ иконъ въ описаніи каменнаго монастыря [2]) гдѣ сказано, что въ 1481 году,

[1]) Православн. Собесѣдникъ 1861, I, стр. 202. — Каменскій монастырь основанъ въ 1342 году. Игуменъ Діонисій пришелъ изъ Царьграда во время Димитрія Донскаго.

[2]) Православн. Собесѣдникъ, l. c. стр. 212.

въ вновь выстроенную каменную церковь: „Князь Андрей Васильевичь Углецкой далъ Денсусъ Діонисіева письма“.

Кромѣ живописи и рѣзьбы на деревѣ, Діонисій глушицкій не только славился умѣніемъ ковать и обработывать металлы и красиво писать книги; но даже восхваляется и за умѣніе шить одежды. Онъ скончался въ 1438 году.

На Соборѣ 1547 года положено праздновать память Діонисія Глушицкаго 1 іюня.

эпоха славной дѣятельности Висконти, Крейцера, Летронна, [illegible]

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГІИ

ДРЕВНЯГО ВОСТОКА, ГРЕЦІИ И РИМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

К. К. ГЁРЦА.

Въ послѣдніе годы ученая дѣятельность въ области археологіи была необыкновенно обширна и разнообразна: она обогатила литературу этой науки большимъ числомъ въ высшей степени замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, потому считаю полезнымъ бросить взглядъ на недавно прошедшее, чтобы узнать, какими причинами были вызваны эти научныя явленія: почему современная мысль, современныя изслѣдованія были направлены къ той или другой прошедшей эпохѣ, къ изученію тѣхъ или другихъ вещественныхъ памятниковъ прошлыхъ временъ. Необходимо знать, какіе изъ современныхъ народовъ принимаютъ участіе въ разработкѣ этихъ памятниковъ отжившихъ цивилизацій, какова степень этого участія и какіе изъ лучшихъ представителей этихъ народовъ подвигаютъ впередъ всю науку или одни только извѣстныя ея области.

I.

Начнемъ съ *Франціи*. Если мы взглянемъ на археологическую дѣятельность этой страны въ послѣдніе годы, то, не говоря объ изслѣдованіи отечественныхъ древностей, легко убѣдиться, что ея экспедиціи, раскопки и результаты этихъ экспедицій — великолѣпныя изданія, посвящены почти исключительно древнему Востоку. Съ смертью такихъ замѣчательныхъ дѣятелей на почвѣ классической древности, каковы были Катрмеръ де Кенси, Летроннъ и Рауль-Рошеттъ, изученіе вещественныхъ памятниковъ греческой и римской цивилизаціи, не смотря на всѣ старанія правительства поддержать его, почти совершенно упало во Франціи. Въ стѣнахъ парижской Академіи надписей не раздаются болѣе горячія пренія о живописи древнихъ Грековъ и Римлянъ; мѣсто ихъ, и то изрѣдка, заняли споры о кладкѣ стѣнъ Харамъ—эхъ—Шерифа, или о томъ, какіе остатки іудейскаго искусства сохранились до нашего времени. И въ сферѣ науки каждая эпоха имѣетъ свои особыя любимыя темы, на которыхъ сосредоточиваетъ свою умственную дѣятельность. Въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ археологіи преобладало изученіе греческой и римской древности: это была эпоха славной дѣятельности Висконти, Крейцера, Летронна, Газе, Мил-

лингена, Рауль-Рошетта, Отфрида Мюллера, Гергарда, Вельккера. Этому энтузіазму къ классическимъ древностямъ содѣйствовали и великія открытія на классической почвѣ, ознаменовавшія первую половину нашего столѣтія, таковы были: привозка парѳенонскихъ мраморовъ въ Англію, открытіе статуй фронтоновъ Эгинскаго храма, фриза фигалійскаго храма и наконецъ открытіе неисчерпаемыхъ сокровищъ гробницъ Этруріи, этого источника познанія древняго міра. Въ настоящее время, въ особенности съ эпохи счастливыхъ открытій на почвѣ древней Ассиріи и Египта, во Франціи умы снова обратились на Востокъ и, вмѣстѣ съ другими странами западной Европы, къ изученію средневѣковыхъ древностей. И на этомъ новомъ поприщѣ двигателемъ ученой дѣятельности является опять правительство, которое во Франціи есть источникъ тоже и научныхъ начинаній: такъ привыкли на него смотрѣть въ этой странѣ въ противуположность воззрѣніямъ Англичанъ, какъ увидимъ ниже. Императорское правительство Франціи вызываетъ ученыхъ на экспедиціи и Императоръ Наполеонъ III лично дѣлаетъ имъ предложенія; оно снаряжаетъ экспедиціи, на свой счетъ издаетъ въ свѣтъ результаты этихъ экспедицій въ такихъ роскошныхъ изданіяхъ, которыя дѣлаютъ ихъ доступными однимъ общественнымъ, богато-дотированнымъ библіотекамъ. Въ этомъ дѣлѣ первую роль играетъ блескъ, а не практическая доступность результатовъ ученыхъ экспедицій небогатому классу ученыхъ. Что плоды подобныхъ экспедицій не только обогащаютъ науку новыми данными, но и богатѣйшій музей Франціи, Луврскій—рѣдчайшими сокровищами древняго искусства, тому лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить отчетъ, представленный директоромъ Луврскаго музея графомъ де Ньюверкерке о приращеніяхъ музея съ 1849 по 1863 годъ [1]) Отдѣленіе Египетскихъ древностей Луврскаго музея увеличилось 9,550 предметами, изъ которыхъ 5964 были плодомъ экспедиціи Г. Маріэтта. Отдѣленіе греко-римскихъ древностей получило огромное численное приращеніе въ слѣдствіе пріобрѣтенія коллекціи Маркизы Кампаны, здѣсь находилось однихъ расписанныхъ вазъ болѣе 2500, раскопокъ въ Ками-росѣ (на островѣ Родосѣ) и экспедиціи въ Малую Азію. Особыя залы были назначены финикійскимъ саркофагамъ, античнымъ бронзамъ, терракоттамъ, античнымъ произведеніямъ золотыхъ дѣлъ мастерства; новыя залы открыты для расписанныхъ вазъ. Скопленіе предметовъ древностей въ Луврскомъ музеѣ побудило администрацію создать новый музей для галло-римскихъ и скандинавскихъ древностей: онъ будетъ открытъ въ замкѣ Сенъ-Жерменъ, который тѣсно связанъ съ именемъ Франциска I. Мы изучали Луврскій музей въ первый разъ въ 1853 году; когда же, черезъ десять лѣтъ, въ 1863 году, мы посѣтили его во второй, мы были приведены въ изумленіе его громадными приращеніями: краткое исчисленіе въ отчетѣ графа де Ньюверкерке занимаетъ болѣе 20 страницъ мелкой печати. Эта масса накопившихся и ежедневно возрастающихъ сокровищъ такъ велика, что она, вѣроятно, причина медленной катологизаціи этого собранія, хотя одною этою причиною нельзя извинить гг. консерваторовъ Лувра: со временъ графа Кларака не выходилъ новый каталогъ отдѣленія античной сульптуры, а отдѣленія вазъ, бронзъ и терракоттъ Луврскаго музея, со временъ основанія, никогда не имѣли каталоговъ. Новооткрытыя залы финикійской іудейской и архаической греческой скульптуры тоже ихъ не имѣютъ.

Иниціатива ученыхъ экспедицій, въ Англіи обыкновенно исходящая отъ

---

[1]) Rapport de M. le comte de Nieuwerkerke sur les travaux de remaniement et d'accroissement réalisés depuis 1849 dans les musés imperiaux. Paris. Didier 1863.

частныхъ лицъ, во Франціи весьма рѣдко принадлежитъ знаменитому ученому: оно случается только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ученый въ своемъ лицѣ соединяетъ всѣ дары фортуны и аристократическое происхожденіе. Число представителей славныхъ аристократическихъ фамилій, любившихъ и собиравшихъ свои прославлявшіяся коллекціи древностей, съ каждымъ годомъ уменьшается. О герцогѣ Блакасѣ въ послѣдніе годы мало было слышно; коллекція древностей графа Пуртале-са, описанная покойнымъ профессоромъ Берлинскаго университета Панофкою, на дняхъ будетъ продана съ публичнаго торга [1]). Одинъ герцогъ де Льюинъ составляетъ въ этой аристократіи, часто столь апатичной къ интересамъ науки, блестящее исключеніе: не смотря на годы, жаръ его къ наукѣ не остываетъ; онъ на свой счетъ посылаетъ изслѣдователей на крайніе пункты римскаго міра, самъ снаряжаетъ экспедиціи и, въ сопровожденіи натуралистовъ и художниковъ, посѣщаетъ Мертвое Море. Года два тому назадъ онъ принесъ въ даръ парижской публичной библіотекѣ свое драгоцѣнное собраніе древностей, въ которомъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимали рѣзные камни, финикійскія древности и изумительной красоты древне-греческія монеты.

Изъ ученыхъ экспедицій, отправленныхъ императорскимъ правительствомъ въ Египетъ, гдѣ, въ нѣдрахъ земли, по берегамъ Нила, по видимому, таится еще много сокровищъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ экспедиціи Г. Лоттенъ де Лаваля, который въ 1851 году прислалъ въ Луврскій музей 282 слѣпка съ барельефовъ и надписей, снятыхъ имъ въ Египтѣ и въ Каменистой Аравіи: значительное приращеніе египетской эпиграфики. Но гораздо значительнѣе по своимъ блестящимъ открытіямъ была экспедиція египетская, которая поручена была О. Маріэтту: онъ имѣлъ счастіе открыть упоминаемый Страбономъ Серапеумъ или храмъ древней столицы Мемфиса, въ которомъ хоронились муміи священныхъ аписовъ. Храмъ лежалъ скрытый подъ песочнымъ холмомъ между нынѣшними арабскими деревнями—Саккара и Абузиръ, и здѣсь то, какъ мы сказали выше, раскопки, произведенныя Г. Маріэттомъ отъ 1852 по 1856 обогатили Луврскій музей около 6000 предметовъ и эгиптологію драгоцѣнными новыми фактами. Здѣсь открытъ былъ цѣлый, послѣдовательный въ хронологическомъ порядкѣ, рядъ стелъ съ надписями, содержащими въ себѣ историческія даты, которыя начинаются съ XVIII династіею, за пятьнадцать вѣковъ до Р. Х. и продолжаются до эпохи Клеопатры и сына ея Цезаріона. Здѣсь были найдены образцы всѣхъ стилей египетскаго искусства и въ томъ числѣ расписанныхъ скульптуръ первыхъ вѣковъ древней мемфисской монархіи, современныхъ съ построеніемъ большихъ пирамидъ. Результаты своихъ чтеній новооткрытыхъ надписей, относящихся преимущественно къ опредѣленію различныхъ періодовъ аписовыхъ, г. Маріэттъ предварительно сообщилъ въ археологическомъ бюллютенѣ, который издавался при уважаемой французской газетѣ: L'Athenaeum fransais; подробное же описаніе всей его экспедиціи, раскопокъ Серапеума, вмѣстѣ съ изображеніемъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ тамъ найденныхъ, было публиковано въ особомъ прекрасномъ изданіи [2]). Вообще Франція счастливо продолжаетъ итти по пути, столь геніально открытомъ и проложенномъ

---

[1]) Каталогъ этого собранія отпечатанъ въ трехъ томахъ. Catalogue des objets d'art et de haute curiosite etc. qui compose les collections de feu M. le comte de Pourtales—Gorgier. 3 vol. 8. Paris. Pillet. 1864.

[2]) Serapeum de Memphis, decouvert et décrit par M. A. Mariette. Gide. 1859 fol. и атласъ съ 100 таблицами.

Шампольономъ. Но во главѣ всѣхъ ея египтологовъ стоитъ нынѣшній профессоръ этой науки въ парижскомъ университетѣ, Викоитъ Эмануэль де Ружэ: труды его по этому предмету весьма глубокомысленны и обширны и дружеская связь съ счастливымъ открывателемъ египетскихъ древностей, Маріэттомъ—доставляетъ ему безпрерывно новые матеріалы для чтенія іероглифическихъ текстовъ. Въ 1863—64 году правительство посылало его въ Египетъ и онъ напечаталъ уже предварительный отчетъ объ этой экспедиціи [1]). Въ этой экспедиціи принимали участіе сынъ знаменитаго египтолога, помогавшій отцу въ трудномъ дѣлѣ копированія іероглифическихъ надписей, фотографъ Банвиль, Маріэттъ и Карлъ Вешеръ, прикомандированный для изученія греческихъ надписей, находящихся въ Египтѣ. Экспедиція списала шесть томовъ неизданныхъ надписей и сняла 220 фотографическихъ сниковъ съ стѣнъ египетскихъ храмовъ, покрытыхъ картинами историческаго содержанія и большими надписями. Между этими снимками первое мѣсто занимаютъ копіи съ новаго списка египетскихъ фараоновъ, открытаго Маріэттомъ въ одной гробницѣ Саккары, памятника, столь же драгоцѣннаго, какъ знаменитая Абидоская таблица, и съ одной большой исторической поэмы, описывающей походы Рамзеса II. Столь же важны были результаты миссіи г. Вешера [2]). Нанемъ лежала обязанность не только отыскивать новыя надписи, но и прилежно контролировать уже изданные документы. Этотъ двойной трудъ былъ сопряженъ съ разными затрудненіями: въ географическомъ отношеніи греко-римскія надписи Египта раскинуты на пространствѣ, имѣющемъ въ длину 300 лье, отъ Александрійскаго маяка до катарактовъ Ассуанскихъ. Въ хронологическомъ отношеніи онѣ обнимаютъ періодъ изъ десяти вѣковъ, начиная отъ смерти Александра Великаго и кончая христіанскими императорами Византіи. Греко-римскія надписи Египта уже прежде были собраны и изданы трудами Летронна, Франца и Лепсіуса; но этотъ эпиграфическій матеріалъ былъ необыкновенно счастливо умноженъ г. Вешеромъ: онъ открылъ, преимущественно въ раскопкахъ Маріэтта, болѣе 800 новыхъ надписей, изъ которыхъ graffiti на стѣнахъ гробницъ ѳиванскихъ фараоновъ XIX и XX династій въ Бибань-эль-Молукѣ—принадлежатъ къ интереснѣйшимъ. Г. Вешеръ нашелъ вообще въ Египтѣ около 1000 греческихъ и римскихъ надписей, изъ которыхъ многія уже прежде были списаны.

Съ такимъ же рвеніемъ изслѣдуются и другія страны древняго Востока. Ученая экспедиція Жюля Опперта въ древнюю Вавилонію обогатила литературу великолѣпно изданнымъи классическимъ по этой части сочиненіемъ [3]). Результаты изслѣдованій древнихъ архитектурныхъ памятниковъ Халдеи, изложенныя въ этомъ сочиненіи, уже перешли въ популяризирующія науку сочиненія [4]). Въ особенности замѣчательно было изслѣдованіе того, нынѣ безобразнаго, остатка кирпичей, который славенъ былъ въ древности подъ именемъ храма Бела, Вавилонской башни или башни столпотворенія, на мѣстѣ, называемомъ въ древности Борсиппа. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія сэръ Анри Роулинсонъ открылъ два цилиндра, покрытыя клинообразными надписями, которыя впервые прочелъ Г. Оппертъ и которыя содержатъ въ себѣ исторію построенія этого зданія. Этотъ молодой оріенталистъ, еще до упомянутой экспедиціи, былъ уже извѣстенъ своими глубокими

[1]) Archives des missions scientifiques, Tome I. Paris. 1864. 1-e livraison. p 167.
[2]) Отчетъ о которой напечатанъ въ томъ же изданіи, стр. 179.
[3]) Expedition scientifique en Mesopotamie, exécutee par ordre du gouvernement de 1851 à 1854 par M. F. Fresnel, J. Thomas et J. Oppert. Paris. 1860 съ атласомъ in fol.
[4]) См. Franz Reber, Geschichte der Baukunst im Alterthum. Leipzig. Weigel 1864.

познаніями въ семитическихъ, санскритскомъ и происходящихъ отъ него языкахъ. Съ тѣхъ поръ онъ прославился, какъ одинъ изъ корифеевъ науки чтенія клинообразныхъ надписей: его открытія въ этомъ дѣлѣ весьма обширны. Онъ перевелъ и издалъ первыя вавилонскія надписи, лѣтописи царя Саргона и его ассирійская грамматика доставили ему почетную извѣстность между нѣмецкими и англійскими учеными. Въ истекшемъ году труды были награждены парижскою академіею надписей премією въ 20,000 франковъ. Въ настоящее время трудами по чтенію ассирійскихъ надписей прославился также ученый французъ Менанъ: достойно замѣчанія, что изданное имъ сочиненіе вышло уже вторымъ изданіемъ. Въ этомъ второмъ [1]) изданіи, которое сотнею страницъ болѣе перваго, авторъ подробно излагаетъ исторію открытія и чтенія надписей персидскихъ, индійскихъ и ассирійскихъ и объясняетъ начала, которыми ученые руководились въ этихъ розысканіяхъ и наконецъ законы, по которымъ принято то или другое чтеніе. Онъ оканчиваетъ свое сочиненіе таблицею клинообразныхъ письменъ и опредѣленіемъ значенія каждаго знака, основываясь на розысканіяхъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла.

На почвѣ древней Ассиріи, французскій консулъ въ Моссулѣ, г. Плассъ, преемникъ знаменитаго своимъ открытіемъ перваго ассирійскаго дворца г. Ботты, съ 1851 года произвелъ раскопки въ холмѣ Хорсобадскомъ, которыя, кромѣ тамъ найденныхъ древностей, доставили намъ положительныя данныя о планѣ, внутреннемъ устройствѣ и различныхъ частей того громаднаго сборища зданій, которое составляло дворецъ ассирійскаго монарха. Вся дѣятельность г. Плясса была преимущественно устремлена на изученіе ассирійской архитектуры и ея отличительныхъ признаковъ. Поэтому онъ первый съ особеннымъ тщаніемъ изучилъ также способъ построенія тѣхъ гигантскихъ террасъ, на которыхъ воздвигались дворцы, сооруженія стѣнъ, окружавшихъ ихъ дворцы, каналы, подземные водопроводы и своды, находившіеся во внутренности этихъ возвышенностей. Кромѣ того, въ развалинахъ этихъ г Плассъ нашелъ множество пластинокъ изъ золота, серебра, бронзы, свинца, и антимоніума, покрытыхъ гравированными на нихъ гвоздеобразными подписями: это единственное въ мірѣ собраніе клинообразныхъ надписей на металлахъ. Наконецъ онъ изслѣдовалъ другіе пункты Ассиріи, каковы: Малтаи, Бавіанъ, Башейка, Арбалесъ, Кала—Шергатъ. Но когда драгоцѣнныя произведенія искусства ассирійскаго народа, нагруженныя на плота, уже находились на пути въ Европу, экспедицію Г. Плясса постигло несчастіе: плоты и суда потерпѣли крушеніе въ Шатъ Эль-Арабѣ и прибрежные хищники разграбили то, что не поглотили быстрые волны рѣки. Хотя, такимъ образомъ, самая значительная часть того, что должно было украсить и обогатить Луврскій Музей, безвозвратно погибла, но г. Плассъ сохранилъ подробное описаніе и рисунки всѣхъ имъ открытыхъ предметовъ. Такимъ образомъ плоды второй ассирійской экспедиціи не погибнутъ для науки. Въ мартѣ прошлаго года министръ императорскаго двора и изящныхъ искусствъ, Маршалъ Вальянъ, представившій Наполеону III краткій отчетъ объ экспедиціи Г. Плясса, напечатанный въ Moniteur universel, 31 Мая 1864 года, испросилъ у Императора Французовъ 210,000 франковъ для изданія въ свѣтъ описанія экспедиціи Г. Плясса. Такимъ об-

---

[1]) Eléments d'épigraphie assyrienne. Les écritures cunéiformes, exposé des travaux, qui ont préparé la lecture et l'interprétation des inscriptions de la Perse et de l'Assyrie, par M. Joachim Ménant. Seconde édition. Paris. 1864 in 8°.

разомъ, черезъ три года (ранѣе этого срока этотъ трудъ не можетъ быть оконченъ) археологическая литтература обогатится новымъ великолѣпнымъ изданіемъ, которое, подобно труду г. Ботты, сдѣлается однимъ изъ главныхъ источниковъ для познанія ассирійской исторіи, искусства и древностей.

Малая Азія, столь разнообразная по различнымъ цивилизаціямъ, смѣнявшимъ здѣсь одна другую, не смотря на недавніе обширные труды и изслѣдованія Лика, Гамильтона, Тексье, Феллоуса, Стюарта, Спратта и Форбеса, продолжаетъ представлять неистощимый рудникъ для новыхъ изслѣдователей. Въ 1861 году французское правительство снарядило въ мало изслѣдованныя части этой страны, въ Галацію, Виѳинію, Мизію, Фригію, Каппадокію и Понтъ новую экспедицію, составленную изъ Гг. Перро, Гильома и Дельбэ. Всѣмъ извѣстно блестящее открытіе полнаго текста знаменитаго описанія дѣлъ Императора Августа, имъ самимъ написаннаго и начертаннаго на греческомъ и латинскомъ языкахъ на прекрасномъ храмѣ города Анкиры, нынѣ Ангора (Monumentum seu marmor Ancyranum, котораго фрагменты извѣстны съ 1533 года). Результаты этой экспедиціи начали появляться въ свѣтъ выпусками въ великолѣпномъ изданіи [1]). Въ вышедшихъ до сихъ поръ ливрезонахъ въ высшей степени интересны фотолитографическіе снимки съ загадочныхъ скульптуръ Эуюка (Euyuk): они доказываютъ, что рисунки, изданныя съ этихъ памятниковъ Тексье и другими путешественниками, невѣрно передаютъ ихъ характеръ, что весьма важно для опредѣленія вліянія, подъ которымъ онѣ были созданы. Г. Перро сообщаетъ также о найденныхъ имъ важныхъ неизданныхъ надписяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ византійскимъ временамъ.

Въ концѣ 1860 года Императоръ Наполеонъ III возложилъ на знаменитаго оріенталиста, автора исторіи семитическихъ языковъ, Эрнеста Ренана, экспедицію для изслѣдованія древностей Финикіи. До тѣхъ поръ Финикія принадлежала къ самымъ малоизслѣдованнымъ странамъ древняго міра: глубокоученый изслѣдователь Финикійской древности, Моверсъ, похищенный смертью, не довелъ своего обширнаго труда [2]) до отдѣла памятниковъ искусства, который долженъ былъ составить послѣднюю часть его труда. Впрочемъ, такъ какъ онъ тамъ не посѣщалъ Финикіи, то едва ли можно было отъ него ожидать обогащенія матеріяла, весьма скуднаго до выхода въ свѣтъ труда Ренана. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ сочиненіе Профессора Гергарда, въ Берлинѣ: [3]): авторъ всѣ свои теоріи о Финикійскомъ искусствѣ построилъ на плохихъ рисункахъ Делла Марморы, Али Бея и др. Г. Ренанъ, съ энергическимъ содѣйствіемъ Г. Гальярдо, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ Финикіи хорошаго знакомаго съ мѣстностью, архитектора Тобуа и нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ, изслѣдовалъ преимущественно слѣдующія мѣстности древней Финикіи въ четырехъ экспедиціяхъ, въ которыхъ вездѣ на этихъ пунктахъ производилъ раскопки: 1) Арадъ, Антарадъ и Маратусъ, 2) Библосъ, 3) Сидонъ и 4) Тиръ. Отчеты, представленные имъ Императору, были напечатаны въ Монитерѣ и Revue archéologique 1861 et 1862 года; нынѣ же результаты этой экспедиціи выходятъ выпусками въ

---

[1]) Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie, d'une partie de la Misie, de la Phrygie, de la Cappadoce et du Pont, executée en 1861 par M M. Perrot, Guillaume et Delbet. Paris, Didot.

[2]) Die Phönizier. Bonn. 1841. 4 тома.

[3]) Die Kunst der Phönicier, напечатанное въ Abhandlungen der k. Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1840 года.

роскошномъ изданіи [1]). До сихъ поръ нами полученъ только первый выпускъ текста и три выпуска фотолитографій и гравюръ in fol.

Раскопки въ Финикіи повлекли за собой изслѣдованіе другаго необыкновенно интереснаго пункта древняго міра, а именно Кипра. Этотъ островъ—далеко не мѣстность чисто Финикійская и не всѣ архаическіе памятники, которые могутъ быть тамъ найдены — финикійскіе. Но на Кипрѣ, не говоря о памятникахъ мимоходнаго владычества Ассирійскихъ монарховъ, начиная съ XVIII вѣка, найдено было самое большое число финикійскихъ надписей; сверхъ того, тамъ находился городъ чисто финикійскій—Цитіумъ (Citium). Печальныя обстоятельства не позволили Г. Ренану самому изслѣдовать Кипръ, но онъ, къ счастію, могъ поручить производство раскопокъ Графу Мельхіору де Вогюэ, который вмѣстѣ съ Гг. Вадингтономъ и архитекторомъ Дютуа, и Г. Грассе, французомъ, живущимъ на Кипрѣ, въ первыхъ мѣсяцахъ 1862 года вполнѣ изслѣдовалъ почву этого острова и произвелъ весьма счастливыя раскопки во многихъ мѣстностяхъ. Описаніе ихъ, намъ обѣщаютъ, весьма подробное, войдетъ въ составъ книги Г. Ренана. Наконецъ, финикійскія древности были открыты также и на островѣ Родосѣ Г. Зальцманомъ, который изслѣдуя некрополисъ древняго города Камиросъ, нашелъ тамъ произведенія удивительной красоты финикійскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ [2]). Что такимъ образомъ и на Родосѣ, какъ и на большой части острововъ средиземнаго моря, одна цивилизація смѣняла другую, доказывается раскопками этого некрополиса, въ которомъ, по словамъ Г. Зальцмана, есть нѣсколько поясовъ (zone) гробницъ, принадлежащихъ разнымъ цивилизаціямъ, которыя всѣ наконецъ были вытѣснены блестящею греческою культурою, къ продуктамъ которой принадлежатъ та очаровательная ваза, найденная въ 1862 году Гг. Зальцманомъ и Билльотти въ той же мѣстности и которая нынѣ составляетъ одно изъ украшеній Британскаго Музея [3]).

Смежныя съ Финикіею страны Сирія и Палестина въ послѣдніе годы были предметомъ многихъ новыхъ, тщательныхъ и многократныхъ изслѣдованій со стороны французскихъ ученыхъ. Не одно правительство посылаетъ въ эти страны ученыя экспедиціи: онѣ предпринимаются и на собственныя средства частными лицами. Притомъ, въ этихъ изслѣдованіяхъ начинаетъ преобладать новая точка зрѣнія, съ которой до новѣйшаго времени не разсматривались зданія, памятники и художественныя древности Палестины: это именно вопросъ о времени происхожденія различныхъ памятниковъ этой страны, судя по художественнымъ признакамъ стилей различныхъ эпохъ. Но на этой точкѣ мнѣнія французскихъ ученыхъ сильно расходятся между собою, даже вообще въ вопросѣ, дошли ли до насъ и какіе именно остатки архитектуры чисто-іудейской, а именно самой блестящей эпохи самостоятельнаго Іудейскаго царства при царѣ Саломонѣ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣнія въ положительномъ смыслѣ весьма смѣло и рѣзко были высказаны столь извѣстнымъ своими трудами по части византійской нумизматики де Сольси въ его сочиненіяхъ [4]): но въ самомъ лонѣ Парижской Академіи Наукъ они встрѣ-

---

[1]) Mission de Phénicie dirigée par M. Ernest Renan. Paris. Imprimerie imperiale 1864 годъ.

[2]) Изображенныя и описанныя въ Revue agchéologique. 1863. Juillet p. 1.

[3]) Описана и издана въ The fine arts. Quarterly Review. January. 1864. № p. 1.

[4]) Voyage autour de la mer morte et dans les terres bibliques, exécuté de décembre à avril 1851, par M. F. de Saulcy. Paris. Gide. 2 тома съ атласомъ и Histoire de l'art judaique. Paris. Didier. 1858.

тили противорѣчіе. Чтобы новыми изслѣдованіями памятниковъ на мѣстѣ подтвердить свои ученыя убѣжденія, де Сольси, по порученію Императора, зимою 1863—64 года совершилъ новую экспедицію въ Іерусалимъ. Извѣстно, что онъ производилъ тамъ не только измѣренія и снимки съ существующихъ памятниковъ, но, въ произведенныхъ имъ раскопкахъ въ т. н. гробницахъ царей, открылъ еще нетронутый склепъ, въ которомъ стоялъ царскій саркофагъ, а при входѣ въ гробницы памятникъ, сооруженный Иродомъ Великимъ съ надписью, подтверждающею разсказъ Іосифія Флавія, іудейскаго историка. Всѣ сдѣланныя имъ открытія, де Сольси до сихъ поръ хранитъ въ своемъ портфелѣ: онъ желаетъ, чтобы прежде высказались его ученые антагонисты и потомъ уже намѣренъ издать результаты своей экспедиціи. Это время, повидимому, наступитъ скоро, потому что главный изъ его ученыхъ противниковъ, изслѣдовавшій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ тѣ же вопросы на мѣстѣ, Графъ Мелхіоръ де Вогюэ, которому христіанская археологія столь много обязана изслѣдованіемъ христіанскихъ памятниковъ святой земли, приступилъ уже къ роскошному изданію своего труда, въ которомъ онъ изслѣдуетъ и вопросъ объ древне-іудейской архитектурѣ [1]). Мы получили уже три выпуска съ превосходными гравюрами и хромолитографіями. Объ его изслѣдованіяхъ и открытіяхъ въ Сиріи, о которыхъ, при отсутствіи оффиціальныхъ отчетовъ, потому что де Вогюэ предпринималъ эти путешествія на собственный счетъ, мы имѣемъ только скудныя свѣдѣнія, изложенныя въ его письмахъ къ разнымъ членамъ Парижской Академіи, напечатанныхъ въ Institut и въ Revue archéologique. Эти изслѣдованія, повидимому, обѣщаютъ весьма богатую жатву, преимущественно для христіанской археологіи, потому что большое сочиненіе Графа де Вогюэ, котораго програма нами получена, должно выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени [2]). Еще скуднѣе дошли до общаго свѣдѣнія результаты объ экспедиціи въ Палестину и къ Мертвому морю, которую предпринималъ на собственный счетъ извѣстный меценатъ археологическихъ наукъ герцогъ де Льюинъ, въ сопровожденіи извѣстнаго натуралиста и палеонтолога де Ларте [3]). Извѣстно, только что они, кромѣ посѣщенія Мертваго моря, производили раскопки въ пещерахъ Виѳлеема и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нашли разныя орудія каменнаго вѣка. Въ половинѣ же прошлаго года посѣщалъ Палестину французскій археологъ Геренъ, о которомъ изслѣдованіяхъ сообщаетъ отрывочныя свѣдѣнія Institut [4]).

Въ 1859 году, предпринималъ археологическое путешествіе въ Палестину, по порученію правительства, Г. Гильомъ Рей, уже извѣстный своимъ прежнимъ путешествіемъ по Гавранну, въ странахъ на востокъ отъ Іордана и къ Мертвому Морю. Описаніе втораго его путешествія вышло въ свѣтъ болѣе года тому назадъ [5]). Путешествіе автора продолжалось въ Палестинѣ только съ 5-го декабря по 20-е число того же мѣсяца и было

---

[1]) Сочиненіе это выходитъ подъ заглавіемъ: Le temple de Jerusalem. Monographie du Haram-ech-cherif, suivie d'un essai sur la topographie de la ville sainte. Paris. Noblet et Baudry.

[2]) L'architecture civile et religieuse en Syrie du premier au huitième siecle. Съ 150 гравюрами

[3]) Его статья: Sur des figures d'animaux gravées et sculptées et autres produits d'art et d'industrie rapportables aux temps primordiaux de la période humaine въ Revue arch. 1864. Avril. стр. 233. была замѣчена археологами.

[4]) № 1862 года.

[5]) Étude historique et topographique de la tribu de Juda. Par G. Rey. Paris. Arthus Bertrand. 164 стр. безъ года.

пріостановлено сильными дождями: срокъ, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ кратокъ для ученыхъ изслѣдованій. Авторъ всего долѣе останавливаетъ вниманіе читателей на городѣ Аскалонѣ, (стр. 95—100): въ развалинахъ его должно еще скрываться много замѣчательныхъ древностей, что всего лучше доказываютъ раскопки, произведенныя здѣсь знаменитою леди Стангопъ. Великолѣпныя развалины этого города послужили въ началѣ нынѣшняго столѣтія матеріаломъ для постройки красивѣйшихъ зданій городовъ Акры и Яффы. Одинъ Паша построилъ изъ нихъ въ Акрѣ весь свой дворецъ, мечеть и нѣсколько бань, все изъ гранита, мрамора и порфира. Не говоря о множествѣ архитектурныхъ фрагментовъ, открытыхъ при раскопкахъ, произведенныхъ Леди Стангопъ, найдена была также прекрасная колоссальная мраморная статуя какого-то римскаго Императора, которая, въ слѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, по приказанію леди Стангопъ, была разбита въ дребезги и брошена въ море. Англійскій путешественникъ Киннеръ (J. Kinnear) посѣтилъ Аскалонъ въ 1839 году: онъ сообщаетъ, что и послѣ леди Стангопъ здѣсь были сдѣланы нѣкоторыя открытія. Систематическое изслѣдованіе Аскалона обѣщаетъ богатую жатву будущимъ археологамъ. Г. Рей не сдѣлалъ никакихъ новыхъ открытій на этой богатой почвѣ: онъ сообщаетъ только извѣстія, заимствованныя имъ изъ другихъ сочиненій.

Наконецъ, Французское господство въ Сѣверной Африкѣ много содѣйствуетъ систематическому изслѣдованію древностей и этой, до сихъ поръ загадочной, части свѣта. На самой мѣстности Африки, въ Константинѣ, въ Алжиріи, основалось археологическое общество, котораго труды, выходящіе подъ заглавіемъ: Annuaire de la société archéologique de Constantine, знакомятъ насъ преимущественно съ памятниками владычества Римлянъ въ Африкѣ. Развалины Карѳагена изслѣдовалъ и производилъ тамъ раскопки на собственный счетъ, съ малою добычею древностей, но съ пользою для рѣшенія многихъ топографическихъ вопросовъ, французскій археологъ Бёле, который результаты своихъ изысканій изложилъ въ особомъ сочиненіи [1]). По порученію и на счетъ Герцога де Льюина, нынѣшнее Тунисское регенство было изслѣдовано молодымъ путешественникомъ г. Геренномъ, который нашелъ тамъ мѣстоположеніе множества римскихъ городовъ и поселеній [2]). Наконецъ вообще сношенія, преимущественно торговыя, Римской Имперіи съ отдаленнѣйшими странами восточной Азіи, въ томъ числѣ съ Германіею, Индіею, Бактріаною и Китаемъ, были предметомъ весьма обширнаго и ученаго труда извѣстнаго французскаго оріенталиста Рейно [3]).

Несравненно меньшая, почти ничтожная, дѣятельность господствуетъ въ настоящее время во Франціи въ области классической археологіи. Опять и тутъ правительство является единственнымъ элементомъ, ее поддерживающимъ: оно основало такъ называемую Ecole d'Athénes, родъ Академіи на почвѣ Греціи, которой члены,—молодые люди, съ успѣхомъ

[1]) Fouilles à Carthage aux frais et sous la direction de M. Beulé, membre de l' Institut. Paris. Imprimerie impériale. 1861. Свѣдѣнія, сообщаемыя намъ древними писателями о сѣверной Африкѣ, подвергъ новому критическому разбору Вивьенъ де Сенъ-Мартенъ въ книгѣ о Сѣверной Африкѣ: Le Nord de l'Afrique dans l'antiquité grecque et romaine. Etude historique et géographique par M. Vivien de Saint-Martin. Paris. Didier. 1 vol.

[2]) Voyage archéologique dans la régence de Tunis, exécuté et publié sous les auspices et aux frais de M. H. d'Albert, duc de Luynes, par V. Guérin, ancien membre de l'école française d'Athènes. 2 vol. Paris. Plon. 1862.

[3]) Relations politiques et commerciales de l'empire romain avec l'Asie orientale pendant les cinq premiers siècles de l'ère chrétien. 1 vol. Paris. Imprimerie impériale. 1864.

окончившіе въ Парижѣ курсъ филологическихъ наукъ, обязаны, путешествуя по самымъ малоизслѣдованнымъ мѣстностямъ материка и острововъ Греціи, на мѣстѣ изучать топографію и древности этой классической страны. Къ срочному времени представляютъ они ежегодно свои мемуары объ изслѣдованныхъ ими мѣстностяхъ, которыя разбираются Парижскою Академіею Надписей и печатаются или отдѣльными книгами или въ сборникахъ [1]). Изъ этой школы вышли гг. Бэлэ, Перро, Вешеръ. Для преподаванія классической археологіи въ Парижѣ существуетъ только одна каѳедра, именно при Императорской Публичной Библіотекѣ: послѣ смерти ученаго и краснорѣчиваго Профессора Раулъ-Рошетта, ее занимаетъ нынѣ г. Бэлэ. Послѣ большой экспедиціи въ Морею Абеля Блуэ, французское правительство почти не отправляло экспедицій въ Грецію. Только г. Хейзэ изслѣдовалъ Олимпъ и Акарманію [2]), и недавно Наполеонъ III посылалъ гг. Хейзэ и Доме изслѣдовать Македонію. Результаты этой миссіи теперь выходятъ въ свѣтъ выпусками въ великолѣпномъ изданіи [3]). Впрочемъ тайною пружиною этой послѣдней миссіи, говорятъ, было желаніе Императора Наполеона III имѣть точное изслѣдованіе знаменитыхъ полей битвъ Цезаря Фарсальской и при Филиппи. Эти изслѣдованія должны войти въ составъ историческаго труда Наполеона III объ Юліѣ Цезарѣ и въ упомянутомъ изданіи ихъ поэтому нечего будетъ искать. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ много рукъ собираетъ матеріалы для царствующаго историка и эти матеріалы, вѣроятно, будутъ лучшею частію, напередъ прославленной книги. Въ теченіи своего десятилѣтняго путешествія, г. Хейзэ изслѣдовалъ Филиппы и ихъ окрестности, открылъ большія гробовыя камеры близъ Пидны и замѣчательныя развалины близъ Палацицы на рѣкѣ Галіактонъ. Г. Хейзэ полагаетъ, что эти развалины—царская лѣтняя резиденція временъ Александра Великаго. Два мѣсяца авторъ былъ въ Ѳессаліи, онъ открылъ много скульптуръ и надписей; открыли мѣстоположеніе Стоби (Stoboi) при совпаденіи Эригона и Аксіоса и, изслѣдовавъ развалины Диррахіона, Аполлоніи и Орикона, возвратился во Францію. Сынъ извѣстнаго археолога Шарля Ленормана, Франсуа Ленорманъ, пошедшій по стопамъ своего отца, еще находясь съ отцемъ въ Греціи, производилъ раскопки въ Элевзисѣ, обогатившія археологію двумя замѣчательными памятниками скульптуры и многими надписями [4]), онъ же напечаталъ двѣ статьи объ своихъ раскопкахъ въ Элевзисѣ [5]). Статья его, напечатанная въ томъ же журналѣ [6]), о хризелефантинной статуѣ Минервы въ Парѳенонѣ Аѳинскомъ, работы Фидія, есть весьма слабое произведеніе, исполненное многихъ грубыхъ ошибокъ. Въ новѣйшее время этотъ молодой ученый издалъ первую часть монографіи, посвященной Элевзисской дорогѣ и памятникамъ, ее нѣкогда украшавшимъ [7]). Изъ всѣхъ современныхъ французскихъ ученыхъ, занимающихся греческою древностію, самый дѣятельный Э. Бэлэ, онъ написалъ

---

[1]) Archives des missions scientifiques et litteraires и Revue des Sociétes savantes.

[2]) Le mont Olympe et l'Acarnanie, par M. Heuzey. Paris. 1860.

[3]) Mission archéologique de Macédoine. Fouilles et recherches exécutées dans cette contrée et dans les parties adjacentes de la Thrace, de la Thessalie, de l'Illyrie et de l'Epire en l'année 1861, par Léon Heuzey et H. Daumet. Livr. 1—2. fol.

[4]) Послѣднія изданы имъ въ сочиненіи, Recherches archéologiques à Eleusis, exécutées dans le cours de l'année 1860, par François Lenormant. Recueil des inscriptions. Paris. 1862.

[5]) Въ XIII томѣ (стр. 55—70, 256—275) Gazette des beaux-arts.

[6]) Томъ 8-й, стр. 129—150, 203—227, 278—294.

[7]) Monographie de la voie sacrée éleusienne, de ses monumens et de ses souvenirs, par. M. Fr. Lenormant. Tome 1. Paris. Hachette. 1864.

книгу объ аттической архитектурѣ времень Писистрата и Перикла [1], описалъ Пелопонезъ и его памятники [2], акрополисъ Аѳинскій, въ которомъ сдѣлалъ столь счастливое открытіе [3], издалъ цѣлую подробную монографію объ аѳинскихъ монетахъ [4], и, наконецъ недавно напечаталъ рядъ статей объ исторіи греческаго ваянія до появленія Фидія [5]. Не-нѣмецкіе археологи обвиняютъ его въ недостаткѣ обширной и ученой подготовки и отсутствіи критическаго и историческаго такта. По незнанію нѣмецкаго языка, онъ совершенно незнакомъ съ трудами нѣмецкихъ археологовъ, что равняется въ дѣлѣ археологической науки простому непониманію важнѣйшихъ изслѣдованій. Такъ напр. ему совершенно неизвѣстны геніальныя розысканія Бётгера о Парѳенонѣ и вообще объ устройствѣ и тѣсно съ тѣмъ связанномъ вопросѣ о назначеніи Греческихъ храмовъ. Аѳины были также предметомъ особой монографіи г. Бретона [6], неимѣющей научнаго значенія. То же самое должно сказать и о книгѣ, посвященной изложенію жизни и произведеній Фидія, сочиненія г. Ронше [7]. Изо всей обширной нѣмецкой литературы объ этомъ предметѣ авторъ знакомъ только съ книгой Оттфрида Мюллера и то только потому, что она написана на латинскомъ языкѣ. Нѣкоторые вопросы греческой древности съ большимъ стараніемъ изслѣдуетъ академикъ Россиньоль [8].

Еще менѣе изслѣдуются французскими учеными Италія и Римъ и его классическая почва и памятники, потому что о такихъ книгахъ, какова сочиненіе покойнаго академика Аміера: L'histoire romaine à Rome, здѣсь не можетъ быть рѣчи. По повелѣнію Императора Наполеона III итальянской археологъ Пьетро Роза, извѣстный своею картою римской Кампаньи, производитъ раскопки на Палатинѣ, о результатахъ которыхъ иногда доходятъ слухи черезъ газеты и спеціальные журналы.

При этомъ общемъ равнодушіи пріятное исключеніе составляетъ трудъ г. Ноэля де Вержэ [9]. Въ теченіи десяти лѣтъ авторъ, отчасти съ извѣстнымъ Алессандро Франсуа, производилъ раскопки въ некрополисахъ древней Этруріи, разбросанныхъ по маремамъ Тосканы, мѣстности, столь нездоровой по господствующей тамъ маларіи: это рѣдкій примѣръ самоотверженія и любви къ наукѣ, потому что и раскопки онъ производилъ на собственный счетъ. Авторъ самъ землевладѣлецъ въ той части Италіи, гдѣ производилъ свои раскопки. Находясь въ дружбѣ съ знаменитымъ итальянскимъ эпиграфистомъ Графомъ Боргези, онъ сначала намѣревался посвятить себя латинской эпиграфикѣ, но, не находя поощренія въ тогдашнемъ французскомъ правительствѣ, посвятилъ себя этрусскимъ древностямъ. Это первый самостоятельный французскій трудъ о предметѣ, въ которомъ авторъ является ученикомъ и продолжателемъ Оттфрида Мюллера.

---

[1]) L'Architecture au siécle de Pisistrate. Paris. 1860. In 8° съ атласомъ, и L'Architecture au siécle de Periclès. Paris 1860.

[2]) Etudes sur le Peloponèse. Paris. 1855. In 8°.

[3]) L'Acropole d'Athenes. Paris. 1853, 2 тома.

[4]) Les monnaies d'Athèns. Paris. Didot. 1858 1 томъ in 4°.

[5]) Histoire de la sculpture avant Phidias, въ Gazette des beaux-arts. 1863. Томы XIV-й и XV й. p. 24 etr

[6]) Athènes decrite et dessinée par Ernest Breton. Paris. Gide. 1862.

[7]) Phidias sa vie et ses oeuvres, par Louis de Ronchaud. Paris. Gide. 1861.

[8]) Таковы его двѣ книги: Les métaux dans l'antiquité. par I. P. Rossignol. Paris. Durand. 1863, Troix dissertations: sur l'inscription de Delphes, sur l'ouvrage d'Anaximènes de Lampsaques et sur la signature des oeuvres de l'art chez les anciens Paris. Durand. 1862, и les artistes homériques ou histoire critique des artistes qui figurent dans l'Iliade et dans l'Odyssée. Paris. Durand. 1861.

[9]) L'Etrurie et les Etrusques, par M. Noël des Vergers. Paris. Didot. 1864.

Другія вѣтви классической археологіи, какъ напр. наука о рѣзныхъ камняхъ и нумизматика, иногда встрѣчаютъ во Франціи весьма замѣчательныхъ дѣятелей—спеціалистовъ. Таковъ описательный каталогъ рѣзныхъ камней, хранящихся въ Парижской Публичной Библіотекѣ, составленный г. Шабулье [1]). Къ замѣчательнѣйшимъ французскимъ нумизматамъ принадлежатъ Андріенъ де Лонперрье, котораго статьи, напр. о монетахъ, открытыхъ въ Серапеумѣ, Траяна отца, Доминіи Луциллы, матери Марка Аврелія и т. п. печатаются въ Revue numismatique, и г. Ковенъ, издавшій классическій трудъ [2]).

Изъ французскихъ спеціальныхъ журналовъ, въ которыхъ появляются всего чаще дѣльные труды по тѣмъ отраслямъ археологіи, которымъ посвящена эта статья, во главѣ всѣхъ стоитъ Revue archéologique, Paris. Didier et. C°, нынѣ издаваемая подъ дирекціею г. Александра Бертрана. Изданіе этого журнала началось еще въ 1844 году, подъ главнымъ наблюденіемъ Летронна; съ тѣхъ поръ онъ составляетъ драгоцѣнный реперторіумъ разнообразнѣйшихъ археологическихъ свѣдѣній. Должно весьма сожалѣть о прекращеніи Bulletin archéologique, выходившемъ весьма недолгое время въ видѣ прибавленія къ Athenaeum français. Сверхъ того, статьи по археологіи Востока и классическаго міра по временамъ появляются въ Revue asiatique, Journal des savants, l'Institut и др. журналахъ, не говоря о мемуарахъ Парижской академіи надписей и другихъ ученыхъ и спеціально-археологическихъ обществъ.

---

[1]) Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la bibliothèque impériale, par M. Chabouillet. Paris (безъ года).

[2]) Discription historique des monnaies frappées sous l'empire romain communément appelées médailles imperiales. VI vol. Paris. Rollin. 1862.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Les ruines de Ninive ou description des palais détruits des bords du Tigre, suivie d'une description du musée assyrien du Louvre par H. S. Feer. Avec gravures. Paris. Société des écoles du dimanche. 1864. 319 p.

Сочиненіе г. Фера есть общедоступное изложеніе результатовъ великихъ открытій, сдѣланныхъ на почвѣ древне-ассирійской монархіи гг. Боттою и Леярдомъ. Оно отличается простотою и достовѣрностью сообщаемыхъ авторомъ фактовъ, какъ того требовала цѣль этой книги. Описаніе замѣчательнѣйшихъ мѣстностей, развалинъ, раскопокъ и предметовъ, въ нихъ найденныхъ, сопровождается многочисленными гравюрами, отчетливо вырѣзанными, по особому способу, рельефно на мѣди. Авторъ первоначально намѣревался изложить и полную исторію Ассиріи, но въ послѣдствіи отказался отъ этого намѣренія и посвятилъ все сочиненіе изученію ассирійскихъ развалинъ: изъ историческихъ фактовъ онъ цитуетъ только самыя достовѣрные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, вытекающихъ изъ чтенія клинообразныхъ надписей, и тѣ, которыя находятся въ непосредственной связи съ событіями, упоминаемыми въ священномъ писаніи. Сочиненіе его распадается собственно на три части: въ первой, къ которой относятся три первыя главы книги г. Фера, описано постепенное знакомство европейскихъ изслѣдователей съ мѣстностью ассирійской равнины и исторія открытій и раскопокъ, произведенныхъ Англичаниномъ Ричемъ, затѣмъ Боттою въ Хорсобадскомъ холмѣ, Леярдомъ въ Нимрудскомъ холмѣ и въ Куюнджекѣ и наконецъ изслѣдованія Росса, Рассама и Лофтуса въ другихъ мѣстностяхъ Ассиріи. Во время изданія сочиненія г. Фера результаты новѣйшихъ изслѣдованій французскаго консула въ Моссулѣ, Виктора Плясса были еще неизвѣстны автору этой книги; а между тѣмъ они проливаютъ новый свѣтъ на весь комплектъ зданій, извѣстныхъ подъ именемъ Хорсобадскаго дворца. Вѣроятно, въ скоромъ времени, великолѣпное изданіе, предпринятое на счетъ французскаго правительства, познакомитъ съ ними не только ученый міръ, но и всѣхъ интересующихся прошлыми судьбами человѣчества. Вторая часть книги г. Фера посвящена описанію ассирійскихъ развалинъ, памятниковъ скульптуры, въ нихъ найденныхъ и сценъ, на барельефахъ изображенныхъ. Сперва авторъ описываетъ устройство ассирійскихъ дворцовъ, террассы, на которыхъ они воздвигались, ихъ лѣстницы, различные этажи, дворы, залы, крыши и т. п. и наконецъ исторію разрушенія этихъ зданій. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію скульптурныхъ изукрашеній различныхъ входовъ въ дворцы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ крылатые быки и львы съ человѣческими головами, и изложенію содержанія барельефовъ, которые находились на стѣнахъ этихъ зданій. Извѣстно, что, кромѣ длинныхъ клино-

образныхъ надписей, на нихъ находятся изображенія разнообразнѣйшихъ сценъ содержанія религіознаго (весьма важныхъ для познанія вѣрованій этого народа), воинскаго, прославляющихъ военныя дѣла монарховъ и церемоніальныхъ, передающихъ весь домашній и придворный бытъ царей, ихъ охоты и пиры и наконецъ—надзоръ надъ сооруженіемъ дворцовъ. Авторъ посвящаетъ далѣе двѣ особыя главы описанію предметовъ найденныхъ въ ассирійскихъ развалинахъ, каковы разныя сѣдалища, браслеты, цилиндры, урна, чаши и т. п. и костюмовъ, мебели, зданій и судовъ ассирійскихъ, изображаемыхъ на барельефахъ. Слѣдующая глава посвящена системѣ управленія государствомъ, религіи, торговлѣ, промышленности и искусствамъ Ассиріи. Весьма любопытны въ археологическомъ отношеніи двѣ послѣднія главы этого отдѣла, посвященныя вопросу о положеніи и пространствѣ Ниневіи и о царяхъ, построившихъ различные дворцы ассирійскіе. Третій и послѣдній отдѣлъ книги г. Фера описываетъ ассирійское отдѣленіе Луврскаго музея въ Парижѣ: предметы, составляющіе это богатое собраніе, получатъ для каждаго посѣтителя этого музея двойной интересъ послѣ чтенія этой книги, столь разсудительно, тщательно и осторожно составленной.

К. Г.

Die Pfahlbauten in den Schweizer—Seen, von Staub. Mit Holzschnitten und acht lithograph. Tafeln. Fluntern bei Zurich 1864, p. 80.

Книга Штауба есть популярное изложеніе десятилѣтнихъ археологическихъ поисковъ и изслѣдованій въ области такъ называемыхъ свайныхъ построекъ. Она составлена преимущественно на основаніи „Отчетовъ„ извѣстнаго Фердинанда Келлера, помѣщавшихся въ Извѣстіяхъ цюрихскаго археологическаго общества. Впрочемъ, авторъ не ограничился простою передачею того, что сообщаетъ Келлеръ: онъ пополнилъ этотъ матерьялъ личнымъ тщательнымъ изученіемъ свайной палеонтологіи и все это свелъ въ одну цѣльную картину, не лишенную интереса и для археолога и для простаго образованнаго читателя. Мы воспользуемся брошюрою Штауба для того, чтобы сообщить здѣсь, что было читано и говорено въ засѣданіяхъ Общества по поводу свайныхъ построекъ.

Зимой 1853 и 54 годовъ, на Цюрихскомъ озерѣ, противъ Мейлена, при мелководіи, обнаружились многочисленныя сваи, вбитыя въ дно озера и Д. Фердинандъ Келлеръ, осмотрѣвъ ихъ, нашелъ въ нихъ различныя орудія изъ кремня и бронзы. Тотчасъ же были замѣчены подобныя сваи и сдѣланы подобныя же открытія и въ другихъ озерахъ Швейцаріи: а именно, Мюллеромъ и полковникомъ Швабомъ на Бильскомъ озерѣ (le lac de Bienne), Швабомъ и Роша изслѣдованы были сваи и ихъ древности на Невшательскомъ озерѣ; Тройномъ на Женевскомъ озерѣ. Съ тѣхъ поръ число подобныхъ *свайныхъ построекъ* увеличивалось безпрерывно болѣе и болѣе новыми открытіями: такимъ образомъ на Боденскомъ озерѣ свайныхъ построекъ было найдено 30, на Нейнбургскомъ 46, на Женевскомъ 24, на Цюрихскомъ 10 ть; число свай, поддерживавшихъ помостъ, на которомъ строились хижины, иногда было огромно: 30,000 40,000 у Робенгаузена, на Пфефиконскомъ озерѣ до 100,100. Нынѣ литература о свайныхъ постройкахъ очень обширна: объ нихъ издано много отдѣльныхъ описаній и изслѣдованій. Болѣе полный сводъ всѣхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ находится въ сочиненіи Fred. Troyon, Habitations lacustres des temps anciens et modernes. Lausanne 1860. avec XVII planches.

Свайныя постройки принадлежатъ не одному времени. Въ однѣхъ изъ нихъ, на озерахъ сѣв. и восточ. Швейцаріи, Цюрихскомъ, Боденскомъ, Нёсшательскомъ и Бернскомъ кантонѣ, вещи только изъ камня и рога. Въ запад. Швейцаріи, въ озерахъ Женевскомъ, Нёшательскомъ, Бильскомъ, сверхъ каменныхъ и костяныхъ орудій, встрѣчаются также орудія изъ бронзы. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ бронзовыми вещами, являются уже и желѣзныя орудія.

Остановимся собственно на бронзовомъ періодѣ. Бронзовыя орудія принадлежатъ не той эпохи и не тому племени, какъ вещи каменныя и костяныя. Различіе особенно обнаруживается ясно въ могилахъ, гдѣ встрѣчаются онѣ и другіе предметы. Могилы каменнаго періода заключаютъ въ себѣ трупы не сожженные, а зарытые въ землю и при томъ трупы, которые сложены особеннымъ образомъ. Трупъ какъ бы согнутъ вдвое, такъ что колѣна касаются подбородка. Въ такихъ могилахъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются вещи изъ бронзы, но обыкновенно только каменныя и костяныя орудія.—Съ бронзой начинается другой способъ погребенія, именно сожженіе труповъ. И сожженіе мертвыхъ и бронзовыя орудія общимъ голосомъ приписываются Кельтамъ, хотя относительно бронзовыхъ орудій должно замѣтить, что не всѣ они исключительно только кельтскаго происхожденія и не вездѣ, гдѣ они встрѣчаются, необходимо предполагать Кельтовъ,—бронза была въ употребленіи почти у всѣхъ народовъ до открытія употребленія желѣза. Но нѣкоторыя бронзовыя орудія остаются несомнѣнно кельтскими. Таковы мечи и кинжалы изъ бронзы, съ необыкновенно малыми рукоятками, предполагающими и необыкновенно малую руку. Въ Берлинскомъ Музеѣ бронзовые мечи, сохраняющіеся въ отдѣленіи сѣверныхъ древностей, представляютъ поразительное сходство относительно размѣра рукоятокъ съ мечами и саблями индѣйскихъ племенъ, хранящимися въ этнографическомъ отдѣленіи того же музея.—Другое кельтское орудіе, по общему мнѣнію археологовъ, это инструментъ, называемый celt, о назначеніи котораго было высказано столько предположеній. Кельтскія бронзовыя орудія могли, разумѣется, встрѣчаться и у племенъ не кельтскаго происхожденія, къ которымъ они могли переходить различными путями, особенно торговыми сношеніями. Въ Швейцаріи есть могилы перваго каменнаго періода, въ которыхъ иногда встрѣчаются бронзовыя вещи. Бронзовыя вещи въ свайныхъ постройкахъ не доказываютъ еще, что въ этихъ постройкахъ жили уже Кельты. Тройонъ полагаетъ, что Кельты въ Швейцаріи явились уже съ желѣзомъ. Какъ бы то ни было, но съ одной стороны извѣстныя бронзовыя орудія, съ другой сожженіе мертвыхъ, собственно уже характеристическій признакъ Кельтскаго племени, особенно послѣднее.

Кельтамъ же, по общему мнѣнію принадлежатъ и извѣстные каменные памятники: менгиры (menhir, pelvan) дольмены, кромлехи и т. д.

Показанія этихъ памятниковъ всѣхъ трехъ родовъ; т. е. бронзовыя вещи, способъ погребенія, каменныя сооруженія, комбинируясь съ извѣстіями древнихъ писателей о Кельтахъ, съ свидѣтельствами языка, народныхъ преданій и т. д. образовали стройную археолого-этнографическую систему, тщательно разработанную, крѣпко сплоченную во всѣхъ своихъ частяхъ. Открытія послѣдняго времени грозятъ однакоже совершенно разрушить это стройное зданіе, воздвигнутое съ такими трудами и такимъ искусствомъ. Укажу на нѣкоторыя показанія, рѣзко противорѣчащія всѣми принятой системѣ, опиравшіеся повидимому на такія прочныя основанія.

Въ декабрской книжкѣ Revue archéologique 1863 г. помѣщена статья Alex. Bertrand'a о кельтскихъ памятникахъ въ провинціи Константинѣ (въ

Аѳинѣ). Какъ могли попасть кельтскіе памятники въ Алжирію? А они есть, и несомнѣнные, и при томъ въ такомъ количествѣ, какого мы не встрѣчаемъ въ самыхъ исключительно кельтскихъ земляхъ Европы. Были и прежде указанія на существованіе такъ наз. кельтскихъ памятниковъ въ Алжиріи. Но только въ 1863 году M-r Ferraud, переводчикъ при Алжирской арміи, напечаталъ подробный мемуаръ въ запискахъ Археологическаго Общества провинціи Константины. Памятники находятся въ 35 километрахъ къ Ю. В. отъ Константины, въ мѣстности, называемой тузецами Mordjet-el-Gourzi. Число ихъ огромно. Въ три дня Феро осмотрѣлъ и насчиталъ ихъ до 1000. Эти памятники совершенно ничѣмъ не отличаются отъ кельтскихъ памятниковъ Даніи, классической страны менгировъ, дольменовъ и кромлеховъ. Разница только въ томъ, что алжирскіе памятники многочисленнѣе и лучше сохранились, чѣмъ Европейскіе, разрушенные земледѣліемъ и промышленностью. Сходство поразительное. Достаточно взглянуть только на рисунки алжирскаго Кромлеха и датскаго, приводимыми въ Revue archéologique. То же сходство съ кельтскими памятниками Франціи; алжирскіе только больше и лучше сохранились, благодаря степи. Итакъ Кельтскіе памятники въ Алжиріи!

Но сюпризъ этимъ не ограничивается. Произведены были раскопки кельтскихъ могилъ въ Алжиріи и, къ удивленію, въ нихъ не найдено слѣдовъ чисто кельтскаго погребенія. Трупы вездѣ не сожжены, а сложены какъ въ могилахъ каменнаго періода въ Швейцаріи, какъ въ могилахъ каменнаго періода въ Скандинавіи. Revue archéologique опять представляетъ два совершенно сходные рисунка, одинъ съ могилы въ Алжиріи, другой съ могилы каменнаго періода въ Даніи; положеніе скелетовъ совершенно одинаковое. — Но это не все. Погребеніе имѣетъ самую древнѣйшую форму, предшествовавшую чисто-кельтскому обычаю сожженія. Вещи въ могилахъ явно принадлежатъ эпохѣ позднѣйшей. Не только желѣзо, но и самыя бронзовыя вещи уже не древнѣйшаго, исключительно бронзоваго періода, а позднѣйшаго времени, уже желѣзной эпохи. Найдены кромѣ того римскія монеты. Что это такое? Все смѣшано во едино: погребеніе древнѣйшей эпохи (каменнаго періода); сооруженія бронзоваго вѣка (дольмены, кромлехи и т. д.); вещи желѣзнаго періода и при томъ уже очень поздняго) предполагаютъ, не раньше христіанской уже эпохи). Какъ согласить съ этимъ нашу всѣми признанную теорію кельтскихъ древностей?

Оставя Алжиръ, обратимся на сѣверъ, въ Россію. Здѣсь мы также встрѣтимъ многочисленныя противорѣчія съ принятой системой. Въ Псковской губерніи нѣсколько уже десятковъ лѣтъ замѣчены были могилы двухъ родовъ: съ трупами, у которыхъ колѣна подогнуты къ подбородку и съ трупами обожженными (кельтскими). Недавно Вятская губернія подарила науку кельтскими древностями, и при томъ исключительно кельтскими и въ большемъ количествѣ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ статьи Академика Бера, въ запискахъ Географическаго Общества за 1863 годъ, найдены въ значительномъ количествѣ кельты (celt), — орудіе, считавшееся характеристическимъ кельтскимъ. Вмѣстѣ съ ними найдены черепа, которые по свидѣтельству знатока въ этомъ дѣлѣ, того же академика Бера, не имѣютъ сходства съ кельтскими, а похожи на черепа восточныхъ, финскихъ народовъ. Кельты въ Вятской губерніи очевидно немогли зайти въ такомъ количествѣ изъ кельтскаго запада Европы. Объясняется и загадочное употребленіе этого орудія. Уже прежде, одинъ швейцарскій ученый догадывался, что они служили для обработки земли, основываясь на томъ, что въ Исландіи и теперь еще иногда употребляютъ подобныя орудія, только уже желѣзныя, для прокапыванія дерна и

перекапыванія земли. И здѣсь россійская Имперія посѣшаетъ на помощь западнымъ археологамъ. По замѣчанію г. Радде — въ восточной Сибири употребляютъ подобной же формы желѣзное орудіе для выкапыванія сараны, употребляемой въ пищу. Въ Енисейской губерніи въ послѣднее время также найдены бронзовыя вещи, очень похожія на кельтскія.

И такъ, въ 1864 году открываются Кельты, по крайней мѣрѣ—признаки, до сихъ поръ считавшіеся ихъ характеристическими признаками—съ одной стороны въ Алжиріи, съ другой на сѣверѣ въ Россіи, начиная съ Псковской губерніи черезъ Вятскую и до Енисейской. Бѣда только, что самыя разнородныя показанія перемѣшаны вмѣстѣ: древнѣйшій способъ погребенія вмѣстѣ съ желѣзными вещами и даже римскими медалями въ кельтскихъ могильныхъ сооруженіяхъ, характеристическое кельтское оружіе съ черепами финскаго племени. Матеріалъ многочисленный, богатый и важный, но системѣ, уже сложившейся, казалось, окончательно, уже успокоившейся, плохо приходится отъ этого наплыва новаго матеріала. Приходится все перестраивать заново. С. Еш.

Свайныя постройки, первоначально открытыя въ Швейцаріи, въ слѣдствіе новѣйшихъ, весьма тщательныхъ розысканій, найдены въ озерахъ сѣверной Италіи, въ Баваріи (въ Штарнбергскомъ озерѣ), въ Австріи и въ недавнее время и въ Мекленбургъ-Шверинѣ. До сихъ поръ эта мѣстность считалась самымъ сѣвернымъ пунктомъ мѣстонахожденія этихъ подводныхъ первобытныхъ жилищъ человѣческаго рода въ Европѣ. Теперь, въ Польскомъ журналѣ Bibliotheka Warszawska, 1864, выпускъ 11-ый, стр. 321—324, сообщается извѣстіе г. И. Крашевскаго, что слѣды такихъ построекъ находятся и въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, именно въ имѣніи извѣстнаго польскаго философа, эстетика и политическаго писателя Карла Либельта. И такъ, вотъ первое явленіе свайныхъ построекъ на земляхъ, съ давняго времени населенныхъ славянскими племенами. Этотъ родъ построекъ принадлежитъ ли одному до-историческому народу, жившему въ Европѣ, или онъ общій многимъ народамъ — вотъ вопросъ, невольно представляющійся каждому изслѣдователю этихъ памятниковъ древности. Польскій журналъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній, были ли въ имѣніи г. Либельта произведены раскопки, найдены ли тамъ вещи, какія онѣ и схожи ли съ вещами, найденными въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и Германіи.

Разысканія въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи и Германіи производятся неутомимо. Въ декабрѣ 1864 года, близъ принадлежащихъ Баденскому великому герцогству береговъ Боденскаго озера, открыто селеніе, исключительно принадлежавшее бронзовому періоду. Здѣсь найдено много бронзовыхъ ножей, булавокъ, браслетовъ, оконечностей копій и т. д., тогда какъ всѣ свайныя постройки нѣмецкой восточной Швейцаріи, до сихъ поръ извѣстныя, исключительно принадлежали каменному періоду. Новое открытіе доказываетъ, что обычай жить на озерахъ продолжался въ этихъ странахъ до тѣхъ поръ, пока и сюда проникло употребленіе металловъ.

Изъ Вецикона, въ Кантонѣ Цюрихѣ (въ Швейцаріи), сообщаютъ, что неутомимый изслѣдователь свайныхъ построекъ г. Мессикомеръ, въ торфяномъ болотѣ Робенгаузена, нашелъ третье селеніе, самое глубокое и древнѣйшее, принадлежащее каменному періоду свайныхъ построекъ. Здѣсь открыто огромное количество грубыхъ произведеній изъ камня, глины, рога и костей и преимущественно обгорѣлыхъ льняныхъ тканей; слѣдовъ металловъ вовсе нѣтъ. Эта находка гораздо богаче всѣхъ предыдущихъ.

Но важнѣйшее открытіе — это хорошо сохранившійся человѣческій черепъ, собственно первый достовѣрно признанный черепъ изъ древнѣйшаго каменнаго періода въ свайныхъ постройкахъ. Профессоръ Рютимейеръ въ Базелѣ изслѣдуетъ и опишетъ его.

Полковникъ Швабъ, владѣлецъ самаго богатаго собранія древностей въ Швейцаріи (онъ истратилъ болѣе 60,000 франковъ на раскопки), въ концѣ 1864 года, сдѣлалъ любопытныя открытія въ Невшательскомъ озерѣ, о которыхъ сообщитъ извѣстіе ближайшій выпускъ изданія *„Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich."*

К. Г.

Die Poetischen Naturanschauungen der Griechen, Römer und Deutschen in ihrer Beziehung zur Mythologie. 1 Band. Sonne, Mond und Sterne. Ein Beitrag zur Mythologie und Culturgeschichte der Urzeit von Dr. F. L. W. Schwartz. Berlin. 1864. XXII+297 p.

Сравнительная миѳологія возвысилась теперь на степень положительной науки: многіе почтенные труды совершены въ этой области въ послѣднее десятилѣтіе; важнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ двумъ ученикамъ Гримма—Куну и Шварцу: они повели далѣе и продолжили дѣло учителя. Шварцъ, уже извѣстный въ наукѣ своими учеными трудами: „о современныхъ вѣрованіяхъ народа и древнемъ язычествѣ", „о происхожденіи миѳологіи", своимъ сборникомъ народныхъ преданій—въ концѣ истекшаго года издалъ первую часть обширнаго сочиненія, носящаго заглавіе: „Поэтическія возрѣнія на природу Грековъ, Римлянъ и Нѣмцовъ — въ отношеніи къ миѳологіи". Книга обнимаетъ представленія этихъ народовъ о небесныхъ свѣтилахъ *солнцѣ*, *мѣсяцѣ* и *звѣздахъ*. Источникъ миѳологическихъ представленій Шварцъ видѣлъ въ природѣ, окружающей человѣка: миѳы,—это формы первобытной человѣческой мысли, воззрѣній и вѣрованій, формы идущія въ параллельномъ развитіи съ языкомъ. Настоящій трудъ Шварца есть дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе этой мысли. Разсматривая миѳическія представленія въ тѣсной связи съ бытомъ человѣка, онъ приходитъ къ убѣжденію, что не только формы, въ какихъ развились миѳическія представленія, были очень грубы, но и вообще, въ первобытномъ состояніи люди глядѣли на явленія природы и міръ небесныхъ чудесъ, какъ на нѣчто объективное, существующее внѣ ихъ, само по себѣ и только въ немногихъ явленіяхъ нисходящее въ этотъ міръ. Эти явленія первобытные люди толковали по своему, сообразно съ міромъ ихъ окружавшимъ и своимъ бытомъ. На этой ступени воззрѣній человѣкъ былъ еще далекъ отъ всякаго нравственнаго и религіознаго пониманія явленій природы. Обоготвореніе и религіозное чествованіе ея начинается лишь въ послѣдующее время, когда усилившееся наблюденіе открыло нѣкоторый порядокъ въ явленіяхъ природы и приведена въ созданіе мнимая или дѣйствительная связь съ жизнью и бытомъ человѣка. Небесныя существа въ сознаніи народа тогда обратились въ небесныя *силы*. Такъ и важнѣйшіе обычаи и обряды первоначально были не иное что, какъ подражаніе тѣмъ дѣйствіямъ, которыя, по народному воззрѣнію, происходили въ небесной сферѣ, развитіе религіознаго чувства придавало этимъ обычаямъ священное и нерушимое значеніе. Какъ дитя подражаетъ поступкамъ взрослыхъ и въ этихъ формахъ выражаетъ свои стремленія къ дѣятельности, такъ первобытный человѣкъ подражалъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя онъ думалъ видѣть на небѣ и это подражаніе становилось тѣмъ необходимѣе, что развивавшееся религіозное чувство заставляло въ небесныхъ явленіяхъ предполагать

нравственный и благой смыслъ. Весною, при первой грозѣ, поднимались и быстро ходили облака, народъ видѣлъ въ этомъ явленіи выгонъ рогатаго скота на пастбище и, сообразно такому понятію, самъ принялъ обычай выгонять скотъ въ поле—при первой грозѣ, обычай во всей силѣ сохранившійся въ современномъ бытѣ поселянъ какъ нѣмецкихъ, такъ и славянскихъ *). При такомъ естественномъ взглядѣ на происхожденіе миѳовъ, обычаевъ и обрядовъ становятся совершенно излишними всякія гаданія о религіозномъ началѣ вѣрованій и миѳологіи: пріймемъ-ли мы откровенный источникъ миѳологіи или религіозно-политеистическій—и то и другое окажется дальнѣйшимъ, и притомъ неизмѣримо дальнѣйшимъ, развитіемъ въ исторіи жизни человѣка.—И въ такомъ несомнѣнномъ результатѣ сравнительной миѳологіи заключается великое современное значеніе этой науки: теперь только узнаетъ человѣкъ, какая пропасть отдѣляетъ его, какъ индивидуума при рожденіи, отъ того, какого дѣлаетъ изъ него нравственное образованіе. Такова общая мысль книги Шварца. Не мѣсто здѣсь говорить о богатствѣ содержанія самой книги, гдѣ разсмотрѣны всѣ до малѣйшаго воззрѣнія и миѳическія представленія Грековъ, Римлянъ и Нѣмцевъ о небесныхъ свѣтилахъ—солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ. Множество миѳовъ, бывшихъ доселѣ темными и непонятными, получаютъ впервые мѣтное и вѣрное объясненіе.

Хотя Шварцъ и пользуется индійскими миѳами, но далеко не въ такомъ объемѣ, какъ греческими, латинскими и нѣмецкими, онъ употребляетъ ихъ въ дѣло лишь мимоходомъ, для объясненія, а славянскими миѳическими представленіями онъ вовсе не пользуется. Не думаю чтобы отвѣтственность въ этомъ случаѣ падала на нѣмецкаго ученаго!

А. Кт.

Ausgewählte Aufsätze aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft von Ludwig Preller. Herausgegeben von Reinhold Köhler. Berlin. Weidmanns'sche Buchhandlung. 1864. 550 стр.

Недавно умершій Лудвигъ Преллеръ, нѣсколько лѣтъ бывшій профессоромъ классической филологіи и археологіи въ Дерптскомъ Университетѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ уважаемыхъ изслѣдователей классической древности въ Германіи. Его „Греческая и римская миѳологія“ суть труды, въ области этой науки, пользующіеся достойною извѣстностью. Поэтому собраніе мелкихъ сочиненій подобнаго ученаго, разбросанныхъ имъ, въ теченіи цѣлой дѣятельной литературной жизни, по множеству спеціальныхъ журналовъ, иногда не находимыхъ въ лучшихъ библіотекахъ или изданныхъ въ видѣ программъ, должно быть привѣтствуемо съ особымъ участіемъ. Вышедшій нынѣ томъ „Избранныхъ статей изъ области классической науки древности“ Преллера, распадается на два отдѣла. Первый состоитъ изъ статей, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, изъ которыхъ для археологіи важны три статьи: 1) разсужденіе о нѣкоторыхъ мѣстахъ Павсанія, 2) о священной Элевзинской дорогѣ и 3) объ имени Каріатидъ. Второй отдѣлъ состоитъ изъ сочиненій, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ о миѳологіи и исторіи религіи, исторіи литературы, археоло-

*) Мало этого: и у Славянъ и у нѣмцовъ при этомъ выгонѣ скота существуетъ обычай привязывать къ хвосту быка или коровы кустъ или вѣтку, что опять ясное подраженіе древнѣйшему представленію, по которому ломанная линія молніи понималась, какъ вѣтка или кустъ, привязанные къ хвосту коровы (облака?).

ѝи в исторіи искусства, политической исторіи и римской топографіи. Въ числѣ ихъ особенно важны его небольшія художественно-миѳологическія статьи (стр. 284—311), извѣстныя всѣмъ читателямъ археологической газеты, издаваемой Гергардомъ, большое разсужденіе о научной обработкѣ археологіи (стр. 384), о ящикѣ Кипсела (стр. 425), археологическая смѣсь (стр. 434—440), о значеніи Чернаго моря для торговли и сношеній древняго міра (стр. 441—466) и три статьи о топографіи древняго Рима (стр. 471—522). Но разсматривая отчетливо составленный списокъ всѣхъ напечатанныхъ статей покойнаго Преллера, приложенный въ концу этого тома, легко убѣдиться, что издателю этой книги слѣдовало бы издать не одинъ томъ *избранныхъ* статей Преллера, а всѣ его мелкія сочиненія. Многотомные энциклопедическіе словари и изданія ученыхъ обществъ, въ которыхъ Преллеръ печаталъ свои труды, недоступны по цѣнамъ своимъ скромнымъ ученымъ. Отыскивать ихъ въ публичныхъ библіотекахъ—сопряжено съ потерею времени. Такимъ образомъ, мы не нашли въ этомъ сборникѣ многихъ трудовъ Преллера, которые необходимы каждому археологу, какъ напр. его статья о Фидіѣ, помѣщенная въ Энциклопедіи Эрша и Грубера. Наконецъ, кто знаетъ, какую важную роль играетъ въ нѣмецкой наукѣ реценэіи ученыхъ сочиненій, писанныя такими авторитетами, какъ Преллеръ, тотъ пожалѣетъ, что и ученыя его реценэіи, иногда составляющія цѣлыя диссертаціи о разбираемомъ предметѣ, не составили особый томъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ бы намъ и полную картину движенія археологической науки въ ту эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ Преллеръ.

К. Г.

Jacob. Grimm. Kleinere Schriften. T. 1. Reden und Abhandlungen. Berlin. 1864, p. 412.

Первый томъ мелкихъ сочиненій знаменитаго Якова Гримма, издаваемыхъ проф. Мюлленгофомъ, можетъ обратить на себя вниманіе русскаго археолога не одними только общими вопросами изъ жизни и науки, какіе мы находимъ въ статьяхъ, посвященныхъ памяти Лахманна, Вильгельма Гримма, въ статьѣ „о школѣ, университетѣ и академіи“, „о происхожденіи языка“, „объ этимологіи и сравнительномъ языкознаніи“, „о старости“; но и такими, отчасти спеціальными, изслѣдованіями, каковы: *слово владѣнія, объ олицетвореніи поэзіи въ среднія вѣка, итальянскія и скандинавскія впечатлѣнія. Слово владѣнія*, das Wort der Besitzes—написано по поводу 50 лѣтняго докторскаго юбилея Савиньи и представляетъ собою лингвистическое дополненіе къ извѣстному юридическому сочиненію послѣдняго о владѣніи.—„Всѣ юридическія отношенія—говоритъ Г. развиваются на чувственной почвѣ, впослѣдствіи они отклоняются отъ нея, но первоначально они безъ такой почвы немыслимы; въ основѣ всякаго права лежитъ сперва природное состояніе, потомъ является нравственный элементъ“; подтвержденіе этому Гриммъ находитъ въ языкѣ. Такъ термины обозначающіе владѣніе у всѣхъ индо-европейскихъ первоначально имѣли значеніе глаголовъ: *пасти, гонять, сторожить, схватывать* и *держать* что-нибудь; а термины собственности значили: *скотъ, стадо пастбище*, то, что схвачено; потомъ, съ теченіемъ времени, термины эти получили отвлеченное значеніе: *владѣть, имѣть, собственность, имѣніе* или *имущество*; но точный этимологическій разборъ ихъ приводитъ къ убѣжденію, что первоначальное значеніе ихъ было матерьяльно-чувственное. Оставляя въ сторонѣ многочисленные примѣры, приводимые Гриммомъ изъ языковъ греческаго, латин-

скаго, готскаго и нѣмецкаго, позволяю себѣ остановиться на примѣрахъ славянскихъ. Гриммъ приводитъ ихъ три, во первыхъ глаголовъ *имѣ*, отсюда *имѣніе, имущество*, во вторыхъ-*держѣ, держава*, въ третьихъ-*владѣю, володѣю: имѣ*, онъ сближаетъ съ готск. *nita*, древ в. н. *nîtu*, что значитъ *схватывать. брать, пасти*; *nimid* въ древн. н. обозначало священный лѣсъ или *пастбище*, греч. νέμος, лат. *nemus*, славянскій языкъ выбросилъ звукъ *к* и образовалъ имѣ но чувствовалась и въ немъ необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержать звукъ *к*. Такъ образовались: *нять*, польск. *mieć*, чешск. *mjti*; теперь это слово просто имѣетъ отвлеченное значеніе *брать*, но въ глубокой древности, какъ показываютъ выше приведенныя сближенія, оно имѣло болѣе конкретный смыслъ: *пасти. Держу* еще и теперь въ нашемъ языкѣ не утратило конкретнаго значенія, такъ что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оно употребляется въ смыслѣ власти, держу—обыкновенное выраженіе для обозначенія схваченнаго рукою: *держать скоть, держать лошадей*-владѣть ими, крѣпостное право обогатило нашъ лексиконъ словами *держать дворъ, людей, человѣка. Владѣю* вполнѣ соотвутствуетъ древнесканд. valda (съ обычною перегласовкою), готск. *valdan*, древнѣн. *valtan*, какъ въ славянскихъ,—оно имѣетъ отвлеченное значеніе *владѣть. володѣть*, но въ древнѣйшую эпоху слово обозначало другое, именно: *направлять и пасти стада*, а въ значеніи существительномъ: *пастбище, лѣсъ* (Wald). Доказательства находимъ и въ производныхъ словахъ нѣмецкихъ нарѣчій, и въ литовскомъ, гдѣ waldyti значитъ только *управлять лошадьми*, какъ и въ польскомъ władać преимущественно значитъ *править лошадьми*. Въ подтвержденіе основной мысли Гримма—изъ славянскихъ нарѣчій можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ, какъ напр. слова: *животъ, животы*—въ смыслѣ *имѣнія*; *быть подъ рукою чью* т. е. находится во власти кого, можно было бы указать еще на лѣтописное изреченіе древлянскихъ пословъ: „наши князи добри суть, иже *распасли* суть Деревьску землю", гдѣ глаголъ *пасти, распасти* прямо употребляется для обозначенія *владѣть, править*, но намъ необходимо кончить съ объясненіемъ Гримма. Собственность и владѣніе возникаютъ, говоритъ онъ, въ эпоху кочевой пастушьей жизни, сначала понятіе ихъ ограничивается *движимостью*, движимымъ имуществомъ. но возникаетъ осѣдлость и земледѣліе, и оно переходитъ на недвижимость, на землю; тѣже самые термины, которые въ бытѣ номадовъ обозначали *стадо, скоть, пастбище, пасти скоть, управлять имѣ*, получаютъ въ бытѣ земледѣльческомъ значеніе сначала въ примѣненіи *къ почвѣ, землѣ*, а потомъ, какъ отвлеченный терминъ *владѣнія власти*. Статья *объ олицетвореніи поэзіи въ нѣмецкой средневѣковой древности*, написанная по поводу юбилея Бенеке и потому носящая романтическое заглавіе Frau Aventiure klopft an Beneckes Thür" не представляетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ русскою стариною, но поучительна лишь тѣмъ, что рѣзко выставляетъ противуположность въ нравственномъ и духовномъ развитіи древнерусской и нѣмецкой старины: первая умышленно чуждалась поэзіи, видя въ этомъ суетное прельщеніе и дѣло грѣховное, а вторая не только съумѣла создать художественныя поэтическія произведенія, но и дошла до апотеозы поэзіи, какъ искусства, которую олицетворяли въ образѣ высшаго женскаго существа—Авентюры; она то обходитъ землю, стучитъ у дверей поэтовъ, требуетъ входа и тогда надѣляетъ ихъ своимъ дивнымъ даромъ, то представляетъ олицетвореніе самого поэтическаго разсказа, странствующаго изъ дома въ домъ, изъ хижины въ хижину. *Итальянскія и скандинавскія впечатлѣнія* есть рядъ художественныхъ и литературныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ Гриммомъ во время путешествія

не этимъ странамъ: онѣ представляютъ несравненно высшій интересъ для историка поэзіи и искусствъ, чѣмъ для археолога.

А. Кт.

Chr. Petersen. Religion oder Mythologie, Theologie und Gottesverehrung der Griechen. (Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, v. Ersch und Gruber 1 Section 82 Theil. Leipz. 1864 г. стр. 1—380, 4°)

Какъ сравнительное языкознаніе, при своемъ возникновеніи, встрѣтило сильную оппозицію со стороны классическихъ филологовъ, видѣвшихъ въ немъ посягательство на достоинство своей общепризнанной науки, такъ и сравнительная миѳологія долгое время не находила оправданія со стороны классическихъ миѳологовъ. Въ одномъ письмѣ къ Велькеру Вильгельмъ Гумбольдтъ, всякую попытку объяснять греческіе миѳы путемъ сравненій — называетъ посягательствомъ на красоту этихъ художественныхъ произведеній. Шеллингъ проходитъ сравнительную миѳологію презрительныхъ молчаніемъ, только въ послѣднее время классическіе миѳологи признали нѣкоторыя права новой науки, но и то не на самомъ дѣлѣ, а болѣе въ теоріи: Велькеръ и Мори допустили сравнительный элементъ въ изслѣдованіи греческихъ миѳовъ, но далеко не въ той степени, какъ слѣдовало. По видимому жаль было разстаться со старымъ методомъ и наукою, которую болѣе ста лѣтъ воздѣлывали съ любовью и увлеченіемъ.

Первый, кто въ полной мѣрѣ призналъ и показалъ необходимость сравнительнаго изученія Греческой миѳологіи—былъ Христіанъ Петерсенъ, извѣстный уже въ наукѣ многими, трудами какъ по классической, такъ и по средневѣковой древности. Сочиненіе его о греческой миѳологіи появилось въ свѣтъ въ прошломъ году въ Энциклопедіи наукъ Эрша и Грубера, гдѣ оно занимаетъ около 400 страницъ 4°. Свое отношеніе къ предшественникамъ Петерсенъ опредѣляетъ весьма ясно: онъ не только признаетъ важное значеніе сравнительной миѳологіи, но и считаетъ пріемы ея изслѣдованія единственно правильными, соотвѣтствующими современному взгляду на предметъ. Съ сравнительной точки зрѣнія хочетъ онъ провѣрить результаты предшествовавшихъ миѳологическихъ изслѣдованій. Въ исторіи греческой миѳологіи онъ принимаетъ 7 періодовъ: 1, арійскій, характеризующійся перевѣсомъ атмосфернаго политеизма надъ солярными божествами; 2, итало-греческій, когда установилась система атмосферическихъ и хтоническихъ божествъ и еще болѣе отодвинулись на задній планъ солнечныя свѣтлыя божества; 3, эолійскій, періодъ индивидуальнаго развитія религіи у мелкихъ племенъ Греціи. Въ слѣдующіе періоды миѳологія развивалась уже на чисто греческой, особной почвѣ. Сообразно такому раздѣленію Петерсенъ подробно разсматриваетъ всю исторію миѳологіи, начиная съ эпохи доисторическаго арійскаго единства племенъ и оканчивая изслѣдованіе эпохою Р. Х. Можно быть не всегда согласну съ его многими объясненіями миѳовъ, но нельзя отрицать важности первой попытки разсмотрѣть греческую миѳологію съ сравнительной точки зрѣнія. Разъ уяснивши первоначальное природное значеніе миѳовъ посредствомъ сравненій, Петерсенъ въ обработкѣ періодовъ чисто греческихъ, особныхъ, уже не находитъ нужнымъ прибѣгать къ сравнительнымъ объясненіямъ: онъ пишетъ не систематическія объясненія греческихъ миѳовъ, а исторію ихъ. Также онъ считаетъ излишнимъ подробно излагать содержаніе миѳовъ. Его сочиненіе отличается всею строгостію серьезнаго ученаго изслѣдованія.

Въ сочиненіи Петерсена мы видимъ важный шагъ впередъ въ исторіи

науки. Слѣдуя этому пути, если и не совсѣмъ исчезнетъ возможность появленія фантастическихъ и ложныхъ теорій, то, по крайней мѣрѣ имъ неудастся произвести такого ослѣпленія, какое произвели мечтательныя теоріи Шеллинга, столь несчастливо примѣненныя къ изученію русской миѳологической древности и народной поэзіи.

А. Кт.

Bursian. Griechische Kunst. (ibidem p. 481—508)

Ни одинъ изъ археологическихъ учебниковъ, по обилію, искусной группировкѣ и мастерскому изложенію фактовъ, не пользуется столь давнею и заслуженною славою, какъ учебникъ археологіи классическаго искусства Карла Отфрида Миллера: Handbuch der Archäologie der Kunst, von K. O. Müller, вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1835 году. Безпрерывно возраставшая масса новаго матеріала, вслѣдствіе новыхъ открытій и изслѣдованій, принудила, послѣ смерти К. О. Миллера, издателя третьяго изданія этого учебника, бывшаго профессора Боннскаго университета, Велькера, сдѣлать обширныя дополненія къ этому изданію, которое до сихъ поръ служитъ настольною книгою для каждаго археолога. Но и со времени появленія 3-го изданія, наука, вслѣдствіе безпрерывно новыхъ открытій и изслѣдованій, сдѣлала столь громадные шаги, что нѣмецкіе археологи постоянно чувствовали потребность дополнять внесеніемъ новыхъ фактовъ и результатовъ новыхъ изслѣдованій учебникъ геніальнаго ученаго. Въ этомъ дѣлѣ пополненія учебника К. О. Мюллера самое дѣятельное участіе приняли двое ученыхъ: профессоръ археологіи въ гейдельбергскомъ университетѣ Бернгардъ Штаркъ и профессоръ тюбингенскаго (а нынѣ цюрихскаго) университета Конрадъ Бурсіанъ. Первый изъ нихъ, желая подвергнуть полной ревизіи эту книгу, издалъ въ 1852 году дополненія ко всѣмъ частямъ учебника въ замѣчательной своей брошюрѣ: Archäologische Studien zu einer Revision von Müllers Handbuch der Archäologie, von Dr. K. B. Stark. Wetzlar. G. Rathgeber. 1852. 105 стр. Въ 1859 году онъ издалъ новое дополненіе къ этому труду въ двухъ статьяхъ: Über die Entdeckungen und litterarischen Arbeiten der Jahre 1852—1859, напечатанныхъ въ журналѣ: Philologus. Томъ XVI, стр. 85. Профессоръ Бурсіанъ представилъ къ исторіи греческаго искусства, которой посвящена часть учебника О. Мюллера, чрезвычайно важныя дополненія въ трехъ статьяхъ: Übersicht der neuesten Leistungen und Entdeckungen aus dem Gebiete der griechischen Kunstgeschichte, напечатанныхъ въ журналѣ: Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, томъ 73, стр. 421 и 508. томъ 77, стр. 81; томъ 87, стр. 85. Такимъ образомъ, мы видимъ, что не смотря на всѣ огромныя заслуги, оказанныя распространенію классической археологіи въ Германіи учебникомъ О. Мюллера, самые успѣхи времени требовали значительныхъ дополненій къ нему и совершенно новой переработки извѣстныхъ частей этой книги, если она должна была соотвѣтствовать современному состоянію и требованіямъ науки. Тотъ, кто въ настоящее время хочетъ приступить къ изученію классической археологіи только по одному учебнику О. Мюллера, долженъ безпрерывно справляться для исторіи и хронологіи греческихъ художниковъ съ сочиненіемъ Брунна (Geschichte der griechischen Künstler von D. H. Brunn. Brauschweig. 1853. 2 тома), а для греческой архитектуры—съ сочиненіемъ Беттихера: Die Tektonik der Hellenen, von K. Böttticher. Potsdam. 1852. 2 тома съ атласомъ. Нѣкоторыя части учебника К. О. Мюллера, напр. отдѣлъ, излагающій искусство у Египтянъ, Вавилонянъ, Финикіянъ, Персовъ и Ассиріянъ, Индѣйцевъ стр. 257—319, совершенно устарѣли и

требуютъ новой переработки, а отдѣлъ о малоазіатскомъ искусствѣ, стр. 303,—новыхъ дополненій. Всѣ эти причины заставили автора сочиненія, котораго заглавіе выписано выше, снова изложить, сообразно съ результатами новѣйшихъ открытій и ученыхъ изслѣдованій, одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ учебника О. Мюллера, но только отдѣлъ, или, лучше сказать, часть одного отдѣла. Именно учебникъ К. О. Мюллера, образцовый по полному объему всей науки, распадается на слѣдующіе отдѣлы: исторія искусства въ древности; географія памятниковъ древняго искусства; ученіе о тектоникѣ, техникѣ и формахъ древняго искусства; художественная миѳологія. Профессоръ же Бурсіанъ избралъ только изложеніе исторіи греческаго искусства, занимающее въ учебникѣ К. О. Мюллера стр. 14—176, не говоря о томъ періодѣ, когда греческіе художники работали въ Римѣ. Трудъ Бурсіана, занимающее сто двадцать сжато напечатанныхъ страницъ въ два столбца въ четвертую долю листа, можно вполнѣ назвать образцовымъ: сообразно съ цѣлію того изданія, котораго онъ составляетъ часть, изложеніе его отличается тѣми же превосходными качествами, которыми мы характеризовали выше учебникъ К. О. Мюллера. Сравнивая трудъ пр. Бурсіана съ соотвѣтствующими частями книги К. О. Мюллера, убѣждаешься, что цѣлые отдѣлы исторіи греческаго искусства, благодаря новѣйшимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, получили совершенно новый видъ, какъ напр. параграфъ о пергамской школѣ скульптуры. Трудолюбіе автора изумительно: отъ вниманія его не ускользнуло ни одно сколько нибудь замѣчательное литературное явленіе по части исторіи греческаго искусства. Малѣйшая брюшюра, каждое самостоятельное изслѣдованіе, проливающее новый свѣтъ на какой либо изъ вопросовъ науки, имъ излагаемой, цитированы. Но сочиненіе профессора Бурсіана не есть книга, написанная для занимательнаго чтенія; языкъ и изложеніе автора отличается ученою строгостью, какъ того требовала энциклопедическая форма Словаря Эрша и Грубера. Это книга настольная для классическаго археолога, по обилію сообщаемыхъ матеріаловъ безпрерывно необходимая ученому. Въ ней собрано послѣднее слово объ исторіи греческаго искусства, сказанное въ настоящую минуту западною наукою и вотъ почему переводъ на русскій языкъ этого сочиненія, въ котораго подробную оцѣнку мы, за недостаткомъ мѣста, не входимъ, весьма желателенъ, но переводъ, исполненный не съ однимъ знаніемъ нѣмецкаго и русскаго языковъ, но съ полнымъ знакомствомъ съ наукою классическихъ древностей.

К. Г.

L'abbé Martigny. Dictionnaire des antiquités chrétiennes, contenant le résumé de tout ce qu'il est essentiel de connaitre sur les origines chrétiennes jusqu'au moyen âge exclusivement. Ouvrage acompagnes de 270 gravures. Paris Hachette. 1865.8°.

Словарь аббата Мартиньи составляетъ такой трудъ, который можетъ служить и руководствомъ для учащихся, и настольною книгою для ученыхъ. Подобные труды не появляются, какъ спекуляціи предпріимчивыхъ издателей, а какъ потребность времени, — и въ этомъ отношеніи свидѣтельствуютъ о многочисленности занимающихся христіанскими древностями и о процвѣтаніи самой науки. Христіанская археологія не могла не дойти до такого обширнаго развитія, при богословскомъ настроеніи нашего времени и при современномъ стремленіи къ богословскимъ вопросамъ. Какъ памятники исторіи церковной, христіанскія древности служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для богословія и оттого, вмѣстѣ съ

нею, подвергшись теперь такой основательной обработкѣ. Обративъ разъ вниманіе на христіанскія древности, не могли не замѣтить и значенія ихъ для воспитанія. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ не только признали необходимость изученія ихъ, но поняли, что тѣсно связанныя съ самимъ развитіемъ церкви, христіанскія древности составляютъ основаніе нашего образованія, и должны преподаваться юношеству наравнѣ съ другими главными науками. Еще въ 1841 году Шампольонъ-Фижакъ писалъ къ аббату Грено, что христіанская археологія почти исключена или по крайней мѣрѣ забыта во Франціи; а двадцать лѣтъ спустя, мы видимъ, не только полное процвѣтаніе христіанской археологіи, но и особенное преподаваніе ея во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Будемъ надѣяться, что черезъ двадцать лѣтъ мы тоже самое увидимъ и у насъ. Но, чтобы достигнуть до такого успѣха, намъ остается еще много впереди. Во первыхъ, непониманіе у насъ значенія археологіи дошло до того, что мы не имѣемъ даже руководства, писаннаго по русски. Необходимость такого труда, переведеннаго или писаннаго по русски ясно выскажется, когда подумаешь о тѣхъ филологическихъ познаніяхъ, которыя должны требоваться отъ преподавателя, для хорошаго знанія христіанскихъ древностей. Если напримѣръ, преподаватель знаетъ только по латынѣ, то ему можно пользоваться одними трудами ученыхъ минувшаго столѣтія, но чтобы слѣдить постоянно за успѣхами науки и за новѣйшими ея открытіями, потребуется для него знаніе новѣйшихъ языковъ. Но даже и при этомъ знаніи, онъ часто будетъ остановленъ высокою цѣнностью ученыхъ сочиненій, которыя останутся для него недоступными, а между тѣмъ, эти сочиненія, съ приложенными къ нимъ рисунками, для него необходимы, при всемѣстномъ отсутствіи у насъ собраній христіанскихъ древностей. Въ такомъ положеніи хорошій переводъ недорогой книги, какъ словаря аббата Мартиньи оказалъ бы большую услугу. Подобный переводъ долженъ быть сдѣланъ съ нѣкоторыми пополненіями и даже поправками, потому что каждый трудъ, въ родѣ словаря аббата Мартиньи, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ погрѣшностей. Но обратимся теперь къ самому словарю и посмотримъ, какъ авторъ сладилъ съ богатымъ матеріаломъ, который имѣлъ подъ рукою. Мы не можемъ не отдать справедливости, что аббатъ Мартиньи воспользовался не только новѣйшими учеными трудами, которыя, какъ bulletino г-на Росси, вышли въ послѣднихъ мѣсяцахъ истекшаго года. Сверхъ того, принявъ форму словаря, онъ съумѣлъ, въ каждой отдѣльной статьѣ, представить почти полное изслѣдованіе о предметѣ этой статьи: конечно, нѣкоторыя изъ нихъ могли быть болѣе развиты и болѣе полны; но въ этомъ ему отчасти мѣшала сама форма словаря, не допускающая въ одномъ томѣ слишкомъ несоразмѣрнаго развитія отдѣльныхъ предметовъ. Болѣе существенный упрекъ можно ему сдѣлать въ томъ, что онъ почти вовсе не пользовался нѣмецкими учеными трудами, обогатившими литературу христіанской археологіи такими важными изслѣдованіями. Приложенные рисунки (270), отлично вырѣзанные на деревѣ, объясняютъ текстъ, наглядно представляя изображеніе главнѣйшихъ памятниковъ. Упомянувъ выше о вкравшихся ошибкахъ, для примѣра приведемъ одну изъ нихъ. Въ статьѣ о Распятіи, аббатъ Мартиньи говоритъ (page 195), что обыкновеніе изображать у подножія креста черепъ съ накрестъ положенными двумя костями, есть обыкновеніе довольно недавнее. Далѣе онъ продолжаетъ: «On suppose que c'est un crâne d'agneau, destiné a remplacer l'agneau lui-même, qu'on représentait dans cette position pendant la première periode de crucifix proprement dit». Авторъ совершенно ошибается, потому что у подножія креста всегда изо-

брамали черепъ человѣческій, а не агничій, и что форма ихъ такъ различна, что нельзя принять одинъ за другаго. Онъ забылъ преданіе, такъ часто разсказанное византійскими писателями, о похороненіи адамова черепа на Голгоѳѣ самимъ царемъ Соломономъ, откуда и сама гора, по словамъ этихъ писателей, получила названіе γολγοθᾶ или κρανίου τόπος. Это преданіе руководило древнихъ иконописцевъ; но если аббатъ Мартиньи знаетъ распятіе, у подножія котораго изображенъ черепъ агнца съ двумя костями на крестъ положенными, то ему слѣдовало бы указать на такой памятникъ, или по крайней мѣрѣ указать на тѣхъ писателей, которые въ этомъ смыслѣ толкуютъ значеніе черепа у подножія креста.

гр. А. У.

The history of our Lord as exemplified in works of art: svith that of his types; St. John the Baptist; and other persons of the old and new Testament. Commenced by the late Mrs Jameson, continued and completde by Lady Castlake. In tuo volumes. London. Longman. 1864. 8° figures.

Исторія Спасителя, „of our Lord“, служитъ продолженіемъ двумъ прежнимъ, также иконографическимъ, сочиненіямъ той же писательницы: Исторія Богородицы (Legends of the Madonna) и Исторіи Святыхъ (Sacred and legendary art). Она украшена многочисленными политипажами (281) и гравированными рисунками (31) съ древнихъ памятниковъ и съ замѣчательнѣйшихъ картинъ художниковъ всѣхъ школъ. Изъ этихъ памятниковъ 97 изданы въ первый разъ, и надо надѣятся, что они изданы точнѣе, чѣмъ самый первый Scutum Fidei, на которомъ Спаситель благословляетъ лѣвою рукою. Добросовѣстное изслѣдованіе самихъ памятниковъ, къ несчастію, затмѣвается системою принятою авторомъ. Система употребленная въ этомъ сочиненіи, служитъ автору руководствомъ и во всѣхъ прежнихъ его трудахъ. Намъ приходится подробнѣе указать на неосновательность этой системы, потому что она нашла себѣ послѣдователей и между французскими писателями.

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ разсматриваются древнѣйшія формы христіанскаго искусства, Г-жа Джемсонъ, въ главѣ подъ заглавіемъ: „портреты Христа“, прослѣдила, по извѣстному сочиненію Мюнтера (Sinnbilder etc) постепенное развитіе историческаго типа Спасителя, она сообщаетъ тутъ весьма замѣчательныя подробности о сказаніи о Царѣ Авгарѣ, заимствованныя изъ англійскихъ рукописей. За этимъ, она прямо переходитъ къ иконографіи сценъ ветхаго и новаго завѣта. Желая дать полное понятіе объ иконографіи каждой сцены и каждаго лица, она, безъ различія, приводитъ въ примѣръ памятники древніе и картины разныхъ художниковъ. Иконографическій стиль древнихъ памятниковъ сравнивается съ художественнымъ вдохновеніемъ живописцевъ; съ изображеніемъ саркофага или съ стѣнописью IV вѣка сравниваются не только средневѣковыя миніатюры, но даже картины позднѣйшихъ художниковъ, какъ Бачіо Бандинелли, Баррочіо, Камучини, Филиппа Шампань, Даніела де Волтерра, Гамера и Николая Пусена, Рембрандта, Рубенса и др. Изъ этой смѣси разнородныхъ памятниковъ происходитъ пестрота, губящая единство основной мысли. Иконографическая часть исторіи Спасителя теряется въ разнообразіи различныхъ школъ и эпохъ. Гдѣ сначала находились признаки иконографическаго стиля, тамъ въ послѣдствіи является отличительный характеръ каждой школы живописи, поглощающій всякую иконографическую идею.

У всѣхъ живописцевъ отличительные признаки, характеризующіе каждую отдѣльную школу живописи, образуютъ особый способъ пониманія и изображенія сюжета, которые, не смотря даже и на манеру письма, могутъ служить яснымъ опредѣленіемъ отличія каждой школы. Тутъ, на первомъ мѣстѣ, стоитъ не способъ изображенія сюжета, а способъ пониманія его изображенія въ духѣ школы. Такимъ образомъ, въ картинѣ вечера въ Эммаусѣ Тиціана или брака въ Каннахъ Галилейскихъ, Янъ Стина — самое содержаніе картины не составляло главной заботы художника, а занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто, служа ему только для группированія портретовъ извѣстныхъ современныхъ ему лицъ. Не обращая вниманія на отсутствіе исторической достовѣрности, допуская анахронизмы самые разительные, живописецъ упускаетъ совершенно изъ виду представляемую имъ сцену и заботится только съ искусствомъ написать извѣстный портретъ или эффектно изобразить блестящую драпировку. Понятна ошибочность возрѣнія Г-жи Джемсонъ на памятники, когда она не дѣлаетъ различія между изображеніемъ иконографическимъ и живописнымъ. Отсюда также происходитъ сбивчивость въ подраздѣленіи типовъ, такъ напримѣръ: всѣ изображенія Царя Давида (I pag. 201) подраздѣляются на три отдѣла, или на три класса типовъ: изображенія личныя и аллегорическія (personal and abstract); изображенія типическія и историческія (tipical und historical); изображенія внушенныя Псалмами (suggested by the language of the Psalmes).

гр. А. У.

La Vierge, type de l'art chretien. Histoire monumentale et légendes, par Edouard Laforge. Lyon. Scheuring, 1864. 4° съ рисунками.

Писано весьма поверхностно и по системѣ, принятой Г-жею Джемсонъ т. е. по памятникамъ всѣхъ вѣковъ, безъ критическаго разбора при сравненіи ихъ между собою. Авторъ во всемъ своемъ сочиненіи не дѣлаетъ ни одной ссылки на источники, по которымъ онъ пишетъ, между тѣмъ, какъ эти ссылки были бы необходимы, тѣмъ болѣе, что автору часто случается въ разсказѣ своемъ сообщать подробности, явно почерпнутыя изъ собственнаго воображенія. Для примѣра приведемъ нѣсколько словъ изъ разсказа о Благовѣщеніи (pag. 118): «C'était l'heure où le soleil, déclinant vers le haut promontoire du Carmel, allait bientôt se plonger dans la mer de Syrie. Il (l'ange) entre dans le modeste oratoire (?) de Marie, qui faisait alors la prière du soir, la face tournée du côté de Jérusalem. (?) «Je vous salue, ô Marie, pleine de graces» lui dit l'envoyé céleste, en inclinant (?) sa tête radieuse: «le Seigneur est avec vous; vous êtes bénie entre toutes les femmes».— Сочиненіе Г-на Лафоржа, желающее имѣть всѣ признаки ученаго изслѣдованія, отзывается болѣе современнымъ ультрамонтанизмомъ, чѣмъ археологическими достоинствами.

гр. А. У.

F. Kanitz Ueber Alt- und Neuserbische Kirchenbaukunst, ein Beitrag zur Kunstgeschichte. Wien. 1864 8° mit 2 Tafeln. (отдѣльный оттискъ изъ отчетовъ 1863 года вѣнской Академіи.)

Эта статья (13 страницъ) составляетъ дополненіе къ сочиненію Канитца, изданному въ 1862 году: „Serbiens Byzantinische Monumente". И въ томъ и другомъ изслѣдованіи авторъ описываетъ архитектурныя зданія

позднѣйшаго уже времени. Церковь въ Павлицѣ и церковь въ Семендріи въ Кружевацѣ и другихъ мѣстностяхъ, хотя основаны прежде XIII вѣка, но такъ пострадали отъ перестроекъ, что должны быть причислены къ зданіямъ XVI и даже XVII вѣковъ. При основаніи каждой изъ нихъ, авторъ указываетъ на постепенное измѣненіе первоначальной византійской постройки подъ вліяніемъ новой италіанской архитектуры. При этихъ описаніяхъ въ особенности любопытны нѣкоторыя подробности, которыхъ авторъ не хочетъ пропустить безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, въ церквахъ въ такъ называемой „Фрушка—Гора“ сохранились фрески, сравниваемыя имъ съ стѣнописью Панселина на Аѳонѣ. Въ монастырѣ Ясакъ находится старинное славянское евангеліе, съ миніатюрами и въ древнемъ переплетѣ съ серебряными оборонными дробницами. Въ Монастырѣ Урдникъ, который можно назвать Великимъ Сербскимъ древнехранилищемъ, хранятся мощи Св. Лазаря, погребенныя здѣсь послѣ битвы при Коссовѣ; тутъ также хранится и его шелковая одежда.

гр. А. У.

Revue Archéologique. Paris 1864. X volume. Juillet — Decembre.

«Revue Archéologique» слишкомъ извѣстный—въ ученомъ мірѣ журналъ, чтобы говорить о его направленіи. Его заслуги по части гальскихъ древностей признаны всѣми единодушно и продолжаютъ постоянно составлять главный предметъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ. (Anat. de Barthélemy: l'art gaulois. Alex. Bertrand: de la distribution des dolmens sur la surface de la France. Prioux: l'église romane du prieuré conventuel de saint Thibault de Bazoche; Ad. Pictet: études sur les noms d'hommes gaulois empruntés aux animaux; Longpérrier: deux monnaies de plomb trouvées au mont Berny; Hauréau: le concil de Paris de l'année 1210; Alf. Maury: inscription attique découverte dans le Navarais; Contejeau: un castellum gaulois de l'Auvergne; R. Galles: étude sur le Manelud de Locmariaquer; Morlot: les pierres à écuelles.

Какъ спеціальная часть археологіи, гальскія древности не будутъ для насъ главнымъ предметомъ, а мы обратимъ вниманіе въ особенности на тѣ статьи, которыя, принадлежа общей археологіи, этимъ самимъ приближаются отчасти и къ нашимъ отечественнымъ древностямъ.

Христіанскія древности. Утонченность языческаго общества высказывается въ изысканности названій. Оно заимствовало свои имена или отъ добродѣтелей (Pictus, Probitas, Aequitas), или отъ такихъ словъ, которыя соединяли въ себѣ понятія пріятныя, привлекательныя (Melite, Eros, Amor, Suavis, Amoenus, Iucundus), или отъ хорошихъ духовъ, отъ красивыхъ цвѣтовъ, драгоцѣнныхъ камней (Murrice Cinnamidi, Viola, Jacinthus, Margaritis, Sardonyx, Amethystus). Въ противоположность этому языческому настроенію, первые христіане принимали названія, не только некрасивыя, но даже имѣющія смыслъ упрека или брани: Importunus, Malus, Alogius, Projectus, Injuriones, Contumeliones, Stercus, Stercorius. Начало такихъ странныхъ именованій кроется въ тѣхъ еще временахъ, когда христіане подвергались самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ. Обвиняемые въ преступленіяхъ, поносимые самыми оскорбительными словами, древніе христіане со смиреніемъ принимали эту брань и самыя названія, придумываемыя непримиримою враждою, они, въ знакъ того же смиренія, носили, какъ имена собственныя. Эта остроумная статья г. Le-Blant объясняетъ фактъ встрѣчаемый на самыхъ древнѣйшихъ надписяхъ христіанъ; къ этому самому времени, ко времени преслѣдованій относится также изслѣдованіе о христіанскихъ кладбищахъ, (des cimetières chrétiens pendant l'ére de persé-

cution) написанное г-мъ Росси и переведенное генераломъ Крели (Creuly). Статья посвящена изъясненію, посредствомъ древняго завѣщанія, найденнаго г. Кисселингомъ въ Базелѣ, значенія слова *cella memoriae* или надгробныхъ часовень. Авторъ, опираясь на этомъ завѣщаніи язычника, доказываетъ, что христіане заимствовали у язычниковъ обыкновеніе строить такія надгробныя часовни, иногда также называемыя *cubicula memoriae*, и что долго еще до Константина Великаго, они воздвигались на христіанскихъ кладбищахъ, такъ что эти постройки надъ поверхностію земли придавали христіанскимъ кладбищамъ какъ бы законное право существованія, хотя этимъ они не спасались отъ разграбленія и опустошеній.

По поводу этого изслѣдованія г. Гиттороѳъ (Hittorff), въ особой статьѣ (Notes relatives à l'article d. Rossi sur les cimetiéres chrétiens), развиваетъ идею г. Росси и доказываетъ, что надгробныя часовни, нося названіе *cella*, принадлежащее собственно святилищу храмовъ, имѣли также одинаковую форму съ храмами. Для примѣра онъ приводитъ церковь Santa Maria—la—Pinta, выстроенную Велизаріемъ въ 535 году въ Палермѣ, и сверхъ того замѣчаетъ, что такъ какъ на христіанскихъ кладбищахъ между надгробными часовнями были разсажены деревья, большею частью фруктовыя (pomoria), то древніе писатели часто употребляютъ кладбища и сады, какъ слова одинаковаго значенія. Другая статья неизвѣстнаго автора, объясняетъ тѣ выраженія завѣщанія, которыя показались г. Росси несовершенно ясными.

Г нъ Бартелеми издалъ по рукописи VIII вѣка Веронской библіотеки знаменитое Itinerarium a Bordegala. Веронскій списокъ не только замѣчателенъ древностью, но и варіантами въ сравненіи съ прежде изданнымъ Парижскимъ спискомъ. Онъ въ первый разъ является теперь въ печати, хотя извѣстный изслѣдователь Палестины Тоблеръ указалъ на него въ своей топографіи (I. pag. XII—XIII). Какъ древнѣйшее описаніе Палестины, 334 года, Бордосскій паломникъ оставилъ въ немъ драгоцѣнный матеріалъ не только для топографіи святыхъ мѣстъ, но также и для археологіи IV вѣка.

Тутъ нужно еще упомянуть о помѣщенномъ отрывкѣ изъ сочиненія Г-на Вогюэ о Палестинѣ, въ которомъ описаны развалины Аранъ-ель-еміръ или остатки дворца Гиркана, украшеннаго въ греческомъ стилѣ. Фризъ изъ звѣрей, напители колонъ хотя неокончены, но ясно указываютъ на упадокъ искуства, на эпоху близкую къ нашему лѣтосчисленію (176 л. до Р. Х.).

Разбирая статьи помѣщенныя въ журналѣ, нельзя не указать на любопытныя изслѣдованія объясняющія древнѣйшую археологію. По части египетскихъ древностей, кромѣ отчета Г-на Руже обо изслѣдованіяхъ его по Египту, мы имѣемъ его подробный разборъ египетскихъ мѣсяцословъ въ отношеніи къ достовѣрности ихъ исчисленій. Другой египтіологъ, Г-нъ Висанъ—посвящаетъ тому же самому предмету особую статью, въ которой подробно разбираетъ подраздѣленія года у Египтянъ. Маріэттъ объясняетъ надпись, найденную на югѣ отъ великой пирамиды близъ Саккара, при разрытіи древнихъ могилъ; а Г-нъ Ван-дер-Хегенъ описываетъ намъ надпись Нубійскаго царя Силко, который, для обезсмертенія своей побѣды, велѣлъ вырѣзать ихъ описаніе на стѣнахъ храма въ древнемъ Талмисѣ, нынѣ Калабшехъ.

По части древностей греческихъ и римскихъ Археологическое Обозрѣніе представляетъ столь много иконографическихъ матеріаловъ и любопытныхъ изслѣдованій, что необходимо было-бы посвятить имъ особый спеціальный разборъ; но мы должны довольствоваться краткимъ указаніемъ главнѣй-

ихъ фактовъ, пріобрѣтенныхъ ими для науки. Императоръ Французовъ, не насыщенный своими гражданскими и военными подвигами, хотѣлъ пожать лавры и на поляхъ археологическихъ. Онъ принялся за исторію Юлія Кесаря и его ученыя занятія побудили французскихъ археологовъ усердно отыскивать слѣды походовъ Кесаря, слѣды его лагерей и поселеній. Такое рвеніе умножило въ Revue Archéologique статьи объ этихъ предметахъ, и раскопки, произведенныя для этой цѣли во многихъ мѣстностяхъ Франціи, привели къ самымъ замѣчательнымъ открытіямъ: генералъ Крёли (Creuly: Gué antique dans le lit de la Mayenne) описываетъ, что при работахъ для углубленія рѣки Маэнъ (Mayenne), близъ брода у Сен-Леонардъ, нашли слѣды деревянной постройки, 2700 монетъ галльскихъ и римскихъ (Августа до Антониновъ) и нижнюю часть столба, означающаго разстояніе. Деревья принадлежатъ, по мнѣнію автора, мосту тутъ выстроенному, а монеты кидались проходящими въ видѣ жертвы водяному божеству. Вершер-де-Реффи (Verchére de Reffye: les arms d'Alise) описываетъ всѣ древнія оружія, найденныя при раскопкѣ развалинъ укрѣпленій Кесаря вокругъ города Ализы (Alise Sainte Reine).

Изъ эпиграфическихъ памятниковъ объясняется надпись латинская изъ Пашраса и другая надпись, найденная въ Болгаріи въ мѣстечкѣ Иглина (древній Тросмисъ Птолемея). Надписи съ острова Родоса принадлежатъ ко временамъ языческимъ и упоминаютъ о религіозныхъ братствахъ ἔρανοι и θίασοι, которые имѣли тайныя собранія и носили имя того бога, которому поклонялись. Подобныхъ тайныхъ религіозныхъ обществъ или братствъ г-нъ Вешеръ, на одномъ Родосѣ, насчитываетъ до 19-и. Въ Пиреѣ найденъ былъ отломокъ декрета, вѣроятно III вѣка до Р. Х., въ которомъ восхваляютъ заслуги Мениса, сына Миссихея, изъ Геравеи, и за которыя рѣшено „его увѣнчать вѣнкомъ изъ листьевъ и выставить въ „томъ мѣстѣ храма, гдѣ будетъ всего лучше, изображеніе его, писанное, „на деревянной доскѣ по правиламъ закона". Другая греческая надпись, найденная въ Галикарнасѣ, въ особенности замѣчательна тѣмъ, что писана стихами на дорическомъ діалектѣ. Это надгробная элегія для могилы молодой гречанки Мирты (Μύρτον, женское имя средняго рода). Другая греческая надпись изъ города Антандра въ Мизіи гласитъ, что городъ и сенатъ рѣшили увѣнчать Аѳинянина Поліарата почетнымъ вѣнкомъ въ день главнаго праздника города Антандра, въ день Зевса Астрапайа (громовержецъ). Наконецъ въ Египтѣ на развалинахъ Никополиса найдена надпись 199 года, царствованія Септимія Севера

гр. А. У.

Archives des missions scientifiques et littéraires. Choix des rapports et instructions publié sous les auspices du ministére de l'instruction publique. Tome premier. Deuxiéme série. 1-er et 2-de livraisons. Paris. Imprimerie imperiale. 1864. in 8°, съ планами и политипажами.

Въ двухъ выпускахъ, нынѣ изданныхъ, перваго тома новой серіи этого весьма уважаемаго сборника мемуаровъ и отчетовъ, выходящаго въ свѣтъ по распоряженію французскаго министерства народнаго просвѣщенія, помѣщены слѣдующія изслѣдованія о топографіи древней Греціи, писанныя молодыми учеными—членами Аѳинской школы: Ж. Перро, объ островѣ Тазосѣ (Mémoire sur l'île de Thasos, par M. G. Perrot), стр. 1., Г. Бутана, о Триѳиліи (Mémoire sur la Triphylie, par M. Boutan), стр. 193 и Базена, объ Этоліи (Mémoire sur l'Etolie, par M. Bazin), стр. 249. Сверхъ

того, два отчета объ ученыхъ экспедиціяхъ, а именно Виконта Э. де Ружа, объ его экспедиціи въ Египетъ (Rapport, sur la mission accomplie en Egypte, par le Vicomte E. de Rougé) стр. 167 и К. Вешера—туда же (Rapport sur la mission accomplie en Egypte, par M. C. Wescher), стр. 179. Объ этихъ двухъ экспедиціяхъ мы говорили выше. Но въ послѣднемъ отчетѣ мы встрѣтили извѣстіе, весьма важное для ученыхъ, занимающихся христіанскою археологіею, которое и спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ. Именно Г. Вешеръ, на стр. 190, сообщаетъ, что въ Александріи недавно открыты были катакомбы, которыхъ стѣны покрыты картинами и надписями на греческомъ языкѣ. Г. Вешеръ говоритъ, что онъ поручилъ одному молодому французскому художнику, воспитаннику Парижской Академіи Художествъ снять копіи съ этихъ картинъ, которые, судя по его отзыву, всѣ суть произведенія греческихъ художниковъ. Всѣмъ извѣстно, какою славою и значеніемъ пользовалась Александрійская церковь въ первыя вѣка Христіанства, поэтому новое открытіе, если оно оправдается во всемъ своемъ объемѣ, можетъ пролить новый свѣтъ на науку о христіанскихъ древностяхъ. Христіанское искусство въ Египтѣ есть предметъ, еще незатронутый. Но что богатая почва этой страны должна сохранять еще непочатыя сокровища, видно изъ скудныхъ указаній, напечатанныхъ въ извѣстіяхъ императорскаго Археологическаго Общества, 1859. Томъ 1-й, стр. 333, въ статьѣ: Открытіе древняго христіанскаго склепа въ Александріи. Кавалеръ Дж. Б. де Росси въ своемъ Bullettino di archeologia cristiana, 1864. Novembre. № 11, стр. 88 говоритъ, что существованіе христіанскихъ катакомбъ Александріи не было совершенно безъизвѣстно и что онъ имѣетъ рисунокъ христіанской бронзовой лампы съ надписями, открытой въ послѣднихъ годахъ въ этихъ подземельяхъ, но о картинахъ, эпитафіяхъ и другихъ христіанскихъ памятникахъ, тамъ сохраняемыхъ, онъ никогда не слыхалъ. — Наконецъ, г. Вешеръ изслѣдовалъ также съ эпиграфическою цѣлью съ большею тщательностію гробницы египетскихъ фараоновъ XIX и XX династій Ѳиванскихъ, на западномъ берегу Нила, недалеко отъ развалинъ Ѳивъ, въ дикихъ и пустынныхъ горахъ, извѣстныхъ у Арабовъ подъ именемъ *Бабъ-эль-Молукъ*, на границѣ степи Ливійской. Эти царскія гробницы были открыты и разграблены еще въ древности, вѣроятно впервые Персами, и съ тѣхъ поръ ихъ начали посѣщать, какъ одну изъ достопримѣчательностей Египта, многочисленные путешественники, Греки и Римляне, которые на покрытыхъ живописью стѣнахъ этихъ великолѣпныхъ подземныхъ гробницъ чертили свои имена и описывали свое восхищеніе. Г. Вешеръ изучилъ и снялъ снимки со всѣхъ находящихся надписей, числомъ около тысячи. Но когда, съ появленіемъ христіанской религіи въ Египтѣ, въ эту пустынную мѣстность удалились отъ всѣхъ мірскихъ суетъ благочестивые пустынники, эта мѣстность прославилась въ христіанскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ѳиваиды. Новое населеніе наполнило эти подземные склепы и ѳиванскіе пустынники, по бо́льшей части, уроженцы этой страны, начали покрывать стѣны своихъ жилищъ — царскихъ гробницъ, множествомъ надписей. Надписи эти большею частію на коптскомъ языкѣ, рѣдко на греческомъ и чѣмъ болѣе надписи приближаются къ новому времени, тѣмъ рѣже встрѣчается въ нихъ греческій языкъ. По мѣрѣ того, какъ египетская церковь, изъ подъ начальства Византіи переходила подъ иго Арабовъ, она постепенно забывала религіозный и литературный языкъ великой школы Александрійской, столь ее прославившей. Г. Вешеръ говоритъ, что въ эти вѣка грубаго невѣжества можно распознать еще слѣды греческой цивилизаціи, схороненные въ надписяхъ,

свидѣтельствующихъ о глубокомъ упадкѣ образованія въ Египтѣ. Одни изъ этихъ надписей гравированы, другіе быстро начертаны стилетомъ, третьи, съ помощью калама, писаны красными или черными чернилами на пространствахъ, оставленныхъ древне-египетскими живописцами бѣлыми среди ярко-расписанныхъ скульптуръ и іероглифовъ. Открытіе этихъ надписей — важная находка не только для филологіи, но и для христіанскихъ древностей. Остается только желать, чтобы французское правительство издало эти драгоцѣнные памятники въ возможно-скоромъ времени.

К. Г.

Mémoires lus à la Sorbonne dans les séances extraordinaires du Comité impérial des travaux historiques et des sociétés savantes, tenues les 8, 9 et 10 Avril 1863. Archéologie. Paris. Imprimerie impériale. 1864. in 8°

Этотъ сборникъ археологическихъ мемуаровъ, читанныхъ въ Сорбоннѣ въ апрѣлѣ 1863 года, на ученомъ конгрессѣ, депутатами разныхъ ученыхъ обществъ въ департаментахъ Франціи, есть отрадное доказательство, что во Франціи научныя стремленія централизируются въ Парижѣ, но не исключительно поглощаются могущественною столицею Франціи. Ученыя, а слѣдовательно и археологическія общества, процвѣтаютъ во всѣхъ департаментахъ Франціи: археологи отыскиваютъ, описываютъ и классифицируютъ неизданные памятники своихъ провинцій во множествѣ спеціальныхъ провинціальныхъ изданій, а депутаты ихъ на конгрессахъ ученыхъ французскихъ обществъ сообщаютъ важнѣйшія изъ своихъ изслѣдованій парижскимъ ученымъ. Понятно, почему настоящій министръ народнаго просвѣщенія во Франціи такъ дорожитъ этими проявленіями умственной провинціальной жизни: они доказываютъ, что свѣточь науки горитъ и въ самыхъ темныхъ и отдаленныхъ углахъ этой страны. Вотъ почему, по распоряженію министра, на ряду съ мемуарами, посвященными историческимъ наукамъ, издается особый томъ неизданныхъ мемуаровъ по части археологіи. Настоящій томъ, вышедшій въ прошломъ году, есть второй этой серіи и издатели его, гг. Леонъ Ренье и Шабуллье, обѣщаютъ, что вскорѣ будетъ изданъ томъ записокъ, читанныхъ въ 1863 году.

Укажемъ вкратцѣ на замѣчательнѣйшіе для нашихъ ученыхъ статьи этого сборника. Г. Жуль Дюмутэ описываетъ два неизданные диптиха, принадлежавшіе нѣкогда собору города Буржъ (Mémoire sur les diptyches de la cathédrale de Bourges, par Jules Dumoutet) стр. 229. Къ статьѣ его приложены четыре гравированные снимка съ этихъ любопытныхъ памятниковъ (таблицы VII, VIII, IX и X), увеличивающихъ такимъ образомъ нашъ запасъ этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ послѣднихъ временъ язычества и начала господства христіанства. Буржскій соборъ, до начала французской революціи, владѣлъ тремя диптихами: первый, и самый важный изъ нихъ, есть извѣстный диптихъ консула Флавія Анастасія, нынѣ хранящійся въ Публичной Библіотекѣ въ Парижѣ, нѣсколько разъ описанный и изданный. Два другіе до сихъ поръ были неизданы и честь ихъ открытія, описанія и изданія въ свѣтъ принадлежитъ автору этой статьи. Первый изъ нихъ, хранящійся нынѣ въ Буржскомъ соборѣ, состоитъ изъ двухъ досокъ изъ слоновой кости (въ вышину 235, въ ширину 145 миллиметровъ), на которыхъ въ рельефѣ изображенъ, въ верхней части, консулъ, возсѣдающій на курульномъ сѣдалищѣ, по сторонамъ котораго находятся два юноши, консулъ подаетъ знакъ къ началію амфитеатральныхъ игръ. Въ

нижней части двухъ досокъ изображенъ бестіарій. сражающійся съ львами и одерживающій побѣду надъ этими дикими животными. Имя консула, къ сожалѣнію, необозначено на этомъ диптихѣ, по стилю—онъ принадлежитъ временамъ глубокаго упадка античнаго искусства. Второй, также впервые изданный, диптихъ нынѣ находится во владѣніи аббата Бонне, который снова намѣренъ возвратить его Буржскому собору. Первый складень изображаетъ четырехъ евангелистовъ съ ихъ аттрибутами и, повидимому, есть произведеніе французской школы ваянія X вѣка; вторая же доска составлена около 1594 года изъ одного длиннаго античнаго фриза, рѣзаннаго изъ слоновой кости. Чтобы украсить самымъ достойнымъ образомъ переплетъ евангельскихъ частей (Evangelistarium), неизвѣстное лицо должно было приспособить этотъ фризъ къ формату рукописи и другой доски, на которой были изображены четыре Евангелиста. Поэтому оно длинную полосу фриза разрѣзало на три ровныя части и, оставивъ ихъ въ вышину, получило одну доску, имѣвшую надлежащую вышину. Этотъ, такимъ образомъ, изуродованный античный фризъ, о назначеніи котораго намъ трудно составить себѣ представленіе, есть произведеніе римскаго искусства IV-го вѣка и изображаетъ Аполлона съ девятью музами. Апполонъ изображенъ съ лирою въ рукѣ и у ногъ его лебедь. Музы имѣютъ разные аттрибуты и на головахъ иныхъ изображено пламя. Третья часть распиленнаго фриза,— есть фрагментъ, изображающій вакханалію, которая происходитъ подъ предсѣдательствомъ самаго бога вина. Передъ фавномъ, играющимъ на двойной флейтѣ, пляшетъ обнаженная вакханка; пастухъ и силенъ смотрятъ на пляску. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Императорская Публичная Библіотека въ Парижѣ пріобрѣла и этотъ диптихъ, который, такимъ образомъ, увеличилъ число своихъ сокровищъ новымъ пріобрѣтеніемъ, безъ сомнѣнія принадлежащимъ къ послѣднимъ остаткамъ умирающаго языческаго искусства.

Для археологіи каменнаго вѣка въ настоящемъ сборникѣ важна статья Г. Розенцвейга: Notice sur les lec'hs bretons, стр. 153. Разсмотрѣнію вопроса о курганахъ, какъ памятниковъ пограничныхъ, посвящена статья Г. де ла Сосе: Dissertation sur le lieu de l'assemblée annuelle des druides, par M. L. De la Saussaye, стр. 89. Прочія статьи относятся преимущественно къ археологіи средне вѣковаго искусства.

К. Г.

Theologiche Studien und Kritiken. Eine Zeitschrift für das gesammte Gebiet der Theologie, herausgegeben von D.C. Ullmann und D. R. Rothe. Gotha. F. A. Perthes.

1864. II Heft, стр. 309. Zion und die Akra der Syrer. Von Ch. Ed. Caspari, evangelischem Pfarrer im Elsass. Эта статья есть очень важное дополненіе въ топографіи античнаго Іерусалима, которая въ новѣйшее время стала предметомъ столь глубоко-ученыхъ изслѣдованій и вызвала столь противоположныя мнѣнія и теоріи. Авторъ дѣлаетъ весьма справедливыя замѣчанія, почему топографія античнаго Іерусалима представляетъ столько затрудненій. Перенесть, говоритъ онъ, планъ древняго Іерусалима на почву нынѣшняго года преимущественно трудно вслѣдствіе многочисленныхъ разрушеній, постигшихъ этотъ городъ: первобытный уровень иногда покрываетъ масса муссора въ 50 футовъ вышины. Засыпаемые такимъ образомъ долины уничтожили первоначальныя формы почвы различныхъ частей города и мѣсто характеристическихъ пониженій и возвышеній заняла однообразная плоская возвышенность. Первобытный видъ Іе-

русалима можетъ быть открытъ только раскопками. Но кромѣ этой трудности, представляемой нынѣшнею почвою Іерусалима, есть еще другое затрудненіе въ реставраціи античнаго Іерусалима: это ложное пониманіе текстовъ, описывающихъ его. До тѣхъ поръ, пока эти описанія будутъ неправильно пониматься, всѣ раскопки будутъ имѣть не вѣрный характеръ и то, что отыскано, останется безъ точнаго примѣненія. Поэтому, по мнѣнію Г. Каспари, наступило время основательно ревизировать тексты современныхъ античному Іерусалиму писателей, дѣлающихъ описанія города, чтобы на основаніи этихъ текстовъ вывести правильныя заключенія о названіи и положеніи отдѣльныхъ частей и зданій этого города. Въ предлагаемомъ авторомъ опытѣ, онъ, вслѣдствіе сравненія текстовъ книги Маккавеевъ и Іосифа Флавія, доказываетъ, что ветхо-завѣтный Сіонъ не есть юго западный холмъ или верхній городъ Іосифа Флавія, но холмъ, на которомъ стоялъ храмъ Соломона или Морія, а Акра Сирійцевъ лежала не на сѣверо западной возвышенности, но близъ храмовой горы. Что касается до перваго вопроса, то если бы авторъ изслѣдовалъ и первыхъ христіанскихъ писателей объ Іерусалимѣ, то онъ пришелъ бы къ тому же заключенію, столь важному для топографіи памятниковъ Іерусалимскимъ временъ Константина Великаго.

К. Г.

A. Tilesius de Tilenau. Explication de la figure problétmatique, représenteé sur les monnaies de Vladimir I et de Jaroslaw I. S. Peterbourg. 1864.4° съ одною таблицею изображеній.

Авторъ своимъ трудомъ замыкаетъ рядъ изслѣдованій, возбужденныхъ неточнымъ описаніемъ Стокгольмской монеты. Ярославово серебро, принятое за монету будто бы чеканенную великимъ кн. Олегомъ, было началомъ этого археологическаго спора. В. В. Кене приписалъ монету Олегу, объяснялъ загадочную фигуру на оборотѣ ея изображеніемъ скандинавскаго ворона. А. А. Куникъ опровергнулъ мнѣніе г-на Кене, но не объяснилъ значенія загадочной фигуры; а И. А. Бартоломей полагалъ что это можетъ быть якорь. Наше мнѣніе состояло въ томъ, что загадочная фигура есть изображеніе византійскаго дикиріона и означала инвеституру, полученную изъ Царьграда, кромѣ того мы обратили вниманіе, что если принять эту фигуру за голубя, какъ символъ Св. Духа, то это мнѣніе совершенно опровергается золотою монетою Владиміра. В. В. Стасовъ, въ своемъ изслѣдованіи совершенно основательно доказалъ, что мы слишкомъ исключительно утверждали будто на византійскихъ памятникахъ никогда не изображали символическаго голубя, летящаго головою внизъ. Опровергнувъ наше мнѣніе о положеніи голубя на византійскихъ памятникахъ, авторъ самъ увлекся, основывая свое объясненіе загадочной фигуры на фотографіи съ Иверской псалтыри (изъ собранія П. И. Севастьянова), на которой изображенъ Св. Духъ въ видѣ голубя головою внизъ, исходящаго съ неба на круглый образъ Богоматери, стоящей на скалѣ. Это изображеніе кажется намъ, говоритъ г. Стасовъ, особенно важнымъ, потому что явственно представленные здѣсь: солнце въ видѣ круга и исходящій изъ него столпообразный лучъ свѣта истолковываютъ, по нашему мнѣнію, подобный же кругъ съ исходящимъ изъ него столпомъ, *видѣ фигурою голубя на Ярославовой монетѣ*, (Извѣстія Им. Арх. Общества, IV. стр. 228). Мы сказали выше, что авторъ увлекся, потому что дошедши до признанія загадочной фигуры на Ярославой монетѣ за Св. Духа въ видѣ голубя, онъ не замѣтилъ, что его предположеніе окончательно опровер-

гается монетою Владиміра. Допустивъ предположеніе В. В. Стасова, мы, на монетѣ Владиміра, гдѣ загадочная фигура находится надъ лѣвымъ плечемъ великаго князя, получили бы: *Духа святаго въ видѣ голубя, нисходящаго на лѣвое плечо великаго князя.* Навѣрно самъ г. Стасовъ съ нами согласится, что подобное изображеніе было бы *противно всѣмъ правиламъ какъ византійской, такъ и западной иконографіи.* Г-ну Тилезіусу-фонъ-Тиленау принадлежитъ честь опроверженія всѣхъ этихъ орнитологическихъ толкованій; ни скандинавскій воронъ, ни славянскій голубь не допускается послѣ убѣдительныхъ его выводовъ. Мы только сожалѣемъ, что на страницахъ 12—13, онъ опять касается иконографическаго вопроса и выводитъ заключеніе, что въ изображеніяхъ Благовѣщенія, Богоявленія и Сошествія Св. Духа, единственно правильное положеніе голубя для объясненія нисходящаго Св. Духа—есть положеніе головою внизъ, и сверхъ того прибавляетъ: «suivant les instructions contenues dans les paragraphes 209, 220, et 319 du «Guide de peinture» elle me parais être aussi la seule (pose) admise et sanctionnée par l'iconographie byzantine». Вывести такое исключительное правило изъ Аѳонскаго подлинника, принадлежащаго по редакціи своей къ началу XVII вѣка, неосновательно; тѣмъ болѣе, что г. Тилезіусъ могъ видѣть изъ приведенныхъ мною памятниковъ (Извѣстія Имп. Археол. Общества IV.) сколько встрѣчается такихъ, на которыхъ голубь летитъ головою вверхъ. Если бы я не остановился въ своемъ исчисленіи на X вѣкѣ, то могъ бы ихъ привести гораздо болѣе, потому что въ послѣдующихъ столѣтіяхъ они гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ первыхъ. Сверхъ того надо тутъ замѣтить, что русская иконографія, происходя отъ византійской, почерпала въ ней тѣ правила, которыхъ она придерживалась до наводненія Россіи тѣмъ западнымъ вліяніемъ и западными художниками, которые измѣнили у насъ иконопись и создали такъ называемую фряжскую школу. До этого времени говорю я, т. е. почти до начала XVII вѣка, *на всѣхъ писанныхъ и литыхъ иконахъ голубь, хотя и въ смыслѣ нисходящаго Св. Духа, постоянно изображался летящимъ головою вверхъ*, или *правильнѣе изображался бокомъ съ поднятою вверхъ головою.* Но оставимъ этотъ вопросъ иконографическій и перейдемъ къ тому, какъ г. Тилезіусъ объяснитъ загадочную фигуру монетъ Владиміра и Ярослава. Со времени Константина великаго, говоритъ онъ, на монетахъ часто помѣщалось изображеніе знамени labarum съ монограммою креста. Подобное знамя, которое могло въ Россіи имѣть форму нашихъ церковныхъ хоругвій, принято было на монеты русскія, въ подражаніе обычаю византійскихъ монетныхъ дворовъ. Предположеніе г. Тилезіуса намъ кажется правдоподобнѣе нашего, на томъ въ особенности основаніи, что у него помѣщается вся хоругвь и даже часть древка, между тѣмъ какъ отъ дикаиніона, мы только видѣли одну верхнюю часть безъ всякого слѣда остальной части скипетра.

гр. А. У.

Die Rusalien, ein Beitrag zur slavischen Mythologie, von Dr. Franz Miklosich, Вѣна, 1864.

Эта небольшая брошюра, посвященная вопросу о древнемъ празднествѣ, извѣстномъ подъ названіемъ *русалій*, можетъ быть небезполезна для изслѣдователей старины по тѣмъ обстоятельно-собраннымъ указаніямъ памятниковъ, въ которыхъ встрѣчается означенное имя, и отчасти потому, что въ ней сообщено нѣсколько новыхъ пѣсень, записанныхъ въ сандомскомъ и коломійскомъ округахъ. Значеніе же празднества не толь-

но не пояснено надлежащимъ образомъ, но и самый вопросъ о немъ поставленъ невѣрно. Авторъ съ непонятною смѣлостью отрицаетъ всякую связь «русалій» съ народными повѣрьями о русалкахъ и въ этихъ послѣднихъ наклоненъ видѣть — не преданіе глубокой старины, а созданіе досужей фантазіи позднѣйшаго времени. Увлекаясь созвучіемъ словъ, Миклошичъ объясняетъ русальи — праздникомъ розы, получившей въ католическомъ мірѣ особенное религіозно символическое значеніе, почему Троицынъ день (время, около котораго совершались русальи) назывался pascha rosata, Rosensonntag, Rosenostern, Rosenfest. Такой легкій способъ рѣшать трудные вопросы древности далеко не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки, требующей и болѣе осторожнаго обращенія съ филологическими задачами и сравнительнаго изученія однородныхъ преданій и повѣрій у всѣхъ родственныхъ народовъ. Съ этимъ вмѣстѣ Миклошичъ долженъ былъ отвергнуть и всѣ выводы, сдѣланные знаменитымъ Шафарикомъ въ статьѣ его о русалкахъ, напечатаной въ „Часописи чешскаго музея". Хотя трудъ Шафарика и страдаетъ односторонностью (онъ видитъ въ русалкахъ *только* водяныхъ нимфъ), но за то разработанная имъ сторона вопроса никогда не утратитъ своего ученаго достоинства. На труды нашихъ ученыхъ Миклошичъ не обратилъ должнаго вниманія, и, опуская изъ виду указанныя въ нихъ свидѣтельства о связи русалокъ съ эльфами, валькиріями, вилами и душами усопшихъ, значительно облегчилъ свою работу; но что́ легко создается—то и непрочно!

А. Аѳ.

Краткое извѣстіе о племенахъ, въ разное время населившихъ нынѣшнія губерніи Московскаго учебнаго округа. Статья И. Д. Бѣляева. М. 1864. 16°. 23 стр.

Брошюра г. Бѣляева есть отдѣльный оттискъ изъ 3-го протокола засѣданій Московскаго Общества любителей Естествознанія. Заносимъ ее въ библіографическую лѣтопись не ради ея внутренняго достоинства: она не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ прежнимъ свѣдѣніямъ, да—кажется—не имѣетъ и притязанія на это; но ради предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Сначала авторъ приводитъ общеизвѣстныя сказанія лѣтописцевъ, арабскихъ путешественниковъ и скандинавскихъ сагъ о племенахъ, издревле обитавшихъ на сѣверо-востокѣ Россіи, потомъ обращается и къ археологическимъ раскопкамъ, произведеннымъ въ этой области и изъ нихъ выводитъ подкрѣпленіе для мысли, что до пришествія Славянъ здѣсь жили племена финно-чудскаго происхожденія. Мысль вѣрная, но не новая; а главное—даже и доказываемая не совсѣмъ научнымъ способомъ: авторъ упустилъ изъ виду такой важный и рѣшительный въ этомъ историко этнологическомъ вопросѣ матерьялъ, какъ народныя названія мѣстностей края. На высокую важность — топографскихъ и орографическихъ именъ, названій городовъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, горъ и т. д. для исторической этнологіи было указано еще въ началѣ текущаго столѣтія Востоковымъ и Кеппеномъ, богатые матерьялы собралъ Ходаковскій, а позднѣе Надеждинъ пытался воспользоваться ими для возстановленія первобытной географіи русскаго міра. Опытъ нѣсколько преждевременный, но не совсѣмъ неудачный. Теперь, по изданіи въ свѣтъ списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи—слѣдовало бы снова пересмотрѣть и освѣтить мыслію какъ накопившійся матерьялъ, такъ и прежніе опыты. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ этого много выиграла бы наука этнологіи русскаго сѣвера. Г. Бѣляевъ совершенно обходитъ этотъ вопросъ: можетъ

быть такъ и слѣдовало поступить, имѣя въ виду лишь *краткое извѣстіе* о племенахъ, населявшихъ въ древнее время сѣверовосточную часть Россіи, но рецензентъ не можетъ пройти молчаніемъ такого пробѣла уже и потому, чтобы впредь его не случилось въ *подробномъ*. Также трудно согласиться съ авторомъ и на счетъ быстрой славянизаціи финно-чудскихъ народцевъ: по его понятіямъ все дѣло перехода одной народности въ другую совершилось очень скоро, рецензентъ же позволяетъ себѣ думать, что *такое утвержденіе —слишкомъ скоро* и не можетъ быть оправдано ни историческими свидѣтельствами, ни иными какими либо доказательствами. Относительно раскопокъ, произведенныхъ въ предѣлахъ губерніи московскаго учебнаго округа, можно замѣтить, что г. Бѣлневъ напрасно ограничиваетъ ихъ числомъ 2-хъ: ихъ было гораздо болѣе, такъ извѣстны раскопки, произведенныя г. Иванишевымъ въ селѣ Успенскомъ (въ 30 верстахъ отъ Москвы) и опубликованныя въ „древностяхъ“ Кіевской временной коммиссіи, раскопки г. Гатцука (см. газ. „Голосъ“ 1864, № 4“) въ подольскомъ уѣздѣ, наконецъ—*вторые* Звенигородскіе (1845 г.) раскопки покойнаго Черткова, описанныя имъ въ 1-мъ томѣ „Записокъ“ археологическо-нумизматическаго петербургскаго общества. Нѣкоторые выводы автора, основанные на сближеніи извѣстій Ибнъ-Фослана съ результатами бронницкой раскопки, не менѣе прочаго могутъ подлежать спору, такъ какъ никто до сихъ поръ строгимъ научнымъ образомъ не осматривалъ этнологіи Ибнъ-Фослановыхъ Руссовъ.

А. Кт.

Виленскій вѣстникъ, газета оффиціальная, политическая и литературная, издаваемая подъ редакціею А. Киркора. 1864 г.

Виленскій вѣстникъ, хотя вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру политической газеты, но составляетъ пріятное исключеніе между такими періодическими изданіями. Наши политическія газеты до такой степени завлекаются политикою, и въ особенности иностранною, что остальная часть ихъ заглавія: „и литературная“ остается одною пустою прикрасою. Литературная часть такихъ газетъ обыкновенно содержитъ или политическія статьи о неинтересныхъ личностяхъ или о менѣе еще любопытныхъ происшествіяхъ, коихъ вся минутная важность немедленно изчезаетъ отъ мимолетнаго ихъ значенія. Другія подобныя газеты подъ литературнымъ отдѣломъ разумѣютъ статьи такого обыденнаго реализма, что сдѣлали бы лучше, и въ особенности—правдивѣе если, откинувъ всякую литературную вывѣску, написали бы чистосердечно: „газета политическая и реальная“. Наперекоръ такому направленію Виленскій вѣстникъ, не только не забываетъ литературную часть своего изданія, но даже придалъ этой части самые обширные объемы, включивъ въ него статьи историческія и даже археологическія. Такое пониманіе потребностей своихъ читателей, придаетъ Виленскому вѣстнику особый своеобразный отпечатокъ, рѣзко отличающій его отъ остальной его собратіи; и, благодаря этому литературному отдѣлу, даже живя въ столицѣ, вы съ удовольствіемъ читаете Виленскій вѣстникъ и съ удивленіемъ видите, что это не блѣдный, фотографическій отпечатокъ столичныхъ газетъ. Виленскій вѣстникъ съ его историческими и археологическими статьями о любопытныхъ мѣстностяхъ западнаго края можетъ заинтересовать каждаго неравнодушнаго къ состоянію и къ исторіи нашихъ западныхъ губерній, такъ мало еще извѣстныхъ у насъ. Изъ историческихъ статей, помѣщенныхъ

въ виленскомъ вѣстникѣ мы укажемъ на слѣдующія: пребываніе Петра I въ Вильнѣ А. А. Киркора (№ 12 и другіе), историческія замѣтки о Литвѣ П. В. Кукольника (съ № 12), Елена Іоанновна в. кн. Литовская и королева Польская А. Киркора (съ № 23), подробная біографія дочери Іоанна III, супруги Александра Ягеллоновича; Екатерина II въ Бѣлоруссіи въ 1780 году (№ 47); борьба православныхъ съ Уніею въ Минскѣ; сѣверо-западныя губерніи (съ 125 го №) и пр. пр. Перейдемъ теперь къ археологическимъ статьямъ, составляющимъ главный предметъ нашего разбора.

Коложа (№ 17, 18, 19) широкая полоса земли между Нѣманомъ и западнымъ Бугомъ служила мѣстомъ столкновенія Ятвяговъ съ Русинами. Тутъ, на сѣверномъ рубежѣ этой полосы, стоитъ *Городъ*, *Городко* или *Городень*, въ древности славянское укрѣпленное мѣсто, обведенное валомъ и глубокимъ рвомъ. При Владимірѣ святомъ, между прочими удѣльными княжествами, образовалось и княжество Городненское. Отъ 1054 до 1078 земли между Нѣманомъ и Наревомъ принадлежали Ярославу I (Нарбутъ III, 228) а въ 1132 году Мстиславъ напалъ на Литву „со стороны Гродна“ и ему сопутствовалъ между прочими удѣльными князьями и Всеволодъ Городненскій. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія мы находимъ въ ипатьевской лѣтописи подъ 1120 годомъ. По смерти Всеволода Давыдовича (1142 г.) удѣлъ городненскій достался его сыновьямъ Борису и Глѣбу, которымъ приписывается постройка Коложской церкви. Самое названіе этой мѣстности, *Коложа*, происходитъ, по мнѣнію изслѣдователя Гродненскихъ древностей Игнатія Кулаковскаго, отъ Псковскихъ выходцевъ пригорода Коложе, поселившихся близъ Гродна въ 1406 г. при вел. князѣ Витовтѣ. (Карамзинъ V. 107). Церковь св. Бориса и Глѣба на Коложѣ построена на правомъ, высокомъ берегу рѣки Нѣмана и рѣчки Городничанки. Богослуженіе въ этой церкви продолжалось до 1845 года, когда отъ сильнаго и постояннаго напора воды, гора, подмываемая въ продолженіи VII столѣтій, значительно обрушилась и въ стѣнахъ церкви показались трещины. Наконецъ, Нѣманъ, безпрепятственно продолжая подмывать берегъ, весною 1853 году обрушилъ значительную часть стѣны, и теперь еще этотъ памятникъ зодчества XII вѣка стоитъ полуразрушеннымъ. Коложская церковь имѣетъ двойныя стѣны, изъ которыхъ внутренняя замѣчательна *голосниками*, вставленными по всюду. Голосники положены горизонтально, отверстіями во внутрь и связаны между собою кирпичемъ и цементомъ. Между внутреннею и внѣшнею стѣнами проходитъ узкій корридоръ. Эти двойныя стѣны, эти многочисленные голосники дѣлаютъ изъ Коложской церкви памятникъ не только въ высшей степени любопытный по древности своей, по также и по архитектурѣ, такъ что необходимо для Виленской археологической коммиссіи позаботиться о снятіи вѣрнаго плана съ этой церкви, въ особенности теперь, передъ ея возобновленіемъ. Кромѣ плана, найдутся вѣроятно и нѣкоторые скульптурныя детали, принадлежащія можетъ быть къ первоначальной постройкѣ храма.

Свято-Троицкій монастырь въ Вильнѣ (№ 35), — Троицкій монастырь, основаный въ половинѣ XIV вѣка Іуліаною, княжною тверскою, супругою в. кн. Ольгерда, выстроенъ былъ изъ дерева, но въ 1514 году, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій воздвигнулъ, на мѣсто первоначальныхъ зданій, каменный монастырь съ церковью. Въ 1609 году, по повелѣнію Сигизмунда III, монастырь переданъ латинскими монахами Базиліанамъ; такъ что можно приписать этому времени и позднѣйшимъ еще возобновленіямъ уничтоженіе древнѣйшихъ монастырскихъ построекъ. Теперь въ главной церкви сохранилась только одна икона Пр.

Богородицы Одигитріи, древняго греческаго письма, привезенная въ 1493 году Еленою Іоанновною. Изъ надгробныхъ камней любопытна гробница виленскаго бурмистра Янсея Федоровича Браги 1575 года и сына его Антонія.

Церковь Пр. Богородицы въ Новогрудкѣ. (№ 37, 38, 39, 40, 41, 42). Въ воскресенской лѣтописи читаемъ: „Въ лѣто 6552 (1044) ходи Яро„славъ на Литву, а на весну заложи Новгородъ и сдѣла ій". Къ этому же времени г-нъ Киркоръ относитъ основаніе церкви Пр. Богородицы, на томъ основаніи, что когда ставили городъ, первою обязаностью было воздвигать и храмъ. Даже постройка самой церкви приписывается авторомъ иностраннымъ художникамъ, призываемымъ въ Россію съ запада для постройки храмовъ и другихъ зданій. Бросивъ бѣглый взглядъ на правленіе Миндовга, Войшелка, Шварна Даніиловича и другихъ князей въ Новогрудкѣ, авторъ упоминаетъ объ извѣстномъ соборѣ 1414 года, засѣдавшемъ въ церкви Пр. Богородицы, которая съ этого времени возведена была въ соборную церковь, и служила сѣдалищемъ для митрополитовъ, обитавшихъ, (подъ названіемъ Кіевскихъ) почти постоянно съ 1415 до 1637 года, въ Новогрудкѣ. Сдѣлавшись въ 1595 году уніатскою церковью, храмъ Пр. Богородицы остался безъ поправокъ, началъ разрушаться, и только въ 1630 возобновленъ и занятъ монахами базиліанцами. Въ 1660 году этотъ древній храмъ встрѣчается уже подъ именемъ Борисо-Глѣбскаго. Теперь положено возстановить эту древнюю церковь, сильно пострадавшую отъ времени; но изложивъ довольно подробно исторію церкви Пр. Богородицы, авторъ, къ сожалѣнію, не описываетъ намъ, что доселѣ сохранилось отъ первоначальной постройки, храма и какія въ немъ хранятся древности.

Столбъ Владиміра Васильковича въ Каменцѣ Литовскомъ (№ 43, 44), въ Брестскомъ уѣздѣ гродненской губерніи въ 23 верстахъ отъ Бреста. Каменецъ былъ основанъ въ 1276 году княземъ волынскимъ Владиміромъ (Іоанномъ) Васильковичемъ; и лѣтописецъ сохранилъ намъ подробное описаніе этого происшествія. (Волынская лѣт. Полн. собр. II, 222). Долго искали мѣсто для основанія города „и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣ„ки Льсны и отреби его и сруби городъ и нарече ему имя Каменецъ, „зане бысть земля камена.... и церковь постави Благовѣщенія и украси „ю иконы златыми и съсуды скова служебные сребрены." Одновременно съ основаніемъ города Владиміръ заложилъ и укрѣпленую башню: „Създа въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженей, подобенъ удивле„нію всѣмъ зрящимъ нань." Исторія этого города, сначала процвѣтавшаго подъ властью князей Волынскихъ, такъ наполнена войнами и пожарами, что при Янѣ-Казимірѣ, городъ доведенъ до окончательнаго упадка. Доселѣ Каменецъ, какъ совершенно разореное мѣстечко, перестадъ быть уѣзднымъ городомъ, и вошелъ въ составъ брестскаго уѣзда; и въ немъ отъ всего прошедшего сохранилось только одно — столбъ князя Владиміра. То, что лѣтописецъ назвалъ „*столпъ камень*" есть круглая башня, имѣющая 16 сажень высоты и столько же сажень въ окружности, съ зубчатымъ верхомъ, съ узкими окнами въ видѣ амбразуръ и съ обширными погребами въ основаніи. Доселѣ уцѣлѣли полуразрушенные своды, завершающіе зданіе, а внутри, даже видны дубовыя ступени лѣстницы, ведущей къ этимъ сводамъ. Точно такая же башня была воздвигнута этимъ же княземъ Владиміромъ въ Брестѣ, но, къ сожалѣнію, она давно разрушена. Судя по сохранившимся остаткамъ, можно заключить, что въ древнѣйшія времена *столбами* назывались сторожевыя башни для наблюденія за непріятелемъ. — Мы не можемъ не присоединиться къ высказан-

вому г. Киркоромъ желанію, чтобы обратили бы вниманіе на эту башню и спасли бы отъ окончательнаго разрушенія единственный, можетъ быть, памятникъ русскаго военнаго зодчества XIII вѣка.

Шейбакъ поле (№ 46). Такъ называется равнина въ 35 верстахъ отъ Лиды, въ Виленской губерніи. Тутъ же находится и деревня Шейбаки. Названіе и поля и деревни, по мнѣнію А. А. Киркора, происходили отъ Шейбана, Шибана или Шейбака, брата Батыева, разбитаго на этомъ мѣстѣ въ 1242 году Литовско-Русскими князьями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Шейбакъ-полѣ, найденъ камень, съ вырѣзаннымъ на немъ рисункомъ и надписью. Тутъ были изображены стрѣла, человѣческая голова, лошадиная голова, лошадиный остовъ съ сѣдломъ и пр. Кромѣ этихъ изображеній стояло имя: Сибанъ, годъ 6750 (1242) знакъ мѣсяца іюня съ числомъ. Этотъ любопытный камень, одинъ изъ малочисленныхъ памятниковъ съ славянскою надписью XIII вѣка, къ счастью срисованъ былъ Нарбуттомъ, потому что вскорѣ потомъ уничтожили эту надпись, обтесали камень и употребили вмѣсто могильной плиты. На Шейбакъ-полѣ, находится обширное городище въ 142 шага поперечника и высокій курганъ, доселѣ еще неразрытый. —

Камни Бориса Всеволодовича и Василія Борисовича (№ 56). Въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, въ семи верстахъ отъ города Дисны, на пути въ Дрину, въ рѣкѣ Двинѣ лежатъ камни съ надписями, на которые въ свое время покойный Кѣппенъ старался обратить вниманіе цѣнителей отечественной старины. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, П. И. Кѣппенъ показывалъ мнѣ не совсѣмъ хорошій рисунокъ съ этихъ камней и изъявлялъ сожалѣніе, что доселѣ не сняли рисунокъ или фотографію съ этихъ важныхъ памятниковъ. Кромѣ извѣстія Кѣппена, мы не имѣемъ никакого подробнаго изслѣдованія о двинскихъ камняхъ; и сдѣлать подобное изслѣдованіе остается обязанностью виленской археол. коммисіи. Будемъ надѣяться, что она скоро займется этимъ важнымъ для нашей исторіи вопросомъ. Одинъ камень, поставленный въ 1102 княземъ минскимъ Борисомъ Всеволодовичемъ, находится въ Двинѣ близь Десны. Другой камень, извѣстный подъ именемъ Рогволодова, находится въ Могилевской губерніи, между мѣстечкомъ Кохановомъ и городомъ Оршею, въ 7 верстахъ отъ перваго и въ 19 отъ послѣдняго, въ полуверстѣ отъ московской почтовой дороги, на лѣвой сторонѣ, на землѣ графини Воронцовой, недалеко отъ деревни Листиново. Онъ поставленъ былъ въ 1171 году княземъ Рогволодомъ (Василіемъ) Борисовичемъ. Третій камень лежитъ также въ Двинѣ въ 5 верстахъ отъ Полоцка, вблизи имѣнія Герохты; на немъ написано имя князя Бориса. Сверхъ того, говорятъ, что находится нѣсколько подобныхъ камней въ Двинѣ, съ такими же надписями. Вотъ памятники, о которыхъ, прежде всего, должны позаботиться ученые археологи Вильны.

Заславъ (№ 58 — 62). Въ западныхъ губерніяхъ есть два *Заслава*: уѣдный городъ волынской губерніи и небольшое мѣстечко минской губерніи, лежащее въ 30 верстахъ къ сѣверу-западу отъ Минска. Оба эти города были столицами русскихъ удѣльныхъ княжествъ и до XIV столѣтія, по имени своихъ первыхъ владѣтелей назывались *Изяславлями;* но А. А. Киркоръ занялся исторіею и древностями одного Заслава Минскаго.

По сказанію лѣтописца, въ послѣдніе годы княженія Святослава, Полоцкая область принадлежала варягу Рогволоду, пришедшему изъ-за моря; дочь этого Рогволода, Рогнѣда была посватана за Ярополка Святославича. Рогнѣда, спасенная сыномъ своимъ Изяславомъ отъ гнѣва Владиміра, получила въ удѣлъ полоцкую область, а въ честь малолѣтнаго Изяслава,

Владиміръ въ 986 году основалъ городъ и назвалъ его *Изяславлемъ*. Послѣ Изяслава Владиміровича, Полоцкимъ княжествомъ управляли его потомки, а въ послѣдствіи перешло во владѣніе младшей линіи изъ дома Владиміра святаго. Съ 1159 года Изяславль болѣе неупоминается въ лѣтописяхъ, и имя его, искаженное въ Заславъ, проявляется опять въ XIII столѣтіи. Въ XVI вѣкѣ послѣдняя отрасль князей Заславскихъ, Анна Ѳедоровна выдана замужъ за виленскаго воеводу Ивана Глѣбовича и этимъ бракомъ внесли въ его родъ право на обладаніе Заславомъ, а въ концѣ XVII вѣка Заславъ перешолъ Сапѣгамъ, которые стали именоваться графами Быховскими и Заславскими. Заславъ теперь почти совершенно потерялъ всѣ слѣды того времени, когда онъ былъ столицею удѣльнаго княжества. Остались однѣ земляныя части его укрѣпленій, древняя башня и ворота княжескаго замка. Эти укрѣпленія были построены на ея правомъ берегу рѣчки Свислочи; на югѣ и сѣверѣ текутъ небольшіе ручьи Княгинька и Черница, такъ что Изяславль возвышался на обмываемомъ съ трехъ сторонъ рѣками, болотистомъ пространствѣ. Сохранившаяся шестиэтажная башня напоминаетъ Владиміровъ столбъ въ Кальянцѣ и можетъ быть послужила ему образцемъ. Всѣ развалины вмѣстѣ свидѣтельствуютъ о существованіи двухъ большихъ укрѣпленій съ сильными бастіонами.

О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси (№ 112 и 113). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено начало археологическихъ изслѣдованій нашего дѣйствительнаго члена, графа Константина Тышкевича—о древнѣйшихъ памятникахъ славянъ, т. е. о городищахъ и курганахъ. Первая часть этихъ изслѣдованій издана отдѣльною брошюрою въ 1859 году, подъ заглавіемъ: Wiadomosć historyczna o zamkach na Litwie i Russi Litewskiej. Wilno. Въ ней описывались городища и окопы; а предметомъ этихъ новыхъ изслѣдованій исключительно будутъ курганы или могильныя насыпи. Ученый нашъ сочленъ первымъ словомъ своего труда ярко обозначилъ важность и значеніе этихъ древнихъ насыпей. „За предѣлами письменности,— на коей созидается и опирается исторія, куда едва можетъ проникнуть мысль человѣческая, и гдѣ она свободно шагаетъ по земляннымъ насыпямъ, по заповѣднымъ рощамъ, по древнимъ могиламъ, и изъ нихъ дѣлаетъ менѣе или болѣе правдоподобные выводы о прошедшемъ страны; — тамъ начало археологіи и въ этой сферѣ ея господство. Могилы праотцевъ служатъ основой для науки.“ Потомъ онъ переходитъ къ земляннымъ насыпямъ („Науку о нихъ называютъ *кипокалькею*, отъ литовскихъ словъ *кипе* сыпать и *калнъ-калн* гора) и раздѣляетъ ихъ на четыре разряда: a) укрѣпленные замки, b) жертвенныя городища, c) окопанныя судилища и d) курганы. Авторъ приводитъ различныя мнѣнія о происхожденіи слова: курганъ; и раздѣляетъ эти насыпи на пять классовъ: 1) курганы одинокіе или отдѣльные могилы вождей или старѣйшинъ народныхъ; 2) курганы сгруппированные, означающіе военныя побоища; 3) курганы сторожевые; 4) дорожные и 5) курганы могильные. Многолѣтняя опытность графа Тышковича ручается намъ за важность для отечественной археологіи предпринятаго имъ труда.

О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи (№ 131). Авторъ (А. С.) приводитъ три образца пѣсней, сохранившихся въ народѣ. Эти пѣсни, какъ живыя преданія, показываютъ намъ, какъ доселѣ еще памятны народу перенесенныя имъ страданія. Одна пѣснь сложилась въ XVI столѣтіи, когда, по совѣту кардинала Гозіуша, Криштофъ Радзивилъ въ 1584 году водворилъ въ Несвижѣ Іезуитовъ. Вторая, на малороссійскомъ языкѣ, относится къ эпохѣ казацкихъ войнъ 1648 года, когда поляки зарѣзали и потопили

въ рѣкѣ Пинѣ 14,000 пинскихъ жителей, которыхъ полковникъ Небаба не успѣлъ спасти. Наконецъ, третья пѣсня ясно указываетъ намъ на половину XVI вѣка, когда уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй, избралъ Новогрудокъ и Ляховичи, какъ главныя основанія для своей дѣятельности въ пользу уніи.

Кромѣ этихъ археологическихъ статей, въ виленскомъ вѣстникѣ постоянно печатаются отчеты засѣданій археологической комиссіи, по которымъ можно слѣдить за дѣятельностью общества.

Окончивъ нашъ обзоръ статей, помѣщенныхъ въ виленскомъ Вѣстникѣ 1864 года, мы не можемъ не обратить вниманія и на тѣ нумера Вѣстника, которые вышли въ этомъ году. Хотя всего прошло только три мѣсяца, но можно уже замѣтить, что, кромѣ двухъ статей «о жмудскихъ книгахъ» и «Слуцкій Свято-Троицкій монастырь въ Минской губерніи», мы не встрѣчаемъ еще такихъ археологическихъ изслѣдованій, какими такъ изобиловалъ виленскій Вѣстникъ прошедшаго года. Можетъ быть мы слишкомъ рано дѣлаемъ это замѣчаніе; намъ могутъ возразить, что по тремъ мѣсяцамъ трудно судить о полномъ годовомъ изданіи. Но мы сдѣлали это замѣчаніе, потому что искренно бы сожалѣли если въ Вѣстникѣ этого года, не появится такихъ статей, которыя подвигая нашу отечественную археологію, сообщаютъ намъ драгоцѣнныя матеріалы для познанія древностей западнаго края. Да проститъ намъ почтенная редакція это замѣчаніе, которое съ нашей стороны можетъ только свидѣтельствовать ей о полномъ нашемъ сочувствіи къ ученымъ ея трудамъ по части русской археологіи.

гр. А. У.

МАТЕРЬЯЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Аполинъ, имя, встрѣтившееся донынѣ только въ одной рукописи: Поученіе къ духовнымъ дѣтямъ, изъ которой г. Срезневскій сообщаетъ въ статьѣ своей о Роженицахъ (Архивъ Историч. и Юридич. свѣдѣній, Калачева, ч. 2, отд. 1, стр. 114) слѣдующій отрывокъ: «Оуклоняйся пред Бг҃омъ невидимымъ: молящихъ ч҃лкъ родоу и роженіцам, переноу и аполиноу, и мокоши, и перегини и всякимъ бг҃омъ мерзкимъ требамъ не приближайся». Весьма вѣроятно, что это имя Аполлона, поставленое здѣсь въ замѣнъ Хорса или Дажбога, которые у Нестора и другихъ нашихъ лѣтописяхъ непосредственно слѣдуютъ за Перуномъ въ исчисленіи божествъ Кіевскаго холма. Что Хорсъ и Дажбогъ божества солнца, не подлежитъ нынѣ никакому сомнѣнію; почему это замѣненіе ихъ именъ латинскимъ божествомъ солнца весьма легко объясняется, и примѣры подобныхъ смѣшеній не рѣдко встрѣчаются и въ другихъ духовныхъ сочиненіяхъ нашей старины.

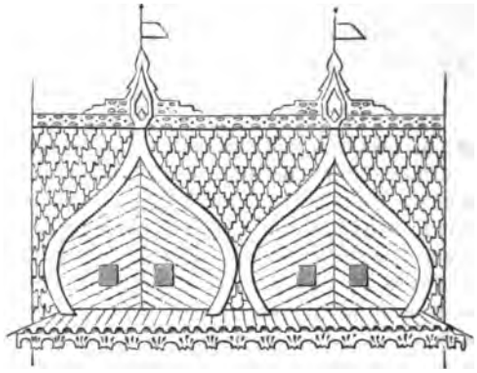
Д. Ш.

Аспидъ, змѣй, о которомъ въ Азбуковникѣ, изданномъ Сахаровымъ, находимъ слѣдующій любопытный расказъ: «Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и 2 хобота, а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камени. Обояницы, пришедши обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжигаютъ клещи. Еда бо заиграютъ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ и начинаетъ биться. Человѣцы же, ухвативши ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клѣщи ни едины, но двои и трои, и такъ сожжена клѣщами умираетъ". Основная черта всѣхъ многоразличныхъ описаній Аспида и Аспика, въ средневѣковой литтературѣ Запада—баснословное свойство этого змѣя охранять себя отъ усыпляющихъ его чародѣйскихъ наговоровъ, музыки и пѣнія тѣмъ, что одно свое ухо зарываетъ въ землю или наполняетъ грязью, другое же хвостомъ своимъ затыкаетъ, эта сказка подаетъ поводъ набожнымъ сочинителямъ бестіарій сравнивать Аспида съ человѣкомъ, заглушающимъ голосъ совѣсти и остающимся глухимъ передъ словами священнаго писанія. Главнымъ источникомъ подобныхъ разсказовъ и толкованій слова VII псалма: „Ярость ихъ по подобію зміину, яко аспида глуха и затыкающаго уши своя, иже не услышитъ гласъ обовающаго." Бл. Августинъ прямо выражаетъ убѣжденіе, что змѣй болѣе другихъ животныхъ способенъ къ очарованіямъ колдуновъ, послуживши самъ, соблазномъ рѣчей своихъ, къ

искушенію нашихъ первыхъ прародителей. И донынѣ многіе вѣрятъ, въ особенности на Востокѣ, въ возможность усмирять змѣй нашептываніемъ извѣстныхъ заговоровъ. По текстамъ французскихъ и латинскихъ бестіарій, большею частію—упоминается только о гласѣ обовающаго, „at audiant vocem incantantis potus capita sua in terris; „но по другому разсказу:“ li weneor portent estrumens avec ils, de mainte maniere et les font soner por lui endormir“ Цѣль же усыпленія Аспида, необъясненная въ русскомъ описаніи его ловли, по западнымъ преданіямъ двоякая: этотъ звѣрь охраняетъ бальзамное дерево и никого не допускаетъ сбирать душистый бальзамъ; а по другому преданію, онъ на лбу своемъ носитъ камень, называемый карбункулъ, отъ слова carbo-уголь, carbunculus—сортъ рубина, о которомъ прежде полагали, что онъ свѣтится во мракѣ (Dict. de l'Academie Franç.).

Д. Ш.

БОЧКА, *крыто бочкою*. Такъ называлась въ деревянномъ зодчествѣ кровля, устроенная въ видѣ положенной надъ зданіемъ бочки. Если строеніе имѣло квадратное основаніе, то кровлю сводили въ двѣ бочки, *крыли бочками*, положенными крестъ-на-крестъ, причемъ на срединѣ этого креста ставили *шатрикъ* или главу, если то была кровля церковная. Обрѣзы



бочекъ или ихъ концы естественнымъ образомъ составляли фронтоны или кокошники зданія. Верхняя сторона бочкообразной кровли для стока воды, всегда выводилась или обшивалась, въ стрѣлку, ребромъ, по которому обыкновенно клали *гребень* т. е. прорѣзную узорами доску, служившую не малымъ украшеніемъ кровли. Обдѣланная такимъ образомъ кровля—бочка въ своемъ обрѣзѣ или отрѣзѣ изображала ту, очень извѣстную архитектурную часть, которая въ каменномъ зодчествѣ обозначалась именемъ *закамары*. (См. это слово). Бочкою, одною или нѣсколькими въ крестообразной связи, покрывались большія хоромы, какъ напримѣръ хоромы царя и царицы въ Коломенскомъ дворцѣ. Но чаще бочка употреблялась на кровляхъ крыецъ, воротъ, также, въ малыхъ размѣрахъ, въ устройствѣ кіотовъ, для чудотворныхъ иконъ, въ устройствѣ сѣни надъ жертвенниками, въ устройствѣ царскихъ сѣдальныхъ мѣстъ (напр. въ Коломенской церкви Вознесенія) и т. п. Такъ въ 1628 году, Патріархъ Филаретъ Никитичъ „указалъ левкасити и писати и золотить въ соборной церкви Успенія въ алтарѣ надъ

жертвенникомъ кровлю деревянную, *что сдѣлана бочкою*". Эта кровля называется и прямо *бочкою*. „Ноября 29, дворцовой сторожъ Баженко Потаповъ (съ плотниками) сдѣлалъ въ доскахъ *подволоку* надъ жертвенникомъ у *бочки*". „Иконописцы писали надъ жертвенникомъ *кіотъ* деревянной *бочкою*". (Расходная книга казеннаго патріаршаго приказа 7127 г.. № 3, въ Архивѣ Мин. Юстиціи.) Нѣкоторые археологи называютъ эту архитектурную форму, то есть кровельную бочку, *бочко́мъ*, отъ слова *боч о́къ*. Дѣйствительно выраженіе: *крыто бочками*, чаще встрѣчающееся въ старинныхъ описяхъ, можетъ дать поводъ толкованію, что здѣсь разумѣются не *бо́чки*, а *бочкѣ*, но приведенный текстъ раскрываетъ вполнѣ, что такое толкованіе ошибочно. Приводимъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ еще нѣсколько текстовъ изъ описей XVII и началѣ XVIII ст.—Въ Коломенскомъ дворцѣ (Дом. Бытъ Рус. Царей т. 1.):

Надъ всходомъ къ верхнему рундуку крыто *бочками*. (стр. 362).

Надъ передними хоромами крыто по *бочкамъ* чешуею, надъ *бочками* два прапора.

Надъ переднимъ крыльцомъ шатеръ да *двѣ бочки*, крыто чешуею.

Надъ нижнимъ рундукомъ въ срединѣ *бочки* и межъ *бочекъ* шатрикъ... (367).

Къ комнатамъ государыни царицы крыльцо двоевсходное: надъ нижнимъ рундукомъ *бочки* на столбахъ рѣзныхъ — *бочки* крыты чешуею; на второмъ всходѣ два столба рѣзные, *двѣ бочки* крыты чешуею... (368).

Изъ чердака ходъ въ чердакъ, что крытъ *бочкою*.... *бочка* крыта чешуею... (370).

Съ крыльца на нижній рундукъ крыто *бочкою* досками... (373).

Крыльцо.... крыто *бочкою* тесомъ. (373).

Надъ вороты и надъ калиткою крыто по *бочкамъ* чешуею. (383.)

Въ Измайловскомъ дворцѣ: Надъ переднею лѣстницею надъ нижнимъ рундукомъ крыто *бочками*... (388).

Въ хоромахъ... надъ окны, кои въ кровляхъ, сдѣлано *бочками*, чещуею... (392).

Въ кровлѣ девять оконъ красныхъ, а надъ окнами кровли *бочками* учинены. (393).

Въ Вологодскомъ монастырѣ.... „церковь Чудотворца Николая деревянная, покрыта тесомъ, глава и *бочки* покрыты чешуею.." (Опись 1690 года). См. также текстъ въ слову: *Закамара*, на стр. 6.

И. З.

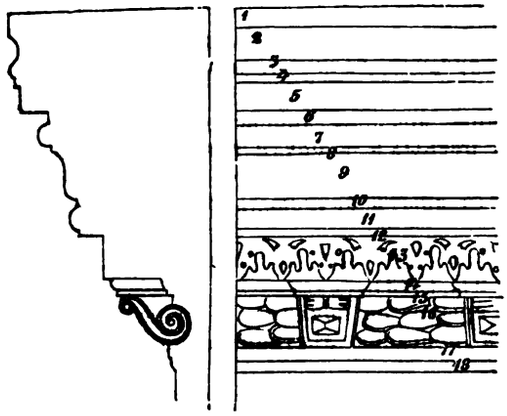
вѣко, Въ толковомъ словарѣ Даля (стр. 154) *вѣко*, *вѣко* или *вёко* означаетъ невысокую круглую лубочную коробку, или также чашку для валянія хлѣбовъ. *Вѣчко* есть косой ящикъ подъ стекломъ для выставки или розноски мелкихъ товаровъ. Въ Смоленской губерніи (Опытъ област. великор. словаря) *Вѣко* означаетъ лубовую крышу. Въ древнія времена вѣко было преимущественно металлическій сосудъ, употребленіе котораго ясно опредѣляется изъ описи вологодскаго архіерейскаго дома (Извѣстія Им. Арх. Общества. V. стр. 103). На Архіерейскомъ погребѣ было: „*вѣко* мѣдное большое, полужено, вѣсомъ въ немъ 25 гривенокъ; а то вѣко живетъ у архіепископа вверху; в лѣтнее время держутъ в немъ квасъ во лду."

Они были, смотря по употребленію, или круглыя или продолговатыя: „*Вѣко* мѣдное долгое, порожное. *Вѣко* мѣдное круглое, карасье. В обоихъ вѣсу 14 гривенокъ." (ibidem. стр. 112.) „*Вѣко*, мѣдное коробчатое „в три ведра, вѣсомъ 19 гривенокъ" (стр. 113.) Въ хлѣбнѣ было: „*вѣко* „мѣдное, въ немъ грѣютъ воду."

Вѣко вѣроятно въ видѣ плетеныхъ корзинокъ: „Двои сутки столовые, „оловянные, в вѣчнакъ, немецкое дѣло, ветхи гораздо, испорчены.“ (стр. 112.) вѣко какъ подносъ: „*Вѣчко* сутковое, на немъ перешница.“ (стр. 114.)

У.

ГУСЁНОКЪ, тоже что и *гусёкъ*—гзымзъ, верхняя часть обломовъ карниза; названъ такъ, по сходству съ линіей выгнутой гусиной шеи. Слѣдующій рисунокъ изображаетъ обломы или *спуски* (см. это слово) карниза у собора въ Воскресенскомъ монастырѣ; подъ №№. 9 и 16 *спущен* или обломанъ *Гусенокъ* №№. 2 и 3, обѣ части вмѣстѣ, образуютъ также гусенокъ. См. на такихъ же рисункахъ, подъ словомъ *клепикъ*, № 5 и подъ словомъ ширинка, №№. 2 и 11.



1 — прямъ.
2 — желобъ.
3 — валъ.
4 — полка.
5 — прямъ.
6 — падина.
7 — валъ.
8 — прямъ, полка.
9 — гусенокъ.
10 — падина.
11 — валъ.
12 — полка.
13 — прямъ.
14 — валъ.
15 — полочка, клепикъ.
16 — гусенокъ.
17 — прямъ.
18 — часть гусенка.

Гусенокъ двоеповочной — обломъ или гусекъ имѣющій съ верху и съ низу полки, или клепики. — *Гусята*, перемыкать падины *гусятами*.... въ окнахъ два *гусята* съ вислымъ каменемъ.“ Особая форма перемычекъ въ окнахъ, дверяхъ, полуциркульныхъ впадинахъ или кружалахъ и т. п. Эта форма образуется изъ двухъ *гусенковъ*, соединенныхъ въ своихъ вершинахъ. Въ окнахъ между гусятами помѣщался нерѣдко *вислый рѣзной камень*, изображавшій репей или звѣриную голову и т. п.

Гусятная ширинка—квадратная растеска, въ обломахъ которой употребленъ гусенокъ. „А дѣлать въ тѣхъ столбахъ (шир. 3 арш.) ширинки гусятныя съ желобомъ.» (См. слово *ширинка*).

И. З.

ДЫНЯ—родъ базы или подставки въ столбахъ и колоннахъ шарообразной или грушеобразной формы. „Къ тому дѣлу надобѣ на *поясы*, и на *одверные оклады*, и на *подставки* и на *дыни* 1000 камени трехпяднаго...“ (Смѣтная роспись каменаго дѣла подмастерья Ивана Невѣрова, по случаю возобновленія Успенской церкви въ Жолтиковѣ монастырѣ, въ 1635 году.)

И. З.

ЗАКАМАРА, *закомара*.—Реченіе архитектурное отъ греч. *καμάρα*, сводъ, слѣд. часть засводная или надсводная. Ея форма сохранена даже въ одномъ изъ знаковъ правописанія, употребляемаго въ церковныхъ книгахъ и называемаго также *камарою*. Это—полуциркульная, сводоподобная выпускная часть, служившая украшеніемъ зданій и особенно употребительная въ нашемъ зодчествѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Можно даже сказать, что, вмѣстѣ съ *шатромъ* и *бочкою* также, весьма употребительными формами въ церковномъ и гражданскомъ зодчествѣ тѣхъ же вѣковъ, она характеризуетъ типъ зодчества собственно *Русскаго*. Въ деревянномъ зодчествѣ она именовалась *бочкою*, потому что имѣла подобіе бочки, въ видѣ которой нерѣдко сводились на деревянныхъ хоромахъ кровли. На квадратныхъ зданіяхъ, каковы были всѣ отдѣльныя хоромины, клѣти, избы, и особенно надъ площадками крылецъ, такія бочки располагались крестообразно, такъ что ихъ обрѣзы или такъ сказать днища выходили на всѣ четыре стороны въ видѣ фронтоновъ. Въ такихъ случаяхъ вершина полукруга сводилась въ стрѣлку съ тою цѣлію, чтобы устроить на кровлѣ *гребень*, способствовавшій свободному стоку дождевой воды. Наружныя выпускныя части подобныхъ бочекъ (фронтонъ зданія) и составляютъ такъ называемую *закамару* въ каменномъ зодчествѣ. Закамара очень часто помѣщалась особенно въ зданіяхъ XVI в., подъ шеями церковныхъ главъ, подъ шатрами церквей и колоколенъ, по подзору или верхнему поясу стѣнъ, въ фронтонахъ оконъ и вообще размѣщалась въ вѣнцѣ зданія, образуя ряды всѣмъ знакомыхъ полуциркульныхъ городковъ, называемыхъ иногда *теремками*. Нерѣдко она служила украшеніемъ наружной стороны церковныхъ сводовъ, особенно у храмовъ одноглавыхъ. Здѣсь, въ замѣнъ кровли, она располагалась рядами со всѣхъ четырехъ сторонъ, обыкновенно въ три ряда, и притомъ такъ, что одинъ рядъ располагался по своду надъ другимъ пирамидально; верхніе ряды, сближаясь у центра сводовъ, служили обыкновенно подножіемъ церковной главы, которая такимъ образомъ возвышалась надъ пирамидою закамаръ. Такое расположеніе закамаръ обнаруживаетъ, что въ каменномъ зодчествѣ онѣ появились въ подраженіе деревянному, древнѣйшему по происхожденію, ибо рядъ закамаръ есть ни что иное, какъ рядъ бочекъ деревянной кровли, расположенныхъ крестообразно и пирамидально другъ надъ другомъ, такъ что верхняя закамара занимаетъ полое мѣсто между двумя закамарами нижними. Слѣд. закамара есть собственно бочка, которая въ каменномъ зодчествѣ получила свое названіе отъ имени свода, *камара*, потому что большею частію помѣщалась надъ сводами или такъ сказать за сводами, за камарами, т. е. по кровельной части зданія. Нѣкоторые археологи называютъ закамару *теремкомъ* и *подкомарою* но въ старыхъ актахъ намъ ни разу не встрѣтилось этихъ словъ съ значеніемъ закамары.

Въ 1668 г. поляшки подрядились опоять у церкви *Г. Н.* бѣлымъ желѣзомъ „главы со крестами и *закомары* подъ шеями, да двои *закомары* церковные, да у колокольни главу и крестъ и подъ шеею *закомары*, да двои слухи, да на осмерикѣ *закомары*, да на уступахъ подъ осмерикомъ четыре угла... А слухи и *закомары* и окна прописать разными красками..“

Въ Донскомъ монастырѣ (опись 1683 г.): „Переднія святыя ворота большія съ двемя сторонними вороты, каменныя; на нихъ три главы со кресты деревянными обиты бѣлымъ желѣзомъ, а по главамъ и по *закамарамъ* крыто черепицею зеленою. На тѣхъ же воротехъ подъ *закамарами* полатка съ двемя окнами, къ ней всходъ, лесница деревянная съ крыльцомъ дощатымъ; въ тѣхъ же воротѣхъ щиты деревянные; въ сторонніхъ однѣхъ воротехъ калитка деревянная жъ; всѣ на желѣзныхъ кръ-

кахъ. У тѣхъ же воротъ рѣшотка деревянная створчетая выкрашена, на желѣзныхъ крюкахъ." „Другія ворота отъ Колужскихъ воротъ большія жъ съ двемя сторонними каменныя жъ на нихъ глава одна, на ней крестъ деревяной, обитъ бѣлымъ желѣзомъ глава и *закамары* обиты черепицею зеленою жъ. Въ тѣхъ же воротахъ щиты древяные на желѣзныхъ крюкахъ." „Въ Благовѣщенскомъ монастырѣ (Ярополческой волости, Вязниковской слободы) „святыя врата древяные брусяные о седми столпцахъ, въ столпѣ по осми угловъ; верхъ о четырехъ *бочкахъ*; глава и бочки и *подъ главою закамарочки* обиты чешуею древянною... (Опись 1702 г.)"

И. З.

ЗВАЯНО. m. На образе излиянное лице, на меди или на серебре".
Алфавитъ. Собр. гр. Уварова. № 25, въ 4°, листъ 170.

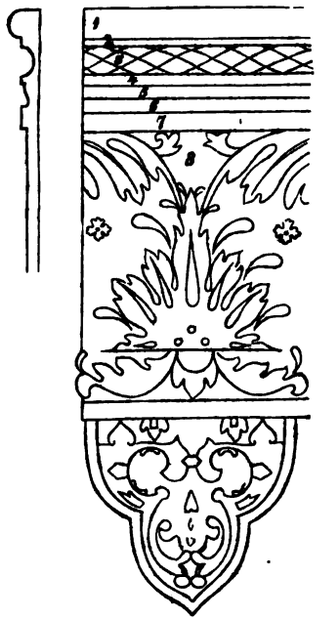
ІЗВАЯНЫ, на обрѣзрѣзаны или чеканены." Алфавитъ. Собр. гр. Уварова. № 310 въ 4°, листъ 107.

ИСТУКАННОЕ. „*Истуканному* дутому, иже бо кая вещь ѡблая, яко яблокъ сотворено спаяниемъ, а не волиячно т. е. и глаголется истуканно, сице бо идолы творяху Еллини, съ того ради идолы истуканіи наричются; ино бо есть истуканное, і иной—изваяно, и ино волиячное, і ино истесанное і выбончатое."

Собр. гр. Уварова. Алфавитъ. № 310, 4°, листъ 107.—№ 311 въ 4°, об. листа 84.

У.

КЛЕПИКЪ, обломъ въ видѣ полки или четыреугольнаго бруска. На слѣдующемъ рисункѣ карнизныхъ спусковъ или обломовъ клепикъ изображенъ подъ № 4. См. также рисунки подъ словами; *гусенокъ*, № 15 и *ширинка*, №№. 6, 8 и 10.



1 — валъ.
2 — прямь.
3 — жолобъ.
4 — клепикъ.
5 — гусенокъ.
6 — жолобъ.
7 — полка.
8 — прямь.

ОБРѢЗЪ, толщина стѣны. «Стѣны въ обрѣзѣ поставить въ сажень мѣрную....стѣны въ обрѣзѣ поставить въ полтретья аршина или въ два аршина... Поставить стѣны въ обрѣзѣ въ 1½ арш., стѣну обрѣзать на буту въ 1½ арш". (Описаніе Донскаго монастыря, М. 1865. стр. 129—Домашній бытъ царей, М. 1862, стр. 408 и др.).

И. З.

ОКЛАДЪ *сдверный*, каменная облицовка дверей, состоявшая изъ различныхъ обломовъ, т. е. ростесокъ. *Оклады*, *окладываніе*-закладка, быть на окладѣ, быть на закладкѣ. *Оклады* — фундаментъ: амбаръ длинникъ и поперечникъ, каковъ *въ окладѣ*, т. е. въ закладнѣ фундамента. *Обложить* избу, значить сдѣлать основаніе.

И. З.

ОКРУГЛОСТЬ—полуциркульный выступъ алтаря. Средняя округлость, сторонніе округлости, когда алтарь состоялъ изъ трехъ частей. «На Преснѣ... Церковь живоноснаго Христова Воскресенія; а по мѣрѣ длина алтарѣ по середней *округлости* 3 саж., а по сторонним *округлостям* по полтретьи сажени.» (*Дом. Быт царей*, 405.) И. З.

ПОДЛИТЬ (реч. кам. дѣла) «подо всѣ стѣны бѣлымъ тесанымъ камнемъ въ пять рядовъ»—тоже что обшить или подшить тесомъ въ плотничномъ дѣлѣ, облицевать. (*Описаніе Донскаго монастыря* М. 1865., стр. 129.)

И. З.

ПОТИРЪ (*Kelch*, *calice*, *calix*) чаша съ поддономъ, въ которой во время божественной литургіи возносятся Святые Дары. (Ducange.) Ποτῆρι и ποτήριον, poculum, всякій сосудъ, но преимущественно чаша для Святыхъ Даровъ. Для избѣжанія недоразумѣнія прибавляли ποτήριον ἅγιον,—μυστικὸν (Socrates, hist. eccles. lib. I. cap. 27),—κοινὸν,—πνευματικὸν,—σωτήριον (Chrysost. hom. 84),—βασιλικὸν (ibid. hom. 122 hom. 17.) и пр., или отличали потиръ особымъ словомъ δισκοποτήριον. Рѣдко употреблялись слова: χάλυξ, κύλιξ и κρατὴρ; въ апостол. постановленіяхъ встрѣчается слово κύπελλον. И у насъ сосуды часто встрѣчаются въ значеніи сосудовъ, служащихъ для литургіи, но еще чаще опредѣляются они особымъ прилагательнымъ: *служебные*, *церковные* (1276 годъ. Полн. Собран. Лѣтоп. II. 222.—Опись Павлообнорскаго монаст. 1683 года, стр. 261.—Описная книга Ростовской церкви, что на рѣкѣ Вели, стр. 151. Извѣстія Имп. Арх. Общ. томъ V.)

О формѣ потировъ и о веществѣ, изъ котораго ихъ дѣлали, смотри:
Macri. Hierolexicon. p. 98.
Ioannis Dongtacus. De calicis veter. christ. 1694.
Ioan. Andr. Schmidt. De calice. 1708.
Fabricius. Bibl. antiq. p. 571. Писатели de cœna sacra.
L'abbé Barraud. 8°. 1843. Sur les calices et patènes.
Théophile moine. (edit. Escalopier.) Essai sur les divers arts. p. 275—278.
Lebrun. Explication des cérémonies de la messe. p. 472.
Hefele. Beiträge zur Kirchengeschichte. 1864. II. p. 245, 322.
Augusti. Christl. Archeologie. III. p. 514.
Binterim. Origines. IV.

Фотографіи съ примѣчательнѣйшихъ предметовъ Троицко-Сергіевской Лавры.

Aringhi. Roma subter. II. p. 290.

Caumont. Bulletin mon. VIII. (1842) p. 398.

Солнцевъ. Древности Рос. Госуд. отд. I.

Anastasius Bibliothecarius. Vita Pontif.

Записки Импер. Археологическаго Общества. ч. I—XIV.

Labarte. Histoire des arts industriels. Paris. 1864.

Boldetti. Osservazioni sopr. i cimiteri. Roma. 1720.

Crescimbeni. Basilica di Santa Anastasia. Roma. 1722.

Frisi. Memorie della chiesa Monzese. Milano. 1774.

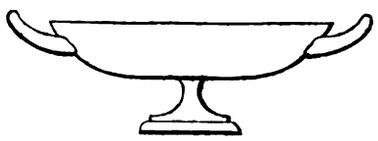
Mai. Scriptorum veterum nova collectio. Roma. 1831 Tomus V.

L'abbe Martigny. Dictionnaire des antiquités Chrétiennes. Paris. 1865.

Потиръ или чаша существуетъ у христіанъ со дня тайной вечери (Матѳ. XXVI, 27. Маркъ. XIV, 22. Лука. XXII, 20. 1 Посл. къ Коринѳ. XI, 25,26,28.) но общеупотребленное слово чаша, τὸ ποτήριον, не опредѣляетъ какую именно форму имѣли эти сосуды. Въ началѣ I вѣка были въ употребленіи сосуды глиняные, каменные, деревянные, мѣдные, серебряные и золотые. Стеклянные сосуды упоминаются въ первый разъ около 80 г. по Р. Х. Мартіаломъ въ его епиграммахъ (Epigram. lib. XI, 15. XII, 4.), но вскорѣ они почти совсѣмъ замѣнютъ металлическіе сосуды, и уже Тертуліянъ († 220) упоминаетъ о сосудахъ мѣдныхъ, какъ о древностяхъ: „quaedam esui et potui vascula ex ære adhuc servat memoria antiquitatis (de habitu muliebri. c. 5). Св. Иринеи намекаетъ на стеклянные потиры (adv. hæres. lib. I. c. 13, 3. c. 9). Св. Епифаній описываетъ потиры изъ бѣлаго стекла, λευκῆς ὑάλου (Hær. 34, 1). Бл. Іеронимъ († 420) пишетъ: „Nihil illo ditius, qui sanquinem (Christi) portat in vitro (epist, IV ad Rusticum). Григорій Турскій описываетъ красоту стекляннаго потира Миланскаго собора (Miracul. lib. I. c. 46). Сравни Buonarruoti. Osservaz. sopra alcuni fram. di vasi di antichi vetro; Garrucci. Vetri ornati di figure in oro. pag. XI—XII.—Кромѣ стекла употребляли такъ часто *дерево*, что Св. Исидоръ (Opp. Roma. 4°. Lom. IV. p. 499) полагаетъ самое это слово за корень слова χάλυξ: „Græci enim omne lignum χάλον dicebant.“ При этомъ надо припомнить упрекъ Бонифація епископа Магунтинскаго: „Interogrtaus si liceret in vasculis ligneis sacramenta conficere, respondit: Quondam sacerdotes aurei ligneis calicibus utebantur, nunc contra, lignei sacerdotes „aureis utuntur calicibus.“ (Theophile. p. 276). Уже прежде Бонифація, Св. Іоаннъ Златоустый сказалъ (Бесѣды на Матѳ. Москва. 1664. Нравоученіе 50. II. стр. 48): „Не потиръ златъ каменіемъ украшенъ принесемъ трапезѣ; аще бо хощеши почитати жертву, душу принеси.“ Потиръ Бл. Іеронима въ церкви Св. Анастасіи въ Римѣ, по словамъ Мабильона (Itiner. ital. p. 95) сдѣланъ *изъ бѣлой глины*. Онъ сдѣланъ изъ грубаго фаянса на мѣдной подставкѣ (Crescimbeni. Basil. di S. Anastasia, p. 66.). *Серебряные и золотые* сосуды съ ранняго времени вошли въ употребленіе между Христіанами, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ церковные писатели. (Augusti. p. 515. Hefete. p. 245.). Золотой потиръ найденъ былъ въ катакомбахъ на Via Salaria (Boldetti I. p. 190.)

Кромѣ обыкновенныхъ потировъ служившихъ для причастія, употреблялись еще *потиры большаго размѣра*, *calices ministeriales*, для раздачи причастія причастія при многочисленномъ стеченіи причастниковъ. Въ тихъ потирахъ Святые Дары не освящались, а только раздавались на-

роду. Биттеринъ подробно описываетъ эти потиры, которые, кромѣ названія calices ministeriales, извѣстны были также подъ именемъ *calices ansati* или *pteroti* (πτερωτος), *крылатые* т. е. имѣющіе двѣ ручки, расположенныя одна противъ другой, какъ крылья у птицы. Плиній (hist. nat. lib. XXXVI. cap. 26). § 66) говоритъ: „Sid quid refert Neronis principatu reperta vitri arte „quamoduos calices duos. quos appellabant pterotos HS. sex milibus venderet.“ срав. Gesnerir. Nov. thesau. III. p. 1158. pterotus.



Эта форма потировъ съ двумя ручками сохранилась весьма долго между христіанами вѣроятно на основаніи народнаго преданія, что на тайной вечери чаша была также съ двумя ручками. Беда (Beda venerab. de locis sanctis lib. II. cap. 1; Baronius Annal. ad ann. 34, 63) разсказываетъ, что въ VII вѣкѣ показывали въ Іерусалимѣ большой *серебряный сосудъ* съ двумя ручками, выдаваемый за подлинную чашу, служившую Христу на тайной вечери. Объ этомъ сосудѣ никто изъ церковныхъ писателей не говоритъ ни слова. Впрочемъ и теперь еще въ Валенціи (въ Испаніи) и въ Генуѣ выдаютъ, въ одномъ городѣ — агатовую чашу, а въ другомъ — чашу изъ зеленаго стекла (sacro catino) за подлинный потиръ тайной вечери. Антонинъ паломникъ, посѣтившій Палестину въ 570 году, говоритъ что ему показывали въ Іерусалимѣ, не серебряный, а *сердоликовый* потиръ (§ XX): Ibi (basilica Constantini) est et calyx onychinus, quem benedixit in coena Dominus...“ Противъ этихъ дорогихъ потировъ, будто бы подлинныхъ, можно припомнить слова Златоустаго (Нравоученіе 50. Бесѣды на Матѳ. изд. 1664. Москва. II. стр. 49): „тѣмже душъ намъ треба есть, ибо „сія душъ ради пріемлетъ Богъ: не бѣ трапеза она отъ сребра, тогда ниже „потиръ златъ, изнего же даде ученикомъ своимъ кровь Христосъ, но честна бѣ ясно вся она и грозна, понеже духа исполнена.“ Упоминаются еще *потиры крестильные*, *calices baptismales или baptismi*, изъ которыхъ давали новокрещеннымъ молоко и медъ (Augusti. III. p. 519.) Mellis et lactis gustatio бралъ обрядъ преимущественно Африканской церкви, и объ немъ упоминается въ 57 правилѣ Трулльскаго собора. Были еще *потиры погребальные*, *calices sepulcrales*, которые ставились на гробницахъ священниковъ. Въ гробницѣ XIV вѣка, духовнаго лица, открытой въ 1852 г. въ селѣ Кидекшѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ, на груди покойника лежалъ деревянный потиръ краснаго цвѣта, можетъ быть онъ служилъ для ладона.

Въ катакомбахъ, кромѣ простыхъ сосудовъ для питія, встрѣчаются также чаши, навѣрно служившія для причастія; см. Boldetti Osserv. sopra i cimiteri. p. 208: надгробная надпись съ изображеніемъ голубя между якоремъ и потиромъ.

Изображеніе потира I вѣка, находится въ житіи Св. Мартіала, Епископа Лиможскаго. (Bonaventure de S. Amable. Histoire de S. Martial. f°. Tom. III. p. 275.)

Стеклянный потиръ *III, вѣка* украшенный разными узорами.) Въ Парижскомъ собраніи эстамповъ, портфель: Antiquités religieuses. f°. G. B. coti 27.)

Біанкини, въ своемъ изданіи Анастасія библіотекаря къ житію Урбана I, прилагаетъ рисунокъ потира, по его мнѣнію, принадлежащаго ко вре-

менамъ Константина Великаго. Сосудъ данный *Галлою Плакидіею* церкви Св. Захарія въ Равеннѣ, съ надписью на самомъ потирѣ: „Offero S. Zachariae Galla Placidia Augusta“ (Mai. Coll. Vatic. T. V. p. 197).

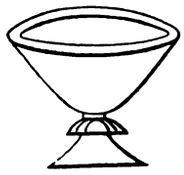
Маленькій золотой потиръ съ двумя ручками, въ Парижскомъ кабинетѣ древностей, принадлежитъ *къ VI вѣку*, найденъ въ 1845 году близъ Гурдона вмѣстѣ съ монетами императоровъ Льва II, Зенона, Анастасія и Юстина (Chabouillet, Catalogue génér. des camées. Paris. 1858. pag. 368—370. Рисунокъ красками у Labarte. hist. des arts. plan. XXX. № 1). *Къ тому же вѣку* принадлежатъ потиры, изображенные на изваяніи временъ Теодолинды въ Монзѣ. (Frisi. Memorie. pag. 78 — Martigny. Dict. рисунокъ съ четырехъ сосудовъ). Потиръ Лудгера съ двумя латинскими надписями, *VIII вѣка* (Voyage littéraire de deux bénidictins. 4°. 1724. 2 vol. рисунокъ у стр. 235.)

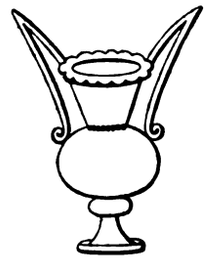
1.

2.

IX вѣка. — Въ греческой рукописи Григорія Назіанзина (Paris. Regia. № 510.) на изображеніи тайной вечери, чаши сдѣланы изъ золота и на одной ножкѣ. Потиръ подъ ногами распятаго Христа на костяномъ диптихѣ IX вѣка, германской работы (Labarte. hist. des arts. plan. XIV. Tom. I. p. 18.)»

Въ греческомъ *евангеліи XI вѣка* (Coisliana XXI) надъ архитектурной рамкою, окаймляющею Евсевіево посланіе, представлены потиры различной формы, но большею частью напоминающіе calices pteroti первыхъ временъ Христіанства.





Въ греческомъ *евангеліи XI вѣка* (Paris Bibl. regia. № 74) подъ Распятіемъ сидитъ олицетвореніе Вѣры и собираетъ въ круглую чашу кровь вытекающую изъ ранъ Спасителя. На костяномъ распятіи *того же вѣка* въ Парижской Публичной библіотекѣ (Didron. Ann archeol. III. p. 360.) Христосъ упираетъ ноги на потиръ съ узорчатою ножкою. Въ менологіумѣ императора Василія (Vaticana.) Св. Сивиній, Епископъ Сизикскій держитъ въ рукахъ потиръ о двухъ ручкахъ. Потиръ подъ ногами распятаго Спасителя, но золотомъ ковчежцѣ въ Парижѣ, *XI вѣка* (Labarte. hist. des arts plan. XLII)

Въ ватиканской рукописи *конца XII вѣка* (№ 2137) священникъ несетъ потиръ

гладкій, безъ ручекъ, такой формы, какъ теперь дѣлаютъ. (Angele Mai. Coll. Patr. Roma. 1853.)

О формѣ потировъ на Западѣ. см. Gailhabaud. Diction. iconogr. 1843. I. p. 195—196.

Объ изображеніяхъ, представляемыхъ на потирахъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Самое древнѣйшіе свидѣтельство находится у Тертуліана (de pudicitia c. X): «Aqua et alias initiaris, cui ille si forte patrocinabitur pastor, quem in calice depingis.» (ibidem. c. 7) «A parabolis licebit incipias, ubi est ovis perdita a Domino requisita, et humeris ejus revecta. Procedant ipsae picturae calicum vestrorum, si vel in illis perlucebit interpretatio pecudis illius, utrumne christiano, an ethnico peccatori de restitutione conlineet.»

Въ Россіи потиры дѣлались изъ *металла* и изъ *дерева*, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о существованіи стеклянныхъ сосудовъ. Не одни благородные металлы употреблялись на церковные сосуды, ихъ также изготовляли изъ *олова*, и даже въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ *оловянные сосуды*. (Извѣстія И. Арх. О. V стр. 131,133). *Деревянные* сосуды сохранялись у насъ весьма долго, и даже въ описи Павлообнорскаго монастыря 1683 года (тамъ же стр. 261). упоминаются: „Пятеры сосуды служебные, оловянные, блюдечка у однихъ сосудовъ деревянные.“ У насъ какъ и въ древнѣйшія времена потиры и вообще церковные сосуды постоянно жертвовались вкладами (ἀναθηματα) царями, князьями и богатыми людьми, желающими принести въ церковь даръ или исполнить обѣтъ.

Форма сосудовъ на Руси, перешла изъ Византіи, а на мозаикѣ Тайной вечери въ Кіево-Софійскомъ соборѣ Христосъ причащаетъ учениковъ изъ потира съ двумя ручками, подобнаго древнимъ calices ansati.

XII вѣка. Антоніевы сосуды были яшмовые, сердоликовые и хрустальные; всѣ три сосуда хранятся въ Успенскомъ соборѣ, но были нѣсколько разъ поновлены. (Древности Р. Г. Отд. I. стр. 98—100 рис. 68).

XIV вѣка. Деревянные сосуды Препод. Сергія и Преп. Никона въ Троицко Сергіевской Лаврѣ.

XV вѣка. Потиръ мраморный въ золотой оправѣ вкладъ В. К. Василія Васильевича 1449 года, въ Тр. Сергіевск. Лаврѣ.—Въ Благовѣщенской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ: потиръ хотя съ славянскими надписями, но нѣмецкой работы. (Записки И. Арх. Отд. X. стр. 93—94.)—Золотой потиръ 1440 г. въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора.

XVI вѣка. Серебряный, вызолоченный потиръ 1560 года въ Антоніевѣ монастырѣ близъ Новгорода. Въ Троицко-Сергіевск. Лаврѣ: Золотой потиръ съ драгоцѣнными камнями, вкладъ боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова 1597 года. Вкладъ боярина Димитрія Ивановича Годунова: 1595 г. потиръ изъ краснаго сердолика въ серебряной оправѣ; 1598 г. потиръ серебряный, мѣстами вызолоченъ; 1598 г. два потира изъ горнаго хрусталя въ серебряной оправѣ.

XVII вѣка. Въ собраніи гр. Уварова: деревянные сосуды, повидимому XVI или XVII вѣка, чѣмъ доказывается, что въ Россіи не обращали вниманія на постановленія западныхъ соборовъ, хотя и древнѣйшихъ; на соборѣ въ Реймсѣ 813 года постановлено (правило VI): «Nullus autem in ligneo aut vitreo calice praesumat missam cantare.» —Въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора: деревянный потиръ съ изображеніемъ Деисуса,

другой безъ всякаго изображенія. Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ: 1618 г. Серебряный потиръ царя Михаила Ѳеодоровича; 1646: г. Потиръ, дискосъ, звѣзда и два блюда золоты—вкладъ по Иванѣ Тарасьевичѣ Грамотинѣ дьяка Карпова.—Серебряный потиръ царя Алексѣя Михайловича, 1652 года—въ Успенской церкви въ Новгородѣ. Въ селѣ Спасъ на Кезѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ церкви хранится серебряный потиръ 1681 года; на верхнихъ краяхъ потира надпись: Тѣло Христово пріимите, источника безсмертія вкусите. (Записки И. Арх. О. Х. стр. 352).—1680 года. Золотой потиръ, украшенный изумрудами, яхонтами и финифтью, сдѣланъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ Успенскомъ соборѣ.—1698 г. Потиръ и прочіе сосуды серебряные—вкладъ въ Троицко-Сергіевъ. Лавру Стефана Яковлевича Коровина. — Въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ серебряные потиры 1672 и 1699 годовъ. (Записки И. Арх. О. Х. стр. 190).

У.

РОСТЕСКА—всякая работа въ каменномъ дѣлѣ, вытесывающая киркою изъ камня простые фигуры, поясы, карнизы, глызы, дорожки и т. п. Она противополагается *рѣзи*, которая не тешетъ, а уже вырѣзываетъ на камнѣ или изъ камня желаемыя формы,—посредствомъ другихъ инструментовъ. „А ростески у того анбару—столбы круглые, въ окнахъ два *гуська* съ вислымъ каменемъ.... А столбы съ *ростесками*, какъ ведетца.... Перила съ *растесками*.... А на столбахъ поставить каптели съ *ростескою*.“ Въ 1668 г. „подряженъ казенной слободы тяглецъ Никифорко Степановъ сынъ каменщикъ у церкви Григорія Неокесарійскаго прописать колокольню розными красками *ростески*, а гдѣ прямая стѣна—прописать въ кирпичь сурикомъ; а у *шатра стрѣлки* перевить, а межъ стрѣлокъ обѣлить, а *слухи* и закомары и окна прописать рознными красками; да у тойже колокольни, которое рѣзное дѣло каменное розцвѣтить, и прописать красками та колокольня вся до земли.“

СПУСКИ *спустить*, *спуски сдѣлать*, сдѣлать обломы, обломать.

„Спустить въ лещади *гусенокъ двоеполочной* да *жолобъ съ прямью*.... А на столбахъ подъ перемычки *сдѣлать спуски: клепикъ*, да *желубъ да прями рядъ*. Спускъ, слѣд., вообще выдающаяся карнизная часть въ стѣнахъ, столбахъ, въ дверныхъ и другихъ наличникахъ. (Рисунки подъ словами: гусенокъ, клепикъ, ширинка.)

СКРЫТЬ или правильнѣе *вскрыть*, значитъ покрыть или же *обналичить*. *Скрыть* столбы, стѣны *кормесомъ* или карнизомъ. Скрыть лещадми—т. е. покрыть лещадми съ выпускомъ части ихъ наружу въ видѣ полки. „Двери и окна *вскрывать клепикомъ* да *жолубомъ*, да *гусенкомъ*,—т. е. обналичить обломами, или раскреповкою. (См. вышеуказанные рисунки.)

СЛУХИ,—небольшія окна, родъ щелей, въ шатровыхъ колокольняхъ, располагаемые въ нѣсколько рядовъ съ цѣлію доставить свободный проходъ звону колоколовъ. (См. текстъ къ слову: *ростеска*.)

СТРѢЛКА, валикъ или поясокъ, гладкій или растесанный, отдѣляющій грани *шатра* на колокольняхъ или другихъ подобныхъ шатровыхъ зданіяхъ. Называется такъ вѣроятно потому, что направляясь вмѣстѣ съ гранями шатра къ верху, въ центръ, образуетъ стрѣлки. (См. текстъ къ слову: *ростеска*.)

И. З.

Троянъ. Славянское божество. Въ древнѣйшемъ спискѣ (около 1200 г.) **„хоженіа пресвятыя бцѣ по мукамъ"** — въ славянской прибавкѣ противъ греческаго текста—находится и имя Трояна, какъ языческаго божества: **„юже бы въ тварь Бъ на работи сотворилъ.то то они вся богы прозваша слнце и мѣсяць и землю и водоу.звѣри и гады. то сетьняя и члвчьска имена та оутриник (?) Трояна, Хърса, Велеса, Пероуна."** (Изд. г. Срезневскаго.—Древніе памятники русскаго языка и письма. Спб. 1863 г. стр. 205). Въ произведеніи **„Слово и откровеніе стыхъ аплъ"** по списку XVI вѣка—находимъ также между языческими славянскими божествами и имя *Трояна.* **„инаше богы многы, пероуна, и хорса дыя и трояна и иніи многи, ибо яко то члци были сут старѣйшины. Пероунь въ еллинѣх а Хорсь въ кѵпрѣ, Троянь бяше црь въ Римѣ....** (Востокова"—словарь церк. сл. яз. т. 2, 232 и г. Тихонравова—„Лѣтописи русской литературы и древности 1859—60 г.: книга 5-ая. Отд. II, стр. 2 -6). Въ словѣ о Полку Игоревѣ — Троянъ поминается четыре раза: 1) рища въ тропу трояню чресъ поля на горы, 2) были вѣчи трояни, 3) (обида) вступил(а?) дѣвою на землю трояню, 4) на седьмомъ вѣцѣ трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу....

На первоначальное значеніе этого славянскаго божества до нѣкоторой степени могутъ навесть сербскія и болгарскія преданія о Троянѣ, Троимѣ. Въ словарѣ Вука Стефановича находится цѣлое преданіе о Троянѣ (2-е изд. 1852, стр. 750). Троянъ является, какимъ то ночнымъ существомъ здѣсь боящимся дневнаго свѣта, отъ котораго онъ растапливается. По другому сербскому преданію—Троянъ имѣлъ *три головы* и восковыя крылья, которыя и растопились отъ солнечнаго зноя. (См. статью Каница—Trojanovgrad und die Serbische Trajanssage, помѣщенную въ Mittheilungen d. Centralcommission X Jahrg. № 1—2, Wien, 1865, стр. 1—3). Сербская сказка (В. С. Караджичь. Приповіетке № 39) упоминаетъ о царѣ Троянѣ, чудовищѣ, имѣвшемъ козьи уши. Въ болгарскихъ пѣсняхъ (Миладиновичи-Болгарскія народныя пѣсни. Загр. 1861, стр. 28—32, 38—41) упоминается невѣрной языческій градъ Троянъ или Троимъ, жители котораго вѣровали въ *золото и сребро.* Въ южной Руси (кіевск. губ.) на весьма большомъ протяженіи тянется валъ *Трояновъ.* (См. Фундуклей—Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи. Кіевъ 1848 г. стр. 30 и слѣд.) Съ этимъ валомъ соединяетъ народъ нѣкоторыя преданія миѳическаго характера. Кое-когда въ нихъ поминается и Троянъ, носящій названіе царя Ермаланскаго (т. е. римскаго, римлянскаго?) Существуютъ Трояновы валы и на дунайскомъ побережьѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ нерѣдко находятъ римскія монеты и именно монеты императора Трояна (Фундуклей — loco cit.).

По нѣкоторымъ сравнительнымъ указаніямъ г. Буслаевъ видитъ въ Троянѣ существо миѳическое изъ той породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, нѣмецкіе альфы или эльфы, свѣтлые духи и подземные карлики, хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящіе лучей солнечныхъ. (Очерки нар. поэзіи т. 1-й 1861—385 и слѣд.).

О существѣ упоминаемаго въ нашихъ древнихъ памятникахъ бога Трояна—покамѣсть нельзя еще судить съ достовѣрностью. Легко могло быть, что обоготворенный римскій императоръ сдѣлался дѣйствительнымъ богомъ у тѣхъ племенъ славянскихъ и въ тѣхъ областяхъ, на которыя простиралась его власть. На него могли быть перенесены древнія языческія воспоминанія славянъ: обоготворенный Императоръ, которому въ его владѣніяхъ приносились жертвы—легко могъ въ народныхъ понятіяхъ заступить мѣсто какого-нибудь древнѣйшаго языческаго божества. Не-

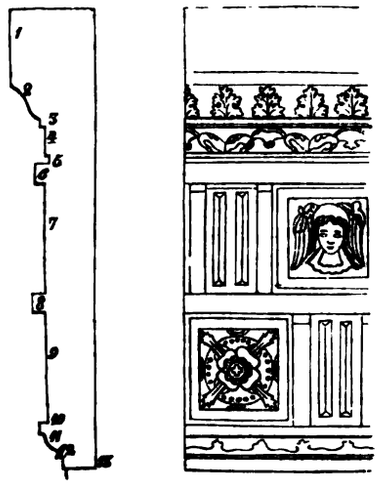
малое подтверженіе этому предположенію мы позволимъ себѣ видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что богъ Троянъ — является исключительно въ письменныхъ свидѣтельствахъ, относящихся къ южнымъ славянамъ.

Предполагать здѣсь *русскаго* и притомъ *Кіевскаго* Трояна, жившаго будто бы гораздо ранѣе римскаго Императора и сооружившаго громадные валы. (См. брошюру: „Выводъ о томъ, что въ древней Россіи поросско-украинскіе и дунайскіе валы построены были не римскимъ, а русскимъ Трояномъ“ Кіевъ, 1845, стр. 1—18, 34—37.)—несогласно съ строгою историческою критикою.

А. Кт.

ШИРИНКА—собственно квадратъ, кіотецъ. Форма растески, украшавшей зданія. Если вмѣсто прями въ ней употреблялся гусекъ, то ширинка называлось гусятною. Изъ такихъ растесаныхъ квадратовъ, нерѣдко съ весьма роскошною рѣзбою, составлялись обыкновенно пояса по стѣнамъ, что и называлось ширинками. Чаще всего украшались ширинками перила на переходахъ, на крыльцахъ и т. п.» А дѣлать въ тѣхъ столбахъ *ширинки гусятныя съ желобомъ*... На перилахъ ширинки дѣлать, какъ простойно.“

И. З.



1 — прямъ.
2 — гусенокъ.
3 — полка.
4 — прямъ.
5 — падина.
6 — клепикъ.
7 — ширинки.
8 — клепикъ.
9 — ширинки.
10 — клепикъ.
11 — гусенокъ.
12 — полка.
13 — прямъ.

ЛѢТОПИСИ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

УСТАВЪ.

(утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 19-го сентября 1864 года).

§ 1.

Московское Археологическое Общество имѣетъ цѣлью изслѣдованіе археологіи вообще и преимущественно русской.

§ 2.

Общество состоитъ изъ: Дѣйствительныхъ членовъ, Членовъ-корреспондентовъ и Почетныхъ членовъ.

§ 3.

Каждое лицо предлагается въ члены Общества тремя дѣйствительными членами и подтвергается баллотировкѣ. При избраніи почетныхъ членовъ баллотировка не требуется.

§ 4.

Въ дѣйствительные члены избираются лица, заявившія свои познанія трудами по археологіи и собираніемъ археологическихъ коллекцій. Они пользуются правомъ голоса во всѣхъ дѣлахъ Общества. Члены, подписавшіе проектъ объ учрежденіи Московскаго Археологическаго Общества, принимаютъ названіе членовъ-Основателей.

§ 5.

Дѣйствительные члены обязаны ежегодно къ 1 Января вносить 10 р. с. въ кассу Общества за годъ впередъ. Не внесшіе 10 р. въ теченіе шести первыхъ мѣсяцевъ года теряютъ это званіе и, при желаніи вступить снова въ Общество, подвергаются новой баллотировкѣ. Дѣйствительные члены, единовременно внесшіе 100 р. с., освобождаются навсегда отъ ежегоднаго денежнаго взноса.

§ 6.

Дѣйствительные члены, независимо отъ ежегоднаго взноса, обязаны содѣйствовать цѣли Общества или своими учеными трудами, или ознакомленіемъ Общества съ разными предметами своихъ коллекцій. Дѣйствительные члены, не исполнившіе этого условія въ теченіи одного года, лишаются этого званія.

§ 7.

Извѣстные русскіе и заграничные ученые и собиратели древностей избираются въ дѣйствительные члены большинствомъ голосовъ, но освобождаются отъ всѣхъ обязанностей, лежащихъ вообще на дѣйствительныхъ членахъ, т. е. отъ ежегодной платы и отъ постояннаго участія въ ученыхъ трудахъ Общества. Въ случаѣ согласія на избраніе, они обязаны прислать въ Общество издаваемые ими труды и извѣщать о своихъ коллекціяхъ.

§ 8.

Членами-корреспондентами называются тѣ ученые и любители археологіи, которые изъявили согласіе содѣйствовать своими трудами цѣли Общества. Они не дѣлаютъ никакихъ денежныхъ взносовъ.

§ 9.

Члены-корреспонденты, не сообщившіе въ теченіе года ни ученой корреспонденціи, ни археологическаго извѣстія, теряютъ свое званіе и, желая вступить снова въ члены-корреспонденты Общества, подвергаются новой баллотировкѣ.

§ 10.

Лица, внесшія деньгами единовременно не менѣе 500 р. с., съ согласія Общества, получаютъ званіе и дипломъ Почетныхъ членовъ и имѣютъ право присутствовать при засѣданіяхъ Общества.

§ 11.

Члены Общества могутъ быть исключены изъ Общества, но не иначе, какъ по баллотировкѣ и по уважительнымъ причинамъ. Баллотировка предлагается по требованію не менѣе трехъ членовъ.

§ 12.

Дѣйствительные члены изъ среды своей выбираютъ Предсѣдателя Секретаря и Казначея Общества впредь на одинъ годъ и къ нимъ кандидатовъ, которые, въ случаѣ болѣзни или отсутствія, занимаютъ ихъ должности.

§ 13

Засѣданія бываютъ: *обыкновенныя* и *экстраординарныя*. Обыкновенныя засѣданія бываютъ при посторонникъ посѣтителяхъ, и о нихъ заблаговременно объявляютъ въ газетахъ. Экстраординарныя засѣданія бываютъ въ присутствіи однихъ членовъ Общества, и въ этихъ засѣданіяхъ члены занимаются частными дѣлами Общества.

§ 14.

Засѣданія Общества назначаются предсѣдателемъ по мѣрѣ надобности, и не менѣе одного обыкновеннаго засѣданія въ мѣсяцъ, за исключеніемъ 5-ти мѣсяцевъ: съ Мая по Сентябрь включительно. Для экстраординарныхъ засѣданій не опредѣляется срока: они назначаются или предсѣдателемъ, или по требованію пяти членовъ.

§ 15.

Засѣданія экстраординарныя, въ которыхъ предполагается дѣлать выборы на должности, какъ ежегодные, такъ и выборы новыхъ членовъ,

должны состоять не менѣе чѣмъ изъ десяти членовъ; обыкновенныя засѣданія должны состоять не менѣе чѣмъ изъ трехъ членовъ, кромѣ должностныхъ лицъ.

§ 16.

Ежегодно, въ день основанія Общества, бываетъ публичное годовое засѣданіе, въ которомъ читается годовой отчетъ и дѣлаются выборы предсѣдателя, секретаря и другихъ должностныхъ лицъ.

§ 17.

Общество имѣетъ право издавать свой журналъ и дѣлать другія археологическія изданія подъ собственною отвѣтственностію. На Общество распространяются всѣ постановленныя въ законѣ правила объ отысканіи древностей на земляхъ казенныхъ и общественныхъ.

§ 18.

Общество избираетъ изъ своей среды трехъ членовъ, которые — вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и секретаремъ — составляютъ Редакціонный Комитетъ, завѣдывающій печатаніемъ журнала Общества и другихъ изданій, предпринимаемыхъ на суммы Общества. Комитетъ имѣетъ право призывать себѣ на помощь ученыхъ спеціалистовъ изъ членовъ и нечленовъ Общества, которые, въ такомъ случаѣ, въ комитетѣ пользуются равнымъ правомъ голоса съ прочими членами комитета.

§ 19.

Всякое ученое археологическое изслѣдованіе, одобренное спеціально для этой цѣли избраннымъ комитетомъ, печатается или на средства Общества, или на счетъ лица, пожертвовавшаго для того особый капиталъ.

§ 20.

Общество имѣетъ свои коллекціи древностей и библіотеку, составленныя преимущественно изъ пожертвованій. Для всѣхъ пріобрѣтеній Общество составляетъ особую коммиссію и обращаетъ главное вниманіе на пріобрѣтеніе дорогихъ сочиненій по части археологіи.

§ 21.

Предсѣдатель собираетъ членовъ Общества въ засѣданія, слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ устава и за правильнымъ ходомъ преній въ засѣданіяхъ.

§ 22.

Общество сносится со всѣми мѣстами и лицами чрезъ предсѣдателя, при посредствѣ секретаря и для того имѣетъ особую печать и бланки.

§ 23.

Печать Общества имѣетъ надпись: „Печать Московскаго Археологическаго Общества“.

§ 24.

Секретарь, кромѣ всей переписки, принимаетъ на себя храненіе книгъ и коллекцій Общества и составляетъ протоколы его засѣданій. Въ случаѣ увеличенія библіотеки и коллекцій, Общество избираетъ особаго хранителя этихъ собраній.

§ 25.

Казначей наблюдаетъ за правильнымъ сборомъ ежегодныхъ взносовъ, хранитъ суммы Общества и ведетъ приходо-расходныя книги.

§ 26.

Каждая денежная издержка рѣшается въ засѣданіяхъ Общества большинствомъ голосовъ.

§ 27.

Въ концѣ каждаго года избирается ревизіонная комиссія изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ, обязанная повѣрить состояніе казны Общества и скрѣпить приходо-расходныя книги.

§ 28.

Общество ежегодно, въ первомъ засѣданіи послѣ 1 Января, назначаетъ аукціонную продажу тѣхъ предметовъ древности, которые будутъ ему присланы для этой цѣли. Кромѣ аукціонныхъ расходовъ вычитается съ проданныхъ предметовъ 10% въ пользу Общества.

§ 29.

Лица, желающія продать принадлежащія имъ предметы древности, присылаютъ ихъ на имя Общества. Издержки пересылки падаютъ на владѣльцевъ означенныхъ предметовъ. Общество за три мѣсяца впередъ объявляетъ о назначеніи аукціонной продажи.

§ 30.

Для означенныхъ аукціоновъ ежегодно выбирается комиссія изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ, завѣдывающихъ всѣми дѣлами по аукціону. Полный отчетъ аукціона, вмѣстѣ съ состоявшимися цѣнами печатаются при первомъ, послѣ аукціона выходящемъ, протоколѣ.

§ 31.

Въ случаѣ временнаго прекращенія дѣйствій Общества все имущество его хранится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, а въ случаѣ закрытія Общества, для чего необходимо согласіе всѣхъ членовъ, все его имущество поступаетъ въ собственность означеннаго Музея.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА

КЪ 1-му ЯНВАРЯ 1865 ГОДА.

Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ.
Секретарь К. К. Гёрцъ.
Казначей А. В. Брыкинъ.
Редакціонный Комитетъ:
Графъ А. С. Уваровъ.
К. К. Гёрцъ.
С. В. Ешевскій.
А. А. Котляревскій.
А. Н. Аѳанасьевъ.

Члены основатели.

Андреевъ, Александръ Николаевичъ.
Брыкинъ, Алексѣй Васильевичъ.
Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ.
Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
Гёрцъ, Карлъ Карловичъ.
Ешевскій, Степанъ Васильевичъ.
Исаенко, Дмитрій Павловичъ.
Львовъ, Николай Николаевичъ.
Севастьяновъ, Петръ Ивановичъ.
Сонцовъ, Дмитрій Петровичъ.
Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ.
Филимоновъ, Юрій Дмитріевичъ.
Хвощинскій, Петръ Аврамовичъ.
Шубертъ, Романъ Ивановичъ.

Члены дѣйствительные.

	Время вступленія. 1864 г.
Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ.	Октября 4.
Гедеоновъ, Степанъ Александровичъ.	Декабря 22.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ.	Октября 4.
Клачковъ, Александръ Петровичъ.	Декабря 22.
Котляревскій, Александръ Александровичъ. . . .	Октября 4.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ.	» »
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ.	» »
Тышкевичъ, графъ Евстафій Піевичъ.	Декабря 22.
Шеппингъ, баронъ Дмитрій Оттоновичъ.	Ноября 17.

Члены дѣйствительные, избранные по § 7.

Аѳанасьевъ, Александръ Николаевичъ.	Октября 4.
Бодянскій, Осипъ Максимовичъ.	Октября 4.

Бэръ, Карлъ Максимовичъ	Октября	27.
Воцель, Янъ Эразмъ	Ноября	17.
Ганушъ, Игнатій—Янъ	„	17.
Григоровичъ, Викторъ Ивановичъ	Октября	27.
Дидронъ, Викторъ	Ноября	17.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ	Октября	4.
Запъ, Карлъ Владиславъ	Ноября	17.
Киркоръ, Адамъ Карловичъ	„	„
Кукулевичъ—Сакцинскій, Иванъ	„	„
Куникъ, Аристъ Аристовичъ	Октября	27.
Миклошичъ, Францъ	Ноября	17.
Норовъ, Аврамъ Сергѣевичъ	Декабря	22.
Палацкій, Францъ	Ноября	17.
Пиперъ, Фердинандъ	„	„
Преосвященный Савва, епископъ можайскій	Октября	4.
Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ	„	27.
Стефани, Людольфъ Эдуардовичъ	„	„
Тихонравовъ, Константинъ Никитичъ	Ноября	17.
Тышкевичъ, графъ Константинъ Шіевичъ	„	„
Эрбенъ, Карлъ Яромиръ	„	„

ЧЛЕНЫ КОРРЕСПОНДЕНТЫ:

Архимандритъ Амфилохій	Октября	4.
Артлебенъ, Николай Андреевичъ	Ноября	17.
Бочаровъ, Николай Петровичъ	„	„
Дмитріевъ, Николай Васильевичъ	„	„
Прохоровъ, Василій Александровичъ	„	„
Сементовскій-Курилло, Александръ Максимовичъ	Декабря	22.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОБЩЕСТВА.

Еще до утвержденія устава Московскаго Археологическаго Общества—члены-основатели его, для предварительныхъ ученыхъ совѣщаній, положили собираться два раза въ мѣсяцъ въ квартирѣ графа А С. Уварова. Въ должность временнаго предсѣдатели былъ избранъ графъ А. С. Уваровъ, а въ должность временнаго секретаря—К. К. Гёрцъ. Всѣхъ засѣданій, съ Февраля 1864 г. по Апрѣль включительно было пять, въ нихъ присутствовали члены-основатели: графъ А. С. Уваровъ, А. А. Гатцукъ, А. Е. Викторовъ, А. Н. Андреевъ, П. А. Хвощинскій, Н. Н Львовъ, Р. И. Шубертъ, А. В. Брыкинъ, Д. П. Сонцовъ, П. И. Севастьяновъ, Д. П. Исаенко, Ю. Д. Филимоновъ, С. В. Ешевскій, К. К. Гёрцъ и нѣкоторые посторонніе посѣтители, приглашенные принять участіе въ ученыхъ совѣщаніяхъ гг. членовъ основателей.

Днемъ основанія Общества положено считать 17-е число Февраля мѣсяца.

Въ предварительныхъ засѣданіяхъ были прочитаны членами-основателями и посторонними посѣтителями слѣдующія статьи: С. В. Ешевскимъ — „О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи и новѣйшихъ открытіяхъ по такъ называемымъ Кельтскимъ древностямъ.“ (При чтеніи этой статьи сочинитель предлагалъ вниманію членовъ и самыя орудія каменнаго и бронзоваго вѣка, находящіяся въ его собраніи); А. В. Брыкинымъ— „Описаніе 9 варіантовъ и монетъ неизданныхъ, (находящихся въ его нумизматическомъ собраніи), съ дополненіемъ надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ;“ гр. А. С. Уваровымъ: 1)—отрывокъ изъ его Русской Символики—„о Вѣтрахъ“, 2) „о Русской монетѣ съ загадочною надписью ραραι;“ К. К. Гёрцомъ—о Діанѣ Эфесской и ея храмѣ—по поводу статуэтки этой богини, находящейся въ собраніи С. В. Ешевскаго; имъ же были постоянно сообщаемы археологическія новости, извѣстія объ открытіяхъ и новыхъ трудахъ по части археологіи; А. Н. Андреевымъ, по поводу чтенія К. К. Гёрца, были предложены собственныя замѣчанія объ Артемидѣ Греческой и Діанѣ Эфесской; А. А. Гатцукомъ — статья „Объ изученіи подпочвы средней Россіи;“ Д. П. Сонцовымъ — статья „О монетахъ съ именемъ — *Аѳанасій;*“ А. А. Авдѣевымъ — „О раскопкахъ въ Херсонисѣ и древностяхъ тамъ найденныхъ“ (причемъ показаны были фотографическіе снимки съ послѣднихъ); А. А. Котляревскимъ — двѣ статьи: 1) Металлы въ доисторическую эпоху у племенъ Индо-Европейскихъ;“ 2) „Скандинавскій корабль на Руси.“

Кромѣ чтенія статей и обсужденія разныхъ археологическихъ вопросовъ, члены-основатели обсуждали многіе вопросы касательно направленія будущей дѣятельности Общества; такъ былъ обсужденъ вопросъ объ изданіи журнала Общества и составлена самая программа журнала, о публичныхъ чтеніяхъ изъ науки христіанской археологіи, которыя предполагается прочесть въ видахъ распространенія археологическихъ знаній и увеличенія средствъ Общества; о порядкѣ въ чтеніи статей и возраженій, могущихъ возникнуть по этому поводу.

Предварительныя засѣданія членовъ-основателей Московскаго Археологическаго Общества прекратились въ началѣ Апрѣля 1864 года; а 19-го Сентября того же года г. министромъ народнаго просвѣщенія былъ утвержденъ уставъ Общества.

№ 1.

1864 года Октября 4 дня. Протоколъ перваго засѣданія экстраординарнаго, въ присутствіи членовъ—основателей: А. И. Андреева, К. К. Гёрца, С. В. Ешевскаго, Д. П. Сонцова и графа Уварова.

1. Временный Предсѣдатель отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, касательно представленія проэкта Устава и прочиталъ Высочайше утвержденный Уставъ Московскаго Археологическаго Общества.

2. По случаю утвержденія Устава Общества, временный Предсѣдатель и временный Секретарь сложили въ себя эти званія, но, по единогласному желанію членовъ, согласились исправлять эти должности до слѣдующаго экстраординарнаго собранія.

3. Члены—основатели положили немедленно приступить къ избранію дѣйствительныхъ членовъ, а самые выборы въ должности отложить до слѣдующаго экстраординарнаго собранія.

4. Единогласно избраны: въ дѣйствительные члены—Ѳ. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, А. А. Котляревскій М. П. Погодинъ и С. М. Соловьевъ. Въ дѣйствительные члены на основаніи § 7: преосвященный Савва, А. Н. Аѳанасьевъ, О. М. Бодянскій и И. Е. Забѣлинъ; въ члены—корреспонденты: архимандритъ Амфилохій.

5. Опредѣлили: просить члена-основателя, графа Уварова принять на себя наблюденіе за напечатаніемъ Устава, въ числѣ 600 экземпляровъ и заказать бланки, печать и необходимыя книги для прихода и расхода суммъ и другихъ предметовъ.

6. При представленіи кого-либо въ члены, всегда излагать заслуги предлагаемаго лица.

7. Выборы дѣлать баллотировкою шарами, по предварительному заявленію имени билетами. При равенствѣ шаровъ баллотировать въ другой разъ.

№ 2.

1864 года, Октября 27 дня. Протоколъ втораго засѣданія экстраординарнаго, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Саввы, епископа можайскаго, въ присутствіи 16 членовъ: А. Н. Андреева, архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, О. М. Бодянскаго, А. В. Брыкина, Ѳ. И. Буслаева, К. К. Гёрца, С. В. Ешевскаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Д. П. Исаенко, А. А. Котляревскаго, Н. Н. Львова, Д. П. Сонцова, С. М. Соловьева и графа А. С. Уварова.

1. Читанъ и подписанъ прочелъ протоколъ 4 Октября.

2. Приступлено на основаніи §§ 12 и 18 къ выборамъ. Избраны: въ Предсѣдатели—графъ Уваровъ (единогласно) въ Секретари К. К. Гёрцъ, въ Казначеи А. В. Брыкинъ, въ кандидаты Предсѣдателя Д. П. Сонцовъ, въ кандидаты Секретаря А. А. Котляревскій, въ кандидаты Казначея Д. П. Исаенко, въ члены Редакціоннаго Комитета: С. В. Ешевскій (единогласно) А. Н. Аѳанасьевъ, А. А. Котляревскій.

3. По предложенію членовъ: А. А. Котляревскаго, К. К. Гёрца, и графа Уварова избраны въ дѣйствительные члены на основаніи 7 § Устава: Карлъ Максимовичъ Бэръ (единогласно), Аристъ Аристовичъ Куникъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

4. Совѣщались объ изданіи журнала и рѣшили сдѣлать срокъ выхода книгъ необязательнымъ и безъ предварительной подписки. Положили за правило: Редакціонному Комитету, предъ печатаніемъ каждой книги журнала, предварительно докладывать о ней Обществу.

№ 3.

1864 года Ноября 3-дня. Протоколъ 1-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина. С. В. Ешевскаго, Д. И. Иловайскаго, А. А. Котляревскаго, Н. Н. Львова, М. П. Погодина, Д. П. Сонцова, С. М. Соловьева, П. А. Хвощинскаго и Секретаря К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія (Октября 27-го).

1. Предсѣдатель Общества гр. Уваровъ прочелъ Рѣчь „о дѣятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу.“

2. С. В. Ешевскій: читалъ „о свайныхъ постройкахъ“ и при объясненіяхъ своихъ показывалъ разные предметы изъ каменнаго и бронзоваго періода изъ своего собранія.

3. При этомъ г. Предсѣдатель показалъ: каменный оконечникъ стрѣлы (см. рисун. *а*) и каменный кружочекъ, носящій на себѣ видимые слѣды искусственной обдѣлки (см. рис. *б*. въ концѣ проток.); все это найдено въ 7 верстахъ отъ Мурома на берегу Оки, близъ Колпинскаго оврага.

4. А. А. Котляревскій прочелъ „о современномъ состояніи бытовой археологіи въ Россіи.“

5. Отъ дѣйствительнаго члена С.-петербургскаго Археологическаго Общества К. Н. Тихонравова читано письмо, въ которомъ, какъ выраженіе своего сочувствія къ Обществу, онъ препровождаетъ въ даръ: 1) ркп. духовное завѣщаніе князя Михаила Васильевича Горбатова, 1535 года, 2) ркп. приходорасходную книгу покровскаго дѣвичьяго монастыря 1694 года, 3) два выпуска трудовъ владимирскаго губернскаго статистическаго комитета, издаваемыхъ подъ его редакціею, и 4) его описаніе владимирскаго успенскаго княгинина дѣвичьяго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъявляетъ готовность печатать въ редактируемой имъ неоффиціальной части владимирскихъ губернскихъ вѣдомостей протоколы засѣданій Общества и другія заявленія, могущія быть отъ Общества. Предсѣдатель благодарилъ отъ имени Общества присутствовавшаго въ засѣданіи К. Н. Тихонравова за сдѣланные имъ дары и предложеніе.

6. Читано: письмо эпархіальнаго архитектора Артлебена изъ Владиміра на Клязьмѣ о рукописномъ евангеліи, отданномъ въ Волосовъ монастырь епископомъ Іоною рязанскимъ въ 1544 году, находящемся въ ризницѣ Боголюбскаго монастыря; при письмѣ приложено три снимка: съ заставки и антропоморфическихъ заглавныхъ буквъ.

Положено — благодарить Г. Артлебена и, прося о дальнѣйшемъ содѣйствіи, въ ближайшемъ собраніи предложить его въ члены-корреспонденты.

7. Читано письмо члена—основателя А. А. Гатцука на имя Предсѣдателя, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе Общества на земляныя работы, производимыя по случаю проведенія южной желѣзной дороги, при коихъ могутъ находиться древнія вещи, любопытныя для изслѣдованій Общества. Положили: просить члена—основателя А. Н. Андреева собрать свѣдѣнія о лицахъ, кои завѣдуютъ этими работами.

8. Предсѣдатель, отъ имени дѣйствительнаго члена М. П. Погодина, обратилъ вниманіе Общества на статью, напечатанную въ 234 № Вѣдомостей московской городской полиціи, подъ заглавіемъ: „Открытіе святотатства.“ Въ этой статьѣ разсказывается объ открытыхъ древнихъ вещахъ при обыскѣ жилища мѣщанина Копытова. Общество положило просить Предсѣдателя обратить вниманіе начальствующихъ лицъ, что въ Москвѣ проживаютъ много купцовъ, торгующихъ древними вещами, законно ими пріобрѣтенными и что стѣсненіе подобной торговли повредитъ увеличенію какъ казенныхъ, такъ и частныхъ собраній.

9. Предсѣдатель высказалъ необходимость составленія палеографическаго сборника съ надписей, находящихся на вещественныхъ предметахъ, такъ какъ эти надписи довольно различествуютъ по формѣ буквъ отъ рукописныхъ памятниковъ. Для этой цѣли онъ показалъ одинъ листъ съ двумя монетами Бориса Александровича тверскаго, увеличенными и снятыми фотографическимъ художникомъ Моисеевымъ. Члены Общества могутъ

пріобрѣтать подобные оттиски, съ уступкою съ продажной цѣны, въ Обществѣ.

10. Представлены отъ Русской фотографіи первые опыты фотолитографіи.

№ 4.

1864 года Ноября 17 дня. Протоколъ 2 обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, С. В. Ешевскаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Д. П. Исаенко, С. М. Соловьева, Д. П. Сонцова, Ю. Д. Филимонова, Р. И. Шуберта и (за Секретаря) А. А. Котляревскаго.—

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія (Ноября 3-го).

2. Заявлено о пожертвованіяхъ: отъ К. Н. Тихонравова: 1) ркп.—приходорасходная книга суздальскаго покровскаго дѣвичьяго монастыря 1693 года, 2)—снимокъ вязи изъ рукописнаго Евангелія конца XVII вѣка, съ описаніемъ, 3)—видъ суздальскаго Спасо Евѳиміева монастыря, съ показаніемъ мѣста могилы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; 4)—внутренній видъ Богоявленскаго храма въ слободѣ Мстерѣ, бывшей вотчинѣ князей Ромодановскихъ, 5)—рисунокъ серебрянаго блюда князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго и 6) — шитая шелками и золотомъ плащаница; отъ дѣйствительнаго члена, епископа можайскаго Саввы: a) Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской Синодальной библіотеки М. 1863. b) Указатель для обозрѣнія патріаршей ризницы М. 1863. c) Указатель для обозрѣнія патріаршей библіотеки; отъ г. Предсѣдателя: Описаніе памятниковъ древности русскаго музея П. Корабанова. М. 1849; Отъ Русской фотографіи г. Аласина — фотографическое изображеніе и описаніе плащаницы митрополита Фотія.

3. Предсѣдатель показалъ золотой сосудъ, какъ говорятъ, найденный въ окрестностяхъ Новочеркасска. Онъ сдѣланъ изъ золота низкаго достоинства (electrum) съ ручкою въ видѣ четвероугольнаго звѣря (агнецъ?) съ волнистою шерстью. Вся поверхность этого звѣря покрыта продолговатымъ сердоликомъ и голубою массою, напоминающею голубой составъ египетскихъ фигуръ и бусъ. Вокругъ гладкаго сосуда идетъ полоса изъ треугольниковъ съ финифтяною мусіею голубаго и зеленаго цвѣта. У самаго отверстія сосуда вычеканена (точками, какъ на Пантикапейскихъ вещахъ) надпись, значеніе которой, по мнѣнію графа Уварова, не довольно ясно, по странной формѣ нѣкоторыхъ словъ. Графъ Уваровъ, полагаетъ также, что сосудъ сдѣланъ въ скиѳскихъ странахъ, прежде Рождества Христова, а надпись на немъ вычеканена гораздо позднѣе, во II или III вѣкѣ послѣ Р. Х. Подобное описаніе и изображеніе этого сосуда будетъ помѣщено въ журналѣ общества.

4. А. Н. Аѳанасьевъ прочелъ статью „о наузахъ и вліяніи языка на бытъ и представленія человѣка.“ Статья передана въ Редакціонный Комитетъ.

5. Предсѣдатель обратилъ вниманіе на любопытную и въ своемъ родѣ, кажется, единственную панагію, рѣзанную изъ кости. На ней представлено Знаменіе Пр. Богородицы, но, вмѣсто изображенія І. Христа, въ лонѣ Богородицы изображенъ Св. Николай. Общество просило Д. П. Сонцова, которому принадлежитъ эта панагія, снять съ нее увеличенный фотографическій рисунокъ, для лучшаго изслѣдованія этого памятника.

6. И. Е. Забѣлинъ сообщилъ о раскопкахъ кургановъ въ Екатеринославской губерніи и преимущественно—о раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана, произведенной подъ его наблюденіемъ въ 1863 году.

№ 5.

1864 года 17 Ноября. По окончаніи обыкновеннаго засѣданія, Предсѣдатель открылъ, въ присутствіи тѣхъ же членовъ Общества, 3 е экстраординарное собраніе.

Приступлено къ баллотировкѣ членовъ. Избраны: 1) Въ дѣйствительные члены: Дмитрій Оттоновичъ Шеппингъ. 2) Въ дѣйствительные члены, на основаніи § 7 Устава общества: графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ, Адамъ Карловичъ Киркоръ, Карлъ Владиславъ Запъ, Янъ Эразмъ Воцель, Карлъ Яромиръ Эрбенъ, Игнатій Янъ Ганушъ, Францъ Миклошичъ, Иванъ Кукулевичъ—Сакцинскій, Франъ Палацкій, Фердинандъ Пиперъ, Викторъ Дидронъ. 3) Въ члены корреспонденты: Николай Васильевичъ Дмитріевъ, Николай Петровичъ Бочаровъ, Василій Александровичъ Прохоровъ, Николай Андреевичъ Артлебенъ.

№ 6.

1864 года Декабря 1 дня. Протоколъ 3-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. Н. Аѳанасьева, А. Н. Андреева, А. В. Брыкина, А. Е. Викторова, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Д. П. Сонцова, С. М. Соловьева, П. А. Хвощинскаго, Ю. Д. Филимонова, Д. О. Шеппинга, Р. Н. Шуберта и (за Секретаря) А. А. Котляревскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія (Ноября 17 го.)

2. Заявлено о поступившихъ бумагъ и пожертвованіяхъ: а) отъ дѣйствительнаго члена О. М. Бодянскаго отношеніе, при которомъ онъ представляетъ въ даръ Обществу, изданныя имъ книги и брошюры, числомъ 33 названій. б) Отъ дѣйствительнаго члена И. И. Срезневскаго—письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ члены и изъявляетъ полную готовность содѣйствовать цѣли Общества, какъ личнымъ участіемъ въ трудахъ, такъ и доставленіемъ своихъ уже извѣстныхъ сочиненій. в) Отъ д. чл. Л. Э. Стефани письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ члены и представляетъ Обществу свое сочиненіе о статуѣ Аполлона Боэдроміоса (нѣмецкій текстъ). г) Отъ чл. кор. Н. П. Бочарова письмо, съ изъявленіемъ благодарности за избраніе въ члены и обѣщаніемъ содѣйствовать трудамъ Общества. д) Отъ И. Е. Забѣлина книга его сочиненія „Домашній бытъ Русскихъ Царей“ Ч. I. М. 1862 г.

3. Предсѣдатель представилъ двѣ новыя таблицы палеографическихъ снимковъ съ монетъ в. князя Василья Дмитріевича 1389—1425 и князя Можайскаго Андрея Дмитріевича 1389—1432 года.

4. Чл.-осн. П. А. Хвощинскій предложилъ на разсмотрѣніе финифтяную ладоницу, или коробочку русской работы XVII вѣка.

5. Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе гг. членовъ вопросъ о необходимости составленія археологическаго словаря. По совѣщаніи гг. члены признали необходимымъ составить особую Комиссію, которой и поручили изготовить программу словаря. Въ Комиссію избраны большинствомъ голосовъ: графъ Уваровъ, Аѳанасьевъ, Иловайскій, Филимоновъ и Забѣлинъ.

6. Предсѣдатель заявилъ, что при журналѣ Общества будетъ особый отдѣлъ критическій и библіографическій, для котораго онъ проситъ содѣйствія гг. членовъ критическими статьями о новыхъ археологическихъ сочиненіяхъ, или библіографическими замѣтками.

7. Графъ Уваровъ прочелъ статью — своего сочиненія „о диптихѣ V вѣка," принадлежащемъ его собранію. Передана въ Редакціонный Комитетъ.

8. Д. И. Иловайскій прочелъ статью объ устройствѣ вѣчеваго мѣста въ Новгородѣ." Чтеніе вызвало нѣкоторыя замѣчанія о томъ же предметѣ С. М. Соловьева и И. Е. Забѣлина. Статья передана въ Редакціонный Комитетъ.

№ 7.

1864 года, Декабря 22 дня. Протоколъ 4-го Обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Д. П. Исаенко, А. А. Котляревскаго, Н. Н. Львова, Д. П. Сонцова, Ю. Д. Филимонова, П. А Хвощинскаго, барона Д. О. Шеппинга и Секретаря Общества — К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Слушали слѣдующія поступившія бумаги: a) отъ смоленскаго губернскаго правленія отвѣтъ на предложеніе о сообщеніи Обществу мѣстныхъ археологическихъ свѣдѣній. b) Отъ редакціи витебскихъ губернскихъ вѣдомостей — отвѣтъ на тоже предложеніе. При семъ Секретарь витебскаго статистическаго комитета А. М. Сементовскій-Курилло прислалъ въ даръ Обществу двѣ изданныя имъ книги: „Каменецъ-Подольскъ и Витебскъ". c) Отъ Ректора Императорскаго Дерптскаго Университета—изъявлено согласіе Правленія Университета на обоюдный обмѣнъ изданій. d) Отъ Министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Валуева увѣдомленіе, что отвѣтственность за соблюденіе цензурныхъ правилъ въ изданіяхъ Общества возлагается на Г. Предсѣдателя, объ освобожденіи же всѣхъ вообще изданій Общества отъ разсмотрѣнія общею цензурою г. Министромъ сообщено московскому военному генералъ-губернатору и предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета.

3. Чл. кор. архимандритъ Амфилохій принесъ въ даръ Обществу сдѣланныя имъ выписки вкладовъ изъ двухъ кормовыхъ книгъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Общество имѣетъ въ виду, при составленіи археологическаго словаря, воспользоваться любопытными матеріалами, сообщенными о. Амфилохіемъ.

4. Г. Предсѣдатель сообщилъ содержаніе 1-й книжки журнала Общества, нынѣ поступающей въ печать. Заглавіе, принятое Редакціонной Коммиссіею для журнала и содержаніе первой книги—слѣдующія:

ДРЕВНОСТИ.

Труды Московскаго Археологическаго Общества.

(Въ 4 д. съ политипажами и гравюрами).

1. Рѣчь Предсѣдателя при открытіи Общества „о дѣятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу."

2. гр. Уваровъ: „Церковный диптихъ V вѣка."

3. Аѳанасьевъ: „Для археологіи русскаго быта. Примѣръ вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ."

4. Котляревскій: „Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ Индо-Европейскихъ.“

5. Его же: „Скандинавскій корабль на Руси.“

6. Археологическія извѣстія и замѣтки.

7. Библіографія.

8. Лѣтописи Общества: Уставъ, личный составъ Общества, протоколы засѣданій. Программа археологическаго словаря.

5. Г. Предсѣдатель прочелъ докладъ коммиссіи, избранной для составленія программы археологическаго словаря.

Секретарь Общества К. К. Гёрцъ, по поводу программы думаетъ, что весьма было бы желательно, прежде чѣмъ объяснить какое нибудь слово, существующее въ археологіи русской, предпослать общее объясненіе его, почерпнутое изъ археологіи древнехристіанской. Такъ, по его мнѣнію, словамъ напр. алтарь, амвонъ, агнецъ, имѣющимъ столь важное значеніе въ русской археологіи, должно быть предпослано объясненіе значенія этихъ словъ въ періодъ древнехристіанскаго искусства. Подобныя объясненія дадутъ большую ясность словарю Общества. Вслѣдствіе замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу этого предложенія нѣкоторыми членами, предложено было секретарю Общества пополнить въ этомъ смыслѣ программу коммиссіи.

За тѣмъ Общество положило — напечатать означенную программу (см. стр. 15 лѣт. общ.) и разослать ее для составленія замѣчаній всѣмъ членамъ Общества и прочимъ ученымъ Обществамъ.

6. Г. Предсѣдатель прочелъ новое объясненіе греческой надписи на золотомъ сосудѣ, найденномъ въ Новочеркасскѣ и во второмъ засѣданіи уже предложенномъ имъ на разсмотрѣніе членамъ. Новое объясненіе принадлежитъ члену — корреспонденту Общества, архимандриту Амфилохію. Опредѣлили — передать замѣтку о. Амфилохія въ редакціонный Комитетъ.

7. Г. Предсѣдатель предложилъ на разсмотрѣніе присланные ему г. Тизенгаузеномъ изъ С. Петербурга 10 фотографическихъ снимковъ съ золотыхъ вещей, въ теченіи нынѣшняго года найденныхъ въ Новочеркасскѣ и нынѣ находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ С. Петербургѣ. При этомъ онъ обратилъ вниманіе членовъ на двоякое происхожденіе этихъ вещей: одни изъ нихъ явно суть произведенія греческихъ художниковъ; другія же, по сюжетамъ и самому производству, представляютъ большое сходство съ т. наз. скиѳскими вещами, находящимися въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

8. Чл.-осн. Н. Н. Львовъ предложилъ на разсмотрѣніе финифтяную бляху, русской работы XVII вѣка.

9. Г. Предсѣдатель представилъ доставленныя ему архитекторомъ Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ два снимка съ стѣнной живописи, украшающей Спасскія ворота въ Москвѣ.

10. А. П. Клачковъ прочелъ свою статью: „о желѣзныхъ кубикахъ съ надписью: *копейка* и *деньга*“. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонный Комитетъ.

11. А. А. Котляревскій прочелъ статью дѣйств. чл. барона Д. О. Шеппинга: „Оборотень въ его миѳическомъ и пластическомъ олицетвореніяхъ.“ Опредѣлили: передать статью въ редакціонный Комитетъ.

11. Секретарь Общества К. К. Гёрцъ сообщилъ археологическія извѣстія: a) о свайныхъ постройкахъ, открытыхъ въ Познанскомъ Великомъ Герцогствѣ, b) о финикійскомъ кораблѣ открытомъ въ Марсели и c) о различіи между древними синагогами и древне-христіанскими церквами, по наблюденіямъ въ Палестинѣ французскаго путешественника—Герена.

№ 8.

Декабря 22 дня 1864 года. По окончаніи обыкновеннаго засѣданія, въ присутствіи тѣхъ же членовъ, въ экстраординарномъ собраніи происходили выборы новыхъ членовъ. Избраны большинствомъ голосовъ: въ дѣйствительные члены по § 7. — Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Въ дѣйствительные члены: 1) Степанъ Александровичъ Гедеоновъ. 2) графъ Евстафій Піевичъ Тышкевичъ. 3) Александръ Петровичъ Клачковъ. Въ члены-корреспонденты: 1) Александръ Максимовичъ Сементовскій-Кирилло.

Каменныя вещи, найденныя близъ Мурома (см. стр. 9 Лѣтопис. Общ.).

б. *а.*

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ О СОСТАВЛЕНІИ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

1. Приняли заглавіе: „Словарь русскихъ древностей“
2. Предметомъ словаря будетъ русская археологія т. е. всѣ древности, существующія въ Россіи, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка.
3. При каждомъ описаніи или объясненіи, кромѣ русскихъ источниковъ, принимаются также въ соображеніе и византійскіе и западные источники, на сколько они объясняютъ русскія древности.
4. При каждомъ словѣ, по возможности, прилагается политипажъ для болѣе яснаго и наглядnаго объясненія самаго слова.
5. Русскія древности должны заключать слѣдующія отдѣлы:
a) Миѳологія.
b) Нумизматика.
c) Гербы и печати.
d) Художественное и ремесленное производство.
e) Иконографія.
f) Символика.
g) Палеографія (тайнопись, фабричныя клейма, бумажные знаки).
h) Общественный и домашній бытъ.
i) Одежды и домашняя утварь.
k) Судоходство и мореходство.
l) Промыслы.
m) Государственный бытъ.
n) Юридическій бытъ.
o) Церковныя древности и обряды.
p) Біографическія извѣстія о художникахъ и писцахъ.
q) Библіографія печатныхъ и рукописныхъ сочиненій.
r) Археологическія собранія общественныя и частныя.
s) Географическія названія и археологическая топографія (курганъ, сопка, могилы, мары, городище, земляной валъ, приспа, пересна, займище, кулигъ, зажилье, ржавецъ, каменная баба, камень, пещера, тайникъ).
t) Имена животныхъ и растеній, встрѣчаемыхъ въ памятникахъ.
u) Медицина.
6. Необходимо предварительно составить общій сводъ уже напечатанныхъ матеріаловъ къ археологическому словарю:
Напримѣръ:
Строевъ: Ключъ къ исторіи Карамзина.
„ „: Царскіе выходы.
Савва: Описаніе патріаршей разницы.
Вельтманъ: Описаніе Оружейной Палаты.
Сахаровъ: записки для обозрѣнія русскихъ древностей.

Забѣлинъ: Бытъ русскихъ царей.
„ „ Металлическое производство.
„ „ Финифтяное производство.
Ровинскій: Русское Иконописаніе.
Даль: Толковый Словарь.
Областный словарь.
Успенскій: Древности.
Указатель: къ актамъ юридическимъ и историческимъ.
„ „ къ актамъ Археографической экспедиціи.
„ „ къ Государственнымъ грамотамъ и договорамъ.

7. При объясненіи каждаго слова необходимо указать на памятники письменные и вещественные и на печатныя сочиненія, въ которыхъ было о немъ упомянуто.

8. Матеріалы къ словарю русскихъ древностей, по мѣрѣ накопленія ихъ, печатаются въ азбучномъ порядкѣ при журналѣ Общества подъ заглавіемъ: „Матеріалы для словаря русскихъ древностей.“

9. Подъ каждымъ словомъ обозначается имя лица объяснившаго это слово.

10. Комиссія предлагаетъ каждому члену Общества представить по крайней мѣрѣ одно слово къ каждому засѣданію.

11. Весьма было бы желательно, прежде чѣмъ объяснить какое нибудь слово, существующее въ археологіи русской, предпослать общее объясненіе его изъ древне-христіанскаго искусства, ежели оно тамъ встрѣчается, какъ напр. агнецъ, амвонъ, алтарь, икона и т. д. Объясненіе одного подобнаго слова можетъ быть предметомъ занятій двухъ, трехъ членовъ Общества.

Гр. Уваровъ.
Д. Иловайскій.
Ив. Забѣлинъ.

СВИНЦОВЫЕ ОТТИСКИ,

НАЙДЕННЫЕ ВЪ РѢКѢ БУГѢ У ДРОГИЧИНА.

ГРАФА К. П. ТЫШКЕВИЧА.

Въ теченіи лѣта 1864 года, при убавленіи воды въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина, въ песчаной отмели дна, возлѣ огромнаго камня, выдававшагося фута на три надъ поверхностію земли, Мечиславъ Амброжевскій открылъ нѣсколько десятковъ свинцовыхъ оттисковъ на кружкахъ неправильной формы, шириною въ поперечникѣ отъ четверти до половины Литовскаго дюйма (cala); — оттиски эти представляютъ какія-то неизвѣстныя намъ фигуры и изображенія, очертанія человѣческаго лица; иные съ сквозными дырочками, какъ бы для вѣшанія ихъ на снуркѣ. Когда экземпляры эти препровождены были въ Виленскій Музей, то тамошняя Археологическая Коммиссія, подвергнувъ ихъ ученому изслѣдованію, пришла къ догадкѣ, что они, какъ найденные въ древней землѣ Ятвяговъ, близъ главнаго ихъ города Дрогичина, могли быть печатями, привѣшенными къ документамъ Ятвяговъ, что оттиснутые на нихъ знаки, были вѣроятно знаками достоинства частныхъ лицъ, обратившимися со временемъ въ родовые гербы. — Если такъ, то это было бы чрезвычайно важное открытіе для исторіи упомянутаго народа, котораго прошедшая судьба такъ мало намъ знакома, и котораго исторія, по недостатку данныхъ, покрыта мракомъ и вовсе не разъяснена по настоящее время ни однимъ изъ нашихъ историковъ. — Между оттисками совершенно непонятнаго для насъ значенія, оказались на этихъ печатяхъ и такіе, кото-

рые поразили насъ вѣрнымъ сходствомъ съ знаками, находящимися на днахъ жертвенныхъ горшковъ, открываемыхъ въ дохристіанскихъ гробахъ славянскаго міра.

Для вѣрнѣйшаго сравненія ихъ между собою, слѣдуетъ мысленно перенестись въ эпоху отдаленнаго прошедшаго и бѣглымъ взглядомъ окинуть судьбу народа, котораго желаемъ разгадать мысли и понятія, оставленныя намъ въ таинственныхъ знакахъ.

Ятвяги, именуемые у римскихъ географовъ и у Птоломея Языгами и Ятвезями, древнѣйшее происхожденіе свое ведутъ отъ Скиѳовъ. „На востокѣ за Дономъ“ говоритъ Карамзинъ,—„жили Скиѳскіе бѣглецы“ (Исторія Россійскаго Государства т. I, стр. 5);—хотя Карамзинъ не даетъ имъ опредѣленнаго названія, но по всему кажется, что онъ хотѣлъ здѣсь сказать о Языгахъ. Польскій историкъ Нарушевичъ говоритъ, что, во времена Геродота, Языги, не имѣвшіе еще особаго, отдѣльнаго отъ прочихъ Скиѳовъ названія, сидѣли смѣшанные съ другими Скиѳами за Днѣпромъ; что тотъ же Геродотъ называетъ ихъ попеременно то Георгами, то Номадами. По изложенію Нарушевича, Страбонъ впервые назвалъ ихъ Языгами. Географъ этотъ назначаетъ мѣсто жительства Языговъ на Днѣпрѣ, гдѣ нынѣшняя Украина. Тотъ же Страбонъ, въ другомъ мѣстѣ, находитъ опять Ятвяговъ при Черномъ морѣ, занимающихъ часть Валахіи и Малой Татаріи.

У Карамзина, строго державшагося Геродотова изложенія, Языги впервые появляются на исторической сценѣ уже во времена христіанства, именно тогда, какъ Римляне, занявъ своими легіонами Ѳракію и земли лежащія по Дунаю, сдѣлались, къ несчастію своему, сосѣдями варваровъ. Римскіе историки пишутъ, что Сауроматы, коихъ владычество простиралось отъ Каспійскаго моря до береговъ Дуная, состояли изъ двухъ племенъ, то-есть: изъ Роксолановъ и Языговъ. Въ эпоху, когда Роксоланы поселились на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, — Языги перешли въ Дакію на берега Тиссы и Дуная (Карамзинъ т. I, стр. 8 и 9).

Плиній удостовѣряетъ, что Языги переселились въ страну между рѣками Тибискусъ и Тиссою, что, по его вычисленію, приходится столѣтіемъ позже того времени, какъ они заняли Дакію или Скиѳію.

Во второмъ столѣтіи послѣ Рождества Христова Птоломей называетъ Ятвяговъ—Метоносами, то-есть бродягами, по причинѣ частой перемѣны мѣста ихъ жилищъ. Онъ же, поименовывая племена и народы, жившіе въ сѣверныхъ странахъ въ Прибужскомъ Полѣсьѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ были поселенія Ятвяговъ, упоминаетъ о

народѣ Костобоки, что, на славянскомъ нарѣчіи Честобоки, — означаетъ многобожіе. Нарбуттъ (томъ II, стр. 167) предполагаетъ, что такое названіе получили они потому, что придерживаясь религіозной системы Литовцевъ, поклонялись многимъ божествамъ.

Не зная съ достовѣрностію, какъ долго эти Языги жили по рѣкамъ Дунаю и Тиссѣ, всѣ наши историки согласны въ одномъ, именно: что, при возраставшемъ могуществѣ кочеваго племени Гунновъ, которые, вышедъ изъ Китая, проникли чрезъ степи въ Южную Европу около 377, Ятвяги выгнаны были изъ жилищъ своихъ. Вытѣсненные такимъ образомъ Языги, въ дальнѣйшемъ своемъ странствованіи пробравшись чрезъ Карпаты, остановились около Подляхіи, между рѣками Бугомъ и Наревомъ. Нарушевичъ (Historya Narodu Polskiego tom IV, str. 115) до начала XII вѣка назначаетъ широкіе предѣлы владѣніямъ Ятвяговъ. По мнѣнію его, племя это долженствовало занимать страну отъ Буга до Березины въ одну, и отъ Припети до Нарева въ другую сторону.

Лелевель, въ атласѣ своемъ, обозначая земли Славянскихъ народовъ до образованія Польши въ 850 году, опредѣляетъ Ятвягамъ болѣе тѣсныя границы, нежели Нарушевичъ; онъ помѣщаетъ это племя между Бугомъ и Наревомъ, окруженное Мазовіею, Подляхіею и Литвою. Въ царствованіе въ Польшѣ Мечислава I около 992 г., Болеслава Великаго въ 1025, а равно и во время раздѣла Польши между сыновьями Болеслава Кривоустаго въ 1139 году—на картахъ Лелевеля находимъ мы еще землю Ятвяговъ въ прежнихъ предѣлахъ. Уже при Болеславѣ Стыдливомъ, по мнѣнію этого историка, исчезаетъ племя Ятвяговъ изъ карты Европы (Atlas do dziejów Polskich z dwónastu krajobrazów złożony prz. Joachima Lelewela. Warzawa 1830 r.).—Въ это время существованіе Ятвяговъ приближалось уже къ концу, ибо Болеславъ Стыдливый въ 1264 г. вторгнулся въ страну Ятвяговъ съ многочисленнымъ войскомъ и нанесъ имъ страшное пораженіе. Потомъ въ 1268 г. литовскій князь Наримунтъ разбилъ и завоевалъ Ятвяговъ. Уцѣлѣвшіе отъ предшествовавшихъ войнъ остатки—Лешекъ Черный въ 1282 г. окончательно истребилъ на рѣкѣ Наревѣ при Остроленкѣ; все, что успѣло спастись отъ этого послѣдняго пораженія, принуждено было уходить изъ древнихъ жилищъ и искать себѣ убѣжища въ сосѣднихъ земляхъ;—такъ послѣдніе остатки Ятвяговъ, слившись съ чуждою народностью, утратили самобытное существованіе и даже народныя преданія.

Хотя Страбонъ называетъ Ятвяговъ народомъ земледѣльческимъ, однако Кромеръ, а потомъ Нарушевичъ, въ точности повторяющій

его слова, представляютъ намъ ихъ народомъ дикимъ, буйнымъ, нападавшимъ на сосѣднія страны для грабежа и добычи; и ни одинъ изъ историковъ не передалъ намъ свѣдѣній о степени ихъ образованности, цивилизаціи, о состояніи искусствъ и промышленности, которыя могли существовать у нихъ. Одинъ Нарбуттъ упоминаетъ (tom II, str. 171) что, на сколько можно составить себѣ понятіе по историческимъ памятникамъ, Ятвяжскій народъ былъ мало образованъ, — управлялся начальниками общинъ, или раздѣлялся на волости или орды, а во главѣ каждой изъ нихъ стояло лицо въ родѣ царика, и что эти начальники находились между собою въ союзахъ. Къ тому же они отличались большою охотою до набѣговъ на сосѣдей, умѣя всегда въ бѣгствѣ пользоваться природною недоступностію своей страны. Въ характерѣ этого племени рѣзко проявляется горячая любовь народности, свободы и религіи предковъ, и защищая ихъ, Ятвяги охотнѣе обрекали себя на совершенное истребленіе, нежели на то, чтобы видѣть ихъ попранными отъ враговъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у Ятвяговъ былъ свой особый языкъ. Стрыйковскій, утверждающій, что онъ вездѣ былъ, все слышалъ и видѣлъ своими глазами, пишетъ, что ему знакомы еще были современные остатки разсѣянныхъ Ятвяговъ, говорившихъ особымъ языкомъ. Мѣховита, который писалъ прежде Стрыйковскаго, говоритъ, что онъ слышалъ рѣчь Ятвяговъ на Полѣсьѣ около Дрогичина, непонятную ни ему, ни Литовцу, ни Самогитянину. — Хотя г. Нарбуттъ опровергаетъ это, полагая, что Мѣховита смѣшалъ нарѣчія, и что сказанное имъ относится къ Цыганамъ, племени принимавшемуся иногда за одно съ Ятвягами; можно однакожъ повѣрить, что историкъ, жившій около 1560 г., во время Сигизмунда I, а слѣдовательно за три столѣтія ближе къ Ятвягамъ, нежели мы, легко могъ еще захватить объ этомъ народѣ нѣкоторые остатки свѣдѣній, уцѣлѣвшіе въ преданіяхъ, — могъ еще слышать неутраченные остатки ихъ рѣчи. Фамиліи удержавшихся еще до нынѣ родовъ, которые за нѣсколько столѣтій до нашего времени поселились было между Дрогичиномъ и Гоніондзомъ, какъ-то: Grzędzica, Barszcz, Morże, Dzierżek и т. п., безъ всякаго сомнѣнія сохранили въ составѣ своемъ остатки звуковъ Ятвяжской рѣчи, изъ чего можно предположить, что стеченіе твердыхъ согласныхъ какъ: rż, dż, dr, могло составлять обыкновенное явленіе въ составѣ малоразвитаго и неусовершенствованнаго ихъ языка.

Вотъ все, что намъ передали о Ятвягахъ исторіи наши. Все отъ этого народа потеряно для насъ, все до самыхъ памятниковъ

языка. — Открытіе же, сдѣланное въ теченіе нынѣшняго лѣта, предлагая намъ новыя, совершенно незнакомыя данныя, призываетъ насъ къ новымъ розысканіямъ и догадкамъ. На заключеніе Виленской Археологической Коммиссіи, что эти свинцовые кружки были висячими печатями у Ятвяжскихъ грамотъ, что находящіеся на нихъ оттиски, должны выражать знаки частныхъ лицъ, обратившіеся впослѣдствіи въ родовые гербы, — осмѣливаюсь высказать по этому предмету мое личное мнѣніе и представляю мои догадки о значеніи этихъ печатей въ древности.

Предметы, найденные на днѣ русла Буга, рѣки, опоясывавшей древнюю землю Ятвяговъ около Дрогичина, главнаго ихъ города, не позволяютъ сомнѣваться, что они—памятникъ, оставшійся отъ этого народа. По самому виду ихъ механической отдѣлки слѣдуетъ допустить, что Ятвяги имѣли уже нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, а извѣстность свинца безспорно доказываетъ торговыя ихъ сношенія съ сосѣдними странами; поэтому народъ, у котораго была своя промышленность и нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, не могъ уже быть тѣмъ, чѣмъ исторія представляетъ его, то-есть, кочевымъ и дикимъ.— Изъ этого не слѣдуетъ, однакожъ, что эти, вычеканенные изъ свинца кружки, должны непремѣнно быть печатями, привѣшенными къ грамотамъ; ибо, если допустить, что Ятвяги имѣли уже писанныя грамоты, служащія выраженіемъ политическихъ отношеній и упроченнаго гражданскаго порядка, то мы признали бы за ними степень цивилизаціи гораздо выше той, какой они въ самомъ дѣлѣ достигли. Да впрочемъ, во время внутреннихъ смутъ, грамотъ никогда не бросали въ воду, съ цѣлію сбереженія ихъ,—и самая жестокая война никогда не истребляла, совершенно до послѣдняго, письменныхъ памятниковъ народа; даже среди самыхъ страшныхъ гоненій гибли только люди, но никогда не пропадали слѣды ихъ дѣяній и мыслей: возможно-ли, чтобы послѣ Ятвяговъ исчезли вдругъ всѣ слѣды ихъ существованія, чтобы ни одинъ изъ историковъ, зорко слѣдящихъ за подробностями жизни народовъ, не подхватилъ бы этого наслѣдія, какъ памятниковъ слишкомъ замѣтныхъ и не сообщилъ бы намъ о Ятвягахъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. Допустивъ въ этихъ, отчеканенныхъ на свинцѣ, знакахъ начало родовыхъ гербовъ, — признаковъ вполнѣ созрѣвшаго, образованнаго и сильнаго общества, которое, не довольствуясь увѣренностію въ своемъ существованіи, обеспечиваетъ еще, нѣкоимъ образомъ, своему имени будущность,—пришлось бы упрекнуть въ неправдѣ исторію, представляющую намъ Ятвяговъ на столь низкой степени образованности. Если бы мы

признали за Ятвягами начало гербовъ и были бы въ состояніи доказать это, то какой же переворотъ испытала бы въ своихъ началахъ Литовская и Польская геральдика, ибо на этомъ десяткѣ съ лишнимъ Ятвяжскихъ печатей, коихъ вѣрные снимки у читателя передъ глазами, я вижу настоящій Наленчъ, вижу гербъ Огинскій и что-то весьма похожее на Пилаву.

Такъ какъ вышеприведенныя догадки мнѣ показались не довольно сильными для разрушенія сомнѣнія, то я обратился къ руническимъ письменамъ и розыскивалъ, не были-ль эти, отчеканенные на свинцѣ знаки, какими нибудь славянскими рунами, и нельзя ли чрезъ сравненіе ихъ прійти къ какому нибудь болѣе правдоподобному заключенію. Я рѣшился искать сходства въ азбукахъ, обнародованныхъ Лелевелемъ и професоромъ Цыбульскимъ, но встрѣтилъ сходство лишь въ слѣдующихъ немногихъ знакахъ, именно: знакъ V, помѣщенъ на изображеніи оттиска подъ № 14, который на Мекленбургскихъ памятникахъ означаетъ Финское U; на показаніи подъ № 9 шестиконечный крестъ ✳ — въ финской азбукѣ J, въ Сѣверо-Германской U,—въ Славянской же, въ надписяхъ на открытыхъ Прильвицкихъ идолахъ, объясненныхъ Лелевелемъ, на изгибѣ мисы, представленной на рисункѣ № 10, означаетъ букву A. — Знакъ Y, помѣщенный подъ № 3, представляетъ нѣмецкое n — у Лелевеля въ надписи Radagast, на кружкѣ изъ выженной глины, показанномъ на № 7 — означаетъ букву t. На знакъ ⊥, помѣщенный подъ № 6, я встрѣчаю совершенно похожій, который въ Прильвицкихъ выкопкахъ подъ № 10 на изгибѣ мисы въ надписи *Barstuk*, тамъ помѣщенной, означаетъ букву r, не менѣе того какъ и во внутренности мисы, показанной подъ № 11, въ словѣ *Perkunust*, представляетъ также букву r. Въ оттискѣ подъ № 7 знакъ ⊐ соотвѣтствуетъ буквѣ c. Напослѣдокъ въ экземплярахъ, которые у меня подъ рукою въ оригиналѣ, я встрѣчаю, подъ № 16, русское Ш и подъ № 20 латинское XI.

Такое сходство знаковъ съ нѣкоторыми рунами, очевидно случайное; — эта смѣсь буквъ и рунъ, выбранныхъ изъ разныхъ языковъ, конечно ничего не доказываетъ и нисколько не объясняетъ упомянутыхъ таинственныхъ знаковъ народа славянскаго племени, которые, будучи болѣе похожи на гіероглифическій алфавитъ, гдѣ каждый знакъ выражаетъ слово, а нерѣдко и полную мысль, — нежели на руническое письмо, конечно должны были въ понятіяхъ Ятвяговъ имѣть совершенно другое значеніе.

Всмотрѣвшись поближе въ эти оттиски и замѣчая на многихъ изъ нихъ символическіе знаки точь въ точь такіе же, какіе находят-

ся на днахъ жертвенныхъ горшковъ по всѣмъ Славянскимъ землямъ, я долженъ по неволѣ заключить изслѣдованіе мое предположеніемъ, что оттиски, о коихъ здѣсь говорится, по всей вѣроятности принадлежали къ предметамъ, посвященнымъ Божеству, и составляли какой-то религіозный символъ. Извѣстно, что Ятвяги придерживались многобожія; часть ихъ, имѣвшая сношенія съ Литвою, вѣроятно раздѣляла съ нею также и религіозныя понятія; граничившіе на югѣ съ Подляхіею, на западѣ съ Мазовіею—несомнѣнно переняли отъ жителей этихъ странъ и славянскія понятія о богопочитаніи; тѣ же, кои населяли внутреннія части своей земли, будучи лишены сообщенія съ сосѣдями, могли и сами создать себѣ отдѣльныя понятія о божествѣ и о поклоненіи ему. Отсюда, по всей вѣроятности, произошли символы, выражавшіеся различными этими знаками, для насъ вовсе неразгаданными; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ—стрѣлы Перуна, помѣщенныя на рисункахъ №№ 6, 7, 8 и 10, точно такія же, какъ и извѣстныя намъ на горшкахъ, открытыхъ на Литовской Руси, хранящихся въ Виленскомъ Музеѣ и въ моей коллекціи; на нихъ совершенно похожія встрѣчаемъ мы на днахъ Чешскихъ горшковъ въ Пражскомъ Музеѣ; такія же усматриваемъ на боку пепельника, найденнаго въ Познанскомъ Герцогствѣ близъ Гнѣзна, хранящагося въ коллекціи Ордината графа Скаржевскаго. Опять подъ №№ 4 и 5 мы видимъ кресты совершенно той же формы, что и на горшкахъ Чешскихъ и Литовской Руси. Шестиконечный крестъ, помѣщенный подъ № 9, встрѣчаетъ много похожихъ на него въ славянской керамикѣ, съ тою только разницею, что онъ не очерченъ, какъ тѣ, окружностію. Что касается окружностей круговъ, означающихъ вѣчность, то онѣ попадаются намъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ; круги различаются между собою только тѣмъ, что на днахъ пепельниковъ и горшковъ очерчены они гладкою линіею, на свинцовыхъ же оттискахъ Ятвяговъ онѣ выработаны либо въ видѣ выпуклаго бисера, или же плетенкою, похожею на веревку. Что же касается изображеній лицъ, неуклюже отдѣланныхъ, то онѣ представляютъ конечно изображенія божествъ, чудовищно исполненныя по незнанію рисунка; — вѣдь и въ Прильвицкихъ выкопкахъ, между божествами, объясненными Лелевелемъ, есть кружки изъ выженной глины, на наружной сторонѣ которыхъ безобразно выработаны головы языческихъ божествъ.

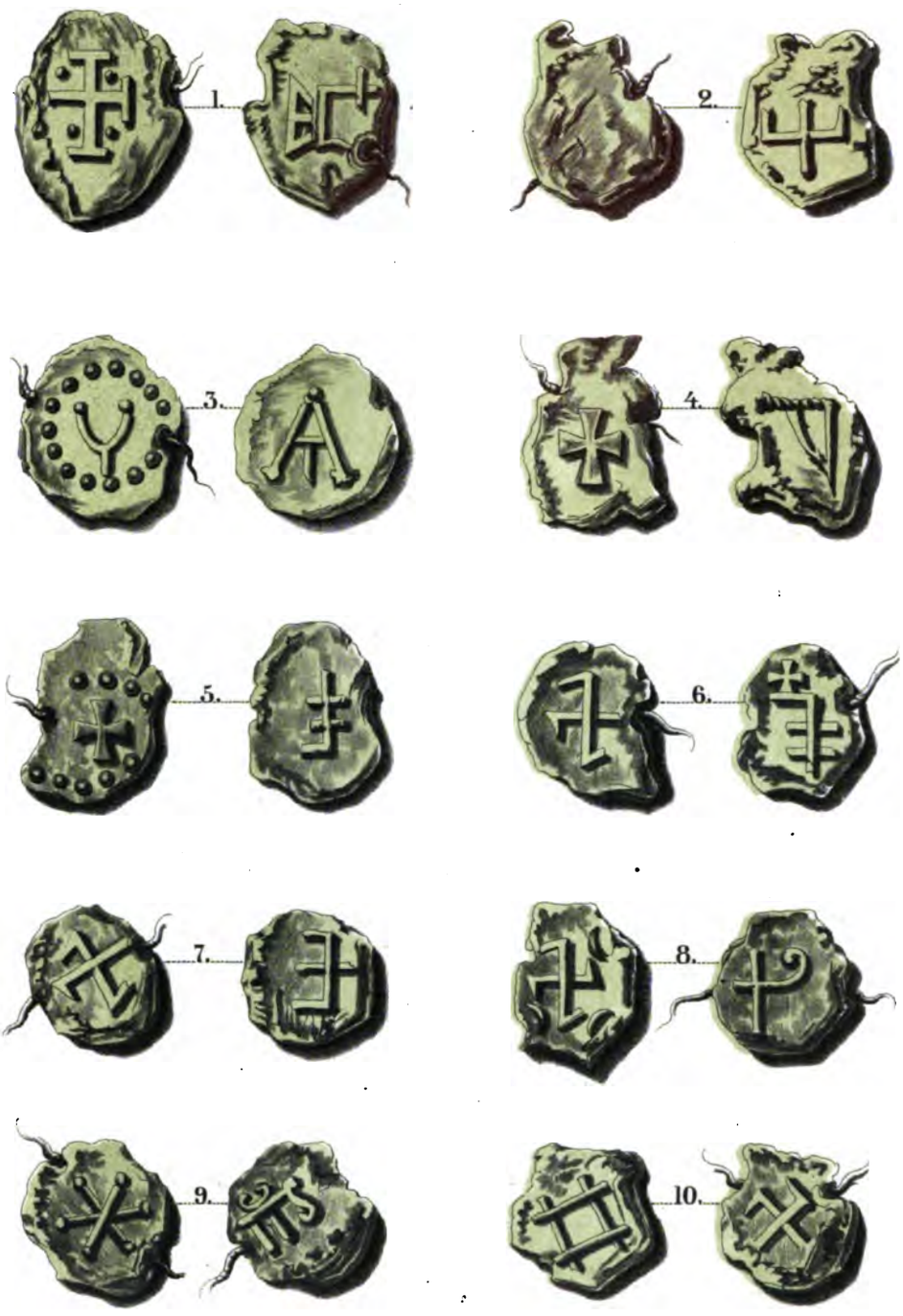
Надобно еще замѣтить, что въ свинцовыхъ экземплярахъ, у коихъ нѣтъ явнаго отверстія, не видно ни малѣйшаго слѣда, чтобы чрезъ нихъ когда либо протягивался снурокъ; — очевидно, что эти экзем-

пляры не были никогда висячими печатями: слѣдовательно они должны были имѣть другое назначеніе: они могли представлять домашнія божества, складывавшіяся куда-нибудь на жертву, или же носимыя съ собою. Даже оттиски съ отверстіями не противорѣчатъ такому предположенію: они могли быть какими-нибудь религіозными талисманами, которые, можетъ статься, вѣшали въ священныхъ рощахъ, или носили на снуркахъ, подобно тому, какъ нынѣ въ христіанствѣ носятъ крестики или медаліоны святыхъ. Водворявшееся христіанство приняло отъ языческихъ народовъ столько обычаевъ, преимущественно въ области религіозныхъ понятій; почему жъ бы и этотъ обычай не могъ началомъ своимъ касаться преданій древняго до христіанскаго общества.

Напослѣдокъ, если то историческая истина, что при обращеніи язычниковъ въ христіанскую религію, идолы, божества и все, что принадлежало къ языческимъ обрядамъ, бросали въ глубину водъ, то и памятники, о коихъ идетъ рѣчь, найденные на днѣ Буга, были вѣроятно такого жъ свойства, когда они подверглись подобной же участи.

Быть можетъ дальнѣйшія изслѣдованія значенія этихъ памятниковъ отдаленной старины, а можетъ статься и какія-нибудь вновь сдѣланныя открытія на этой землѣ, забытой исторіею, неожиданно явясь намъ, какъ свѣжія данныя, подвинутъ насъ ближе къ болѣе вѣрнымъ предположеніямъ;—какъ бы то ни было, — устоятъ ли мои догадки, или же будутъ рѣшительно опровергнуты, чуждъ всякой самоувѣренности, я равно приму и то и другое съ почтительнымъ уваженіемъ.

СВИНЦОВЫЕ ОТТИСКИ НАЙДЕННЫЕ ВЪ РѢКѢ БУГѢ У ДРОГИЧИНА.



Рисунки противъ подлинниковъ увеличены въ квадратъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

КЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬѢ.

Съ той поры, какъ статья гр. К. П. Тышкевича была прочтена въ засѣданіи Общества, онъ доставилъ нѣкоторыя къ ней пополненія. Сообщаемъ ихъ здѣсь цѣликомъ: „Виленская Археологическая Коммиссія — пишетъ гр. Тышкевичъ, обратилась по сему предмету въ особенности въ чешское общество въ Прагѣ, трудящееся исключительно надъ изученіемъ славянскихъ древностей. Я же, съ моей стороны, между прочимъ, отнесся въ Археологическій Институтъ Велико-Британіи и Ирландіи въ Лондонѣ, какъ Обществу, имѣющему въ своемъ кругу людей искусныхъ въ древней эпиграфіи. И то, и другое — сообщило намъ по сему предмету свои выводы. Извѣстный чешскій археологъ Карлъ Владиславъ Запъ, въ письмѣ своемъ къ гр. Ев. Тышкевичу, согласно съ мнѣніемъ Виленской Археологической Коммиссіи, въ означенныхъ оттискахъ усматриваетъ сходство съ польскими и чешскими гербами и, сверхъ того, приходитъ къ мысли, что какъ въ древности торговыя дороги во внутрь Россіи проходили черезъ рѣки Бугъ и Нѣманъ, то свинцовые эти штемпеля могли изображать тогдашнія таможенныя клейма или тамги. Я не вполнѣ раздѣляю это предположеніе; ибо хотя въ отдаленную эпоху до-христіянскихъ временъ, торгующія сословія, въ движеніи своемъ отъ запада въ глубину Россіи, имѣли въ оной торговые пути, но неимѣется никакихъ

данныхъ о существованіи въ тѣ времена таможеннаго порядка, а тѣмъ менѣе— клейменія товаровъ свинцовыми штемпелями. На дняхъ дошло ко мнѣ письмо отъ англійскаго Общества; въ немъ ученый пасторъ Скарсъ (Scarth) извѣщаетъ, что сходные съ помянутыми свинцовые оттиски найдены въ Англіи, въ Графствѣ Вестмореландъ въ Брюджъ (Brudg), при одной изъ древнихъ Римскихъ станцій. Г-нъ Рочь-Смитъ (Roch-Smith) открылъ другіе подобные, хранящіеся въ Британскомъ Музеѣ и таковые приказалъ отгравировать для собственной коллекціи; англійскіе ученые приходятъ къ тому же заключенію, что это могли быть клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ.

Когда на одномъ и томъ же пути встрѣчаются два, столь многозначащія, мнѣнія, они нѣкоторымъ уже образомъ составляютъ ученый авторитетъ.

Пражское ученое Общество, въ періодическомъ своемъ изданіи подъ заглавіемъ: Památky Časopis Musea Královstvi Českého pro dějepis hlavně česky — за 1862-й годъ, отдѣлъ V, тетрадь IV, помѣстило рисунки насѣчекъ, вычеканенныхъ на древнѣйшей башнѣ города Звикова, на башнѣ Малостранскаго моста, на башнѣ стараго Города и наконецъ, еще на пяти древнѣйшихъ зданіяхъ въ Прагѣ. Загадочныя таковыя нарубки, понынѣ чешскими учеными не прочитанныя и не отгаданныя, имѣютъ, сколько мнѣ кажется, — до такой степени сходство съ изображеніями, находящимися на свинцовыхъ оттискахъ, о коихъ идетъ рѣчь, что сличая однѣ съ другими, кажется, что какъ тѣ такъ и другіе принадлежатъ къ одной эпохѣ и, быть можетъ, къ однимъ понятіямъ.“

Графъ К. П. Тышкевичъ обязательно доставилъ въ Общество и изображенія фигуръ, встрѣчающихся на днахъ горшковъ, открываемыхъ въ могилахъ какъ Литвы и Западной Руси, такъ и Чехіи. Эти изображенія читатель найдетъ далѣе, при статьѣ А. А. Котляревскаго, который написалъ, по порученію Общества, къ нимъ особое объясненіе.

Ред.

НЕДРЕМАЕМОЕ ОКО СПАСОВО.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУССКОЙ СИМВОЛИКИ.

ГРАФА А. С. УВАРОВА.

Моисей, въ книгѣ Бытія (XLIX, 8 и 9) восклицаетъ: „Іудо, тебе „похвалятъ братія твоя: руцѣ твои на плещу враговъ твоихъ, по„клонятся тебѣ сынове отца твоего; скименъ львовъ Іуда: отъ лѣто„расли, сыне мой, возшелъ еси: возлегъ, уснулъ еси яко левъ и „яко скименъ: кто возбудитъ его?“ [1])

Въ Апокалипсисѣ прямо сказано (V, 5): „Се побѣдилъ есть левъ, „иже сый отъ колѣна Іудова, корень Давидовъ.“

Вотъ тѣ два мѣста изъ священнаго писанія, которыя опредѣлили первое и главнѣйшее значеніе Льва въ христіанской символикѣ.

Левъ, какъ символъ Христа Спасителя, подробно изъясняется у всѣхъ отцевъ церкви, и значеніе его въ особенности краснорѣчиво опредѣлено въ краткихъ словахъ блаженнаго Августина: Contra leonem leo, contra lupum agnus. Но, неостанавливаясь на этомъ первоначальномъ значеніи Льва, мы обратимъ вниманіе наше на то обширное развитіе этого символа, которое встрѣчается сначала у физіологовъ византійскихъ, потомъ у западныхъ и наконецъ—у нашихъ русскихъ физіологовъ.

Всѣ писатели символическаго направленія отыскивали тайн-

[1]) Срав. Числъ XXIII, 24; XXIV, 9.

ственное сходство между Христомъ и символомъ его—Львомъ, не только въ книгахъ священнаго писанія, но даже и въ тѣхъ сверхъестественныхъ свойствахъ, приписываемыхъ этому животному какъ древними, такъ и средневѣковыми изслѣдователями зоологіи.

Мы увидимъ, что и наши русскіе физіологи почерпали изъ одинаковыхъ источниковъ свѣдѣнія о символикѣ Льва и, въ приводимомъ тутъ отрывкѣ, укажемъ, откуда именно они заимствовали такія свѣдѣнія. Этотъ отрывокъ выписанъ изъ рукописнаго алфавита XVII вѣка [1]).

„Вопросъ: что ради Пророку Иезекіилю Іоанниово благовѣстіе въ образѣ львове проявлено?

Понеже левъ три тайну естества Христова прообразуетъ. „Ибо лѣвъ егда бѣжитъ отъ ловца, тогда опашнею заметаетъ слѣдъ „свой, да быша ловцы неувиде слѣда его. Такоо и Господь нашъ „Ісусъ Христосъ плотію одия Божествоо, да утаится отъ діявола, „да не ощутится путь его, того ради искушаемъ бысть, отъ дия„вола впустыни, яко человѣкъ, 40 дней. Второе таинство: яко „егда спитъ левъ, отверсты вѣжды имать и прежде седми стопъ „чюеть ловца и бѣжитъ. Тако и Господь нашъ Ісусъ Христосъ плотію „взыде на крестъ, а Божество Его содесную отца бяше; плотію „усну яко мертвъ, а не Божествомъ, плотію пострада, а Божество „безстрастно пребысть. Третие таинство: яко львица, убо егда ра„жаетъ дѣтища, мертво его родитъ и стрежетъ его 3 дни, дондеже, „пришедъ отецъ его, дохнетъ нань и тако воставитъ ихъ. Тако и „Господь нашъ Ісусъ Христосъ Богомъ и отцемъ воскресе отъ „мертвыхъ втретій день. Убо лва образъ являти, да мнится, еже „владычественое и крѣпкое и неумягчателное и еже къ сокровень„ствію неизвѣщателнаго Богоначалія; елика по силѣ уподобляе„мое умныхъ стопъ прикровеніемъ еже по Божественѣмъ осіяніи „на то выспрь простирателнаго шествія. Тѣмже и о Бозѣ речено „бысть: в мори путие твои и стезя твоя вводахъ многахъ и сто„пы твоя не познаются, якоже бо путь вводахъ не снабдится, ниже „стопы львовы".

Изъ этого отрывкѣ ясно видно, какъ наши послѣдователи символической школы хорошо знали всѣ сочиненія греческія и западныя, относящіяся до любимаго имъ предмета. Такъ на примѣръ, самое раздѣленіе всей статьи на три таинства львиной природы есть подражаніе западнымъ бестіаріямъ, хотя въ каждомъ толкованіи проявляется самостоятельное воззрѣніе самаго писателя. Это

[1]) Наше собраніе рукописей, № 310, въ 4-ку; оборотъ 136 листа.

раздѣленіе на три таинства встрѣчается во всѣхъ трехъ спискахъ (въ двухъ латинскихъ и въ одномъ французскомъ) изданныхъ Гг. Кайе и Мартинъ [1]), и въ бестіаріи Вильгельма Нормандскаго [2]), которые сами, безъ всякаго сомнѣнія, заимствовали это подраздѣленіе у физіолога Св. Епифанія, гдѣ оно уже обозначено. Въ приведенномъ нами отрывкѣ не только порядокъ одинъ и тотъ же, но даже самыя мысли почти дословно переведены съ западнаго физіолога, но въ болѣе сжатой формѣ; отсюда можно заключить, что русскій писатель придерживался болѣе подлинника Св. Епифанія, между тѣмъ какъ западные физіологи произвольно развивали его въ своихъ переводахъ прозой или стихами.

Первое свойство Льва, по словамъ нашего писателя: заметать свой слѣдъ отъ ловцевъ. Это свойство выписано имъ изъ физіолога Дамаскина Студита, у котораго сказано: „егда (левъ) ходитъ и „идетъ во гнѣздо свое, влечетъ созади хвостъ свой и покрываетъ „слѣды свои, да не обрѣтается знаменіе пути его.“ Тоже самое встрѣчается у Св. Епифанія, который заимствовалъ эти подробности или у Эліена (lib. II, ch. 30), или у Плутарха (сравненіе звѣрей).

Второе свойство Льва: спать съ открытыми вѣждами тоже упоминается у Дамаскина Студита: „и егда спитъ, имать очи свои отверсты.“

Первыя слова приведеннаго нами отрывка переведены изъ Епифанія; но весьма любопытно сравнить это мѣсто съ тѣмъ же мѣстомъ во французскомъ физіологѣ, который приближается болѣе къ русскому переводу, чѣмъ остальные латинскіе тексты [3]).

„La Seconde vertu del lion, est quant il se dort si oeil veillent. „Voirement sont overt si oeil; si que ès cantiques tesmoigne li verais „espous, qui dit: Je dorm, mes cuers veille [4]). Ce est estimelogie: mi „sires dormi en la crois et la deites veillait. Dont ne dormi mie, ne ne „dormira cil qui garde Jsrael [5]). Ce est: il ne laira removoir de foi ne „dormir cels qui sot Deu véant.“

Третье свойство Льва — оживлять натретій день дыханіемъ своихъ мертворожденныхъ птенцевъ, также какъ и два предыдущія свойства, заимствовано изъ Дамаскина Студита.

---

[1]) Mélanges d'Achéologie II.

[2]) Le bestiaire divin de Guilaume du XIII s. ed. Hippeau. Caen 1852, p. 74—5, 193 sp.

[3]) Mélanges d'Archéol. II. p. 108. Бестіарій Петра Пикардскаго, XII вѣка.

[4]) Пѣснь Пѣсней V, 2: „Азъ сплю, а сердце мое бдитъ.“...

[5]) Псаломъ CXX, 4: „Се не воздремлетъ, ниже уснетъ хранящій Израиля.“

Самое толкованіе свое, о символическомъ знаменованіи Воскресенія Христова послѣ трехъ-дневной смерти, нашъ авторъ почерпалъ изъ толкованій церковныхъ писателей. Уже въ III вѣкѣ, Оригенъ, на основаніи древнѣйшихъ физіологовъ, указалъ на это символическое значеніе: „Nam Phisiologus de catulo leonis scribit, quod, quum fuerit natus tribus diebus et tribus noctibus dormiat,.... quod valde convenienter aptatur in Christo, „qui tribus diebus et tribus noctibus in corde terrae sepultus somnium mortis implevit.“ [1]) Тоже самое толкованіе встрѣчается у Епифанія и у папы Григорія Великаго (in Ezechiel, Homil. IV [2]). Въ другомъ отрывкѣ изъ русскаго физіолога, сохранившагося въ сборникѣ нашего собранія (№ 310 въ 4-ку, оборотъ 136 листа) описаніе Льва раздѣлено, какъ и въ вышеописанномъ алфавитѣ „на три естества“, но не смотря на это внѣшнее сходство, оба описанія совершенно различествуютъ между собою, какъ по толкованію трехъ львиныхъ свойствъ, такъ и по источникамъ, послужившимъ для составленія этого описанія.

Въ этомъ физіологѣ описаніе начинается съ оживленія на третій день мертво-рожденныхъ птенцевъ. Тутъ сочинитель не толкуетъ это свойство, какъ символическое значеніе Воскресенія Христа, а принимаетъ животворящее дыханіе Льва за символъ Крещенія: „прежде бо крещенія мертви суть, по крещеніи же просвѣщаютъ отъсвятаго Духа.“ Такое толкованіе, повидимому, заимствовано изъ блаженнаго Августина (Sermo 48, de Juda), хотя мы встрѣчаемъ намёкъ на одинаковую почти мысль у Оригена (In Paulum). Значеніе втораго естества: спать съ открытыми очами, не объяснено, потому что писецъ пропустилъ при переписываніи часть текста и прямо перешелъ къ исторіи какого-то разбойника, обращеннаго къ добру Пр. Симеономъ Столпникомъ. Повѣствованіе это должно, навѣрно, служить примѣромъ и подтверждать то символическое толкованіе, которое приведено было авторомъ физіолога, но теперь трудно догадаться съ какимъ именно толкованіемъ могло быть связано такое преданіе изъ житія Св. Симеона.

Наконецъ третье «естество львово» — заметать свой слѣдъ, сочи-

---

[1]) In Genesin. Homil. XVII pag. 288—289 (ed. Wirceburgi. 1783).

[2]) Heider. Symbol. des Löwen, pag. 18

[3]) Heider. Archiv f. Kunde Oester. pag. 553. — Epiphanii Physiolog (ed. Migne. XLIII pag. 519). Altera interpretatio „Nec aliter tu, spiritualis homo, cum feceris

нитель нашъ, на основаніи словъ Св. Епифанія [2]) объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Тако и ты, человѣче: егда твориши милостыню, да не знаетъ лѣвая рука, что творитъ десница твоя; да не „возбранитъ дьяволъ дѣло помысла твоего".

Мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ какимъ образомъ физіологи, признавъ Льва за символъ Спасителя, старались развить этотъ символизмъ и въ отношеніи всѣхъ остальныхъ свойствъ, приписываемыхъ львиной природѣ. Между всѣми качествами льва бдительность занимала всегда главное мѣсто въ разсказахъ народныхъ и наконецъ, выразилась въ повѣріи, что левъ спитъ съ открытыми глазами. Тоже самое повторили въ послѣдствіи и первые физіологи Св. Епифаній и Дамаскинъ Студитъ на основаніи разсказовъ древнихъ естествоиспытателей; такъ что чрезвычайная бдительность льва заняла столь же замѣтное мѣсто и въ христіанской символикѣ. Иконографія Византійцевъ, постепенно черпая свои наглядные примѣры изъ повѣрій и преданій самаго народа, предпочла бдительность льва всѣмъ остальнымъ качествамъ и создала на этомъ основаніи символическую икону, перешедшую и въ нашу иконографію подъ названіемъ Недремаемаго ока или Недреманнаго ока Господа нашего Іисуса Христа.

Первоначальные переводы иконъ бываютъ всегда просты, а въ послѣдствіи только постепенно осложняются. Такому же правилу вполнѣ соотвѣтствуетъ фреска находящаяся надъ западными дверьми Протатской церкви въ Кореѣ на Аѳонѣ [1]). Сама фреска приписывается, какъ говорятъ, Панселину, но судя по простотѣ и несложности рисунка, надо принять ее за древнѣйшій переводъ иконы Недремаемаго Ока. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что приписанныя, по бокамъ фрески, слова изъ книги Бытія прямо указываютъ на главный источникъ, послужившій къ созданію символическаго изображенія Недремаемаго Ока. Мы тутъ имѣемъ и самый простой переводъ и первоначальный источникъ иконы. Младенецъ-Христосъ, въ крещатомъ вѣнцѣ, съ открытыми глазами, облокотившись отдыхаетъ на ложѣ; надъ главою буквы: $\overline{\text{іс}}$. $\overline{\text{хс}}$. по сторонамъ Спасителя надпись:

---

eleemosynam, sinistra tua dexterae opus ignoret, ne te diabolus ex bonis operibus investiget et ad peccandum alliciat.»

[1]) Рисунокъ сообщенъ П. И. Севастьяновымъ.

ἈΝΑΠΕϹΩΝ ἘΚΟΙΜΗΘΗ ὩϹ ΛΕΩΝ—ΚΑΙ ὩϹ ϹΚΥΜΝΟϹ ΤΙϹ ἘΓΕΡΕΙ ΑΥΤΟΝ.

„Возлегъ, уснулъ еси яко левъ, и яко скименъ: кто возбудитъ его?“ (Бытія, XLIX, 9.)

После Аѳонской стѣнописи, вторымъ памятникомъ по древности перевода является саккосъ митрополита Фотія, который въ особенности для насъ важенъ, какъ памятникъ происхожденія вполнѣ извѣстнаго и съ точнымъ опредѣленіемъ времени. Этотъ саккосъ шитъ волоченымъ золотомъ и серебромъ по голубому атласу. На оплечьѣ, зарукавьяхъ и по всему саккосу вышитые шелками праздники и лики святыхъ—обнизаны жемчугомъ. По подольнику вы-

шиты шелкомъ и золотомъ изображенія Императора Іоанна Палеолога (ιω [αννης] ἐν χῷ τῷ Θ [ε]ῷ πιστος βασιλευς ο παλεολογος), супруги его Анны (Α'να ἡ ἐυσεβεστατη αὐγούστα η παλεολογηνη), Великаго Князя Василія Дмитріевича, (кнѧзь великы василиѥ димитриѥвичь) супруги Софіи Витовтовны (кнѧгы велика сѡфиꙗ) и наконецъ и самаго митрополита Фотія. Митрополитъ Фотій, отправленъ въ Россію патріархомъ Матѳеемъ при Императорѣ Мануилѣ въ 1409 году. На саккосѣ представлены сынъ Мануила, Іоаннъ и его супруга Анна, дочь великаго князя Василія Дмитріевича, выданная замужъ въ 1414 году и скончавшаяся въ Царьградѣ, отъ моровой язвы въ 1417 году. Отсюда видно, что саккосъ былъ вышитъ въ Царьградѣ между 1414 и 1417 годами [1]). На надписи на оплечьѣ вынизаны жемчугомъ слова: „фотиꙗ митрополита." Этотъ саккосъ, на соборѣ 1654, послужилъ доказательствомъ правильнаго чтенія символа вѣры. На оплечьѣ этого же саккоса изображено Недремаемое Око. Младенецъ-Христосъ лежитъ на пурпуровомъ ложѣ, облокотившись на правуюруку. Вокругъ главы крещатый вѣнецъ, а вокругъ самаго ложа—разныя травы, шитыя золотомъ по голубому полю. Надъ головою Христа буквы іс҃. хр҃. Передъ нимъ, у ногъ, стоитъ ангелъ, держащій шестиконечный крестъ и копье. Христосъ какъ бы отворачивается отъ орудій страсти. У ангела вокругъ головы вѣнецъ, золотыя ризы и золотыя крылья. Весь контуръ иконы обнизанъ жемчугомъ. Изъ этого памятника, опредѣленнаго для насъ времени, мы можемъ видѣтькакъ переводъ Недремаемаго Ока въ началѣ XV вѣка мало еще осложнился, хотя тутъ художникъ развилъ символисмъ иконы и соединилъ въ одно цѣлое два различныя свойства Льва. Вопервыхъ Христосъ, спящій съ открытыми глазами, представленъ въ значеніи „скименъ лвовъ Іуда", по второму свойству льва:„—егда спитъ левъ, отверсты вѣжды имать;" во вторыхъ, Ангелъ, приносящій къ нему орудія смерти, долженъ напоминать третье свойство льва: оживлять на третій деньсвоихъ мертворожденныхъ птенцевъ, ибо это свойство было истолковано Оригеномъ уже какъ символъ Воскресенія Христа послѣ трехъдневной смерти. Крестъ и копье въ рукахъ Ангела ясно указываютъ на страданія Спасителя передъ смертью и на самое воскресеніе его.

---

[1]) Филаретъ. Ист. Рус. церкви. III. изд. 2-ое, стр. 8.—Савва. Указатель Патр. ризницы. М. 1858, стр. 38.—Снегиревъ. Памят. Моск. древности. М. 1842—1845. стр.

Подобное сліяніе двухъ разныхъ символическихъ свойствъ Льва вело къ развитію перевода самой иконы. Въ послѣдствіи, кромѣ сліянія двухъ свойствъ львиныхъ, при постепенномъ развитіи толкованій, старались и на самой иконѣ изобразить то, что уже было принято въ толкованіи. Къ такому позднѣйшему толкованію, судя по обширности его, вѣроятно конца XVI вѣка, надо отнести слѣдующій отрывокъ изъ рукописнаго сборника [1]:

ѡ недреманнемъ ѡке спасове.

„Божественный Апостолъ Павелъ глаголетъ, отчасти свидѣтельствуетъ и отчасти пророчествуетъ отъ божественнаго писанія и отъ старческихъ бесѣдъ и свидѣтельствуетъ въ Палѣе книге [2]): Львица ражаетъ льва, а лежитъ левъ три дни и три нощи умеръ, а лвица надъ нимъ стоитъ, дондеже оживетъ и начнетъ царьствовати надо всѣми звѣрми земными. И паки глаголетъ божественный Пророкъ: почи и поспа, яко левъ.

(ⲡ̂) Львица есть Пречистая, левъ есть Христосъ. [3]) Почи во гробѣ три дни и три нощи нездрема Божествомъ и сниде впреисподня страны земли и скруши верея вѣчная і воскресе тридневно (sic) и нача царьствовати надо всѣми святыми. Левъ спить единымъ окомъ, а другимъ зритъ; тако и Христосъ поспа во гробѣ плотію і вся виде Божествомъ. А то аггелъ Господенъ преобразуетъ смерть Господню и держитъ крестъ и трость и губу."

Послѣ такого подробнаго развитія толкованія объ иконѣ, необходимо было выразить иконописно все то, до чего развили значеніе Недремаемаго Ока. Такимъ образомъ, послѣ конца XVI вѣка, мы кромѣ Ангела, всегда встрѣчаемъ на переводахъ XVII вѣка — и самую Пр. Богородицу, стоящую у изголовья Христа и благоговѣйно смотрящую на спящаго Спасителя, а у ногъ его—Ангела, держащаго крестъ, трость и губу. Иногда даже изображали двухъ Ангеловъ; тогда орудія страсти раздѣлялись между ними: одинъ держитъ крестъ и копье, а другой — трость и губу; для такихъ иконъ, въ

---

[1]) Въ собраніи автора, № 610, въ 4-ку, листъ 82. Тоже самое повторяется и въ другомъ сборникѣ № 78, въ 18-тую долю, листъ 34.

[2]) „Въ Палѣе книге" во второмъ спискѣ нѣтъ.

[3]) Во второмъ спискѣ послѣ „Христосъ" прибавлено: „пострада и поспа." На самомъ концѣ втораго списка писцемъ прибавлено: „молебное воззваніе къ Богу"

рукописномъ подлинникѣ гр. Строгонова [1]) (XVIII вѣка) приведены и надлежащія надписи:

«Подпись образу недремаемаго ока.

На верхнемъ полѣ: Безначалнаго тя Отца, и тебе Христе Боже и Пресвятый твой Духъ, херувимски дерзающе глаголемъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ. У спаса на одрѣ подпись: Господь сый Вседержитель и Богъ провидящее око и недремаемое посредѣ земли на крестѣ вознесеся. Ниже одра: Изъ Дѣвы безмужныя пройде, Христе, пріимъ отъ нея плоть мысленну и одушевленну и истлѣвшее человѣческое существо обнови.“

Къ иконамъ этого времени (XVII столѣтія) должны быть отнесены:

Стѣнопись въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ. Живопись древняя, неподновленная.

Икона половины XVII вѣка, въ собраніи Г-на Молочникова, московскаго письма. Кромѣ двухъ ангеловъ съ орудіями страсти и съ платомъ, къ Христу прилетаетъ еще шестикрылый Херувимъ. У ложа, вмѣсто скамьи, лежитъ камень, какъ намекъ на тотъ камень, который закрывалъ гробницу.

Другая икона, того же времени, но царскихъ писемъ, находится въ собраніи г. Ерофѣева, во многомъ различествуетъ отъ предъидущей. Одинъ Ангелъ стоитъ и держитъ орудія страсти, между тѣмъ какъ другой прилетаетъ держа рипиду. Припомнимъ тутъ, что во время литургіи діаконы по обѣимъ сторонамъ олтаря держатъ рипиды надъ потиромъ, во время призыванія Святаго Духа на Дары [1]).

Двѣ иконы нашего собранія, также XVII вѣка, не содержатъ такихъ символическихъ подробностей. На одной одинъ только ангелъ и надпись: „Недреманое око Господа нашего Іисуса Христа“; напоминаетъ простоту изображенія на саккосѣ митрополита Фотія. Другая икона съ надписью: „Недремаемое око Господа нашего Іисуса Христа.“ Вокругъ одра Спасителя зелень, у изголовья Богородица, у ногъ—ангелъ. Второй ангелъ прилетаетъ съ тростью и губою. На самомъ верху звѣздное небо въ видѣ развернутаго свитка съ солнцемъ и луною на концахъ [2]).

---

[1]) На оборотѣ 316 листа.

[2]) Въ собраніи рисунковъ Д. А. Ровинскаго.

[1]) № 13, и № 207.

Наконецъ къ самымъ новѣйшимъ переводамъ иконы Недремаемаго Ока, мы должны причислить ту фреску монастыря Филоѳея на Аѳонѣ, которую описалъ Г-нъ Дидронъ [2]). Богородица и два ангела на колѣняхъ молятся передъ спящимъ младенцемъ; между тѣмъ, какъ у ногъ его лежитъ спящій львенокъ. Вокругъ извѣстная надпись изъ 49 главы книги Бытія.

---

[2]) Histoire de Dieu. pag. 348—349.

СИМВОЛИКА ДРАГОЦѢННЫХЪ КАМНЕЙ.

Д. О. ШЕППИНГА.

Символика драгоцѣнныхъ камней принадлежитъ, по преимуществу, тѣмъ странамъ Востока, гдѣ находятся въ большомъ количествѣ и самые эти камни, такъ напр. Арабы, искони торгующіе ими, перенесли ихъ въ своемъ воображеніи и на свое небо, полагая, что звѣзды ничто иное, какъ тѣ-же дорогіе камни самоцвѣтные, прикрѣпленные къ небесному своду, ради его украшенія и освѣщенія темныхъ ночей. Наши же сѣверныя страны, куда арабскіе и персидскіе торговцы стали гораздо позднѣе привозить эти камни, чрезвычайно бѣдны преданіями о нихъ, какъ замѣчаетъ это и Гриммъ, относительно Германіи *). И самыя общія Европейскія названія камней, носящія на себѣ печать ихъ восточнаго происхожденія, появляются у насъ на Руси только во времена письменной литературы. Повидимому затруднялось воображеніе русскаго человѣка—подъ словомъ камень представить себѣ крошечное ожерельное украшеніе и возводило миѳическій бѣлъ-горючъ алатырь (по мнѣнію нѣкоторыхъ—янтарь) въ громадные размѣры, напоминающіе собою руническія камни и долмены кельто — германской археологіи.

---

*) Grimm. D. Myth. стр. 1167.

На латырѣ камнѣ, лежащемъ на перекресткѣ, читаютъ таинственную надпись:

„На самой на перехрестычкѣ
Лежитъ тутъ бѣлъ-горючъ камень,
На камешкѣ есть написано:
По правой ѣхать богатому быть,
По лѣвой ѣхать—женатому быть,
А прямо-то ѣхать—убитому быть.

На томъ же камнѣ, на островѣ Буянѣ, по словамъ заговоровъ, сидитъ молодецъ или красная дѣвица; а подъ вліяніемъ христіанскаго благочестія — на бѣломъ латырѣ камнѣ Самъ Іисусъ Христосъ опочивъ держалъ. Наконецъ, въ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ является этотъ же алатырь камень на Сорочинской горѣ, въ видѣ цѣлой скалы, черезъ которую, перескакивая, нашъ удалой молодецъ себѣ смерть находитъ.

Алатырь можно назвать единственнымъ камнемъ нашихъ туземныхъ народныхъ повѣрій. Кромѣ него только въ двухъ трехъ мѣстахъ нашихъ былинныхъ пѣсенъ упоминаются еще кое-гдѣ: антавентъ, тиронъ и яхонтъ, что невольно наводитъ на мысль, что миѳическій латырь, хотя по происхожденію своего имени и можетъ означать одинъ янтарь *), имѣлъ въ народномъ воображеніи болѣе общее значеніе ярко свѣтящагося камня, подобно греческимъ: электру и хризолиту. Янтарь — заморское произведеніе, привозимое намъ съ береговъ Балтики; но въ курганахъ средней Россіи встрѣчаются женскія ожерелья изъ туземнаго сердолика и бѣлаго кварца, которые, красноватымъ цвѣтомъ перваго, и кристализаціею втораго—имѣютъ не менѣе янтаря право на обычный эпитетъ: свѣтъ, бѣлъ, горючь. Съ другой стороны, прочія названія самоцвѣтныхъ камней нашихъ устныхъ преданій, не смотря на совершенно особенныя ихъ имена, легко могли однакоже появиться въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ позднѣйшихъ иноземныхъ свѣдѣній, попавшихъ въ письменные памятники нашей средневѣковой литературы. Пѣсни и былины съ любовію распространяются въ описаніяхъ богатствъ и цѣнности одеждъ, оружія и жилищъ нашихъ богатырей, а между тѣмъ кромѣ бисера въ нихъ упоминаются только дорогіе металлы и мѣха, что отчасти и указываетъ на то,

*) См Русск. Бесѣда 1857-го года № 2. О русскихъ народныхъ Миѳахъ и Сагахъ Надеждина, и примѣч. Безсонова, къ пѣснямъ Кирѣевскаго, выпускъ IV. Стр. 1 и 9

что въ тѣ времена, драгоцѣнные камни не были еще извѣстны у насъ, потому что въ противномъ случаѣ, пѣсни навѣрное бы воспользовались ими въ своихъ описаніяхъ, какъ видимъ это въ сказаніяхъ позднѣйшей эпохи.

Первое символическое значеніе драгоцѣнныхъ камней встрѣчаемъ мы у Египтянъ, гдѣ каждому знаку зодіака соотвѣтствовалъ извѣстный камень, такъ что этими двѣнадцатью камнями изображали не только небесныя созвѣздія, но и соотвѣствующія имъ мѣсяцы годоваго исчисленія *). Первосвященникъ у Евреевъ носилъ на груди своей нарамникъ, наваемый ефудомъ съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, которые символически изображали двѣнадцать колѣнъ Израиля (Исх. гл. xxviii), а въ xxi главѣ Апокалипсиса, въ описаніи небеснаго Іерусалима встрѣчаются также двѣнадцать именъ камней, символизирующихъ собою 12 апостоловъ.

У насъ на Руси первое описаніе символики честныхъ камыкъ, явилось уже въ xi вѣкѣ въ Изборникѣ Святославовомъ **), переведенномъ съ греческаго и дошедшемъ къ намъ чрезъ посредство Болгаріи. Эти свѣдѣнія Святославова Изборника повторяются съ небольшими измѣненіями и во всѣхъ позднѣйшихъ описаніяхъ камней различныхъ сборниковъ, сказаній и азбуковниковъ, и только уже въ xvii вѣкѣ появляются еще новыя добавленія, заимствованныя, повидимому, изъ источниковъ Латино-Германскаго происхожденія, какъ напр. въ лексиконѣ Памвы Берынды.

Если станемъ сравнивать, какъ по именамъ камней, такъ и по порядку ихъ исчисленія, нашъ древній Изборникъ съ 3-мя упомянутыми выше группами Египетскаго, Еврейскаго и Іоанновскаго исчисленія камней, то легко убѣдимся, что хотя нашъ перечень взятъ съ библейскаго ефуда, онъ собственно тождественъ и съ другими и всѣ эти 4 перечня содержатъ въ себѣ одни и тѣже камни.

Изборникъ.	Ефудъ Первосвященника.	Апокалипсисъ.	Египетскій зодіакъ.
1) Сардионъ	Сардій.	Сардій ***).	Карніолъ
2) Пазионъ.	Топазій.	Топазій.	Топазъ.
3) Зиарагдъ.	Сиарагдъ.	Сиарагдъ.	Сиарагдъ †).
4) Анеракъ.	Анеракъ	Халкидонъ ††).	Халкедонъ.

*) Friedreich Weltkörper. w. 1864. p. 126.

**) Истор. Христом. Буслаева, стр. 263.

***) Сардій—тоже самое что, корналинъ и сердоликъ.

†) Изумрудъ.

††) Анеракъ собственно антракъ (уголь по Гречески), вполнѣ соотвѣтствуетъ карбункулу, отъ слова carbo (уголь по Латыни), gemma carbunculus, escarboucle, karfunkel,

Изборникъ.	Ефудъ Первосвященника.	Апокалипсисъ.	Египетскій зодіакъ.
5) Сапѣиръ.	Сапфиръ.	Сапфиръ.	Сафиръ.
6) Иасписъ.	Ясписъ.	Іасписъ.	Яспъ.
7) Ѳуакинѳъ.	Лигирій.	Іакінѳъ.	Гіацинтъ.
8) Ахатисъ †)	Ахатъ.	Сардоникъ	Сардоникъ.
9) Аметѳуский.	Аметистъ.	Аметистъ.	Аметистъ.
10) Хрусолиѳъ.	Хрисолидъ.	Хрисолiѳъ.	Хризолитъ.
11) Вероклионъ. (берилъ—вериллосъ).	Виріллій.	Виріллъ.	Веріллъ.
12) Онухион ††)	Онихій.	Хрисопрасъ.	Хризопрасъ.

Въ замѣчательномъ сказаніи объ Индѣйскомъ царствѣ, (издано г. Тихонравовымъ по рукоп. XVII вѣка въ „Лѣтописяхъ русской литературы"), названы между драгоцѣнными камнями, добываемыми изъ рѣки Гедеонъ: сапфіръ, измарагдъ, сердоликъ (сардій) яспидъ и арадъ—камень аки огонь полящъ есть всему каменію царь, имя ему ѳирсаламъ, всю нощь свѣтитъ, аки уголь горящій. Здѣсь имя ѳирсаламъ, повидимому, искаженное хрисолитъ (хирсоламъ, хрисоламъ) т. е. златовидный, отъ греческаго хризіонъ — золото; а загадочный арадъ-камень можетъ въ этомъ случаѣ, подобно какъ карбункулъ, переводъ антракса, имѣть одинакое значеніе съ хрисолитомъ, если, отбросивъ случайную букву д, мы удержимъ одинъ чистый корень ара, отъ латинскаго aurus-auer, или скорѣе еще, отъ санскритскаго harana (золото), hara (пламя), harita (зеленоватый и также солнце) ghrta *), блестящій, сродное съ нашимъ: горѣть, жаръ и пр., что вполнѣ объясняетъ, какъ увидимъ дальше, приданное этому камню горѣніе аки уголь, подобнымъже значеніемъ золота въ нашихъ народныхъ преданіяхъ. Средневѣковое воззрѣніе ученыхъ на значеніе драгоцѣнныхъ камней раздѣляется на двѣ главныя категоріи: мистическія изображенія христіанской вѣры и добродѣтели души человѣческой **), а съ другой стороны врачебныя и хранительныя свойства, приписываемыя этимъ камнямъ суевѣрными понятіями времени, такъ напр. Карніолъ сар-

---

красный, огненный рубинъ, его также смѣшивали встарину и съ халхедономъ: халкедонъ камень честенъ инде анфраксъ толкуется (Азб. Сах. 189). Халхедону приписывается свойство блестѣть во мракѣ и тускнѣть на солнцѣ, почему онъ и смѣшивается съ антраксомъ.

†) Ахатисъ, тоже что сардоникъ (Азб. стр. 146).

††) Онухіонъ, ониксъ, онухіонъ, камень драгій, другіе мнятъ яко русъ инде нарѣчется Хрисопрасосъ (тамъ же стр. 175).

*) Pictet, Orig. Indo-Europ стр. 154.

**) Symbolique des pierres précieuses par M-me Felicie d'Ayzac. Paris. 1846.

дій своимъ красноватымъ цвѣтомъ, напоминая и огонь и кровь, изображаетъ пламень вѣры, напоминая въ тоже время и о мученикахъ, излившихъ кровь свою за Христіанство. Небесный цвѣтъ сафира, указываетъ на надежду нашу, обращенную къ небесамъ, напротивъ бѣлизна верилла, подобная цвѣту воды, когда въ ней отражаются солнечные лучи, олицетворяетъ Священное Писаніе, проникнутое мудростію Божественнаго слова *).

Съ точки зрѣнія врачеванія, каждый камень имѣетъ также свои особенныя свойства. Одни излѣчиваютъ отъ укушенія змѣевъ и скорпіоновъ, и охраняютъ отъ всякаго яда, другіе—отъ злыхъ духовъ и служатъ чародѣямъ для заклинанія мертвыхъ и ломаютъ всѣ цѣпи и затворы. Топазій усмиряетъ морскія бури, верилл поддерживаетъ любовь и дружбу къ тому, кто его на себѣ носитъ. Аметистъ—останавливаетъ кровь, а яспъ помогаетъ женщинамъ въ родахъ и лѣчитъ отъ лихорадокъ и эпилептическихъ припадковъ **). Болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе легендарнымъ значеніемъ своимъ Гіацинтъ. Онъ, по западнымъ источникамъ, несгораемъ въ огнѣ, а напротивъ, подобно саламандрѣ, тушитъ огонь своимъ соприкосновеніемъ, какъ вѣра и молитва укрощаетъ грѣхи и страсти людскія. Онъ въ огнѣ бѣлѣетъ и перемѣняетъ цвѣтъ свой подъ вліяніемъ атмосферическихъ перемѣнъ, почему имъ изображали св. Павла, перешедшаго изъ ярыхъ гонителей Христіанства, въ апостолы новой вѣры. Гіацинтъ охраняетъ отъ молніи (вѣроятно какъ имѣющій вліяніе на огонь) и умножаетъ богатство, мудрость и почести того, кто хранитъ его у себя. Еще замѣчательнѣе распространенное на Руси повѣствованіе о Іакинфѣ и способѣ его добыванія. Мы выписываемъ здѣсь его вполнѣ изъ Азбуковника Сахаровскаго изданія, которое впрочемъ цѣликомъ взято изъ Изборника XI вѣка, а потому несомнѣнно идетъ изъ византійскаго источника.

„Іакинфъ, камень учермленъ есть, иже Клугіонъ наричется, обрѣтается во внутренней Варваріи Сирійстей, иже Скифію наричутъ страну ту всю Сѣверскую; иже ту суть Готфи Давни. Ту убо внутрь пустыни великія Скифіи есть пропасть зѣло глубока, а человѣкомъ

*) Lettre du Pape Innocent III à Richard. r. d'Angleterre и l. Brunon. Astens. Praefat. in lib. sup. Apocal.

**) См. Grässe, Symbolik der Edelsteine, въ Сборникѣ Ромберга: Die Wissenschaft d. XIX Jahrhund.

невходна, стѣнами бо каменными отвсюду ограждена есть, да тѣмъ съ горы приникшу кому либо, аки со стѣны не мочно дозрѣти дна дебри той, отъ глубины бо мракъ есть, аки пропасть нѣкая. Посылаютъ же тамо осужеиицы нудма отъ ближнихъ царей, да или сами изгибнутъ, или Іакинѳъ камень обрѣтше, прости будутъ. Пришедше же юзницы тамо, заколаютъ овча и, содравше кожу, вмѣщутъ я въ пропасть дебри тоя, и прилипаетъ каменіе Іакинѳъ на мясѣхъ тѣхъ. Орли убо въ камени томъ живуще и на воню мясную сходятъ въ пропасть, и возносятъ мясо со прилѣпившемся каменіемъ. И егда изъѣдятъ орли мяса, каменіе остается въ верху горы. Осужеиицы же досмотрѣвше, гдѣ орли возносятъ мяса, и тутъ обрѣтаютъ каменіе Іакинѳъ. Имать же каменіе дѣйство: намещемо на угліе горяще, само не врежается, угліе же погашаетъ. Но вземъ кто камень той, и обвивъ плащаницею, держитъ надъ углями, то самъ отъ огня сожжетъ руку, плащаница же безъ вреда пребываетъ. Глаголютъ бо яко рождающимъ женамъ на потребу есть.

Описаніе миѳическаго значенія и баснословныхъ свойствъ карбункула мы предоставляемъ себѣ въ концѣ этой статьи.

Въ концѣ XVII вѣка показалось въ нашей литературѣ нѣсколько новыхъ камней, указывающихъ по самимъ названіямъ ихъ на позднѣйшіе латинскіе источники, пришедшіе къ намъ уже путемъ западной Европы.—Таковы: Илектронъ или электръ, воображаемый или искусственно составленный металлъ, смѣсь золота съ серебромъ, подъ которымъ также понимали въ классической древности и привозимый съ сѣвера янтарь. Описаніе этого камня въ Азбуковникѣ, мистически религіозными своими выводами и сравненіями, явно свидѣтельствуетъ о вліяніи на эту статью латинскихъ лапидарій, которые, подобно бестіаріямъ, старались изъ мнимо ученыхъ свѣдѣній о предметахъ естественныхъ наукъ, выводить различными метафорическими натяжками душеспасительныя нравоученія.

„Илектръ, камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовидѣнъ, убо вкупѣ и сребровидѣнъ златомъ, проявляетъ негнилостную, яко во златѣ, неизнуряющую, неумаляемую и чистую свѣтлость, и свѣтоносную яко сребро, и свѣтовидную и небесную зарю“. Маргаритъ или мергаритъ,—названіе жемчуга, которое, хотя уже извѣстно было во времена Плинія, тѣмъ не менѣе, по словопроизводству своему чисто нѣмецкаго происхожденія

отъ слова Meergritz — морская крупа, употребляемаго въ пѣсняхъ и сагахъ Германскихъ, для выраженія, то морскаго песка, то жемчуга *).

Вообще жемчугъ точно также, какъ и опалъ, имѣлъ по цвѣту своему одинаковое значеніе съ водянисто-бѣлымъ Берилломъ и самое названіе перлы, perala, berala, bearl, едва ли не происходитъ отъ берилла или беррилла. „Адаманъ—діамантъ. Аще хощеши побѣдити врага, возми камень, названы адаматъ, есть масти блестящияся, но и жесточаиши такъ, что не можетъ никакоже преломитися, точию кровию козлию, а родится въ Арави или въ Кипре, и аще въ левомъ боку привяжется, помогаетъ противъ враговъ и неистовству и неукрощенныхъ звѣрей и ярыхъ человѣковъ и противъ любопреніемъ и сварамъ, и противъ ядовъ и нашествіи мечтаніи; нецы-же называютъ его діаментъ **).

Французское названіе этого камня въ бестіаріяхъ—pierre d'aimant, или d'ement придало алмазу, странною игрою словъ, значеніе любовнаго талисмана и магнита, изъ чего и явилось повѣріе, будто алмазы оплодотворяются, такъ что у какой-то Люксембургской принцессы отъ ея бриллiантовъ рождались новые. Эта сказка, въ видимой связи съ разсказомъ бестіарій о терробули—pierre feu, которые, раздѣляясь на камни мужескаго и женскаго пола, при случайномъ ихъ сосѣдствѣ или прикосновеніи другъ къ другу, испускаютъ отъ себя огонь,—явный намекъ на простое явленіе кремня ***). Самый же алмазъ въ латино-французскихъ бестіаріяхъ, очевидно сливается съ понятіемъ Карфункула и заимствуетъ у него свое сказочное значеніе горящаго по ночамъ камня самосвѣта.

Во всѣхъ этихъ средневѣковыхъ сочиненіяхъ о драгоцѣнныхъ камняхъ почти совершенно исчезаетъ ихъ главнѣйшее миѳическое значеніе символа небесныхъ свѣтилъ, солнца, звѣздъ, огня и свѣта, когда напротивъ въ нашихъ изустныхъ народныхъ преданіяхъ, немногіе камни, упоминаемые въ пѣсняхъ, сказкахъ и заговорахъ русской старины, удерживаютъ за собой исключительно одно только это древнѣйшее ихъ значеніе, почему и носятъ постоянно эпитеты не только самодвѣтныхъ (самосвѣтныхъ) но и честныхъ

---

*) Grimm. D. Myth. стр. 1169.

**) Истор. Христом. Буслаева, стр. 1359.

***) Mélanges Archeolog. Paris 1851. ч. II, стр. 125, и ч. IV, стр. 63 и Dict. infernal par Collin de Plancy. стр. 114.

камыкъ, въ смыслѣ чуть ли не божественныхъ, чудныхъ, сверхъестественныхъ явленій.

Совершенно тождественное значеніе имѣютъ въ нашихъ народныхъ повѣріяхъ и драгоцѣнные металлы серебро и въ особенности золото, и первенство этихъ металловъ передъ камнями легко объясняется тѣмъ, что послѣдніе, не встрѣчаясь въ нашей сѣверной почвѣ, явились у насъ гораздо позднѣе золота и серебра, и народная жизнь не успѣла еще съ ними вполнѣ ознакомиться въ ту доисторическую эпоху, когда складывался въ ней нашъ богатырскій эпосъ въ его первобытномъ, чисто миѳическомъ значеніи. Серебро, олицетворяя собою бѣлизну деннаго свѣта, передало въ языкѣ нашемъ, свое аллегорическое значеніе бѣлому цвѣту вообще, напр. въ выраженіяхъ бѣлый день, бѣлый царь, или бѣлъ-горючь камень,—бѣлый явно синонимъ свѣтлаго; точно такъ же, какъ бѣлые кони солнечной колесницы, бѣлыя вилы сербскаго преданія и самое имя Бѣлбога западныхъ Славянъ.

Золото же и золотистый цвѣтъ остается постоянной эмблемой солнца и небеснаго огня. Въ языческихъ преданіяхъ древняго міра, солнце, какъ плодотворная производительная причина всякой жизненной силы природы, является въ умѣ и воображеніи человѣка и прямымъ источникомъ всего добраго и счастливаго: силы, могущества, плодородія, богатства, здравія, красоты, вѣчной молодости. Вотъ почему и богатыри нашихъ русскихъ сказокъ, какъ наслѣдники древнѣйшихъ миѳическихъ боговъ, олицетворявшихъ нѣкогда собой самыя небесныя свѣтила, персонификаціи которыхъ и донынѣ еще появляются нерѣдко въ югославянскихъ преданіяхъ *), постоянно удерживаютъ за собою главнѣйшіе атрибуты ихъ первообразовъ и общее благое значеніе ихъ солярнаго происхожденія. Изъ совокупности всѣхъ славянскихъ преданій объ обоготвореніи солнца и вліянія его на жизнь природы и человѣка, почти положительно заключить можно, что предки наши вѣрили въ какую то дальнюю страну вѣчнаго тепла и свѣта, страну источника всякой жизненной силы, или, если можно выразиться эпической формой нашихъ народныхъ пѣсенъ, страну матерь всѣхъ прочихъ странъ свѣта. Эту страну воображалъ себѣ человѣкъ по восходу солнца, непремѣнно на востокѣ, далеко за моремъ, въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ, на святомъ островѣ, среди океана.

*) Буслаева Народн. Поэзія ч. I стр. 339 и 340 и далѣе.

У всѣхъ Славянъ сохранились преданія о Царѣ-Солнцѣ, его царствѣ и его золотыхъ чертогахъ. У него 12 сыновей, и 12 солнечныхъ дѣвъ (намекъ на зодіакальныя созвѣздія) ему прислуживаютъ вмѣстѣ съ зарею утренней и зарей вечерней. Онъ возсѣдаетъ на золотомъ тронѣ и разъѣзжаетъ по небу на золотой колесницѣ, запряженной бѣлыми конями (символъ свѣта, бѣлаго дня). Словаки зовутъ его донынѣ святымъ владыкой неба и земли, хорватскія сказанія придаютъ ему прямо названіе божества *). У насъ на Руси самая личность царя солнца совершенно исчезла, уступивъ свое мѣсто нашимъ новѣйшимъ былиннымъ и сказочнымъ богатырямъ; но его царство, гдѣ все, даже звѣри и птицы, сіяетъ золотомъ лучезарнаго свѣтила, живо сохранилось и у насъ въ разсказахъ о тѣхъ дальнихъ странахъ, куда Иванъ Царевичь ѣздитъ добывать живую и мертвую воду, золотыя яблоки, дарующія молодость и здравіе, золотую жаръ птицу, золотогриваго коня и наконецъ несказанной красоты Царь-дѣвицу. Къ этому царству солнца относятся вѣроятно и чудные чертоги, о которыхъ говоритъ пѣсня:

„На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды —
И вся красота небесная.....

и рожденіе вьюношей богатырей по колѣна ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, на лбу красное солнышко, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды.

У Чеховъ сохранилось положительное преданіе, что царство солнца находится за моремъ, что въ немъ вѣчное лѣто и оттуда къ намъ прилетаютъ всѣ сѣмена и птицы; а по другой Чешской поговоркѣ; zaletel nekam za moře k Welesu, эта страна приводится въ прямую связь съ божествомъ Велесомъ или Волосомъ, въ его древнѣйшемъ значеніи бога солнца, сохранившемся отчасти въ нашихъ преданіяхъ о Волотѣ Волотовичѣ, уступившемъ въ свою очередь мѣсто свое, въ историческій періодъ нашихъ народныхъ

*) Журн. Министер. Народн. Просвѣщ. 1846 годъ, мѣс. іюнь, ст. Срезневскаго объ обожаніи Солнца у древнихъ Славянъ.

былинъ, князю Владиміру, Красному Солнышку Кіева и внуку Дажбога, по словамъ пѣвца о полку Игореви *).

У насъ на Руси эта страна, источникъ блага и жизни, призывается въ заговорахъ противъ болѣзней и злыхъ наваждений подъ именемъ Святъ-острова, или острова Буяна. На морѣ на Океанѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ бѣлъ-горючь камень—алатырь камень (иногда золотой камень), на немъ или молодецъ или дѣвица красная, а иногда и змѣя инорогая, или птица гагана (или юстрица-штраусъ) съ желѣзнымъ носомъ и мѣдными когтями **).

Въ другомъ заговорѣ XVII вѣка: Есть море золотое, на золотомъ морѣ золотое древо, на золотомъ древѣ золоты птицы, носы желѣзные и когти желѣзные, а дальше, на золотомъ морѣ бѣлъ-горючь камень, а на бѣлъ камнѣ сидитъ красная дѣвица ***), и т. д.

По Хорватскому преданію, царя солнца сопровождаютъ двѣ золотыя птицы, которыя, подобно воронамъ Одина, передаютъ ему все, что дѣлается на землѣ. Въ нашемъ стихѣ о Голубиной книгѣ: Стратимъ птица живетъ посреди моря (на Океанѣ морѣ):

„Держитъ бѣлый свѣтъ подъ правымъ крыломъ,
Страфилъ птица вострепехнется —
И освѣтится въ ту пору вся земля,
Запоютъ пѣтухи во всей землѣ,
Океанъ море восколыхнется,
Топитъ она корабли гостинные
Съ товарами драгоцѣнными,
И производитъ дѣтей на Океанъ морѣ;
Потому стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.“

Очевидно, что эта небесная золотая птица ничто иное, какъ поэтическое олицетвореніе достающихъ до насъ лучей солнца. Вспомнимъ здѣсь то, что до сихъ поръ, въ нашемъ языкѣ быстрота птичьяго полета выражается эпитетомъ свѣтъ, ясный соколъ, относящимся очевидно къ быстротѣ, съ которой распространяются лучи свѣта.

---

*) Буслаева Рус. Народн. Поэзія ч. I. стр. 383 и 455, и наша Рус. Народн. стр. 85 и 203.

**) См. заговоры въ I томѣ. Сказ. Рус. Народ. Сахарова.

***) Христом. Буслаева, ст. 1353.

Съ другой стороны, Гагана птица съ желѣзнымъ носомъ и когтями сливается съ образомъ Грифона и переходитъ такимъ образомъ и на фантастическія изображенія драконовъ и многоглавыхъ крылатыхъ и огненныхъ змѣевъ, постоянныхъ враговъ и соперниковъ полярныхъ героевъ нашихъ сказокъ.

Въ древней космогоніи грифоны, змѣи и драконы олицетворяютъ собою громъ и молнію, тучи и бури и всѣ вообще атмосферическія явленія, которыя заграждаютъ отъ насъ благотворное вліяніе солнечныхъ лучей и лишаютъ землю въ зимнее полугодіе ихъ согрѣвающей плодоносной силы *). Въ нашихъ сказкахъ царь змѣиный не только постоянный врагъ благодѣтельнаго солнца лѣта, но иногда, повидимому, принимаетъ и самъ значеніе сего свѣтила, какъ безплоднаго зимняго солнца. Вотъ почему драконъ самъ нерѣдко носитъ золотые вѣнцы, раздаетъ золото и драгоцѣнные подарки своимъ приверженцамъ и хранитъ въ своихъ подземныхъ каменныхъ пещерахъ много золота и серебра, почему эти металлы и носятъ у насъ эпическое прозвище змѣиной крилицы. Золото, хранимое змѣями въ темныхъ пещерахъ и лишенное его блеска и пользы, относительно человѣка, ничто иное, какъ миѳическое иносказаніе солнечныхъ лучей, плѣненныхъ мракомъ и холодомъ громовыхъ тучъ и зимнихъ морозовъ. Тамъ же напротивъ, гдѣ благотворное вліяніе тепла и свѣта торжествуетъ, золото является первымъ признакомъ плодородія, силы и богатства и неизбѣжнымъ атрибутомъ солнечныхъ героевъ, которыхъ платья, оружія, конныя сбруи и даже терема и палаты блестятъ золотомъ и серебромъ: „Есть у меня палата серебряная, покрыта златомъ и внутри украшена камениемъ драгимъ і жемчугомъ, аки небо звѣздами. А иная у насъ палата сдѣлана в чистомъ златѣ, в нейже осмь столповъ отъ чистова злата, а толщина в столпѣ по три сажени, а высота осми сажень, а на всѣхъ столпѣхъ по камени по драгому: въ нощи свѣтится, аки огнь горящіи, а в день аки злато сіяетъ. А в палатѣ у меня огнь не горитъ: вмѣсто огня камень свѣтитъ; есть у меня палата серебряная на золотых столпѣх, а на столпѣ по два камени великихъ, аки корчаги, і тѣ камения свѣтятся, аки горятъ въ нощи, а въ день аки злато сіяетъ (Сказ. объ Инд. Цар.).

Изъ всего, вышесказаннаго положительно можно почитать золо-

*) См. Schwartz Ursprung d. Myth. Почти вся эта книга посвящена миѳическому значенію Gewitterdrache, т. е символа огня, грома и бури.

то за вещественный символъ тепла и свѣта и всѣхъ земныхъ благъ соединенныхъ въ человѣческомъ умѣ съ древнѣйшимъ обожаніемъ солнца, какъ главнѣйшаго источника плотворной жизни всей природы. Но золото имѣетъ иногда также и значеніе огня не только небеснаго, но и земнаго. Во всей Европѣ существуетъ повѣріе, будто надъ кладами горитъ ночью огонекъ, и золото во мракѣ подземныхъ пещеръ освѣщаетъ ихъ своимъ блескомъ, почему къ этому металлу и относится, какъ сейчасъ упомянули о томъ, свойство горѣнія, и красный цвѣтъ прямо указываетъ на огонь. Загадка: Чернецъ, молодецъ по колѣно въ золотѣ стоитъ, означаетъ горшокъ въ огнѣ. Золотое ложе драконовъ носитъ въ германскихъ сагахъ имя feuerbett, а золотая птица солнечнаго царства получаетъ у насъ названіе жаръ-птицы.

Въ изустныхъ преданіяхъ нашего народа соотвѣтствуетъ, повидимому, солярному значенію золота, чародѣйный камень бѣлъ (т. е. свѣтлый) горючь латырь или алатырь.

Мы сказали уже выше, что собственно алатырь можетъ обозначать янтарь, который своимъ желтоватымъ цвѣтомъ, напоминая золото, получилъ и его благотворныя и чудесныя свойства. Латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ, лежитъ, по словамъ пѣсни, посреди моря, моря синяго; съ подъ камешка, съ подъ бѣлаго латыря протекли рѣки, рѣки быстрыя, по всей землѣ, по всей вселенной, всему міру на исцѣленіе, всему міру на пропитаніе. Въ болѣе новѣйшемъ варіантѣ стиха Голубиной книги вмѣсто латыря: — всѣмъ камнямъ мать — кармаусъ камень-Илиторъ, вѣроятно златовидный электръ или электоріонъ. Что же касается до кармауса, не есть ли это искаженный карфункулъ, въ Сахаровскомъ азбуковникѣ Карфамуколосъ, камень свѣтящійся по ночамъ, какъ горящій уголь. Въ нашихъ народныхъ былинахъ мы встрѣчаемъ его подъ именами антавента и тирона; которые совершенно неизвѣстны преданіямъ остальной Европы:

И взяли они (калеки перехожіе) по камешку антавенту,
И скоро калеки въ походъ пошли;
День идутъ по красному по солнышку,
Ночью идутъ по камешку антавенту.

Царевичь Константинъ Сауловичъ приказываетъ своимъ конюхамъ осѣдлать его коня подъ сѣделечко черкесское, а въ задней

слукѣ и въ передней слукѣ приказываетъ онъ положить по тирону по каменю, по дорогому самоцвѣтному (самосвѣтному) не для ради меня, какъ самъ спѣшитъ объяснить царевичь, а для ради пути дороженьки:

Для ради темной ночи осенней,
Чтобы видить при пути—дороженьки
Темна ночь до бѣла свѣта *).

Тотъ же тиронъ камень вставленъ у Дюка Степановича въ ушахъ его богатырскихъ стрѣлъ:

Онъ днемъ стрѣляетъ,
Ночью тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ—то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ.

По свойствамъ и значенію своему, эти камни совершенно тождественны съ антраксомъ или карбункуломъ и адамантомъ иноземныхъ преданій. Азбуковникъ (Сахаровскаго изданія), принимая анфраксъ и карфункулъ за различные камни, даетъ намъ о нихъ два особыя описанія, которыя и помѣщаемъ вмѣстѣ для сравненія ихъ другъ съ другомъ.

Анфраксъ.

Камень зѣло чернъ образомъ, блещася, обрѣтается въ Халкидонѣ Ливійстемъ, иже нарицается Африкія; нощію обрѣтаютъ его, издалече бо видитися, аки свѣща свѣтящеся, или яко уголь искрами меща, и по свѣту его шедше обрѣтаютъ; но симъ же кацѣми ризами обвитъ, блескъ его внѣ ризы сияетъ.

Карфумуколосъ.

Камень есть тако, зѣло драгъ, иже всѣмъ камнямъ господинъ видомъ аки уголь, нощію свѣтитъ, сей камень есть гнѣздо камню топазію.

Гриммъ приводитъ древній нѣмецкій стихъ:

*) Пѣсни Кирѣевскаго, выпус. III, стр. 85 и 103.

Der Stein ist ein Karfunkel
Des Nachts schienet und des Tages ist dunkel *).

Тоже самое свойство приписывается латино-французскими лапидаріями и адаманту: est lapis qui dicitur adamans, ita tamen ut noctibus quaeratur non per diem, quoniam nocte lucet ubi fuerit, perdiem non lucet, quoniam sol obtundit lumen eius; а во французскомъ рукованномъ бестіаріи:

On trouve une piere dure
Quant on la quert par nuit oscure
Mes elle ne luist mie par jor
Car idonc pert sa resplandor **).

Общая черта всѣхъ этихъ сказаній, что огонь самосвѣтнаго камня тускнѣетъ, или даже совершенно исчезаетъ передъ деннымъ свѣтомъ, что указываетъ на какое то соперничество и борьбу этого земнаго огня съ небесными лучами солнца. Если молнія, какъ явленіе нашей земной атмосферы, относится, по мнѣнію Шварца, къ огню, отъ земли происходящему ***); то не безъ нѣкоторой вѣроподобности можно отнести и самоцвѣтные камни къ символическому изображенію сего явленія, что подтверждается отчасти разсказомъ Брунетто-латини, будто на лбу змѣя аспида горитъ яркій карфункулъ ****), и, по Германскимъ повѣріямъ, этотъ камень отыскивается и у другихъ гадинъ:

Ich hoere von den Steinen sagen
Die Natern und Kröte tragen
Dass grosse tugent daran liege, и пр.

Точно тоже повѣріе существуетъ и на счетъ пѣтуховъ и каплуновъ, у которыхъ въ головѣ выростаетъ, въ опредѣленные года, камень алекторій (отъ греческаго имени этой птицы), придающій

*) Deutsch Wörterbuch. ч. V, выпус. 1. стр 212.
**) Melanges d'Arheologie ч. IV стр. 64—66.
***) Ursprung der Myth. стр. 31.
****) Et sacés que aspide porte en sa teste la luisant et precieuse piere que l'en claime Carboucle.

храбрость и силу въ битвахъ. Этому камню приписывалось древними необычайная сила Миллона Кротонскаго *), и весьма вѣроподобно, что золотистый электръ или илектронъ есть ничто иное, какъ тотъ же чудесный петушій камень.

Въ видимой связи съ этимъ страннымъ суевѣріемъ, и повѣріе о рожденіи змѣя Василиска, или basil-coq, отъ яица, снесеннаго чернымъ пѣтухомъ, почему эта змѣя и представляется иногда съ пѣтушьей головой **). Жгучій карбункулъ во лбу аспида, превращается у Василиска въ его собственные глаза, которыми эта страшная змѣя наноситъ мгновенную смерть всякому живому существу, на которое взглянетъ.

Въ сказкѣ о Еруслапѣ чудо морское даетъ Еруслану Лазаревичу камень самотвѣтный, выкупъ за свою жизнь, что напоминаетъ карбункула во лбу аспида.

Всѣ змѣи и гадины, какъ уже сказано было выше, олицетворяютъ собою, въ древнѣйшей космогоніи востока, атмосферическія явленія вѣтра, грозы и бури, и черный пѣтухъ, въ этомъ случаѣ, также ничто иное, какъ черная туча, рождающая молнію подъ сказачной эмблемой свѣтящагося камня или ядовитаго взора василиска. Въ аллегорическихъ сближеніяхъ обыденной рѣчи, взоръ часто сравнивается, по быстротѣ и яркости своей, то съ стрѣлою, то съ молніей. У насъ донынѣ вѣрятъ въ силу дурнаго глаза, въ особенности черныхъ очей, которые по блеску своему нерѣдко сравниваются съ карбункуломъ (briller comme des escarboucles—говорится о такихъ глазахъ, по французски).

Въ особенности же выступаетъ зловредное значеніе глазъ въ дѣтскихъ сказкахъ о свѣтящихся глазахъ хищныхъ птицъ и звѣрей въ ночномъ мракѣ лѣсовъ.

Естественно, что наприм. сова, птица тьмы, боящаяся солнечнаго свѣта, своимъ шумнымъ ночнымъ полетомъ, жалостнымъ крикомъ и сверкающими во мракѣ глазами, пугая человѣка, напоминала ему грозныя явленія грома, бури и молніи.—Чудный корабль Соловья Будиміровича, по нашей пѣсни, представлялъ собою видъ какого то морскаго чудовища: вмѣсто очей было вставлено

По дорогому камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибивано,
По черному соболю Якуцкому.

*) Dict. Infernal. стр. 183.

**) Melanges Archeolog. ч. II, стр. 213 и Grässe, Beitrage zur Litterat. und Sage des Mittelalters, стр. 56.

Наконецъ, въ Эддѣ миѳическій ковачъ Волундръ куетъ священный камень iarca или carca stein (по глоссамъ Маргаритъ и топазіонъ) изъ глазъ младенцевъ Камни, находимые въ змѣяхъ, ящерицахъ и пѣтухахъ, служили воинамъ талисманомъ непобѣдимости, почему и назывались въ германскихъ сагахъ: Siegestein. *) О камняхъ, происходящихъ отъ животныхъ, Брунетто Латини увѣряетъ, что лигурій камень (русскій Іоакинфъ) производится отъ рыси. По Еврейскому преданію такой же камень, найденный на морской змѣѣ, возвращалъ жизнь всему, къ чему прикасался, такъ что, взятый на корабль, гдѣ между прочей провизіей находились соленыя птицы, онѣ всѣ, по разсказу мореплавателя, ожили и разлетѣлись отъ чуднаго вліянія сего камня **). Почти подобное же спасительное дѣйствіе относительно рыбы, приписывается у насъ, въ одномъ варіантѣ стиха о Голубиной книгѣ, лежащему посреди моря кармаусъ или Илектронъ камню.—Тотъ же змѣйный карфункулъ или пѣтушій алекторій:

„Камнямъ камень мать
Кармаусъ камень Илиторъ,
И лежитъ онъ у моря теплаго
На восточномъ устьѣ Волгскомъ;
А коя рыба съ моря пойдетъ,
И о камень потрется,
И на Руси той рыбы ловцамъ не добыть,
И птицамъ ее не убить,
И того году смерти ей не будетъ ***).“

Эти преданія указываютъ на первый источникъ всѣхъ медицинскихъ и симпатическихъ свойствъ, приписываемыхъ суевѣріемъ среднихъ вѣковъ различнымъ драгимъ камнямъ.

Въ основѣ же своей, басня о живительныхъ свойствахъ свѣтящагося камня, ничто иное, какъ иносказаніе благотворнаго дѣйствія грома и молніи на здоровье человѣка и плодородіе земли, когда въ знойные дни лѣта, внезапная гроза разрѣжаетъ воздухъ, и благотворный дождь освѣжаетъ землю. Скандинавскій громовер-

*) Grimm, d. Myth. стр. 1169.
**) Schwartz. Sonne, Mond und Sterne. Berlin 1846 г. стр. 4.
***) Калѣки перехожіе. Стр. 338.

жецъ производитъ громъ и молнію бросаніемъ на землю своего міолниръ, по народнымъ же преданіямъ послѣ паденія молніи остается отъ нея въ землѣ драгоцѣнный камень *) или громовая стрѣлка. Въ сербской пѣснѣ, гдѣ хожденіе дѣвичьяго кола по деревнѣ сближается съ хожденіемъ грозовыхъ тучъ по небу, выпадаетъ изъ этихъ тучъ золотое кольцо. Въ близкой связи съ этимъ преданіемъ и мѣстные обряды у насъ на Руси: при встрѣчѣ первой весенней грозы умываться дождевой водой (для цвѣта лица и укрѣпленія зрѣнія), собирая воду въ чашѣ, на днѣ которой положено золотое кольцо, или пропуская эту воду черезъ кольцо **). Едвали не одинакое значеніе имѣютъ съ небеснымъ кольцомъ сербской пѣсни и самоцвѣтные камни алекторій и лигурій. Какъ первый вынимается изъ внутренностей небеснаго Чернаго-Пѣтуха тучъ, такъ и второй является окаменѣлымъ изверженіемъ этихъ же тучъ, олицетворенныхъ въ образѣ рыси ***). Рысь же извѣстна въ баснословныхъ сказаніяхъ среднихъ вѣковъ силою своего взора, способнаго видѣть даже сквозь толстыя стѣны и этимъ своимъ типическимъ свойствомъ (у французовъ yeux de lynx перешло въ поговорку) совершенно отождествляется съ совою и василискомъ.

Карфункулъ же въ головѣ аспида встрѣчается по народнымъ повѣріямъ южной Франціи и на лбу чудовища vouivre ехидны, которая „по поясъ иматъ образъ человѣка яки дѣвица, а отъ пояса крокодиловъ образъ иматъ“. †) По разсказу Марміе ††) является на высотахъ haute Pierre существо полу-женщина, полу-змѣя, имѣющее вмѣсто глазъ одинъ свѣтящійся карфункулъ посреди лба; когда вуивръ купается въ рѣкѣ, она оставляетъ на берегу свой драгоцѣнный камень подобно золотымъ ожерельямъ валкирій и лебединыхъ дѣвъ Германскихъ сагъ; и если бы возможно было воспользоваться ея купаньемъ чтобы украсть камень—онъ раскрылъ бы своему обладателю всѣ подземныя сокровища, но подобная попытка сопряжена съ опасностію жизни, въ случаѣ ехидна настигнетъ похитителя; народъ до сихъ поръ помнитъ много примѣровъ подобныхъ случаевъ.

Если мы вспомнимъ теперь, что древніе бестіаріи постоянно смѣшиваютъ вуивру съ обыкновеннымъ змѣемъ виперой и даже четве-

---

*) Въ Германскихъ лапидаріяхъ названъ этимъ камень Ceraunus или Donnerstein

**) Опытъ истор. обозр. рус. Словесности. О. Миллера стр. 52.

***) Buch der Natur Конрада фонъ Мегенберга. 1861 г. стр. 147 и 451.

†) Сахарова Св. Рус. Нар. книга 5 стр. 158. Сравни Melanges Archéolog. ч. 2 стр. 135.

††) Xav. Marmier. Jour. de voyages et traditions populaires стр. 75,

роногую рысь производятъ въ гадину; un ver con apelle lieus, *) сближая его такимъ образомъ въ воображеніи своемъ съ василискомъ, то и карфункулъ аспида и вуивры очевидно тождественъ, по метафорическому смыслу своему съ пронзительнымъ взглядомъ рыси и василиска, и намъ становится понятнымъ таинственная связь глаза съ горящимъ ночью, какъ уголь, самосвѣтнымъ камнемъ и огненнымъ змѣемъ, извилисто сверкающимъ по темному небу молніей.

Конечно, далеко еще не возможно съ достовѣрностію опредѣлить значеніе каждаго изъ этихъ разрозненныхъ осколковъ древнѣйшей космогоніи; но тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ новѣйшая наука болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію, что нѣтъ такихъ, повидимому, нелѣпыхъ выдумокъ суевѣрнаго невѣжества, которыя бы не имѣли своего разумнаго начала въ стремленіи человѣка объяснить себѣ путемъ осязательнаго сравненія тѣ явленія природы и отвлеченныя понятія собственной его духовной жизни, которыя онъ еще не въ силахъ постигнуть путемъ мышленія и научнаго изслѣдованія.

*) Mélanges archeolog. Ч. IV стр. 80.

О ДОЛѢ И СРОДНЫХЪ СЪ НЕЮ СУЩЕСТВАХЪ.

А. А. ПОТЕБНИ.

I. Названія Доли.

Часть, корень въ скр. chид, chинат-ти, scindere; глагольный характеръ, явственный въ Скр., сталъ въ славянскомъ словѣ принадлежностью корня часть зн. собств. нѣчто отрѣзанное, часть, потомъ въ Ст. Сл. Серб Русс. - счастье, доля въ хорошемъ смыслѣ: „сидень сидитъ, а часть его ростетъ“. Серб. чест-ит въ силу суффикса, собств имѣющій часть, потомъ счастливый; тоже самое, въ силу предлога съ, зн. съ-частьнъ, имѣющій часть, счастливый, счастие состояніе имѣющаго часть и пр.; не-счастье-отсутствіе части-счастья. У-часть значитъ почти то-же, что часть, какъ удѣлъ почти то, что дѣлъ; предл. у во многихъ случаяхъ сообщаетъ корню только зн. окончанія дѣйствія. Серб. злочест, злой, вѣроятно предполагаетъ зн.: имѣющій злую долю (Серб. зла чест), несчастный. Съ этимъ ср. слѣдующее: уже въ Скр. отъ Bhадж (bhаг) въ зн. дѣлить-сущ. bhага, часть, потомъ счастье, блаженство, божественное существо, прил. bhага-ват, надѣленный счастьемъ, счастливый. Слав. Богъ (осн. Ф. bhагас) легко можетъ быть выведено изъ того-же значенія корня bhаг, именно изъ зн. дѣлить, а не изъ colere, venerare. Богъ можетъ собств. значитъ часть, доля, счастье, а потомъ—божество. По крайней мѣрѣ ясно, что производными отъ Богъ предполагается зн. части, счастья, а не Бога: събожие, аналогично съ Сл. съчастие, зна-

чить въ В. луж. zbożo-счастье, въ другихъ слав. нар. имѣніе, богатство и въ частности то, что составляетъ главное богатство земледѣльца: хлѣбъ; бог-атъ—надѣленный частью, имѣніемъ, богатствомъ; у-богъ, не-богъ, съ равнозначащими префиксами, собств. не имѣющій части, счастья, потомъ—бѣдный.

Доля, тоже что часть. Корень въ Скр. дâл-ати, колоться (ср. скр. др̂, дар и сл. драть), откуда Скр. дала-м, нѣчто оторванное, отколотое, кусокъ, часть. Само по себѣ Сл. доля не указываетъ ни на добро, ни на зло, изъ чего видна умѣстность эпитетовъ въ Млр. добра, лиха, гірка доля; однако Млр. недоля, бездільля противополагаются долѣ въ зн. счастья.

Пай, часть, обл. пора; въ Млр. странный по образованію гл. пайдить, Поль. szczęścić, везти. Основное зн. Сл. пай—темно; сближенію съ Лит. pjanti рѣзать и т. д. мѣшаетъ коренное у лит. глагола.

Серб. Срећа (Ст. сл. съ-рашта, отъ темы наст. вр. гл. съ-рѣсти (кор. рѣт), сърАшАт), собств. тоже, что встрѣча, которое подобно Серб. слову, отъ зн occursus переходитъ къ зн. счастья, почему и противополагается худу въ посл.: быть было худу, да подкрасила встрѣча (Даль Посл 45). Счастье въ Сл. Срећа представляется зависимымъ отъ дѣйствительной встрѣчи, какъ на пр въ Серб. пѣсняхъ Кар. Пјес. I, 55, 116. и во многихъ повѣрьяхъ. Затѣмъ срећа и несрећа, какъ и доля и т. и. становятся названіемъ миѳическихъ лицъ, представляющихъ счастье и несчастье.

Серб. намјера, соб. то, на что человѣкъ намѣряется (ср. Серб-намјерити се, найти, набрести, наткнуться на что), на что человѣкъ натыкается, потомъ случай: „намјера га намјерила била на...“, случай его нанесъ.

Случай, собств. соединеніе (въ смыслѣ столкновенія, встрѣчи), потомъ-Чеш pripadek, Поль. przypadek, и въ частности въ Влр.—Счастье (Чеш. nápadné, případné štěsti), въ Млр.-случай, рожденіе, смерть.

Притка, притча. соб. приткновеніе, столкновеніе, потомъ случай, несчастье. Приблизительно такимъ образомъ представляется и та пора, когда день стыкается съ ночью. Ср. Скр. Сандһjâ (отъ сандһu. м., соединеніе, изъ сам=съ и дһâ=дѣ-), сумерки утренніе и вечерніе, время между концомъ одного и началомъ другаго мірового періода (југа), молитва или обрядъ, совершаемый въ сумерки. Влр. суточь, нар., соприкасаясь, одинъ подлѣ другаго; сутычки: 1, передній уголъ, мѣсто подъ образами (гдѣ смыкаются бревна или стѣны); 2. мѣсто въ избѣ, гдѣ у печи сомкнуты два столба; 3, сумерки; сутки—передній уголъ, сѣни, время отъ сумерекъ до сумерекъ; сутники, сумерки.

Я говорю здѣсь объ этомъ за тѣмъ, чтобъ объяснить, почему въ Серб. пѣснѣ Сумерки названы временемъ, когда отдѣляется счастіе отъ несчастья:

Кад се дјели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана (т. е. на разсвѣтѣ),
Удбньска се отворише врата,
Те изиде једна чета мала (Кар. Пјес. III, 278).

Ночь есть печаль и несчастье, день—счастье и радость, потому сумерки—время, когда стыкаются счастье и несчастье.

Въ нѣсколькихъ словахъ счастье, несчастье, случай, представляются временемъ: время, счастье, безвременье, несчастье: „Будешь во времени, и насъ помяни“; „время краситъ, безвременье старитъ“; „не гребень холитъ, а время“; „доля во времени живетъ, бездолье въ безвремяньи“ (Даль). Вр. обл. безлѣтье, неудачное теченіе дѣлъ, бѣда, невзгода, что предполагаетъ лѣто въ значеніи удачи и т. п. Серб. догодити се, случиться, догађај, случай, Чеш. příhoda,—iti se, случай, событіе, случиться, Пол. przygoda приключеніе. Влр. обл. пригода, случай (то, что при времени, во времени; годъ-время) въ Млр. выраженіи „у пригоді стати“ (быть въ помощь, б. на руку въ нуждѣ) получаетъ значеніе несчастнаго случая. Отъ того же корня—названія погоды: Млр. година, время, пора, погода вообще и въ частности хорошая, негода — непогодь и пр. Въ связи съ этимъ — сравненія счастья и несчастья съ погодою: „то и счастье, что иному ведро, а иному ненастье“ (Даль, Посл. 26); Млр. хуртóвина, вьюга, мятель, ненастье:

Одвідай мене безрідну та бездольну
Въ чужій стороні, при лихій хуртовині...
Поки у насъ пивали та ідали...
Тогді насъ куми й побратими добре знали,
А теперь пришибла мене лихая хуртовина,
Одцуралися куми й побратими (Метл. 356—7).

Ой хвортуно—хуртовино!
Послужи намъ хоть ще трохи,
Служила въ чумацтві, та служила въ бурлацтві,
Послужи ще й у хазяйстві.

Подобное значеніе имѣетъ и Млр. завирюха, мятель.

Рокъ. Значеніе fatum могло-образоваться изъ зн. рѣшеніе (Пол. wyrok, Чеш. výrok), въ частности рѣшеніе верховнаго существа. Однако нѣтъ основаній предпочесть это объясненіе слѣдующему. Чеш. rok, разговоръ, то что опредѣлено, условлено договоромъ, между прочимъ срокъ, опредѣленное время, годъ; Поль. rok, судебный срокъ и годъ; Серб. рок—срокъ. Отсюда можно вывести, что судьба въ Сл. рокъ представляется не непосредственно чѣмъ-то сказаннымъ, рѣшеннымъ, какъ въ ся. fatum, а временемъ, срокомъ. Ср. „безъ року смерти не будетъ, безъ року не умрешь“ (Даль Посл. 27, 47), т. е. безвременно, безъ срока, хотя съ другой стороны „ловитъ волкъ роковую овцу“ (ib. 27), т. е. обреченную Св. Юрьемъ.

Срб. „добре часе давати“, желать счастья; Млр. злйдні, мелкія миѳическія существа, представляющія несчастье.

Указаній на зависимость доли отъ времени, особенно отъ времени рожденія, довольно: „подъ злой часъ, подъ злую годину“ (Даль, Посл. 28); Мр. „щаслива, добра, лиха година“;

Марьечка.. щасливої годиночки родилася (Метл. 175);

Зійшовъ місяць изъ зорёю
Той обгородився (радужными кругами);
Щасливої годиноньки
Козакъ уродився:
Ой куди вінъ подумае,
Той Богъ помагае (Метл. 329);

У Середу родилася: та то мое горе (но Четвергъ кажется легкій день: „не теперъ, такъ въ Четвергъ“; во многихъ мѣстахъ сватанье начинаютъ въ Четвергъ или въ Субботу);

Породила мене мати у Святу неділю,
Дала мені гірку долю, нічого не вдію (Метл. 12, 365),

при чемъ неизвѣстно, потому ли должна была дать гірку долю, что родила на Святой, или несмотря на это? Изъ Влр. пѣсни видно, что хорошо родиться на Святой:

Ты умѣлъ хорошъ родитися
И богато снарядитися!
Поносила тебя матушка
Во утробѣ девять мѣсяцевъ

Тяжелымъ тяжелешенько,
Во десятый-то поро́дила
Во Христовскую заутреню,
Какъ во первый большой благовѣстъ (Гул. Оч. Ю. С. 30).

По Словенскому повѣрью, если дитя родилось въ новолуніе, то будетъ красиво, а если на ветху, то нѣтъ (B. Němcová).

Въ Серб. чарàтан (Итал. ciarlatano?), человѣкъ родившійся „у марчаној свијећи“ (при мартовской лунѣ), черезъ котораго до крещенья перешла кошка или другое „поганое“ животное. Поэтому онъ становится несчастнымъ, не можетъ имѣть никакого ремесла, ни постояннаго дѣла, но шляется весь вѣкъ, фокусами забавляетъ людей и выманиваетъ у нихъ деньги, которыя ему однако не въ прокъ и уходятъ, какъ пришли (Кар. Рјечн.) Родиться при восходѣ зари — хорошо:

Aj Nanynko má milá
Iak jseš ty hezký děvce!
Musěla se narodit
Spiš, než dennice vyšla.
Ja sem se narodila,
Dennice vycházela,
Už me moja maměnka
Na rukach kolibala (Sušil. Mor Nar. pisni 204).

Число подобныхъ свидѣтельствъ можно бы значительно умножить, но не предстоитъ особенной надобности. Зависимость участи отъ времени можетъ быть легко примирена съ вѣрованіемъ въ долю, какъ живое существо. Время рожденія виною, почему человѣку посылается та или другая доля.

Лихо (въ Мир. Поль. Чеш.), несчастье, бѣда. Корень въ Скр. рич, ринакти, ринктѐ, рѐчати, рѐчајати, разлучить, раздѣлять, оставлять. Относительно Слав. х = Скр. ч ср. Скр. чита долгій и широкъ. Въ Литов. likti, lẽkti, оставаться въ излишкѣ, оставлять, какъ и въ Лат. linquo, сохранилось основное k. Въ Литов. и Слав. нечетное число представляется оставшимся, излишнимъ: Лит. lẽkas, оставшійся, нечетный, lyg' ar lẽk', четъ или нечетъ; Ст. Сл лихъ (оставшійся), излишній, черезъ чуръ большой, лишенный (недостающій); Серб тако или лихо = Чешс. suda *) нѣ

*) Чеш. suda, пара, четъ, ср въ Скр. сандха, соединеніе.

lich=sudem čili lichou, sudo li čilicho=Пол. cetno—licho=Мр. чіт чи лишка. Поэтому можно бы думать, что несчастье въ Сл. лихо представляется нечетнымъ, несчастнымъ числомъ. Однако т. к. тотъ же корень въ Лит. отъ зн. оставить переходитъ къ зн. рѣшить (Лит. tai dèvo žadèta, teip likta, это было изречено, такъ опредѣлено Богомъ, tai prilikta buro это было рѣшено (судьбою), likimas, остатокъ, конецъ, судьба, смерть) то лихо, въ смыслѣ несчастья, скорѣе значитъ рѣшенное, опредѣленное, тѣмъ болѣе, что и самое рѣшить относится къ тому же корню.

Бѣда, въ ст. Сл.—ανάγκη, necessitas, въ Поль. Чеш. — тоже что и въ Русс., въ Серб. тоже и сверхъ этого—напраслина побjеда, calumnia Корень бhид, бhинаттu=findere, откуда бhѣда, м. раскалыванье, раздѣленіе, раздоръ, различеніе, различіе. Какъ вывести изъ этого значеніе нужды, необходимости? Кстати: что значитъ побѣдный, какъ эпитетъ круга:

Князья бояра собиралися,
Собирались, низко кланялись,
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія (П. и Обр. I, 257).

Неужели тоже, что въ выраженіяхъ: „побѣдная голова“ (бѣдная), „побѣдный голосъ (жалкій)?

Нужа, кромѣ общественныхъ значеній, есть также названіе недоли, какъ миѳическаго лица. Корень, Скр. нуд-áти, толкать, гнать, такъ что нужда есть гоненіе, состояніе гонимаго, или то что гонитъ. Во всякомъ случаѣ значеніе необходимости раньше зн. нищеты въ Поль. nędza. Основаній Слав. ринезма въ этомъ словѣ въ Скр. невидно.

Горе, Млр. журба (основное зн.—огонь) Влр. кручина, названія печали, переходятъ и къ значенію недоли, какъ миѳ. существа.

Подъ большею частью разсмотрѣнныхъ названій разумѣются или разумѣлись человѣкообразныя, рѣже зооморфическія существа.

Доля приходитъ къ человѣку, встрѣчаетъ его: зла несрећа Вину прискочи (Кар. Пјес. I, 536); зла Јемину (дат. п.) Срећа присочила, Те Алила у Сватове зове (ib. 614); сусрела вас добра срећа и господин Бог (ib. 32); На муштулук, браћо наша, добра сте дошли! С вама дошла свака срећа и сам господ Бог (ib. 45); Нашла га биједа на суву путу; Щастя маа рога, біда маа ноги

(Ном. Приказ. 36); То не бѣда, коли на дворъ взошла, а то бѣда, коли со двора не йдетъ (Даль Посл. 25); пошла бѣда, растворяй ворота. Дома ль хозяинъ? Бѣда пришла (ib. 31); гдѣ бѣда ни была, а къ намъ пришла (ib. 33); бѣда не одна ходитъ, бѣда съ побѣдушками (ib.); бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ (ib. 30); Де ти, лихо, ходило? Тебе, пане, шукало; лихо спотикало, щастя спотикало.

Недоля гоняется за человѣкомъ; отъ нея не уйти; у Притчи на конѣ не уйти (Даль II. 27); отъ бѣды не уйти; бойся, не бойся, а отъ части своей не уйдешь (ib); Лиха не шукай: воно само тебе найде (Ном. Пр. 40. Ср. сказку, какъ человѣкъ, незнавшій лиха, пошелъ его искать и нашелъ въ видѣ худой, высокой одноокой старухи или одноокаго (слѣпаго) великана, Ае. ск. III № 14); Бывали люди у меня горя... До смерти со мною боролися.. Не могли у меня, горя, уѣхати (о Горѣ Злоч.). Преслѣдованіе человѣка горемъ, которое то является въ человѣческомъ образѣ (лыкомъ подпоясалось, мочалами ноги изопутаны, Сах. ск. р. 4. I, 224), то оборачивается щукой, волкомъ, и т. п., смотря по тому, какъ ему удобнѣе гоняться за своею жертвою, составляетъ содержаніе ряда Вар. пѣсенъ (Сах. l. c.; Рыбн I, № 83—6; Горе Злоч.). Отъ горя уйти или въ монастырь (какъ въ п. о Горѣ Злоч. и у Рыбн. I, № 86), или въ сыру землю. И туда

„За мной горе идетъ, и лопату несетъ,
И копаетъ и закапываетъ,
И ногами притаптываетъ,
И руками пришлепываетъ".

Въ Мар. пѣсняхъ на ту-же тему соотвѣтствуетъ гірка и нещасна доля, бідa, которая ни продается, ни въ морѣ не тонетъ, ни въ лѣсу не заблудится (Метл. 12, 365. Послѣднюю ср. съ Рыбн. I, № 84). Доля близка къ человѣку, хоть онъ объ ней и не думаетъ: думы за моремъ, а бѣда (смерть) за плечами (Даль. Посл. 40); вечеронька на столі, а смерть за плечима.

Несчастье мучитъ, бьетъ человѣка: побила тебе лихая година!; най го злидні побьютъ (Ном. Пр. 72); не бий, бо й такъ злидні його побили (ib. 75). Счастье — несчастье нападаетъ на человѣка, беретъ его, схватываетъ, какъ болѣзнь или сонъ: „щастя якъ трясця: кого схоче, на того й нанаде (ib. 35); хорошо тому бѣситься, кого притка беретъ (Даль); żeby go licho ciężkie porwało; niech cię bieda weźmie. Оно садится человѣку на плечи, наваливается на него.

Да чомусь мині, мили братя,
Медъ—вино не пьетця:
Гдесъ (должно быть) на мене молодого
Бідонька кладетця (Кост. въ Сб. Морд. 195).

Сюда же относится Серб. желанье: Срећице се наносили (Кар. Пјес. I, 140) и болѣе ясныя свидѣтельства нѣсколькихъ сказокъ, на пр. Эрленв. № 21: нужда сидитъ у человѣка на плечахъ и подпѣваетъ ему тоненькимъ голоскомъ; мужикъ схватываетъ ее, сажаетъ въ кобылью голову и забиваетъ въ трясину. Такъ и нѣм. Unglück, Unsälde сидитъ у человѣка на шеѣ (Gr. Myth. 832—3). Въ видѣ змѣи недоля вьется около сердца:

Чомусь мени, мила, горілка не пьетця,
Коло мого серденька якъ гадина вьетця.
— Ой то-жъ не гадина, то лиха година
Коло твого серденька собі гніздо звила (Метл. 250);
Та чомусь, мені, братці, горілка не пьетця,
Край мого серденька гадинонька вьетця.
Извила гніздечко, де мое сердечко,
Извила кубельце, тамъ де мое серце,
А то не гадина, то лиха година.
Изсушила извьялила невірна дружина (ib. 251);

Серб. тако ми се туга на срце не савила (Кар. Посл. 305).

Человѣкъ страдаетъ, когда бѣда не спитъ; ему становится легче, когда она засыпаетъ; біда не спить, а по людяхъ ходить (Ном. Пр. 43); коли спить лихо не буди жъ ёго (ib. 40); nie budź licha, kiedy licho śpi; drzymie? niech śpi licho; добре тому пить, кого доля (т. е. лиха) спить (Ном. ib. 35). На оборотъ, хорошо, когда счастье не спитъ: чомъ ёму не пить, коли ёго доля не спить (ib.). Такъ и Нѣм. Saelde (fortuna) спитъ или бодрствуетъ (Gr. Myth. 822).

Счастье, изрѣдка несчастье, несетъ человѣка, наноситъ его на что: Однесе ме Бог и Срећа Іову на дворе (говоритъ невѣста; Кар. Пјес. I, 34); сва добра срећа изнијела Игумана Светогорца Васа (ib. II, 443); Намјера је старца нанијела, Нађе старац сандук од олова (ib. 64); намјера га намјерила била на зелено у гори језеро; czy cię licho przyniosło? Согласно съ этимъ счастье представляется конемъ: удача — кляча: Садись и скачи (Даль, Посл. 50). Ср. въ кобылью голову счастье (? ib. 51). Слѣдующія отрицанія

предполагаютъ положительное сравненіе: счастье не конь (кляча), хомута не надѣнешь (или не взнуздаешь); счастья въ оглобли не впряжешь (Даль 45).

Счастье работаетъ для человѣка: тобі твоя доля робе (Ном. Прик. 34);

Ой я-бъ, мамо, не тужила, ябъ Бога молила,
Щобъ моему миленькому доленька служила (Метл. 20).

Въ Серб. ск. (Кар. № 13) Срећа одного пасетъ ему стадо овецъ, тогда какъ срећа другого спитъ. Въ Русс. ск. (Аѳ. V, № 51) счастье счастливаго пашетъ за него, а счастье несчастнаго лежитъ подъ кустомъ въ красной рубашкѣ и спитъ день и ночь. Какъ и въ Серб. сказкѣ, несчастный подкравшись бьетъ свое счастье палкой. Оно (мужчина) обѣщаетъ помогать ему въ торговлѣ: я, дѣ, къ вашей (мужицкой) работѣ не привыченъ, а купеческія дѣла знаю.

Счастье приноситъ человѣку, даритъ: Срећа му донесе (Кар. Пјес. I, 71); Бог и срећа дала (ib. II, 51, 52). Въ сказкахъ горе показываетъ человѣку кладъ, кручина даритъ утку, которая несетъ золотыя яйца (Аѳ. ск. III, № 9; V, № 34; VIII, 53, 6). Съ этимъ ср. Поль. darzy się, дарится т. е. везетъ; zdarzyć się, случиться.

Этимъ объясняется, почему несчастье, какъ личное состояніе представляется слѣдствіемъ того, что человѣка оставила его доля, и стало быть перестала на него работать:

Изъ за гори вітеръ віе,
Моя доля въ гості іде.
Де ти, доле, була,
Що мене забула?
Чи ти въ лісі заблудилась,
Чи ти въ полі опізнилась,
Чи въ беседі була,
Медъ горілку пила.
— Ой я въ лісі не блудилась,
И у полі не пізнилась,
Була на риночку,
Пила горілочку.

Горе заманиваетъ человѣка въ кабакъ и заставляетъ его пропить все (Аѳ. ск. V, № 34); оно нашептываетъ ему сомнѣнье въ

людяхъ (о горѣ злоч.) и утѣшаетъ (Рыбн. I, 482). Нужѣ, которая живетъ у хозяевъ, привольно, п. ч. хозяевамъ плохо (Ае. ск. VIII, 408).

Въ основаніи всѣхъ приведенныхъ представленій доли лежитъ мысль, что доля есть существо отличное отъ человѣка, которому она принадлежитъ, и что дѣйствія доли, производящія извѣстныя явленія въ человѣческой жизни, не суть повторенія такихъ-же дѣйствій человѣка: счастливый вовсе не работаетъ, но за него работаетъ его счастье; несчастный страдаетъ, но его доля наслаждается. Рядомъ съ этимъ взглядомъ находимъ другой, по которому между человѣкомъ и его долею существуетъ родъ предуставленной гармоніи. Человѣкъ самъ дѣйствуетъ, радуется, печалится, и въ тоже время его доля дѣйствуетъ, радуется, печалится. Доля является двойникомъ человѣка, полнымъ его отраженіемъ, но тѣмъ не менѣе она есть вмѣстѣ и причина человѣческихъ дѣйствій и состояній. Такъ напр. въ слѣд. Серб. пѣснѣ: (встрѣчая юнаковъ, которые возвращаются съ удачнаго набѣга, дѣвицы говорятъ):

„Боже мили! Чуда великога!
„Ће свезаше три добра јунака
„Три јунака тридесет Турака
„И без ране, и без мртве главе!“
„Проговари Сењанин Тадија
„Не чуд'те се, Сењанке ћевојке;
„То се срела срећа и несрећа,
„Моја срећа, њихова несрећа,
„Моја срећа несрећу свезала (Кар. Пјес. III, 292).

Онъ самъ связалъ, но приписываетъ это тому, что его счастье (живое существо) встрѣтилось съ счастьемъ Турокъ и связало это послѣднее.

Я такъ же мало сомнѣваюсь въ томъ, что это говорилось вполнѣ серіозно, безъ всякихъ фигуръ, какъ и въ томъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Мономаха на Половцовъ (Ип. л. подъ 1111 г.) подвиги мономахова полка не для красоты слога приписываются ангеламъ: „Падаху Половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю.... И въпросиша колодникъ, глаголюще; „кано васъ толика сила и многое множество не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте?“ Си же от-

вѣщеваху, глаголюще: „како можемъ битися съ вами? а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ“. Токмо се суть ангели, отъ бога посланы помогать Хрестьяномъ“. Возможно однако, что за этими ангелами скрываются языческія существа, подобныя доли или воинственнымъ виламъ.

Съ приведенною пѣснею ср. еще слѣдующее: (припѣвка женщинѣ).

Пресличица на полицу пуна бисера,
При ньу сједи Станковица вазда весела,
Срећа јој се веселила с Станком заједно (Кар. Пјес, I, 165).

Замѣчательно, что здѣсь утверждается какъ фактъ, что Станковица весела, и высказывается желаніе, чтобъ ея счастье и ея мужъ были веселы, тогда какъ можно было бы ожидать, что ея собственное веселье будетъ поставлено въ зависимость отъ веселья доли. Развѣ понимать такимъ образомъ: срећа, какъ и судьба, получаетъ зн. суженого, суженой, мужа и жены (Кар. ib. 442, 444); „Срећа са Станком.“ — м. б. въ томъ смыслѣ, что самъ Станко есть срећа своей жены, подобно тому какъ „кита и сватови“ вм. „кићени сватови“; смыслъ припѣвки былъ бы тотъ: она весела; пусть и ея мужъ, ея Срећа, будетъ веселъ.. „Моя-то доля на мосту съ чашкой (ср. эко счастье: на мосту съ чашкой, Даль П. 30); моя доля та рубае дрова (Ном. Пр. 36); плаче твоя доля незна чого (ib.) т. е. ты самъ; не я скачу, біда скаче (bi. 43); нужда скачетъ и пр.;

Котилося зъ вітромъ листья відъ поля до поля.
„Скажи міні, ти листочку, яка моя доля?“
— Така твоя, якъ и моя: стоітъ подъ водою,
Втерае си чорні очи хустковъ шовковою
(Кост. въ Спб. Морд. 47);

Потопае моя доля край синёго моря,
Ой хоть вона потопае, ха ще й виринае,
Вона свого отця, неньку усе споминае (Метл. 461)

т. е. конечно самъ человѣкъ вспоминаетъ въ горѣ отца, мать.

Бываютъ случаи сліянія такого взгляда на долю съ другимъ, изложеннымъ выше. Такъ напр. если въ сказкѣ горе, заставляя

мужика пьянствовать, вмѣстѣ съ нимъ само напивается до пьяна, опять чувствуетъ головную боль послѣ похмѣлья, опохмѣляется, наконецъ показываетъ мужику яму, наполненную золотомъ, то въ этомъ горѣ можетъ видѣть двойника, представленіе душевныхъ процессовъ и дѣйствій самого человѣка. Но такое объясненіе уже неприложимо къ тому, что мужикъ, заманивши горе въ яму, заваливаетъ его камнемъ (Аѳ. ск. V, № 34). Положимъ, это похоронённое горе есть ничто иное, какъ прошедшее человѣка; но все же это не двойникъ, въ которомъ повторяется настоящее.

Образы, подобные долѣ и горю, могутъ пониматься двояко: или они кажутся олицетвореніями, не имѣющими объективнаго бытія, или существами, обладающими такимъ бытіемъ. Въ первомъ случаѣ оставимъ за ними названіе олицетвореній, во второмъ назовемъ ихъ миѳическими лицами.

Существенный признакъ олицетворенія тотъ, что оно всегда ниже серіозной мысли своего творца. Другими словами: та голова, которая создаетъ олицетвореніе, способна при нѣсколько другихъ обстоятельствахъ къ отвлеченному, научному мышленію о томъ же, что выражено олицетвореніемъ, такъ живописецъ, изображающій Венецію въ видѣ прекрасной женщины, очень хорошо знаетъ, что Венеція не женщина и способенъ толкомъ разсказать, что она такое. Правъ ли художникъ, поступая такимъ образомъ на перекоръ своему лучшему пониманію, или нѣтъ, это вопросъ другой. Обыкновенно, а можетъ быть и всегда, онъ не правъ, т. к. олицетвореніе не даетъ ему средствъ ясно выразить свою мысль и, безъ эмблеммъ, похожихъ на надписи выходящія изо рта, само по себѣ непонятно стороннему человѣку. Пусть женщина — Венеція и привлекаетъ зрителя своего красотою и искусствомъ живописца, но она могла бы быть также хороша, если бъ изображали просто женщину, а не Венецію. Олицетвореніе отбрасывается, какъ негодная игрушка, мыслью направленною на объясненіе явленій. Художникъ можетъ имѣть цѣну не потому, что создастъ олицетворенія, а не смотря на это. Дѣйствительная его заслуга можетъ состоять только въ образномъ объясненіи сущаго, въ созданіи типовъ, т. е. такихъ очищенныхъ отъ случайностей образцовъ породы, по которымъ можно вѣрно судить о другихъ недѣлимыхъ той же породы.

На оборотъ, для мысли, создающей миѳическій образъ, этотъ образъ служитъ безусловно лучшимъ, единственно возможнымъ въ данное время отвѣтомъ на данный вопросъ. Каждый актъ миѳо-

ческій и вообще дѣйствительно художественнаго творчества есть нѣчто такое, познанія. Самое выраженіе „творчество“ могло бы не безъ пользы замѣниться другимъ, болѣе точнымъ, или должно бы стать обозначеніемъ научныхъ открытій. Ученый, открывающій нѣчто не творитъ, не выдумываетъ, а наблюдаетъ и сообщаетъ свои наблюденія такъ можно точнѣе. Подобно этому и миѳическій образъ — не выдумка, не сознательно-произвольная комбинація имѣющихся въ готовѣ данныхъ, а такое ихъ сочетаніе, которое казалось наиболѣе вѣрнымъ дѣйствительности. Миѳъ можетъ быть усвоенъ народомъ только потому, что пополняетъ извѣстный пробѣлъ въ системѣ знаній. Гдѣ есть научныя свѣдѣнія, тамъ нѣтъ мѣста миѳамъ. Особенность миѳическаго творчества сравнительно съ поэтическимъ творчествомъ въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что первое имѣетъ своимъ предметомъ и такія явленія, которыя въ послѣдствіи становятся достояніемъ одной только научной мысли *).

Миѳическій образъ, дожившій до болѣе сильнаго развитія мысли, легко можетъ стать олицетвореніемъ; наоборотъ, олицетвореніе, въ глазахъ человѣка, стоящаго на миѳической точкѣ развитія, можетъ превратиться въ миѳическій образъ. Тѣмъ не менѣе, разница между тѣмъ и другимъ не исчезаетъ.

Г. Буслаевъ рѣшительно утверждаетъ, что „Горе-Злосчастіе есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо“, что Горе-Злочастіе есть такое же олицетвореніе, какъ и изображеніе Венеціи въ видѣ роскошной женщины (Оч. I, 638). Однако далѣе онъ говоритъ: „Отрицая миѳическое значеніе Горя-Злосчастія, я вовсе не хочу этимъ отвергать того предположенія, что наши предки, слушая о немъ повѣсть, могли представлять себѣ этого демона, какъ существо осязательное. М. б. они вѣрили въ какого то злаго духа, который принялъ на себя образъ и имя Горя-Злочастія. Да мало ли во что вѣрила простодушная старина? На основаніи ея суевѣрныхъ представленій слѣдовало бы всю апокрифическую литературу цѣликомъ вставить въ Славянскую Миѳологію; между тѣмъ критика строго отличаетъ въ Апокрифахъ остатки народной миѳологіи отъ произвольныхъ фантазій людей грамотныхъ. Горе-Злочастіе есть порожденіе именно... позднѣйшей демонологіи... Не смотря на живое изображеніе дѣйствій и рѣчей этого демона, фантазія уже имѣетъ дѣло не съ конкретными образами народныхъ миѳовъ, но съ отвлеченными понятіями; съ Горемъ и Зло-

* О нѣкоторыхъ отклоненіяхъ отъ такого взгляда у г. Аѳанасьева и другихъ я предоставляю себѣ сказать при другомъ случаѣ.

частіемъ, и олицетворяетъ эти понятія въ демоническомъ существѣ, взятомъ на прокатъ изъ средневѣковой демонологіи" (ib. 639).

Мысль та, что хотя Горю и могло приписываться дѣйствительное существованіе и хотя оно въ этомъ смыслѣ, по принятой выше терминологіи и можетъ назваться существомъ миѳическимъ; однако эта миѳичность позднѣйшая, не народная; ей предшествуетъ пониманіе Горя какъ олицетворенія. Пониманіе кѣмъ? Тѣмъ ли, въ чьей головѣ окончательно сложилась пѣсня о Горѣ-Злочастіи? Современными ли пѣвцами Мр. пѣсенъ о долѣ, съ которою самъ г. Буслаевъ сближаетъ Горе? Если рѣчь о позднѣйшемъ пониманіи, то и спору быть не можетъ. Въ глазахъ болѣе развитаго современнаго простолюдина горе и доля могутъ быть похожи на смерть въ гравюрѣ Дюрера (ib. 634). Но если спросимъ, принимались ли доля и горе за олицетворенія отвлеченныхъ понятій тѣми, въ комъ впервые складывались эти образы, то должны будемъ отвѣтить отрицательно. Доля и сходное — происхожденія не книжнаго; образы эти вполнѣ туземны; они обнаруживаютъ явственную связь съ другими миѳическими лицами, они очень древни, такъ что носятъ на себѣ слѣды зооморфизма. Міросозерцаніе, съ которымъ они согласны, многимъ отличается отъ нашего, хотя отчасти и теперь свойственно простому народу.

До сихъ поръ народу мало доступно понятіе о счастьи и несчастьи (и болѣзни), какъ о сплетеніяхъ личныхъ ощущеній, разложимыхъ и зависимыхъ отъ причинъ, доступныхъ анализу и вполнѣ подлежащихъ наукѣ. Гораздо понятнѣе такой взглядъ: какъ боль отъ удара предполагаетъ бьющее существо и, большею частью умыселъ (дитя бьетъ вещь, о которую ушиблось, п. ч. считаетъ ее живою), такъ счастье и несчастье (и болѣзнь, о чемъ ниже) происходитъ отъ дѣйствія живаго существа.

Какъ вообще явленіе тѣмъ труднѣе дается нашей мысли, чѣмъ ближе оно къ намъ самимъ, такъ и подчиненіе мысли счастья и несчастья должно было произойти относительно поздно. Сначала люди были счастливы или нѣтъ, не давая себѣ въ этомъ никакого отчета, т. е. даже никакъ не называя этихъ состояній. Первымъ шагомъ къ научной мысли объ нихъ было соединеніе стихій мысли о счастьи и несчастьи и въ два комплекса. Безъ отдѣленія предмета отъ другихъ не возможно никакое изслѣдованіе. Этотъ шагъ могъ быть сдѣланъ только вмѣстѣ съ другимъ, т. е. съ названіемъ такого комплекса словомъ, которое до того значило нѣчто другое. Съ этимъ другимъ было сравнено счастье; и такимъ срав-

неніемъ было оно объяснено. Потомъ явился вопросъ о причинѣ счастья и пр., и отвѣтомъ на него послужило соединеніе въ мысли личнаго ощущенія счастья и миѳическаго существа, какъ причины. Это существо было уже прежде готово, но значеніе его теперь расширилось вмѣстѣ съ расширеніемъ приписываемаго ему круга дѣйствій. Счастье, какъ причина личнаго состоянія именно потому и представлялось миѳическою личностью, что было еще неразложимо.

Положимъ, понятно, какъ можно видѣть причину доли въ существѣ, которое не есть человѣкъ и не похоже на человѣка; но какой смыслъ можетъ имѣть объясненіе явленія, состоящее въ его раздѣленіи на два явленія, равныя въ существенномъ и различныя только въ томъ, что одно, сверхчеловѣческое, представляется причиною другого, человѣческаго: человѣкъ плачетъ или смѣется, п. ч. его доля дѣлаетъ тоже. Насъ, можетъ быть, не удовлетворяютъ такія объясненія, но многія аналогіи убѣждаютъ, что они нѣкогда успокоивали пытливость мысли. То-же напр. въ извѣстномъ мѣстѣ стиха о Голубиной книгѣ. Кто говоритъ, что солнце красное отъ лица Божія, тотъ не иначе представляетъ себѣ лице Божіе, какъ въ видѣ солнца, такъ что въ сущности онъ говоритъ: солнце—отъ другого болѣе небеснаго солнца.

Повидимому, въ непосредственной связи съ представленіемъ доли (и болѣзни) живымъ лицомъ находится взглядъ, что на свѣтѣ есть опредѣленное количество счастья и несчастья, болѣзни, добра и зла, и нѣтъ избытка ни въ чемъ. Если одинъ заболѣваетъ, то значитъ къ нему перешла болѣзнь, оставивши или уморивши другого. Такъ и „щастя переходя живе“ (Ном. Прик. 35), т. е. покидаетъ одного и переходитъ къ другому. Счастье одного не можетъ увеличиваться, если въ то-же время не уменьшается счастье другого: док се једноме не смркне, не може другоме да сване (Кар. Посл. 66). Люди, какъ бы, лежатъ „суточь“, покотомъ такъ что пока одинъ не сожмется, другому протянуться негдѣ: док се један не отегне, не може други да се протегне (ib.); не би једному добро, док другому не буде зло (ib. 193). Поэтому и Богъ не умножаетъ количествъ блага, а только различно его распредѣляетъ: Господь милосердний ніколи не спить: у того щастя одбирае, а тому дае (Зап. о Ю. Р. I, 148);

Ой Боже-жъ мій милосердний, ти-то всімъ кируешъ,
Въ єднихъ людей щастіе берешъ, а другимъ даруешъ (Голов. Пѣсни I, 243);

Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ (Даль Посл. 4).

III. Высказанное выше мнѣніе о связи доли и т. п. съ несомнѣнно-миѳическими лицами могу подтвердить нѣсколькими доказательствами.

Доля и огонь. Въ Бѣлой Руси молодая, оставляя отцовской домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ:

Таткава нивка, да не улекайся:
Радзила при мнѣ, радзи и бязъ мяне!
Добрая доля, да идзи за мной
Съ печи пламенёмъ, зъ хаты каминомъ! (Шпилевскій, Бѣлоруссія и пр. Пантеонъ 1853, май). Она проситъ долю слѣдовать за собою на новое жилье, проситъ идти изъ печи въ видѣ пламени, изъ избы въ трубу.

Но печной огонь есть домовой, что видно изъ довольно ясныхъ свидѣтельствъ, напр.

а) Въ Влр. при переходѣ на новоселье переносятъ изъ старой печи жаръ, и при этомъ просятъ дѣдушку домового на новоселье (Сах. Ск. Р. Н. 7, 54—5). б) По Млр. сказанью, разъ встрѣтились два огня и стали другъ другу разсказывать про своихъ хозяекъ. „Моя хозяйка, говоритъ одинъ, добрая: она мнѣ каждый разъ постелетъ и укроетъ меня“ (а она имѣла обыкновеніе, вытопивши въ печи, сгребать жаръ въ кучку и загребать въ печь). „А моя, говоритъ другой, не такая: она мнѣ не стелетъ и не укрываетъ меня. Я ей когда нибудь за это хату спалю“. Дурная хозяйка случайно услышала эту угрозу, и исправилась (Игн. зъ Никловичь, Казки. Львовъ 1861, 68). По другому варіянту, каждый день слѣдуетъ дѣлать огню подарокъ, т. е. на ночь ставить въ печь горшечекъ съ водою. Одинъ огонь, не получая такого подарка, говоритъ другому, что въ эту ночь рѣшился сжечь избу. Другой, довольный своею хозяйкою, отвѣчаетъ: „Тамъ у васъ на горищѣ есть наше жлукто. Смотри, не спали!“ Дѣйствительно, домъ сгорѣлъ, а чужое жлукто осталось цѣло (Siemieński, Podania 117). Въ Германіи таковы же обязанности хозяйки относительно домоваго (kobold): каждый вечеръ она должна чисто вымести очагъ и поставить на немъ котелъ съ чистой водой (Wolf, Beitr. II, 334). Въ Влр. повѣрьи вода замѣняется кашею: 28 генв., чтобъ добрый домовой не превратился въ лихого, послѣ ужина оставляютъ на загнеткѣ горшокъ каши, обложивши его жаромъ. Въ полночь домовой выходитъ изъ подъ печи и ужинаетъ (Сах. ib. Дневникъ 8) (*). Нѣмецкій ко-

* О поклоненіи печи см. Буся. Оч. I, 100—1; на кормленье печи указываетъ слѣдующее: пије пећки на што зја, већ што јој се да (Кар. Посл. 216. Печь зіяетъ, раздрываетъ

больдъ, по общему мнѣнію (Гриммъ, Вольфъ, Кунъ) есть огонь очага. в) По Польск. разсказу, чортъ Искрицкій (фамилія указываетъ на огонь) нанимается къ пану экономомъ, невидимкою живетъ въ печи, няньчитъ хозяйскихъ дѣтей и оказываетъ хозяевамъ всевозможныя услуги (Siem. Pod. 146, изъ Войцицкаго). Очевидно, христіанскій чортъ нисколько не заслоняетъ здѣсь добродушнаго языческаго домового. Гриммъ, приводя этотъ разсказъ, указываетъ на его сходство съ Нѣмецкимъ о кобольдѣ, вѣрномъ слугѣ.

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, чтобы доля вполнѣ совпадала съ домовымъ, но слѣдуетъ, что въ образъ перваго изъ этихъ лицъ могли войти черты другого; дѣйствительно вошли или, по крайней мѣрѣ, развились изъ общаго для обоихъ лицъ основанія, слѣдующія:

Мѣсто Русскаго домового—за печью или подъ нею, нѣмецкаго кобольда—тоже у очага; но и горе, кручина, нужа, біда тоже живутъ за печью (Рыбн. I 482; Аѳ. Ск. V, № 53, VIII стр. 408; Игн. зъ Никловичъ Казки, 72).

Нѣмецкаго кобольда можно купить, продать, утопить. Два семейства, живущія по сосѣдству, которымъ домовые не даютъ покоя, оставляютъ свои жилья. Когда уже все было вынесено, встрѣчаются двѣ служанки изъ этихъ домовъ. У каждой въ рукахъ вѣникъ. „Куда это ты?“ спрашиваетъ одна. „Мы перебираемся“, отвѣчаетъ ей множество тонкихъ голосковъ съ верхушекъ вѣниковъ. Служанки догадались, кто отвѣчалъ, и затопили вѣники въ пруду. Съ тѣхъ поръ на новыхъ жильяхъ все было смирно, но въ пруду мерла рыба и по вечерамъ слышались изъ воды тонкіе голоски: „мы перебрались“ (Wolf. Beitr. II. 335). О продажѣ доли см. Метл. 13, 365:

Повезу гірку долю на торгъ продавати.
Люде знаютъ гірку долю, нейдуть куповати.

Въ сказкахъ мужикъ сажаетъ нужу въ кобылью голову или въ пустой баклагъ и топитъ въ болотѣ (Эрленв. Ск. № 20; Игн. зъ Никл. Каз. 70), привязываетъ злыдни къ жерновамъ и сталкиваетъ ихъ въ рѣку (Аѳ. Ск. VIII, 406); въ пѣсняхъ:

звѣзъ; такъ и другія отверстія, напр. печная труба (Ilić 225), пещера (Кар. Посл. 223) представляются вѣющими); Пічъ наша регоче, коровая хоче, А припічокъ усміхаєтця, коровая сподіваєтця (Метл. 164).

Ой бодай ти, моя доле, на днi моря утонула...;
Ой пiди, нещасна доле, въ морi утопися....;
Лиха доле, лиха доле пiйди утопися,
А за мною молодою тай не волочися.
—Та хоть я си въ Дунай пiйду и тамъ ся утòплю,
То якъ вийдешъ по водоньку, я ся тебе вхоплю.
(Коломыйки, Львовъ 1864, 47.);

Моя доля утонула, щастья ся не верне,
Охъ Боже-жъ мiй милостивий, то житья мiзерне
(ib.).

Гриммъ, приводя слѣдующіе разсказы о долѣ, находитъ въ нихъ сходство съ другими о домовыхъ въ родѣ Искрицкаго. Бѣдный рыцарь увидѣлъ на деревѣ чудовище, узналъ отъ него, что оно его несчастье (Ungelücke), сманилъ съ дерева и забилъ въ дупло. Съ тѣхъ поръ ему повезло Какой-то завистникъ выпускаетъ несчастье, думая, что оно воротится къ тому рыцарю, но оно садится ему самому на шею. Другой разсказъ - о Unsaelde (лиха доля), которая, какъ наше горе, сидитъ у человѣка на шеѣ, куда бы онъ ни пошелъ.

Домового считаютъ также душею предка между прочимъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Дѣды, какъ извѣстно, названіе предковъ; но и домовой называется въ Влр. дѣдушкою, въ Млр. дiдькомъ (обыкн.—чортъ вообще). Сюда же подходитъ Чеш. названіе домоваго хозяина (hospadářička) šetek, позднѣе šotek, при которомъ стоятъ слова: šiet, šit, старецъ, šietnost, šitnost, старость лѣтъ съ 70, šid, šad, stařec šedivý (Jireček. Čas. Mus. 1863, III). Hospodářiček есть вмѣстѣ названіе насѣкомаго, которое въ стѣнахъ домовъ цокаетъ, какъ часы, и тѣмъ предвѣщаетъ смерть одного изъ домашнихъ; но извѣстно очень распространенное представленіе души насѣкомымъ.

б) Говоря о первоначальномъ тожествѣ Діониса и Агни (какъ Діонисъ представляется между прочимъ новорожденнымъ ребенкомъ въ колыбели, такъ и Агни, который поэтому уже въ Ведахъ называется јавиштла, младшій), Кунъ замѣчаетъ: и Нѣмецкіе кобольды, несомнѣнно огненныя божества (хотя обыкновенно не вообще, а въ частности, божества очага), нерѣдко представляются новорожденными мальчиками въ корытѣ (Die Herabk. d. Feuers 246). Тамъ же показано, что рожденіе Агни (огня) изъ дерева есть вмѣстѣ рожденіе перваго человѣка, что Агни есть вмѣстѣ первый человѣкъ Ману. Это объясняетъ связь домашняго огня

(—Домового) съ душею предка. Вышеприведенное ср. съ Мар. разсказомъ про ребенка, который оборотившись дѣдомъ-карликомъ съ длинною бородою, поѣдаетъ всю страву, наготовленную на семью. Знахарка заставляетъ его признаться, что онъ живетъ уже не одинъ вѣкъ, то рыбою, то птицею, то муравьемъ, то наконецъ человѣкомъ (З. о Ю. Р. II, 34). Такія дѣти-старики обыкновенно называются обмѣнами, обмѣнышами (Нѣм. wechselbälge), т. е. дѣтьми разныхъ миѳическихъ существъ, эльбовъ воздушныхъ и водяныхъ, у Славянъ—водяныхъ, лѣшихъ, оставленными въ замѣнъ похищенныхъ человѣческихъ дѣтей; но первоначально душа всякаго человѣка могла представляться человѣчкомъ, карликомъ, существомъ не отличнымъ отъ душъ, не облекшихся въ человѣческое тѣло и дѣйствующихъ какъ силы стихійныя.

в) Домовой имѣетъ сходство и съ другимъ образомъ души Марою (der Alp). Мара давитъ человѣка во снѣ. У Чеховъ, когда появятся на тѣлѣ черно-синія пятна, какъ бы отъ ушиба, но безъ боли, говорятъ: umrlý na mne sáhnul v noci (Houška, Pověry II, 536). Подобно этому домовой наваливается на спящихъ, такъ что ни однимъ членомъ двинуться нельзя, хотя память и есть, щиплетъ до синя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ (Абевега 190). Какъ Мара замучиваетъ лошадей и косматитъ имъ гриву, такъ и домовой, если не полюбитъ лошади, выдергиваетъ у ней гриву, подбиваетъ ее подъ ясли, отъ чего по ночамъ подымается въ конюшнѣ стукъ; по утрамъ находятъ такую лошадь въ поту и въ мылѣ (ib).

Если, такимъ образомъ, доля отчасти тождественна съ домовымъ, а домовой есть душа, то и доля можетъ быть душею.

Доля и душа. Въ одномъ изъ многочисленныхъ варіянтовъ сказки о счастьи и несчастьи или о богатомъ и бѣдномъ находимъ представленіе доли въ видѣ мыши. Было два брата, богатый и бѣдный. Когда богатый справлялъ пиръ (комашню (?)), бѣдный пришелъ къ нему попросить куска хлѣба. Богатый отказалъ. „Ступай, говоритъ, лучше стереги свой хлѣбъ, чтобъ скотъ стоговъ не подъѣдалъ.“ Тотъ пошелъ, сѣлъ подъ своими двумя стожками и видитъ, что мышь все таскаетъ колосья изъ его стоговъ да въ богачевы носитъ. Поймалъ онъ эту мышь и давай ее сѣчь. „Такъ мнѣ приказано, оправдывается мышь: я твоего брата счастье.“ У этой мыши бѣднякъ узнаетъ, что его собственное счастье не здѣсь, а ажъ въ десятомъ селѣ. „Тамъ сгорѣла корчма; выпроси у пана это корчмище; онъ тебѣ дастъ.“ Бѣднякъ такъ и сдѣлалъ, нашелъ на корчмищѣ кладъ и разбогатѣлъ (Изъ Никл. Каз. 71.). Мышь есть также и образъ души. Она принадлежитъ

къ хозяйству Яги, служитъ у нея на посылкахъ, приноситъ дѣтямъ зубы, причиняетъ людямъ смерть: „живемъ, пока мышь головы не отгрызитъ;“ „смерть, какъ мышь, голову отъѣстъ“ (Даль, II. 287). Ср. О миѳ. зн нѣкот. обр. 90 слѣд.

По взгляду Германской миѳологіи, души до своего рожденія находятся у богини Гольды (Сл. Яги) за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобъ принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея духи хранители. Въ Скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется fylgia (weil er dem menschen folgt (Grimm), se adjungens), hamingia (felicitas). Появленіе этихъ спутниковъ на землѣ, одновременное съ рожденіемъ человѣка, есть нѣкоторымъ образомъ тоже рожденіе. Мѣстопребываніе ихъ есть въ началѣ сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (glückshaube), съ чѣмъ очевидно связано Русск. повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье. По Исл. повѣрью, если сжечь или выбросить эту сорочку, то новорожденный навсегда лишится своего ангела хранителя. Духъ хранитель часто принимаетъ образъ животнаго, нравъ котораго наиболѣе подходитъ къ характеру охраняемаго человѣка. Такъ спутникъ храбраго—волкъ или медвѣдь, хитраго—лиса и т. д. Съ этимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣютъ связь изображенія животныхъ на щитахъ (гербы) Духъ спутникъ обыкновенно слѣдуетъ за человѣкомъ невидимкою; но иногда они видимы стороннимъ людямъ, а самъ человѣкъ передъ своею смертью видитъ гибель своего хранителя. Фильгья иногда имѣетъ видъ прекрасной женщины и здѣсь соприкасается съ Валкиріею; иногда это совершенный двойникъ человѣка, съ чѣмъ ср. сказанное выше о долѣ—двойникѣ (Mannhardt, Germ. Mythen. p. 306. Simrock, Handb. d. Myth, 378). Есть основанія думать, что такой взглядъ свойственъ и Славянской миѳологіи, что доля до значительной степени совпадаетъ съ Герм. духомъ хранителемъ, существомъ однороднымъ съ душами и эльбами. На послѣднее указываетъ Силезское повѣрье: „когда ребенокъ смѣется сквозь сонъ, то это съ нимъ играетъ das Jüdel“ (его ангелъ хранитель)-но Jüdel есть Gütel, иначе Gütchen, обыкновенное названіе эльбовъ, изъ пруда коихъ (Gütchenteich) берутся души (Mannh. ib 308).

Доля рождается и погибаетъ.

Јунак ми коња јездаше,
Предрагу срећу искаше;
Виле ми њега вићеше,

Јунака сташе дозивати:
„Овамо свраћај, јуначе!
Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком повила,
Мјесецем сјајним гојила,
Звјездама сјајним росила (Кар. Пјес. I. 191).

Не ясно, хотятъ ли вилы сказать, что встрѣча юнака только что родилась (изъ чего бы слѣдовало, что по взгляду этой пѣсни встрѣча рождается не вмѣстѣ съ человѣкомъ), или же, что когда родилась его встрѣча (а это могло произойти одновременно съ рожденіемъ юнака), то она повилась (спеленалась) солнечнымъ лучемъ и т. д. Послѣднее могло случиться не съ каждою долей, а съ особенно счастливою. Какъ бы ни было, довольно, что встрѣча рождается.

Посл. „Яка біда уродилась, така и згине“ понимается въ смыслѣ: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку; но за этимъ значеніемъ видно другое собственное: Бѣда рождается и гибнетъ. Изъ словъ Млр. пѣсни:

Ой вернись, бидо! чого ти вчепилась?
—Не вернусь, дівчино! я зъ тобою вродилась (Метл. 365. 6)

видно, что бѣда рождается именно съ человѣкомъ. Можно, пожалуй, это рожденіе понимать только въ отвлеченномъ смыслѣ, какъ появленіе вообще; подобнымъ образомъ можно бы принять за правило, что въ пословицахъ, какъ: „всякая бѣда по семи бѣдъ рожаетъ,“ „бѣда не одна ходитъ, бѣда съ побѣдушками“, образъ никогда не понимался въ собственномъ смыслѣ. Однако такое правило лишило бы возможности дѣлать какія бы то ни было миѳологическія изслѣдованія, основываясь на данныхъ, дожившихъ въ народной памяти до нашихъ дней, расширившихъ и углубившихъ свое значеніе, соотвѣтственно современному развитію народа. Доля представлялась дѣйствительно-существующимъ лицомъ, а потому и хожденіе ея принималось за дѣйствительное событіе. Посл. „дитина спить, а доля ii росте“ (Ном. 35), „Сидень сидитъ, а часть его ростетъ“ (Даль 41), говорятъ, что доля ростетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

„Словаки и Чехи вѣрятъ, что гдѣ въ домѣ ужъ (had), тамъ и счастье, и кто убьетъ такого ужа, у того пропадетъ весь скотъ и исчезнетъ все счастье изъ дому. Въ одномъ мѣстѣ мать каждый

день давала дѣвочкѣ на завтракъ жидкую молочную кашу. Дѣвочка обыкновенно выходила со своею мисочкою за порогъ, и въ другомъ мѣстѣ не хотѣла ѣсть. Разъ отецъ замѣтилъ, что изъ подъ порога выползаетъ бѣлый ужъ и ѣстъ вмѣстѣ съ дѣвочкою, и слышалъ, какъ дитя ему сказало: „ѣшь же и кашу, а не одно молоко“. На другой день отецъ подстерегъ и убилъ ужа; но вмѣстѣ съ ужомъ умерла и дѣвочка. Это было въ Словенской землѣ. О подобныхъ случаяхъ разсказываютъ и въ Чехахъ. Бываетъ, говорятъ, и такой ужъ, что обовьется около ноги коровы и сосетъ ея молоко. Эта корова, не смотря ни на какіе побои, не даетъ себя доить дома. Въ одномъ мѣстѣ на р. Вагѣ у хозяина была корова, которую сосалъ ужъ Хозяинъ объ этомъ не зналъ. Думая, что она съ норовомъ, онъ продалъ ее въ другое село за Вагъ. Когда пришла пора кормить ужа, корова убѣжала съ пастьбища, переплыла Вагъ, и стала ждать ужа на прежнемъ мѣстѣ въ лѣсу. Новый хозяинъ, который шелъ въ слѣдъ за нею, увидѣвши что къ ней ползетъ бѣлый, толстый ужъ, убилъ его. Тутъ же издохла и корова“ (Boz. Němcove Sebr. Sp. VIII, 217). Во второмъ изъ этихъ разсказовъ можно бы видѣть локализацію небеснаго событія: ужъ—небесный змѣй, изсушающій небесныя воды, представляемыя коровами, хозяинъ—Индра, убивающій змѣя; но, сколько извѣстно, со смертью змѣя не связывается смерть женъ или коровъ; напротивъ Индра освобождаетъ небесныя воды изъ заточенія, а не уничтожаетъ ихъ. Поэтому смыслъ второго разсказа тотъ же, что и перваго. Ужъ есть духъ хранитель и дѣвочки, и коровы. Если и боги представлялись животными, то тѣмъ скорѣе человѣкъ могъ быть поставленъ на одну доску съ животнымъ. Поэтому, не удивительно, что и у животнаго есть свой ангелъ хранитель. Ужъ есть доля, которая рождается и умираетъ вмѣстѣ съ земнымъ существомъ и съ жизнью которой связана жизнь этого послѣдняго. У Гримма (Myth 1036)—разсказъ (изъ Павла Діякона), какъ изъ устъ спящаго короля Гунтрама вышла змѣя, перешла по мечу, нарочно положенному слугою, черезъ ручей и скрылась въ горѣ, и какъ, вставши, Гунтрамъ разсказывалъ, что во снѣ онъ ходилъ по желѣзному мосту въ гору наполненную золотомъ. Душа самого человѣка и его духъ спутникъ представляются одинаково, п. ч. это существа однородныя. Вѣроятно то же значеніе имѣетъ и змѣя, лежащая на сердцѣ богатыря:

Кад је јунак Туру распорио,
У Турчина три срца јуначка:

Једно му се истом уморило,
А друго се истом разиграло,
Али треће још за бој не знаде;
На трећем је гуја троглавкиња

(Vienac Kačic-Mioš. 17);

Маче Марко ноже из потаје,
Те распори Мусу кесецију....
...Ал' у Муси три срца јуначка,
Троја ребра једна по другијем;
Једно му се срце уморило,
А друго се јако разиграло,
На трећему љута гуја спава;
Када се је гуја пробудила,
Мртав Муса по ледини скаче,
Још је Марку гуја говорила:
„Моли Бога, краљевићу Марко,
Ће се нисам пробудила била,
Док је Муса у животу био:
Од тебе би триста јада било (Кар. Пјес. II, 409).

Если, какъ мы видѣли выше, туга, лиха година змѣею вьется около сердца, то отчего же и духу хранителю въ видѣ змѣи не лежать на сердцѣ? Смерть богатыря произошла отъ того, что его доля спала, когда онъ былъ въ опасности.

„Спутникомъ" и нѣкоторымъ образомъ двойникомъ человѣка можетъ быть и дерево, о чемъ нахожу у Нѣмцовой разсказъ, сильно прикрашенный, но вѣроятно основанный на народномъ повѣрьи: у вдовы есть красавица дочь, а передъ окномъ ея избы растетъ вѣтвистая верба, заслоняющая свѣтъ. Жизнь дочери связана съ вербою. Во снѣ ей чудится, что эта верба—прекрасная женщина, царица манитъ ее въ свое царство. (Этому миѳологическимъ основаніемъ можетъ служить отождествленіе души—спутника съ царицею душъ). Дочь вдовы выходитъ замужъ. Мужа тревожатъ ея сны. Ему кажется, что срубивши вербу, онъ уничтожитъ и причину сновидѣній; но какъ только срубилъ онъ вербу, умерла и его жена (Sebr. Sp. III, 363 слѣд.). И жизнь собирательныхъ личностей можетъ быть связана съ жизнью дерева. Францисканецъ, братъ Петръ Хытковичъ, живши въ Заключинскомъ монастырѣ, посадилъ въ саду небольшую сосну, сказавши при этомъ: „пока будетъ жить это дерево, до тѣхъ поръ сохранится въ мона-

стырѣ и строгая жизнь по нашему уставу; засыханье дерева будетъ знакомъ паденія устава. И странное дѣло, замѣчаетъ разскащикъ, хотя этой соснѣ болѣе ста лѣтъ, но она неслишкомъ выросла, и не сохнетъ, хотя въ томъ же саду уже не разъ посыхали отъ морозу всѣ деревья. Зовутъ ее сосною брата Петра (Siem. Podania 74)

Въ соч. Попова (Путешествіе въ Черногорію, Спб. 1847, 220.) нахожу слѣдующее интересное извѣстіе: „О вѣдосонях ъ мнѣ удалось слышать два различныя сказанія. По одному изъ нихъ вѣдосони суть духи людей и животныхъ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдосоня, и особенно люди родившіеся въ рубашкахъ. Этотъ вѣдосоня, когда спитъ человѣкъ или животное, выходитъ изъ него и бережетъ его имущество отъ воровъ и его самого отъ нападенія другихъ вѣдосоней и всякаго колдовства. Часто эти вѣдосони дерутся между собою, и если кто изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное умираетъ во снѣ. Если воинъ умретъ передъ битвою, то говорятъ, что вѣдосонь его дрался съ врагами и убитъ. Прибрежные жители говорятъ, что вѣдосони прилетаютъ съ италіянскаго берега и дерутся съ туземными. Другіе разсказывали мнѣ, что вѣдосони суть не иное что, какъ домашніе духи, оберегающіе жилища и имущество каждаго отъ нападенія воровъ и другихъ вѣдосоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ, и колеблясь они несутся по воздуху, говорятъ: „дерутся вѣдосони.“ Это извѣстіе важное во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ имъ вполнѣ подтверждается замѣчаніе, сдѣланное выше по поводу разсказа объ ужѣ, сосущемъ корову. Животное имѣетъ своего духа хранителя, какъ и человѣкъ. Съ точки, на которой стоитъ Славянская миѳологія, между человѣкомъ и животнымъ существуетъ только внѣшнее различіе образа, тѣла, которое скидается, какъ платье Какъ однородны духи хранители человѣка и животныхъ, такъ однородны и душа человѣческая и животная. Этотъ взглядъ, есть основаніе думать, до сей поры живетъ и въ Русскомъ народѣ. Во-вторыхъ, изъ сродства душъ съ ихъ хранителями понятно, почему въ одномъ разсказѣ вѣдосоня названъ духомъ самого человѣка и животнаго, живущимъ въ немъ самомъ, а въ другомъ—домашнимъ духомъ хранителемъ, т. е. домовымъ. Оба свѣдѣнія достовѣрны и подкрѣпляютъ тождество доли и домоваго, которое я старался доказать выше. Въ—третьихъ, воинственность вѣдосоней ср. съ приведенною выше Серб. пѣснею и мѣстомъ изъ Ипат. Л. (стр. 14). Причина, по которой Италіянскіе вѣдосони дерутся съ Вокскими объяснена въ

Слов. Караджича: „Ови духови (Једосоње, Вједосоње) по планини извальују дрвета те се њима бију између себе, напр. Бокеска с Неаполитанскима, па који надвладају, они род од љетине привуку на своју земљу; они и онако (и безъ этого, и безъ цѣли) ломе горе и ваљају велико каменье.“

Каждая воюющая сторона хочетъ перетянуть плодородіе (т. е. вѣроятно прежде всего перегнать тучи) на свою землю и тѣмъ принести пользу охраняемымъ людямъ. Но этимъ не исчерпывается стихійная дѣятельность духовъ хранителей: безплодныя или вредныя для человѣка бури—тоже ихъ дѣло. Подобно этому, душа не вошедшая въ человѣческое тѣло, но служащая спутникомъ этой послѣдней, свѣтитъ на небѣ звѣздою: по Хорутанскому повѣрью, „всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу, которая предсказываетъ его судьбу“ (Срезневскій). Эта звѣзда не есть рожаница, но связана съ существованіемъ самого человѣка.

Доля и болѣзнь, смерть. Пословица „щастя якъ трясця: на кого схоче, того й нападе“, совершенно справедлива въ миѳическомъ смыслѣ. Если бы и не нашлось другихъ доказательствъ сродства доли съ миѳическими образами болѣзни и смерти, то такое сродство могло бы быть выведено изъ того, что какъ духи спутники, такъ и болѣзни, суть существа однородныя съ человѣческою душою.

Какъ душа, такъ и болѣзнь, представляется существомъ матеріальнымъ. Сказанное выше о томъ какъ недоля нападаетъ на человѣка, еще въ большей мѣрѣ примѣнимо къ болѣзни, которая нападаетъ на человѣка, находитъ на него, прикидывается къ нему, схватываетъ, беретъ, трясетъ, метъ, жжетъ его и т. д., при чемъ всѣ эти выраженія слѣдуетъ понимать такъ, какъ еслибъ они были употреблены о человѣкѣ, нападающемъ на другого и пр. Ср. ненáжиръ напавъ (Gr. Myth. 1112; это болѣзнь, по Герм. пов., отъ живущей въ желудкѣ ящерицы); напавъ нéжидъ: нігде й хліба кусокъ не влéжить (Ном. 239, въ ироническомъ см. о мнимо больномъ; странно, что въ Мир. нежитъ — насморкъ скорѣе это названіе многихъ опасныхъ болѣзней, происходящихъ, какъ бы сказалъ нѣмецъ, von einem elbischen wesen; Арх. нéжить, всякій духъ въ видѣ домоваго, лѣшаго, русалки); нехай на тебе казъ найде (ib. 49); жаръ мене ухопивъ; за живітъ бере; взявся пъяний за тинъ, якъ за попа трясця (ib 230); и трясця не бере безъ причины (ib. 137); а щобъ на васъ чума насіла (ib. 73); метъ, якъ гостець бабу (ib. 78); щобъ тебе родимець побивъ

(узявъ) (ib. 73); взяло поперекъ живота (Даль II. 422); подступило, подхватило, подвалило подъ сердце (ib. 426) и т. п.

Лихорадка и вообще болѣзнь наполняетъ собою извѣстное пространство; какъ выше было упомянуто, она подобно долѣ, не можетъ быть разомъ во многихъ мѣстахъ и нападая на одного, оставляетъ другого. Если ей много дѣла, то она не вселяется въ человѣка и не живетъ въ немъ, или не держитъ его, а „однимъ мечтательнымъ поцѣлуемъ причиняетъ трясавицу“ (Абев. 231), съ чѣмъ ср. Чеш. повѣрье, что кто ѣстъ послѣ молитвы на сонъ гряд., тому во снѣ смерть губы оближетъ (Houška II, 535). Когда у лихорадокъ много дѣла, то онѣ, перелетая отъ одного къ другому, не такъ долго трясутъ и даютъ отдыхать болящимъ, а въ самые недосуги приходятъ черезъ день, черезъ два и три (ib.). Другое объясненіе перемежекъ въ лихорадкѣ даетъ Млр. выраженіе „трясця невсипуща“, изъ котораго видно, что бываютъ лихорадки, которыя засыпаютъ, и даютъ въ это время отдыхать больнымъ. Подобнымъ образомъ и зараза въ Серб. „она болест прелази“ (заразительна) представляется переходомъ болѣзни отъ одного къ другому.

На такомъ представленіи болѣзни основано множество заговоровъ и симпатическихъ средствъ (отъ разныхъ болѣзней), разсчитанныхъ на то что болѣзнь должна оставить человѣка, если она будетъ передана или перейдетъ къ другому существу. Въ заговорахъ болѣзнь, частью угрозами, частью просто силою слова отсылается къ собакѣ, кошкѣ, птицѣ или (вроки, бишиха)—„на Чорне море, на мхи, на болота (очереты), на гниле колодця, де люде не ходять, де собаки не брешуть, де человічий голосъ не заходить“. Многія симпатическія средства состоятъ въ томъ, чтобъ вынесть болѣзнь, въ замкнутомъ ли сосудѣ, или платьѣ, или какой вещи больного, и бросить подальше, или передать дереву и пр.

По германскимъ повѣрьямъ, многія болѣзни происходятъ отъ эльбовъ. Такъ ревматическія боли, переходящія съ мѣста на мѣсто, называются „die fliegenden elbe, die gute kinderen, die gute holde“. Они представляются мотыльками или червями, которые гложутъ человѣка и производятъ этимъ опухоли въ суставахъ рукъ и ногъ (Grimm. Myth. 1109). Такъ о красныхъ пятнахъ на лицѣ у дѣтей говорятъ: „das jüdel hat das kind verbrannt“ (ib. 1112). Jüdel—названіе эльба, который можетъ быть и духомъ хранителемъ. И царица эльбовъ, Гольда, причиняетъ болѣзни. Какъ эльбъ и мара связываютъ въ узлы и сбиваютъ въ космы волоса людей, гривы и хвосты лошадей, отчего колтунъ называется alpzopf, drutenzopf и т. п.; такъ и

Frau Holle клочетъ и косматитъ пряжу и волоса, почему колтунъ называется также Hollenzopf (ib. 433). Родъ эпилептическихъ припадковъ приписывали въ средніе вѣка Діанѣ, имя которой обыкновенно скрываетъ Гольду или Берхту.

По Русск. заговорамъ, лихорадки *) это двѣнадцать дѣвъ, дщерей Иродовыхъ. Съ этимъ ср. то, что и Гольда въ христіанскія времена стала Иродіадою (Grimm. Myth. 263). По Чеш. пов. лихорадокъ 99. Такъ какъ неизвѣстно, которая именно овладѣла человѣкомъ, то всеобщимъ лѣкарствомъ отъ лихорадки служитъ то, которое совмѣщаетъ въ себѣ свойства 99-и другихъ лѣкарствъ, именно отваръ раст. jitrocel (plantago), у котораго 99 корешковъ, по одному отъ каждой лихорадки. Было нѣкогда сто лихорадокъ, но люди одну изъ нихъ спровадили со свѣта такимъ образомъ. Когда лихорадка, чтобы забраться въ человѣка, опустилась на куски хлѣба, накрошенные въ молоко, люди замѣтивши ея присутствіе, собрали эти куски вмѣстѣ съ лихорадкою въ пузырь, завязали и повѣсили на деревѣ. Лихорадка стала трясти пузырь, какъ она дѣлала это съ человѣкомъ, и трясла, пока не задохлась (Houška, Nar. Pověry III. Č. Mus. Kr. Č. 1855, I). Тѣмъ, что лихорадка садится на непотонувшій въ молокѣ кусокъ хлѣба, она обнаруживаетъ свое сродство съ марою (Чеш. můra). Это сродство подтверждается Нѣм. названіемъ лихорадки der Ritt (отъ reiten), происшедшимъ отъ мнѣнія, что лихорадка ѣздитъ верхомъ на человѣкѣ, какъ Мара и Альпъ („der Alp zoumet dich, der mar rîtet dich, Gr. Myth. 1107). Лихорадка попадаетъ въ пузырь, какъ Мара въ пустую бутылку, смерть въ Русск. ск. въ табачный рожокъ, какъ горе и нужа въ яму, сундукъ или корчагу.

По иному еще повѣрью, лихорадокъ десять сестеръ; онѣ крылаты, что по общему правилу предполагаетъ представленіе ихъ птицами и ихъ воздушное происхожденіе (Абев. 230) **). Или: стар-

*) Подъ лихорадкою разумѣются многіе болѣзни. Ср. лихорадка, собств. дурно дѣлающая; по 2-й половинѣ ср. съ Скр. рâдh-нóти, дѣлать, совершать, радити. Лихоманка, собств. существо злодушное; по 1-й половинѣ ср. съ дурманъ (раст.) = Скр. дур-мâнас, pravam mentem habens. Чтобъ не накликать и не разсердить лихорадки, называютъ ее, въ противоположность ея настоящему имени, добрухá, тетка, нума, кумáхá, комýхá, комоха, камаха. Послѣднее есть вмѣстѣ назв. червца (краснильнаго насѣкомаго), съ чѣмъ ср. представленіе эльбовъ насѣкомыми. Не основано ли на миѳич. связи червца съ богинею, замѣненною въ христіанствѣ Богородицею, мнѣніе, что въ день Казанской камаха (червецъ) лежитъ въ одномъ мѣстѣ клубкомъ или собирается подъ одинъ кустъ (Даль. II. 989).

**) Такъ же сказано, что онѣ содержатся въ земныхъ челюстяхъ на цѣпяхъ, пока ихъ не спустятъ на людей. Я не знаю, что дѣлать съ этимъ извѣстіемъ. Сравненіе съ чудовищами Германской миѳологіи, которыя освободятся отъ цѣпей въ концѣ міра, сюда нейдетъ.

шая лихорадка съ одиннадцатью сестрами живетъ въ дремучемъ лѣсу (лѣсъ=облако), въ непокрытой губѣ (губа=усадьба, изба) (Сах. Ск. Р. Н. 4. II. Даль. 14).

Названіе старшей изъ лихорадокъ, Невѣя (изъ Навія, навья?), роднитъ лихорадку со смертью.

Какъ лихорадка, такъ и чума, холера, представляются постоянно существами женскими. По Польск. или Западно-Русскому повѣрью, повѣтріе есть моровая дѣвица. Она всовываетъ въ дверь или окно руку и машетъ краснымъ платкомъ, отъ чего вымираютъ всѣ живущіе въ домѣ. Одинъ шляхтичъ посвященною саблею отрубилъ у нея эту руку съ платкомъ (Siem. Pod. 127. Изъ Мицкевича). Чума—простоволосая женщина вся въ бѣломъ (ib. 125). Холеру еще въ 1848 г. въ Кіевской г. представляли женщиной, какъ и лихорадку и оспу (Rulikow. Op. N. Wasylk. 168). Изъ Серб. пѣсни (Кар. Пјес. III, 42) видно, что и Серб. Морія есть молодая женщина. Напротивъ, коровья смерть, которая въ сущности не отличается отъ человѣческой, какъ и духи хранители людей не отличаются отъ хранителей животныхъ, представляется старухой или коровой (Терещ. Б. Р. Н. VI, 42); въ томъ и другомъ она сходна съ ягою.

Отъ лихорадки—положить подъ изголовье больного лошадиную голову (Даль, Посл. 430). По правилу: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись, это значитъ, что лихорадка, какъ яга и мара, представлялась нѣкогда кобыльею головою и кобылою. Гриммъ (Myth. 809) находитъ вѣроятнымъ, что и символомъ смерти была между прочимъ кобылья голова. Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній приведу слѣдующія: Венды имѣли обычай для предохраненія скота отъ падежа, втыкать на шесты у хлѣбовъ и загоновъ конскія и коровьи головы; конскія головы клали подъ кормъ въ ясли лошадей, на которыхъ по ночамъ ѣздили Мары; въ Мекленбургѣ (въ нѣкогда Славянскомъ селеніи?) кладутъ конскую голову подъ подушку больного; въ Мейсенѣ и Тюрингіи бросали конскую голову въ пламя Ивановскаго костра (Myth. 626—7, 585). Съ послѣднимъ ср. сожиганье или топленье Марены-смерти на Ивана Купала.

Какъ бѣду или нужу, такъ и заразу, смерть, люди носятъ на плечахъ или возятъ. По Русск. ск., солдату, который не могъ ужиться на томъ свѣтѣ, приказано было воротиться на этотъ и носить смерть на плечахъ. Хитростью (какъ заманиваютъ чорта въ бутылку) заманилъ онъ ее въ табачный рожокъ и такъ десять лѣтъ носилъ въ карманѣ. Въ эти десять лѣтъ никто не умиралъ. „Срби кажу, да је куга (моръ) жива, као жена (то особито дока-

зују они, који су лежали од ње). Многи кажу, да су је виђали гдје иде завјешена бијелом марамом; а гдје који приповиједају да су је и носили, т. ј. они нађе човјека у пољу, или срете гдје на путу, а гдјекоm дође и у кућу, на му каже: „ја сам куга, већ мајде, да ме носиш тамо и тамо“. Онај је упрти на крваче драговољно (јер већ њему и његовој кући неће ништа учинити) и одњесе је без и каке муке (јер није тешка ни мало) куд му каже“ (Рјечн. Куга) Есть подобное Хорватское повѣрье. Куга нѣсколько разъ спрашиваетъ у человѣка, который ее несетъ на плечахъ, тяжело ли ему. Тотъ отвѣчаетъ, что нѣтъ, но съ каждымъ разомъ она становится тяжелѣе, такъ что наконецъ онъ насилу передвигаетъ ноги. Замѣчая это, куга предлагаетъ ему отдохнуть. Когда отдохнулъ, она опять навалилась на него и опять стала спрашивать. Человѣкъ не смѣлъ сказать, что ему тяжело, и съ каждымъ его отвѣтомъ куга становилась все легче и легче, такъ что подъ конецъ ему казалось, будто вовсе никто не несетъ (Valjavec, 243). Разъ Русинъ несъ на плечахъ заразу (powietrze). Куда махнетъ она платкомъ, тамъ все вымираетъ. Дошедши до Прута, Русинъ задумалъ ее утопить (ср. топленье лихой доли) и бросился съ нею въ воду. Самъ онъ утонулъ, но зараза выплыла (Wójc. Klechdy I, 51). Разъ человѣкъ ѣхалъ изъ города порожнемъ. Подходитъ какая-то бѣлая женщина, садится на возъ и говоритъ: „вези меня къ себѣ“. Пріѣхали поздно вечеромъ. „Мнѣ, говоритъ она, нечѣмъ тебѣ заплатить, но я за то покажу тебѣ знаменье. Наступи мнѣ на ногу“. Тотъ наступилъ, и увидѣлъ много крови, отрубленныя головы, мертвыхъ людей. „Что ты видѣлъ, сказала бѣлая женщина, то скоро сбудется. Поэтому бѣги изъ этого села съ семьею, по крайней мѣрѣ за три дня хода“. Такъ онъ и сдѣлалъ. Пришла въ то село куга, поморила людей, а многіе, другъ съ другомъ стали биться и рѣзаться, такъ что было не мало крови и мертвыхъ головъ (Valjav. 243—4). Подобнымъ образомъ ѣздитъ и коровья смерть. Ѣхалъ мужикъ съ мельницы позднею порою. Плетется старуха и проситъ: „подвези меня дѣдушка!“ — А кто-же ты, бабушка?—Лѣчейка, родимый, коровъ лѣчу.—Гдѣ же ты лѣчила.—А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать? Поздно привезли, и я захватить не успѣла“. Мужикъ посадилъ ее на возъ и поѣхалъ. Пріѣхавши къ розстанямъ (къ перекрестку), онъ забылъ свою дорогу—а уже было темно. Онъ снялъ шапку, сотворилъ молитву и перекрестился, глядь, а бабы какъ не бывало. Оборотившись черною собакою, она побѣжала въ село, и на завтра въ крайнемъ дворѣ пало три коровы. Мужикъ привезъ коро-

вью смерть (Тер. Б. Р. и VI, 42, Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 10—11). Въ слѣдующемъ разсказѣ отъѣздъ смерти напоминаетъ торжественные объѣзды богинь (на пр. Grimm. Myth. 230). „Говорятъ, что повѣтріе въ видѣ женщины въ бѣлой одеждѣ объѣзжало всѣ села. Прибывши къ какому дому, эта женщина спрашивала: „что вы дѣлаете?“ Если отвѣчали: „ничего не дѣлаемъ, только Бога хвалимъ“, она мрачно прибавляла: „хвалите-жъ его во вѣки“, и въ томъ домѣ не было заразы. Если она прибывала куда вечеромъ и если на ея вопросъ „спите?“ отвѣчали „спимъ“, то она говорила: „спитежъ навѣки“, и весь домъ вымиралъ (изъ Мицкевича, Siemień. Pod. 127). Вѣроятно, насылаемая Богинею смерть представлялась наказаніемъ, хотя изъ приведеннаго и не видно, чѣмъ провинились тѣ, которые отвѣчали: спимъ.

„Куге имају *преко мора* своју земљу, гдје само оне живе, на их Бог пошље амо, над људи зло раде и много грије̏ше, и каже им, колико ће људи поморити“ (Кар. Рјечн. Куга). Море и рѣка во множествѣ сказаній есть замѣна воздушнаго моря, небесной рѣки. Слѣдовательно родина кугъ—небо. Чтобы достигнуть земли, кугѣ приходится переплывать воздушное море, на чемъ основаны сказанья, что и на землѣ она переправляется черезъ рѣку. „Разъ куга пришла къ Савѣ. Сава была тогда въ разливѣ, броду не было, и куга просила перевезти ее на лодкѣ. Она не замѣтила, что на днѣ лодки, подъ гунею лежала собака. На серединѣ переправы собака проснулась, бросилась на кугу, стала ее рвать и принудила броситься въ воду. Куга насилу выбралась на тотъ берегъ, грозя, что она отомститъ за свои раны, какъ только передохнутъ собаки. „Слава Богу, это будетъ не скоро, п. ч. съ каждымъ днемъ становится больше собакъ“ (Valjav. 243). Соотвѣтственно этому die Mâr, der Alp переправляются черезъ рѣку въ раковинѣ или въ челнокѣ (Mannh. Germ. Mythen 346 и др.), Берхту и Эльбовъ переправляетъ перевозчикъ на паромѣ, по Бретан. пов. заразу въ бродъ перевозятъ на конѣ (Gr. Myth. 1136—7). Въ Серб. заговорѣ отъ мары: „ушла ујајску љуску, утопила се у морску пучину“ (Кар. Рјечн. Мора), чему въ Млр. заговорѣ соотвѣтствуетъ желаніе, чтобъ болѣзнь ушла „на Чорне море“. Извѣстно, что и русалки плаваютъ въ яичныхъ скорлупахъ, и что существа доплывающія въ такихъ скорлупахъ до блаженныхъ Рахмановъ передаютъ этимъ послѣднимъ земныя вѣсти.

„Лихорадки боятся собачьихъ удавокъ“ (?) (Абев. 231); по Серб. пов. многія куги гибнутъ отъ злыхъ собакъ (Кар. Рјечн. Куга). Съ этимъ, кромѣ вышеприведеннаго разск. изъ Вальявца,

кромѣ страха, который вѣдьмы питаютъ къ собакамъ-ярчукамъ и сказки о ягѣ (О миѳич. зн. нѣкот. обр. и пов. 119), ср. слѣдующее: „Во время мора пѣтухи хрипнутъ, собаки, хотя издали чуютъ приближеніе чумы, которая любитъ ихъ дразнить, не могутъ лаять на нее, и только ворчатъ. — Паробокъ спалъ на высокомъ стогу сѣна, къ которому была прислонена лѣстница. Вдругъ послышался шумъ, въ которомъ явственно можно было различить ворчанье и визгъ собакъ. Паробокъ поднялся и видитъ, что прямо къ нему несется высокая женщина вся въ бѣломъ съ (распущенными) всклокоченными волосами, а за нею — собаки. На пути стоялъ ей высокій и длинный плетень. Они перепрыгиваетъ черезъ него, вскакиваетъ на лѣстницу, и находясь въ безопасности, дразнитъ собакъ, выставляя имъ ногу и приговаривая: на гога, нога! на гога, нога! Паробокъ сразу узналъ въ ней чуму, подкрался и повалилъ лѣстницу. Женщина упала, и собаки ее схватили. Она погрозила отомстить и исчезла. Паробокъ тотъ не умеръ, но всю жизнь онъ выставлялъ ногу, повторяя: на гога, нога! (изъ Войц. Siem. Pod. 125). Всѣ эти повѣрья можно объяснить такимъ образомъ: собака одарена способностью видѣть то, чего человѣкъ не замѣчаетъ; она чуетъ злого человѣка, чуетъ привидѣніе; притомъ, она другъ хозяина: естественно было сдѣлать ее врагомъ существа, враждебнаго людямъ. Можетъ быть такой взглядъ до нѣкоторой степени и участвовалъ въ созданіи приведенныхъ повѣрьевъ; но трудно допустить, чтобы такимъ полурацiональнымъ образомъ можно было вполнѣ объяснить миѳъ весьма распространенный и потому весьма древній. Тождество чумы смерти съ ягою, соотвѣтствующей Гольдѣ и Берхтѣ, приводитъ къ другому объясненію. Одно изъ представленій бури въ видѣ охоты (wilde Jagd) состоитъ въ слѣдующемъ. Frau Gauden была нѣкогда знатная госпожа. Она такъ страстно любила охоту, что говаривала: „еслибъ мнѣ можно было постоянно охотиться, то не хотѣла бы и въ рай“. У нея было 24 дочери съ такими же желаніями. Разъ, когда мать съ дочерьми скакала по полямъ и лѣсамъ, изъ устъ ея вырвалось грѣшное слово: „охота лучше раю!“ Вдругъ платья ея дочерей превратились въ шерсть, сами они стали собаками. Четыре изъ нихъ вмѣсто лошадей стали тянуть колесницу матери, остальныя съ лаемъ окружили ее. Весь поѣздъ поднялся къ облакамъ, и съ тѣхъ поръ тамъ, между небомъ и землей вѣчно продолжается охота. Frau Gaude или Gôde изъ Frau Wode, а это—изъ названія Водана Fro (господинъ) Woden. Тѣмъ не менѣе, Frau Gaude, какъ видно изъ другихъ повѣрьевъ, есть самостоятельная личность, отличная отъ Водана, тождественная съ Гольдою-

Вертою, представленіями тучи. Собаки въ Герм. и Инд. миѳологіи—образы вѣтра. Такимъ образомъ въ основаніи приведеннаго сказанія лежитъ образъ тучи, гонимой вѣтрами. Душа по выходѣ изъ тѣла или до соединенія съ нимъ есть вѣтеръ и стало быть собака. Гольда,—туча, въ обители которой души находятъ пріютъ, представляется матерью этихъ душъ. Поэтому собаки сопровождающія Frau Gauden названы ея дочерьми. Вѣтры разрываютъ гонимую ими тучу: отсюда легко могло произойти повѣрье, что собаки Годы, будьто бы въ гнѣвѣ на наказаніе, навлеченное на нихъ матерью, стараются ее растерзать (Grimm. Myth. 877 слѣд.; Mannh. Germ. Mythen во мн. мѣстахъ). Славянскія повѣрья, если сближеніе наше вѣрно, удержали только вражду собакъ къ лихорадкѣ, чумѣ или вѣдьмѣ,—вражду, которой не нужно было объяснять, потому что предметы ея казались человѣку враждебными, а потому должны были назаться такими и собакѣ, спутнику человѣка.

Найдутся еще нѣкоторыя Слав. повѣрья, изображающія тоже, что Нѣм. wilde Jagd, wüthendes Heer, именно гоньбу облаковъ и свистъ вѣтра—въ видѣ поѣзда или полета миѳическихъ существъ. Таково напр. слѣдующее млр., пересказываемое Войцицкимъ вѣроятно не безъ прикрасъ. Русинъ, потерявши жену и дѣтей во время чумы, чтобъ спастись отъ смерти, бѣжалъ въ лѣсъ изъ опустѣвшей избы. Тамъ построилъ онъ себѣ шалашъ изъ вѣтвей, развелъ огонь и заснулъ. Послѣ полуночи онъ просыпается и слышитъ громкое пѣніе, звуки бубновъ и сопѣлокъ. Звуки все ближе и ближе, и вотъ онъ видитъ, широкою дорогою тянется гоменъ (Млр. гомо̂нъ, гоминъ, Укр. гомінъ), процессія странныхъ привидѣній, окружавшихъ чорную, высокую колесницу, на которой сидѣла чума. Съ каждымъ шагомъ увеличивался этотъ страшный поѣздъ, почти все встрѣчное становилось привидѣніемъ. Костеръ чуть тлѣлъ. Когда приблизился гоменъ, большая дымящаяся головня встала на ноги, протянула руки, засверкала жаромъ, какъ глазами, и запѣла вмѣстѣ въ другими. Мужикъ въ страхѣ схватываетъ сѣкиру, чтобъ ударить ближайшее привидѣніе, но сѣкира выскользнула изъ его рукъ, оборотилась высокою чернокосою женщиною и съ пѣньемъ повѣялась у него передъ глазами. Гоменъ шелъ дальше и Русинъ видѣлъ, какъ деревья и кусты, совы и филины вытягивались въ длину и приставали къ поѣзду. Онъ упалъ безъ чувствъ, и когда утромъ очнулся, пригрѣтый солнцемъ, то увидѣлъ, что утварь его поломана и побита, одежда порвана, съѣстное попорчено (Siem. Pod. 175). Очевидно, это—небесное событіе, перенесенное на землю; туча-смерть стала чумою; завыванье вѣтра—пѣньемъ и звуками инстру-

ментовъ. Весь разсказъ согласенъ съ названіемъ заразы повѣтріемъ, тѣмъ что несется по вѣтру.

Съ выше приведеннымъ представленіемъ бури битвою вѣдосоней сравни вѣрованье моряковъ (изъ Сѣв. Вл. племени?), что когда воетъ вѣтеръ — воютъ и плачутъ души утопленниковъ, въ тихую погоду пребывающія на морскомъ днѣ. Чтобъ помирить это съ христіанствомъ, говорятъ, что это души иновѣрцевъ (Морской Сборникъ).

„Прийде, бувало, такій циганище або циганка въ хату, то зразъ щось приповість, що або хата на перелеті, або щось обійшло, то хтось урікъ, або нечисте місце, або щось, то зачне свое ворожінье та замовлюванье“ (Вѣнокъ. Вѣдень 1847. ч. II, 262—3). Изъ сравненья съ подобными Нѣмецкими повѣрьями, напр. съ тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ das wüthende Heer каждый разъ проходило сквозь три дома, въ которомъ было по три двери въ одномъ направленіи, видно что хата на перелеті — это такая, которая стоитъ на пути вѣтра, представляемаго поѣздомъ миѳическихъ существъ.

По Серб. пословицѣ „бура гони, враг се жени“, полетъ бури есть женитьба существа, неопредѣленно называемаго врагомъ или чортомъ. Это объясняется многочисленными нѣмецкими сказаньями о погонѣ «des wilden Jägers» (Воданъ, вѣтеръ) за нагими женщинами, полногрудыми (какъ полногруда туча, дающая молоко-дождь), у которыхъ, какъ и у другихъ человѣческихъ образовъ тучи, спина корытомъ.

Все отступленіе о болѣзни и смерти можетъ служить къ тому, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ, что какъ болѣзни, такъ и женскіе образы доли (какъ однородные съ болѣзнями), имѣютъ связь съ богинею, которая изъ образа тучи стала олицетвореніемъ смерти.

IV. Находилась ли личная человѣческая доля въ зависимости отъ верховнаго божественнаго существа? Если да, то какого рода это верховное существо? Былъ ли у Индоевропейскихъ племенъ единый Богъ, понимаемый не какъ primus inter pares (каковъ Юпитеръ, Зевсъ, Воданъ, вѣроятно—Перунъ), не какъ старшій въ ряду стихійныхъ божествъ, подчиненный всѣмъ превратностямъ, какимъ подчинены прочіе Боги, а какъ вѣчная и всеобъемлющая конечное причина? (Рѣчь здѣсь не о стремленіи многобожія къ единобожію, стремленіи, результатомъ котораго можетъ быть и точно бываетъ понятіе о конечной причинѣ, а о единобожіи, какъ исходной точкѣ миѳологіи). Миѳологи, которые склоняются къ утвердительному отвѣту на упомянутый вопросъ, обыкновенно гадательно высказываютъ свои личныя мнѣнія, подтверждая ихъ очень шаткими доказательствами. Такъ Гриммъ считаетъ возможнымъ разло-

женіемъ основнаго единаго бога на трилогіи и додекалогіи боговъ, потому между прочимъ, что хочетъ извинить и оправдать многобожіе, предположивши, что въ груди язычника никогда вполнѣ не угасала вѣра въ зависимость боговъ отъ одного верховнаго. Какъ христіанину, ему кажется, что монотеизмъ есть религіозная форма наиболѣе достойная божества, наиболѣе разумная и естественная (Myth. XLIV—V). Другіе христіане могутъ думать иначе. Такъ католикъ Зимрокъ смотритъ на единобожіе германцевъ, какъ на гипотезу (Handb. d. Deutchen Myth. 2-e Ausg. 168—9). И въ самомъ дѣлѣ, почему же ревностному послѣдователю откровенной религіи, убѣжденному въ безконечномъ ея превосходствѣ предъ язычествомъ, не допустить, что мысль человѣческая предоставленная самой себѣ, можетъ исходить только изъ чувственныхъ впечатлѣній, частныхъ по самой своей природѣ, и что если въ основѣ языческой трилогіи и лежитъ единое божество, то это есть всегда божество, представляющее извѣстное явленіе природы, божество чувственное и ограниченное, весьма отличное отъ Бога еврейскаго или христіанскаго? Безполезно ссылаться въ подтвержденіе мысли объ основномъ единобожіи на существованіе въ индоевропейскихъ языкахъ названія бога вообще. Скр., Лит., Греч., Лат. названія бога имѣютъ въ основаніи корень див, свѣтить, что ясно указываетъ на чувственное происхожденіе мысли, связанной съ этими названіями. Скр. дѣва, дѣви есть эпитетъ многихъ (первоначально, конечно, только свѣтлыхъ) боговъ и богинь. О происхожденіи слав. богъ было сказано выше. Оно первоначально вовсе не означало божества, а съ теченіемъ времени стало эпитетомъ многихъ боговъ (Дажьбогъ, Стрибогъ).

Иные, какъ Мангартъ, толкуютъ о чувствѣ божественной единицы (gefühl einer göttlichen einheit), какъ о древнѣйшемъ состояніи всякаго язычества. Подъ этимъ чувствомъ разумѣютъ страхъ и благоговѣніе, внушаемые яко бы всей природою. Но, во-первыхъ, всякая миѳологія есть міросозерцаніе своего времени, своего рода научная система, въ которую входитъ только сознанное, только результатъ мысли. Можетъ быть рѣчь о свойственномъ извѣстной миѳологіи единомъ божествѣ, какъ о сознанной и выраженной словомъ причинѣ явленій, а не какъ о чувствѣ. По чемъ знаетъ изслѣдователь объ этомъ чувствѣ, если оно ничѣмъ не выразилось, или выразилось косвенно, но созданіемъ многихъ боговъ? Во-вторыхъ понятно въ первобытномъ человѣкѣ чувство страха предъ извѣстнымъ, дѣйствующимъ на органы чувствъ явленіемъ природы; но такое или подобное чувство, внушаемое всей приро-

дою взятою вмѣстѣ, предполагаетъ (если оно возможно), что человѣкъ предварительно обнялъ мыслью космосъ. Спрашивается, какая это вся природа первобытнаго человѣка? Не однимъ уже замѣчено, какъ странно, слѣдуя словамъ миссіонеровъ, думать, что дикарь, который буквально не умѣетъ считать далѣе десяти, можетъ возвыситься до мысли о единой природѣ и великомъ духѣ, какъ единой причинѣ ея явленій. Первый камень, о который ушибся этотъ человѣкъ есть для него конечная причина. Всякое положительное изслѣдованіе, различающее сложныя миѳологическія явленія, находитъ въ ихъ основаніи фетишизмъ, который прямо противорѣчитъ предположенію о единобожіи, какъ началѣ миѳологіи.

Возвращаясь къ славянской миѳологіи, можемъ спросить: быть можетъ славяне уже обособившись выработали понятіе о единомъ верховномъ богѣ, отличномъ отъ Перуна и прочихъ? Въ пользу утвердительнаго отвѣта можно привести различіе Бога и Перуна въ договорахъ съ Греками: „елико ихъ (Руси) крещеніе приялo есть, да приимуть мсть отъ Бога вьседержителя, ...и елико ихъ есть не хрещено, да неимуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“. Однако, по весьма вѣроятному мнѣнію Иречка, здѣсь рѣчь о Богѣ христіанскомъ. Иные изъ язычниковъ, участвовавшихъ въ договорѣ, могли потомъ, принявши христіанство, порушить этотъ договоръ, оправдываясь тѣмъ, что клялись соблюдать его только Перуномъ, въ коего теперь не вѣрятъ, а не богомъ христіанскимъ. Предвидя этотъ случай Греки заставляли клясться не только Перуномъ, но и Богомъ. Объясненіе это подтверждается другимъ мѣстомъ, въ которомъ подъ Богомъ можетъ разумѣться только Богъ христіанскій: „аще ли кто отъ князь или отъ людий русьскихъ, ли хрестіянъ или нехристіянъ преступить се, да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна“. Въ 3-мъ мѣстѣ изъ договора Святославова: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна, и въ Волоса скотія Бога“, Богъ можетъ быть эпитетомъ Перуна.

Въ позднѣйшихъ источникахъ, которыми почти исключительно приходится пользоваться при миѳологическихъ изслѣдованіяхъ, довольно часты сопоставленія Бога и встрѣчи, доли, частью какъ миѳическаго существа, частью какъ состоянія:

Подими се, првњенче, бријеме ти је,
Сусрела вас добра срећа и Господин Бог
Ко ти шћео наудити, недаому Бог (Кар. Пјес. I, 32);
Однесеме (невѣсту) Бог и срећа Іову (жениху) на дворе (ib. 34);

На мушхулук, браћо наша, добро сте дошла!
Свама дошла свака срећа и сам Господ Бог (ib. 45);
Ой йде Маруся на посадъ,
Зостріча ii Господь самъ
Изъ долею щасливою,
Изъ доброю годиною (Метл. 144);

Ако би ти Бог и срећа дала.. (Кар. Пјес. I, 37, 199, 398; II, 52 и др.); што Бог даде и срећа јуначка (ib II 598); што Бог да и срећа од Бога (ib III, 316): ... онога, кода Бог ми у срећу дадне (ib I, 426); Бог му даде и срећа донесе (ib II 71); Бог им даде и од Бога срећа (II, 547); данас ми је (туркињу) Бог у срећи дадне (ib III, 244); Богъ дасть долю и въ чистімъ полі (Ном. Прик. 25); лежень лежить, а Богъ для нёго долю держйть; лежухові Богъ долю дае (ib. 35); може Господь милосерний не все лихо роздасть, іще останетця.

Иногда отрицается мысль, что доля дается по дѣломъ,—мысль, очевидно существовавшая до отрицанія: „што я у Бога телятъ покралъ?“ (что на меня такая напасть).

Людскі діти долю мають, я ві не мала,
Такъ якъ би я у Богойка камінёмъ метала
(Коломыйки. 47);

Ой гаю мій зелененкий, ой гаю мій, гаю!
Ни я перша, ни последна доленьки не маю.
Найвисшому деревоньку вершокъ усихае;
Найкрасшому дітятоньку богъ дилі недае (ib);
Ой Боже мій милосерний, чи то твоя воля?
Чи, въ світі така друга, чи йно моя доля?
Не нарікай, доню, на Божую волю,
Тилько, доню, ти нарікай на лихую долю
(Голов. пѣсни I, 240).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій могутъ быть соглашены съ христіанскимъ взглядомъ: „Бог у срећу дадне“, „Богъ дастъ долю“, т. е. Богъ пошлетъ счастье, какъ состояніе или какъ обстоятельства, окружающія человѣка. Но въ другихъ выраженіяхъ такое соглашеніе невозможно. Христіанскій Богъ не долженъ сопоставляться съ миѳическимъ существомъ, отъ котораго тоже зависитъ судьба человѣка. Выраженія, какъ „сусрела вас срећа и Бог“, понимаю буквально, т. е. срећа (живое существо) и Богъ

пусть встрѣтятъ васъ. Богъ въ подобныхъ случаяхъ есть или христіанская прибавка, которой и не старались примирить съ языческимъ вѣрованіемъ, или — языческое божество, посылающее долю. На послѣднее указываетъ представленіе этого бога обладателемъ скота, какъ бы скотьимъ богомъ. Вѣроятно въ язычествѣ коренится и метанье камней въ бога, о которомъ упоминаетъ Млр. пѣсня.

По Млр. пѣснямъ доля дается и матерью, по крайней мѣрѣ отчасти зависитъ отъ нея:

Уродила мене мати въ зеленій діброві,
Та не дала мені мати ні щастя ні долі,
Тільки дала станъ хороший, та чорныі брови (Метл. 108);

Десь (должно быть) ти мене, моя мати, въ барвінку купала,
Купаючи примовляла (за—,проклинала), щобъ долі не мала.
„Проклинала, доню, тогді твою долю:
На гору йшла, тебе несла, щей води набрала“,

Или: Въ церкву я ходила, богу молилася (и не смотря на то)

Така тобі, моя доню, доля судилася (Метл. 274—5);
Сама не знаю, чомъ доленьки не маю:
Прокляла мене мати малою дитиною (Метл. 278).

Это не противорѣчитъ вѣрѣ въ зависимость личной доли отъ бога, какъ молитва и чары, склоняющія волю боговъ, не отрицаютъ ихъ власти надъ міромъ. Пословица „доля луччая божая, ніжъ матчиная“ (Ном. 35), отдавая преимущество одной долѣ предъ другою, предполагаетъ, что обѣ существуютъ рядомъ.

Очень распространено вѣрованіе, что всѣ случаи жизни, особенно бракъ и смерть, заранѣе опредѣлены рѣшеніемъ Суда. Женихъ и невѣста, какъ извѣстно, называются сужеными другъ для друга: сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ; сужена-ряжена не обойдешь и на конѣ не объѣдешь; суженое ряженому, ряженое суженому (Даль, Посл. 27); тимъ я ёго полюбила, що судився мій (Метл. 136);

Хотяй же вінъ заручений, якъ говорять люде,
А коли вінъ сужений, то вінъ моімъ буде (Метл. 28);
Не разлучить ні батько, ні мати,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина (ib 53);
Люблю я дівчину, треба ii взяти:

Хочъ я бъ ii любивъ не любивъ,
Може-жъ мені ii Богъ судивъ (ib 47);

„итти къ суду Божію“—подъ вѣнецъ. Смерть тоже судъ: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути“ (Сл. о П.); „Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе“ (ib); „до віку, до суду (до смерти, на пр. не буду дѣлать того-то); нема смрти без суѣна дана; суѣн данак наће—смерть. Жеребей—Божій судъ (Даль П. 50). Не всегда судитъ Богъ; иногда Святые:

Свята пречиста Христа вродила...
То розіслала поусіхъ святихъ,
По усіхъ святихъ, по монастирехъ
Служби служити, имья судити (т. е. судить, какое дать имя. Голов. пѣсни II, 27); Роженицы судятъ дитя (došle Rojenice sudit děteta, Valjav. 82 и др.), т. е. присуждаютъ, какою ему смертью умереть и т. п., откуда могло произойти названіе ихъ Судицами (Чеш. Слов.); что же до Хорут. sojenica, sujenica, то въ образованіи этихъ словъ участвуетъ оконч. прич. прош. стр., такъ что слова эти могутъ значить не судящая, а сужденная, опредѣленная высшимъ существомъ. Подъ словами судьба, судъ. Серб. судиште, судьа, суѣње, сколько извѣстно никогда не разумѣется миѳическое лицо: но оно разумѣется подъ Серб усуд, fatum. Послѣднее слово имѣетъ въ Мр. (у Бойковъ) и у Чеховъ форму осудъ - со значеніемъ отвлеченнымъ: judicium, fatum.

Серб сказка „Усуд“ (Кар. Прип. 89) утвердительно отвѣчаетъ на вопросъ, зависитъ ли личная доля отъ верховнаго миѳическаго существа? „Срећа“ (дѣвица) посылается Усудомъ Замѣчательно, что Усудъ находится подъ властію необходимости, съ которою его царскій дворецъ періодически измѣняется въ бѣдную избушку. Эта послѣдняя необходимость остается безо всякихъ опредѣленій

Сказку объ Усудѣ можно раздѣлить на три части:

1) Безчастный братъ идетъ навѣстить счастливаго. Сначала находитъ онъ долю своего брата, прекрасную дѣвушку, которая прядетъ золотую нить и пасетъ овецъ своего господина. Потомъ, погостивши у брата и добывши у него на дорогу постолы и денегъ, отправляется искать своей доли. Видитъ въ лѣсу, подъ дубомъ спитъ сѣдая матерая дѣвка. Отъ палочнаго удара она насилу двинулась, чуть раскрыла глаза, заплывшіе раною, и говоритъ: „Благодари Бога, что я спала, а то не добыть бы тебѣ и этихъ постоловъ“. Это его „срећа“, по ея словамъ, данная ему Усудомъ. Безчастный идетъ къ Усуду спросить о причинѣ своей бѣдности

2) На пути зажиточный хозяинъ поручаетъ ему узнать у Усуда, почему ему никакъ неудается накормить до сыта своей челяди; другой—почему у него не ведется скотъ; вода, которая переноситъ безчастнаго на другой берегъ, проситъ вывѣдать, почему въ ней не водится ничто живое. Пустынникъ показываетъ ему путь къ Усуду, и научаетъ, дѣлать, не говоря ни слова, все, что будетъ дѣлать Усудъ.

3) Безчастный застаетъ Усуда въ царскихъ палатахъ, окруженнаго толпою слугъ. Усудъ ужинаетъ, ужинаетъ и онъ, Усудъ ложится спать, ложится и онъ. О полночи слышатся страшный гулъ и чей-то голосъ: „О Усудъ, Усудъ, родилось сего дня столько-то душъ: дай имъ что хочешь“. Усудъ всталъ, открылъ сундукъ съ деньгами и сталъ разсыпать по комнатѣ одни дукаты, говоря: „какъ мнѣ сегодня, такъ имъ и до вѣка“. Въ слѣдующіе дни домъ Усуда все уменьшался и все окружающее его измѣнялось къ худшему. Наконецъ онъ съ гостемъ очутился въ бѣдной избушкѣ. Съ утра взялъ онъ заступъ и сталъ копать землю; по его примѣру, гость—тоже. Только вечеромъ Усудъ досталъ кусокъ хлѣба, отломилъ половину и далъ гостю. Ночью послышался голосъ, какъ и въ тѣ дни. Усудъ вмѣсто отвѣта отворилъ сундукъ и сталъ разсыпать по полу одни черепки, между коими изрѣдка попадалась мелкая поденщицкая денежка. При этомъ, какъ и въ тѣ разы, онъ говорилъ: „какъ мнѣ сегодня, такъ имъ до вѣка“. Тутъ завершился кругъ: на утро хижина стала опять царскимъ дворцемъ. Тогда Усудъ, узнавши что привело гостя, сказалъ: „ты родился въ бѣдную ночь и вѣкъ останешься бѣднякомъ, а братъ твой и его дочь Милица — въ счастливую. Ты возьми къ себѣ эту Милицу, и обо всемъ, что ни добудешь, говори, что это не твое, а ея“. На другіе вопросы Усудъ отвѣчалъ: хозяинъ не насытитъ челяди, потому что не чтитъ старыхъ родителей, бросаетъ имъ кости за печь, а не сажаетъ ихъ въ переднемъ концѣ стола; другому не ведется скотъ, п. ч. на „красно имe“ онъ рѣжетъ что похуже, а не что получше; въ водѣ нѣтъ плоду, п. ч. еще никого не утопила. „Но смотри, говоритъ, не сказывай ей этого, пока не перенесетъ тебя на тотъ берегъ“.

Третьей части Сербской ск. соотвѣтствуетъ Малорусская (Ан. о Родѣ и Рожаницѣ, Арх. Калачова II, 1—137): вмѣсто Усуда — старуха судьба (какъ по Малорусски?), которая живетъ попеременно то какъ нищая, то въ богатствѣ. Каждую ночь подъ окномъ ея слышится голосъ: „столько-то родилось мальчиковъ, а столько дѣвочекъ. Какая имъ судьба?“—Та, что у меня сегодня, отвѣчаетъ

старуха. Сказка эта не разъясняетъ, кто такой Усудъ, т. е. какое миѳическое лицо, какое явленіе природы лежитъ въ основаніи этого образа. По мнѣнію г. Аѳанасьева это разъясняется Чеш. ск. „Tři zlaté vlasy děda Vševěda“ (Erben Citanka 1):

1) Царь, заблудившись, заночевалъ у угольщика, которому въ ту ночь жена родила сына. Къ новорожденному пришло три старухи-судички въ бѣломъ платьи, со свѣчами въ рукахъ. Одна судила ему быть въ опасности, другая — миновать бѣду, третья — жениться на родившейся сегодня дочери того царя, что лежитъ здѣсь на сѣнѣ. Царь слышалъ это. Онъ выпросилъ у угольщика сына и приказалъ его утопить. Ребенокъ спасенъ и воспитанъ рыбакомъ. Черезъ много лѣтъ царь узнаетъ въ воспитанникѣ рыбака того, кому суждено быть его зятемъ. Онъ посылаетъ его къ царицѣ съ запискою: „Этого молодца—немедля убить: онъ мнѣ врагъ“. На пути Судичка подмѣняетъ записку другою: „Этого молодца—немедленно обвѣнчать съ нашею дочерью; онъ мой суженый зять“. Воротившись домой, царь отправляетъ нелюбаго зятя на вѣрную погибель, за тремя золотыми волосами Дѣда Всевѣда.

2) На пути перевозчикъ проситъ узнать у Дѣда, когда будетъ конецъ его работѣ; царь—почему его яблоня уже 20 лѣтъ не родитъ моложавыхъ яблокъ; другой царь—почему уже 20 лѣтъ, какъ высохъ его ключъ живой воды.

3) Въ золотомъ замкѣ Дѣда Всевѣда молодецъ застаетъ только старую пряху, ту самую, которая присудила ему быть царскимъ зятемъ и подмѣнила записку. „Дѣдъ Всевѣдъ, говоритъ она, — мой сынъ, ясное солнце: утромъ онъ дитя, въ полдень—мужъ, а вечеромъ—старый дѣдъ“. Она прячетъ молодца подъ пустую бочку. Вечеромъ влетаетъ въ западное окно золотоволосый дѣдъ — солнце, ужинаетъ и ложится спать, положивши голову на колѣни матери. Она три раза будитъ его, выдергивая по волосу, и за каждымъ разомъ передаетъ ему по вопросу, въ видѣ своего сновидѣнія. „Снилось мнѣ, что въ одномъ городѣ былъ ключь живой воды, и вотъ 20 лѣтъ, какъ онъ высохъ, какъ сдѣлать, чтобъ потекла вода?“ — Легко, отвѣчаетъ дѣдъ: на источникѣ сидитъ жаба и не даетъ водѣ течь; убить жабу, вычистить колодезь и вода потечетъ. На другіе вопросы отвѣтъ: подъ яблонею лежитъ гадъ; убить его, яблоню пересадить, и она станетъ рость; перевозчикъ пусть первому сѣдоку передастъ весло, а самъ пусть выскочитъ на берегъ.

Конецъ сказки не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Г. Аѳанасьевъ заключаетъ такъ: Дѣдъ Всевѣдъ есть солнце и соотвѣтствуетъ Усуду Сербской сказки; слѣдовательно Усудъ-судь-

ба есть солнце. Въ подкрѣпленіе этому приводится еще нѣсколько соображеній: Лучи солнечные и сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись золотымъ волосамъ, такъ какъ солнце называется золотокудрымъ, борода Индры золотая, а Тора — красная. Солнечные лучи представлялись также нитями. „Такъ какъ съ одной стороны теченіе человѣческой жизни уподоблялось тянущейся ниткѣ (нить жизни), а съ другой признавалось, что участь людей зависитъ отъ воли верховнаго существа, то понятно, что подъ судьбою первоначально разумѣли солнце (Аѳ. Ск. VIII, 520, 522). Судица-мать солнца въ Чеш. ск. подходитъ къ пословицѣ: „дожидайся солнцевой матери, Божія суда“. „Славяне, говоритъ г. Аѳанасьевъ, называли судьбу судомъ Божіемъ и матерью солнца, п. ч. ея приговоромъ создалось и самое солнце, источникъ всякой жизни“. (О Родѣ и Рожаницѣ 138).

О второстепенныхъ доказательствахъ можно бы поговорить, еслибъ главное было убѣдительно. Но есть основанія думать, что чешская сказка есть сшивка: рубцы знать. Многія очень древнія сказки составлены изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ мотивовъ, но здѣсь, по видимому, сшивка поздняя и неумѣлая. Двѣ черты Чеш. сказки, именно тождество Судицы 1-й части съ женщиною живущею у главнаго лица 3-ей части (у Дѣда) и тождество этого главнаго лица съ солнцемъ, стоятъ уединенно и не потверждаются ни одною изъ сказокъ этого семейства. Чеш. ск. заключаетъ въ себѣ не только миѳы, но и ихъ толкованія, что внушаетъ къ ней недовѣріе. Въ другихъ соотвѣтствующихъ Слав. и Герм. сказкахъ мѣсто дѣда занимаетъ существо совершенно другого рода, но, по нѣкоторымъ вар.,—съ нѣсколькими золотыми волосами. Составитель сказки легко, но ошибочно сообразилъ, что всякое золотоволосое существо есть солнце; кстати изъ другой сказки онъ вспомнилъ, что солнце представляется ребенкомъ, мужемъ и старикомъ, что у него есть мать-пряха; но такъ какъ и Парка—пряха, то солнцеву мать безъ особенной натяжки можно было соединить въ одно лице съ Судицею. Само собою, что почтенный издатель этой сказки можетъ отвѣчать только за вѣрность передачи того, что ему было сообщено, но никакъ не за древность и цѣльность самой сказки.

Варіанты: A. Марко богатый и Василій безсчастный, Аѳ. Ск. I, 61; B. ib II, 121; B. ib 124; Г. Словен. Tři pera z draka, škult a Dobš. slov. poh. 125.

1) Въ A. долю новорожденному даютъ два старика нищіе. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „тамъ-то родился сынъ; какъ ему велимъ нарещи имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?“—Имя нарещи ему Василій, прозваніе—Безчастный, а богатствомъ наградимъ его Марка богатаго,

у котораго ночуемъ.—Въ Б. вмѣсто нищихъ—Ангелъ небесный, въ В.—Господь Богъ въ видѣ нищаго, въ Г. нѣтъ ничего соотвѣтствующаго первой части сказки о дѣдѣ-Всевѣдѣ.

Марко напрасно старается извести своего нареченнаго зятя и наслѣдника. Ребенкомъ бросаетъ его въ снѣжный сугробъ, пускаетъ на воду въ засмоленномъ боченкѣ. Узнавши его потомъ въ молодомъ монастырскомъ служкѣ, онъ посылаетъ его къ себѣ домой съ запиской, въ которой приказываетъ его убить. Одинъ изъ стариковъ, давшихъ Василію долю, перемѣняетъ записку. Наконецъ Марко посылаетъ зятя къ царю змію, якобы получить съ него дань за 12 лѣтъ и узнать у него о 12-ти Марковыхъ корабляхъ, которые пропадаютъ уже три года. Въ В.—къ вѣщуну людоѣду, справиться, какъ велико Марково богатство. Въ Г. богачь посылаетъ юношу искать зла и добра, и въ доказательство что нашелъ, принести три пера съ хвоста змѣя.

2) Относительно задачъ, задаваемыхъ герою сказки на пути къ змѣю, пока замѣчу только, что во всѣхъ русскихъ вар. перевозчикъ проситъ узнать, когда конецъ его работѣ, а въ Г. босорка (вѣдьма), какъ бы ей можно и въ бурю перевозить людей,—черта по видимому испорченная, равно какъ и то, что Янко не разъ, а два раза переправляется черезъ море. Во всякомъ случаѣ, вода есть небо, и герой сказки идетъ къ существу небесному, въ чемъ впрочемъ никто не сомнѣвался.

3) Благодаря прекрасной дѣвицѣ, похищенной змѣемъ (А.), или женѣ людоѣда (В.), Василій получаетъ отвѣтъ на свои вопросы. Въ Г. одна изъ задачъ Янка состоитъ въ томъ, чтобъ возвратить отцу царевну, похищенную змѣемъ. Онъ находитъ ее за моремъ у змѣя, котораго записыватель или разсказчикъ, достойный благодарности за догадливость, въ текстѣ называетъ богомъ (¹) вѣтровъ. Царевна вывѣдываетъ что нужно у змѣя, вырываетъ три пера изъ его хвоста и бѣжитъ съ Янкомъ.

Многочисленные Германскіе варіянты этой сказки объясняются слѣдующимъ образомъ. Юноша, который идетъ за море за тремя золотыми волосами или перьями змѣя, великана или чорта, есть Торъ на что между прочимъ указываетъ и его названіе Торкиллемъ (Thorkill) въ соотвѣтствующемъ разсказѣ Саксона грамматика. Змѣй и его замѣны—одно лицо съ Инд. Аги; у Саксона онъ названъ Ugartilocus, т. е. Utgardaloki, именемъ Локи, того изъ Асовъ, который по всему близокъ къ ихъ врагамъ, Гигантамъ. Вторая и третья часть сказки первоначально тожде

(¹) Сказочникъ изъ народа, сколько мнѣ извѣстно, не назоветъ дѣйствующаго лица сказки богомъ. Тутъ слышна книга.

ственны. Задачи получаемыя и исполняемыя юношею тождественны съ самою важною, именно съ задачею убить спящаго змѣя и освободить похищенную имъ дѣвицу. Такъ жаба, которая заткнула собою источникъ живой воды (чеш. ск.) есть тотъ же змѣй Вритра, замыкающій дождевые источники (Mannhardt, germ. Mythen 203–4; Gr. Myth. 223). Въ Слов. вар. Г. двѣ огненныя скалы, которыя постоянно сталкиваются между собою, далеко вокругъ разсыпая искры, спрашиваютъ, когда онѣ перестанутъ биться? Это извѣстный образъ тучь. Моментъ ихъ покоя или исчезновенія изображаетъ тоже явленіе, что и пораженіе змѣя. Однако сказка говоритъ, что скалы стонутъ, когда убьютъ перваго прохожаго, что непонятно. Сухая груша (вар. Г.) зазеленѣетъ и дастъ золотые плоды, когда убъютъ червя, подтачивающаго ея корень. Но червь есть тотъ же змѣй. Царевна больна (ib), ни жива, ни мертва, п. ч. въ ея постели лежитъ ядовитый гадъ. Это тоже небесная жена во власти змѣя.

Маннгартъ не понимаетъ одной черты, именно перьевъ или волосъ змѣя. Какъ бы ни объяснялась эта черта, но объясненіе ея не поведетъ къ отождествленію Вритры съ солнцемъ. Въ Слав. сказкахъ непонятна личность перевозчика или перевозчицы.

И такъ, повторяю, вторая часть этой сказки должна заключать въ себѣ мотивы, первоначально тождественные съ мотивами третьей. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ соединенія нѣсколькихъ представленій того-же событія, или (что менѣе точно) разложенія одного и того-же событія на нѣсколько, различныхъ по формѣ. Если во второй части говорится объ изсякшемъ источникѣ, о деревѣ переставшемъ приносить плоды, о больной или похищенной дѣвицѣ, тамъ въ третьей части слѣдуетъ ожидать рѣчи о змѣѣ или его замѣнѣ и объ освобожденіи отъ него дѣвицы. На оборотъ, отъ змѣя 3-ей части можно заключать къ поименованнымъ выше задачамъ 2-ой части. Связь эта сохранилась въ вар. Г. и въ Нѣмецкихъ сказкахъ, но она нарушена въ ск. о Дѣдѣ-Всевѣдѣ, въ которой двѣ послѣднія задачи 2-й части противорѣчатъ появленію въ 3-ей Солнечнаго Божества вмѣсто змѣя. Въ А. и В. въ 3-ей части—рѣчь о змѣѣ или людоѣдѣ; хотя связь этой части со 2-ю нѣсколько затемнилась, однако двѣ задачи (именно узнать, долго ли еще стоять дубу, который стоитъ уже триста лѣтъ, и долго ли терпѣть мужичку, который, стоя одной ногой на колышкѣ, мотается, куда вѣтеръ повѣетъ) принадлежатъ къ одному кругу съ содержаніемъ 3-ей части. Василій толкнулъ дубъ ногою, ударилъ палкою мужичка, и они разсыпались золотомъ, серебромъ и камнями самоцвѣтными. Извѣстно, что добываніе сокровищъ (то есть солнечнаго свѣта, скрытаго за тучами) посредствомъ удара есть дѣло Громоваго Божества.

Пока божественность героя сказки была ясна, не нужно было объяснять, зачѣмъ онъ, Громовое Божество, идетъ къ своему врагу змѣю. Но когда герой сталъ обыкновеннымъ смертнымъ, то понадобились объясненія, заключенныя въ 1-ой части разсматриваемой сказки. Судьба (какъ бы она ни представлялась, въ видѣ ли судицъ, бога въ образѣ нищаго или въ видѣ теченія звѣзднаго объясняемаго звѣздочетами, какъ въ нар. ск. Аѳ. ск. I, 122) назначила герою быть мужемъ дѣвицы (лица, тождественнаго первоначально съ тою, которая въ 3-ей части освобождена героемъ отъ змѣя) и наслѣдникомъ богатства существа представляемаго отцемъ этой дѣвицы, но первоначально тождественнаго со змѣемъ хранителемъ сокровищъ.

Положимъ, Усуда нельзя сравнивать съ дѣдомъ Всевѣдомъ Чеш. сказки; но нельзя ли его сравнить со змѣемъ сказки о Маркѣ Богатомъ и др. подобныхъ? Конечно, для этого сравненія имѣется больше данныхъ, чѣмъ для перваго, но все-таки слишкомъ мало. Первая часть сказки объ Усудѣ есть варіантъ самостоятельной сказки о долѣ, или о богатомъ и бѣдномъ; 2-я и 3-я ч. этой ск. только въ самыхъ общихъ чертахъ сходны съ соотвѣтствующими частями сказки о Маркѣ. Задачи 2-ой части вовсе не указываютъ на основной миѳъ о борьбѣ змѣя и грома; согласно съ этимъ и въ 3-ей части появляется не змѣй или его замѣна, а Усудъ, обставленный чертами, вовсе не указывающими на его сходство со змѣемъ. Сказка эта, хотя можетъ быть сравнительно и нова, но замѣчательно цѣльна въ томъ смыслѣ, что все въ ней имѣетъ прямое отношеніе къ судьбѣ.

Кто-же такой Усудъ? Можетъ быть онъ есть солнце, хотя это и ничѣмъ не доказано. Можетъ онъ мѣсяцъ, на что пожалуй указываетъ періодичность съ которою дворецъ Усуда измѣняется въ избушку, періодичность, которую легче замѣтить въ мѣсяцѣ, чѣмъ въ солнцѣ. У мѣсяца тоже есть дома (mondhäuser, mondsäle) или по крайней мѣрѣ огороженные дворы («місяцъ обгородився»); онъ имѣетъ вліяніе на участь людей. А можетъ быть Усудъ — ни солнце, ни мѣсяцъ.

Ноябрь 1865 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Находка древностей въ юрту станицы мигулинской на дону. (протоколъ № 4. 17 ноября 1864 года) Архим. Амфилохія. Въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ было помѣщено слѣдующее описаніе находки сдѣланной въ 1864 году близь Новочеркасска:

„Въ юрту станицы Мигулинской, Усть-Медвѣдицкаго округа, близь хутора Батальщикова, находящагося на лѣвомъ берегу рѣчки Тихой (отъ ст. Мигулинской въ 14 верстахъ, а отъ р. Дона, съ правой стороны его, по ближайшему прямому направленію къ юго-западу, около 7 верстъ), есть буеракъ Бурлацкій, впадающій въ Тихую по направленію отъ сѣвера къ югу; съ лѣвой стороны буерака находятся признаки древняго городища, о которомъ не существуетъ ни какихъ преданій; городище это расположено на возвышенномъ мѣстѣ и имѣетъ видъ квадрата, въ объемѣ около версты; съ внѣшнихъ сторонъ его обведены были рвы, а внутри площади насыпаны валы, сохранившіеся довольно замѣтно и до настоящаго времени.

„Противъ городища, въ буеракъ Бурлацкій, съ правой его стороны, впадаетъ балка Караичева, превратившаяся отъ разлива весенней воды въ оврагъ, на правой сторонѣ котораго, между многими прорѣзавшимися рытвинами, двѣ,—одна съ западной, а другая съ юго-западной стороны,—образовали обрывистую стрѣлку, или уголъ, постепенно размываемый водою и обваливающійся болѣе и болѣе. Въ этомъ-то мѣстѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1864 г. суждено было одной женщинѣ напасть нечаянно на весьма важную наход-

ку. Эта женщина, проходя по оврагу, сначала замѣтила у подошвы означеннаго угла раздавившійся подъ ногами какой-то черепокъ; собравъ частицы раздавленнаго, она начала присматриваться къ окружавшему ее мѣсту и въ обвалившейся стѣнѣ угла увидѣла блестящую золотую вещь, которую и выкопала,— это былъ браслетъ; такая дорогая находка подстрекнула ее къ дальнѣйшимъ поискамъ, и она выкопала въ той же стѣнкѣ еще двѣ золотыя же вещи — вѣнокъ и кубокъ.

„Изъ разсказовъ очевидцевъ я узналъ слѣдующія подробности о найденныхъ вещахъ:

1) Браслетъ кованный, изъ листоваго золота высокаго достоинства, украшенный мелкими камнями и на срединѣ однимъ большимъ, сѣроватаго цвѣта, вродѣ сердолика.

2) Вѣнокъ, составлявшій головной уборъ женщины, изъ золота тоже высокаго достоинства, шириною около вершка (на передней части болѣе расширенный), испещренъ мелкою рѣзьбою; верхній край вѣнка вырѣзанъ мелкими, а нижній крупными полукруглыми зубцами; на каждомъ изъ нижнихъ зубцовъ помѣщены изображенія купидоновъ, а между зубцами привѣшены короткія золотыя цѣпочки, на концахъ коихъ прицѣплены маленькія сережки изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ камней, съ однимъ на каждой небольшимъ же бриллiантомъ.

Вѣсу въ браслетѣ и вѣнкѣ вмѣстѣ 116 золотниковъ.

3) Кубокъ полуовальной формы, къ верху съуживающійся, съ отогнутыми нѣсколько краями при отверстіи; вышиною до 3-хъ вершковъ; съ ручкою, на верху которой изображена голова животнаго, ввидѣ собачки; а кругомъ горлышка вырѣзана надпись:

ΞΗΒΑΝΟΚΟΥΤΑΡΟΥΛΑΣ ΕΠΟΙΕΙ ΧΡ ΜΗ.

Золото въ кубкѣ по виду нѣсколько низшаго достоинства противу браслета и вѣнка. Вѣсъ кубка 84 золотника.

и 4) Обломки раздавленой посуды (изъ коихъ уцѣлѣло дно и ручка, доказывающія что это былъ кувшинъ) оказались серебряные, но покрытые отъ долгаго нахожденія въ землѣ окисью и сдѣлавшіеся весьма хрупкими. Вѣсу въ нихъ 60 золотниковъ.

„Всѣ эти вещи вскорѣ послѣ находки проданы женщиною неизвѣстному торговцу, какъ говорятъ, за 400 руб. серебромъ, и, при всемъ моемъ стараніи, не было уже возможности открыть куда они поступили далѣе,—конечно по расчетамъ торговымъ пойдутъ изъ рукъ въ руки и должны пропасть безъ вѣсти.

ΞΗΒΑΝΟΚΟΥΤΑΡΟΥΛΑΣΕΠΟΙΕΙ * ΜΗ

Таб. XIII

„Говорятъ, что въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены теперь вещи, найденъ былъ года два тому назадъ еще одинъ браслетъ, и подвергся такой же участи, какъ и выше объясненная находка".

Вскорѣ послѣ сдѣланнаго открытія, когда слухъ объ немъ дошелъ до самаго Петербурга, членъ Импер. Археол. Коммиссіи г. Тизенгаузенъ немедленно поспѣшилъ въ Новочеркасскъ, гдѣ успѣлъ еще скупить тѣ вещи, которыя не пропали уже безъ вѣсти. Можемъ надѣяться, что Коммиссія не замедлитъ издать ученое описаніе этихъ любопытныхъ остатковъ греко-скиѳской древности. А пока удовольствуемся описаніемъ того сосуда, который былъ пріобрѣтенъ въ Москвѣ Гр. Уваровымъ и, какъ единственный во всей находкѣ предметъ съ надписью, заслуживаетъ особаго вниманія.

Сосудъ круглый, съ одною ручкою, сдѣланъ изъ электра, по формѣ, извѣстной подъ именемъ Kyathis (Gerhard. Sulle forme de'vasi greci. Roma 1836. Tab. XIII. № 28). На ручкѣ представлено четвероногое животное, съ волнистою шерстью, можетъ-быть агнецъ. Красные кораллы и голубая паста (какъ на египетскихъ фигуркахъ) вставлены въ золото, и должны означать длинную шерсть животнаго. Вокругъ горлышка вырѣзана надпись:

ΞΗΒΑΝΟΚΟΥΤΑΡΟΥΛΑΣ ΕΠΟΙΕΙ ΧΡ ΜΗ.

Ξηβὰν ὁ κυταρυλας ἔποιει. Χρυσοῖ 48.

Ксиванъ Кутарулясъ дѣлалъ. Золота 48.

Буква первая Ξ такой формы, которая, какъ замѣчаетъ Монфоконъ во 2-й книгѣ своей Палеографіи, стр. 152, почти всегда встрѣчается на монетахъ и мраморѣ со временъ Пелопонесской войны, а на стр. 142 онъ говоритъ, что подобная буква писалась до временъ Римской имперіи. Въ палеографическихъ снимкахъ преосвящ. Саввы буква эта доведена до 1-го вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ.

Буква A съ угломъ внутри встрѣчается на древнѣйшихъ камняхъ въ Римѣ, и чаще всего на мраморѣ. (Palaeographia Graeca, стр. 142).

Буква Σ часто встрѣчается на памятникахъ въ началѣ Римской имперіи. (Стр. 152 ibidem).

Буква C замѣчается на европейскихъ мраморахъ съ перваго вѣка отъ Рождества Христова (стр. 153 ibidem). На страницѣ 337 въ IV книгѣ Палеографіи Монфокона сказано, что буква C такой формы обыкновенна на монетахъ и надписяхъ со временъ Августовъ.

Монограмма: Хр, въ рукописяхъ мнѣ извѣстныхъ, начиная съ IX вѣка, означаетъ Χρυσοστόμος, Златоустъ; но она по Монфокону имѣетъ еще другое значеніе: и χρυσὸν, золото, и χρόνος, время. Остальныя двѣ буквы МН, мнѣ кажется, просто цифры: 48.

Судя по очертанію буквъ, сходныхъ съ буквами временъ начала Римской имперіи, надо полагать, что сосудъ сей сдѣланъ не позже 1-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ.

Новыя справки объ Іоаннѣ, Экзархѣ Болгарскомъ. М. П. Погодина. Люди, знакомые съ исторіей нашей литературы, знаютъ, какое движеніе въ ученомъ свѣтѣ произведено было изданіемъ изслѣдованій объ Іоаннѣ, Экзархѣ Болгарскомъ, К. Ѳ. Калайдовича. Это безспорно одна изъ важнѣйшихъ книгъ для нашей дѣльной филологіи: бездна свѣдѣній и извѣстій разсыпано щедрою рукою знатока по огромнымъ листамъ. Но Каченовскій встрѣтилъ ее, какъ и всѣ русскія книги, современныя Вѣстнику Европы, съ насмѣшкою, сомнѣніемъ и недоумѣніемъ: что это за Экзархъ, откуда онъ, когда жилъ, объ немъ нѣтъ ни слова у Фабриція и пр.—На этотъ разъ сомнѣнія его имѣли видъ основательности, и статья его, кромѣ переведенныхъ изъ Энгеля и Добровскаго, утомительныхъ и ненужныхъ выписокъ о Болгаріи и проч., бросила дѣйствительно тѣнь подозрѣнія на Іоанна Экзарха и приписанную ему древность. Ничего лучше справокъ не читалъ я у Каченовскаго, и при этомъ рѣдкомъ случаѣ радъ принести ему должную дань похвалы. Калайдовичъ не успѣлъ отвѣчать ему, подвергшись вскорѣ тяжкой болѣзни. (Іоаннъ Экзархъ былъ одною изъ важныхъ причинъ ея: неестественное напряженіе при египетскихъ корректурахъ впродолженіе года привлекло кровь къ головѣ, которая наконецъ и ослабѣла). Въ его бумагахъ собрано однакожъ много матеріаловъ, ожидающихъ дѣлателя. Что касается до меня, я оставался въ сомнѣніи, наведенномъ статьею Каченовскаго; но не брался изслѣдовать этотъ предметъ, тѣсно связанный съ филологіей, которая въ томъ объемѣ и смыслѣ не входитъ въ кругъ моихъ историческихъ занятій, какъ нечаянно, въ собраніи рукописей, купленномъ для меня г. Большаковымъ на аукціонѣ послѣ купца Лаптева, попались мнѣ Дамаскиновы Небеса, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

Предисловіе Іоанна Патріарха Антіохійскаго, нарицаемаго Экзарха, на книгу сію Преподобнаго Отца нашего Іоанна Дамаскина, нарицаемую Небеса.

Іоаннъ, Патріархъ Антіохійскій, написавшій предисловіе къ переводу Дамаскиновой Богословіи (Небеса), назывался Экзархомъ! Наши славянскіе переводы приписываются Іоанну, Экзарху Болгарскому.

Слѣд. Іоаннъ Экзархъ, патріархъ Антіохійскій, и нашъ Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, есть одно лице! Іоаннъ Экзархъ открытъ, подумалъ я; стоитъ только справиться, кому изъ патріарховъ Антіохійскихъ, Іоанновъ, вѣроятнѣе приписать этотъ трудъ: не былъ ли кто изъ нихъ Славяниномъ, Болгариномъ или Сербомъ,—не жилъ ли въ Славянскихъ странахъ? Такъ подумалъ я и тотчасъ отнесся съ этими вопросами къ одному духовному ученому, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ. октября 13, 1840 года:

«По желанію вашему и собственному любопытству, при пособіяхъ О. Р., составивъ свѣдѣнія объ Іоаннахъ, патріархахъ Антіохійскихъ,—сообщаю ихъ вамъ. Цѣль сего разысканія, указанная вами, побудила меня съ одной стороны ограничиться въ изслѣдованіи только тремя или четырьмя столѣтіями послѣ Іоанна Дамаскина, съ другой—не исключить отсюда и неправославныхъ или яковитскихъ патріарховъ сего же времени.

«Свидѣтельство Зонары (l. XVII. n. 1) о томъ, что императоръ Цимисхій, по просьбѣ Антіохійскаго патріарха Ѳеодора, перевелъ часть Павликіанъ изъ Восточныхъ странъ на границы Вулгаріи для того чтобы тѣмъ ослабить ихъ силу на Востокѣ и имѣть въ нихъ защиту со стороны Булгаръ, подкрѣпляло надежду раскрыть и то, какъ тѣ же патріархи Антіохійскіе, въ уврачеваніе зла, причиненнаго Булгарамъ Павликіанами, старались о распространеніи между ними книгъ православныхъ учителей.—Что стало съ этою надеждою, увидите сами.

«Первый изъ патріарховъ Антіохійскихъ,—православныхъ,—по времени принадлежащій къ разсматриваемой эпохѣ, есть Іоаннъ III, жившій въ концѣ X ст. Объ немъ упоминаетъ Петръ, Антіохійскій патріархъ, въ посланіи къ Михаилу Керулларію, свидѣтельствуя, что въ его время въ Антіохіи воспоминалось еще въ молитвахъ церковныхъ имя Папы Римскаго. Lequien усвояетъ ему сочиненіе противъ назначенія монастырей и ихъ имуществъ въ распоряженіе свѣтскимъ лицамъ; о чемъ въ концѣ X ст. и въ началѣ XI было не мало споровъ. Патріархъ Константинопольскій Сисинній (996—999) держался однѣхъ мыслей съ Іоанномъ; а Сергій, его преемникъ, въ 1016 г. отвергъ сіе мнѣніе соборнымъ опредѣленіемъ (Balsamon ad Conc. VII. can 13). Какая судьба постигла Іоанна за эту ревность въ защищеніи правъ церкви, неизвѣстно. До возведенія въ санъ патріаршескій онъ подвизался на островѣ Оксіи; поэтому и называется: Окситъ (Lequien, Oriens chr. T. 2, 753).—Удинъ приписываетъ сіе сочиненіе и, по немъ, самое наименованіе Оксита слѣдующему Іоанну, вмѣстѣ съ другими сочиненіями, полемическаго и духовнаго содержанія: но, что касается до сочиненія о монастыряхъ, оно, мнѣ кажется, справедливѣе должно быть при-

своено Іоанну III, нежели четвертому.—Болѣе ничего къ объясненію личной исторіи Іоанна не открылось.

«Іоаннъ IV былъ патріархомъ Антіохіи во время взятія сего города Латинянами. Во время осады онъ много терпѣлъ отъ Сарацинъ; послѣ взятія отъ Латинянъ — много долженъ былъ терпѣть отъ разномыслящихъ единовѣрцевъ. Латиняне хотѣли все преобразовать по своему. При такихъ обстоятельствахъ Іоаннъ счелъ за лучшее удалиться отсюда въ Константинополь, гдѣ по свидѣтельству Alberti Aquensis (1120 г.) и скончался чрезъ два года. Онъ писалъ противъ Латинянъ, противъ Монофелитовъ. Но обстоятельства его образованія и первоначальнаго служенія Церкви неизвѣстны. Lequien l. c. p. 756. (Объ этомъ Іоаннѣ, кромѣ Альберта, говоритъ Вильгельмъ Тирскій).

«Іоаннъ V упоминается, вскорѣ послѣ четвертаго, въ каталогѣ Антіохійскихъ патріарховъ, составленномъ Аѳанасіемъ, патріархомъ Антіохійскимъ въ началѣ XVIII стол. Но объ немъ ничего неизвѣстно.

«Изъ неправославныхъ, именно яковитскихъ, патріарховъ, послѣ кончины Іоанна Дамаскина (ок. 756 г.) извѣстны слѣдующіе съ именемъ Іоанна: Іоаннъ III-й 846—874;—IV-й 910—922;—V-й 936—956;—VI-й 957—958;—VII-й 965—985;—VIII-й 1004—1029;—IX-й 1049—1058;—X-й 1064—1073;—XI-й ок. 1075;—XII-й 1086—1088;—XIII-й 1129—1137.—Іоаннъ XIV-й поставленъ уже въ 1208 году. Свѣдѣнія обо всѣхъ сихъ патріархахъ собраны въ Biblioteca Orient. Assemani. T. 2.

«Іоаннъ III взятъ изъ монастыря св. Захи (монастырь сей находится близъ Озроэнскаго города Каллиника); рукоположенный въ 846 году, въ 869 г. онъ издалъ нѣсколько правилъ церковныхъ объ отношеніяхъ Мафріана, или Примаса Сирскаго, къ своему патріарху; ум. въ г. Резинѣ (въ Месопотаміи).

«Іоаннъ IV, столпникъ киновіи Курцахель, въ области Антіохійской; есть къ нему посланіе Михаила, патріарха Александрійскаго; ум. въ гор. Резинѣ.

«Іоаннъ V-й, изъ отшельниковъ Черной горы (близъ Антіохіи); погребенъ въ киновіи Теледской, гдѣ и Іаковъ Едесскій.

«Іоаннъ VI-й, столпникъ Курцахельскій, на р. Уфринѣ; погребенъ въ Киновіи Соломоновой, въ Долихѣ (въ Сиріи).

«Іоаннъ VII-й, изъ киновіи Тарильской, за свою бѣдность прозванный Саригдою; въ 969 г. вызванъ императоромъ Никифоромъ въ Константинополь для пренія съ патріархомъ Константинопольскимъ о православіи, за упорство заключенъ въ темницу; отсюда о своемъ спорѣ обстоятельно писалъ въ Александрію; когда Никифоръ былъ убитъ Цимисхіемъ, тогда Іоаннъ освобожденъ и возвратился въ Ме-

литину (въ Арменіи), въ монастырь Баредъ, имъ самимъ основанный; тамъ и скончался.

«Іоаннъ VIII-й, сынъ Авдона, урожденецъ Мелитенскій (въ Арм.). Осьмнадцати лѣтъ вступилъ онъ, противъ воли своихъ родителей, въ монастырь, въ томъ же городѣ; потомъ жилъ на скалѣ близъ р. Евфрата; наконецъ удалился въ Антіохію на Черную гору; здѣсь провелъ около 40 лѣтъ; въ 1004 году, по смерти патріарха Аѳанасія, избранъ на его мѣсто и рукоположенъ въ сей санъ на 60 г. своей жизни. По доносу православнаго митрополита Мелитенскаго о совращеніи Іоанномъ многихъ изъ православныхъ въ свою секту, императоръ Романъ вызвалъ его въ Константинополь къ отвѣту; здѣсь онъ былъ осужденъ на соборѣ и, за несогласіе отказаться отъ мнѣній своей секты, сосланъ въ монастырь Каія (Caii), находившійся въ землѣ Болгарской (in regione Bulgarorum), и здѣсь чрезъ четыре года скончался. Свѣдѣнія о семъ патріархѣ заимствуютъ а) изъ Хроники Абульфараджа, или Григорія Баръ-Гебрея. Assem. l. c. p. 352 — 353; б) изъ жизнеописанія Захаріи, патріарха Александрійскаго, также яковита, составленнаго Михаиломъ, епископомъ Танесскимъ, который лично зналъ Іоанна p. 146 — 150. Изъ писаній сего Іоанна извѣстны только два посланія къ Захаріи, патріарху Александрійскому, упоминаемыя у Ассемани. Гробъ его упоминается въ г. Амидѣ. Assem. p. 210.

«Іоаннъ IX-й, племянникъ Авдона, изъ монаховъ киновіи Баргагъ, въ горѣ Мелитинской, возведенъ въ санъ патріарха, противъ желанія. Извѣстны два посланія къ Александрійскому яковитскому патріарху Христодулу.

«Іоаннъ X-й Баръ-Сусанъ, изъ синкелловъ и учениковъ Іоанна IX, строгой жизни; издалъ 24 правила обличеній церковныхъ; сочинялъ свои молитвы для литургіи; защищался противъ Армянъ. Умеръ и погребенъ въ Амидѣ. Абульфараджъ о немъ свидѣтельствуетъ: своими письмами и сочиненіями, исполненными сладкихъ наставленій, онъ наполнилъ цѣлый міръ.

«Іоаннъ XI-й, Авдонъ, изъ епископовъ Синнадскихъ, вскорѣ низверженъ, и былъ живъ при четырехъ слѣдующихъ патріархахъ; но умеръ съ глубокимъ раскаяніемъ о возмущеніи Церкви.

«Іоаннъ XII-й, отшельникъ изъ области Киринской; погребенъ въ Киновіи Баредъ.

«Іоаннъ XIII-й, изъ архимандритовъ киновіи Дуаиръ, въ области Антіохійской, поставленъ въ церкви, принадлежавшей Франкамъ; скончался въ томъ же монастырѣ.

«Изъ всѣхъ сихъ Іоанновъ ни объ одномъ не извѣстно, служилъ ли

онъ, до возведенія въ санъ патріаршій, въ Болгаріи, былъ ли Славяниномъ, или зналъ ли по-славянски. Только объ осьмомъ яковитскомъ Іоаннѣ извѣстно, что онъ, лишенный престола уже въ глубокой старости, былъ сосланъ въ Болгарію и жилъ здѣсь около 4 лѣтъ до своей кончины.— Но, мнѣ думается, нашъ Іоаннъ долженъ быть православный, издавна живущій въ Болгаріи, съ уваженіемъ къ трудамъ Меѳодія и Кирилла, чуждымъ для пришельца, и не въ престарѣлыхъ лѣтахъ для такихъ трудовъ. Притомъ изъ патріарховъ нельзя ему сдѣлаться экзархомъ.

«Остается искать другого способа къ разрѣшенію загадки. Въ литературѣ церковной извѣстно лице Іоанна, пресвитера Антіохійскаго, потомъ патріарха Константинопольскаго. Его собраніе правилъ церковныхъ было переведено и на Славянскій языкъ, какъ думаетъ Баронъ Розенкампфъ (Обозр. Кормч. кн., стр. 49,116. пр. 105 и 109), еще ранѣе Фотіева.—Ежели рукопись ваша писана не въ Болгаріи, ежели писана она, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлана на ней надпись, не древнею рукою: то нельзя ли предположить, что писецъ ея, писавши прежде, или зная, по другому случаю, имя сего Іоанна, перенесъ въ рукопись Экзарха титулы другого Іоанна, и так. обр. составилъ изъ двухъ лицъ одно, самъ не зная, что онъ этимъ дѣлаетъ.»

Получивъ это письмо, я остановился, разумѣется гадательно, на пятомъ Іоаннѣ, который былъ родомъ съ Черной горы, слѣд. м. б. Славянинъ, какъ вдругъ попалась мнѣ еще рукопись, въ коей помѣщено житіе св. Іоанна Дамаскина, писанная Іоанномъ, патріархомъ Антіохійскимъ. Сочинитель долженъ быть тотъ же, подумалъ я по этому указанію, что переводилъ Небеса и писалъ предисловіе. Тотчасъ сообщилъ въ Академію о новой счастливой находкѣ, и вотъ ученый отвѣтъ отъ 20 ноябр. 1840 г.

«Изъ шести рукописей, въ которыхъ содержатся сочиненія Іоанна Дамаскина и которыя были у меня въ рукахъ, „житіе“ его нашлось въ трехъ. Оно начинается такъ: „Иже по образу Божію сохранившимъ и соблюдшимъ нетлѣнно и неврежденно“... Во всѣхъ этихъ рукописяхъ списателемъ житія называется Іоаннъ, патріархъ Антіохійскій. Въ нашихъ Четьихъ-минеяхъ (дек. 4) житіе Іоанна Дамаскина взято сокращенно изъ сего обширнаго жизнеописанія.—На Греческомъ языкѣ оно напечатано въ Лекьеневомъ изданіи сочиненій Іоанна Дамаскина (T. 1.I—XXIV.) и у Болландистовъ (Acta Sanctor. Maii T. 2). Оно начинается такъ: Τοῖς τετηρηκόσι τὸ κατ' εἰκόνα ἀρρυπωτον καί ἀδιαλώβητον.

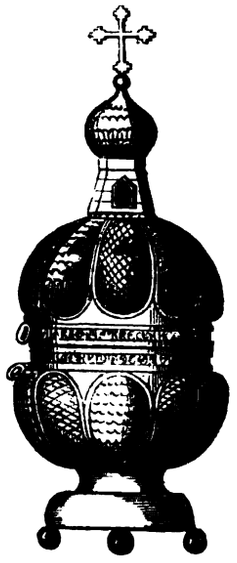
«Но на греческомъ языкѣ, какъ въ рукописяхъ такъ и въ напечатанныхъ изданіяхъ, сіе жизнеописаніе постоянно называется произведеніемъ Іоанна, патріарха Іерусалимскаго. Что это жизнеописаніе со-

ставлено въ Іерусалимѣ, можно видѣть изъ того мѣста его, гдѣ говорится о пришествіи Іоанна Дамаскина въ Іерусалимъ. Въ славянскомъ переводѣ оно читается такъ: „и се шедъ въ Іерусалимъ, и ключимое поклоненіе сотвори въ мѣстѣхъ онѣхъ святыхъ и честныхъ". Но въ греческомъ жизнеописаніи вмѣсто: онѣхъ, стоитъ: сихъ—*και ἀπιών εἰς Ιεροσολύμα και τὴν προσήκουσαν προσκυνῆσιν ποιησάμηνος εν τὸποις τουτοις τοῖς σεβασμίοις.*—Что это жизнеописаніе составлено или—можетъ-быть правильнѣе сказать—переведено Іоанномъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ житія: молитвенникъ ми буди.... о ихъ же,—доброе се приношеніе иному сотворшу, яко возможе человѣкъ невѣжда,—сіе обрѣтъ, и бесѣдою и словесы Аравійскими лежаще, единоплеменный тебѣ азъ отъ любве въ сіе слово произыдохъ и со тщаніемъ и прилежаніемъ, елико по силѣ, молитвъ твоихъ ради и посѣщеній, преложивъ сочетахъ, аще ли и сице подобаетъ рещи, твоими смотрѣньми. *Ἱκέτης γένοιό μοι..., ἐφ οἷς τοῦτον καλον ἔρανον ἄλλου πεποιηκότος, ὡς εἶχεν ο ἄνθροπος, ἀφελῶς, αὐτὸς ευρηκώς, και διαλέκτω Αράβων καὶ γράμμασι κείμενον, ὁ ὁμονυμῶν σοι ἐκ πόθου εἰς τοῦτο λογου καὶ ἐπιμελείας τῆς κατὰ δύναμιν, δία σῶν μετεβαλον ἐπισκέψεων ἤ ἂν οὗτὼ δέη, και επίσκηψεων.* Вразумительнѣе эти слова могутъ быть переведены такъ: Будь молитвенникомъ моимъ.... такъ какъ я, нашедши въ простомъ видѣ сіе прекрасное собраніе (преданій о тебѣ) на Арабскомъ языкѣ и въ Арабскихъ письменахъ, которое составилъ кто-то, какъ умѣлъ,—я твой, соименникъ, изъ любви приступивъ къ сему слову, съ возможнымъ тщаніемъ преложилъ его при твоей помощи или, если нужно (сказать) сіе, и по твоей заповѣди.—Изъ сихъ двухъ мѣстъ житія Іоаннова, изъ которыхъ первое взято изъ начала его, а другое изъ заключенія,—видно, что сочинитель его или переводчикъ греческій есть Іоаннъ Іерусалимскій.

Замѣчательно, что̀ говоритъ Іоаннъ Іеерусалимскій о такъ называемой Богословіи Дамаскина, переведенной эксархомъ болгарскимъ. Упомянувъ о различныхъ сочиненіяхъ св. Іоанна, онъ продолжаетъ: и священную книгу (Іоаннъ Дамаскинъ)—начертавъ (вм. начерта) юже азъ небеса нарекохъ, яко же звѣздами, премудрыми наказаньми и естественными же и писательными, зѣло художьственными просвѣтляемо: Въ Греч. „*τὴν ιερὰν βιβλον — διεχαράξατο ἣν ἔγω ουρανον ἐκάλεσα, ὡς ἄσγασι, ταῖς ὀρθαῖς ἀποδειξεσι και φυσικαῖς τε και γραφικαῖς, και λιαν επιστημονικαῖς διαλάμποντα.*—Обыкновенное названіе сей книги на греч. языкѣ: *ἔκςοσις ἀκριβὴν τῆς ὀρθοδόξου πίςεος,*—„точное изложеніе православной вѣры". Гдѣ и когда Іоаннъ Іерусалимскій назвалъ сію книгу Небесами, неизвѣстно. Потому латинскій переводчикъ *ἐκάλεσα* перевелъ: dixerim. Но славянскій прямо: нарекохъ; и въ славянскихъ рукописяхъ сіе сочиненіе точно встрѣчается подъ именемъ: Небеса. Кромѣ

списка Даніилова, о которомъ говоритъ Калайдовичь (Іоаннъ экзархъ Болгарск., стр. 75), это наименованіе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ у меня подъ руками. Итакъ, или переводчикъ житія Дамаскина съ арабскаго на греческій и переводчикъ славянскій богословія Дамаскина—одно и тоже лице, или надобно допустить, что въ нашихъ слав. рукописяхъ наименованіе книги взято изъ житія.— Трудно допустить, чтобы мѣсто житія, не совсѣмъ прямо и ясно называющее сію книгу, подало поводъ нашимъ писцамъ присвоить ей новое имя. Но съ другой стороны не легко объяснить и то, почему въ древнѣйшемъ спискѣ перевода Экзархова сія книга названа просто: „о правѣй вѣрѣ.“ (Калайд. стр. 19 и въ ближайшемъ къ сему списку, нашемъ).

Остается мнѣ прибавить о томъ, когда жилъ Іоаннъ Іерусалимскій, переводчикъ житія Дамаскина съ арабскаго? Издатели его Papebrochius (in Actis Sanctt. l. c.) и Lequien (Opp. S. Joh. Damasc. ed. 1712 t. 1. p. l. not. l.) приписываютъ составленіе сего житія Іоанну патріарху іерусалимскому, жившему въ 10 стол., и скончавшемуся мученикомъ отъ Сарацинъ, по извѣстію Кедрина (t. 2. p. 661) именно въ 969 г. Откуда онъ происходилъ, гдѣ прежде жилъ,—ничего этого неизвѣстно.“

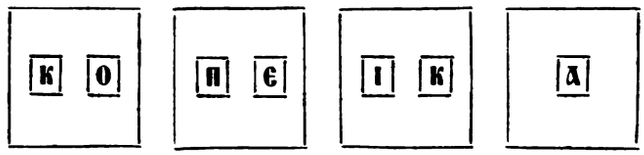


Кадило городищенской церкви. Н. А. Артлебена. На кадилѣ Городищенской церкви находится слѣдующая надпись: „Лѣто ҂грод то-есть ($\frac{7174}{1566}$) вдомъ воскресенія христова и великаго чудотворца Николая приложилъ сіе кадило многогрѣшный рабъ дьякъ Андрей Андреевъ сынъ Галкинъ по себѣ и по своихъ родителехъ вовѣки никѣмъ неотъемлемо.“ Подобные остатки старины съ каждымъ годомъ утрачиваются, вымѣниваясь на новыя вещи, далеко уступающія имъ въ художественномъ отношеніи; поэтому— сохраненіе ихъ въ рисункахъ составляетъ интересъ для исторіи русскаго искусства, тѣмъ болѣе что, нерѣдко, формы церковныхъ утварей такого рода какъ кадила, ковчеги, фонари, были заимствованы старинными мастерами отъ современнаго имъ зодчества.

Желѣзные кубики съ надписью копѣйка и деньга. А. П. Клачкова. Въ прошломъ 1863 году бывшему Новгородскому Гражданскому Губернатору, В. Я. Скарятину, изъ Бѣлозерскаго Городскаго Магистрата доставлены были, хранившіеся тамъ съ неизвѣстнаго времени, два желѣзныхъ кубика разной величины, съ надписью на нихъ, на одномъ копѣйка, а на другомъ деньга.

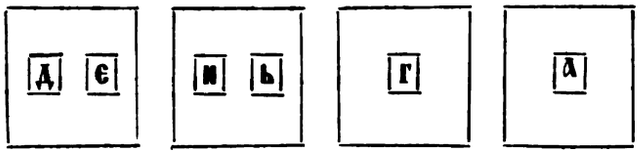
Вотъ по возможности полное описаніе этихъ кубиковъ.

Первый. Вѣсъ: 1 фунтъ 13 золотниковъ 78 долей; фигура—не совсѣмъ правильный кубъ, подходящій болѣе къ прямоугольной призмѣ, выкованной, какъ кажется, отъ руки. На четырехъ сторонахъ отчеканена особымъ штамбомъ на каждую букву, не очень глубоко въ металлъ, надпись въ слѣдующемъ порядкѣ:



На двухъ остальныхъ сторонахъ кубика, въ срединѣ каждой, выбитъ Московскій гербъ (Св. Георгій Побѣдоносецъ на конѣ, въ право, поражающій копьемъ змѣя); подъ конемъ годъ: 17.. (кажется 1776). Все это въ фигурѣ, по виду и величинѣ подобной

Второй. Вѣсъ: 54 золотника 78 долей (т. е. вдвое менѣе противъ перваго); фигура, по большому равенству ребръ, подходитъ болѣе къ кубической, чѣмъ у перваго; но видимо сдѣлана отъ руки, а стороны не совершенно правильные квадраты. На четырехъ сторонахъ, подобно какъ на первомъ, только гораздо глубже въ металлъ, вѣроятно по горячему, отчеканено буквами другаго штамба (что видно изъ сравненія, напримѣръ, буквъ А и Е):



На двухъ остальныхъ сторонахъ кубика деньга—тотъ же Московскій гербъ и въ такой же фигурѣ, какъ на кубикѣ копѣйка, и также въ срединѣ квадрата, съ годомъ явственно: 1776; но гербъ этотъ сдѣланъ другимъ штамбомъ, весьма сходнымъ съ первымъ.

Оба кубика хорошо сохранились; имѣютъ довольно острые ребра и, должно полагать, вышли прямо изъ подъ молота. Въ большемъ, впрочемъ, двѣ стороны, на которыхъ Московскій гербъ, нѣсколько спилены, вѣроятно для того, чтобы пригнать кубикъ въ опредѣленный вѣсъ, а въ меньшемъ, можетъ быть по той же причинѣ, на одной сторонѣ, подъ клеймомъ, замѣтна надварка металла отчего эта сторона нѣсколько выпукла. За тѣмъ, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желѣзо и потеряло свой обыкновенный темносѣрый

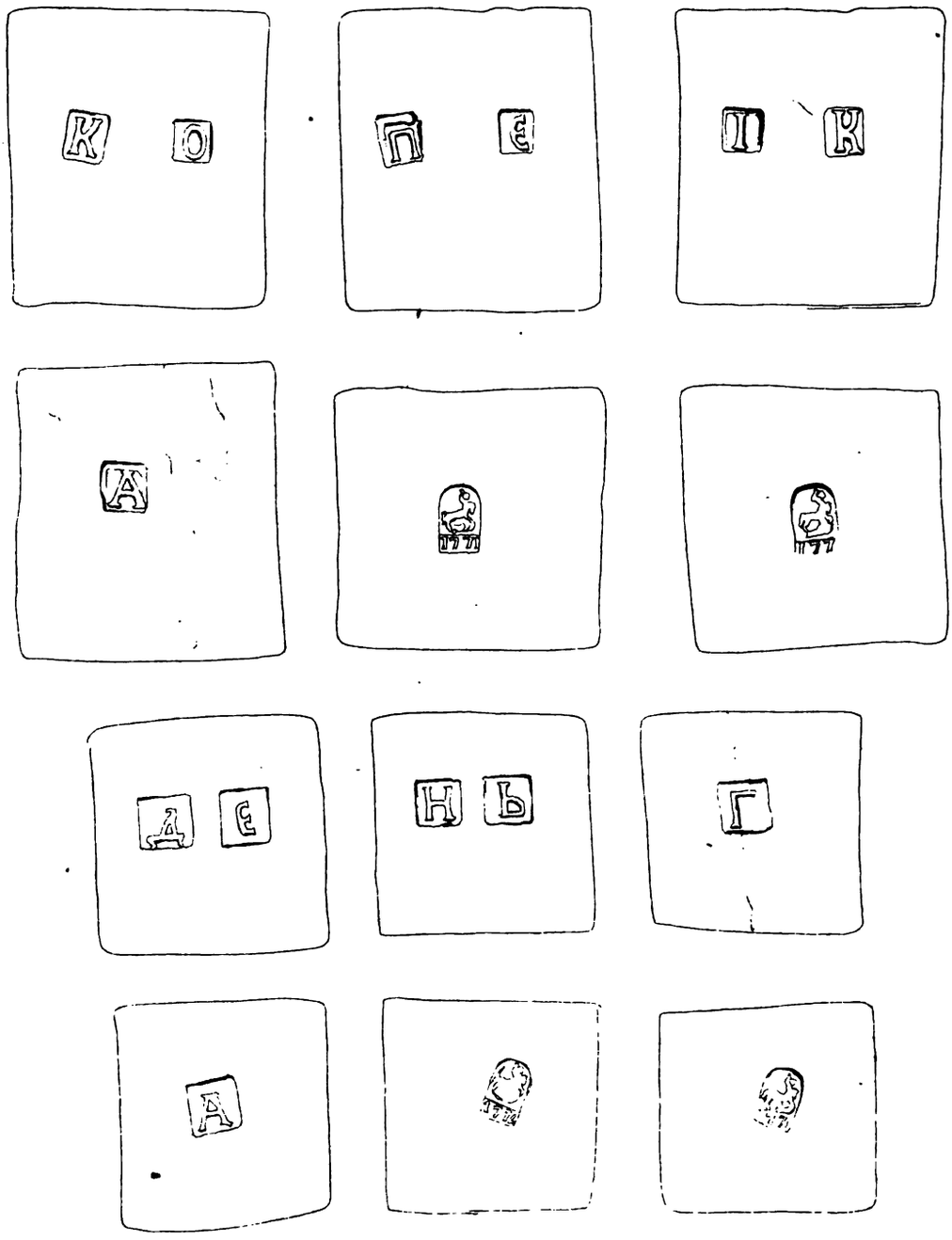
цвѣтъ и негладкость и получило блескъ, какъ бы отъ шлифовки, въ особенности около краевъ, то это, должно думать, отъ тренія, при неосторожной перевозкѣ кубиковъ.

Почтенный нашъ академикъ А. А. Куникъ сообщилъ мнѣ, что другой экземпляръ кубиковъ копѣйки и деньги доставленъ изъ Новгородской губерніи въ Императорское эрмитажное собраніе; но этого втораго экземпляра я не имѣлъ случая сличить съ описаннымъ мною.

Въ одной изъ Новгородскихъ лавокъ я пріобрѣлъ, найденный въ желѣзномъ ломѣ, еще одинъ подобный кубикъ деньгу, который, однако, пострадалъ отъ ржавчины и потому не столь хорошо сохранился, какъ два описанные. Вѣсъ его: 52 золотника 80 долей; надпись расположена въ томъ же порядкѣ, на четырехъ сторонахъ, какъ на подобномъ Бѣлозерскомъ экземплярѣ, но буквы опять, очевидно, иного чекана. Сверхъ того мой кубикъ отличается отъ первыхъ двухъ еще тѣмъ, что всѣ ребра его нѣсколько притуплены (можетъ быть, съ намѣреніемъ, для уменьшенія вѣса, спилены; чего опредѣлить вѣрно теперь нельзя, такъ какъ кубикъ пострадалъ отъ ржавчины), а клеймо съ Московскимъ гербомъ и годомъ, на моемъ кубикѣ надчеканено, судя по величинѣ и общему виду, вѣроятно то же, но на каждой изъ шести сторонъ кубика и при томъ по четыре раза,—въ углахъ квадратовъ, слѣдовательно не два раза, а 24 раза. Къ сожалѣнію остался только одинъ слѣдъ этой печати, ни всадника, ни года разсмотрѣть не возможно. Наконецъ мой кубикъ не желѣзный, а чугунный. Можетъ быть, не по этой ли причинѣ онъ легче Бѣлозерскаго на 2 золотника; ибо онъ могъ быть отлитъ въ форму, сдѣланную по желѣзному экземпляру.

Затѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, ни гдѣ подобныхъ не имѣется и кажется они ни кѣмъ еще не были описаны.

Остается рѣшить, какое имѣли назначеніе эти псевдо-нумизмы. Очевидно, что по своему виду и вѣсу собственно денежными знаками онѣ служить не могли, въ особенности въ такое близкое къ намъ время.—Не были ли кубики назначены для отвѣшиванія какого нибудь вещества, стоимость котораго приравнена была по вѣсу и наименованію ихъ; слѣдов. не служили ли они гирьками для отмѣриванія такого матеріяла, цѣна котораго установлена была постоянная отъ правительства,—на что указываютъ клейма съ Московскимъ гербомъ?—Слѣдуетъ также замѣтить что эти клейма отчеканены при холодномъ состояніи желѣза; между тѣмъ буквы подписи, судя по углубленію ихъ въ металлъ, вѣроят-

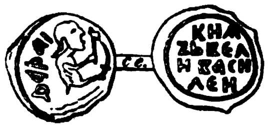


но выбиты по горячему. Разнообразіе же въ отдѣлкѣ и въ формѣ даютъ поводъ думать, что кубики изготовлялись не въ небольшомъ числѣ, или, по крайней мѣрѣ, не въ одномъ мѣстѣ.

Новгородъ. 15 Декабря 1864 г.

√Объясненіе надписи на монетѣ в. князя Василія Дмитріевича. А. С. Уварова. Мы не станемъ доказывать необходимость приписать монету, которая насъ теперь займетъ, Великому Князю Василію Дмитріевичу, а не сыну его Василію Васильевичу. Цѣль наша не есть разрѣшеніе нумизматической задачи, а только поясненіе загадочнаго слова, написаннаго на русской монетѣ. Предлагаемое нами бъясненіе можетъ не удовлетворить строгихъ изслѣдователей; оно можетъ претерпѣть неодобреніе критиковъ, и потому необходимо напередъ заявить, что наша догадка можетъ казаться шаткою отъ недостатка другихъ памятниковъ, тѣмъ болѣе, что это первый опытъ толкованія слова, доселѣ оставленнаго всѣми учеными безъ всякаго поясненія. А между тѣмъ это загадочное слово, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть важное значеніе какъ для нумизматики, такъ и для миѳологіи русской.

Вотъ описаніе монеты, которою мы теперь займемся:



На лицевой сторонѣ представленъ въ серединѣ круга человѣкъ попоясъ, въ право. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ топоръ, въ правой — мечь. Позади его, на полѣ, надпись: *рараі*.

Об. на серединѣ круга надпись: кна ꙁьвел нвасн лен. [1])

Въ собраніи Я. Я. Рейхеля [2]) на четырехъ экземплярахъ встрѣчается иногда *рарai*, иногда *рара*.

Въ собраніи Д. П. Сонцова читается *рара*.

Въ собраніи А. В. Брыкина три экземпляра; два съ надписью *рара*, одинъ стертый. Въ моемъ собраніи два экземпляра, и оба съ надписью: *рара*. Чертковъ, въ примѣчаніи къ описанію этой

---

[1]) Чертковъ. Описаніе древ р. м. № 18. Таб. II. Фиг. 3.

[2]) Chaudoir. Aperçu s les mon. r. II, № 110.

монеты, задаетъ себѣ вопросъ: „что означаютъ буквы (ραρα!) позади человѣка?—неизвѣстно. Не имя ли денежника, ошибочно начертанное?“

Рейхель принялъ предположеніе Черткова но не объяснилъ его, а баронъ Шодуаръ и другіе писатели не обратили никакого вниманія на эти буквы.

Изъ сравненія всѣхъ вышеупомянутыхъ экземпляровъ замѣтно, что надпись, при недостаточномъ умѣніи нашихъ денежниковъ, не сполна вычеканилась на монетахъ. Кругъ вездѣ слитъ съ послѣднею буквою и такимъ образомъ прекращаетъ надпись. На лучшихъ экземплярахъ, кромѣ четырехъ первыхъ буквъ, видна еще одна черта въ родѣ і десятиричнаго; на менѣе ясныхъ экземплярахъ (напримѣръ на монхъ) хотя видны только четыре первыя буквы ραρα, но все-таки кругъ задѣлъ часть перваго ρ и половину втораго α. Наконецъ, на стертыхъ экземплярахъ видны или отдѣльныя буквы, или слабыя ихъ начертанія. Общій результатъ, получаемый отъ изслѣдованія всѣхъ этихъ экземпляровъ, есть неоспоримое убѣжденіе что видимая надпись состоитъ только изъ первоначальныхъ буквъ болѣе длиннаго слова, не измѣнившагося вполнѣ на самой монетѣ.

Чертковъ предполагаетъ, что эти буквы, ошибочно начертанныя, какъ говоритъ онъ, составляли имя денежника; но мы не можемъ этого допустить по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ Россіи XV вѣка не существовало обыкновенія ставить на монетахъ имя денежника. Во-вторыхъ, допустивъ даже что эти буквы суть имя денежника, мы должны предположить, что это имя писано по славянски, потому что на оборотѣ этой же самой монеты находится славянская надпись; а между тѣмъ нѣтъ славянскихъ личныхъ именъ, начинающихся такими звуками.

Послѣ всего этого, предположеніе Черткова не требуетъ дальнѣйшаго опроверженія; оно падаетъ само собою, и намъ остается искать другаго объясненія, болѣе правдоподобнаго. Такое объясненіе, какъ кажется, можно найти въ славянской миѳологіи.

У славянъ, кромѣ главныхъ боговъ, было несчетное количество разныхъ мелкихъ божковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ дясовъ или бѣсовъ. Между этими микроскопическими божествами, мелкими часто, не только по значенію своему, но и по росту, для насъ въ особенности важенъ Рарашекъ или Рарахъ (Rarášek, Rarach). Этотъ божокъ, по словамъ Юнгманна, олицетворялъ злое начало въ природѣ, какъ напримѣръ бурю и вихрь. Чехи увѣряли что во время вихря Рарахъ вертитъ траву и песокъ. Дру-

гой изслѣдователь славянской миѳологіи, Ганушъ, полагаетъ, что Рарашекъ (уменьшительное отъ Рарахъ) первоначально имѣлъ у западныхъ Славянъ такоежс значеніе какъ Pikuljk у восточныхъ. Олицетворяя бурю и вихри, это божество прямо относится къ категоріи злыхъ духовъ, которымъ въ польской и русской миѳологіи приписываются тѣ же самыя явленія природы [3]). Оттого польскій Rarog, чешскій Rarach и Rarasėk сдѣлались синонимами дьявола.

Хотя Рарашекъ является какъ злой духъ, но Славяне вѣрили, что онъ можетъ приносить иногда счастіе, только не на долго, и всегда въ ущербъ спасенію души того, кто къ нему прибѣгалъ. Онъ былъ такого же малаго роста, какъ Пикуликъ, и легко помѣщался въ карманѣ или кошелькѣ. Хотя онъ извѣстенъ былъ своею раздражительностью, но Славяне считали его весьма услужливымъ въ дѣлахъ корысти, и вѣрили, что Рарашекъ можетъ принести счастіе или несчастіе въ жребіи и въ особенности въ игрѣ. Отсюда онъ сдѣлался покровителемъ всѣхъ денежныхъ игръ. Это значеніе Рарашка и сверхъ-того малый ростъ этого божка, котораго, какъ мы видѣли, можно было помѣстить въ карманъ или кошелекъ, поставили его въ такую тѣсную связь съ деньгами, что впослѣдствіи онъ сдѣлался для Славянъ олицетвореніемъ самихъ денегъ, а имя его стало синонимомъ слова: монета. Тотъ же Рарашекъ встрѣчается и въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ [4]).

---

[3]) Die Wissenschaft der Slaw. Mythen. pag. 329: Rarášek (Das Diminutivum von Rarach) ist vielleicht ursprünglich bei den westlichen Slawen dasselbe, was Pikuljk bei den östlichen, z. B. den Slowaken. Denn er bedeutet ursprünglich die Personifikation einer bösen Naturkraft, z. B. die den Sturm-oder Wirbelwinderregende (A. Jungmann «Krok» II p. 372; J. Jungmann «Slown» III p. 794), welche in den polnich-russischen Sagen dem bösen Geiste geradezu zugeschrieben wird (Woycicki «Klechdy» I. p. 81, 89), eben so wie die parsischen Dew's ursprünglich Personifikationen der Aeusserungen der Kälte, Finsterniss u s. w. sind. So wie die Dew's dann schlechthin als böse Geister genommen werden, so auch Rarach oder Rarášek als Zlyduch, dessen Kleinheit ihn eben so dem Pikuljk nähert, wie die spätere Ansicht von ihm, dass er zwar Glük bringe, aber stets auf Unkosten des Seelenheiles seines Herrn. Seiner Kleinheit halber kann er wie Pikuljk in der Tasche, Dose, Geldbeutel u dgl. getragen werden, ist zwar äusserst gefällig und zu belieligen Zwecken behilflich, jedoch sehr reissbar, leicht aufgebracht und zum Zorne geneigt.

Linde Slownik. Rarog.—Bh. rarach, rarasėk—djabół; Crn. rarashk—zły duch.

Касторскій. Начерт. Слав. Миѳологіи, стр. 178: „У южныхъ славянъ кромѣ Пикулика встрѣтъ въ Рарашко въ, божковъ счастія и несчастія, особенно въ игрѣ, въ жребіи, въ корысти; онъ такъ малъ, что его можно держать въ кошелькѣ; у Чеховъ онъ зовется Рарахъ и вертитъ траву и песокъ во время вихря".

[4]) „У Моне встрѣчаемъ между польскими домовыми имя Slotraz, вѣроятно злой Трасъ. Сюда примыкаетъ, какъ изображеніе ощущенія страха, русское выраженіе: мурашки

Мурашки или марашки, единозначащія съ рарашками, припоминаютъ намъ, что слово мара, въ Костромской губерніи означаетъ гривну [5]).

Въ простонародной пословицѣ сохранилось такое же преданіе о рарашкахъ: „Денегъ-то у него маленькій чертенокъ не унесетъ“ [6]). Теперь обратимся къ описанной нами монетѣ, которая также послужитъ доказательствомъ, что рарашки и у насъ были синонимами мелкой ходячей монеты.

Загадочная надпись *рара* есть вѣроятно начало слова рарашекъ. Неискусные наши денежники, чеканя монеты безъ особой формы, а просто молоткомъ по серебряной проволокѣ, часто, скажу даже болѣе, постоянно не вычеканивали полнаго изображенія вырѣзаннаго на матрицѣ. Это изображеніе, отъ неровнаго удара или выходило слабо или не умѣщалось на расплющенной проволокѣ. Такимъ-то образомъ ни на одномъ экземплярѣ описанной нами монеты не умѣстилась полная надпись. На однихъ видны четыре первыя буквы *рара*, на другихъ—кромѣ этихъ буквъ видна еще первая черта отъ буквы *ш*.

Отсюда можно заключить, что слово рарашекъ или рарахъ, употребляемое въ значеніи монеты, поставлено на деньгѣ Василія Дмитріевича вмѣсто татарскаго слова деньга. По всѣмъ вѣроятіямъ, слово рарашекъ, въ живомъ, разговорномъ языкѣ и на самыхъ монетахъ, предшествовало употребленію слова деньга. Оно помѣщено на этой монетѣ точно такимъ же образомъ, какъ впослѣдствіи ставили надписи: деньга Московская, деньга Рязанская, деньга Тверская, и проч.

Татарское слово тенга или деньга вошло въ употребленіе не прежде XV столѣтія. Сначала принятое въ сношеніяхъ съ Татарами и съ ордою, оно потомъ перешло изъ разговорнаго языка въ языкъ письменный. На письменныхъ памятникахъ, слово деньга встрѣчается въ первый разъ въ 1471 году въ Новгородской грамотѣ; на монетахъ оно встрѣчается не много раньше. Такъ напримѣръ въ Твери, между 1400 и 1425 годами, на монетахъ Ивана Михай-

---

по конѣ дерутъ. — Мурашки и марашки, переходя въ рарашки, сдѣлались аллегорическимъ выраженіемъ денегъ,—рарашки такъ малы по народному повѣрію, что всякій человѣкъ носитъ своихъ рарашекъ въ карманѣ; вотъ причина, почему онѣ являются духами счастія и несчастія въ особенности въ игрѣ; эта же мысль выразилась у насъ въ повѣрьи, что лѣшіе играютъ между собою въ карты и проигрываютъ другъ другу дичь и звѣрей своихъ лѣсовъ“. Мины славян. язычества. Стр. 71

[5]) Востоковъ. Опытъ области. великорусск. словаря.

[6]) Архивъ ист. юрид. свѣд. II, 2. стр. 92.

ловича; во Псковѣ послѣ 1424 года; въ Можайскѣ послѣ 1432 года, при Иванѣ Андреевичѣ [1]); въ Москвѣ и въ Рязани при сынѣ Василія Дмитріевича, Василіи Темномъ. Эти года намъ показываютъ, что слово деньга вошло въ употребленіе на монетахъ не прежде первой четверти XV столѣтія и вѣроятно тогда только замѣнило древнее слово: рарашекъ.

Замѣтка по поводу статьи о церковномъ диптихѣ V-го вѣка. Проф. Казанскаго. Въ статьѣ Гр. А. С. Уварова о церковномъ диптихѣ V вѣка сказано: Благовѣщеніе начали изображать послѣ 431 г. или третьяго Вселенскаго собора въ Ефесѣ, когда положенъ былъ конецъ Несторіанской ереси (стр. 8). Авторъ не привелъ положительнаго доказательства своей мысли, и только объясняетъ ею отсутствіе изображеній Благовѣщенія на стѣнописяхъ катакомбъ и на саркофагахъ. Но то, что не дошло до насъ этихъ изображеній, не свидѣтельствуетъ, чтобы ихъ не было. Есть несомнѣнныя указанія на то, что праздникъ Благовѣщенія праздновался въ Церкви въ 4 в. Іеронимъ писалъ, [2]) что въ Назаретѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ ангелъ благовѣствовалъ пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи Бога-Слова, находимъ храмъ. Созидая храмъ на мѣстѣ великаго событія, обыкновенно освящаютъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ самое событіе, а въ древности съ этимъ естественно соединялось и избраніе особаго дня, когда слѣдовало особенно торжествовать это событіе. Надобно думать, что въ Александріи въ 4-мъ в. праздновали Благовѣщеніе о воплощеніи Бога-Слова. Святый Аѳанасій Великій, въ своемъ словѣ на Благовѣщеніе, называетъ этотъ праздникъ однимъ изъ великихъ и первѣйшихъ. Въ началѣ слова упоминаетъ о стеченіи народа, собравшагося торжествовать праздникъ;—кромѣ сего исторически извѣстно, что въ четвертомъ вѣкѣ были споры о времени празднованія Благовѣщенія, Рождества и Крещенія Господня. Если же были эти споры о времени празднованія событія Благовѣщенія; то очевидно уже, что въ семъ вѣкѣ совершаемо было празднованіе въ честь сего событія [3]). Несомнѣнно извѣстно что Златоустый въ одномъ своемъ словѣ исчислялъ великіе праздники, въ которые воспоминаются важнѣйшія событія новозавѣтнаго домостроительства нашего спасенія. Въ семъ словѣ, не упоминая между прочими великими праздниками объ особенномъ празднованіи Благовѣщенія, онъ говоритъ однако: «первый праздникъ и корень праздни-

---

[1]) Chaudoir. l. c. I pag. 115. № 3043, 2993.

[2]) Hieron. de loc. Hebr. de Nazareth.

[3]) Нѣкоторые протестанты отвергаютъ подлинность этого слова св. Аѳанасія, но Августи доказываетъ основательно подлинность его (Augusti Denkwürdigkeiten zur der christ Archeol. 1817. B. 3. S. 67. 68.

ковъ Христовыхъ есть Рождество Христово по плоти отъ св. Дѣвы Маріи послѣ зачатія.“ Эти слова Златоуста даютъ право думать, что зачатіе Христово отъ пренепорочной, т. е. Благовѣщеніе пресвятой Дѣвы Маріи при Златоустѣ тамъ, гдѣ онъ говорилъ слово, было празднуемо именно прежде Рождества Христова; но оно или не было празднуемо такъ торжественно, какъ самое Рождество Христово, Воскресеніе и другіе праздники, или было сближаемо со временемъ празднованія Рождества, такъ что могло быть и не упомянуто въ числѣ особыхъ праздниковъ. (3) Самый день Рождества Христова, съ которымъ въ такой связи стоитъ день Благовѣщенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, только во время Златоуста стали праздновать отдѣльно отъ дня Богоявленія. Удивительно ли, что и день Благовѣщенія о воплощеніи Бога-Слова не былъ во время Златоуста для всѣхъ въ точности опредѣленнымъ праздникомъ? На Ефесскомъ соборѣ уже читали слово Прокла, преемника Златоуста, на день Благовѣщенія. Слѣд. въ самомъ началѣ споровъ съ Несторіемъ уже праздновали воплощеніе Бога-Слова отъ Дѣвы Маріи.

Признавъ существованіе празднованія дня Благовѣщенія, мы должны признать и существованіе священныхъ изображеній этого событія, особенно въ храмахъ посвященныхъ его воспоминанію. Что храмы украшались изображеніями изъ священной исторіи, объ этомъ есть ясное свидѣтельство въ письмахъ Нила Синайскаго. Олимпіодоръ, желая выстроить храмъ въ честь св. мучениковъ, спрашиваетъ Нила, прилично ли изобразить по стѣнамъ церкви, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, различныя ловли животныхъ такъ, чтобы тамъ, гдѣ изображена будетъ земля, были нарисованы растянутыя сѣти, бѣгущіе зайцы, серны, и ловцы преслѣдующіе ихъ, а тамъ гдѣ будетъ изображено море, были нарисованы разныя рыбы, пойманныя сѣтями, и рыбари вытаскивающіе ихъ на сушу, и сверхъ того выставить для удовольствія глазъ изваянныя изъ гипса вещи, а трапезу изукрасить крестами и изображеніями разныхъ птицъ и звѣрей, пресмыкающихся и растеній? Нилъ отвѣчалъ, что сообразнѣе во святилищѣ на востокѣ поставить одинъ достопокланяемый крестъ Господень, а стѣны святаго храма украсить искусными изображеніями происшествій изъ Ветхаго и Новаго Завѣта такъ, чтобъ люди неграмотные, смотря на изображенія, вспоминали о подвигахъ благочестія истинныхъ слугъ истиннаго Бога, и возбуждались подражать похвальнымъ дѣламъ ихъ, а на трапезѣ изобразить одинъ крестъ. (4) Изъ второй половины 4-го вѣка есть сви-

(3) Georgius Hamartol. de Iustin., apud Allat. de Hebdomad Graecor. p. 1404.

(4) Nili Epist. Lib. IV, ep. 61. 62. На Западѣ, на соборѣ Эльвирскомъ (305 г. пр. 36) постановлено: placuit, picturas in ecclesiis esse non debere, ne quod colitur aut adoratur

дѣтельство, что любовь къ священнымъ изображеніямъ была такъ сильна, что переходила уже границы. Именно Астерій, епископъ Амасіи, что въ Понтѣ (+408), въ одной изъ своихъ бесѣдъ обличаетъ тѣхъ, которые, прикрываясь видомъ набожности, заказывали великолѣпно украшать простыя одежды изображеніями Евангельскихъ событій. «Если, говоритъ онъ, эти люди сколько нибудь вѣрятъ мнѣ, пусть продадутъ тѣ одежды и почтутъ истинныя изображенія Божіи. [1]) Тотъ же Астерій оставилъ замѣчательное свидѣтельство о высокой степени совершенства тогдашней церковной живописи, — свидѣтельство довольно извѣстное, ибо оно приводилось на VII Вселенскомъ соборѣ. Но оно достойно быть общеизвѣстнымъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь.

«Недавно, братія, я имѣлъ въ рукахъ извѣстнаго славнаго оратора Демосѳена, и читалъ ту рѣчь, въ которой онъ вооружается противъ Эсхина язвительными энтимемами. Занявшись чтеніемъ довольно долгое время, и чувствуя что вниманіе мое уже ослабѣло, я рѣшился дать себѣ отдыхъ и прогуляться, чтобы духъ мой нѣсколько успокоился отъ труда. Вышедъ изъ своего дома, я съ знакомыми ходилъ нѣсколько времени по городской площади, и потомъ пошелъ въ храмъ Божій помолиться. Входя въ оный, я увидѣлъ на одномъ портикѣ картину, которой видъ поразилъ меня. Можно было подумать что она написана Евфраноромъ, [2]) или другимъ древнимъ живописцемъ, которые довели искусство живописи до великаго совершенства и представляли картины свои почти одушевленными. Если тебѣ угодно выслушать меня, объясню картину, потому что свободное время позволяетъ мнѣ заняться этимъ. Будучи питомцами музъ, и мы обладаемъ красками, не хуже живописныхъ.

«Была одна цѣломудренная дѣвица, посвятившая дѣвство свое Богу. Имя ея Евѳимія. Когда одинъ мучитель воздвигъ гоненіе противъ послѣдователей благочестія, тогда она охотно предала себя на смерть. Сограждане ея и послѣдователи той же вѣры, за которую она предана была смерти, уважая мужество и святое дѣвство ея, устроили ей близь храма гробницу и положивъ его тамъ, воздаютъ ей почтеніе, ежегодно празднуютъ день ея смерти, и въ память ея совершаютъ всенародное торжество. Священнослужители таинствъ Божіихъ произносятъ ей

---

in parietibus depingatur. Но самое это постановленіе свидѣтельствуетъ, что стѣны храмовъ украшались изображеніями. Страшное гоненіе на христіанъ, бывшее въ то время, вѣроятно вызвало это постановленіе.

(1) Patrolog. Curs. Complet. Tom. XL. 21 hom.

(2) Современникъ Филиппа и Александра Македонскихъ, Филостратъ, такъ опредѣляетъ характеръ его произведеній: το ευσκιον και το ευπνουν και το εισεχον τε και εξεχον. Смотр. Real. ◇ cycl. Pauly. подъ словомъ *Euphranor*.

тогда похвальныя слова, и краснорѣчиво разсказываютъ собравшемуся народу, какъ она совершила подвигъ мученичества. [1]) Одинъ благочестивый живописецъ со всѣмъ искусствомъ изобразилъ исторію ея на полотнѣ, [2]) и поставилъ здѣсь эту картину. Она представляетъ слѣдующее:

«Судія сидитъ на возвышенномъ сѣдалищѣ, грозно и со гнѣвомъ смотря на дѣвицу (если захочетъ живопись, она гнѣвается и въ неодушевленномъ веществѣ). Предъ нимъ стоятъ оруженосцы, и отрядъ воиновъ. Тутъ же судебные писцы, держащіе въ рукахъ дощечки и грифели. Одинъ изъ нихъ, поднявъ немного руку отъ дощечки, пристально смотритъ на дѣвицу, и наклонивъ нѣсколько голову къ ней, какъ бы приказываетъ ей говорить громче, чтобы не дослышавъ чего либо, не написать неправильно или ложно. Дѣвица стоитъ въ темной одеждѣ; плащемъ, накинутымъ на нее, живописецъ хотѣлъ выразить ея любомудріе, а я думаю—душу, украшенную всѣми добродѣтелями; лице ея благородно. Ее ведутъ къ судьѣ два воина, одинъ влечетъ ее спереди, другой, слѣдуя за нею, побуждаетъ ее идти. Видъ дѣвицы выражаетъ вмѣстѣ и стыдливость и твердость. Она опустила глаза въ землю, какъ бы стыдясь взоровъ мущинъ. Но она стоитъ безъ трепета, нисколько нестрашась скорбей подвига. Прежде я хвалилъ живописцевъ, изобразившихъ поступокъ Колхидской жены. [3]) Она, вонзая мечь въ дѣтей своихъ, выражала въ лицѣ своемъ сожалѣніе и гнѣвъ: именно въ одномъ глазѣ виденъ гнѣвъ, а въ другомъ чувство матери, трепещущей такого преступленія и желающей пощадить дѣтей. Но теперь я болѣе удивляюсь этой картинѣ. Я дивлюсь живописцу, который чрезъ искусное смѣшеніе красокъ умѣлъ изобразить въ одно время чувства стыда и мужества, другъ другу противоположныя. Но вотъ палачи, почти нагіе, приступаютъ къ дѣлу. Одинъ изъ нихъ, взявши голову ея и наклонивши нѣсколько назадъ, привелъ ея лице въ такое положеніе, что другой удобно могъ бить ее по устамъ. Этотъ, подойдя, выбиваетъ зубы дѣвицы. Молотъ и буравъ—орудія мученія. Я проливалъ слезы. Мученіе

---

[1]) Евѳимія пострадала при Діоклитіанѣ въ городѣ Халкидонѣ (Sym. Metaphrastes Patr Curs. Compl tom 115 p. 714—731). Здѣсь выстроенъ былъ великолѣпный храмъ въ честь ея, описаніе котораго находимъ у Евагрія (Церк Ист кн. 2. гл. 3). Здѣсь была и картина, описанная Астеріемъ. Въ семъ храмѣ былъ четвертый вселенскій соборъ Въ послѣдствіи времени мощи Евѳимія перенесены были въ Константинополь въ Софійскій храмъ. Изверженныя оттуда Копронимомъ, они перенесены въ Селиврію, на берегу Мраморнаго моря. (Prince Cantemir. Histoire de l' empire Ottom. l. 3. c. 1.)

[2]) Εν σινδονι въ подлинникѣ.

[3]) Медеи, которая, желая отмстить мужу своему Язону за невѣрность, умертвила двухъ сыновей своихъ отъ него.

это и у меня отнимаетъ голосъ, такъ что я не могу болѣе говорить. Живописецъ такъ живо изобразилъ капли крови, что какъ будто онѣ текутъ изъ устъ дѣвицы. Потомъ, отведенная въ темницу, она сидитъ одна, въ темной одеждѣ, и простирая руки къ небу, умоляетъ Бога избавляющаго отъ бѣдъ. Во время этой молитвы надъ главою ея является знаменіе, которому христіане поклоняются и которое вездѣ изображаютъ (т. е. Крестъ). Думаю, оно было символомъ мученической кончины, которая ожидала ее. Наконецъ, не далеко отъ сего, въ другомъ мѣстѣ картины, живописецъ возжигаетъ сильный огонь своими красками, какъ бы разведя его на картинѣ. Посреди огня поставляетъ онъ дѣвицу, съ распростертыми къ небу руками, безстрашную ко всѣмъ мученіямъ, и скорѣе съ радостью на лицѣ, что переселяется къ жизни безтѣлесной и блаженной. Этимъ окончилъ живописецъ картину, а я кончаю слово. Тебѣ есть время, а потому и самъ ты можешь посмотрѣть картину.»

При этой любви къ изображеніямъ событій церковной исторіи и при этихъ средствахъ къ воспроизведенію ихъ, можемъ ли мы думать, чтобы такое важное событіе какъ изображеніе Благовѣщенія о воплощеніи Бога Слова осталось неизображеннымъ? Вообще вопросъ объ изображеніяхъ Богоматери — предметъ сколько мало разработанный въ нашей церковной археологіи, столько же существенно важный въ церковной практикѣ. Въ русскомъ иконописаніи встрѣчается до двухъ сотъ различныхъ изображеній Богоматери, но происхожденіе большей части ихъ неизвѣстно; смѣшиваются часто и отличительные признаки каждаго изображенія: оттого икона, носящая одно наименованіе, встрѣчается различно изображенною. Описать древнѣйшія изображенія Богоматери, показать постепенное умноженіе ихъ, опредѣлить точно отличительные признаки каждаго, подведя ихъ подъ нѣсколько видовъ—это было бы дѣломъ въ высшей степени полезнымъ для русскаго иконописанія и весьма интереснымъ для науки. Недавно г. Стефани съ изумительнымъ трудолюбіемъ и обширною ученостію собралъ свѣдѣнія о нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ на изображеніяхъ боговъ. Если для вопроса, неважнаго въ классической археологіи и совсѣмъ безполезнаго для практическаго приложенія, употреблено столько труда, неужели не найдется труженика для въ высшей степени интереснаго и весьма полезнаго для нашей церковной живописи, вопроса объ изображеніяхъ Богоматери?

Ученый авторъ статьи о церковномъ диптихѣ V в., словами: „Какъ только рѣшеніе Ефесскаго собора сдѣлалось извѣстнымъ, тотчасъ начали воздвигать храмы во имя Пресвятыя Богородицы, и начали представлять Богородицу на изображеніяхъ, заимствованныхъ изъ

земной жизни Христа," конечно не то хочетъ сказать, чтобы до тѣхъ поръ не было храмовъ во имя Богоматери [1]) и не писали Ея изображеній. И оставляя въ сторонѣ свидѣтельство историка VI в. Евагрія объ иконѣ Богоматери перенесенной Пульхеріею въ Константинополь, можно найдти ясныя указанія на великую древность обычая изображать Богоматерь,—древность восходящую къ временамъ Апостольскимъ. Ириней, писатель втораго вѣка, когда обличаетъ гностиковъ въ неправильномъ изображеніи принимаемой ими матери Бога, симъ какъ бы внушаетъ мысль о православныхъ изображеніяхъ Богоматери. На фризѣ одного мраморнаго саркофага въ Ватиканскихъ катакомбахъ изображено Рождество Спасителя. Предвѣчный Младенецъ представленъ лежащимъ въ колыбели, имѣющей видъ корзины; позади колыбели помѣщаются Іосифъ и Пресвятая Дѣва. Изображенія Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ на рукахъ нерѣдко встрѣчаются въ катакомбахъ; Богоматерь изображается большею частію въ молитвенномъ положеніи. Таково напримѣръ изображеніе Богоматери въ криптѣ Св. Агніи. Изображеніе Богоматери съ Божественнымъ Младенцемъ на лонѣ, недержимымъ Ея руками, но только проявляемымъ міру, какъ оно представляется у насъ на иконахъ Знаменія Печерской, какъ оно встрѣчается на печатяхъ митрополитовъ, и въ Греціи — на печатяхъ патріарховъ и на иконѣ Влахернской, принесенной Евдокіею въ Константинополь, что иное изображаетъ, какъ не воплощеніе Бога Слова, т. е. событіе Благовѣщенія? Итакъ, вотъ древнѣйшее изображеніе Благовѣщенія, встрѣчающееся въ памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Подобное изображеніе тѣсно связано съ ученіемъ Отцевъ Церкви, Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Іерусалимскаго, Дамаскина, что образъ человѣческій Бога Слова составился во чревѣ Маріи не чрезъ постепенное приращеніе, но совершился въ одно мгновеніе, такъ что вдругъ образовалось совершенное отроча, имѣющее плоть оживленную душою словесною и разумною [2]). Христіанское искусство хотѣло выразить самое событіе воплощенія Бога-Слова, и надобно признать, что оно точнѣе выражалось принятымъ въ древней церкви изображеніемъ, нежели какъ бы могло выразить это предстояніе Архангела Гавріила предъ Дѣвою Маріею.

Вообще при археологическихъ изслѣдованіяхъ преданіе есть всегда надежнѣйшій руководитель потому, что оно само есть живая устная археологія. Часто грѣшитъ противъ этой истины наука въ настоящее

---

[1]) Извѣстно, что самый Ефесскій соборъ происходилъ въ храмѣ Богоматери.

[2]) Сводъ этихъ мнѣній смотри у Никифора Ксанѳопула: Толкованіе на честнѣйшую въ старой скрижали. Дамаск. книга о вѣрѣ, III, гл. 2.

время и не безъ крайняго противорѣчія себѣ самой. Она тщательно собираетъ и много цѣнитъ преданія и сказанія народныя, сохраняющіяся въ настоящее время, и упорно вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ древнія преданія, близкія къ временамъ самыхъ событій. Основываясь на немногихъ фактахъ, она создаетъ свою теорію и упорно отвергаетъ то, что не подходитъ подъ эту теорію. И археологи, подобно знаменитому автору исторіи Юлія Цезаря, на вопросъ: какой способъ достигнуть истины, отвѣчаютъ: слѣдовать правиламъ логики. Отъ этого-то и происходитъ чисто логическое, а не историческое представленіе древней жизни. Упомянутый нами авторъ идеальнымъ достоинствомъ историка поставляетъ подражаніе геологамъ. Но геологія скоро обнаружила слабость свою, когда поторопилась создать теорію, не собравъ достаточнаго количества данныхъ. Съ какою самоувѣренностію она доказывала отсутствіе человѣка въ такъ-называемую дилувіальную эпоху, и съ какимъ упорствомъ отвергала очевидные признаки, пока не пришлось ей сознаться въ своей ошибкѣ? Теперь въ модѣ говорить о каменномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ человѣка, постепенномъ и преемственномъ, многими вѣками раздѣленномъ, ихъ существованіи. Но вотъ новыя открытія въ Алжиріи наносятъ сильный ударъ этой системѣ (Древн. Т. I. Библіогр. стр. 15—17); Скиѳскія могилы также представляютъ смѣшеніе желѣзныхъ вещей, и бронзовыхъ.

Если не безопасно археологіи отрываться отъ древнихъ преданій, то вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна терять изъ виду и настоящее. Въ настоящемъ живетъ еще многое древнее. Археологія лишается твердой опоры, когда, разрывая связь съ настоящимъ, углубляется въ древнія времена, не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ ближайшаго прошедшаго. Начиная спускаться въ глубокій мракъ древности съ первыхъ ступеней, Археологія удобнѣе замѣтитъ переходъ отъ новой жизни къ древней и мало по малу привыкнетъ различать предметы и въ глубокомъ мракѣ. Когда долгимъ рядомъ наблюденій изслѣдователь убѣдится въ живучести нѣкоторыхъ обычаевъ, вѣрованій, обстановки жизни; тогда онъ не задумается, встрѣтивъ гдѣ либо перерывъ свидѣтельствъ, возвести существованіе ихъ и далѣе, чѣмъ указываютъ монументальныя свидѣтельства, тогда онъ оцѣнитъ и всю важность преданія, замѣняющаго вещественные памятники легко уничтожаемые. Глубокая древность безъ сомнѣнія болѣе привлекаетъ любознательность изслѣдователя, но истинно должно будетъ жалѣть, если лучшія силы и знанія въ нашемъ отечествѣ, которыхъ и безъ того такъ мало, обратятся къ изслѣдованію каменныхъ и бронзовыхъ вѣковъ, къ изслѣдованіямъ о Чудскихъ копяхъ и Скиѳскихъ могилахъ, вмѣсто того чтобы удовлетворить насущнымъ потребностямъ нашего

общества. Оно нуждается еще въ ознакомленіи съ элементарными свѣдѣніями въ Археологіи, въ начальныхъ урокахъ этой науки для приложенія ея къ искусству и исторіи. Потому нельзя не привѣтствовать отъ всего сердца намѣреніе Московскаго Археологическаго Общества приступить къ изданію Археологическаго Словаря. Только подобное изданіе можетъ положить прочное начало наукѣ Археологіи въ нашемъ отечествѣ, возбудить интересъ къ ней, дать первое руководство для желающихъ заняться ею. Да увѣнчаетъ же полный успѣхъ это прекрасное предпріятіе.

Отвѣтъ на замѣтку проф. Казанскаго на статью о диптихѣ V вѣка. Гр. А. С. Уварова. Сознавая всю важность ученой критики, мы съ большимъ удовольствіемъ прочли замѣтку профессора и сочлена нашего, П. С. Казанскаго, на нашу статью о диптихѣ V вѣка. Критическая разработка необходима для уясненія предмета и для болѣе точнаго развитія самой Археологіи, которая безъ этого не можетъ стать на прочномъ основаніи. Для такой цѣли замѣтка нашего ученаго сочлена бросаетъ новый свѣтъ на затронутый нами предметъ, и намъ нельзя не согласиться во многомъ съ мнѣніемъ П. С. Казанскаго, но между тѣмъ есть въ его мнѣніи такія преположенія, которыхъ мы допустить не можемъ и оттого считаемъ необходимымъ объяснить подробнѣе нашъ взглядъ на эти предположенія.

Ученый критикъ начинаетъ свою замѣтку возраженіемъ противъ того, что Благовѣщеніе стало изображаться иконно только послѣ 431 года или третьяго вселенскаго собора. Для опроверженія этого мнѣнія онъ старается доказать раннее учрежденіе празднованія дня Благовѣщенія въ христіанской Церкви [1]), а для примѣра ссылается на празднованіе его въ Александріи въ IV вѣкѣ. Изъ этого онъ заключаетъ, что „признавъ существованіе празднованія дня Благовѣщенія, мы должны признать и существованіе священныхъ изображеній этого событія, особенно въ храмахъ посвященныхъ его воспоминанію“.

Съ этимъ выводомъ мы ни какъ не можемъ согласиться, и намъ кажется, что ему противорѣчатъ факты неоспоримые. Мы даже готовы, изъ вышеприведенныхъ словъ нашего почтеннаго сочлена, вы-

---

[1]) См. различныя мнѣнія о празднованіи дня Благовѣщенія: *Bolland. Acta SS. Martii* XXV.—*Jablonsky, Opuscula.* III p. X, 317, 346. *Assemani. Kalendar.* VI. p. 202.—*Morcelli. Kalend. eccl. Constantin.* II. p. 74.—*Lupi. Dissertazioni, lettere.* Faenza. 1785. p. 209, 219 —*Volbeding. Thesaurus, I: Joach. Hildebrandi* de diebus festis libellus. p. 29. *Al. Aur. Pellicia. De christ. eccl. politia.* Neapoli. 1777. Tom. II p. 60.

вести совершенно противоположное заключеніе, а именно, что: изъ существованія праздника не слѣдуетъ еще существованіе священныхъ изображеній этого событія; тѣмъ болѣе, что празднованіе всегда предшествовало изображенію и даже иногда между празднованіемъ и изображеніемъ проходили цѣлыя столѣтія. Для этого стоитъ только указать на изображенія Распятія Христова, которыя встрѣчаются не прежде VI вѣка (586 года), если допустимъ современность между текстомъ и миніатюрами сирійскаго евангелія Флорентинской библіотеки. А если не допустить древности этихъ миніатюръ, то намъ придется отодвинуть еще позднѣе, въ VII или VIII вѣкъ, первыя изображенія Распятаго Христа. Изъ этого примѣра ясно видно, какъ долго празднованіе извѣстнаго событія предшествовало священному изображенію того же самаго событія.

Въ концѣ своего вывода профессоръ Казанскій говоритъ, что въ особенности необходимо допустить существованіе изображенія Благовѣщенія въ храмахъ, посвященныхъ его воспоминанію. Тутъ сперва рождается вопросъ: какіе были эти храмы, посвященные въ честь Благовѣщенія Пр. Богородицы? Авторъ вѣроятно намекаетъ тутъ на тѣ два храма Благовѣщенія, которые находились въ Назаретѣ; но надо теперь разсмотрѣть, къ какому времени они принадлежатъ, и было ли въ нихъ изображеніе Благовѣщенія? Мы положительно знаемъ, что до признанія христіанской вѣры Константиномъ Великимъ въ 312 году, въ Назаретѣ не было ни одного христіанскаго храма. Въ этомъ подтверждаютъ насъ слова св. Епифанія Кипрскаго. Разсказывая о Іосиніѣ, получившемъ отъ императора Константина дозволеніе строить христіанскія церкви, онъ сообщаетъ намъ важное свѣдѣніе, что до этого времени въ Назаретѣ обитали одни Евреи и не допускали постройки никакого храма: „Но Іосинъ не просилъ ничего, а пожелалъ только, какъ величайшей милости отъ царя, сподобиться дозволенія по царскому указу, въ городахъ и въ селеніяхъ іудейскихъ строить Христу церкви. А тамъ никто никогда не могъ строить церквей, потому что не было между ними ни эллина, ни самарянина, ни христіанина. Особенно же соблюдается въ Тиверіадѣ, въ Діокесаріи или Сепфуримѣ, въ Назаретѣ и въ Кафарнаумѣ, чтобы не было между жителями никого изъ другаго народа“. Понятно послѣ этихъ ясныхъ свѣдѣній Св. Епифанія, что писатели предшествовавшіе времени императора Константина упоминаютъ только мимоходомъ о Назаретѣ, и ни слова не говорятъ о христіанскомъ тамъ храмѣ. Посмотримъ теперь на тѣ свѣдѣнія о двухъ храмахъ въ Назаретѣ, которыя находятся въ остальныхъ писателяхъ до половины V вѣка или до третьяго вселенскаго собора.

Въ Itinerarium a Bordegala Hierusalem usque [1]) 334 года вовсе не говорится о Назаретѣ. Наконецъ самъ Евсевій Кесарійскій, жившій между 260 и 340 годомъ, описываетъ Назаретъ какъ viculus, но ни слова не говоритъ о существованіи храма въ честь Благовѣщенія [2]) и въ житіи Константина великаго тоже нигдѣ не упоминаетъ о построеніи храма въ Назаретѣ. Первыя свѣдѣнія о церкви въ Назаретѣ встрѣчаемъ мы въ концѣ IV вѣка, у блаженнаго Іеронима (331 — 420) de locis hebraicis, который пишетъ что Назаретъ деревушка съ одною церковью, выстроенною надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Ангелъ благовѣтствовалъ Пресвятой Дѣвѣ, и съ другою церковью — тамъ, гдѣ Христосъ былъ воспитанъ... Est Nazareth ubi Christus egit viculus in Galilaea juxta montem Thabor, unde et Dominus noster I. Christus Nasarenus vocatus est, habetque ecclesiam in loco, quo angelus ad B. Mariam evangelizaturus intravit, sed et aliam ubi Dominus est nutritus [3]). Даже около 600 года, итальянскій паломникъ, Itinerarium Antonini Placentini, подробно описываетъ Назаретъ, но говоритъ только о синагогѣ и о церкви надъ пещерою Пресв. Богородицы. At vero de Tyro venimus in civitatem Nasareth, in qua sunt multae vitutes. Ibi et pendet tomus, in quo Dominus A, B, C habuit impositum: in quo est Synagoga posita..... Domus sancta, basilica est [4]). Вторая церковь въ Назаретѣ, выстроенная надъ источникомъ Мирѳамъ, называется церковью Архангела Гавріила [5]). Первыя объ ней свѣдѣнія мы находимъ въ VII вѣкѣ у Аркульфа, de situ locorum sanctorum 670 года. Онъ описываетъ какъ церковь надъ источникомъ, такъ и церковь надъ пещерою: ...ibidem que duae pergrandes habentur constructae Ecclesiae; una in medio civitatis super duos fundata cancros, ubi quondam fuerat illa domus aedificata, in qua Dominus noster nutritus est Salvator. Haec itaque eadem Ecclesia, duobus, ut supra dictum est, tumulis, et interpositis arcubus suffulla, habet inferius inter eosdem tumulos lucidissimum fontem collocatum, quem totus civium frequentat populus, de illo exhauriens aquam, et de latice eodem sursum ad Ecclesiam aedificatam aqua in vasculis per trochleas subrigitur. Altera vero Ecclesia in eo fabricata habetur loco, ubi illa domus fuerat constructa, in qua Gabriel Archangelus ad B. Mariam, eadem hora solam inventam, est locutus.

---

[1]) *Chateaubriand,* Itinéraire. — *Revue Archéologique. 1864. X.* pag. *98 — 108.* Изданъ по Веронскому списку.

[2]) *Eusebii Pamph. Onomasticon,* ed Zarsow et. Parthey. 1862 pag. 297. —

[3]) *Bolland. Acta Sanctorum. Venetiis 1736. Martii XXV.* pag. 539.

[4]) *Ibidem Maii. Tomus II,* pag. *XVIII.* § *V.*

[5]) *Sepp. Jerusalem.* Schaffhausen *1863.* II. pag. 84.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этихъ двухъ церквахъ, и мы должны изъ нихъ вывести заключеніе, что изъ двухъ храмовъ посвященныхъ Благовѣщенію, одинъ, — церковь Архангела Гавріила, — вѣроятно выстроенъ около VII вѣка, слѣдовательно, какъ постройка сооруженная послѣ Ефесскаго собора, онъ подтверждаетъ, а не опровергаетъ высказанное нами мнѣніе. Что же касается до другой церкви подъ самою пещерою Пр. Дѣвы, то постройка ея не можетъ быть отнесена ранѣе половины IV вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что ни одинъ изъ древнихъ писателей и ни одинъ изъ первыхъ паломниковъ не говоритъ объ изображеніяхъ въ ней, между тѣмъ какъ подобныя изображенія навѣрно поразили бы ихъ въ такой скудной деревушкѣ какъ Назаретъ. Они упомянули бы о такомъ изображеніи, какъ впослѣдствіи сдѣлалъ (въ 1185 году) Фока, монахъ съ острова Кандіи [1]). Изъ оставшихся слѣдовъ древней базилики съ двумя рядами колоннъ и изъ словъ Антонія Піаченцскаго: domus sancta, basilica, въ противоположность къ словамъ Іеронима: habet ecclesiam in loco, quo Angelus ad B. Mariam evangelisaturus intravit, ясно видимъ, что тутъ обозначены двѣ различныя церкви: первоначальная была въ самой пещерѣ, и есть та самая церковь, о которой говоритъ Іеронимъ въ концѣ IV вѣка. Другая позднѣйшая церковь выстроена въ видѣ базилики въ VI или VII вѣкѣ надъ первою, и есть та церковь, которую Антоній опредѣляетъ словомъ basilica. Объ этомъ послѣднемъ храмѣ тотъ же Кандійскій монахъ Фока сказалъ: Domus Joseph postmodum in pulcherrimum templum immutata est in cujus laeva parte prope altare spelunca...

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что изъ двухъ церквей Благовѣщенія только одна существовала до Ефесскаго собора, и то по всѣмъ дошедшимъ до насъ описаніямъ мы не имѣемъ права предполагать въ этой церкви существованіе изображенія Благовѣщенія Пресв. Богородицы, между тѣмъ какъ вторая церковь принадлежитъ уже къ позднѣйшимъ постройкамъ.

Далѣе профессоръ Казанскій ссылается на посланіе Нила Синайскаго къ эпарху Олимпіодору [2]). Препод. Нилъ, жившій съ конца IV до половины V вѣка, совѣтуетъ Олимпіодору, на стѣнахъ храма, вмѣсто ловли животныхъ, изобразить рукою искуснѣйшаго живописца исторіи ветхаго и новаго завѣта. Общее выраженіе употребляемое тутъ Преп. Ниломъ вмѣсто точнаго опредѣленія, какими именно событіями покрыть стѣны храма, доказываетъ, что онъ под-

[1]) *Bolland. Acta SS.* Maii Tom II. pag XII. —

[2]) Творенія Св. Отцевъ. Св Нилъ, III, 434.

разумѣлъ тѣ событія ветхаго и новаго завѣта, которыя въ его время обыкновенно изображались на стѣнахъ или въ изваяніяхъ, а между тѣмъ извѣстно, что не только во времена Пр. Нила, но и до самаго Ефесскаго собора, ни въ катакомбахъ, ни на саркофагахъ не встрѣчаются изображенія Благовѣщенія. Всѣ новозавѣтныя изображенія начинаются или поклоненіемъ пастырей или большею частью поклоненіемъ волхвовъ. Другой писатель, современникъ Нила Синайскаго, Павлинъ, епископъ Ноланскій (родился въ 353 или 354 † 421 году), въ подробномъ своемъ описаніи живописи Ноланской церкви непремѣнно также упомянулъ бы объ изображеніи Благовѣщенія, еслибъ оно въ то время писалось.[1])

Слова мои: „Какъ только рѣшеніе Ефесскаго собора сдѣлалось извѣстнымъ, тотчасъ начали воздвигать храмы во имя Пр. Богородицы и начали представлять Богородицу на изображеніяхъ заимствованныхъ изъ земной жизни Христа»—эти слова, какъ прекрасно замѣтилъ ученый критикъ, не относятся до изображеній Богородицы и до храмовъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, прежде Ефесскаго собора, а указываютъ на то обстоятельство, что только начиная съ Ефесскаго собора, Богородица занимаетъ въ изображеніяхъ событій земной жизни Христа то мѣсто, которое ей принадлежитъ какъ Богоматери, Θεοτοκη, между тѣмъ какъ прежде Она помѣщалась на изображеніяхъ болѣе по требованію исторической точности, чѣмъ какъ Богоматерь. Иногда, даже наперекоръ исторической достовѣрности, она не изображалась на картинахъ такихъ событій, гдѣ присутствіе ея было необходимо. Для примѣра приведемъ саркофагъ въ Миланской церкви Св. Кельсія [1]). Подъ крышею, поддерживаемою двумя столбами, лежитъ въ яслѣхъ Младенецъ Христосъ. Передъ нимъ стоятъ волъ и оселъ. Божественный Младенецъ лежитъ одинъ; при немъ не изобразили никого, даже нѣтъ и Матери. Отсутствіе самой Матери при новорожденномъ Младенцѣ такъ знаменательно, что невольно напоминаетъ слова апостола Павла (къ Евреямъ, VII, 3). „Безъ отца, безъ матере, безъ причта рода, ни „начала днемъ, ни животу конца имѣя.“

На другомъ Миланскомъ саркофагѣ въ церкви Св. Амвросія [2]) родители божественнаго Младенца также не изображены. То же отсутствіе Пр. Дѣвы и Іосифа встрѣчается на двухъ ватиканскихъ сарфокагахъ, изданныхъ у Боттари.[4]) На первомъ изъ нихъ, найденномъ въ пещерахъ

---

[1]) *Leo Allatius*. Diatriba de Nillis et Psellis. *Fabricius*. Bibl. greca.

[2]) *Piper. Evangelischer Kalender für* 1857.

[3]) *Piper*. l. c.

[4]) *Roma sotter*. Tom. II, Tav. LXXXV, *pag*. 86; Tom III, Tav. CXIII, *pag*. 176.

Св. Каллиста, представлено поклоненіе Пастырей. Младенецъ лежитъ въ ясляхъ, прикрытыхъ большимъ платомъ. У изголовья и у ногъ стоять пастыри, одинъ старый, другой молодой, и держатъ въ рукахъ, отличительный признакъ ихъ занятій, загнутый посохъ, pedum. За Божественнымъ Младенцемъ представлены оселъ и волъ. На другомъ саркофагѣ Младенецъ также окруженъ двумя пастырями и обоими животными.

Только два саркофага составляютъ исключеніе изъ этого общепринятаго правила. Саркофагъ, найденный близъ Св. Севастьяна [1]) и саркофагъ найденный въ Арлѣ (Arles) [2]). Это единственные памятники съ изображеніемъ Пр. Богородицы возлѣ младенца, лежащаго въ ясляхъ.

Наконецъ ученый нашъ сочленъ, показавъ, по свидѣтельству Астерія Амасійскаго, любовь къ живописи въ концѣ IV вѣка, спрашиваетъ. „При этой любви къ изображеніямъ событій церковной исторіи и при этихъ средствахъ къ воспроизведенію ихъ, можемъ ли мы думать, чтобы такое важное событіе какъ изображеніе Благовѣщенія о воплощеніи Бога-Слова осталось не изображеннымъ?“ Въ этомъ вопросѣ ученаго критика кроется вся причина, отчего онъ не хотѣлъ допустить справедливость мнѣнія о позднемъ изображеніи Благовѣщенія. Онъ принимаетъ это событіе въ совершенно другомъ значеніи чѣмъ мы. Отсюда происходитъ, что когда мы говоримъ объ изображеніи Благовѣщенія, то этимъ мы разумѣемъ изображеніе историческаго событія, переданнаго намъ каноническими евангеліями, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ Рождество, Поклоненіе волхвовъ, Избіеніе младенцевъ, Бѣгство во Египетъ и пр. суть историческіе факты, также переданные намъ каноническими евангеліями. Между тѣмъ какъ изъ словъ Проф. Казанскаго, видно, что у него изображеніе Благовѣщенія не есть простая живописная передача чисто-историческаго факта, а означаетъ символическое изображеніе догмата о Воплощеніи. Это—иконное объясненіе слова Θεωτοχη. Понимая изображеніе Благовѣщенія въ этомъ смыслѣ, ученый критикъ приводитъ въ примѣръ фреску изъ пещеръ Св. Агніи, гдѣ Богоматерь представлена съ божественнымъ Младенцемъ на лонѣ. „Подобное изображеніе, прибавляетъ авторъ, тѣсно связано съ ученіемъ Отцовъ Церкви Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Іерусалимскаго, Дамаскина, что образъ человѣческій Бога-Слова составился во чревѣ Маріи не черезъ постепенное приращеніе, но совершился въ одно мгновеніе“.

---

[1]) *Roma sotter.* Tom. II. Tav. XXXVI. pag. 94.

[2]) *Millin* Voyage dans le midi de la France pl. I. XVI 4.—

Послѣ этихъ словъ, намъ остается только повторить еще разъ, что подобное символическое изображеніе догмата церкви совершенно различествуетъ отъ изображенія чисто-историческаго событія. Отсюда тоже происходитъ и различіе въ пониманіи способа изображать это событіе. Проф. Казанскій предпочитаетъ фреску Св. Агніи другимъ изображеніямъ и говоритъ, что она лучше выражаетъ Благовѣщеніе, чѣмъ предстояніе Архангела Гавріила.

Мы, съ своей стороны, понимаемъ способъ изображенія Благовѣщенія иначе. Оно должно передавать въ точности слова евангельскія, и потому представленіе Архангела Гавріила передъ Пр. Богородицею, дѣлается необходимымъ какъ дословная передача описанія самаго евангелія. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору замѣтки нашего сочлена, любопытно обратить вниманіе на различныя мнѣнія о времени, къ которому принадлежитъ эта фреска изъ пещеры Св. Агніи. Ученый Іезуитъ Марки [1]) относитъ ее, безъ всякаго доказательства, къ произведеніямъ II вѣка, а аббатъ Леканю [2]), желая подтвердить чѣмъ нибудь мнѣніе Марки, увѣряетъ, что художникъ замѣнилъ голову Христа портретомъ императора Нерона. Отсутствіе вѣнца вокругъ головы Богородицы и вокругъ головы Младенца Спасителя приблизительно опредѣляютъ конецъ IV или половину V вѣка для времени происхожденія этой фрески. То же отсутствіе вѣнца у Богородицы видно на мозаикѣ церкви S. Maria Maggiore. Аббатъ Мартиньи [3]), на основаніи замѣчанія Дюканжа [4]), что подобный способъ изображенія Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ, какъ представляется она на иконахъ Знаменія, былъ въ особенности принятъ у Византійцевъ, и очень поздно, въ X вѣкѣ, появился на ихъ монетахъ, относитъ фреску пещеры Св. Агніи къ первымъ опытамъ изображать Богородицу послѣ Ефесскаго собора.

Возвращаясь еще разъ къ вопросу о времени первыхъ изображеній Благовѣщенія, Проф. Казанскій говоритъ, что я „не привелъ положительнаго доказательства своей мысли“. Мы не считали нужнымъ распространяться объ этомъ мнѣніи, тѣмъ болѣе что оно не лично наше, а общепринятое въ христіанской археологіи, какъ фактъ подтвержденный существующими памятниками. Первый коснувшійся этого вопроса былъ Basnage въ своей исторіи Церкви [5]). Какъ пи-

---

[1]) *Marchi. Monum delle arte. christ.* Roma. 1844. pag. 157—158.

[2]) *L'abbé Lecanu. Histoire. de la S. Vierge. Paris 1860.* pag. 378—380.

[3]) *L'abbé Martigny. Diction des antiq. chrét. Paris 1865.*

[4]) *Ducange. De infer. aevi numism. ed. 1850.* Tom. VII. 5 XXXVIII (XXX) pag. 164. Deipara efficta in nummis.

[5]) *Histoire de l'Eglise* l. XIX, c. I, 51, l. XX, l. III,

сатель политическій, занимающійся исторіею Церкви въ протестанскомъ духѣ, онъ не остановился въ тѣхъ границахъ, которыя начертаны свидѣтельствомъ Отцовъ Церкви и христіанскими памятниками. Исключительность его взгляда на предметъ, была опровергнута римско-католическими учеными, которые при этомъ вполнѣ подтвердили и доказали справедливость мнѣнія Баснажа о неоспоримомъ вліяніи Ефесскаго собора на иконографію изображеній Пр. Богородицы. Въ числѣ этихъ писателей были: Буаноруоти, Osservazioni sopra alcun frammenti di vasi antichi (Firenze 1716, pag. 10,268, Tav. I, fig. 2, 3), Чіампини, Vetera monumenta (Roma 1690. Tom. I. c. XXII. pag. 205; Tom. c. XXIV, XXVI, XXVII. pag. 142, 151, 157.), Эмерикъ Давидъ, Histoire de la peinture (Paris 1852, page 22, note 1), Рауль-Рошетъ, Discours sur les types imitatifs (page. 34); къ ихъ мнѣнію присоединился даже и Берлинскій ученый, Пиперъ, въ своемъ Christlicher Bilderkreis (Berlin 1852).

Оканчивая наше возраженіе, мы выписываемъ еще фразу ученаго нашего критика, съ которою также не можемъ согласиться. Онъ пишетъ что: „вообще при археологическихъ изслѣдованіяхъ преданіе есть всегда надежнѣйшій руководитель, потому что оно само есть живая, устная археологія“. Авторъ ясно опредѣляетъ, о какомъ именно преданіи онъ говоритъ, разумѣя тутъ преданіе „обычаевъ, вѣрованій, обстановки жизни“. Такое преданіе по нашему мнѣнію трудно назвать надежнѣйшимъ руководителемъ въ наукѣ, которая нуждается въ положительныхъ данныхъ. Для русской археологіи въ особенности, мы ежедневно убѣждаемся въ пагубномъ вліяніи однихъ изустныхъ преданій и поверхностныхъ свѣдѣній о нашей старинѣ.

Сколько неосновательныхъ мнѣній о нашихъ древностяхъ перешло и переходитъ обыденно устными преданіями? сколько неточныхъ описаній, потому что они основаны на одномъ преданіи? Отечественная наша археологія навѣрно стояла бы теперь на степени науки, еслибъ доселѣ не довольствовались часто одними преданіями, а обращались бы къ самимъ источникамъ. Археологія, какъ математика, требуетъ точности; въ одной цифры подтверждаютъ выводы, а въ другой памятники, доведенные ученою разработкою и критикою до степени вѣрныхъ и положительныхъ данныхъ; подобно цыфрамъ служатъ они точною и крѣпкою опорою всей науки.

Къ статьѣ г. Аѳанасьева: „Для археологіи русскаго быта“. А. Потѣвни (Древн. Т. I). 1. На стр. 19, г. Аѳанасьевъ, въ доказательство связи представленій побѣждать и связывать, приводитъ сродство Лат. vincere

съ vincire. Господствующее мнѣніе [1]), отрицать всякую связь между этими словами, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ обоихъ глаголахъ nc не принадлежатъ къ корню; въ vinco корень vi—изъ gvi, которое въ Скр. имѣетъ форму джи (изъ ги), 3-е. л. наст. вр. джáj-ати, побѣждать; въ vincio кор. vi не подвергся никакимъ измѣненіямъ и тожественъ съ корнемъ Скр. вáj-ати, вить, ткать, покрывать, Лит. vyti, Сл. вити.

Я не знаю въ Слав. языкѣ словъ, положительно доказывающихъ связь побѣды и вязанья; но въ нѣсколькихъ словахъ, если не несомнѣнно, то вѣроятно сочетаніе представленій вязанья и силы. Укажу здѣсь на два.

Сила, по Боппу, одного корня съ Скр. çила (м. ср.), сущность, природа, свойство, характеръ и пр.; однако самое çила возводятъ къ кор. çиш, отличать, оставлять, и предполагаютъ въ немъ основное значеніе: признакъ, отличіе. Принимая это объясненіе слова çила, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его сближеніе со Славянскимъ сила, Лит. syla, нужно допустить, что въ Слав. и Лит. словѣ опущено коренное *ш*. Это влечетъ за собою еще одно предположеніе, что это *ш* было опущено не при господствѣ славянскихъ звуковыхъ законовъ, которые не требуютъ опущенія передъ *л* звуковъ, въ видѣ коихъ обыкновенно является въ Слав. Скр. *ш*. Мнѣ кажется, гораздо проще отнести Сл. сила къ Скр. си, синоши, синâши, вязать, при чемъ сила будетъ собственно значить «то чѣмъ вяжутъ», такъ какъ суф. ла (-ло) образуетъ названія орудій. Ср. Галиц. силити, вязать: Присиливъ коника до гілля (Голов. Пѣс. I, 77), Присиливъ воли долому, самъ пішовъ до дому (л. 79), Взявъ вінъ Марьеньку за білу рученьку, присиливъ до сосни плечими (л. 163).

Снага. Слово это имѣетъ два главныхъ значенія: 1) Сила (Млр. Серб.), откуда а) усиліе, стремленіе, усердіе (въ Чеш. snaha, snažiti se, Польск. snażyć sie, силиться, и въ производныхъ); б) дѣло, успѣхъ (Ст. Сл.); в) тѣло, вѣроятно какъ источникъ или органъ силы, въ Серб. выраженіи «боли ме сва снага», т. е. все тѣло; подобнымъ образомъ названіе чувства, какъ отправленія, получаетъ значеніе органа: «ударить во вкусъ, въ слухъ»; г) быстрота въ Ст. Сл. снагота; 2) Украшеніе (Хорут.), чистота въ Хорв. снага и снажити, чистить, въ Польск. snażność, чистота, опрятность.

Основываясь только на второмъ значеніи, Миклошичъ сближаетъ это слово съ Скр. снâ, снâти, мыться, при чемъ—га, будетъ суф. Гильфердингъ, на томъ-же основаніи, видитъ здѣсь Скр. кор. нидж,

---

[1]) Kuhn, Zeit. f. V. Spr. во многихъ мѣстахъ, напр. X, 290, XI 73, XII, 337. Въ указателѣ къ первымъ десяти томамъ см. vincere и vincire.

нѣнѣкши, нѣникшѣ, обмывать, очищать, очищаться и питать, а съ предл. ни с—рядиться, украшаться. Второе сближеніе можно сдѣлать болѣе вѣроятнымъ, доказавши, что въ Скр. глаголѣ опущено въ началѣ с. Къ корню ниг (нидж) съ предполагаемымъ знач. лить, течь, принадлежитъ не только Лат. nix (nig-s), ninguo, но и Лит. snégas, Слав. снѣгъ, несправедливо отнесенные Боппомъ къ сну, снâути, течь, капать. Съ другой стороны въ кор. снih соединяются значенія любви и жира: сни́h-јати, любить, пр. пр. стр. снигдha, любимый и жирный, маслянистый, умащенный, снêha (м. р.), любовь и лой, масло. Оба значенія предполагаютъ зн. лить. Ср. лой и лить, Скр. пâ, наст. пи́б-ати, пи́в-ати, пить и Скр. пи-ја́ти дѣлать и становиться плодороднымъ, жирѣть, пи́в-ашѣ, жирѣть, пи́ван, пи́вара, жирный, большой, пјâј-атѣ, жирѣть, расти. Ср. также переходъ отъ литья, орошенья къ оплодотворенію сѣменемъ и любви въ Скр. варш (парш, епарш, пруш, плуш). Отсюда видно, что Скр. снih, какъ предполагающее значеніе литья и т. ц., первоначально тождественно съ низж, и что это послѣднее потеряло въ началѣ с, подобно Русскому нѣга («нѣга матушкина»—любовь) отъ снih. Однако сравнивая снага съ сниг (а не съ ниг), мы все-таки не обойдемся безъ предположеній: или что Скр. корень имѣлъ нѣкогда *а* вм. *и*, на что указаній не имѣется, или что Слав. *а* въ снага изъ ѣ—Скр. ê, что тоже сомнительно.

Мнѣ кажется, нельзя остановиться ни на сближеніи Сл. снага со снâ, ни съ низж, п. ч. въ обоихъ случаяхъ принято въ соображеніе только второе значеніе сл. снага и не объяснено, откуда взялось первое.

Серб. выраженіе „опасао се снагом“, опоясался силою, пришелъ въ силу, въ лучшій возрастъ, напоминая поясъ Тора, удвояющій силу, наводитъ на мысль, что снага—отъ кор. наh съ предл. сам—съ. Скр. на́h-јати,—тê—вязать, обвязывать, опоясывать (съ пред. сам), надѣвать оружіе (броню? Ср. „поиде... со всѣмъ дворомъ... искрутяся въ брънѣ, акы на рать“ Новг. I л. 18), снаряжать; съ разными предлогами, между прочимъ съ сам, этотъ гл. значитъ также покрывать, одѣвать, откуда легко могло выйти знач. украшать. Т. о. объясняются оба значенія сл. снага: силы, какъ связи, и украшенія, какъ покровенія, одежды.

Отъ кор. наh Гильфердингъ производитъ слова сноза, поперечная палка въ ярмѣ, и снасть. Первое не встрѣчаетъ препятствій; предполагаемая основная форма безъ предлога можетъ быть не только—нahjа́, но и нah-â, т. к. Слав. *з* можетъ произойти изъ h безъ слѣдующей j (вah-ати—везешь). Второе вѣроятно, п. т. Обл. Влр. снастьзначитъимен-

но веревка (связь?), оснаститься—одѣться (ср. окрутиться); однако сближеніе слова с-настъ съ Скр. наддhи (изъ nah-ти), вязанье, требуетъ доказательства, что точно въ Слав. было сочетаніе ддh-и, изъ коего образовалось сть; изъ основной же формы — h-ти могло образоваться только ст. Сл. *штъ*, Русск. *чъ*, какъ изъ mah-ти, маг-ти—ст. Сл. мошть.

2. На той же стр. г. А. говоритъ, что „слово умычка (похищеніе) совершенно совпадаетъ съ значеніемъ узъ, связыванья. Корень мък мкну—связываю... умыкать, связывать, присвоивать себѣ и увозить..., размыкать горе—разорвать съ нимъ союзъ, ибо старинный человѣкъ выражался: „ко мнѣ горе привязалося“. Все это невѣрно. Кор. мък ни въ Слав., ни въ Скр. мákh-ати, манкh-ати (идти, двигаться) самъ по себѣ никогда не значилъ связывать. Въ немъ и въ производныхъ явственно значеніе быстраго движенія. Знач. соединенія появляется только отъ вліянія предлоговъ: съ, въ Чеш. smečka, smyčka, собств. то что сдерживается, стягивается, узелъ, петля, въ Пол. Русс. смычь, собственно то же что задвижка. Предлогъ *у* такого значенія не придаетъ: Польск. umykać, Чеш. umykati, быстро отодвигать, Пол. убѣгать, Чеш. красть, изъ чего видно что умычка женъ — не что другое, какъ похищеніе. Изъ извѣстнаго г. Аѳанасьеву слова размычка онъ могъ бы вывести, что размыкать горе, какъ и размыкать по полю женщину привязанную къ конскому хвосту, значитъ: быстрымъ движеніемъ разнести, растаскать, подобно тому, какъ Великорусск. размы́каться значитъ развлечься, разсѣяться движеніемъ. Отъ этого основнаго значенія корня мък образуется значеніе рвать, скубсти (но не вить или крутить) въ „мыкать мычку.“

3. Вѣнокъ. „Вѣнъ-вьюнъ, вѣнокъ—отъ вить—поэтому вѣнокъ сдѣлался метафорою супружескаго союза“ (л. 20—21). Въ самомъ ли дѣлѣ вѣнокъ есть у насъ символъ супружества? Сколько извѣстно, въ одномъ только Влр. сл. вѣнецъ=пара супруговъ, тягло. Обыкновенно же вѣнокъ есть символъ дѣвства. Сносить еще одинъ румяный вѣнокъ у отца, значитъ еще пробыть дѣвицею [1]). Потерять вѣнокъ—потерять дѣвство. Такъ напр. въ Млр.

Ой у полі де кленъ-яблунина
Ой тамъ мати свою дочку била:
Де ти, суко, вінокъ загубила?

и во многихъ другихъ [2]). Тоже очень часто въ Польск. пѣснях: Польск. panna bez wianka—потерявшая дѣвственность. Отдать вѣнокъ милому—отдать дѣвство [3]). Такъ и въ Чеш. dati komu vinek. Въ Влр. пѣснѣ дѣ-

[1]) Костомаровъ, Объ Ист. зн. Р. Н. П. 31. [2]) Напр. ib 32, 49—50. [3]) ib 33

вица вьетъ вѣнокъ себѣ и говоритъ: „Кому мой вѣнъ достанешься?“— „Достанусь я старому!“ отвѣчаетъ вѣнокъ. Вслѣдъ за тѣмъ сама дѣвица продолжаетъ: „Я стараго мужа на смерть не люблю“ и пр. [1]). Кстати замѣтить, что отождествленіе самой дѣвицы съ вѣнкомъ обыкновенно и въ Лит. пѣсняхъ: роса падаетъ съ румянаго вѣнка—слезы текутъ изъ глазъ дѣвицы [2]); иней на вѣнкѣ—дѣвица въ горѣ [3]); вѣнокъ покрытъ инеемъ—дѣвица сплетнями [4]). Въ Млр. пѣсняхъ дѣвица, выходя замужъ, отдаетъ свой вѣнокъ дружкамъ [5]) или сестрѣ [6]). Подобно этому въ Лит. пѣснѣ невѣста, переѣзжая въ домъ жениха, беретъ еще съ собою свой вѣнокъ, но потомъ (ставши женою) присылаетъ его назадъ младшей сестрѣ, п. ч. въ домѣ мужа, за тяжкою работою, ей не до вѣнка [7]). Такимъ же образомъ въ Млр. невѣста передаетъ сестрѣ и другой символъ дѣвства—ленты („уплеты“) [8]), а парубокъ, женясь, сдаетъ, т. е. завѣщаетъ свое „парубство“ товарищамъ [9]). Если въ Млр. дѣвица возвращаетъ свою дѣвью крáсоту (символомъ коей служитъ коса и красная лента) отцу-матери [10]) и если въ Млр. пѣснѣ калина (символъ дѣвства)—подарокъ отцу отъ вышедшей замужъ дочери, то то и другое—благодарность за сбереженіе ея дѣвства.

Дѣвство и сама дѣвица представляются вѣнкомъ вовсе не въ силу этимологическаго значенія слова вѣнокъ, а потому что вѣнокъ есть дѣвичье украшеніе, скидаемое при выходѣ замужъ. Пѣсни Млр. и Лит. прямо говорятъ, что женѣ уже не до дѣвичьихъ нарядовъ; другія заботы наполняютъ ея время [11]). Вѣнокъ, какъ дѣвство и дѣвица, имѣетъ конечно отношеніе къ браку, но онъ не есть символъ или, какъ выражается г. А., метафора брака. Еслибъ онъ былъ символомъ брака, то слѣдовало бы ожидать, что онъ останется нарядомъ и замужней женщины; но на дѣлѣ вѣнокъ противополагается намиткѣ [12]), а намитка и вообще покровеніе—символъ брака [13]).

„По вѣнку, брошенному въ воду, дѣвицы гадаютъ о суженомъ, и молодая, недавно вышедшая замужъ, называется у поселянъ вьюницею, слово въ слово окрученною, повязанною“ (л. 21). Мысли связаны здѣсь союзомъ *и* вѣроятно потому, что предполагается одно основаніе какъ гаданья вѣнкомъ о женихѣ, такъ и названія молодой вьюницею. По моему, никакой связи между этими мыслями нѣтъ. Га-

---

[1]) По той же схемѣ построена Млр. пѣсня (О нѣкр. симв. 117). Серб. (Кар. Срп. п. I, 291) и Литов. (Ness. 133). Въ послѣдней символизмъ уже мало замѣтенъ. [2]) Ness. 93, 120. [3]) ib 94. [4]) ib 265. [5]) Метл. 138, 148. [6]) ib. 147. [7]) Ness. 217. [8]) Метл. 204—5. [9]) ib. 230. [10]) Гуляевъ Оч. Ю. Сиб. 6—7, 27, Бусл. Оч. I, 205. [11]) Ness. 217, Метл. 301. Ср. ib. 125. [12]) Метл. 206, 210. [13]) Откуда взялись вѣнцы въ православномъ обрядѣ бракосочетанія — это вопросъ другой. Здѣсь рѣчь о народной символикѣ, съ которою безъ доказательно не слѣдуетъ смѣшивать символики христіанской.

данье вѣнкомъ о суженомъ основывается не на томъ, что вѣнокъ — символъ брака, а на другомъ, упомянутомъ выше, значеніи вѣнка...

Млр. пѣсня о такомъ гаданьи объясняетъ его смыслъ такъ, что

„Хто вінокъ пóйме, той мене вóзьме“ [1]).

Вѣнокъ, пущенный дѣвицею на воду, есть знакъ дѣвства и самой дѣвицы; судьба вѣнка служитъ предзнаменованіемъ судьбы ея самой: кто поймалъ вѣнокъ, съ тѣмъ дѣвица поймется, поберется; если никто не поймалъ вѣнка, то и она останется въ дѣвкахъ. Малорусскимъ пѣснямъ о гаданьи вѣнкомъ [2]) соотвѣтствуютъ по смыслу Млр. же свадебныя, гдѣ тонетъ не вѣнокъ, пущенный на воду или снесенный въ нее вѣтромъ, а сама дѣвица, и гдѣ она достается своему спасителю [3]).

Мнѣніе г. Буслаева о связи гаданья вѣнками съ Русалками [4]) кажется мнѣ недоказаннымъ. „Вѣнокъ бросается въ воду, потому что посвящается Русалкамъ, чтобы онѣ добывали дѣвицамъ жениховъ“. Вѣнокъ бросается именно въ воду по той же причинѣ, по которой въ другихъ гаданьяхъ болѣе легкія вещи пускаются на вѣтеръ [5]). Вода, какъ и вѣтеръ, можетъ при этомъ представляться не божественною, а механическою силою. Терещенко, на котораго ссылается г. Буслаевъ въ приведенномъ мѣстѣ, говоритъ, что на Русальчинъ Великденъ (четвергъ Зел. нед.) „дѣвушки тайно ходятъ въ лѣсъ, имѣя при себѣ полынь и зарю, бросаютъ завитые вѣнки Русалкамъ (не на воду однако), чтобъ онѣ доставили имъ богатыхъ женіховъ.“ [6]) Объ-

---

[1]) Метл. 19, [2]) Метл 19, 332. Русалка Днѣстр. Будинъ 1837, 36—7. [3]) Метл. 128, Żeg. Pauli I, 108 — 9. Подобнымъ образомъ м. б. объяснено и другое гаданье. Ѣсть значитъ любить. См. О нѣкот. симв. 19. Ср. еще слѣд. величанье молодой замужней женщины, въ которомъ сахаръ—сама боярыня, доводится ѣсть этотъ сахаръ ея мужу:

Ужь ты сахаръ мой, сахаръ, леденчатый мой сахаръ!
Что кому-же этотъ сахаръ будетъ кушать?
Ишо стоючи промолвила молодая боярыня:
«Кушать этотъ сахаръ моему другу милому».

(Перм. Сб. I, 85). Въ той же пѣснѣ боярыня сравнивается съ алымъ бархатомъ; носитъ этотъ бархатъ (т. е. любитъ ее. См. О нѣкот. симв. 145—6) ея другу милому. Въ Млр. дѣвицы гадаютъ между прочимъ такъ: каждая печетъ по одной балáбушкѣ; балабушки эти кладутъ въ рядъ и впускаютъ собаку; чью собака раньше схватитъ, той дѣвицѣ раньше выйти замужъ. Изъ сказаннаго выше видно, что балабушка—сама дѣвица. Ѣсть такое же гаданье зерномъ, которое даютъ клевать пѣтуху. Здѣсь зерно—опять сама дѣвица. Вѣроятно къ тому же сводятся гаданья, въ которыхъ дѣвица приглашаетъ къ себѣ суженаго ужинать (Абевега 148), или, ложась спать, надъѣдаетъ коржикъ или кусокъ хлѣба съ солью, и кладетъ подъ подушку съ тѣмъ, чтобъ суженый съѣлъ остальное или пришелъ подѣлиться (Марковичъ, обычаи и пр 21). У Чеховъ есть повѣрье, что парень, который съѣстъ кусокъ, надъѣденный дѣвицей, будетъ ходить за нею. (Houška III, 53).

[4]) Соловъ Ист. Росс. II. 41-2. [5]) О нѣк. симв. 75—84. [6]) Терещ. VI,132.

ясненіе цѣли обряда можетъ и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, принадлежать не народу, а собирателю. Мнѣніе г. Буслаева можно подкрѣпить другими ссылками [1]), изъ коихъ видно, что точно гадаютъ вѣнкомъ, пущеннымъ на воду, на Русальной недѣлѣ. Но, во первыхъ, это время имѣетъ отношеніе и къ другимъ Божествамъ: къ тому, которое скрывается подъ именемъ Костромы [2]) (въ Млр. костробонька) и Лада [3]), къ тому женскому божеству, которое называется гостейкою и представляется березкой, одѣтой въ пестрое платье [4]). Во-вторыхъ, связь пусканья вѣнковъ съ Русальною недѣлею можетъ быть случайная; могутъ на пр. пускать вѣнки въ это время, п. ч. это удобно дѣлать во время купанья [5]). При томъ въ другихъ мѣстахъ, на пр. въ Польшѣ, пускаютъ вѣнки на Купала, отношеніе коего къ Русалкамъ намъ неизвѣстно. Вообще почти всѣ языческія празднества сопровождаются гаданьями, но далеко не всегда самый способъ гаданья имѣетъ связь съ божествомъ, къ которому относится праздникъ.

Упомянутая выше гостейка-березка можетъ б. отождествлена съ тою березкою, на которой завиваютъ вѣнки, бросаемые потомъ на воду [6]); но чтобы вывести изъ этого связь этихъ вѣнковъ съ Русалками, нужно сначала показать, какъ относится къ Русалкамъ эта березка.

„Сила вѣнка состоитъ въ цѣлительныхъ травахъ, изъ которыхъ его вьютъ, или же изъ березы, которую въ иныхъ мѣстахъ называютъ деревомъ вѣнечнымъ... На Руси, въ день Купалы, доили коровъ черезъ вѣнки изъ чарующихъ травъ, для того чтобы въ томъ году Русалки не отнимали у коровъ молока“ (Бусл. l. c.). Сила купальскихъ вѣнковъ протонять всю нечисть и между прочимъ Русалокъ, зависящая отъ растеній, такихъ какъ папоротъ, полынь, заря, звѣробой, вопервыхъ противорѣчитъ прямой связи этихъ вѣнковъ съ Русалками, во-вторыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ причинами, по которымъ гадаютъ пуская вѣнки на воду. Эти послѣдніе вѣнки вовсе не необходимо вьются изъ растеній имѣющихъ миѳическое значеніе. По крайней мѣрѣ Млр. пѣсни или вовсе не говорятъ, изъ чего вѣнокъ, пускаемый на воду, или говорятъ, что вѣтеръ сдулъ въ воду „павляний вінокъ чистий бервінокъ“. [7]) т. е. изъ павлиньихъ перьевъ и барвинку, изъ символа дѣвства.

4. Вьюнецъ. Обычай кумиться или брататься цѣлуясь сквозь вѣнокъ тожественъ съ такимъ-же серб. обычаемъ, называемымъ дружичало (въ понед. на Ѳоминой). Этотъ послѣдній почти совпадаетъ по времени съ Влр. вьюнцемъ или вьюнишникомъ (въ Суб. на святой или въ Воскр. на Ѳоминой), состоящемъ въ поздравленіи тѣхъ

---

[1]) Терещ. VI стр. 180, 182—3, 186. [2]) стр. 189. [3]) стр. 1193. [4]) стр. 193. [5]) стр. 180 [6]) стр. 193. [7]) Русал. Дн. 37.

паръ, что побрались въ прошломъ году. Такое совпаденіе наводитъ г. Буслаева на мысль, что основное знач. вьюнца, относящагося къ браку, то же что и вѣнца, сквозь который цѣлуются для скрѣпленія дружбы, и что вьюнецъ, а равно и въюнъ, вьюница (назв. молодыхъ, которыхъ поздравляютъ), какъ и вѣнокъ, — отъ ви-ть. Послѣднее мнѣніе противорѣчитъ тому, что мѣстами, вм.

„Вьюнъ да вьюница давай яйца“,

поздравляющіе поютъ: юница-молодица, подай яйцо“, или

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты вьюная (т. е. юная) и пр. (1)

Изъ свидѣтельствъ этихъ совершенно правильно выводится (2), что вьюнъ, вьюница, вьюнецъ изъ юнъ и пр. Г. Буслаевъ считаетъ необыкновеннымъ въ Русс. яз. предполагаемое такимъ объясненіемъ удвоеніе придыханія (унъ, јунъ, вьюнъ); однако тоже явленіе несомнѣнно въ Влр. Обл. вьюношъ, вьюнушъ изъ юношъ. Притомъ здѣсь можетъ вовсе не быть удвоенія придыханія, п. ч. форма юнъ можетъ прямо примыкать къ Скр. Лит. Лат. Нѣм. формамъ съ j (вѣроятно кореннымъ) въ началѣ. Если бы сл. вьюнъ изъ юнъ и не оправдалось звуковыми законами, то оно могло бы объясниться стремленіемъ осмыслить сл. юнъ (этимологическое зн. коего не ясно и въ Скр.; по Боппу отъ див, изъ дјуванъ—дјунъ), сблизивши его со словами корня ви, какъ вьюнъ, вьюръ (эти сл., какъ и вила-юла, значатъ собств. вьющійся, оборотливый). Т. о. относительно сл. юнецъ и пр. перевѣсъ на сторонѣ прежняго мнѣнія. Ничего не было бы мудренаго, еслибъ молодые назывались вьюномъ и вьюницею отъ вьюна, т. е. вѣнка; но такое предположеніе не нужно; самый обрядъ вьюнишества его не требуетъ; на другіе обряды не бросаетъ свѣта, а главное противорѣчитъ свидѣтельству, ложность котораго не доказана.

„Связь вьюнца со свадьбою видна въ Млр. свадебномъ обрядѣ вильце вить“ (Бусл. l. c.). Предполагается, что вьюнецъ и вильце — отъ вить. Млр. вільце (мѣстами „деревце“) это большая вѣтка съ яблони или груши, а зимою съ сосны или ели, разукрашенная и воткнутая въ хлѣбъ. „Вільце вьють“ однѣ дѣвицы, дружки молодой:

Не йдіть, молодиці, До насъ вілець вити:
Зовъемо ми сами.. (Метл. 133).

Вільце, какъ и вѣнокъ, символъ дѣвства, почему оно и украшается барвинкомъ и калиною. Когда послѣ вѣнца снимаютъ съ молодой лен-

---

1) Терещ. V, 16. 2) Терещенкомъ и г. Соловьевымъ.

ты („стрічни", Влр. дѣвья красота), и начинаютъ „напинать" на нее намитку, то дружки и бояре хватаютъ и рвутъ вильце, говоря „уже тобі (молодой) вільця не треба". Тогда-же поютъ о похоронахъ дѣвственной калины [1]). Изъ этого сходства, „вільця" и вѣнца не слѣдуетъ, однако, что „вільце" отъ вить. Во 1-хъ, еслибъ это было такъ, то по общему правилу, слѣдовало бы ожидать формы вильце, со среднимъ *и*, а не съ острымъ *і*. Во 2-хъ, въ Черниг. г., гдѣ сохранилось больше старины въ звукахъ, чѣмъ въ говорѣ украинскомъ, употребительна ф. ельце, елечко; ф. вільце можетъ быть выведена изъ јільце (вм. ельце) съ *в*. вм. начальнаго j; нѣкоторое, неполное сходство съ этимъ появленіемъ *в* представляетъ то, что начальное *і* изъ *о* требуетъ передъ собою эвфоническаго *в*, а основное *о* не требуетъ: око—вічі, овесъ—вівса. Гораздо труднѣе было бы вывести ф. ельце изъ вільце, п. ч. начальное ви = ю (вила = юла) сколько извѣстно не измѣняется въ в. Есть и третья ф., употребительная въ полт. и харьк. г., гільце, которая первоначально могла быть тожественна съ первыми двумя, но потомъ сближена со словами другаго корня: гілля (голье), гілка, вѣтка. Въ 3-хъ, ельце дѣлается между прочимъ изъ сосны и ели; какъ ельце, такъ и упомянутыя деревья—символы дѣвицы и невѣсты.

Отъ терему до терему дорожка.
Праважала Марьюшка батюшку.
Апаздала пазнымъ пазно ка двару,
Заначевала падъ сасною у бару.
Наѣхалъ Михайлушка (женихъ) на каню
И хо̀ча сѣчь-рубить сасёнку.
Азвалася Марьюшка у бару.
„Руби, руби сасёнку,
Для тибе эта сасёнка соженая,
Для тибе зеленая рушиная" [2])

Рубить дерево, или топтать, ломать, косить, жать растеніе, служащее символомъ дѣвицы, значитъ любить, сватать, жениться [3]).

Похилее дерево та ялина;
Покірнее дитятко та Марьечка. [4])
Третъ се, мнетъ се тай птиця
Коло деревця яливця;
Трутъ се, мнутъ се дружочки
Коло Домахи дівочки [5])

[1]) Метл. 211. [2]) Свадебная. Харьк. г. Старобѣл. у. Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, IV.
[3]) Ср. на пр. Метл. 181—3. [4]) Метл. 175. [5]) Wacł. z Oleska 35.

Т. о. болѣе вѣроятно, что вільце значитъ собств. елка и не имѣетъ по корню ничего общаго съ витьемъ, не смотря на выраженіе «вільце вить», которое съ перваго взгляда можно бы счесть за тавтологическое.

5. Вѣно. «Т. к., говоритъ г. Аѳанасьевъ, въ древности не всегда невѣстъ похищали, но часто покупали ихъ за деньги (ужь и за деньги! а можетъ за вещи?), то вѣно получило значеніе платы за жену» (21). Такъ какъ умычка значитъ, по мнѣнію г. А., вязанье и такъ какъ онъ въ слѣдъ за выписанными словами приводитъ сл. опутать, сватать, то вѣроятно и вѣно, по г. А., сначала значило вязанье, т. е. умычка, похищеніе, а отсюда получило значеніе калыма, замѣнившаго умычку. Если я вѣрно понялъ, мнѣніе г. Аѳанасьева отклоняется отъ мнѣнія г. Буслаева, [1]) которое я считаю болѣе основательнымъ: вѣно собств. тоже, что вѣнъ, вѣнокъ; производное значеніе вѣна произошло отъ обычая покупать вѣнокъ у невѣсты. Ради нѣкоторыхъ объясненій, выпишу здѣсь замѣчательную святочную пѣсню, которую приводитъ и г. Буслаевъ.

Со вѣномъ я хожу,
Съ животомъ я хожу.
Мнѣ куда будетъ вѣна положить?
Мнѣ куда живота положить?
Положу я вьюна, положу живота
Ужь я павѣ на паволоку,
Свѣтъ Андреевнѣ на паволоку,
Красной дѣвицѣ на правое плечо.
Чѣмъ мнѣ вѣна выкупать?
Чѣмъ живота выкупать?
Ужь я дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна
Три гривны серебряныя и пр.

«Запѣвъ эту пѣсню, молодецъ съ платкомъ въ рукахъ ходитъ по серединѣ круга, составленнаго играющими, кладетъ платокъ замѣна вѣнка, о которомъ говоритъ пѣсня—Бусл.) на плечо дѣвушки и выкупаетъ его поцѣлуемъ». [2]) Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ хороводомъ, изображающимъ въ лицахъ одно изъ важнѣйшихъ событій жизни, выборъ невѣсты. Странно, зачѣмъ жениху выкупать вѣнокъ, если этотъ вѣнокъ принадлежитъ съ самаго начала ему, дается имъ невѣстѣ? У Гуляева есть и другая подобная святочная пѣсня, въ которой не только молодецъ кладетъ вѣнокъ на голову дѣвицы, но и на оборотъ. При этомъ они цѣлуются, т. е. по объясненію

[1]) Солов. Ист. Росс. II, прилож. стр. 40. Очер. I, 48-9. [2]) Гуляев. Оч. Ю. Сиб. 68.

пѣсни кумятся, [1]) какъ при завиваньи вѣнковъ весною. Кумовство это есть знакъ дружбы, а не половой любви. Такое именно значеніе придается цѣлованью черезъ вѣнокъ у Влр. и Серб., п. ч. «кумятся» и «дружичају се» большею частью лица одного пола. Однако вѣроятно, что въ святочной пѣснѣ это кумленье принималось за знакъ половой любви, а это даетъ нѣкоторое основаніе догадкѣ, что первоначальная форма обряда, изображеннаго святочными пѣснями, была слѣдующая. Дѣвица выбирала жениха (а не наоборотъ) и въ знакъ избранія клала ему на плечо вѣнокъ, т. е. передавала ему символъ своего дѣвства и себя самой; избранный платилъ за этотъ подарокъ. Подтвержденіемъ первой половины предположенія и вмѣстѣ доказательствомъ древности самого обычая служитъ Инд. свајамвара (соб. своя воля, произвольное избраніе; ср. изволити, выбрать), эпич. обычай предоставлять (впрочемъ не всегда) царскимъ дочерямъ самимъ выбирать себѣ по сердцу жениха изъ числа нарочно собравшихся для этого мужчинъ. [2]) Такимъ образомъ Дамаянти выбрала себѣ Нала, дотронувшись до края его платья и положивши вѣнокъ на его плечо. Я не стану утверждать, что въ этомъ Инд. обычаѣ вѣнокъ имѣетъ тотъ же смыслъ что у Славянъ; напротивъ, не только дѣвицы, но и индійскіе герои въ торжественныхъ случаяхъ носили цвѣточные вѣнки, изъ чего слѣдуетъ, что если вѣнокъ имѣлъ символическое значеніе, то болѣе широкое чѣмъ у насъ. Однако при объясненіи обычая, хотя имѣющаго связь съ индійскимъ, но безъ сомнѣнія видоизмѣненнаго на славянской почвѣ, я считаю нужнымъ держаться славянскаго значенія вѣнка, символа невѣсты. Поэтому я думаю, что если при выборѣ невѣсты женихомъ, выборѣ, который тоже былъ въ обычаѣ вѣроятно не у однихъ московскихъ царей, женихъ клалъ вѣнокъ на плечо невѣсты, то это было извращеніе болѣе древней формы обычая, на что указываетъ и плата за вѣнокъ.

Сл. вѣно (чеш. veno, Поль. wiano, Млр. віно), кромѣ потерянnаго основнаго, имѣетъ два значенія: 1) плата невѣстѣ (или ея роду [3]) за вѣнокъ, подарокъ дѣлаемый мужемъ женѣ послѣ первой ночи, потомъ вообще «zapis od męża» (Чацкій у Линде); 2) приданое получаемое за женою (Польск. posag). Первоначально первое значеніе вовсе не выражалось просто словомъ вѣно, но этимъ словомъ въ винит. пад. съ предлогомъ за: Володиміръ вдасть за вѣно (т. е. за вѣнокъ, за дѣвство

---

[1]) Гул. 71-2. [2]) Ср. Кар. Пјес. II, 223, Сестра Јеке Капитана. [3]) Что родъ извлекалъ пользу изъ потери вѣнка молодою, видно между прочимъ изъ Литовск. marczios vainikus pragenti, пропить вѣнки молодой (ср. Влр. пропить дѣвку). Лит. обычай состоитъ въ томъ, что вечеромъ въ день свадьбы снимаютъ съ невѣсты вѣнокъ и обвиваютъ имъ бутылку, изъ которой пьютъ по ряду. (Ness. wörterb.). Вѣроятно, воду для этого ставитъ молодой.

цар. Анны) Грекомъ Корсунь»; Казиміръ «вдасть за вѣно (сестры Ярослава) людіе 800»; такъ и въ Чеш. za věno dati, Польск. dać za wieniec, тотъ же оборотъ продолжаетъ употребляться и тогда, когда вѣно получило значеніе приданаго: Чеш. nemohovity statek dceri za vino ustanoviti, dal za věno zeti svému «(Jungm); Ст. Сл. «дасть въ завѣино дщери своей «(Micl. Lex.). Въ завѣино т. е. въ завѣно; предлогъ *за* вошелъ уже въ составъ слова, значеніе его уже не понималось, и потому потребовался другой предлогъ. Выраженіе «дать за вѣно зятю», понятое въ строгомъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ несообразность (у зятя нѣтъ вѣнка, нечего и платить ему за вѣнокъ), которая, конечно, существуетъ только въ глазахъ филолога, а не народа.

Изъ сказаннаго видно, что оставленное Миклошичемъ подъ сомнѣніемъ сближеніе Сл. вѣно съ Скр. васна, Лат. venum, Греч. ὦνος, должно быть устранено, т. к. корень Сл. слова есть ви.

Какъ Польск. wianować, Чеш. věnovati—давать за вѣно, давать приданое (потомъ въ Чеш. вообще давать), такъ и Ст. Сл. вѣнити тоже сначала значитъ давать за вѣно женѣ: «аще кто обльстить необѣщанну, вѣномъ да ю вѣнить жену себѣ, вѣномь да ю себѣ възметь женѣ» (Вост. Микл.). Вѣроятно, отсюда—отвлеченное значеніе покупать. Вообще этимологическое значеніе слова вѣно (свитое) вовсе не есть причина, по которой это слово получаетъ свои дальнѣйшія значенія. Конечно, бываетъ, что въ данномъ словѣ представленіе основное извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ на слѣдующее, или есть причина его появленія. Такъ, положимъ, сл. боберъ, Лит. bèbrus, vebrus, стало означать извѣстное животное потому, что нѣкогда означало другое животное, сходное съ этимъ (Скр. бабhру, ихневмонъ), или же прямо потому, что, какъ прилагательное, это слово означало желтый, красноватый и т. п (Скр. бабhру, flavus, rutilus). Но видѣть повсюду въ языкѣ случаи подобные этому или безъ точнаго изслѣдованія допускать дѣйствіе основного представленія черезъ два-три слѣдующія на четвертое — весьма опасно. Можетъ быть и такъ, что послѣдующее значеніе условлено вовсе не предыдущимъ представленіемъ, а однимъ изъ признаковъ понятія или одною изъ чертъ образа, обозначеннаго этимъ предыдущимъ. Такъ напр. думаютъ, что наше соль не потому имѣетъ свое значеніе, что нѣкогда значило воду, какъ текущую (Скр. сал-ила—вода, сар-иш—рѣка, сар ас—озеро), а потому что племенамъ, шедшимъ изъ средней Азіи, встрѣтилась на пути большая соленая вода. (1)

6. Въ сл. Супругъ,—а, мужъ или жена представляются чѣмъ-то подобнымъ одному изъ пары запряженныхъ животныхъ. Это извѣстно

1) Kuhn. Zeitschr. VII, 24.

г. Аѳанасьеву, но тѣмъ не менѣе онъ говоритъ: „отъ кор. юдж., соотвѣтствующаго нашимъ узамъ“ (корень соотвѣтствуетъ существительному!) „образовалось нѣм. joch“ и т. д.; „такимъ образомъ въ сл. супружество лежитъ представленіе того нравственнаго ига, которое налагаютъ на себя вступающіе въ бракъ“ (24) т. е. какимъ это образомъ? Иго значитъ ярмо, связь совершенно матеріальная: супругъ значитъ пара спряженныхъ животныхъ, потомъ мужъ и жена какъ пара и т. д. Откуда же здѣсь взялось представленіе нравственной связи? Если мы говоримъ: «въ такомъ-то словѣ лежитъ представленіе нравственной связи», то это значитъ что позднѣйшее значеніе этого слова представляется въ видѣ нравственной связи, т. е. что нрав. связь здѣсь предыдущее, а не нѣчто придуманное уже послѣ того, какъ значеніе (въ данномъ случаѣ знач. мужа и жены) было готово.

7. На той же стр. г. Аѳанасьевъ говоритъ: „названія супругъ, супруга указываютъ на то-же представленіе (вязанья)—отъ прясть (пряду, пряжа, плести, крутить нитку изъ кудели)—подобно тому, какъ умыкать одного корня съ мычка, мыканье льну и вообще пряжи.“ Соотвѣтствіе между супругъ и прясть съ одной стороны и умыкать и пр. съ другой основано на предположеніи, что умыкать значитъ связывать; но предположеніе это ошибочно и соотвѣтствія здѣсь никакого нѣтъ. Далѣе: не говоря о звуковой разницѣ между кор. прѧг (откуда супругъ) и прѧд, ряды представленій въ производныхъ отъ этихъ корней вовсе не параллельны.

Въ Скр. есть два сродные корня съ одинаковымъ значеніемъ, соотвѣтствующіе Слав. прѧг: прінджˊ, прінктѣ и пріч, прінакти, сыпать, окроплять (ср. Лат. spargere, относит. котораго см. однако K. Zeitschr. VII 187), смѣшивать, соединять. Въ Слав. съ одной стороны отъ пріч, прізж (а не отъ ихъ основной формы парч, пардж) со знач. окроплять—прыскать, брызгать (ск, зг изъ основн. к, г, ры, какъ въ нѣсколькихъ другихъ несомнѣнныхъ примѣрахъ, = Скр ṛi); съ другой стороны при Скр. прінджˊ въ зн. соединять—Слав. прѧг, соединять, связывать, натягивать, напрягать. По звукамъ можно-бы отнести сюда ипрыгать, Млр. плигáти (ры, лы = ṛi); но не знаю, какъ вывести значеніе этихъ словъ. Если въ Лит. sprindis, пядь, spanne, д = Слав. г, то значеніе этого слова примкнуло бы къ Слав прѧшти, tendere, а начальное *s* служило бы подтвержденіемъ сходства Скр. прізж и Лат. spargere.

Значенія словъ корня прѧд представляются мнѣ въ такой послѣдовательности: 1) дрожать (быстро двигаться взадъ и впередъ) въ Ст. Сл. прѧдати, Серб. предати; послѣднее, кромѣ дрожать, зн. и бояться; 2) прыгать (т. е. быстро двигаться впередъ?) въ томъ же Ст. Сл. прѧда-

ти, прядать. 3) Изъ перваго зн. выводится и зн. быстроты вообще въ прудкій, prędki, прыткій, аналогично со связью дрожи и быстроты въ слѣдующихъ словахъ: Скр. кшôбh-атê, кшубh-јати, колебаться, дрожать, потомъ быть въ волненіи; Лит. skubus быстрый, скорый въ работѣ. Скр. видж, винакти дрожать и Скр. вêга(-с), быстрота. Скр. камирá, дрожащій, подвижной и быстрый. Послѣднему слову соотвѣтствуетъ Чеш. kyprý (ы изъ ж какъ въ прыткій при прудкій изъ пржд...) Kyprý значитъ 1) быстрый, 2) разсыпчатый, мягкій, напр. о хлѣбѣ, землѣ, 3) лѣнивый. (Относительно связи послѣднихъ двухъ значеній съ предст. дрожать ср. драхлъ въ моей статьѣ О связи о нѣкот. предст. Фил. З. 1864, III). Скр. чапалá, дрожащій и подвижный, скорый, напр. чапалам, скоро. Если при корнѣ этого слова находимъ нѣсколько другихъ, малоизвѣстныхъ (khámбати, rámбати, rhамбати и др.) съ неопредѣленнымъ зн. идти, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такое значеніе было древнѣе опредѣленнаго зн. дрожать. Индійскимъ филологамъ, какъ это бываетъ и теперь, было легче предположить въ корнѣ неопредѣленное значеніе, которое бы относилось къ значеніямъ производныхъ, какъ общее къ частному, чѣмъ доискаться основного значенія, столь же частнаго, какъ и многія послѣдующія. Поэтому они и приписали столькимъ корнямъ одинаковое значеніе напр. идти или свѣтить.

Возвращаюсь къ кор. прад. Отъ дрожи или быстроты слова переходятъ къ зн. рвать. Ср. дръгати, дрожать и дергать, Польск. targać (-тръгати); Скр. кшубh, Лат skubus и скусти, Млр. скубти. Т. о. и прясть значитъ собств. рвать кудель, мыкать мычку. Ни въ какомъ случаѣ слово это не предполагаетъ значенія плести, крутить.

8. Оборотень. На стр. 30—1 г. Аѳанасьевъ разсуждаетъ такъ: крутить отъ знач. завивать, плести перешло къ зн. одѣвать (обл. окрутить), маскироваться (обл. окрутникъ). Окрутить есть синонимъ словъ облачить, оборотить; окрута (одежда) собств. значитъ тоже что облако. Согласно съ этимъ грозовыя тучи (облака) представлялись оборотнями (вовкулаками), что символически изображалось святочнымъ переряживаньемъ окрутниковъ. Оборотень значитъ облачившійся въ волчью или другую шкуру. Этимъ г. Аѳанасьевъ хочетъ объяснить, что значитъ оборотень и показать миѳическое знач. святочныхъ маскерадовъ. Можетъ, рѣшеніе и вѣрно, но оно слишкомъ скоро подписано подъ задачею, такъ что для большей увѣренности не мѣшало бы передѣлать еще разъ.

Что по Нѣм. и отчасти Слав. повѣрьямъ человѣкъ становится оборотнемъ при помощи волчьей (и т. п.) сорочки, пояса, обруча, ошейника (что все можетъ имѣть связь съ вязаньемъ)—это такъ. М.

б. на подобный взглядъ указываетъ Польск. przedzierzgnąć się w co, оборотиться чѣмъ (напр. волкомъ), т. е. (судя по przedziergnąć,— завязать узломъ) стать чѣмъ, завязавши на себѣ узелъ. Однако въ словѣ оборотень волколакъ или другое подобное существо можетъ б. названо не по покровенію или вязанью, а по другому признаку.

Не помню гдѣ я вычиталъ о кувырканьи черезъ пень-колоду, какъ о средствѣ оборотиться волкомъ. Я не придаю особеннаго значенія этому пока гадательному извѣстію, хотя сомнѣваюсь, чтобы самъ его выдумалъ. На подобное средство стать оборотнемъ, мнѣ кажется, указываютъ и частыя въ сказк. выраженія, какъ „ударился объ сыру землю и сталъ (или оборотился, обернулся, перекинулся) тѣмъ-то.“ Ср. также слѣдующій рядъ словъ для понятія: оборотиться тѣмъ-то.

а) Предлогъ въ сл. оборотиться допускаетъ двоякое объясненіе: окружить себя напр. платьемъ и описать кругъ, кувыркнувшись; но предл. пере (черезъ, напр. черезъ голову) можетъ, кажется, давать словамъ того же корня только второе значеніе, которое, по моему и лежитъ въ основаніи словъ перевертень (Млр. вообще отступникъ, человѣкъ измѣнившій своему сословію, вѣрѣ, языку; Курск. — обрусѣлый Малороссіянинъ), Ст. Сл прѣвратити и — см, Серб превратити напр. вјером, превртљив непостоянный, превршача, id. въ выраж. „Вељача (февраль) превршача“ (о погодѣ). Въ Лит. то же значеніе обозначается тѣмъ же корнемъ, но съ менѣе яснымъ предл. pa (-по) pavirst; упасть, превратиться, съ дополненіемъ какъ въ Русск. „во что“ [1]). Другія подобныя слова — отъ корней со знач. бросать.

б) отъ вргъ. Польск. przewierzgnąć się, собств. перебросаться, потомъ (—w co) превратиться, przewierzgnienie chleba w ciało, пресуществленіе. Въ Серб. прорһи се, — вргнем се, собств. броситься впередъ, но отмѣчено у Кар. только со знач. оборотиться:

---

[1]) ...«Kad asz užmigczau ben valandelę!
Bene pavirszczau i geguzelę,
Lekczau lankyti savo motuszes» (Ness. 240, 87).

Смыслъ этого мѣста такой: еслибъ мнѣ хоть во снѣ, хоть мысленно оборотиться кукушкою, я полетѣлабъ навѣстить свою мать. Но за такимъ ближайшимъ знач. кроется находиться болѣе древнее: оборотиться чѣмъ во снѣ не значитъ только мысленно, но и на самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ Серб. вѣштица именно во снѣ оборачивается разными существами. Дочери, которой горько на чужой сторонѣ, хочется не мысленно только, а дѣйствительно навѣстить мать. Та, что складывала эту пѣсню, могла еще вѣрить въ истину превращеній.

Искочи ми из руку дијете
Провриже се црнијем јасећетом
И утече мене уз планину (Кар. Пјес. II, 7).

в) Отъ мет. Влр. переметчикъ, зовется тотъ что перебрасывается со стороны на сторону, „сумы переметныя;“ но мие. зн. какъ и въ Млр. перевертень, не видно. Серб. прометнути се и въ собств. и въ переносномъ зн. тоже что проврћи се: „ах да ми се бувом прометнути!“

г) Отъ къид. Млр. перекинутись, Влр. (Ае. Ск. VI, 187) перекинуться: „перекинула мъ ся въ сиву зозуленьку.“ Влр. окинýться, собств. броситься вокругъ (о-объ), потомъ обернуться назадъ, такъ какъ при этомъ тѣло описываетъ кругъ („окинýлся на свое житье-бытье“– оглянулся, обернувшись), обернуться во что („колдунъ смогё окинуться и въ кошку и въ собаку“).

д) Отъ рют, рут(изъ ру). Польск. przerzucić się, przekinać się, перебѣжать съ одной стороны на другую, стать переметчикомъ, а у Войцицкаго—w co, оборотиться чѣмъ.

Если мои заключенія вѣрны, то сл. оборотень значитъ собств. перевернувшійся черезъ голову, такъ что тѣмъ путемъ, какой выбралъ г. Аѳанасьевъ, нельзя доказать связи оборотня ни съ покровеніемъ —вязаньемъ, ни съ тучею.

А. Потебня.

Замѣтка къ статьѣ гр. К. П. Тышкевича: О свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ рѣкѣ Вугѣ у Дрогичина (см. выше стр. 115).

Въ своей статьѣ гр. К. П. Тышкевичъ упоминаетъ о знакахъ, какіе встрѣчаются на внѣшней сторонѣ дна сосудовъ, находимыхъ въ дохристіанскихъ западно-русскихъ, литовскихъ и чешскихъ могилахъ. По приглашенію А. С. Уварова почтенный археологъ доставилъ въ Общество 4 таблицы такихъ знаковъ; помѣщая ихъ здѣсь (табл. VIII—XI), считаемъ не лишнимъ дать мѣсто и нашей догадкѣ о ихъ происхожденіи и значеніи.

Въ своемъ сочиненіи „О курганахъ въ Литвѣ и западной Руси“ (В. 1865 г.) гр. К. П. Тышкевичъ высказываетъ предположеніе, что эти оттиски или знаки имѣли какое-то миѳическое или символическое значеніе: „на многихъ изъ нихъ находятся оттиски круговъ, въ нѣкоторыхъ крестъ внутри. Кругъ—всегда означалъ вѣчность... въ соединеніи съ крестомъ онъ составлялъ миѳическій ключъ. Поэтому подобные оттиски, выдавленные на жертвенныхъ горшкахъ, ставившихся въ могилѣ, могли быть эмблеммою ожидаемой въ будущности

болѣе благополучной жизни, соединенной съ вѣчностью по ту сторону могилы..." Далѣе, говоря о сходствѣ этихъ западно-русскихъ и литовскихъ керамическихъ знаковъ съ подобными же знаками на разныхъ памятникахъ Чехіи, Польши, Скандинавіи, гр. К. П выражается еще опредѣленнѣе: „Подобіе оттисковъ на жертвенныхъ горшкахъ въ странахъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга, отнюдь не можетъ быть случайнымъ только знакомъ мѣстныхъ горшечниковъ, какъ и мнѣ это самому казалось до сличенія ихъ; не подлежитъ сомнѣнію, что это миѳы, высказывающіе сродство упомянутыхъ народовъ въ ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ," (см. стр. 62 и 64 l. c.). Такова догадка гр. Тышкевича. Прежде чѣмъ мы позволимъ себѣ противупоставлять ей — нашу собственную, считаемъ нужнымъ замѣтить, что знаки на внѣшней сторонѣ дна могильныхъ горшковъ—встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ: въ Силезіи, Лужицахъ, Помераніи, Пруссіи, Мекленбургѣ, Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Баваріи и др. Такое распространеніе ихъ уже само по себѣ заставляетъ предполагать, что они имѣли какое-нибудь значеніе; но какое—это вопросъ, который позволительно считать не вполнѣ разрѣшеннымъ и послѣ догадки гр. К. П. Тышкевича. Остановимся сначала на очевидностяхъ. Эти знаки — не могли имѣть значеніе простаго украшенья съ цѣлью сообщить сосуду болѣе изящный видъ: украшенія помѣщаются на видимыхъ частяхъ сосуда, а не на днѣ его; украшенія всегда состоятъ изъ непрерывно повторяемыхъ симметрическихъ витковъ, ломанныхъ или прямыхъ линій: симметрія знаковъ есть первое и послѣднее условіе красоты простыхъ глиняныхъ погребальныхъ горшковъ; ничего подобнаго нѣтъ на знакахъ, о которыхъ мы говоримъ: они — не симметрически расположенныя украшенія, а единичные знаки. Единственнымъ путемъ къ разрѣшенію вопроса — какъ намъ кажется — можетъ служить сравненіе съ знаками, значеніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ такихъ знаковъ мы прежде всего останавливаемся на рунахъ. Что славянскія племена имѣли руны, образныя или звуковыя начертанія—это фактъ, засвидѣтельствованный исторіей (напр. лѣтоп. Титмаромъ, Ибнъ Фоцланомъ, мон. Храбромъ и др.): глаголица быть-можетъ стоитъ въ связи съ чертами и рѣзами, т. е. рунами; иной вопросъ откуда взяли Славяне эти письмена, сами ли изобрѣли или заимствов. извнѣ отъ Нѣмцовъ, — вопросъ, разсмотрѣніе котораго сюда не входитъ; довольно сказать, что у Славянъ, какъ и у Нѣмцовъ, были руны. Сравнимъ же теперь наши изображенія, и мы увидимъ поразительное сходство, даже полное тожество нѣкоторыхъ знаковъ съ рунами, какъ будто—остается только читать ихъ; но не говоря уже о томъ, что

искусство чтенія этого письма Славянъ потеряно, что бывшія доселѣ попытки объяснить его не могутъ внушать довѣрія,— представляется еще другая трудность: только нѣкоторые, весьма немногіе знаки горшковъ представляютъ рѣшительное тожество съ рунами, остальные же—большая часть — представляютъ совершенно обратное явленіе; они не только не сходны съ рунами, но по своей наклонности къ кругу, звѣздѣ и кресту рѣшительно противорѣчатъ руническому способу написанія. Такихъ рунъ, какъ большинство этихъ знаковъ,—нѣтъ, а потому и объяснять ихъ рунами невозможно, но можно и должно сказать, что нѣкоторые знаки тожественны съ рунами. Вышеприведенное объясненіе гр. К. П. Тышкевича также едва ли можетъ быть примѣнено ко всей совокупности церамическихъ знаковъ: если относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно предположить миѳъ или символическое выраженіе религіозныхъ понятій, относящихся до будущей жизни, то большинство знаковъ не покоряется никакому символическому объясненію, даже и въ томъ случаѣ, когда мы допустимъ, что только для насъ утраченъ этотъ миѳическій или символическій смыслъ, все же—остается вопросъ о его существованіи вообще, о его возможности: племена ведущія природную, простую жизнь, незнакомыя еще ни съ образованностью, ни съ наукой, ни съ искусствомъ въ собственномъ смыслѣ—могутъ ли они дойдти до отвлеченно-философской мысли о вѣчности и выразить ее въ такомъ неопредѣленномъ знакѣ, какъ кругъ? Сверхъ этого, зачѣмъ эта верховная мысль, этотъ символъ, не встрѣтили болѣе приличнаго мѣста для своего помѣщенія, почему они уступили видное мѣсто беззначительнымъ, нехитрымъ черточкамъ и линіямъ на открытыхъ бокахъ сосуда и скромно помѣстились на темное дно его? Чуждыя отвлеченности, мысли народа, нетронутаго образованіемъ, находятъ и выраженіе не въ отвлеченной, а въ чувственной формѣ; потому, если и предположить въ нѣкоторыхъ знакахъ смыслъ, то этотъ смыслъ долженъ быть чувственный, а не отвлеченный; знакъ долженъ выражать видимое, осязательное подобіе извѣстнаго предмета или форму впечатлѣнія, имъ произведеннаго на душу человѣка. Въ догадкѣ почтеннаго гр. К. П Тышкевича намъ кажется истиною та сторона ея, по которой нѣкоторые гончарные знаки будутъ видимымъ внѣшнимъ подобіемъ извѣстныхъ представленій и предметовъ, какъ житейскихъ, такъ и неразлучно съ ними связанныхъ—миѳологическихъ, напр. лука и стрѣлы солнца и звѣзды; но выражали ли эти знаки болѣе связную, глубокую символическую мысль примѣнительно къ будущей жизни и погребенію — это подлежитъ сильному сомнѣнію, потому и объяснять предметъ съ этой точки зрѣнія едва

ли возможно. Итакъ руны — и вмѣстѣ съ тѣмъ не руны, изображенія нѣкотор. житейскихъ предметовъ и миѳол. представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ случайные значки, линіи и круги— все это указываетъ, что гончарные знаки не имѣютъ особаго глубокаго, такъ-сказать нарочитаго смысла примѣнительно къ погребенію; не ради ихъ существуетъ и поставляется въ могилу горшокъ, но они существуютъ ради горшка, представляя только добавочную, обходимую часть его: горшки могутъ исполнять свое погребальное назначеніе и безъ этихъ знаковъ, ибо сотни вскрытыхъ могилъ представляли горшки безъ всякихъ подобныхъ знаковъ; сколько извѣстно напр. на центральной русской территоріи до сихъ поръ не встрѣчались сосуды съ такими оттисками. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ знаками принадлежащими не погребальному обычаю, а единственно сосудамъ. Какіе же знаки должны были принадлежать горшкамъ и для какой цѣли, по какой причинѣ? Выше я замѣтилъ, что это не были украшенія, ибо помѣщать украшенія на внѣшней сторонѣ дна, которое, при обыкновенномъ положеніи сосуда, всегда закрыто,—болѣе чѣмъ странно; потому—кажется—эти знаки могли имѣть только единственное значеніе, значеніе клеймъ. И въ теперешнемъ своемъ значеніи клеймо не только обозначаетъ фабриканта, мастера или производителя извѣстной вещи, но и владѣльца, собственника; клеймо—знакъ происхожденія столько же, сколько и знакъ собственности. Въ отдаленнѣйшую эпоху, когда всѣ матеріяльныя потребности удовлетворялись запасомъ домашнихъ средствъ и силъ, раздѣленіе труда, ремесла и мануфактуры не переходили семейнаго или родоваго порога, не играли никакой общественной роли,—естественно что клеймо обозначало въ одно и тоже время и владѣльца и производителя. Такое значеніе по моему мнѣнію имѣютъ и эти гончарныя клейма: они были знаками домовой собственности—haus und hofmarken—по общеупотребительному нѣмецкому термину. Мы представляемъ здѣсь таблицу (рис. XI б) изображеній такихъ марокъ, взятыхъ нами какъ изъ документовъ письменныхъ: грамотъ, завѣщаній, гдѣ онѣ замѣняютъ мѣсто подписей, такъ и съ памятниковъ вещественныхъ: зданій, погребальныхъ горшковъ, камней и т. д. № 1—3—изображаютъ марки изъ Шлезвигъ-Гольштейна (нордалбингскія); № 14—17—марки изъ Тюрингіи, № 18–19—нѣмецкія марки, приведенныя проф. Гомейеромъ въ Zeitschrift für Deutsche Mythologie т. стр. № 20–29—марки изъ Помераніи, Мекленбурга, Силезіи; № 30–47—марки чешскія на зданіяхъ Звикова и малостранскаго моста, и наконецъ, № 48–52—марки, употреблявшіяся на русской землѣ. Сравнивъ гончарные знаки съ марками, нельзя не замѣтить ихъ основного рази-

тельнаго сходства. Нѣкоторые знаки—совершенно тѣ же, другіе нѣсколько различествуютъ,—и понятно почему: это различіе времени, народности, различіе матеріала, на которомъ тѣ и другія находятся: шлезвигъ-голштинскія марки взяты съ печатей 16 в. и съ письменныхъ памятн., грамотъ, завѣщаній, другія — взяты со зданій и мебели....

Но сколько бы ни было различій, достаточно—думаю—бросить лишь бѣглый взглядъ, чтобы убѣдиться, что наши гончарные знаки и германскія марки принадлежатъ къ одному и тому же роду предметовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе — знаки собственности владѣльца производителя, символъ его лица или семьи и рода. Что такія марки съ отдаленнѣйшихъ временъ употреблялись въ Германіи, что они употребляются и теперь у полу-дикихъ азіатскихъ кочевниковъ—это фактъ, засвидѣтельствованный наукою и путешественниками; что они имѣли и имѣютъ мѣсто и въ теперешнемъ быту Славянъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, обративъ вниманіе на помѣтки, котор. кладутъ наши крестьяне преимущественно на движимую собственность, скотъ или иные неодушевленные предметы. Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе отъ главнаго предмета—и представить нѣсколько соображеній объ археологическомъ значеніи домовой марки. Домовая марка есть извѣстный знакъ или фигура, обозначающая юридически—во всеобщее вѣдѣніе—извѣстный предметъ въ его принадлежности и лицо временнаго владѣльца предмета. По большей части марка состоитъ изъ прямыхъ линій, круга, креста, а позднѣе изъ единичныхъ буквъ алфавита. Марки находятся на дверяхъ дома, притолкахъ, оконныхъ рамахъ, старинныхъ шкапахъ, стульяхъ и другихъ домовыхъ вещахъ и утвари, на погребальныхъ камняхъ, на печатяхъ и письменныхъ документахъ вмѣсто подписи, наконецъ на живой движимой собственности, какъ у насъ на домашнемъ скотѣ. Служа съ древнихъ временъ постояннымъ знакомъ собственности, марка имѣетъ важное значеніе не только для сфрагистики, но и въ особенности для юридическихъ древностей, для бытовой старины. Маркою объясняется напр. почему въ древне-германскомъ правѣ присягающій владѣлецъ бралъ за ухо отчуждаемую скотину, при передачѣ недвижимой собственности въ средн. вѣка передавалась и бирка съ маркою этой собственности. Послѣдній обычай существуетъ и теперь въ нашемъ простонародьи. Маркою помѣчались предметы межевые. При ближайшемъ изслѣдованіи, ихъ встрѣтится не мало и у насъ, и потому марка заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ археологовъ. Возвращаясь къ нашимъ гончарнымъ маркамъ, замѣтимъ прежде всего, что не было

ничего естественнѣе, какъ положить марку на такой необходимый въ житейскомъ обиходѣ предметъ, какъ горшокъ. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы погребальные горшки у доисторическихъ народовъ средней и сѣверной Европы были какіе-нибудь особые сосуды, отличавшіеся отъ обыкновенныхъ, употребляемыхъ въ житейскомъ быту, напротивъ можно думать, что и въ могилу они полагались съ цѣлью служить житейскимъ потребностямъ покойника, наравнѣ съ другими предметами,—утварью и вооруженіемъ: на это указываютъ остатки веществъ, въ нихъ открываемыхъ,—напитковъ и пищи. Если таково дѣйствительно было ихъ назначеніе, то не можетъ быть сомнѣнія, что они ни въ чемъ не отличались отъ обыкновенныхъ хозяйственныхъ горшковъ, и въ такомъ случаѣ явленіе клеймъ представляется намъ совершенно естественнымъ. При бѣдномъ состояніи хозяйства — а другаго для той эпохи и предположить нельзя,—и простые горшки могли быть предметомъ спора, и они составляли собственность, требовавшую юридической помѣты для доказательства своего происхожденія и принадлежности; такъ дѣйствительно должно было быть до поры, пока не возникло гончарное ремесло въ собственномъ смыслѣ, и мастерская фабрикація не замѣнила домашнее, семейное производство. При этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ первоначальныя домовыя марки собственности перешли въ ремесленныя марки производства, въ фабричныя клейма, и удалившись отъ своего первоначальнаго назначенія, конечно, перестали быть юридическимъ знакомъ собственности. Къ какому роду марокъ принадлежатъ наши гончарные знаки—я не могу сказать за неимѣніемъ данныхъ. Немаловажнымъ обстоятельствомъ при рѣшеніи этого вопроса можетъ служить точное описаніе раскопокъ и изслѣдованіе самихъ сосудовъ. Если въ одной и той же могилѣ семейной встрѣчаются сосуды съ одними и тѣми же марками, если эти сосуды сдѣланы отъ руки, а не на гончарномъ кругѣ, если они или вовсе не обожжены или обожжены не въ гончарной печи, а на открытомъ огнѣ, тогда можно прямо полагать, что знаки на горшкахъ суть домовыя марки собственности: всѣ обстоятельства указываютъ прямо на до-ремесленный періодъ гончарнаго производства, а въ этотъ періодъ—марки не могли имѣть другаго значенія, какъ только знаковъ собственности; если же напротивъ въ одной и той же могилѣ—предполагаю могилу не разновременную—встрѣчаются горшки съ разными знаками, если эти горшки выдѣланы на гончарномъ кругѣ, по правиламъ гончарнаго ремесла, обожжены въ гончарной печи, то знаки, на нихъ изображенные—нѣтъ сомнѣнія—принадлежатъ уже къ фабричнымъ клеймамъ. Къ сожалѣнію всѣ

эти обстоятельства мнѣ неизвѣстны, и относительно гончарныхъ оттисковъ, присланныхъ въ Общ. гр. Тышкевичемъ, я не могу ничего сказать: были ли это знаки собственности или просто фабричныя клейма. Нахожу нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ о самыхъ знакахъ. Я указалъ, что во 1-хъ они сходны съ рунами, во 2-хъ они не всегда случайно придуманы, они имѣютъ какое нибудь значеніе. Ученый изслѣдователь германскихъ марокъ Михельсенъ («Die Hausmarke» 1853, стр. 11) говоритъ, что тотъ рѣшительно зашелъ бы слишкомъ далеко, кто отважился бы предположить, что домовыя марки произошли именно изъ рунъ, которыя они такъ сильно напоминаютъ, но что впрочемъ нельзя отрицать въ нѣкоторыхъ домовыхъ и фамильныхъ клеймахъ присутствія азбучнаго элемента. Зная, что у Славянъ были руны—и можетъ-статься руны звуковаго характера, что эти руны такъ сходны съ нѣкоторыми горшечными клеймами — нельзя ли предположить, что они обозначали первые звуки имени владѣльца?—предположеніе, правда, глухое, но и его опустить нельзя, потому что оно представляется само собою, хотя доказать его, пока, нельзя, да и доказавъ, нельзя извлечь изъ него—пока — никакого вывода. Другіе гончарные знаки напоминаютъ нѣкоторые миѳическіе символы природы, напр. колесо—миѳическое представленіе солнца, молотъ—громовой молніи; нѣтъ сомнѣнія, что они произошли изъ миѳическаго миросозерцанія, но ставъ условнымъ знакомъ собственности они, кажется, отрѣшились отъ своего религіознаго основанія, остались лишь знаками, клеймами и разсматриваются народомъ, какъ простыя клейма. Впрочемъ и объ этомъ предметѣ трудно сказать что-нибудь положительнаго: доисторическая древность еще такъ мало намъ извѣстна!

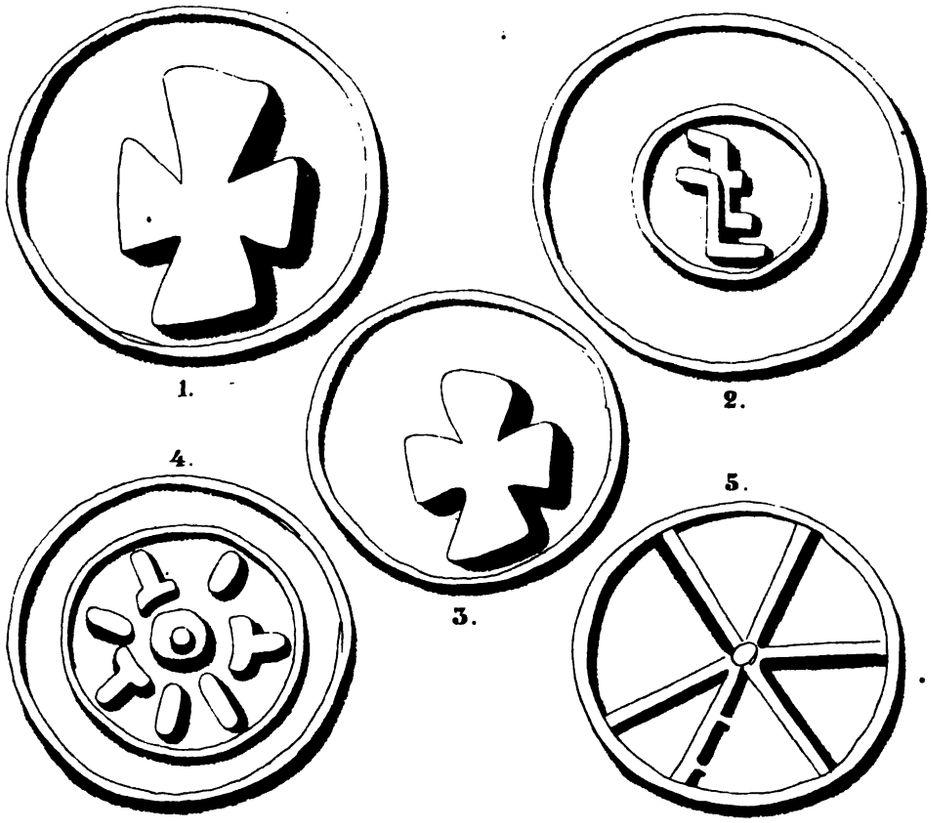
Представляемъ наше предположеніе о связи керамическихъ знаковъ съ марками собственности въ видѣ простой догадки, потому и воздерживаемся до-поры—времени отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, равно какъ и отъ разсмотрѣнія ученыхъ мнѣній * по этому предмету; быть-можетъ, собравъ болѣе матерьяла, чѣмъ сколько имѣется у насъ подъ руками въ настоящее время, мы найдемъ возможность впослѣдствіи осмотрѣть этотъ предметъ во всемъ его объемѣ.

А. Котляревскій.

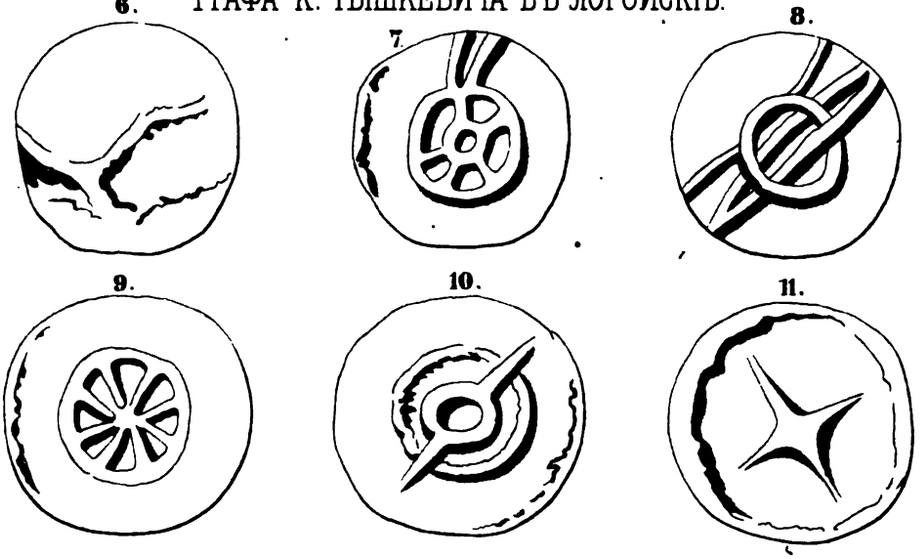
---

* Въ особенности заслуживаетъ вниманія мнѣніе Я. Э. Воцела, высказанное имъ недавно въ сочиненіи: «Pravěk země české. Pr. 1866. p. 207 и слѣд. Мы намѣрены возвратиться къ этому предмету при критическомъ отчетѣ о сочиненіи Воцела, по выходѣ заключительной (второй) его части.

ДНА ЖЕРТВЕННЫХЪ ГОРШКОВЪ НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ДОХРИСТЬЯНСКИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ МОГИЛАХЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ МУЗЕѢ ДРЕВНОСТЕЙ.

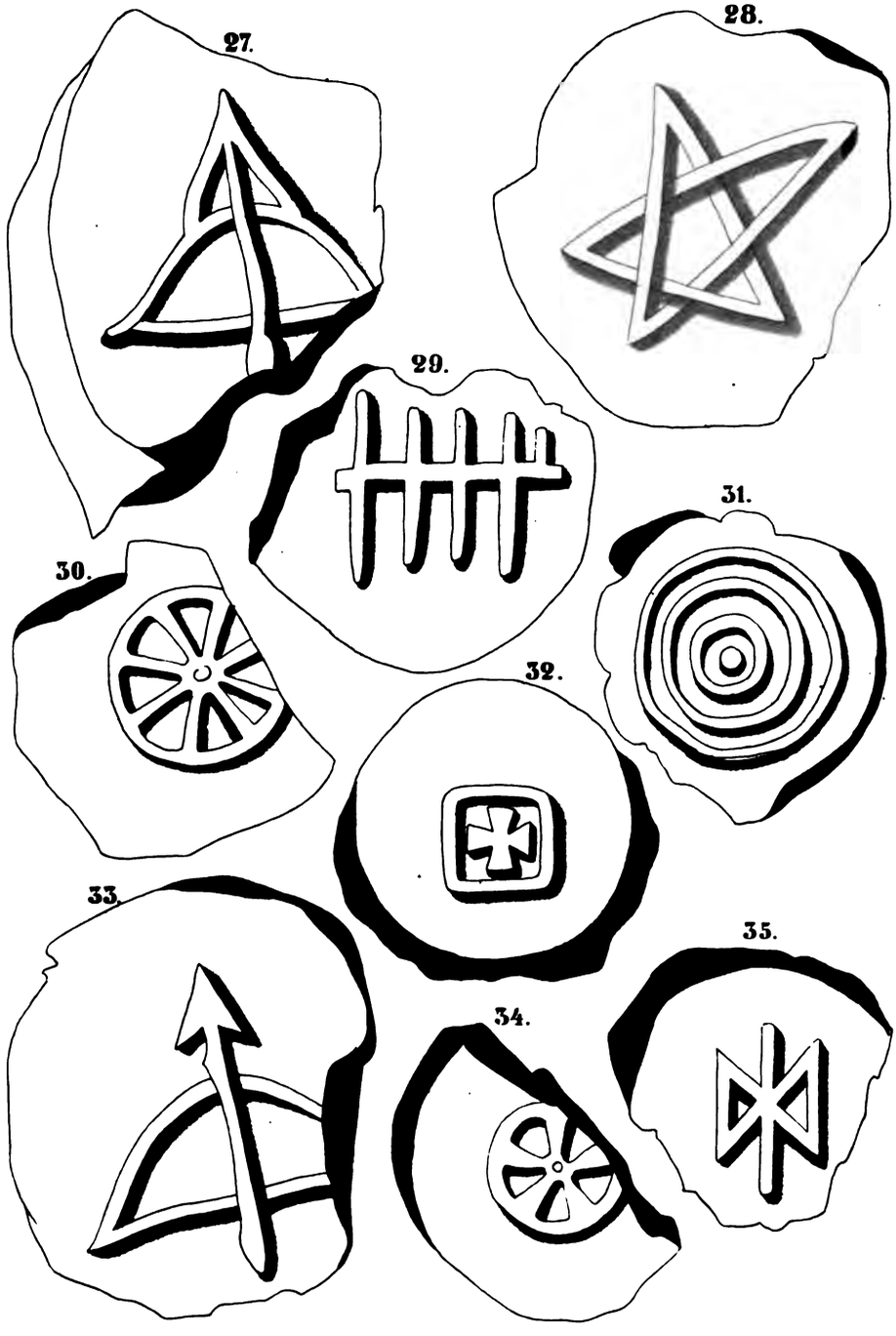


ДНА ГОРШКОВЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦІИ ДРЕВНОСТЕЙ ГРАФА К. ТЫШКЕВИЧА ВЪ ЛОГОЙСКѢ.

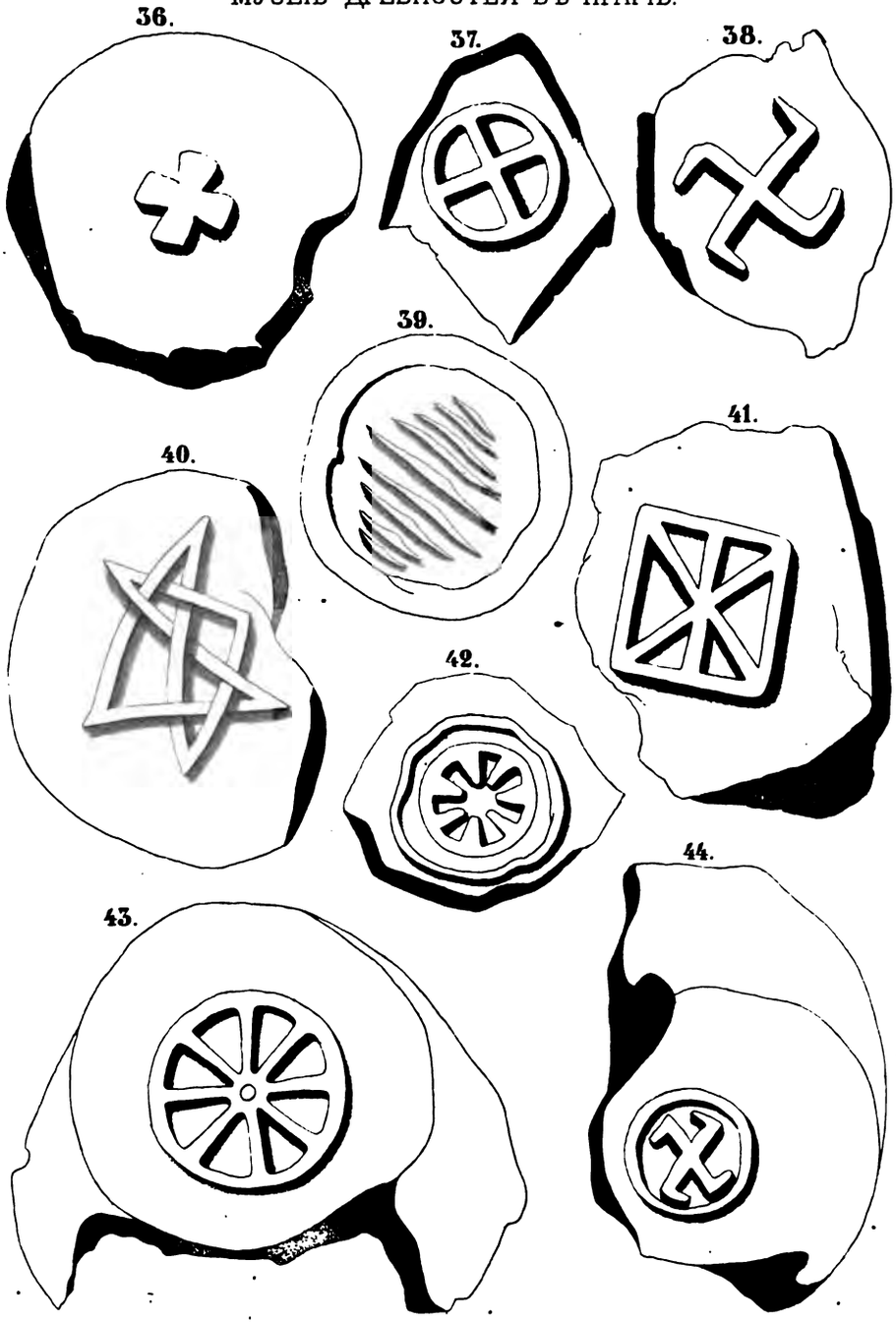


ДНА ГОРШКОВЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦІИ ДРЕВНОСТЕЙ ГРАФА К. ТЫШКЕВИЧА ВЪ ЛОГОЙСКѢ.

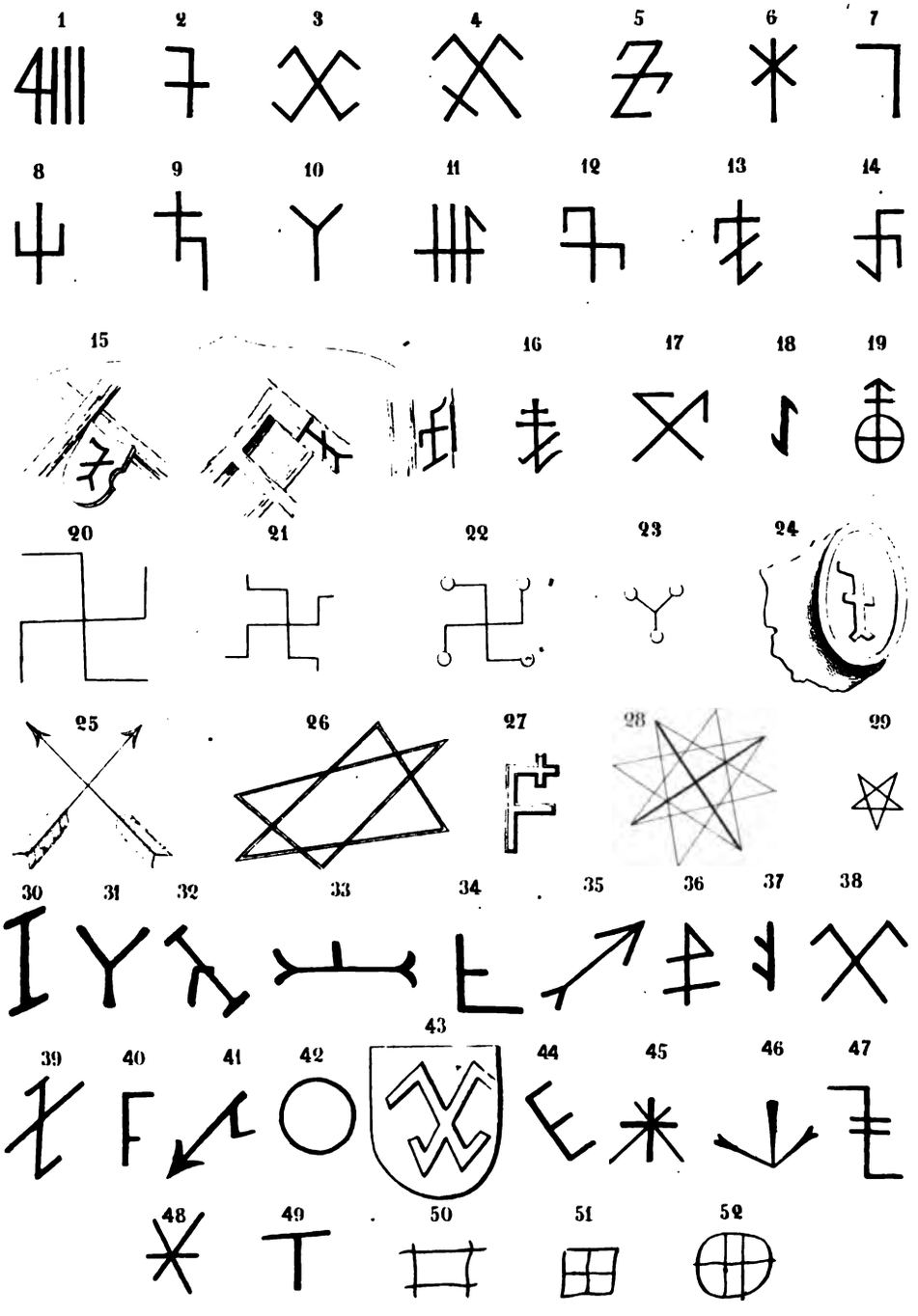
ДНА ГОРШКОВЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ НАРОДНОМЪ БОГЕМСКОМЪ МУЗЕЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ ПРАГѢ.



ДНА ГОРШКОВЪ ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ НАРОДНОМЪ БОГЕМСКОМЪ МУЗЕЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ ПРАГѢ.



МАРКИ ИЛИ ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ.



НОВЫЕ ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГІИ

ДРЕВНЯГО ВОСТОКА, ГРЕЦІИ И РИМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

К. К ГЁРЦА.

II.

Совершенно противоположное явленіе въ дѣлѣ археологическихъ изысканій видимъ мы въ Англіи: иниціатива исходитъ тамъ всегда отъ частныхъ лицъ и правительство выступаетъ только тогда дѣйствующею силою, когда есть вѣрные залоги въ успѣхѣ будущихъ археологическихъ открытій. Многія причины объясняютъ это явленіе: ни въ одномъ народѣ наука не находитъ столь большаго числа богатыхъ диллетантовъ-дѣятелей, которые употребляютъ въ ея пользу часть даровъ, данныхъ имъ фортуною; потомъ, — самый характеръ народа. Страсть къ научному авантюризму кажется врожденною этому народу. Онъ созданъ для подобной иниціативы. Правда, что вслѣдствіе первой причины ни одна европейская ученая литература не изобилуетъ такимъ множествомъ чисто-диллетантскихъ трудовъ, какъ новѣйшая англійская; но вторая причина вызвала этотъ народъ къ тѣмъ прекраснымъ антикварнымъ и географическимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, съ которыми навсегда связаны имена Лейярда, Гамильтона, Лика, Феллоуса, Рича и др. Въ бо̀льшей части случаевъ англичане въ этомъ дѣлѣ являются пролагателями новыхъ путей: жаждая новыхъ впечатлѣній, они проникаютъ въ неизслѣдованныя, еще не тронутыя страны, открываютъ забытые города, которыхъ имена сохранились только у Птоломея или Страбона; находятъ художественные памятники неизвѣстнаго до тѣхъ поръ стиля; отыскиваютъ надписи; привозятъ съ собой и издаютъ часто совершенно сырой матеріялъ: современемъ кабинетный нѣмецкій ученый опредѣлитъ стиль этихъ памятниковъ, прочтетъ и эмендируетъ надписи. Практическій смыслъ, необыкновенная энергія и терпѣливая упорность въ преслѣдованіи извѣстной цѣли—вотъ что характеризируетъ археологическихъ изслѣдователей этой страны; но легко замѣтить, что вмѣстѣ съ тѣмъ это суть нравственныя свойства всей націи. Вотъ почему въ новой англійской литературѣ такъ много отличныхъ путевыхъ журналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые составляютъ капитальныя явленія ученой литературы, какъ напр. путевой журналъ Робинсона по Палестинѣ. Когда при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи страны, археологическія находки

окажутся весьма обильными, какъ это было при открытіяхъ Феллоуса, или почва театра древней цивилизаціи обѣщаетъ богатую жатву скрытыхъ въ ней памятниковъ, то тогда только актъ Парламента назначаетъ щедрое вспоможеніе экспедиціи: въ самомъ дѣлѣ суммы, въ подобныхъ случаяхъ назначаемыя Парламентомъ, достойны величія этой націи. Съ большою похвалою слѣдуетъ также упомянуть о тепломъ участіи, которое принимаютъ въ подобныхъ экспедиціяхъ представители англійской дипломатіи въ чужихъ странахъ: археологи никогда не забудутъ имени сэра Стратфорда Каннинга. Эта счастливая, богатая нація всегда имѣетъ на готовѣ къ услугамъ ученыхъ экспедицій флотъ, и цѣлые корабли, нагруженные невѣдомыми сокровищами искусства, пристаютъ къ устью Темзы и Британскій Музей въ Лондонѣ ежегодно получаетъ громадныя приращенія. Они столь значительны, что, въ 1863 году, мы сами видѣли, какъ сокровища, добытые изъ нѣдръ Малой Азіи, недоступные для публики, лежали въ страшной тѣснотѣ, недозволяющей зрителю разсмотрѣть ихъ, подъ фронтовой колоннадою, обращенной въ временный деревянный сарай, того непривлекательнаго зданія, которое именуется Британскій Музей.

Ни одна изъ ученыхъ экспедицій, совершенныхъ въ послѣднее время съ содѣйствіемъ англійскаго правительства, не имѣла столь блестящаго успѣха, какъ экспедиція г. Чарльса Ньютона въ Малую Азію, на то мѣсто, гдѣ находился древній Галикарнассъ, для изслѣдованія Мавзолея, великолѣпнаго надгробнаго памятника, воздвигнутаго царицею Артемизіею надъ прахомъ ея супруга Мавзола. Галикарнассъ, по своему мѣстному положенію и по своимъ художественнымъ сокровищамъ, былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ приморскихъ городовъ Малой Азіи. Давно уже европейскіе ученые обратили вниманіе на эту мѣстность: ее описывали Графъ Шуазель—Гуффье, Боморъ, Гамильтонъ, Спраттъ и Лудвигъ Россъ. Но честь основательнаго изслѣдованія этой мѣстности принадлежитъ хранителю Британскаго Музея Чарльсу Ньютону. Въ 1856 году, вслѣдствіе энергическаго ходатайства Лорда Стратфорда де Редклиффа (въ то время называвшагося сэръ Стратфордъ Каннингъ), британскаго посла въ Константинополѣ, подъ начальствомъ Г. Ньютона была снаряжена экспедиція, которая работала съ ноября 1856 года по іюнь 1859 года въ Будрунѣ, Книдосѣ и другихъ мѣстностяхъ Малой Азіи. Результаты трудовъ этой экспедиціи изложены въ великолѣпномъ изданіи, напечатанномъ на счетъ Британскаго Музея, подъ заглавіемъ: A history of discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae, being the results of an expedition sent to Asia Minor by H. M. Governement in 1856, by C. T. Newton, Esq. Director of the expedition, keeper of the Greck and Roman antiquities, British Museum. Assisted by R. P. Pullan, Esq. London. 2 vol. 1861 и 1863, съ атласомъ in fol.

Текстъ перваго тома этого сочиненія излагаетъ исторію Карія, всѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ Мавзолеѣ, реставрацію этого памятника, предложенную англійскимъ архитекторомъ Пулланомъ, описаніе скульптуръ, открытыхъ на развалинахъ этого памятника; топографію Галикарнасса и отчетъ о другихъ раскопкахъ, произведенныхъ г. Ньютономъ на мѣстности этого города. Раскопки, слѣдуя указаніямъ Витрувія, произведены были на мѣстѣ, вѣрно предугаданномъ еще Дональдсономъ, и разсказъ объ нихъ, иногда сухой и сжатый, исполненъ величайшаго интереса.

Мавзолъ, персидскій сатрапъ Карія, провинціи Малой Азіи, вѣроятно самъ начерталъ планъ и началъ постройку надгробнаго памятника, который долженъ былъ незыблемо сохранить его имя въ потомствѣ. Это предположеніе нисколько не странно: оно вполнѣ согласно съ воззрѣніями древнихъ и со всею системою построенія египетскихъ пирамидъ, столь не-

преложно изложенною Лепсіусомъ. Мавзолъ былъ основателемъ города Галикарнасса и себѣ, какъ градооснователю (что считалось великою честью въ древности), на той точкѣ, гдѣ соприкасались между собою важнѣйшіе кварталы города, построилъ памятникъ, на вершинѣ котораго онъ самъ долженъ былъ быть изображенъ, стоящимъ на квадригѣ, сопровождаемый богинею Побѣды. По обычаю, которому слѣдовали позднѣе и Птоломеи въ Египтѣ, Мавзолъ былъ женатъ на родной сестрѣ своей Артемизіи, которой и приписывается обыкновенно сооруженіе этой гробницы въ честь супруга, умершаго въ 353 году до Р. Х. Но и Артемизіи не суждено было привести къ концу этотъ памятникъ: она умерла два года спустя послѣ мужа и говорятъ, что великіе художники, изукрасившіе этотъ памятникъ, окончили его на собственный счетъ, ради славы. Въ самомъ дѣлѣ весь древній міръ удивлялся его красотѣ и причислилъ его къ чудесамъ свѣта. По письменнымъ извѣстіямъ мы знаемъ, что мавзолей существовалъ еще въ X, даже въ XII столѣтіи по Р. Х. Повидимому онъ былъ разрушенъ страшнымъ землетрясеніемъ еще до прибытія рыцарей ордена Св. Іоанна въ Малую Азію, которые мраморные блоки этого памятника употребили на сооруженіе крѣпости Св. Петра въ Будрунѣ, городѣ, находящемся на мѣстѣ древняго Галикарнасса и украсили стѣны этой крѣпости фрагментами скульптуръ Мавзолея, которыя впослѣдствіи были изъ нихъ вынуты и теперь тоже находятся въ Англіи. Но бо́льшая часть разбитыхъ землетрясеніемъ скульптуръ найдена была г. Ньютономъ нетронутыми на тѣхъ мѣстахъ, куда они были разбросаны подземными ударами: бронзовыя удила еще находились во рту мраморныхъ колосальныхъ коней, запряженныхъ въ квадригу. Статуя самого Мавзола съ идеализированными, но вѣрно передающими не-эллинскій типъ, чертами лица, лежала разбитая на 60 кусковъ. Кромѣ того г. Ньютонъ нашелъ тамъже фрагменты фриза изумительной красоты, далѣе фрагменты львовъ, которые украшали этотъ памятникъ въ числѣ двадцати и были означены номерами, и даже пантеръ, наконецъ обломки конныхъ мужскихъ статуй, остатки мужскихъ статуй; возсѣдавшихъ на престолахъ, фрагменты разныхъ животныхъ и т. д. И всѣ эти статуи, весь памятникъ былъ расписанъ разными красками. слѣды коихъ, несмотря на вліяніе земли, въ которой они лежали нѣсколько сотъ лѣтъ, явно сохранились. По этому множеству украшеній мы видимъ, что Мавзолей не былъ памятникомъ эллинскаго искусства идеально-простаго періода, а великолѣпною постройкою греко-азіатскаго царька.

Изъ разсказа Клода Гишара, Ліонскаго доктора правъ, въ его сочиненіи: Funerailles et diverses manières d'ensevelir les Romains, Grecs et autres nations, tant anciennes, que modernes. Lyon, 1581, ученому міру извѣстно, какъ въ 1522 году могильный склепъ, въ которомъ покоился столько столѣтій прахъ Мавзола, былъ открытъ и разграбленъ. Поэтому г. Ньютонъ не могъ питать никакихъ надеждъ отыскать царскую гробницу съ столь же драгоцѣнными для мало-азіатской археологіи предметами, какъ тѣ, которые были открыты въ курганѣ Куль-Оба близъ Керчи; но за то онъ сдѣлалъ другое любопытное открытіе: въ скалистомъ грунтѣ, на которомъ стоялъ этотъ памятникъ, онъ нашелъ изсѣченныя въ скалѣ подземныя камеры и саркофаги, которыя очевидно принадлежали предшествовавшимъ Мавзолу вѣкамъ и вовсе намъ неизвѣстнымъ цивилизаціямъ. Также замѣчательны по своей конструкціи каналы и стоки для воды, чрезвычайно неправильные по своему плану, но необходимые для безопасности и прочности зданія, построеннаго, по мысли строителей, на вѣчныя времена. Подземныхъ частей этого зданія, никто не предчувствовалъ и не предполагалъ.

Реставрація Мавзолея, даже послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія г. Ньютона, остается спорнымъ вопросомъ. Причина этого, повидимому страннаго, явленія заключается въ томъ, что не смотря на множество фрагментовъ, скульптурныхъ и архитектурныхъ, открытыхъ г. Ньютономъ (число ихъ простирается, если мы не ошибаемся, до 2000), мы не можемъ себѣ составить, на фактическихъ данныхъ, идеи о цѣломъ: всѣ строительные матеріалы этого памятника пошли на крѣпость Будрунъ. Вотъ отчего реставрація Мавзолея, предложенная въ сочиненіи г. Ньютона архитекторомъ Пулланомъ, которой посвящены много превосходно гравированныхъ листовъ раскошнаго изданія г. Ньютона и которыя можно было съ гораздо бо́льшею пользою для археологіи занять изображеніями статуй и др. предметовъ, опущенныхъ, по неизвѣстной причинѣ, издателемъ, была встрѣчена не только сомнѣніями, но и нашла весьма основательное обсужденіе со стороны извѣстнаго англійскаго архитектора и археолога Фергюссона, въ его сочиненіи: The Mavsoleum at Halicarnassus restored in conformity with the recently discovered remains. By James Fergusson. London. John Murray. 1862. Предложенную имъ самимъ реставрацію Мавзолея г. Фергюссонъ основалъ, не говоря о свидѣтельствѣ Витрувія и найденныхъ остаткахъ, на аналогіи съ дошедшими до насъ сродственными памятниками въ Малой Азіи и Африкѣ. Обѣ реставраціи были подвергнуты критическому разбору въ книгѣ профессора Урлихса: Scopas Leben und Werke von Ludwig Urlichs. Greifswald. 1863. стр. 162, а извѣстія древнихъ писателей объ Мавзолеѣ подвергнуты новому критическому и весьма остроумному разбору извѣстнымъ археологомъ, профессоромъ Штаркомъ, въ журналѣ Philologus. 1864 года, томъ XXI, выпускъ 3-й, стр. 453—472.

Наконецъ, въ нижнихъ частяхъ города Галикарнасса г. Ньютонъ открылъ фундаменты разныхъ зданій, принадлежащихъ римской эпохѣ и фрагменты мозаикъ; на большой террасѣ, между обѣими укрѣпленными вершинами, фундаменты храмовъ, въ другихъ же мѣстахъ города—остатки гимназіи, складъ чрезвычайно важныхъ и любопытныхъ глиняныхъ изображеній разныхъ боговъ, гробницы, саркофаги и т. п. предметы.

Второй томъ сочиненія г. Ньютона посвященъ его изслѣдованію города Книдоса, котораго жители во всѣ времена славились своимъ изящнымъ вкусомъ и покровительствомъ искусствамъ. Извѣстно, какъ высоко они цѣнили талантъ Полигнота; знаменитѣйшая въ мірѣ статуя Венеры, работы Праксителя, украшала особый храмъ этого города. Найти мѣсто нахожденія этого храма, описываемаго Лукіаномъ, г. Ньютону не удалось. За то въ другомъ священномъ округѣ этого города онъ имѣлъ счастіе найти прекрасныя женскія статуи, цѣлый складъ теракоттъ, лампы, вѣсы (весьма странной формы въ видѣ женскихъ грудей), оловянные листики, на которыхъ начертаны разныя формулы проклинанія, очистительныя клятвы и т. п. все важные памятники для познанія культа подземныхъ греческихъ боговъ. Въ Книдосѣ нашелъ онъ также слѣды другихъ храмовъ, театра, одеона, гробницы. Въ этомъ отдѣленіи втораго тома сочиненія г. Ньютона собрано много важныхъ и новыхъ матеріаловъ для изученія религіозныхъ древностей Книдоса. Кромѣ того онъ сообщаетъ много извѣстій о разныхъ книдскихъ туземныхъ художникахъ и художественныхъ произведеніяхъ.

Наконецъ, третій важный отдѣлъ книги г. Ньютона составляетъ изслѣдованіе знаменитой храмовой дороги Бранхидъ, которой сидячія фигуры, по древнему стилю и надписямъ, принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ архаическаго періода греческаго искусства. Десять изъ нихъ, вмѣстѣ со львомъ и сфинксомъ, въ августѣ 1858 года, привезены

были въ Британскій музей, гдѣ поставлены, вѣроятно только на время, въ томъ деревянномъ сараѣ подъ колоннадою, о которомъ мы говорили выше. Въ этихъ сидячихъ фигурахъ, которыя до тѣхъ поръ были извѣстны только по плохимъ гравюрамъ, нельзя не признать тѣсной связи Іоніи съ Египтомъ. О другихъ, не столь значительныхъ розысканіяхъ г. Ньютона, описанныхъ въ его сочиненіи, мы умалчиваемъ.

Открытіемъ такого богатаго и обильнаго матеріала, какъ для исторіи греческаго искусства, такъ и для религіозныхъ древностей, языка и эпиграфики, наука безконечно обязана г. Ньютону, но этотъ матеріалъ еще требуетъ разработки, и пройдутъ годы, въ теченіи которыхъ его сочиненіе будетъ служить богатымъ источникомъ, изъ котораго будетъ черпать нѣмецкая наука. Съ другой стороны—этотъ изслѣдователь обогатилъ Британскій Музей сокровищами, для которыхъ у Музея нѣтъ мѣста. Почва древняго міра еще далеко не исчерпана. Атласъ гравюръ, приложенный къ сочиненію г. Ньютона, который невыразимо возвышаетъ стоимость этого сочиненія, напечатаннаго только въ числѣ 300 экземпляровъ, великолѣпенъ, но далеко, какъ мы сказали, не полонъ относительно сообщенія сдѣланныхъ г. Ньютономъ прекрасныхъ открытій; въ немъ нѣтъ интереснѣйшихъ прекраснѣйшихъ произведеній греческаго рѣзца, имъ открытыхъ; нѣтъ статуи Мавзола и Нике, его сопровождавшей, нѣтъ коней квадриги, нѣтъ торсо скачущей амазонки, ни барельефовъ, ни львовъ. О причинахъ этого упущенія — ни слова.

Въ заключеніи нельзя не пожалѣть, что г. Ньютонъ не обратилъ надлежащаго вниманія на христіанскія древности той страны, которую онъ изслѣдовалъ. А онѣ были у него подъ рукою. Такъ на некрополисѣ Книдосѣ сохранились остатки весьма древней христіанской базилики, которыя ожидаютъ еще новаго изслѣдователя.

Гораздо менѣе замѣчательна по своимъ результатамъ и по самому производству раскопокъ и изслѣдованій была экспедиція въ Кирену, порученная въ 1860 году двумъ британскимъ офицерамъ: капитану Смису и командору Порчеру. Хотя Киренаика, область, лежащая на сѣверномъ берегу Африки, между Египтомъ и Карѳагеномъ, не очень удалена отъ образованныхъ народовъ Европы, но вообще мало ими посѣщалась и почти не была предметомъ археологическихъ изслѣдованій. Не говоря о путешественникахъ прошлаго столѣтія, напр. Лемерѣ, Поль-Люкасѣ, Шау, Гранже и Брюсѣ, въ нынѣшнемъ столѣтіи ее посѣтили только три путешественника-писателя: прусскій генералъ Минутоли въ 1820 году, котораго несчастное начало путешествія въ этой странѣ побудило немедленно воротиться, капитанъ Бичи въ 1821—22 годахъ и французскій художникъ Пашо въ 1824—26, котораго трудъ, состоящій изъ тома текста и 100 таблицъ, до сихъ поръ былъ самое подробное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Его-то рисунками, относительно древней Кирены, пользовался для своей исторіи погребальныхъ обрядовъ народовъ древняго міра Фейдо (Histoire des usages funèbres et des sépultures des peuples anciens, par Ernest Feydeau. Paris. Gide), трудѣ, къ сожалѣнію, не доведенномъ къ концу. Пашо снялъ много рисунковъ замѣчательныхъ гробницъ Кирены. Но произведеній античнаго ваянія на этой почвѣ почти не отыскивали и только въ послѣднее время французскій консулъ въ Бенгази Ваттье де Бурвилль прислалъ оттуда много мелкихъ древностей въ Лувръ. Извѣстія древнихъ писателей: Геродота, Саллюстія и т. д, собраны въ сочиненіи ученаго Датчанина Триге: Historia Cyrenes. Havniae. 1819. Результаты же послѣдней англійской экспедиціи изложены въ роскошномъ изданіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: History of the recent disco-

veries at Cyrene. Made duringan expedition to the Cyrenaïca in 1860—61, under the auspices of Her Majesty's Government. By Captain R. Murdoch Smith, R. E. and Commander E. A. Porcher, R. N. London. Day and Son. 1864. Сочиненіе это великолѣпно иллюстрировано: оно содержитъ 61 литографію и политипажей, 16 прекрасныхъ фотографій и 10 литографированныхъ таблицъ снимковъ съ неизданныхъ надписей. Текстъ ясенъ, пріятно и скромно написанъ и все, что относится до раскопокъ очень любопытно. Историческія свѣдѣнія о Киренаикѣ почерпнуты авторами изъ извѣстныхъ въ Англіи популярныхъ словарей о древней исторіи и географіи д—ра Улльяма Смиса. Главною цѣлію экспедиціи было—обогатить изъ нѣдръ земли Британскій Музей сокровищами античнаго рѣзца: съ этой точки зрѣнія должно обсуждать это сочиненіе и тѣ результаты, которые оно предлагаетъ.

Область Киренаика,получившая свое имя отъ главнаго города Кирены, носила это названіе во времена Римлянъ, которые смотрѣли на эту страну, какъ на одну изъ провинцій своей обширной имперіи. Но во времена Птоломеевъ пять греческихъ колоній этой мѣстности составляли конфедерацію, которая была извѣстна подъ коллективнымъ именемъ: Пентаполисъ. Эти пять городовъ были: Кирена, Птолемаида, Тавхейра, Гесперисъ (или Береника) и Аполлонія. Это была богато орошаемая и плодородная страна, въ которой жатвы продолжались цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Тутъ росло то загадочное растеніе, извѣстное у древнихъ подъ именемъ sylphium, о которомъ новѣйшіе ученые такъ много писали. Процвѣтанію греческихъ городовъ этого Пентаполиса содѣйствовали мореплаваніе, торговля, искусства и ремесла и вообще предпріимчивый духъ народонаселенія. Главный городъ Пентаполиса Кирена былъ основанъ въ прекраснѣйшей мѣстности Греками съ острова Теры, въ 631 году до Р. Х, Онъ славился своими чудными храмами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ храмъ Аполлона. Акрополисъ города былъ укрѣпленъ. Кирена славилась также своими медиками; тутъ родились философы Аристидъ, поэтъ Каллимахъ, Эратосфенъ и Карнеадъ. Исторія этой федеративной республики довольно однообразна: смуты, вражды, демократическія безпорядки и введеніе тираніи. Наконецъ она досталась во власть Птоломею Лагу. Послѣдній изъ Птоломеевъ, Апіонъ завѣщалъ страну Римлянамъ въ 96 году до Р. Х., которые и назвали ее Киренаикою. Послѣ паденія Римской Имперіи, она была завоевана Либійцами, потомъ Арабами и цвѣтущій садъ Либіи, одна изъ житницъ Рима, соперница Карѳагена, торговавшая съ Византіею, Тиромъ и приильскими странами, превращена въ пустыню. Въ Киренѣ сохранились только фундаменты огромныхъ храмовъ и другихъ зданій, части античныхъ мостовыхъ, на которыхъ еще видны колеи отъ римскихъ колесницъ и множество гробницъ и гробовыхъ камеръ, съ фасадами на подобіе греческихъ храмовъ, фронтонами и колоннами. Впрочемъ гробницы Кирены принадлежатъ различнымъ вѣкамъ и созданы подъ различными вліяніями. Многіе изъ гробовыхъ камеръ были расписаны, и въ выше названномъ сочиненіи гг. Смиса и Порчера есть любопытные образцы этой стѣнной живописи. Въ этихъ жилищахъ смерти нынѣ живутъ жалкіе обитатели этой страны и въ одномъ изъ удобнѣйшихъ жилищъ этого рода здѣсь жили наши англійскіе изслѣдователи. Авторы также изслѣдовали остатки многихъ храмовъ и зданій, которыхъ планы изданы въ ихъ сочиненіи, но самое любопытное въ ихъ книгѣ — это рядъ превосходныхъ фотографій съ статуй, бюстовъ и рельефовъ, открытыхъ ими въ Киренѣ и нынѣ сохраняемыхъ въ Британскомъ Музеѣ, въ отдѣленіи, еще неоткрытомъ для публики. Хотя эти скульптуры, принадлежащія греческимъ и римскимъ временамъ, не одинаковаго досто-

ществà, но тѣмъ не менѣе онѣ обогащаютъ извѣстный намъ запасъ антиковъ. Онѣ хорошее приращеніе даже для Музея, обладающаго парѳенонскими, эгинскими и галикарнасскими мраморами. Любопытны слѣды полихроміи, бывшіе на многихъ изъ этихъ скульптуръ при открытіи ихъ. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ—бронзовая голова, найденная въ первобытной целлѣ храма Аполлона, одиннадцать футовъ подъ мозаичнымъ поломъ, принадлежащимъ римскому періоду. По разнымъ признакамъ можно предполагать, что это греческое произведеніе искусства. Типъ головы—болѣе аѳриканскій, чѣмъ греческій или римскій; можетъ быть это портретъ какого нибудь нумидійскаго или мавританскаго царя. Бѣлки глазъ были изъ стеклянной пасты, отчасти сохранившейся; рѣсницы обозначены врѣзанными линіями, а губы выложены тонкою серебряною пластинкою, чтобы выразить различіе между цвѣтомъ губъ и цвѣтомъ лица. Волосы отдѣланы съ большою тщательностію. Можно предположить, что эта голова есть произведеніе той реалистической портретной школы, которая возникла въ Греціи во время Лизиппа. Извѣстны стремленія его брата въ этомъ смыслѣ. Изъ найденныхъ въ Киренѣ прочихъ скульптуръ замѣчательны статуи Вакха, Аполлона-Китареда, Императора Адріана, торсъ Аѳродиты, бюстъ Аѳины и т. д. Впрочемъ особыхъ художественныхъ достоинствъ или археологическаго значенія онѣ не имѣютъ. О древностяхъ прочихъ городовъ Пентаполиса наши изслѣдователи сообщаютъ весьма скудныя свѣдѣнія: они посѣтили ихъ и осмотрѣли, какъ говорятъ, на лету. Остатки древняго города Аполлоніи, говорятъ они, мало интересны и кажется принадлежатъ, сравнительно, позднему періоду; но здѣсь нашли они слѣды христіанства, два креста латинской формы, вырѣзанные на мраморѣ. Тавхейра, во время Птоломеевъ получившая названіе Арсиноэ, состоитъ изъ мало интересныхъ развалинъ римскаго періода. Хорошо сохранились городскія стѣны, перестроенныя Императоромъ Юстиніаномъ, съ 26 четвероугольными башнями; кромѣ того видны слѣды языческихъ храмовъ и христіанскихъ церквей (въ одной путешественники видѣли крестъ греческой формы и многочисленныя гробницы въ скалахъ). Въ Птолемаидѣ нѣтъ замѣчательныхъ развалинъ, кромѣ одной большой гробницы, западныхъ городскихъ воротъ отличной кладки и множества, цистернъ. Уже по однимъ этимъ скуднымъ указаніямъ можно заключить, что Киренаика—страна, достойная болѣе внимательнаго археологическаго изслѣдованія.

Англійскіе путешественники изслѣдовали кромѣ того въ эти послѣдніе годы и нѣкоторыя другія страны древняго міра и производили въ нихъ раскопки. Такъ Анри Райндъ спеціальнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій избралъ некрополисъ древнихъ Ѳивъ, въ которомъ онъ производилъ раскопки и имѣлъ счастіе открыть нетронутую гробницу, совсѣми ея украшеніями. Это счастливое открытіе онъ описалъ въ прекрасно изданной книгѣ: Thebes, its tombs and their tenants; a record of excavations in the necropolis. By A. Henry Rhind. London. 1862; предметы же, имъ найденные, авторъ принесъ въ даръ королевскому Музею въ Эдинбургѣ. Несравненно важнѣе по результатамъ своимъ для науки были розысканія и раскопки У. К. Лоттуса въ Халдеѣ и Сузіанѣ, описанныя въ изданной имъ книгѣ: Travels and researches in Chaldaea and Susiana, with an account of excavations at Warka, the «Erech» of Nimrod and Shúsh, «Shushan the palace» of Esther, in 1849—52. By William Kennet Loftus. London. James Nisbet and C°. 1857. Г. Лоттусъ былъ членомъ персидско—турецкой комиссіи для регуляризаціи границъ и въ 1849 по 1852 году посѣтилъ Халдею и Сузіану, гдѣ и производилъ раскопки, по внѣшнимъ результатамъ далеко не-

столь блестящія, какъ раскопки Лэярда въ Ниневіи, но тѣмъ не менѣе важныя для познанія страны, столь мало изслѣдованной не только въ археологическомъ, но и въ географическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ путешествія, вообще рѣдкія въ Халдеѣ, для европейцевъ соединены съ безпрерывными опасностями для жизни, какъ по самому образу путешествія въ лодкахъ по нездоровымъ болотамъ, еще извѣстнымъ въ древности подъ именемъ Paludes Babyloniae, подъ палящимъ солнцемъ Вавилоніи, такъ и по причинѣ подозрительнаго характера разбойничьихъ арабскихъ племенъ, обитающихъ въ этихъ пустынныхъ странахъ. Авторъ началъ свои изслѣдованія съ самой сѣверной изъ развалинъ, Ниффера, уже посѣщенной Лэярдомъ. Всѣ халдейскія развалины носятъ на себѣ одну черту: онѣ отличаются отъ ассирійскихъ отсутствіемъ скульптуръ, что вѣроятно, зависитъ отъ отсутствія годнаго для этого искусства матеріала. Но г. Лофтусъ открылъ тутъ обширный некрополисъ, съ тысячами саркофаговъ и урнъ; доказательство, что это мѣсто пользовалось въ древности особымъ почетомъ для погребанія мертвыхъ и этотъ обычай до сихъ поръ живетъ еще у Персовъ—шіитовъ. Раулинсонъ полагаетъ, что Нифферъ тождественъ съ городомъ Кальне, упоминаемомъ въ Библіи. Гораздо южнѣе лежитъ развалина Гамманъ, башня, схожая съ Бирсъ-Нимрудомъ въ Вавилонѣ. Что это былъ храмъ, можно предполагать по весьма испорченной статуѣ изъ чернаго гранита, открытой недалеко отъ развалинъ. Г. Лофтусъ не производилъ тутъ раскопокъ, точно также, какъ и въ Тель-Эзе, искусственномъ холмѣ, около 90 футовъ высоты и 2500 въ окружности. Замѣчательнѣйшая изъ халдейскихъ развалинъ есть Варка, лежащая въ самой мертвенной пустынѣ. Развалины ея громадны: въ центрѣ ихъ лежитъ башня, до сихъ поръ имѣющая до 100 футовъ вышины, построенная изъ кирпичей, высушеныхъ на солнцѣ и, по системѣ построенія, принадлежащая къ древнѣйшимъ зданіямъ Вавилоніи. На кирпичахъ находятся надписи, писанныя весьма сложными вавилонскими клинообразными надписями, смѣшанными со многими монограммами. Столь же замѣчательны развалины другой гигантской постройки, извѣстной подъ именемъ Вусвасъ. Зданіе это, лишенное всякихъ украшеній, импонируетъ своею массивностью: повидимому построенное на террассѣ, оно внѣшнимъ видомъ мало отличалось отъ ассирійскихъ дворцовъ. Некрополисъ Варки превосходитъ всякое вѣроятіе: едва ли есть мѣсто въ мірѣ, которое можно въ этомъ отношеніи сравнить съ Варкою. На глубинѣ 60 футовъ были находимы еще саркофаги, такъ что земля покрываетъ здѣсь нѣсколько слоевъ гробницъ, одинъ другаго ниже. Саркофаги самой разнообразной формы. Древнѣйшіе же трупы схоронены не въ саркофагахъ, а въ урнахъ, внутри засмоленныхъ, съ отверстіемъ, заложеннымъ кирпичами. Другая форма урнъ, овальная, болѣе походитъ на саркофаги: снявъ крышу, находишь скелетъ, лежащій на лѣвомъ боку, съ согнутыми колѣнами. На рукахъ и ногахъ—кольца. Число глиняныхъ глазированныхъ сарофаговъ—безконечно: по формѣ своей они похожи на башмакъ, но работаны весьма симметрично и изящно. На широкомъ концѣ есть отверстіе, всегда тщательно закрытое, въ которое втискивали трупъ покойника. На нижнемъ концѣ находится отверстіе, въ которое улетучивались газы, происходящія отъ разложенія трупа; оттого эти саркофаги никогда не трескаются. На верхней сторонѣ саркофага обыкновенно встрѣчается изображеніе воина въ туникѣ и широкихъ нижнихъ одеждахъ. Иногда лица покойниковъ покрыты тонкою золотою пластинкою. Кромѣ разныхъ украшеній встрѣчаются глиняныя лампады, стеклянные сосуды и костяныя фигуры. Иногда около саркофаговъ находятъ и мѣдныя мо-

неты, по словамъ Лофтуса, парѳянскія, — это свидѣтельствуетъ, что это мѣсто служило некрополисомъ и во время владычества Парѳянъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и терракоттовыя статуэтки съ несомнѣнно греческимъ вліяніемъ, а возлѣ нихъ глиняныя доски съ клинообразными надписями, на которыхъ, по увѣренію Раулинсона, начертаны имена Навуходоносора, Кира и Камбиза. Хотя Лофтусъ производилъ на этомъ мѣстѣ раскопки въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но можно утвердительно сказать, что будущимъ археологамъ предстоитъ еще открыть древне-вавилонскія гробницы.—Столь же любопытныя раскопки производилъ г. Лофтусъ въ развалинахъ Синкары, гдѣ онъ нашелъ развалины зданія съ нѣсколькими этажами, которыя возвышались террасами; надписи, найденныя въ гробницахъ, доказываютъ, что это весьма древній городъ. Наконецъ, описаніе развалинъ Сузы, изслѣдованныхъ г. Лофтусомъ, проливаетъ новый свѣтъ на древности персидскія, но тѣмъ не менѣе на этой почвѣ осталось еще много работы для будущихъ археологовъ. Страбонъ (XV, 73) именно говоритъ, что изъ всѣхъ царскихъ дворцовъ Персіи, дворецъ въ Сузѣ былъ самый изукрашенный. По словамъ Эліана, при бракосочетаніи Александра Великаго въ дворцѣ Сузѣ было приготовлено не менѣе 90 брачныхъ комнатъ и пиршественный залъ, въ которомъ было мѣсто для ста триклиній.

Всѣ новѣйшіе научные результаты, заключающіеся въ путешествіяхъ по Халдеѣ—Лофтуса, по Ассиріи—Ботты и Леярда, въ различныхъ статьяхъ Журнала Азіатскаго Общества (Journal of the Asiatic Society) и въ Журналѣ Географическаго Общества (Journal of the Geographical Society) соединилъ въ одномъ трудѣ, который долженъ выйти въ трехъ томахъ, извѣстный переводчикъ Геродота, братъ знаменитаго чтеца клинообразныхъ ассирійскихъ надписей, профессоръ Оксфордскаго университета Дж. Роулинсонъ. Первый томъ этого сочиненія, вышедшаго подъ заглавіемъ: The five great monarchies of the eastern World, or the history, geography and antiquities of Chaldea, Assyria, Babylon Media and Persia, collected and illustrated from ancient and modern sources. By George Rawlinsons. London. John Murray. 1862. Второй томъ то же вышелъ, но нами еще не полученъ. Первый томъ распадается на двѣ части: первая посвящена древнѣйшей монархіи—Халдеи. Послѣ общаго описанія страны, ея климата, продуктовъ и народовъ, авторъ изслѣдуетъ языкъ и систему письма, искусства и науки, нравы и обычаи, религію, исторію и хронологію Халдеянъ. Вторая часть перваго тома, расположенная въ томъ же порядкѣ матерій, останавливается на архитектурѣ и прочихъ искусствахъ Ассиріянъ. Все сочиненіе иллюстрировано множествомъ отчетливо сдѣланныхъ политипажей, для которыхъ авторъ отчасти пользовался неизданными рисунками, сдѣланными художниками, сопровождавшими г. Лофтуса; эти рисунки нынѣ хранятся въ Британскомъ Музеѣ. Что касается до чтенія и объясненія клинообразныхъ надписей, то онъ многимъ обязанъ своему знаменитому брату сэру Анри Раулинсону.

По порученію Британскаго Правительства развалины Карѳагена изслѣдовалъ и производилъ тамъ раскопки Д-ръ Н. Девисъ. Результаты этой экспедиціи, которая главною цѣлію имѣла не изслѣдованіе въ надлежащихъ размѣрахъ топографіи этого важнѣйшаго города сѣверной Африки, а открытіе разныхъ древностей для Британскаго Музея, изложены имъ въ сочиненіи: Carthage and her remains. Being an account of the excavations and researches on the site of the phoenician metropolis in Africa and other adjacent places. By D. N. Davis. London. 1861.

Г. Девисъ оставляетъ читателя въ неизвѣстности, въ которомъ году и сколько лѣтъ провелъ онъ на карѳагенской почвѣ: изъ нѣкоторыхъ указаній можно вывести заключеніе, что онъ изслѣдовалъ эту страну въ теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ. Британское Правительство дало ему богатыя субсидіи всякаго рода и въ теченіи этого времени, до 1858 года, онъ изучалъ и изслѣдовалъ обширное пространство, занимаемое нѣкогда Карѳагеномъ, Утикою, долго съ нимъ соперничавшею и другіе пункты. Онъ едва успѣлъ познакомиться съ способомъ, какъ производить на этой почвѣ раскопки и намѣревался ревностно повести ихъ, какъ вдругъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, Британское Правительство приказало ему прекратить ихъ. Г. Дэвисъ снова покрылъ землею разрытыя имъ мѣста, предоставляя будущимъ археологамъ продолжать начатыя имъ изслѣдованія. Многочисленныя и многолѣтніе труды г. Девиса, проливающіе новый свѣтъ на сѣверно-африканскія древности, заслуживаютъ полнаго вниманія и одобренія. Онъ обогатилъ Британскій Музей большимъ количествомъ различныхъ предметовъ древности и въ особенности большимъ числомъ древнихъ надписей, имъ открытыхъ на этой почвѣ. Онъ изслѣдовалъ точнѣе положеніе многихъ древнихъ городовъ и мѣстностей. Задача его была сопряжена со множествомъ трудностей: ему слѣдовало пролагать себѣ путь черезъ нѣсколько слоевъ цивилизацій, процвѣтавшихъ нѣкогда на этой нынѣ мертвенной почвѣ, черезъ древности магометанскія, византійскія, вандальскія и римскія, чтобы достичь до остатковъ цивилизаціи финикійской и еще болѣе древней, чисто-африканской. Пунійско-финикійскія древности принадлежатъ къ самымъ любопытнымъ и темнымъ задачамъ науки. Добраться до нихъ въ Карѳагенѣ и Утикѣ также трудно, какъ въ Финикіи и Палестинѣ—до чисто-финикійскихъ. Для уразумѣнія значенія, роли и важности древне-финикійской и карѳагенской цивилизаціи и науки авторъ сдѣлалъ два важныя открытія. Кто ближе знакомъ съ историческими судьбами финикійскаго народа, тотъ, по письменнымъ памятникамъ, знаетъ, что за много столѣтій до процвѣтанія искусствъ въ Греціи, этотъ народъ былъ весьма искусенъ во всѣхъ тѣхъ искусствахъ, которыя служатъ утонченнымъ наслажденіямъ жизни. Но у насъ не было вещественныхъ для того доказательствъ или памятниковъ. Г. Девисъ имѣлъ счастіе открыть ихъ нѣсколько и въ томъ числѣ весьма важные. Первое мѣсто занимаетъ открытая имъ на почвѣ Карѳагенѣ, на значительной глубинѣ, большая мозаика, которая, по своему характеристическому стилю и художественному совершенству, даетъ намъ высокое понятіе о процвѣтаніи финикійскаго искусства. Г. Девисъ приложилъ къ своему сочиненію очеркъ этого большаго мозаичнаго пола, а въ хромолитографіи нѣкоторыя детали. На одномъ полѣ этой мозаики, которой орнаментика чрезвычайно—оригинальна и по стилю совершенно сходна съ съ орнаментами на финикійскихъ памятникахъ другихъ родовъ, изображена въ широкихъ одеждахъ жрица, пляшущая передъ идоломъ. При скудости памятниковъ финикійскаго искусства, находимыхъ на этой измученной и истощенной почвѣ, открытіе г. Девиса имѣетъ особую важность. Причины этой скудости понятны: Римляне мечемъ и огнемъ разрушали зданія столь ненавистнаго имъ Карѳагена. Но при этомъ разрушеніи трудно было повидимому совершенно уничтожить большой мозаичный полъ: вотъ почему онъ въ теченіи двухъ тысячелѣтій сохранился въ довольно значительныхъ фрагментахъ подъ развалинами другихъ зданій, которыя воздвигли на этомъ мѣстѣ позднѣйшія цивилизаціи. — Другимъ вещественнымъ свидѣтельствомъ о величавомъ и оригинальномъ характерѣ финикійской архитектуры служатъ обширныя цистерны и остатки

древнихъ водопроводовъ, описываемые г. Девисомъ. Что они несомнѣнно финикійскаго происхожденія — свидѣтельствуютъ черты, имъ общія съ памятниками, которые описываетъ и изображаетъ г. Ренанъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о Финикіи. Впрочемъ всѣ открытыя имъ карѳагенскія памятники авторъ обѣщалъ издать въ снимкахъ и описать въ особомъ сочиненіи, которое должно выйти подъ заглавіемъ: Carthaginian remains illustrated. Къ важнѣйшимъ находкамъ г. Девиса принадлежитъ неожиданно — богатое открытіе финикійскихъ надписей, значительно увеличивающее нашъ запасъ матеріаловъ для изученія этого языка. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ большая Карѳагенская надпись, сообщаемая имъ въ снимкѣ и нынѣ послужившая предметомъ цѣлаго сочиненія знаменитому нѣмецкому эбраисту, профессору Эвальду. Всѣ открытыя г. Девисомъ надписи, Британскій Музей издалъ въ 1863 году въ превосходныхъ снимкахъ отдѣльнымъ томомъ. Но указывая на замѣчательный матеріалъ, предлагаемый наукѣ г. Девисомъ въ его книгѣ о Карѳагенѣ, точно также, какъ въ другомъ сочиненіи, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, мы должны упомянуть и о слабыхъ сторонахъ его книги, о которыхъ до сихъ поръ молчали. Подобно бо́льшей части своихъ соплеменниковъ, г. Девисъ, что̀ явствуетъ изо всѣхъ его трудовъ, не былъ достаточно научно подготовленъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, о которыхъ часто говоритъ въ своей книгѣ. Съ трудами новѣйшихъ изслѣдователей финикійской древности онъ, по возвращеніи своемъ въ Англію, даже не постарался поближе ознакомиться и расширить такимъ образомъ свой тѣсный кругъ свѣдѣній. Топографія Карѳагена остается и послѣ его розысканій во многихъ пунктахъ еще не рѣшеннымъ вопросомъ, а полемика его противъ положеній, высказанныхъ французскимъ археоломъ Бэлэ въ его сочиненіи о Карѳагенѣ, носитъ на себѣ характеръ національной непріязни.

Тотъ же самый авторъ описалъ предпринятое имъ на собственный счетъ въ апрѣлѣ и маѣ 1859 года обширное путешествіе въ римскія провинціи Африки въ другомъ сочиненіи: Ruined cities within Numidian and Carthaginian territories. By N. Davies. With map and illustrations. London. John Murray. 1862. Авторъ изъ Туниса посѣтилъ всѣ обширныя провинціи, которыми нѣкогда владѣли Римляне въ Африкѣ, достигъ на ю-з. до Тебессы (въ древности Тебесте) въ Алжиріи и по восточному морскому берегу Тунисскаго государства возвратился въ Тунисъ. Преимущественное вниманіе его было обращено на развалины древнихъ городовъ въ этой, нѣкогда столь процвѣтавшей, странѣ, которую въ прошломъ столѣтіи посѣтилъ Англичанинъ Шоу, котораго сочиненіе и до сихъ поръ служило однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для познанія этихъ мѣстностей. Главнѣйшая заслуга этой новой книги г. Девиса состоитъ не въ его топографическихъ изслѣдованіяхъ, но въ сообщеніи 52 имъ самимъ списанныхъ и 36 латинскихъ надписей, найденныхъ имъ въ старинныхъ ненапечатанныхъ описаніяхъ путешествій, хранящихся въ домѣ одного консула въ Тунисѣ. Впрочемъ, это второе сочиненіе г. Девиса имѣетъ еще менѣе научныхъ достоинствъ, чѣмъ первое: оно въ высшей степени поверхностно. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только прочесть напр. стр. 140 и страницы 145—148, озаглавленныя имъ: Vestiges of african christianity. Подобныя заглавія весьма заманчивы, но содержаніе страницъ, имъ прикрытое, крайне жалко. Научныхъ описаній древностей въ этой книгѣ искать не слѣдуетъ: авторъ старался удовлетворить только разнообразному вкусу читателей путевой литературы и совершенно успѣлъ въ своемъ стремленіи. Бо́льшую часть этой книги занимаютъ личныя похожденія автора, описаніе его встрѣчъ съ Арабами, ихъ нравовъ и образа жизни, разговоры съ ними, перемѣ-

шанные для колорита, тьмою арабскихъ словъ и изреченій, понятныхъ однимъ оріенталистамъ. Отъ подобнаго изложенія археологическихъ путешествій наука ничего не пріобрѣтаетъ.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ археологовъ Эдуардъ Фалькенеръ, въ теченіи нѣсколько лѣтъ издававшій хорошій журналъ, исключительно посвященный восточному и классическому искусству: The museum of classical antiquities. A quaterly journal of ancient art., въ 1845 году провелъ двѣ недѣли на мѣстѣ древняго славнаго города Эфеса, столь знаменитаго храмомъ и культомъ Діаны Эфесской. Здѣсь снялъ онъ много видовъ этой мѣстности, нынѣ болотистой и необитаемой, и три важныхъ плана, изъ которыхъ самый большой изображаетъ главнѣйшія зданія города отъ горы Піонъ до городовой гавани. Эти рисунки, долгое время хранившіеся въ его портфелѣ, послужили ему недавно къ изданію великолѣпно иллюстрированной монографіи этого города, подъ заглавіемъ: Ephesus and the temple of Diana. By Edward Falkener. London. Day and Son. 1862. Но такъ какъ авторъ не производилъ раскопокъ на этомъ забытомъ, но нѣкогда всемірно славномъ мѣстѣ Малой Азіи, то и для него, не смотря на всѣ остроумныя предположенія, мѣстонахожденіе храма Діаны Эфесской, причисленнаго древностью къ семи чудесамъ свѣта, осталось загадкою. Онъ не нашелъ даже малѣйшаго слѣда его. Нѣтъ сомнѣнія, что его фундаменты должны скрываться подъ одною изъ тѣхъ искусственныхъ насыпей, которымъ подобныя скрывали столь долго ниневійскіе дворцы, хотя г. Фалькенеръ и предполагаетъ, что онъ лежалъ на низменномъ, нынѣ совершенно болотистомъ, мѣстѣ. Съ новѣйшими изслѣдованіями нѣмецкихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ, напр. Урлихса и Брунна и съ новѣйшими результатами критики текста Плинія авторъ, къ сожалѣнію, вовсе незнакомъ.

Классическая археологія въ настоящее время имѣетъ весьма мало представителей въ Англіи. О книгѣ извѣстнаго англійскаго ваятеля г. Уэстмакотта: Handbook of sculpture, ancient and modern. By Richard Westmacott. Edimburgh. Black. 1864, происшедшей изъ статьи, напечатанной въ Британской Энциклопедіи (Encyclopaedia Britannica), здѣсь не можетъ и быть рѣчи, хотя авторъ и посвятилъ бо́льшую половину своего сочиненія античной спульптурѣ. Въ ней любопытна только полемика художника противъ полихроміи античной скульптуры. Э. Фалькенеръ, авторъ сочиненія о городѣ Эфесѣ и храмѣ Діаны Эфесской, о которомъ мы сейчасъ говорили, написалъ роскошно — изданное съ прекрасными фотографіями съ разныхъ античныхъ статуй, разсужденіе о причинахъ и началахъ превосходства греческой скульптуры подъ заглавіемъ: Daedalus; or the causes and principls of the excellence of grec sculpture. By Edward Falkener. London. Longmann. 1860. Для археолога въ этомъ сочиненіи есть двѣ интересныя главы: шестая — о колоссальной скульптурѣ (стр. 95) и седьмая о хризелефантинной скульптурѣ и полихроміи (стр. 104). Весьма любопытное и прекрасно изданное сочиненіе объ античныхъ рѣзныхъ камняхъ, ихъ происхожденіи, употребленіи и цѣнности, о важности ихъ для объясненія древней исторіи и религіи и для пониманія древняго искусства, написалъ г. Кингъ: Antique Gems; their origin, uses, and value, as interpreters of ancient history and as illustrative of ancient art. By Rev. C. W. King. London. Murray. 1861. Наконецъ съ похвалою должно еще упомянуть объ обширномъ сочиненіи о вазахъ древняго міра, изданномъ со множествомъ раскрашенныхъ гравюръ и политипажей извѣстнымъ англійскимъ археологомъ Самуэлемъ Берчемъ, подъ заглавіемъ: History of ancient pottery, By Samuel Birch. 2 vol. London. Murray. 1858. Первый томъ этого сочиненія посвященъ египетскимъ, ассирійскимъ и греческимъ вазамъ; второй, по окончаніи описанія

греческихъ вазъ, этрускимъ и римскимъ. Вмѣстѣ съ изумительно-ученымъ сочиненіемъ Отто Яна, эта книга почти завершаетъ изученіе, по крайней мѣрѣ, внѣшней стороны этого предмета.

III.

Совершенно иной характеръ сравнительно съ дѣятельностію двухъ предыдущихъ странъ имѣетъ въ настоящее время археологическая дѣятельность Германіи: она не изслѣдуетъ въ ученыхъ экспедиціяхъ неописанные памятники отдаленныхъ странъ, не открываетъ въ нѣдрахъ земли неожиданныя сокровища античнаго искусства. У нея нѣтъ богатыхъ диллетантовъ науки, какъ во Франціи и Англіи, у нея нѣтъ теперь и правительства, снаряжающаго ученыя миссіи, поддерживаемыя могущественнымъ флотомъ и войсками. Послѣдній нѣмецкій монархъ, посылавшій замѣчательныя археологическія экспедиціи—былъ покойный король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ IV: всѣмъ извѣстны превосходные результаты снаряженныхъ имъ экспедицій Лепсіуса, Бругша и Зальценберга. Съ нимъ, повидимому, умерли послѣдніе коронованные меценаты науки въ Германіи, потому что то, что въ недавное время сдѣлано было прусскимъ правительствомъ для геніальнаго изслѣдователя греческихъ храмовъ — Беттихера столь ничтожно, что совѣстно вспомнить о такомъ образѣ поощренія науки, какой нынѣ встрѣчается въ Германіи, или лучше сказать въ государствѣ, стоящемъ во главѣ науки въ Германіи, въ Пруссіи.

Эта единственная, на правительственныя средства устроенная экспедиція, была снаряжена въ Грецію на изумительно-короткій срокъ—на три мѣсяца, по совѣту знаменитаго Бэка, во время министерства Бетмана — Гольвега. Въ ней принимали участіе: профессоръ Беттихеръ, археологъ и, какъ ученый архитекторъ, весьма искусный рисовальщикъ, архитекторъ Штракъ, извѣстный своими познаніями въ античной архитектурѣ, базельскій профессоръ Фишеръ и еще два лица. Въ Аѳинахъ къ нимъ присоединился извѣстный знатокъ греческихъ древностей, профессоръ Курціусъ. Главною цѣлію работъ г. Беттихера было изслѣдованіе храмовъ Акрополиса Аѳинскаго, а г. Штрака — разрытіе театра Діонисія; ученые археологи обратили также вниманіе на изслѣдованіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ Пниксомъ, Агорою, древними стѣнами, укрѣпленіями и гаванями Аѳинъ. Хотя всѣ эти зданія и мѣстности были изслѣдованы обществомъ диллетантовъ. Додвелемъ, Ликомъ, Кокерелемъ, Пенрозомъ и Бэлэ, тѣмъ не менѣе эта многоизслѣдованная почва привела членовъ прусской экспедиціи къ неожиданнымъ и блестящимъ открытіямъ. Общіе результаты экспедиціи до сихъ поръ извѣстны только отрывочно, отчасти по литературнымъ органамъ археологіи: вѣроятно они составятъ особую публикацію, но намъ еще ничего неизвѣстно объ ея выходѣ. Профессоръ Беттихеръ изслѣдовалъ въ этой экспедиціи преимущественно Пропилеи и два славнѣйшіе храма Аѳинъ, а именно: Эрехтеіонъ и Парѳенонъ, а также и первоначальный планъ древнѣйшихъ храмовъ этого имени, погибшихъ при взятіи Аѳинъ Персами. О своихъ розысканіяхъ и наблюденіяхъ надъ ними онъ издалъ предварительное извѣстіе подъ заглавіемъ: Bericht über die Untersuchungen auf der Akropolis von Athen im Frühjahr 1862. Von Carl Boetticher. Berlin. Ernst und Korn. 1863. Разрытіе театра Вакха, произведенное на собственный свой счетъ архитекторомъ Штракомъ, привело къ одному изъ прекраснѣйшихъ открытій новѣйшаго

времени въ области греческихъ древностей: послѣ многихъ столѣтій забвенія открытъ былъ театръ, по построенію своему относящійся ко временамъ Ѳемистокла, его лѣстница, каменныя сидѣнья, и, что всего замѣчательнѣе, рядъ мраморныхъ сѣдалищъ (προεδρίαι), украшенныхъ иногда рельефами, съ надписями, въ которыхъ обозначено, какія лица, а именно жрецы Діонисія, Зевса, Аполлона, Посейдона, Артемиды, Адріана, главатые, стратеги и т. д. пользовались привиллегіею возсѣдать на нихъ во время театральныхъ представленій драммъ Софокла, Еврипида, комедій Аристофана и т. д. Всѣ сѣдалища были расположены вокругъ орхестры и въ центрѣ ихъ находился тронъ жреца Вакха-Спасающаго (ΙΕΡΕΩΣ ΔΙΟΝΥΣΟΝ ΕΛΕΥΘΕ ΡΕΩΣ). Слѣпокъ съ этого замѣчательнаго сѣдалища находится нынѣ въ Парижской Библіотекѣ Сорбонны, а изображеніе издано въ Декабрьской книжкѣ Revue archéologique 1862 года. На этомъ-то почетномъ мѣстѣ,отовсюду зримый и всѣми видимый, возсѣдалъ жрецъ Вакха, потому что этому богу былъ посвященъ театръ. Какъ комично должны были раздаваться въ ушахъ зрителей слова актера, игравшаго роль Вакха въ Лягушкахъ Аристофана! Богъ, при видѣ Ахерона, приходитъ въ ужасъ и обращаясь къ своему жрецу, присутствовавшему при представленіи этой комедіи, говоритъ: «Ты, мой жрецъ, спаси меня отсюда и пусть я буду твоимъ спутникомъ пировъ.» Такъ археологія живо объясняетъ намъ замѣчательное явленіе литературы. Число всѣхъ сѣдалищъ съ надписями, открытыхъ въ нижней части театра Вакха, простирается до 58; кромѣ того найдены разныя другія надписи и три пьедестала, изъ которыхъ на двухъ стояли статуи Императора Адріана. Одна изъ нихъ изображала его въ образѣ Императора, другая — архонта. Отчетливаго описанія всѣхъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ театрѣ Вакха, до сихъ поръ нѣтъ. Извѣстный знатокъ устройства древнихъ театровъ профессоръ Визелеръ обѣщаетъ издать объ нихъ обширную монографію, подъ заглавіемъ: Ueber das dionysische Theater zu Athen mit besonderes Berücksichtigung der neueren Entdeckungen. Наконецъ, проф. Е. Курціусъ издалъ и результаты своихъ изслѣдованій о Пниксѣ и городовыхъ стѣнахъ Аѳинъ: Attische Studien von E. Curtius. I. Pnyx und Stadtmauern.

Частные лица, т. е. Нѣмецкіе ученые, рѣдко предпринимаютъ на собственный счетъ путешествія въ отдаленныя страны классическаго міра; даже близкая Италія для многихъ на всю жизнь остается предметомъ страстныхъ стремленій. Въ послѣднее время Грецію посѣтили два молодыхъ ученыхъ гг. Михаэлисъ и Конце. Отчеты ихъ были напечатаны въ изданіяхъ археологическаго института въ Римѣ. Г. Конце, нынѣ профессоръ въ Галле, издалъ весьма основательное описаніе своихъ изслѣдованій греческихъ древностей на островахъ Ѳракійскаго моря особою монографіею подъ заглавіемъ: Reise auf den Inseln des Thrakischen Meeres. Von A. Conze Hannover. Rumpler 1860. Къ книгѣ приложена 21 литографическая таблица, на которыхъ изображено множество географическихъ картъ и плановъ, видовъ, развалинъ и мѣстностей, художественныхъ произведеній и надписей. Онъ изслѣдовалъ Тазосъ, Самоѳранію, Имбросъ и Лемносъ.—Недавно также этотъ даровитый, прилежный и тщательный изслѣдователь посѣтилъ Англію и описалъ всѣ произведенія античнаго искусства, хранящіеся преимущественно въ малодоступныхъ частыхъ собраніяхъ этой страны, въ помѣстьяхъ и загородныхъ замкахъ англійской аристократіи. Это описаніе напечатано въ археологической газетѣ на 1864 годъ издаваемой проф. Гергардомъ въ Берлинѣ: Denkmäler, Forschungen und Berichte, № 182 B. Сюда же должно отнести и недавно изданный второй томъ топографическихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ во время пребыванія и путешествія по Греціи

покойнымъ профессоромъ Аѳинскаго университета Ульрихсомъ, хотя статьи, нынѣ изданныя, давно уже были напечатаны въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно въ баварской Академіи Наукъ: Reisen und Forschungen in Griechenland von H. N. Ulrichs. Zweiter Theil. Herausgegeben von A. Passow. Mit 4 Tafeln. Berlin. Weidmann. 1863. Здѣсь встрѣчаемъ мы изслѣдованія о топографіи Ѳивъ и гаваней Аѳинъ, объ аттическомъ эмпоріумѣ въ Пиреѣ и разныхъ зданіяхъ Аѳинъ и наконецъ различныя изслѣдованія объ Эвбеѣ и Троѣ, которую авторъ посѣтилъ въ 1843 году. Нынѣ послѣдняя, столь интересная по своимъ великимъ воспоминаніямъ, мѣстность снова была предметомъ новыхъ изслѣдованій, произведенныхъ нѣмецкими учеными, о которыхъ мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ сообщеній. Наконецъ берлинскій ученый Гюбнеръ, посѣщавшій Испанію и Португалію съ цѣлію собиранія римскихъ надписей, для издаваемаго берлинскою Академіею Наукъ Corpus inscriptionum latinarum, осмотрѣлъ также и находящіяся въ этой странѣ произведенія античнаго искусства, которымъ онъ издалъ весьма дѣльное описаніе, подъ заглавіемъ: Die antiken Bildwerke in Madrid, beschrieben von Emil Hübner. Nebst einem Anhang enthaltend die übrigen antiken Bildwerke in Spanien und Portugal. Berlin. Georg Reimer. 1862. Книга г. Гюбнера сообщеніемъ совершенно новаго матеріала значительно расширяетъ наши свѣдѣнія о памятникахъ древняго искусства, дошедшихъ до насъ и сохраняющихся въ странахъ, мало посѣщаемыхъ и до автора почти не изслѣдованныхъ съ точки зрѣнія современной науки. Бо́льшая часть его книги посвящена описанію античныхъ памятниковъ искусства, хранящихся въ Мадритѣ. Въ этомъ городѣ, въ т. н. королевскомъ скульптурномъ собраніи, кромѣ разныхъ копій съ антиковъ и произведеній новѣйшаго ваянія, находятся 84 античныя статуи, 199 бюстовъ и 55 рельефовъ. Въ числѣ этихъ произведеній, бо́льшею частію принадлежащихъ римскому періоду, самыя замѣчательныя суть: мужская голова (№ 176), съ бородою, архаическаго стиля чисто греческой работы; колосальная Аѳина (№ 9); колосальная Аѳродита (№ 23), въ положеніи Венеры Милосской, явно придерживавшая лѣвою рукою щитъ Марса. Перлы всего собранія суть прекрасная статуя Сна (№ 39) и группа двухъ юношей, извѣстная подъ именемъ группы Санъ-Ильдефонсо, служившая предметомъ столькихъ толкованій. Замѣчательны также рядъ статуй Музъ (№№ 44—56) и двѣ статуи атлетовъ (№№ 65 и 66), которыя требуютъ болѣе подобнаго изслѣдованія. Изъ многочисленныхъ бюстовъ мы укажемъ на голову Кельта (№ 258), которая можетъ быть есть фрагментъ статуи пергамской школы, и бюстъ Цицерона (№ 191), драгоцѣнный не только по передаваемымъ имъ чертамъ и по подлинной надписи, на немъ находящейся (M. CICERO. AN. LXIII), но и потому что онъ можетъ служить исходною точкою для опредѣленія другихъ бюстовъ великаго оратора. Гравюра съ этого бюста приложена къ книгѣ г. Гюбнера. Послѣ описанія рельефовъ этаго собранія, авторъ переходитъ къ описанію антиковъ, хранящихся въ собраніяхъ Національной Библіотеки, Исторической Академіи, (въ которой всего замѣчательнѣе серебряный дискъ или щитъ императора Ѳеодосія), Художественной Академіи и Музея естественной исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе античныхъ коллекцій частныхъ лицъ въ Мадритѣ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя принадлежатъ герцогамъ Мединацели и Альба и князю Англона. Заключеніе книги составляетъ описаніе античныхъ памятниковъ искусства, находящихся въ остальныхъ частяхъ Испаніи и въ Португаліи.

Изъ этихъ немногочисленныхъ указаній ясно, что дѣятельность нѣмецкихъ ученыхъ въ области археологіи имѣетъ преимущественно кабинет-

ный характеръ: они разрабатываютъ сырые матеріалы, доставляемые другими народами и въ горнилѣ ихъ науки руда превращается въ чистое золото. Ихъ дѣло—разъяснить разнорѣчивыя показанія, установить фактъ, оцѣнить явленіе съ критической точки зрѣнія, собрать всѣ матеріалы, требуемые вопросомъ для рѣшенія, взвѣсить археологическое значеніе новооткрытыхъ памятниковъ, дать твердое мѣсто найденнымъ памятникамъ въ исторіи искусства, прочесть вынутыя изъ земли надписи и указать на лингвистическія особенности, характеризующія эти надписи. И въ этомъ дѣлѣ, услуги, указываемыя археологіи нѣмецкою наукою, неоцѣнимы и неизмѣримо-громадны. То, что даетъ такой перевѣсъ изслѣдованіямъ нѣмецкихъ археологовъ надъ всѣми прочими націями, есть глубокая связь археологіи въ этой странѣ съ основательнымъ знаніемъ филологіи и ея законовъ, съ критикою текстовъ и герменевтикою, съ филологическою разработкою древнихъ писателей, на основаніи коей уже потомъ приступаютъ къ рѣшенію археологическихъ вопросовъ. Методъ подобной разработки классической археологіи доведенъ нынѣ до высшаго совершенства въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ Германіи. Эти чисто-кабинетные труды — слава современной Германіи, но и обиліе ихъ такъ велико, что мы можемъ указать только на тѣ ученые реперторіумы, въ которыхъ желающіе могутъ найти подробныя извѣстія и годовыя отчеты о научномъ движеніи въ Германіи въ той сферѣ, которая составляетъ предметъ этой статьи. Таковъ для археологіи древняго востока журналъ нѣмецкаго общества оріенталистовъ, выходящій подъ заглавіемъ: Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft; таковы для классической древности преимущественно археологическая газета, издаваемая профессоромъ Гергардомъ въ Берлинѣ подъ заглавіемъ: Denkmäler, Forschungen und Berichte, als Fortsetzung der archäologischen Zeitung, и кромѣ того слѣдующія филологическіе журналы: Philologus, Rheinisches Museum für Philologie и Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik.

Но въ области классической археологіи въ Германіи есть нѣсколько выступающихъ изъ обыкновенной среды явленій, на которыя, какъ на прогрессъ науки, слѣдуетъ здѣсь указать. Во главѣ всей классической археологической литературы стоятъ изданіе Археологическаго Института въ Римѣ, основаннаго различными нѣмецкими учеными, каковы были Бунзенъ и Гергардъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, подъ покровительствомъ короля Фридриха Вильгельма IV, въ то время бывшаго наслѣднымъ принцемъ. Съ 1829 года, когда вышелъ первый томъ изданій Института, его труды выходятъ въ трехъ различныхъ публикаціяхъ: Monumenti inediti, Annali и Bulletino dell 'Instituto di correspondenza archeologica. Два секретаря завѣдываютъ дѣлами института и его изданіями: извѣстные эпиграфистъ Генценъ и археологъ Бруннъ. Въ публикаціяхъ Института за 1863 годъ, послѣдневышедшихъ, въ числѣ неизданныхъ памятниковъ впервые являются разныя фрески, найденные въ этрусскихъ гробницахъ города Корнето; мозаики, съ изображеніями атлетовъ, открытыя въ Тускулумѣ; статуя Августа, открытая въ Прима Порто (нынѣ въ Ватиканскомъ Музеѣ), и Фаустины старшей, открытая въ виллѣ Массими (нынѣ въ Капитолійскомъ Музеѣ). Въ Анналахъ и Бюллетенѣ Института за 1863 помѣщенъ рядъ интересныхъ статей Гюбнера, Моммсена, Гельбига, де Витте, Пиндера, Михаэлиса, Кёлера, Брунна, Конестабиле, Генцена и др.

Съ особою любовью и необыкновеннымъ успѣхомъ разработываютъ нѣмецкіе археологи исторію греческаго искусства; труды ихъ въ этой сферѣ необыкновенно обширны и глубоки. Ни одна литература не имѣ-

етъ такого учебника классической археологіи, каковъ учебникъ, написанный геніальнымъ Отфридомъ Мюллеромъ. Но со времени изданія этой книги сдѣлано было множество вещественныхъ открытій; матеріалъ науки необыкновенно разросся и накопился, и сама наука, вслѣдствіе этихъ открытій, сдѣлала значительный шагъ впередъ. Это потребовало новой ревизіи этой книги, которая была предпринята Велькеромъ. Но и она съ теченіемъ времени оказалась недостаточною и вызвала новыя дополненія, указанныя профессоромъ Штаркомъ. Нынѣ извѣстный археологъ, профессоръ Бурсіанъ въ Цюрихѣ, въ 82 мъ томѣ 1-ой секціи Общей Энциклопедіи наукъ и искусства Эрша и Грубера (Allgemeine Encyklopaedie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber) издалъ обзоръ исторіи греческаго искусства (Griechische Kunst, pag. 381), въ которомъ изложены, въ сжатомъ видѣ, свойственномъ энциклопедіямъ, послѣднія результаты науки. — Въ 1859 году извѣстный археологъ г. Бруннъ, секретарь археологическаго Института въ Римѣ, издалъ, послѣ шестилѣтняго промежутка, второй и послѣдній томъ своего, не только въ археологическомъ, но и въ эстетическомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательнаго сочиненія: Geschichte der Griechischen Künstler von dr. Heinrich Brunn. Zweiter Band. Stuttgart. Ebner und Seubert. 1859. Исторія греческаго искусства невозможна безъ выработки изъ древнихъ писателей и монументальныхъ источниковъ точныхъ и подробныхъ біографій греческихъ художниковъ: написать исторію греческихъ художниковъ — вотъ что было задачею автора. Но не одну хронику художниковъ и ихъ произведеній намѣревался онъ представить, но и опредѣлить ихъ значеніе для исторіи искусства: онъ хотѣлъ показать, какое мѣсто слѣдуетъ дать извѣстному художнику или школѣ относительно технической обработки матеріала, научнаго познанія формъ и художественнаго изображенія идеи. Написанная съ этой точки зрѣнія исторія греческихъ художниковъ есть истинная основа для зданія всей исторіи искусства. Извѣстно, сколь блестящимъ образомъ г. Бруннъ разрѣшилъ эту задачу. Первый томъ его сочиненія посвященъ исторіи греческихъ ваятелей; второй — греческимъ живописцамъ, архитекторамъ, торевтамъ, рѣзчикамъ медалей и геммъ и живописцамъ вазъ.

По новому и столь вѣрному, указанному и проложенному Брунномъ, пути пошли и другіе ученые: въ отдѣльныхъ монографіяхъ стали они обрабатывать всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о томъ или другомъ великомъ греческомъ художникѣ. Такъ проф. Урлихсъ издалъ, подъ заглавіемъ: Skopas Leben und Werke, von L. Urlichs. Greifswalde. 1863, превосходную монографію о Скопасѣ, одномъ изъ величайшихъ ваятелей не только Греціи, но и всѣхъ вѣковъ, отличающуюся точными и обширными изысканіями, основанными на письменныхъ и монументальныхъ источникахъ, а проф. Фридерихсъ въ Берлинѣ — изслѣдованіе о Праксителѣ: Praxiteles und die Niobidengruppe. Von C. Friederichs. Leipzig. 1855, болѣе замѣчательную по эстетическимъ сужденіямъ, нежели по историческимъ изслѣдованіямъ. Но не только біографіи отдѣльныхъ художниковъ, даже отдѣльныя знаменитыя произведенія античнаго искусства сдѣлались предметомъ обширныхъ изслѣдованій. Въ ряду подобныхъ монографій одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ плодъ восьмилѣтнихъ трудовъ профессора Б. Штарка въ Гейдельбергѣ о знаменитой флорентійской группѣ Ніобы и ея дѣтей: Niobe und die Niobiden in ihrer litterarischen, künstlerischen und mythologischen Bedeutung von Dr K. B. Stark Leipzig. 1863. Этотъ томъ, въ большую 8, состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ 464 страницъ; къ нему приложены двадцать отчетливо исполненныхъ гра-

вюръ и литографій. Любовь, съ которою авторъ обработалъ и исчерпалъ свой предметъ, достойна полной похвалы. Для археологовъ важенъ второй отдѣлъ этой книги, носящій заглавіе: Der Niobemythus in der bildenden Kunst. Для этой главы авторъ отовсюду собиралъ памятники искусства, на которыхъ изображенъ миѳъ Ніобы: въ приложенныхъ къ книгѣ таблицахъ мы находимъ чудный рельефъ музея Кампаны, нынѣ одно изъ главныхъ украшеній императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ, саркофагъ съ Ніобидами въ Мюнхенѣ, знаменитый рельефъ, находящійся на горѣ Сипилосѣ, статуетки Ніобидъ, открытыя въ Керчи, терракотты изъ Фазано и т. д. Особою отчетливостью и подробностію въ изложеніи отличаются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о флорентійской группѣ; только съ гипотезою г. Штарка о первоначальной установкѣ ея мы никакъ не можемъ согласиться: до тѣхъ поръ, пока не появится болѣе счастливое предположеніе, мы должны сознаться, что этотъ вопросъ останется для насъ неразрѣшимъ, точно такъ, какъ и установка многолюдныхъ и колоссальныхъ бронзовыхъ группъ Лизиппа, изображавшихъ битвы и охоты Александра Великаго.—Предметомъ многочисленныхъ обсужденій въ новѣйшее время сдѣлалась также знаменитая статуя Аполлона Бельведерскаго, къ болѣе ясному пониманію и оцѣнкѣ которой повело открытіе, дѣлающее величайшую честь ученому археологу и академику Л. Стефани въ С. Петербургѣ. Въ собраніи художественныхъ предметовъ, принадлежащихъ графу С. Г. Строганову въ С. Петербургѣ, онъ открылъ античную бронзовую статуэтку, вѣроятно найденную въ Эпирѣ и въ прошломъ столѣтіи привезенную въ Россію, которая во всей позѣ сходна съ знаменитою статуею, находящеюся въ Ватиканѣ, но, судя по бо̀льшей простотѣ, есть болѣе древнее воспроизведеніе оригинала, давно потерянаго, который лежитъ въ основаніи и Ватиканской статуи. Но что характеризуетъ бронзовую статуэтку графа С. Г. Строганова и даетъ совершенно иное значеніе Ватиканской статуѣ—есть фрагментъ аттрибута, указывающій, что первообразъ этихъ двухъ произведеній держалъ въ лѣвой рукѣ эгиду и слѣдовательно изображалъ Аполлона, который эгидою обращалъ въ бѣгство враговъ или отвращалъ эгидой какое либо бѣдствіе, напр. чуму—отъ своего народа. Въ мнѣніяхъ о значеніи этого символа и слѣдовательно объ эпитетѣ, который долженъ быть придаваемъ Аполлону Бельведерскому — Boëdromios, Soter или Alexikakos (Apotropäos)—археологи расходятся. Но что теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, есть то, что реставрація лѣвой руки съ лукомъ въ Ватиканской статуѣ, сдѣланная итальянскимъ ваятелемъ Монторсоли, совершенно фальшива. Академикъ Л. Стефани изложилъ свое открытіе въ превосходной монографіи: Apollon Boedromios. Bronze-Statue ein Besitz Seiner Erlaucht des Grafen Sergei Strogonoff. St. Petersburg. Проф. Визелеръ въ Геттингенѣ въ сочиненіи своемъ: der Apollon Strogonoff und der Apollon vom Belvedere. Leipzig. 1861. высказалъ гипо́тезу, что оригиналъ обоихъ произведеній находился въ храмѣ Аполлона Патросса въ Аѳинахъ, былъ произведеніе Леохареса и стоялъ противъ Аполлона Алексикакоса Каламиса, но эта гипотеза не имѣетъ прочнаго основанія. Само собою разумѣется, что новое открытіе совершенно устраняетъ всѣ до того бывшія истолкованія знаменитой статуи Фейербаха, Овербека, Гаака, Гекермана и др. Нынѣ въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что оригиналъ обѣихъ статуй былъ созданъ неизвѣстнымъ художникомъ Пергамской школы, когда Галлы грозили разрушить храмъ Аполлона въ Дельфахъ и были отброшены появленіемъ самаго бога. Это событіе было увѣковѣчено учрежденіемъ празднества, по имени Σωτήρια, въ Дельфахъ.

Богъ, съ эгидой въ лѣвой рукѣ, съ лицомъ, котораго божественная красота и спокойствіе омрачены гордымъ негодованіемъ, легкимъ и быстрымъ шагомъ спѣшитъ на помощь, чтобы уничтожить святотатцевъ, угрожающихъ его святилищу. Счастливая мысль этого изъясненія принадлежитъ покойному профессору Преллеру. См. Mélanges Greco-romains tirés du bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. tom. II. p. 369 и слѣдующія, и Fr. Wieseler, Epilog über den Apollon Strogonoff und den Apollon von Belvedere. Philologus. Tom. XXI. p. 246.

Столь же замѣчательные труды появляются и въ другихъ вѣтвяхъ науки древностей. Такъ и для археологіи весьма важно превосходное сочиненіе Августа Моммсена: Heortologie. Antiquarische Untersuchungen über die städtischen Feste der Athener. Von August Mommsen. Leipzig. Teubner. 1864. Жизнь Грековъ и Римлянъ по дошедшимъ до насъ античнымъ изображеніямъ весьма привлекательно разсказали въ хорошо иллюстрированомъ сочиненіи рано похищенный смертью профессоръ Берлинскаго университета Гуль и В. Конеръ: Das Leben des Griechen und Römer nach antiken Bildwerken dargestellt von Ernst Guht und Wilhelm Koner. Berlin. Weidmann. 1860. Нынѣ сочиненіе вышло вторымъ, дополненнымъ изданіемъ.

Гораздо меньшая дѣятельность господствуетъ въ настоящее время въ Германіи въ области римской археологіи: искусство Римлянъ, повидимому, потеряло, послѣ прилежнаго ознакомленія съ греческимъ, всякую привлекательность для нѣмецкихъ ученыхъ. Есть цѣлые отдѣлы въ этой области, которые лежатъ непочатыми. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не указать на превосходный учебникъ римскихъ древностей, начатый Беккеромъ и нынѣ продолжаемый г. Марквардтомъ. Нынѣ вышло первое отдѣленіе пятой части, излагающей частныя древности: Römische Privatalterthümer. Von J. Marquardt. Leipzig. Hirzel. 1864. Но главное и важнѣйшее явленіе въ этой области есть, безъ сомнѣнія, выходъ перваго тома большаго собранія римскихъ надписей, издаваемаго Берлинскою Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: Corpus inscriptionum latinarum. Vol. I. Inscriptiones latinae antiquissimae, ed. Mommsen. 1863. Berolini. Reimer.

Этому тому предшествовало появленіе другаго капитальнаго эпиграфическаго сборника, изданнаго проф. Ритшелемъ въ Боннѣ, подъ заглавіемъ: Priscae latinitatis monumenta epigraphica, ed. Ritschel. Berol. 1862. Reimer. (съ нѣсколькими дополненіями).

Процвѣтанію археологической науки въ Германіи содѣйствуютъ также много ежегодные съѣзды филологовъ и археологовъ, собирающихся попеременно въ одномъ изъ научныхъ центровъ Германіи. На этихъ собраніяхъ предлагаются и рѣшаются научные вопросы и читаются разсужденія, которые потомъ появляются въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Verhandlungen der Philologen Versammlung:

Кромѣ этихъ съѣздовъ въ Германіи существуютъ разные археологическія общества, въ главѣ которыхъ стоитъ берлинское. Ежегодно 9-го декабря, эти общества торжествуютъ рѣчами и изданіямъ монографій день рожденія великаго Винкельмана, основателя науки классической археологіи. Наконецъ, въ главнѣйшихъ университетахъ Германіи основаны каѳедры археологіи, въ настоящее время занимаемыя столь достойными учеными, какъ гг. Гергардъ и Фредерихсъ—въ Берлинѣ, Отто Янъ—въ Боннѣ, Овербекъ въ Лейпцигѣ, Конце въ Галле, Штаркъ—въ Гейдельбергѣ и Бурсіанъ въ Тюбингенѣ (нынѣ въ Цюрихѣ).

Италія, не смотря на утрату великаго ученаго графа Боргези, въ области классической археологіи можетъ съ гордостью указать на такихъ уче-

ныхъ, наковы Каведони, Минервини, Фіорелли, Конестабиле; кромѣ того въ ней выходятъ два археологическіе бюллетеня, исключительно посвященные классической археологіи, одинъ въ Неаполѣ, другой на островѣ Сардиніи. Въ Греціи въ этой же области, послѣ смерти Питтакиса, дѣйствуютъ Первануглу и Ризопуло. Наконецъ въ Россіи достойнѣйшимъ представителемъ классической археологіи является академикъ Л. Стефани, котораго обширная и неутомимая ученая дѣятельность извѣстна нашимъ читателямъ.

Мартъ 1865 года.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПАЛЕСТИНЫ.

Библіографическое обозрѣніе

К. К. ГЁРЦА.

Ни одна изъ странъ древняго Востока не изслѣдуется въ наше время съ такимъ тщаніемъ и рвеніемъ, въ столь многосторонних отношеніяхъ, какъ Палестина: географы изучаютъ положеніе мѣстностей, прославленныхъ и упоминаемыхъ въ библейской исторіи; археологи — памятники искусства періодовъ іудейскаго, греко-римскаго, византійскаго и магометанскаго, которыми такъ богата эта страна; естествоиспытатели—физическія проблемы, которыми такъ изобилуютъ извѣстныя ея мѣстности. Вопросы, съ десятокъ лѣтъ тому назадъ поднятые западною наукою и которыхъ изслѣдованіе едва начато на европейской почвѣ, стали предметомъ наблюденій и на этой землѣ, которой доисторическая жизнь до настоящаго времени еще не затрогивались: знаменитѣйшіе европейскіе натуралисты и археологи начали изслѣдованіе пещеръ Палестины, въ которыхъ, вмѣстѣ съ остатками видовъ изчезнувшихъ животныхъ, найдены орудія каменнаго вѣка—древнѣйшія свидѣтельства, что человѣкъ обиталъ на землѣ единовременно съ мамонтомъ, при другихъ, вѣроятно, совершенно различныхъ отъ нынѣшнихъ, климатическихъ условіяхъ. Въ Палестинѣ недавно открыты дольмены—памятники, недавно единогласно приписываемые Кельтамъ, но нынѣ въ огромномъ количествѣ найденные въ сѣверной Африкѣ, что̀ совершенно опровергаетъ теорію ихъ кельтскаго происхожденія. Со временъ геніальныхъ трудовъ американскаго путешественника Робинсона, изученіе Палестины во всѣхъ отношеніяхъ получило болѣе критическій и научный характеръ: ежегодно литература, и преимущественно англійская, обогащается дѣльными монографіями о Палестинѣ; отличные ученые, и въ числѣ ихъ многіе англиканскія духовныя лица, на родинѣ приготовившія себя къ посѣщенію Святыхъ Мѣстъ и рѣшенію археологическихъ задачъ, съ ними связанныхъ, ежегодно путешествуютъ по путямъ, много пройденнымъ паломниками, но мало освѣщеннымъ факеломъ науки. Наконецъ правительства и даже богатыя частныя лица сооружаютъ цѣлыя экспедиціи въ Святую Землю, результаты которыхъ обыкновенно доставляютъ богатую жатву наукѣ. Понятно, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, литература о Палестинѣ составляетъ нынѣ весьма обширную библіотеку, для пріобрѣтенія которой скромному ученому необходимы усилія цѣлой жизни.

Весьма характеристическую черту этого всесторонняго изученія Палестины въ настоящее время составляетъ то обстоятельство, что нынѣ ученые начали обращать особое вниманіе на старинныя описанія памятниковъ Палестины, на сказанія древнихъ паломниковъ, ея посѣтившихъ: эти сказанія собираютъ и издаютъ съизнова, обогащая примѣчаніями, но издаютъ критически, сличая тексты различныхъ рукописей, сообразно требованіямъ современной филологіи, и въ пыли библіотекъ отыскиваютъ еще неизданныя сказанія старинныхъ путешественниковъ, которыя, иногда, важнымъ фактомъ или новою чертою, обѣгащаютъ запасъ свѣдѣній о Святой Землѣ. Важное значеніе подобнаго рода памятниковъ литературы какъ для топографіи и археологіи Палестины, такъ и познанія историческихъ судебъ этой страны и состоянія ея въ различныя эпохи, бросается каждому само собою въ глаза: съ четвертаго вѣка по Р. Х. начинается съ тѣхъ поръ непрерывающійся рядъ благочестивыхъ людей, которые, изъ всѣхъ странъ Европы, влекомые любовью къ Христу, презирая всѣ опасности дальнаго пути по морю и сушѣ, фанатизмъ мусульманскаго народонаселенія и корыстолюбіе и жестокосердіе корсаровъ, шли на поклоненіе ко Гробу Господню, желая облобызать прахъ той земли, по которой странствовалъ Онъ во время своего земнаго житія. Возвратясь домой, движимые желаніемъ передать соотечественникамъ и сохранить потомкамъ память о тѣхъ священныхъ мѣстахъ, которыя Господь сподобилъ ихъ видѣть, они разсказывали или сами описывали свои путешествія. Древнѣйшій изъ этихъ паломниковъ былъ современникомъ Константина Великаго: онъ посѣтилъ Св. Землю въ 333 году, когда императоръ строилъ базилику у Гроба Господня. Настоящее имя его намъ неизвѣстно, но такъ какъ онъ началъ свое путешествіе изъ галло-римскаго города Бордо, то извѣстенъ подъ именемъ Бордосскаго пилигрима. Путешествіе его носитъ на себѣ еще рѣшительно античный характеръ: оно составлено по образцу римскихъ итинераріевъ и состоитъ изъ сухой номенклатуры городовъ и мѣстечекъ, съ показаніемъ разстояній между ними. Но дошедши до Іерусалима, авторъ начинаетъ описаніе священнаго города, которое есть древнѣйшій документъ для познанія топографіи христіанскаго Іерусалима. Не говоря о старинномъ изданіи Весселинга, путешествіе Бордосскаго пилигрима нѣсколько лѣтъ тому назадъ снова было издано нѣмецкими учеными Партеемъ и Пиндеромъ, но всѣ издатели до сихъ поръ пользовались только одною рукописью, хранящеюся въ публичной библіотекѣ въ Парижѣ, подъ № 4808; тщетно нѣмецкіе ученые искали другой рукописи для своего изданія этого итинерарія. Недавно открыта была вторая рукопись этого важнаго памятника, находящаяся въ Веронѣ и извѣстный французскій эпиграфистъ Леонъ Ренье предложилъ превосходную копію съ нея редакціи журнала: Revue archéologique, которая и издала ее въ своей августовской книжкѣ 1864 года [1]). Въ Веронской рукописи недостаетъ двухъ листовъ: вотъ почему нѣтъ итинерарія отъ Цезареи до Террачины. Въ замѣну того, веронская рукопись представляетъ нѣсколько важныхъ варіантовъ. Издатели французскаго археологическаго журнала приложили къ этому тексту неизданное описаніе святыхъ мѣстъ, котораго оригиналъ въ Парижской библіотекѣ переплетенъ вмѣстѣ съ Бордосскимъ пилигриммомъ: судя по разнымъ признакамъ, оно относится къ концу среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Itinéraire de Bordeaux à Jérusalem, d'après un manuscrit de la bibliothèque du Chapitre de Vérone; suivi d'une Description des lieux saints, tirée d'un manuscrit de la Bibliothèque Impériale. Publié par M. Anatole de Barthélemy. Revue archéologique, août 1864, p. 98—112.

Неутомимѣйшимъ издателемъ разсказовъ старинныхъ паломниковъ является швейцарскій докторъ Титъ Тоблеръ, врачь на минеральныхъ водахъ Гоинъ, на берегу Боденскаго озера, самъ совершившій три путешествія въ Палестину и издавшій объ ней много книгъ, въ числѣ которыхъ особенно извѣстна его „Топографія Іерусалима“ въ двухъ томахъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ онъ Титмара, Гуго Плагона и Франца Пипино; нынѣ онъ сдѣлалъ новое изданіе одного изъ древнѣйшихъ паломниковъ—Антонія Мартира, уроженца города Піаченцы, который странствовалъ по Святой Землѣ около 570 года [1]). Не говоря о важныхъ топографическихъ свѣдѣніяхъ, заключающихся въ путешествіи этого паломника, онъ сообщаетъ также намъ извѣстія о состояніи разныхъ частей Палестины въ VI вѣкѣ. Такъ мы узнаемъ изъ него, что въ его времена окрестности Назарета имѣли райскій характеръ (provincia paradiso similis) и производили столько же хлѣба, пшена и т. п., какъ и Египетъ, а относительно вина и масла, яблокъ и меда даже его превосходили. Женщины Назарета были самыя красивыя изъ всего еврейскаго народа и смотрѣли на свою красоту какъ на наслѣдіе, полученное ими отъ Дѣвы Маріи. — Въ настоящемъ году д-ръ Тоблеръ, по единственной рукописи, существующей въ Вѣнѣ, издалъ путешествіе во Святую Землю Теодорика или Дитриха, нѣмецкаго монаха изъ прирейнскихъ странъ, который написалъ свою книгу на средневѣковой латыни между 1171—1173 годами [1]). Паломникъ этотъ очень важенъ для топографіи и изученія памятниковъ Іерусалима. Такъ онъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ этого города, улицахъ, домахъ; описываетъ огромные камни Давидовской башни, сообщаетъ относительную высоту холмовъ Сіона, Моріа и Маслиничной горы и т. д. Теодорикъ говоритъ, что въ его время собиралось къ Пасхѣ въ Іерусалимѣ паломниковъ 120,000 человѣкъ: какая жизнь кипѣла въ тѣ времена въ Іерусалимѣ! Д-ръ Тоблеръ приложилъ къ этому изданію еще четыре описанія странствій въ Св. Землю, которыхъ автора намъ неизвѣстны, такъ что число всѣхъ имъ до нынѣ изданныхъ старинныхъ паломниковъ простирается до девяти.

Подъ заглавіемъ: Peregrinatores medii aevi quatuor. Lipsiae. Hinrichs. 1864. Д-ръ Лоранъ весьма тщательно, критически и изящно издалъ сказанія о Святой Землѣ четырехъ паломниковъ среднихъ вѣковъ, которые описываютъ Палестину въ начинающуюся эпоху упадка Христіанскаго владычества въ этой странѣ. Разсказы этихъ путешественниковъ отличаются какъ по времени, когда они путешествовали, такъ и по образованію самыхъ авторовъ, хотя всѣ четверо принадлежали духовному сословію. Старѣйшій изъ этихъ паломниковъ, Вильбрандъ фонъ Ольденборгъ, изъ стариннаго графскаго рода, пользовавшійся милостями Императора Оттона IV, настоящій рыцарь, крѣпко стоявшій за нѣмецкую честь и славу, и потомъ монахъ, путешествовалъ по Св. Землѣ около 1212. Въ это время западные властители были уже совершенно вытѣснены изъ внутреннихъ частей Палестины, но они владѣли еще значительными пространствами земли вдоль берега Средиземнаго моря. Вильбрандъ, приставъ къ Св. Землѣ близъ Акко, тотчасъ отправился на сѣверъ черезъ Антіохію, которою тогда еще владѣли Христіане, въ Киликію, въ столицу Армянскаго Царя

---

[1]) De locis sanctis, quae perambulavit Antoninus Martyr circa A. D. 570. Nach Hand— und Druckschriften mit Bemerkungen herausgegeben von Titus Tobler. St. Gallen. 1863.

[1]) Theodorici libellus de locis sanctis editus circa A. D. 1172. Cui accedunt breviores aliquot descriptiones Terrae Sanctae. Nach Handschriften mit Bemerkungen herausgegeben von Titus Tobler. St. Gallen. 1865.

Сисъ и былъ весьма почетно принятъ при его дворѣ. Ближайшій поводъ этого путешествія въ Арменію остался намъ неизвѣстенъ: можетъ быть Вильбрандъ имѣлъ какое-либо посольское порученіе, о которомъ можно только догадываться. Изъ Киликіи нашъ паломникъ посѣтилъ островъ Кипръ, а оттуда Палестину. Но эта послѣдняя часть путешествія Вильбрандта не вполнѣ сохранилась; вотъ почему его реляція имѣетъ важное значеніе только для современной исторіи южно-армянскаго царства. Повидимому Вильбрандъ оставался въ Іерусалимѣ только нѣсколько часовъ. Но самый замѣчательный изъ новоизданныхъ путешественниковъ — это нѣмецкій монахъ ордена проповѣдниковъ Буркардъ, повидимому тоже происходившій изъ саксонскаго графскаго рода (онъ родился въ окрестностяхъ Магдебурга), путешествовавшій въ Палестинѣ около 1270—1280 года. Это былъ весьма замѣчательный человѣкъ: онъ былъ не только образованъ, но и ученъ (онъ зналъ Іосифа Флавія), свободенъ отъ грубыхъ предразсудковъ, потому что явно высказываетъ ошибки своихъ латинскихъ соплеменниковъ, отличался благородствомъ образомъ мыслей, а въ дѣлахъ религіи — терпимостью къ сектамъ, которыхъ тогда преслѣдовала латинская церковь. Такія люди—отрадное явленіе въ эту фанатическую эпоху. Два года путешествовалъ онъ по Палестинѣ и постоянно странствовалъ пѣшкомъ. Онъ умѣлъ гораздо точнѣе понимать и рѣшать топографическіе вопросы, нежели какой-либо паломникъ среднихъ вѣковъ: желая точно описать каждую мѣстность, онъ сравнивалъ то, что видѣлъ собственными глазами со свѣдѣніями, сообщаемыми старинными писателями, разсматривалъ всѣ свидѣтельства и такимъ образомъ прибѣгалъ къ методу, употребляемому въ наши дни первоклассными учеными. Вотъ почему его книга, по своему объему, достоинству и пользѣ, стоитъ выше всѣхъ средневѣковыхъ „сказаній“ паломниковъ. Доказательствомъ тому, какъ высоко почитали ее во всѣ времена можетъ служить, что она имѣла двадцать изданій и была переведена на нѣмецкій, голландскій и французскій языки. Но до сихъ поръ не существовало хорошаго критическаго изданія этого важнаго писателя и д-ръ Лоранъ, не только издавшій его по сличенію съ лучшими рукописями, но и обогатившій его книгу 660 примѣчаніями, оказалъ истинную услугу ученымъ, посвятившимъ себя изученію Палестины. Въ ту эпоху, когда Буркардъ (котораго до сихъ неправильно называли то Брокардъ, то Боргардъ и т. д.), Христіанская власть и сила еще ниже пали въ Палестинѣ, чѣмъ во времена Вильбранда; но Палестина была еще страна въ высшей степени населенная, плодородная и богатая: на тѣсномъ пространствѣ здѣсь жили самые различные народы и религіи, но ихъ раздѣляла глубокая и непримиримая вражда. Не говоря о топографическихъ вопросахъ, въ особенности любопытны тѣ главы его сочиненія, въ которыхъ Буркардъ говоритъ о плодахъ и животныхъ Св. Земли и о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ въ этой землѣ. Краски, которыми онъ изображаетъ тогдашнихъ обитателей Св. Земли, принадлежащихъ латинской вѣрѣ, самыя мрачныя: видно, что въ Палестину стекались тогда всѣ испорченные элементы общества въ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Венгріи и т. д. и эти разбойники порождали преступниковъ, которые были еще хуже отцовъ. — Остальные два паломника впервые появляются въ оригиналѣ въ печати: это суть монахъ Рикольдъ, флорентіецъ, который странствовалъ по Палестинѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Буркарда, хорошо знакомый съ Кораномъ и арабскимъ языкомъ и важный для познанія странъ, лежащихъ за Багдадомъ, южныхъ Армянъ, Курдовъ и Монголовъ. Хотя и онъ, зная слабыя стороны ученія Корана, принужденъ иногда ставить Магомеданъ въ

образецъ тогдашнимъ христіанскимъ обитателямъ Палестины, тѣмъ неменѣе онъ не отличается вѣротерпимостію Буркарда; напротивъ Рикольдъ исполненъ дикимъ фанатизмомъ противъ не католическихъ христіанъ Азіи. Наконецъ, послѣдній паломникъ, Одорихъ, написалъ въ Падуѣ въ 1330 краткое и сухое описаніе Святыхъ Мѣстъ и всѣхъ ихъ достопримѣчательностей, съ разными легендами.

Даже Италія, столь занятая въ настоящее время своимъ политическимъ возрожденіемъ, начала собирать, снова издавать и отыскивать въ богатыхъ своихъ библіотекахъ сказанія своихъ паломниковъ, хотя ближайшій поводъ этихъ изданій совершенно иной: въ минуту своего возрожденія къ политическому единству, итальянцы стали собирать, высоко цѣня ихъ, древнѣйшіе памятники своего національнаго языка и литературы (testi di lingua). Къ числу этихъ древнѣйшихъ „свидѣтельствъ“ простонароднаго итальянскаго языка принадлежатъ и наивныя сказанія итальянскихъ путешественниковъ по Св. Землѣ. Когда крестовые походы воскресили въ памяти народовъ воспоминаніе о Святыхъ Мѣстахъ, то Италія, въ теченіи XIII и XIV столѣтій, начала посылать въ Св. Землю большое число паломниковъ, которые, возвратясь на родину, описывали на родномъ нарѣчіи видѣнныя имъ святыя мѣста, и народъ читалъ эти разсказы нетолько съ теплою вѣрою, но и съ тѣмъ же интересомъ, съ которымъ читалъ хроники, легенды и рыцарскіе романы, писанные на простонародномъ языкѣ. Такимъ образомъ изученіе памятниковъ простонародной литературы, въ настоящее время распространенное и въ Италіи, послужило въ пользу и наукѣ о Палестинѣ. Такъ въ изданіи: Collezione di opere inedite e rari dei primi tre secoli della lingua (Torino 1861) помѣщено путешествіе въ Св. Землю Николо да Эсте. Флорентійскій книгопродавецъ Барбѣра издалъ въ одномъ небольшомъ томикѣ сказанія четырехъ итальянскихъ паломниковъ XIV-го вѣка подъ заглавіемъ: Viaggi in Terra Santa di Lionardo Frescobaldi e d'altri del secolo XIV. Firenze. 1862. Эти четыре паломника суть:Ліонардо Фрескобальди, котораго путешествіе было до сихъ поръ извѣстно въ плохомъ римскомъ изданіи, занимавшій во Флоренціи разныя высокія должности и наконецъ бывшій флорентійскимъ посланникомъ при римскомъ дворѣ при Папѣ Бонифаціѣ IX; Симоне Сиголи, изъ благородной и древней флорентійской фамиліи, неотличившійся повидимому на гражданскомъ поприщѣ, но оставившій намъ любопытный разсказъ о своемъ путешествіи на гору Синай; Джіоржіо Гуччи, флорентіецъ, занимавшій также посланническое мѣсто и, наконецъ, анонимнаго писателя путешествіе въ Св. Землю. Говорятъ, что въ скоромъ времени будетъ издано въ свѣтъ подробное и отчетливое паломничество итальянца Николао ди Поджибонци, совершенное имъ въ 1345 году.

Въ новѣйшее время, при всестороннемъ изученіи Палестины, обратили вниманіе даже на мусульманскіе источники: такъ въ уважаемомъ журналѣ: Das Ausland. 1864. pag. 955, напечатаны въ переводѣ на нѣмецкій языкъ два въ высшей степени интересныя описанія Іерусалима, важныя для топографіи этаго города. Первое изъ нихъ принадлежитъ арабскому писателю Абу-Абдалла-Мухаммеду-ель-Башшари и писано въ 988 году; второе — извѣстному арабскому путешественнику Якуту, умершему въ 1229 году. Наконецъ, въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, мы получили извѣстіе, что французскій писатель Г. Ріанъ издалъ путешествія скандинавскихъ паломниковъ по Св. Землѣ во времена крестовыхъ походовъ подъ заглавіемъ: Expéditions et pélerinages des Scandinaves en Terre-Sainte au temps des croisades. Paris. Подробное содержаніе этого изданія намъ неизвѣстно, потому что книга нами еще не получена. Это большое число старинныхъ

описаній Палестины, собираемыхъ и издаваемыхъ нынѣ во всѣхъ странахъ Европы, невольно заставляетъ желать, чтобы наконецъ приступили къ собранію въ одномъ изданіи всѣхъ путешественниковъ по Св. Землѣ, начиная отъ Бордосскаго пилигрима до конца крестовыхъ походовъ: подобное изданіе, сдѣланное сообразно требованіямъ современной филологической науки, оказало бы огромную пользу наукѣ. До сихъ поръ многія и весьма рѣдкія сказанія паломниковъ о св. Землѣ зарыты въ огромныхъ in fol., рѣдко встрѣчаемыхъ даже въ публичныхъ библіотекахъ и по цѣнѣ своей вовсе недоступныхъ библіотекамъ частныхъ лицъ. Въ особенности было бы желательно, чтобы собраны были въ одинъ «Corpus» сказанія византійскихъ паломниковъ, весьма мало изслѣдованныя до сихъ поръ и почти недоступныя. Что при необходимыхъ для этой цѣли розысканіяхъ въ рукописныхъ библіотекахъ Европы и монастырей Азіи, могутъ встрѣтиться и до сихъ поръ неизданныя и неизвѣстныя, почти не подлежитъ сомнѣнію.

Научное изслѣдованіе Палестины началось собственно только съ начала нынѣшняго столѣтія, со времени путешествія Зецена и Буркхарда по этой странѣ. Несмотря на громадное число паломниковъ, посѣтившихъ Св. Землю, какъ мы видѣли выше, съ IV-го вѣка, несмотря на нѣсколько хорошихъ реляцій о путешествіяхъ въ Палестину въ XVII и XVIII-мъ вѣкахъ, свѣдѣнія наши о физической географіи Палестины были лишены положительныхъ данныхъ, а сравнительная географія Палестины вовсе не существовала, хотя тогдашніе ученые и полагали, что они нашли всѣ мѣста, упоминаемыя въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ. Многія мѣстности Палестины, и въ особенности самыя интересныя по своимъ древностямъ, оставались неизвѣстными: только очень немногимъ путешественникамъ удалось ихъ видѣть вскользь или издали. Къ этимъ послѣднимъ мѣстностямъ принадлежалъ Ливанъ, долины Оронта и Іордана, берега Мертваго моря и вообще вся мѣстность, которая простирается оттуда на востокъ. Здѣсь открывалось безконечное поле для научныхъ изслѣдованій, къ которымъ суждено было приступить только нашему вѣку, а археологическое изслѣдованіе этихъ мѣстностей начато только въ наши дни. Въ 1805 году въ Англіи, подъ именемъ Palestine Association, образовалось общество, поставившее себѣ спеціальною задачею—расширить наши свѣдѣнія о географіи, естественной исторіи и древностяхъ Палестины и сосѣднихъ странъ для болѣе лучшаго пониманія Священнаго Писанія. Тогдашнія войны помѣшали осуществленію этихъ плановъ, но чего не могло исполнить цѣлое общество, то удалось энергической дѣятельности одного человѣка. Д-ръ Ульрихъ Зеценъ, библіотекарь въ Готѣ, наравнѣ съ соотечественникомъ своимъ Буркхардтомъ, желавшій практическимъ изученіемъ Арабскаго языка приготовить себя къ изслѣдованію внутренней Африки, изслѣдовалъ Палестину въ 1805—1807 годахъ. Онъ первый посѣтилъ Хауранъ и сдѣлалъ путешествіе вокругъ береговъ Мертваго моря. Вполнѣ преданный наукѣ, онъ собралъ обширную коллекцію древностей, различныхъ предметовъ естественной исторіи и восточныхъ рукописей для Готскаго Музея, списывалъ надписи, велъ подробный журналъ своимъ наблюденіямъ и палъ жертвою корыстолюбія Арабовъ. U. I. Seetzens Reisen durch Syrien, Palestina, Phoenicien etc. herausgegeben und commentirt von D. F. Kruse. Berlin. 1854. 3 vol.— Столь же энергическимъ изслѣдователемъ Палестины и смежныхъ съ нею странъ былъ Буркхардтъ, начавшій свои путешествія въ 1809 году, пока и онъ не сдѣлался жертвою восточнаго климата († 1817). Онъ былъ одаренъ отъ природы тонкимъ и быстрымъ даромъ наблюдательности и громадною памятью. Превосходное знакомство съ арабскимъ языкомъ и вос-

точный костюмъ, довершавшій обманъ, позволили ему проникнуть въ тѣ мѣстности, которыя чрезвычайно рѣдко посѣщаются европейцами. Онъ дважды посѣтилъ Хауранъ и первый изъ Европейцевъ проникъ въ таинственную страну Эль-Леджа, умѣлъ найти новую обильную жатву фактовъ на всѣхъ мѣстностяхъ, недавно видѣнныхъ Зеценомъ и оставилъ послѣ себя драгоцѣнный журналъ путешествія, изданный полковникомъ Ликомъ, подъ заглавіемъ: Travels in Syria and the Holy Land. London. 1822.

Но истиннымъ реформаторомъ библейской географіи, по методу изслѣдованія, является сѣверо-американскій миссіонеръ Эдуардъ Робинсонъ: знаменитѣйшій географъ нашего времени, Риттеръ, называетъ его сочиненія о Палестинѣ (Biblical Researches in Palestine (1841) и Later Biblical Researches (1856) твореніями, составляющими эпоху въ изученіи Палестины. Всѣ новѣйшіе ученые изслѣдователи Палестины пошли по пути, имъ указанному и сдѣлали многочисленныя прибавленія къ его открытіямъ. Тридцать лѣтъ Робинсонъ приготовлялъ себя къ этимъ путешествіямъ. Робинсонъ былъ не только глубокимъ знатокомъ обширной литературы Палестины, но и обладалъ необыкновеннымъ даромъ анализа и критики. На всѣхъ своихъ путешествіяхъ онъ имѣлъ счастіе быть сопровождаемымъ другимъ сѣверо-американскимъ миссіонеромъ, д-мъ Эли Смисомъ, долгое время жившемъ въ Сиріи, который былъ отлично знакомъ какъ съ письменнымъ, такъ и съ простонароднымъ арабскимъ языкомъ. Всѣ эти причины содѣйствовали къ тому, что Робинсонъ былъ въ состояніи вѣрно идентифицировать значительное число древнихъ городовъ и мѣстечекъ: въ сочиненіи своемъ онъ съ большою подробностію разбираетъ всѣ свидѣтельства древнихъ писателей и показанія путешественниковъ и мѣстныхъ жителей. Къ сожалѣнію, сочиненіе Робинсона обладаетъ однимъ недостаткомъ: авторъ его не былъ знакомъ съ исторіею искусства. Глазъ его не получилъ артистическаго воспитанія: въ архитектурныхъ памятникахъ, которыми столь богата Палестина, онъ не умѣлъ отличить характеристическихъ признаковъ стилей различныхъ вѣковъ и эпохъ, различій кладки камней, деталей, орнаментовъ и т. д. Вотъ почему антикварныя его розысканія требуютъ иной повѣрки.

Первый, кто взглянулъ на археологическіе памятники Палестины съ новой точки зрѣнія, созданной имъ вслѣдствіе знакомства съ письменными памятниками и языкомъ еврейскаго народа и памятниками восточнаго искусства, былъ извѣстный французскій археологъ и нумизматъ, членъ Парижской Академіи Надписей, Ф. де Сольси. До него полагали, что до насъ не дошло ни одного памятника чисто іудейскаго искусства. Де Сольси первый старался доказать несправедливость этого весьма сильно распространеннаго убѣжденія: отъ блестящихъ временъ самостоятельнаго іудейскаго царства, отъ временъ Соломона, дошли, по его мнѣнію, до насъ части каменной ограды, окружавшей знаменитый Іерусалимскій храмъ, разные надгробные памятники и т. д. Эти оригинальныя свои воззрѣнія, де Сольси почерпалъ изъ изученія самыхъ памятниковъ во время обширнаго путешествія по Святой Землѣ, совершеннаго имъ въ 1851 году, журналъ котораго онъ издалъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: Voyage autour de la Mer morte et dans les Terres bibliques. Paris. 1853. съ превосходнымъ гравированнымъ атласомъ, въ которомъ изображены разные памятники, виды, надписи и т. т. Въ систематическомъ порядкѣ онъ изложилъ нѣсколько позже свое воззрѣніе на развитіе и памятники іудейскаго искусства въ сочиненіи: Histoire de l'art judaique, tirée des textes sacrés et profanes. Paris. Didier et C°. 1858. Хотя теоріи де Сольси и были приняты во Франціи лицами, пользующимися авторитетомъ въ дѣлѣ исторіи искусства, какъ

напр. Віолле-ле-Дюкомъ, который, будучи самъ первоклассным архитекторомъ, всего способнѣе рѣшать архитектурные вопросы, тѣмъ не менѣе, онѣ встрѣтили сильныхъ противниковъ сперва въ лонѣ самой Академіи, въ лицѣ знаменитаго оріенталиста Катрмера, а потомъ и между другими археологами, напр. въ лицѣ Графа де Вогюэ. Первый опровергъ мнѣніе де Сольси о т. н. Царскихъ гробницахъ въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Revue archéologique 1852 года, подъ заглавіемъ: Mémoire sur le monument, qui, à Jerusalem, est appelé: les tombeaux des rois и: additions au memoire sur les tombeaux des Rois. Графъ де Вогюэ, основательно знакомый съ исторіею не только древней и средневѣковой архитектуры, совершилъ два путешествія по Св. землѣ: первое—съ цѣлію изученія христіанскихъ церквей Палестины, и преимущество вліянія крестоносцевъ на архитектуру въ этой странѣ; второе — спеціально для изслѣдованія Харамъ-эхъ-Шерифа. Это одно изъ самыхъ достопримѣчательнѣйшихъ мѣстъ Іерусалима, съ которымъ связаны разныя легенды, какъ іудейскія, такъ и магометанскія. Въ неизвѣстныя времена, еще до занятія Іерусалима іудейскимъ народомъ, одинъ изъ холмовъ Іерусалима, извѣстный подъ именемъ Морія, пользовался особымъ почитаніемъ. Здѣсь Іегова явился Давиду и Царь Соломонъ избралъ Морію для сооруженія на немъ знаменитаго храма, построеннаго славнѣйшими финикійскими художниками. Платформѣ, на которой стоялъ храмъ, была дана правильная геометрическая форма и самая платформа возвышалась на стѣнахъ гигантской постройки. Извѣстно, что храмъ Соломона былъ перестроенъ дважды и во второй разъ съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ Иродомъ; этотъ третій храмъ былъ разрушенъ огнемъ во время взятія Іерусалима Титомъ. Но стѣны платформы этого храма, или лучше сказать низшія ряды камней этихъ стѣнъ, извѣстной подъ новѣйшимъ именемъ Харамъ-эхъ-Шерифъ, принадлежатъ ли къ постройкѣ Соломона или Ирода? Эти гигантскіе отесанные камни Соломоновой или Иродовой кладки? вотъ вопросъ, на которомъ расходятся мнѣнія де Сольси и Графа де Вогюэ. Первый принимаетъ ихъ за несомнѣнно Соломоновскую кладку, второй за Иродовскую, утверждая, что отъ временъ самостоятельнаго іудейскаго царства до насъ не дошло ни одного камня. Но излагая свою исторію іудейскаго искусства, де Сольси пришелъ къ мысли, что для убѣжденія ученаго міра, необходимо искать въ самой Палестинѣ другихъ археологическихъ данныхъ, которыхъ сравнительное изученіе могло бы оправдать его воззрѣнія на древность Харамъ-эхъ-Шерифа и указать ему вообще на характеристическія признаки Соломоновской и Иродовскихъ построекъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился предпринять вторую экспедицію въ Палестину, о которой мы будемъ сейчасъ говорить. Но сперва возвратимся къ Графу де Вогюэ. Какія зданія были воздвигнуты на платформѣ Харама послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма Титомъ — вотъ вопросъ темный и спорный, который могутъ только разъяснить въ извѣстной степени критическія изслѣдованія сказаній средневѣковыхъ паломниковъ и историковъ. Но современи окончательнаго завоеванія Іерусалима Мусульманами, платформа Харама стала совершенно недоступною для христіанъ: мусульманскій фанатизмъ грозилъ смертію всякому дерзкому невѣрному, кто осмѣлился ступить ногою въ святилище, занимающее, въ глазахъ правовѣрныхъ, второе мѣсто послѣ Каабы въ Меккѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда храмъ Ирода, окруженный великолѣпными портиками, воздвиглись разныя магометанскія мечети и молельни и въ числѣ то загадочное зданіе, которое извѣстно подъ именемъ Куббетъ-эсъ-Сакра или Мечети Омара, котораго строительная исторія такъ темна, а планъ столь несхожъ съ планомъ магометанскихъ мечетей.

Европейскіе художники и ученые могли только тайкомъ созерцать этотъ таинственный комплексъ зданій издали, съ крышъ или балконовъ высокихъ домовъ или зданій, съ вершинъ Оливковой горы, черезъ подзорную трубу, которую они употребляли для передачи на бумагу внѣшняго вида мечети Омара. Невѣрнымъ дозволялось обозрѣвать только внѣшнія стѣны Харама. Въ 1833 году двумъ англичанамъ удалось, подъ одеждою мусульманъ, проникнуть въ мечеть Омара и одинъ изъ нихъ, по имени г. Катервудъ, носившій одежду египетскаго инженернаго офицера, находящагося на службѣ у Могаммеда-Али, описалъ это зданіе въ письмѣ, напечатанномъ на стр. 148—165 въ сочиненіи Бартлетта: Walks about the city and environs of Jerusalem. London. S. a., и снялъ архитектурные рисунки и планы этого зданія, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остаются неизданными во всей полнотѣ. Подробное изученіе архитектурныхъ деталей этихъ плановъ внушило извѣстному архитектору и писателю Джемсу Фергюссону, отлично знакомому съ архитектурными стилями всѣхъ вѣковъ, совершенно оригинальныя предположенія о топографіи древняго Іерусалима, хотя онъ самъ никогда не видалъ Св. Града. Эти воззрѣнія г. Фергюссонъ изложилъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: An essay on the ancient topography of Jerusalem. London. John Weale. 1847.

Послѣ гг. Катервуда и Бономи, первыми Европейцами, смѣло вошедшими во всѣ мусульманскія святилища Харама, были Принцъ Вельскій и его многочисленная свита. Года два тому назадъ онѣ сдѣлались, благодаря могущественному вліянію европейскихъ державъ и цивилизаціи на Востокѣ и дѣйствію бакшиша, доступными каждому христіанскому путешественнику по Палестинѣ. Говоритъ, что первоначальная такса, (1 фунтъ стерлинговъ—7 руб. сер.), которая платилась мусульманскимъ властямъ и духовенству Харама, нынѣ упала до десяти франковъ. Столь благопріятными обстоятельствами для изученія мечети Омара, всѣхъ зданій Харама, Золотыхъ воротъ, внѣшнихъ стѣнъ холма Моріи и вообще древней топографіи Іерусалима, не могъ не воспользоваться такой ученой археологъ, какъ Графъ де Вогюэ: съ новымъ посѣщеніемъ Іерусалима для него должны были разъясниться множество не только топографическихъ, но и археологическихъ вопросовъ, а именно, о величинѣ платформы храма Ирода и отношеніи къ ней нынѣшней платформы Харама, о времени построенія Куббетъ-эсъ-Сакры, имѣетъ ли это зданіе характеръ христіанской постройки временъ Константина Великаго или византійской эпохи и т. д. Послѣ десятилѣтняго отсутствія, въ 1862 году, авторъ сочиненія «Les églises de la Terre-Sainte. Paris. 1860» прибылъ въ Іерусалимъ въ сопровожденіи ученаго оріенталиста и нумизмата г. Ваддингтона и опытнаго архитектора г. Дютуа. Спустя нѣсколько дней по прибытіи, благодаря посредничеству французскаго консула въ Іерусалимѣ, Графъ де Вогюэ заключилъ условіе съ главнымъ шейхомъ, по которому Куббетъ-эсъ-Сакра безпрепятственно была открыта этимъ ученымъ и художникамъ ежедневно съ 6 часовъ утра по полдень. Безъ всякой помѣхи могли они, по своему желанію, рисовать, мѣрить, фотографировать, употреблять всѣ нужные имъ инструменты и веревки. „Никогда, говоритъ Графъ де Вогюе, мы не встрѣчали ни малѣйшаго затрудненія и вотъ какимъ образомъ былъ раздѣленъ между нами трудъ: г. Ваддингтонъ, съ помощью г. Совера, чиновника консульства, ученаго знатока арабскаго языка, списывалъ арабскія надписи; я съ г. Дютуа рисовали. Такимъ образомъ мы посѣщали мечеть часто и оставались въ ней долго и покинули „Священную гору“ только тогда, когда она раскрыла намъ почти всѣ свои тайны“. Результатъ этихъ долговременныхъ занятій задачами, на разнообразное содержаніе которыхъ мы

указали нѣсколькими чертами, недавно вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Le Temple de Jérusalem. Monographie du Haram-ech-chérif, suivie d'un Essai sur la topographie de la Ville Sainte par le Comte Melchior de Vogüé. Paris. Noblet et Baudry. 1864. Текстъ этого великолѣпно изданнаго сочиненія состоитъ изъ 138 страницъ in fol. и атласа превосходно исполненныхъ хромолитографій и гравюръ, числомъ 37, одной фотографіи, изображающей внутренность мечети Омара и 57 политипажей, напечатанныхъ въ текстѣ. Счастливыя обстоятельства, посреди которыхъ авторъ совершилъ свой трудъ, объясняютъ то обиліе и новость матеріала, который онъ сообщаетъ, но въ основныхъ положеніяхъ о древне-іудейскомъ искусствѣ онъ совершенно расходится съ г. де Сольси, а въ вопросѣ о назначеніи и времени построенія Куббетъ-эсъ-Сакры — съ г. Фергюссономъ. Относительно этого послѣдняго и чрезвычайно важнаго вопроса никто можетъ быть не приблизился такъ близко къ истинѣ, какъ профессоръ исторіи искусства въ Геттингенскомъ Университетѣ Ф. В. Унгеръ въ превосходномъ сочиненіи своемъ: Die Bauten Constantins des Grossen am heiligen Grab zu Jerusalem. Göttingen. 1863. Что касается до реставрацій Іерусалимскаго храма, построеннаго Соломономъ и Иродомъ, предложенныхъ Графомъ де Вогюэ, и которымъ посвящена значительная часть его сочиненія, то онѣ исполнены съ большимъ знаніемъ и пониманіемъ древне-восточнаго искусства.

Мы сказали выше, что г. де Сольси, для рѣшенія вопросовъ, уже нами указанныхъ, счелъ необходимымъ предпринять вторую экспедицію въ Палестину. Съ содѣйствіемъ французскаго правительства онъ совершилъ это путешествіе зимою 1863 на 1864 годъ, но желая, чтобы ученые его противники высказали сперва свои мнѣнія, г. де Сольси не издалъ еще до сихъ поръ результатовъ втораго своего путешествія въ обширномъ трудѣ, который вѣроятно выйдетъ въ свѣтъ съ столь же прекраснымъ атласомъ, какъ и первое его путешествіе. Газеты въ свое время сообщали, часто противурѣчащія, извѣстія объ его изслѣдованіяхъ и открытіяхъ. Въ краткомъ отчетѣ, читанномъ имъ въ Парижской Академіи Надписей, онъ сообщилъ по крайней мѣрѣ итинерарій своего новаго путешествія, который столь интересенъ, что мы рѣшаемся въ извлеченіи познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Г. де Сольси покинулъ Марсель 9-го октября 1863 года и провелъ десять дней въ Египтѣ, гдѣ онъ посѣтилъ Каиръ, Серапеумъ или храмъ Аписа близъ Мемфиса, открытый Маріэттомъ и осмотрѣлъ музей египетскихъ древностей въ Булакѣ [1]), основанный тѣмъ же французскимъ ученымъ недалеко отъ Каира. Оттуда онъ достигъ Яффы и черезъ Рамле, Кафаръ-Неба и Неби-Самуэль прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ послѣ двухдневнаго пребыванія отправился въ Хевронъ. Городъ этотъ въ высшей степени замѣчателенъ: онъ вмѣщаетъ въ себѣ старѣйшее іудейское святилище Палестины, нынѣ превращенное въ мечеть и окружныя стѣны этого святилища суть, можетъ быть, одна изъ древнѣйшихъ построекъ, существующихъ на лицѣ земли. Кладка ихъ, по мнѣнію де Сольси, по времени предшествуетъ древнѣйшимъ частямъ Іерусалимскаго Харама. Возвратясь въ Виелеемъ, г. де Сольси отправился въ Иродіумъ (Herodion), чтобы изучить тамъ постройки, несомнѣнно воздвигнутыя Иродомъ Великимъ и такимъ образомъ доказать, что онѣ совершенно разнятся отъ Соломоновыхъ. Оттуда, проведя три дня въ Іерусалимѣ, онъ отправился въ страну Аммонъ и, обозрѣвъ разныя мѣстности, прибылъ въ Аракъ-эль-Эмиръ.

[1]) Де Сольси помѣстилъ описаніе этого Музея въ Revue archéologique 1864. tom. IX, pag. 113.

Мѣстность эта уже извѣстна намъ по рисункамъ и описанію Графа де Вогюэ (см. вышеприведенное сочиненіе его, стр. 37 и т. д.), который, на основаніи словъ іудейскаго историка Іосифа Флавія, считаетъ находящіяся тамъ постройки за развалины крѣпости Гиркана, построенной 180 лѣтъ до Р. Х. Но г. де Сольси, полагаетъ, что Іосифъ Флавій никогда не видалъ этой мѣстности: по его мнѣнію, очевидно, что любопытныя памятники Араѣ-эль-Эмира, съ которыхъ г. де Сольси снялъ рисунки и фотографіи, суть остатки святилища Аммонитовъ. Отсюда онъ отправился въ Аммонъ или Филадельфію (Раббатъ-Аммонъ Священнаго Писанія). Это великолѣпнѣйшій городъ римской эпохи, въ которомъ не осталось никакихъ слѣдовъ его первобытной древности. Напротивъ, памятники римскихъ временъ, римской цивилизаціи, сохранились въ немъ удивительнымъ образомъ: здѣсь есть храмы, термы, театры, лавки, гробницы, набережныя, казармы, монументальныя ворота и т. д. „Чтобы написать хорошую монографію этого города, говоритъ г. де Сольси, потребуется цѣлыхъ мѣсяцевъ“. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Аммапѣ, г. де Сольси отправился въ Хесбанъ, мѣсто, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, нынѣ состоящее изъ безобразныхъ развалинъ, среди которыхъ сохранилось только нѣсколько прекрасныхъ гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ. Потомъ онъ посѣтилъ Майнъ (Баалъ-Меонъ Священнаго Писанія), немогъ добиться, чтобы Арабы провели его въ Мкуръ (древній Макеронте) и наконецъ прибылъ къ горѣ Джебель-Неба. Эту гору г. де Сольси идентифицируетъ съ горою Небо, столь прославленною смертію Моисея. „Одно открытіе этой горы, которую болѣе не надѣялись идентифицировать, говорилъ г. де Сольси, стоило цѣлаго путешествія“. У подножія ея бьютъ великолѣпные ключи, до сихъ поръ извѣстные подъ именемъ Аюнъ-Мусса (источникъ Моисея).“ Оттуда, черезъ Суейме, въ развалинахъ котораго находятъ много монетъ, Телль-Эль-Эдилабъ и Іерихонъ, г. де Сольси прибылъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль съ большою ревностью изучалъ топографію и памятники этого города. Онъ снималъ топографическія карты, чертилъ архитектурные планы, и т. д. Главною цѣлью его занятій былъ, само собою разумѣется, Харамъ-эхъ-Шерифъ. „Всѣ убѣжденія, которыя я вынесъ изъ моего перваго путешествія по Палестинѣ, говоритъ г. де Сольси, подтвердились самымъ абсолютнымъ образомъ при этомъ вторичномъ изслѣдованіи памятниковъ Палестины и я привезъ съ собою доказательства всякаго рода, чтобы, когда наступитъ время, доказать наистрожайшимъ образомъ, что не я ошибся“. Мы видимъ такимъ образомъ, что ученыя воззрѣнія г. де Сольси на вышеизложенныя вопросы не измѣнились и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ публикаціи новыхъ доводовъ въ пользу его прежнихъ убѣжденій. Во время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, г. де Сольси производилъ раскопки на трехъ различныхъ мѣстностяхъ: 1) въ т. наз. царскихъ гробницахъ, 2) на югѣ Харамъ-эхъ-Шерифа и въ 3) въ театрѣ Ирода: эти раскопки, выше всѣхъ ожиданій, вознаградили его за труды. О разультатахъ ихъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но говорятъ, что онъ имѣлъ счастіе открыть нетронутую царскую гробницу съ надписью. По окончаніи своихъ изслѣдованій въ Іерусалимѣ, г. де Сольси, на обратномъ пути въ Европу, посѣтилъ Тибне, столь прославленное открытіемъ, сдѣланнымъ тамъ другимъ французскимъ путешественникомъ г. Гереномъ, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, и такъ какъ г. Геренъ не снялъ ни плана, ни вида важнаго памятника, имъ открытаго, то г. де Сольси дополнилъ этотъ пробѣлъ. Потомъ г. де Сольси изслѣдовалъ неизвѣстную мѣстность, раздѣляющую Тибне отъ Сихема (Nabulus). Здѣсь онъ снова изучилъ гору Гаризимъ и важныя развалины, ее покрывающія.

Потомъ, по обыкновенному пути, онъ достигъ Назарета, далѣе Тиверіады, Саффеда, Бентъ-Джебеля и Сура (древне финикійскій городъ Тиръ). Спускаясь съ горы Джебель-Неба въ Суйеме, онъ открылъ около двадцати дольменовъ, совершенно схожихъ съ дольменами Бретани. Между Бентъ Джебелемъ и Суромъ, по правую руку отъ развалинъ Шалабуна, г. де Сольси открылъ еще два великолѣпные настоящіе кромлеха, изъ которыхъ одинъ окруженъ кругомъ, состоящимъ изъ камней. Изъ Сура онъ отправился въ Саиду, гдѣ открылъ груды раковинъ, изъ которыхъ Сидоняне изготовляли свою знаменитую пурпуровую краску. Все это громадное сборище раковинъ состоитъ изъ одного вида: murex truncullus, что окончательно рѣшаетъ спорный вопросъ объ приготовленіи пурпуровой краски [1]). Изъ Саиды г. де Сольси отправился въ Бейрутъ, Александрію и оттуда прибылъ въ Марсель.

1864 годъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи научныхъ изслѣдованій Палестины. Въ этомъ году другой знаменитый французскій ученый, нумизматъ и археологъ, Герцогъ де Льюинъ, богатѣйшій изъ аристократовъ Франціи и щедрою рукою покровительствующій ученымъ изслѣдователямъ и экспедиціямъ, самъ снарядилъ ученую экспедицію въ Палестину. Она состояла изъ слѣдующихъ лицъ: самаго Герцога, принявшаго на себя изслѣдованіе археологическихъ вопросовъ, лейтенанта французскаго флота де Винь, знаменитаго естествоиспытателя Ларте и врача Комба. Главною цѣлію экспедиціи было изслѣдованіе Мертваго Моря, окружающихъ его горъ и степи Арабà. Экспедиція должна была въ особенности изслѣдовать геогностическія свойства ложа Мертваго моря и предполагаемое сообщеніе послѣдняго съ Краснымъ моремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало изучить и разные вопросы, относящіеся къ этнографіи и археологіи Палестины. Экспедиція объѣхала Мертвое море на большомъ желѣзномъ ботѣ, нарочно построенномъ для этой цѣли въ Парижѣ, провѣряя карту и сондировки прежней американской экспедиціи подъ начальствомъ Линча. Это плаваніе продолжалось съ 13 марта по 7-ое апрѣля и возвратясь въ Іерусалимъ, путешественники черезъ Гебронъ отправились въ Бени-Наимъ, гдѣ преимущественно изучали топографію Пентаполиса. Послѣ разныхъ другихъ экскурсій, Герцогъ де Льюинъ 8-го іюня изъ Яффы поѣхалъ обратно во Францію, а прочіе его спутники изслѣдовали долину Іордана. Эта экспедиція обѣщаетъ богатую жатву для познанія Палестины не только въ естествоисторическомъ, но и въ археологическомъ отношеніяхъ. Встрѣчая въ мѣстностяхъ, до сихъ поръ или совершенно неизвѣстныхъ или мало посѣщаемыхъ, памятники никѣмъ неизданные, г. де Винь снималъ съ нихъ фотографическіе виды, которые составили цѣлый альбомъ, отпечатанный въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Одинъ экземпляръ Герцогъ де Льюинъ принесъ въ даръ Московскому Археологическому Обществу. Интересныя для массы публики свѣдѣнія о результатахъ экспедиціи, изложилъ одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ графа, г. Гюлліаръ-Бреолль, въ особой статьѣ, напечатанной въ журналѣ Revue contemporaine, 15 Avril, 1865. Сверхъ того въ письмѣ, которое пишущій эти строки имѣлъ честь получить отъ Герцога де Льюина, онъ сообщаетъ намъ, что г. де Винь издастъ, какъ скоро будутъ изготовлены географическія карты, особое сочиненіе подъ заглавіемъ: Extrait des notes d'un voyage d'exploration à la Mer Morte, dans le Wady Arabah, sur la rive gauche du Jourdain et dans le désert de Palmyre. Paris. Henri Plon. 1865. 1 vol. in 4°.

[1]) См. объ этомъ предметѣ статью г. де Сольси. въ Revue archéologique, 1864. tom. IX, p. 216.

Г. Ларте въ отдѣльномъ сочиненіи издаетъ свои геологическія и палеонтологическія изслѣдованія и наконецъ самъ Герцогъ де Льюинъ въ отдѣльномъ сочиненіи изложитъ всѣ археологическіе результаты своей экспедиціи, за которыми будутъ слѣдовать дополнительныя статьи, касающіяся антропологіи, ботаники и естественныхъ наукъ, писанныя докторомъ Комбомъ. Герцогъ де Льюинъ увѣдомляетъ насъ, что трудъ его выйдетъ въ свѣтъ, какъ скоро всѣ фотографіи будутъ гравированы геліографическимъ процессомъ.

Нѣсколькими мѣсяцами ранѣе г. де Сольси, а именно начиная съ марта 1863 года, совершилъ, на счетъ государственнаго министерства Франціи, съ инструкціями, полученными отъ Парижской академіи надписей, весьма замѣчательное путешествіе по Палестинѣ ученый и опытный путешественникъ по Востоку, г. Викторъ Геренъ, уже дважды посѣтившій Святую Землю. Несмотря на изумительные труды Робинсона и Смиса, въ Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ оставалось много неизслѣдованныхъ путей и развалинъ, которыя слѣдовало идентифицировать съ мѣстами, упоминаемыми въ Библіи, но въ послѣдствіи совершенно забытыми. Г. Геренъ исполнилъ возложенное на него порученіе самымъ блестящимъ образомъ, хотя вредное вліяніе климата Палестины, при путешествіи пѣшкомъ, заставило его прекратить свои изслѣдованія прежде, нежели онъ успѣлъ исполнить свою задачу во всемъ ея объемѣ. Подробное описаніе его путешествія еще не вышло въ свѣтъ, но судя по краткимъ и сухимъ отчетамъ его, напечатаннымъ въ Archives des missions scientifiques. Tome I. Livraison 3 zième. p. 373., результаты, имъ добытые, по интересу и обилію фактовъ, превозошли всѣ ожиданія. Онъ открылъ положеніе трехъ сотъ двухъ городовъ или мѣстностей, которыя въ древности были обитаемы и въ которыхъ до сихъ поръ сохранились развалины. Это неожиданное и блестящее обогащеніе библейской географіи. Изъ всѣхъ его открытій всего болѣе прославило его имя открытіе мѣста погребенія Іисуса Навина, на югъ отъ Тибне (въ древности: Тамнатъ-Сара), въ горѣ Ефраимъ, о которомъ онъ напечаталъ статью въ Revue archéologique, Février. 1863, p. 100, подъ заглавіемъ: Le tombeau de Josué. Note surle Khirbet-Tibneh, dans le massif d'Ephraïm. Нельзя ожидать, чтобы путешествіе г. Герена было скоро издано въ свѣтъ, потому что онъ самъ поставляетъ на видъ, что не надѣется издать его въ непродолжительномъ времени.

Но этими экспедиціями далеко не ограничивается наше время, желающее основательно и всесторонне изучить Палестину: мы должны упомянуть нѣсколько словъ еще о трехъ другихъ, изъ которыхъ результаты первой касаются наукъ, намъ недоступныхъ, а результаты второй и третьей еще мало извѣстны и невполнѣ обнародованы. Въ 1862 году Англійское адмиралтейство послало коммандора А. Л. Манселля съ нѣсколькими спеціалистами для измѣренія глубины моря у филистимлянскаго и финикійскаго береговъ Средиземнаго моря и для начертанія карты этихъ береговъ. Эта экспедиція сдѣлала и нѣсколько археологическихъ открытій: такъ возлѣ деревни Кули она нашла небольшой, отлично-сохранившійся (прежде языческій?) храмъ, украшенный колоннами коринѳскаго ордера, который магометане превратили въ мечеть. — Вторая экспедиція связана съ именемъ г. Ванъ де Вельде, котораго превосходная карта Палестины и сопутствующій ее мемуаръ извѣстны всѣмъ ученымъ. Въ ноябрѣ 1861 года образовалось въ Англіи общество для вспоможенія Сирійскимъ христіанамъ, потерпѣвшимъ такъ много въ кровопролитіяхъ 1860 года, подъ названіемъ: British and Foreign Syrian Asilum Committee. Это общество отправило г. Ванъ де Вельде, хорошо знакомаго съ страною, въ

Палестину для изслѣдованія нуждъ христіанъ на Ливанѣ и въ другихъ частяхъ Сиріи. 16 декабря 1861 года, г. Ванъ де Вельде, вмѣстѣ съ своимъ ассистентомъ, прибылъ въ Бейрутъ и посѣтилъ Сидонъ, Тиръ, нѣкоторыя части Галилеи, Іерусалимъ, Дамаскъ, равнины Баальбека и различные пункты на Ливанѣ. Онъ воспользовался своею миссіею для умноженія и исправленія вышеназванной своей карты Палестины, которую нынѣ издалъ вторымъ изданіемъ, и которая будетъ издана, на нѣмецкомъ языкѣ, извѣстнымъ книгопродавцемъ Юстомъ Пертесомъ. Краткій отчетъ объ этомъ путешествіи Ванъ де Вельде напечатанъ въ: Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt. 1865. p. 188 и 215. Наконецъ, въ концѣ прошлаго года, въ Англіи образовалось общество изъ частныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ главнымъ двигателемъ является ученый деканъ англиканской церкви, д-ръ Станлей, авторъ весьма уважаемаго сочиненія: Sinai and Palestine. London. 1853., которое отправило въ Іерусалимъ инженернаго капитана Уильсона, которому поручило точную съемку Іерусалима и его ближайшихъ окрестностей, причемъ онъ долженъ обратить особое вниманіе на подземныя воды и водоемы, которыми такъ богатъ Іерусалимъ, изслѣдовать подземныя постройки, находящіеся подъ мечетью Эль Акса и т. д. Капитанъ Уильсонъ, молодой, опытный и образованный человѣкъ, съ помощью нѣсколькихъ англійскихъ инженерныхъ солдатъ, ревностно преслѣдуетъ свою задачу и находитъ весьма желанное содѣйствіе даже со стороны Іерусалимскаго паши. Къ сѣверу отъ знаменитаго еврейскаго „Мѣста Плача", въ одной линіи со стѣною Харама, онъ открылъ столь же гигантскія субструкціи, возведенныя изъ камней одинаковой величины съ спорными камнями Харама. Теперь возникаетъ вопросъ: принадлежитъ ли эта стѣна къ храмовой оградѣ или къ Антоніевой башнѣ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо было бы очистить отъ земли и мусора всю западную стѣну Харама, вмѣстѣ съ возможнымъ продолженіемъ ея на сѣверъ, которое столь счастливо открыто нынѣ капитаномъ Уильсономъ. Этотъ вопросъ можетъ окончательно рѣшить споръ между гг. де Сольси и де Вогюэ, и такимъ образомъ дать твердую исходную точку для исторіи архитектуры въ Палестинѣ. Вообще, несмотря на всѣ труды де Сольси, де Вогюэ, Фергюссона и т. д., послѣдняя еще далеко не разработана: Палестину до сихъ поръ посѣщали много изслѣдователей древности, которыхъ сочиненія сдѣлались очень знаменитыми, но мало — архитекторы, всю жизнь посвятившіе изученію историческаго развитія различныхъ стилей, которые на востокѣ, безъ сомнѣнія, нѣсколько иначе развивались, чѣмъ на западѣ. Ни въ одной странѣ ученые архитекторы не найдутъ столько различныхъ строительныхъ стилей, сколько въ Палестинѣ: здѣсь встрѣчаются стили чистые, смѣшанные и выродившіеся, стили: египетскій, финикійскій, ассирійскій, іудейскій, греческій, римскій, византійскій, готическій, мусульманскій и т. д. и всѣ эти стили часто встрѣчаются не только въ одной мѣстности, но даже въ одномъ и томъ же зданіи. Для рѣшенія подобныхъ задачъ нужно соединенное изслѣдованіе нѣсколькихъ отличныхъ личностей. Англійскій журналъ The Athenaeum, отъ 29 апрѣля 1865, № 1957. стр. 587., сообщаетъ, что въ Лондонѣ образовалось, подъ именемъ: Palestine exploration fund, новое общество съ цѣлію изслѣдованія Палестины во всѣхъ отношеніяхъ. Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Іоркскаго Архіепископа, было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ въ Англіи. Общество надѣется, что королева Викторія станетъ во главѣ его, и принцъ Уэльскій приметъ въ немъ участіе. Значительныя суммы уже находятся въ распоряженіи общества.

Много ученыхъ путешественниковъ, путешествовавшихъ какъ частные

лица въ новѣйшее время въ Палестинѣ очень велико; между ними, по числу, первое мѣсто занимаютъ англійскіе изслѣдователи. Изданныя ими сочиненія суть истинное обогащеніе палестинской литературы. Таковы книги: Т. Левина: The siege of Jerusalem by Titus. With the Journal of a recent visit to the holy city and a general sketch of the topography of Jerusalem. London. 1863; Джорджа Санди, Horeb and Jerusalem. Edinburgh. 1864; Хепворда Диксона: The holy Land. With steel illustrations and woodcuts. 2 vol. London, 1865; Пьерроти: Jerusalem explored; being a description of the ancient and the modern city. 2 vol. London; Джона Миллса: Three month's residence at Nablus. London. Murray. 1864; Бедфорда, The Holy Land, Egypt and Constantinople. London. Day and Son. 1864; Портера, The giant cities of Bashan and Syrias holy places. London. Nelson. 1865; Мюнхенскаго Профессора Зеппа: Jerusalem and das heilige Land. Pilgerbuch nach Palaestina, Syrien and Aegypten. Schaffhausen. 1863—64. 2 тома; Швейцарца Конрада Фуррера: Wanderungen durch Palästina. Zurich. 1865. Само собою разумѣется, что мы могли указать только на замѣчательнѣйшія явленія литературной вѣтви, хотя и спеціальной, но чрезвычайно обширной.

Въ концѣ 1864 года посѣтилъ также Іерусалимъ г. Джемсъ Фергюссонъ, авторъ упомянутаго выше сочиненія о топографіи этого города, котораго онъ не имѣлъ счастія видѣть до того времени, хотя книга его и надѣлала столько шума и возбудила столько сильныхъ полемическихъ споровъ, какъ на родинѣ автора, такъ и во Франціи. Ученые, путешествовавшіе по Палестинѣ, не хотѣли допустить, чтобы человѣкъ, никогда не видѣвшій Іерусалима, могъ, съ совершенно новой точки зрѣнія, написать превосходное сочиненіе о топографіи города, имъ никогда не виданнаго. Ознакомясь на мѣстѣ съ зданіемъ, котораго архитектурный характеръ онъ первый опредѣлилъ, г. Фергюссонъ объявилъ, что не только не считаетъ себя побѣжденнымъ, но что личное созерцаніе убѣдило его окончательно, что Куббетъ-эсъ-Сакра есть Anastasis, построенная Константиномъ Великимъ, но нынѣшняя орнаментація и цѣлыя части этого зданія принадлежатъ мусульманскому искусству. Это убѣжденіе измѣняетъ радикально главнѣйшіе вопросы топографіи Іерусалима и вотъ почему оно встрѣтило столько ожесточенныхъ враговъ. Но г. Фергюссонъ тридцать лѣтъ сряду изучалъ исторію архитектуры; самъ—авторъ весьма уважаемой „Исторіи архитектуры“ The illustrated Handbook of architecture. London. Murray. 1855. 3 тома, и мнѣніе подобнаго спеціалиста, сколь бы живо оно незатрогивало другія наши убѣжденія, имѣетъ право на обсужденіе, болѣе хладнокровное и основательное. Г. Фергюссонъ нашелъ много послѣдователей между своими соотечественниками въ Іерусалимѣ. По возвращеніи въ Англію, онъ прочелъ публичную лекцію объ этомъ предметѣ, которая нынѣ издана книгопродавцемъ Мореемъ подъ заглавіемъ: The Holy Sepulchre and the Temple of Jerusalem. London. 1865. Г. Фергюссонъ имѣлъ даже счастіе доставить себѣ доступъ въ мечеть Хеброна, о внѣшнихъ стѣнахъ которой мы говорили выше. Нынѣ онъ издалъ планъ этой мечети подъ заглавіемъ. Sketch Plan of the Mosque at Hebron, на которомъ означилъ разные стили этого зданія: іудейскій, готическій и магометанскій. До сихъ поръ проникнуть въ мечеть Хевронскую европейцамъ удавалось съ бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ въ Каабу Мекки: Г. Фергюссонъ былъ, сколько намъ извѣстно, второй христіанскій путешественникъ, вошедшій въ Гевронскую мечеть. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Англійскій принцъ Альфредъ посѣтилъ Хевронъ, то онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что осмотрѣлъ только внѣшнюю окружную стѣну гробницъ патріарховъ. Впервые двери мечети открылись для наслѣдника Англійскаго престола, Принца Уельскаго

въ 1862 году и только потому, что его сопровождала турецкая армія въ 2000 человѣкъ, которая сдерживала фанатизмъ Хевронскихъ мусульманъ, скрывшихся, при видѣ такой импозантной силы, въ своихъ жилищахъ. Въ свитѣ Принца Уельскаго находился и ученый д-ръ г. Розенъ, прусскій консулъ въ Іерусалимѣ, который извѣстенъ многими статьями о древностяхъ Іерусалима и Палестины. Но знаменитыя „Гробницы Патріарховъ", находящіеся въ двойной пещерѣ Махпела, простирающейся подъ мечетью, остались недоступными и для Принца и его свиты. Д-ръ Розенъ, по воспоминанію, подробно описалъ Хевронскую мечеть въ Zeitschrift für allgemeine Erdkunde. Berlin. 1863. Band XIV, стр. 369, собралъ всѣ свѣдѣнія объ ней, содержащіеся у іудейскихъ, магометанскихъ и европейскихъ (у ренегата Али-Бея) писателей и даже приложилъ эскизъ плана мечети и пещеры. Таинственныя завѣсы, скрывавшія передъ нашими очами древній Востокъ, постепенно падаютъ одна за другою, но полный и ясный день еще далеко не наступилъ.

Іюль. 1865.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

Аанес. Текстъ къ мелодіи 7-го гласа греческаго роспѣва. Въ перг. нтн. кондакаряхъ и въ нѣкоторыхъ нотнолинейныхъ книгахъ русской церкви XVII в. онъ помѣщался вмѣстѣ съ надписаніемъ Гласа въ началѣ пѣснопѣній греческаго роспѣва, и имѣлъ не столько самъ по себѣ, сколько по принадлежащей ему мелодіи, чисто педагогическое значеніе. См. **запѣвъ**.

Д. Р.

Абецадло, по употребленію въ „Ідеѣ Грамматикіи мусикійской“ Дилецкаго (ркп. Б—ки. М. Д. Ак. 1679 г. № 107. л. 133.), означаетъ семь латинскихъ буквъ, выражающихъ звуки въ музыкальной и пѣвческой техникѣ.

Д. Р.

Аввакумъ Петровичь, бывшій Протопопъ Юрьевца Повольскаго, пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность въ исторіи церковнаго пѣнія тѣмъ, что „писа хулы на согласіе пѣнія церковнаго“ (Доп. къ V тому А. И. стр. 448.). Сущность этихъ хуленій—неизвѣстна.

Д. Р.

Агіосъ надгробный,—агіосъ задушный. Надпись въ нтл. ркп. второй половины XVII в. надъ греческимъ текстомъ трисвятаго, или пѣснопѣнія „святый Боже“. Текстъ пѣснопѣнія въ этомъ случаѣ всегда писанъ, для удобства въ чтеніи, русскими или славянскими буквами; надпись показывала, что мелодію, находившуюся надъ текстомъ приличнѣе исполнять при погребеніи и совершеніи памяти о всѣхъ въ вѣрѣ и надеждѣ преставлявшихся православныхъ христіанахъ. Въ 1672 г. по кончинѣ Патріарха Іоасафа при перенесеніи тѣла его 17 февр. изъ покоевъ въ церковь трехъ святителей, что на сѣняхъ и февр. 18 дня въ соборную церковь для совершенія погребальнаго пѣнія „пѣвчіе дьяки и подъяки шли передъ гробомъ и пѣли трисвятое надгробное“ (Виліоѳ. изд. 2. М. 1788 г. Ч. VI. стр. 327. 331.). Нотное положеніе агіосъ надгробнаго и агіосъ задушнаго извѣстно по нтл. рукописямъ исх. XVII в. (Б—ки Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, и—ря Иримолои № 43. л. 223. 399 н. и № 45. на 235 л. 1707 г. л. 20 н.).

Д. Р.

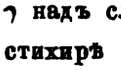
Адамовъ Матѳей (Матюшко, Матюша), царскій пѣвчій дьякъ. Царь Іоаннъ IV далъ ему 20 сент. 1551 г. жалованную грамоту на приставство по Троицкому Сергіеву монастырю и по другимъ приписнымъ къ нему монастырямъ (Акт. Ист. т. 1. № 157).

Д. Р.

АДАМЪ. Это слово въ нтн. безлинейныхъ рукописяхъ знаменнаго роспѣва нерѣдко писалось на полѣ киноварью, или, что тоже, краснымъ цвѣтомъ. Оно взято изъ Октоиха 6-го гласа и, въ связи съ нѣсколькими предшествующими и послѣдующими словами, читается: первыя клятвы адама свободи. При пѣніи сей рѣчи знаменнымъ роспѣвомъ, слово: свободи исполнялось продолжительною мелодіею, которая по безлинейной семеіографіи знаменнаго роспѣва изображалась такъ:

Мелодія слова: свободи весьма часто употреблялась въ знаменномъ роспѣвѣ 2-го, 6-го и 8-го гласовъ: каждый изъ опытныхъ пѣвцовъ зналъ ее на память, весьма твердо. Мастера-пѣвцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и употребили слово адамъ, находящееся въ грамматической связи съ словомъ свободи, какъ учебное пособіе для обозначенія опредѣленной мелодіи: противъ ѳитныхъ лицъ, которые изображали собою туже мелодію, какую имѣло слово свободи, пѣвцы XVII в. всегда почти писали на полѣ, киноварью, адамъ. Подобная надпись весьма много облегчала современныхъ пѣвцовъ, малоопытныхъ въ безлинейной семеіографіи и практикѣ знаменнаго роспѣва. Так. обр. киноварное слово: адамъ, находившееся на полѣ нѣкоторыхъ нотныхъ безлинейныхъ рукописей знаменнаго роспѣва, относилось къ педагогическимъ пріемамъ пѣвческихъ школъ XVII в., и означало, что ѳитное лицо, противъ котораго находилась эта надпись, изображало собою туже мелодію, какая принадлежала словамъ: адама свободи.

Д. Р.

АЗОВКА — ѳита знаменнаго роспѣва. Названіе ея объясняется двумя явленіями: 1) ѳита азовка безлинейными нотами знам. роспѣва изображалась  надъ словомъ азъ (райскія пищи причащаюся) въ первой вечерней стихирѣ на Р. Х. Такъ какъ надъ этимъ словомъ ѳита азовка находилась постоянно и во всѣхъ безлинейныхъ нотныхъ книгахъ знаменнаго роспѣва: то весьма естественно, что мастера пѣвцы уложили названіе ѳитѣ отъ текста. 2) Ѳита азовка выражала собою мелодію re, fa, mi, re, fa, sol, fa, которая встрѣчается во всѣхъ гласахъ знаменнаго роспѣва. Прочія ѳиты знаменнаго роспѣва не заключали въ себѣ этого свойства: они употреблялись только въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ, гласахъ знаменнаго роспѣва. Преимущественное употребленіе ѳиты азовки въ знаменномъ роспѣвѣ также могло послужить основаніемъ къ названію ея, потому что это употребленіе, вѣроятно, отождествлялось съ первенствующимъ значеніемъ ея, похожимъ на то, какое имѣетъ буква *азъ* въ славянскомъ алфавитѣ.

Д. Р.

АКАЗО, кокиза 2-го гласа знаменнаго роспѣва (кокизы Кн. В. Ѳ. Одоевскаго рук. 8-о XVII в. л. 43), иначе называлось указъ (там. л. 102.). Названіе сей кокизы — чисто греческое, ἀκάζω — острый. Безлинейное начертаніе сей кокизы нотами знаменнаго роспѣва, и свойственную ей мелодію можно видѣть въ Октоихѣ 2-го гласа въ воскресныхъ стихирахъ на „Господи воззвахъ", надъ словами: крестомъ твоимъ упразднилъ еси.

Д. Р.

АЛАТЫРЬ ИЛИ ЛАТЫРЬ КАМЕНЬ. Въ нашихъ пѣсняхъ, сказкахъ и заговорахъ постоянно упоминается бѣлъ-горючъ латырь или алатырь камень:

Онъ лежитъ среди моря синяго.
Съ подъ бѣлаго латыря
Протекала рѣка, рѣка быстрая
По всей землѣ, по всей вселенной,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе.

Иногда же встрѣчается этотъ камень на перекресткахъ, или крестовыхъ дорожкахъ, посреди чистаго поля; а Василью Буслаеву попадается онъ на Сарацинской горѣ, и онъ жизнію расплачивается за дерзскую попытку перескакать черезъ бѣлъ-горючъ камень. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ названъ: „Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ"; а по бѣлорусской редакціи сего стиха является при камнѣ латырѣ и море того же имени.

„Потому латырь море всѣмъ морямъ отецъ,
Потому латырь камень всѣмъ камнямъ отецъ,
Лежитъ онъ середи моря,
Середи моря, середи синяго.
Идутъ по морю много корабельщиковъ,
У того камня останавливаются,
Они берутъ много съ его снадобья,
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому".

Покойный Надеждинъ вывелъ изъ этихъ словъ довольно вѣроподобное заключеніе, что Алатырскимъ моремъ называлось встарину Балтійское, а латырь камень—янтарь, лит. gintaras, латинск. electrum, который, по словамъ его, искони привозился въ Россію изъ странъ при Балтійскихъ и служилъ у насъ не только ожерельемъ, но и лѣкарствомъ, съ чѣмъ вполнѣ соотвѣтствуетъ употребленное о немъ въ этой пѣснѣ выраженіе: снадобье. (Русск. Бесѣда, 1859, кн. 2, О Русск. народн. миѳахъ и сагахъ, Надеждина).

Безсоновъ, въ примѣчаніяхъ къ IV выпуску пѣсенъ собранія Кирѣевскаго, идетъ еще дальше. Онъ сближаетъ съ названіемъ сказочнаго камня имена бабы Латыгорки и Латымірки, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ, изданныхъ Рыбниковымъ, народъ Алуторовъ, противъ которыхъ Владиміръ снаряжаетъ Добрыню, и прозвище Соловья разбойника Алатырцемъ. Далѣе онъ приводитъ и областныя выраженія: алаборъ, алабырь — безтолковый, косноязычный, нѣмой, и алатырь, (1), алатырецъ — пройдоха, грубіанъ. Изъ всѣхъ этихъ именъ и выраженій, Безсоновъ видитъ въ словѣ латырь какое-то общее географическое обозначеніе всего, что происходитъ и ведетъ свое начало съ береговъ Латырскаго моря и ихъ обитателей, чудскаго и нѣмецкаго племенъ, т. е. племенъ нѣмыхъ, безтолковыхъ и враждебныхъ, въ смыслѣ иноземнаго и неправославнаго.

(1) Алатырь, тоже алабырь — нѣмой; алатырь — кто не можетъ говорить. Опытъ Обл. Словаря, стр. 2.

Д. Ш.

АЛАТЫРЕЦЪ. Въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ читаемъ:

Промежъ Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое
Алатырецъ некрещенный
Соловей разбойникъ.

Д. Ш.

АЛЕКСАНДРЪ Васильевъ см. Васильевъ.

АЛЕКСАНДРЪ Мезенецъ см. Мезенецъ.

АЛЕКСІЕВСКАЯ, ѳита 2 го гласа знаменнаго роспѣва. Названіе свое получила отъ того, что безлинейное начертаніе ея и выражаемая имъ мелодія встрѣчаются только въ стихирѣ на господи воззвахъ въ день Алексія человѣка Божія надъ словами: но помяни своя рабы (17 март. см. безлин. стихирарь знамен. роспѣва XVIII в. М. Епарх. Б-ки № 73/1000 б., 4° л. 7). Въ пѣвчихъ азбукахъ иначе называется трисолнечная.

Д. Р.

АЛЕКСѢЙ ЛЕШКОВСКІЙ см. Лешковскій.

АЛКОНОСЪ ИЛИ АЛКОНОСТЪ—птица, представляется на лубочныхъ картинахъ полуженщиной, полуптицей, съ большими разноцвѣтными перьями и дѣвичей головой, осѣненной короной и ореоломъ, въ которомъ иногда помѣщена краткая надпись. Въ рукахъ Алконостъ держитъ райскіе цвѣты, а на другомъ экземплярѣ-развернутый свертокъ съ объяснительной надписью. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ Алконостъ называется райской птицей и обыкновенно становится рядомъ съ птицей Сиринъ, отъ которой отличается только тѣмъ, что у Алконоста постоянно вѣнецъ на головѣ, а у Сирина одно только сіяніе. Значеніе ихъ также тождественно, съ тѣмъ лишь различіемъ, что при описаніи Алконоста постоянно упоминается, какъ мѣсто его пребыванія, рѣка Евфратъ.

„Птица Алконостъ близь рая пребываетъ, на Евфрате реке бываетъ, а когда гласъ и пѣнія испущаетъ то, и сама себя не ощущаетъ а кто въ близости ея будетъ, тотъ и въ мире семъ все позабудетъ, умъ его помѣшается, и душа телесъ своихъ лишается, и сими песнями святыми утешаетъ, будущую радость возвещаетъ и многая благая сказуетъ".

Хотя изображенія и тексты эти ссылаются на грахъ или хронографъ глава $\bar{\text{д}}$і, но большею частію въ хронографахъ и азбуковникахъ повторяются по всюду извѣстные на западѣ разсказы и повѣрія о птицѣ Алкіонѣ, по русски зимородкѣ (Нѣм. Eisvogel), получившей свое названіе отъ Греческаго мина о дочери Эола, Алкіонѣ или Алціонѣ. Лишившись погибшаго на морѣ супруга и, отыскавъ его тѣло на берегу, она пришла въ такое несказанное отчаяніе, что Зевесъ, сжалившись надъ ея горемъ, обратилъ ее въ эту птицу, напоминающую жалостнымъ своимъ пѣніемъ неутѣшную скорбь молодой вдовы, и водящуюся обыкновенно у береговъ морей и озеръ. Имя Алкіоны перешло и на одну изъ звѣздъ созвѣздія плеядъ, потому что время появленія ихъ на нашемъ горизонтѣ совпадаетъ съ пролетомъ зимородки, которая весной летитъ къ морю, что и считается у мореплавателей, точно также какъ и появленія плеядъ, признакомъ ясныхъ дней и затишья, замѣчаемаго на морѣ во время весенняго равноденствія. Отсюда и названіе морскаго затишья весенняго равноденствія—Алкіонскими днями (см. сл. Словарь Алексѣева). О баснословномъ вліяніи птицы Алкіона на это затишье упоминаетъ уже въ XIII вѣкѣ Брунетто Латини въ своемъ Livres dou tresor (по изданію Шабаль 1863 г. ст. 204), и тоже сказаніе повторяется и у насъ во многихъ хронографахъ и Азбуковникахъ (напр. въ Азбуков. изд. Сахаровымъ, въ Сказ. Рус. Народ. ч. 2, стр. 142). Здѣсь же выписываемъ болѣе древній текстъ изъ рукописи XV вѣка, подъ заглавіемъ: Матица Златая (Буслаева Истор. Христом. стр. 688): „Есть убо птица именемъ Алконостъ имѣетъ же гнѣздо си на брезѣ песка въсирай моря и ту износитъ яйца своя, время же чадомъ ея въ зимный годъ бываетъ, но егда почитъ время налѣсти чадомъ ея и възимающи яйца своя носятъ на середь моря и пущаетъ я въ глубину, тогда убо море

многими бурями ко брегу приражается, но егда сносить Алконостъ яйца на едино мѣсто и насядеть на нихъ верху моря, яйцамъ его въ глубинѣ сущимъ, и море непоколебимо будеть за ζ̃ дневъ, донележе Алконостова чада вылупяться въ глубинѣ, вышедше познаютъ родителя своя".

Коленъ де Планси въ своемъ Dicton. Infernal сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ повѣрій о томъ, что перья Алкіона, носимыя женщиной, охраняютъ ея молодость и красоту и водворяютъ любовь и счастіе въ домѣ, гдѣ хранятъ таковыя перья. — Наконецъ разсказывается, будто у Остяковъ эти же перья бросаютъ въ воду, и тѣ изъ нихъ, которыя выплываютъ на поверхность, берегутъ какъ талисманъ, которымъ стоитъ только коснуться кого нибудь, чтобы заставить ту особу себя страстно полюбить. Всѣ эти басни болѣе или менѣе основаны на классическомъ миѳѣ о прекрасной вдовѣ Алкіонѣ, напротивъ значеніе Алконоста лубочныхъ сказокъ скорѣе отнести можно къ птицѣ Сирину, которая, по самому своему названію, указываетъ на темный отголосокъ древняго преданія о Сиренахъ. Сирены встрѣчаются и во всѣхъ средневѣковыхъ Бестіаріяхъ и физіологахъ Западной Европы, гдѣ нерѣдко представляются пернатыми дѣвами, что могло подать поводъ смѣшать ихъ съ эльфами, лебединными дѣвами, валькиріями и бѣлыми вилами сѣверныхъ преданій? По Сербскимъ пѣснямъ извѣстно, что зрачныя (небесныя) вилы одарены крыльями и живутъ на небѣ, гдѣ строятъ дворцы свои на облакахъ и водятъ хороводы между звѣздами, (такими вилами почитаются у Юго Славянъ семизвѣздіе плеядъ и у нихъ имена: влашицы, властицы, владовицы, ладарицы владарицы (т. е. госпожи) и стражицы; у насъ же бабье созвѣздіе).—Хорватское преданіе говоритъ, что прежде эти вилы ходили по землѣ въ видѣ прекрасныхъ дѣвицъ; а когда измѣнился свѣтъ (водворилось Христіанство), переселились на небо. Онѣ первыя научили Хорватскихъ дѣвоекъ коло водить и пѣсни распѣвать и, по народному повѣрью, звуки голоса всякой вилы до того нѣжны и плѣнительны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, не можетъ уже слышать пѣсни земныхъ дѣвицъ и всю жизнь свою тоскуетъ и не въ силахъ забыть чуднаго голоса бѣлой вилы.—По малороссійскому преданію пѣсни также происходятъ не отъ народа, а отъ морскихъ людей—вилъ или сиренъ". Въ Суботу грає море, на море виплываютъ морскіи люды, ихъ половина чоловика, а половина риба, виплываютъ и співаютъ усякихъ пісенъ; а чумаки стоятъ на березі да и учатця. (Кулишъ Зап. Южн. Руси ч. 2 стр. 31). Не существовало ли и у насъ на Руси подобное же преданіе о переселившихся на небо Сиренахъ, на что указываетъ упомянутое выше народное прозвище созвѣздія плеядъ. Такое преданіе могло бы отчасти объяснить намъ и появленіе райскихъ птицъ Сирена и Алконоста, указывая на связь этихъ повѣрій съ миѳомъ объ Алкіонѣ.—Замѣчательно что число звѣздъ плеядъ соотвѣтствуетъ вполнѣ числу семи Алкіонскихъ дней и сказаніе о переселеніи Влашицъ на небо напоминаетъ собой миѳъ перенесеніи Зевсомъ дочерей Атласа въ небесное созвѣздіе плеядъ.

Д. Ш.

Примѣчаніе. Дамаскинъ Студитъ писатель VI вѣка изложилъ статью объ Алконостѣ или Зинородиѣ по описанію Василія Великаго (Шестодневъ). Преданіе о затишьи бывающемъ на морѣ во время алкіоническихъ дней проникло и въ христіанскую символику; и такъ какъ Алкіоническіе дни совпадали съ праздникомъ Рождества Христова, то и вывели заключеніе, что спокойная тишина моря во время рожденія алконостовыхъ птенцовъ символически означаетъ успокоеніе міра при Рожденіи Спасителя въ Виѳлеемѣ (Picinel-

li Mundussymbol. p. 258). Принято ли такое толкованіе въ византійской и русской символикѣ, судяпо памятникамъ, мы не можемъ утверждать, потому что Алконостъ у насъ является съ другими совершенно символическими оттѣнками. Онъ, вмѣстѣ съ Сириномъ, есть не только птица рая, но также означаетъ правведника; и въ этомъ значеніи мы встрѣчаемъ и ту и другую птицу на изваніяхъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязмѣ. У Алконоса два настоящихъ атрибута: шапка или корона и звѣзда, по соотношенію этой птицы къ одной изъ Плеядъ, которыя вообще считались у древнихъ за созвѣздіе, — покровительствующее мореходцамъ. Какъ на Дмитріевскомъ соборѣ, такъ и на монетахъ великаго князя Рязанскаго Василія Іоанновича Алконостъ представленъ между двумя звѣздами.

гр. У.

Аллилоуіа, слово еврейское; изъ глагола халал, пѣть, хвалить; халилу: хвалите, пойте и имени существительнаго Іаѣ — іегова, Богъ, Господь, значитъ хвалите или пойте Бога. Въ такомъ значеніи это слово употреблено въ объясненіи Божественной службы, помѣщенной въ коричей 1282 года въ М. Сунод. библ. на листѣ 249 об. „въ еврескъ бо языкъ есть поите г҃а аллилоуіа бо есть поите ангели“.

Арх. А.

Аллилуія красная. Въ церковномъ уставѣ или тупиконѣ (М. 1769 г. л. 371.) и въ тріоди постной (М. 1745 г. л. 12.) говорится, что на утренней службѣ псаломъ — на рѣкахъ вавилонскихъ поется со аллилуіею красною. Это означаетъ, что при пѣніи псалма — на рѣкахъ вавилонскихъ или просто, какъ выражались предки, при пѣніи рѣки вавилонской, должно пѣть аллилуія на гласъ 8й, ибо этотъ именно гласъ древніе пѣвцы русской церкви называли краснымъ. Въ пергаменномъ стихирарѣ (Б—ки М. С. типографіи XIII в. 4° № 11 (1103)) нал. 32 н. сказано: „гласъ красенъ й.“

Д. Р.

Аллилуія кѣнаничная, зовомая хабоува. Надпись надъ мелодіею аллилуія, которая поется послѣ киноника, или причастнаго стиха, и по безлинейной семеіографіи Казанскаго знамени заключала въ себѣ конизу, извѣстную подъ именемъ хабува. Встрѣчается въ безлинейныхъ нотныхъ рукописяхъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича и Патріарха Іосифа.

Д. Р.

Аллилуія полскока. Надпись надъ такою мелодіею аллилуія, которая по безлинейной семеіографіи знаменнаго роспѣва выражалась конизою, извѣстною подъ именемъ полскока. Мелодія аллилуія полскока исполнялась въ Новгородѣ на литургіи послѣ чтенія Апостола въ недѣлю св. Отецъ, когда по обычаю совершалось пещное дѣйство: „по апостолѣ дьяки поютъ меньшая станица аллилуія полскока“ (Виліоѳ. изд. 2. М. 1788 г. Ч. IV. стр. 386). Встрѣчается въ безлинейныхъ нотныхъ книгахъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича и Патріарха Іосифа..

Д. Р.

Аллилуія Радилова. Надпись надъ мелодіею аллилуія, составленною Радиловымъ въ исх. XVI или нач. XVII в. Аллилуія Радилова встрѣчается въ безлинейныхъ нотныхъ рукописяхъ временъ царя Михаила Ѳеодо-

ровича и Патріарха Іосифа. Она, вѣроятно, составлена въ Новгородѣ: пѣвческія лѣтописи ясно говорятъ объ употребленіи ея въ этой столицѣ церковнаго пѣнія. Предъ Рождествомъ Христовымъ въ недѣлю св. Отецъ на литургіи Новгородскіе подъяки всегда исполняли аллилуія Радилова. (Виліоѳ. изд. 2-е М. 1788 г. ч. VI. стр. 387.).

Д. Р.

АЛЛИЛУІЯ СКОКЪ. Надпись надъ мелодіею, которая по безлинейной семеіографіи Казанскаго знамени заключала въ себѣ ковизу, извѣстную подъ именемъ скокъ. Встрѣчается въ безлинейныхъ нотныхъ рукописяхъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича и Патріарха Іосифа.

Д. Р.

АЛТЕМБАСЪ, собственно высокій басъ. Тоже понятіе о немъ имѣли пѣвцы XVII в.—Дилецкій въ „Ідеѣ Грамматикіи мусикійской (ркп. Б—ки М. Д. А. 1679 г. № 107. л. 41.) говоритъ что „алтембасъ ниже поетъ алтовые или теноровые ноты".

Д. Р.

АЛЦИСЪ. Такъ называется древній литовскій баснословный великанъ. Онъ имѣетъ много сходства съ Альцидомъ (первое имя Геркулеса). Алцисъ былъ исполинъ, необыкновеннаго роста и сверхестественной силы. Онъ разрушалъ цѣлыя города, вырывалъ съ корнями большія деревья и употреблялъ ихъ вмѣсто посоха въ дорогѣ; бросалъ огромные камни, раздробляя ими корабли и поражая непріятельскія войска.

Но въ тоже время Алцисъ былъ благодѣтельнымъ великаномъ; онъ безпрестанно переходилъ съ мѣста на мѣсто, вездѣ творя добро, защищая угнетенныхъ, карая преступниковъ и вообще отличаясь своимъ человѣколюбіемъ и справедливостью. Легенда говоритъ, что странствуя такимъ образомъ онъ попалъ однажды въ страшную пещеру, гдѣ жилъ чудовищный драконъ, обладатель несмѣтныхъ сокровищъ. Алцисъ убилъ его и захватилъ груды золота и серебра. Потомъ онъ зашелъ къ одному удѣльному кунигасу (владѣтелю, князю) и увидалъ у него дочь, славившуюся своею красотою и необыкновенною силою. Алцисъ нашелъ въ ней достойную для себя подругу, и отдалъ за нее кунигасу баснословныя сокровища, награбленныя въ пещерѣ дракона; женился и унесъ свою супругу на собственныхъ плечахъ. Не смотря на необыкновенный ростъ и силу, жена Алциса, казалась, въ сравненіи съ нимъ, ребенкомъ. Она чесала ему волосы такимъ большимъ гребнемъ, что издали онъ казался крыломъ вѣтряной мельницы. Нельзя не видѣть въ этомъ соотношеніи къ древнему Альцидесу или великану Альціону. Подобныхъ примѣровъ много встрѣчается въ литовской миѳологіи. Въ 1330 г. вел. кн. Гедиминъ далъ Вильнѣ гербъ. На этомъ гербѣ мы видимъ всѣ признаки Алциса: въ рукѣ у него большое дерево, которое онъ употреблялъ вмѣсто посоха, вода, чрезъ которую онъ проходитъ, недостигаетъ его колѣнъ, а между тѣмъ вблизи видѣнъ корабль. Сидящій на плечахъ ребенокъ, ни кто иной, какъ жена его. Такое изображеніе Алциса видимъ на печатяхъ виленскаго магдебурскаго магистрата еще въ XVI ст. На представляемой здѣсь печати надпись: Sigillum Civitatis Vilnensis Annus VII urbe condito institum. Со введеніемъ христіанства Алцисъ преобразился въ св. Христофора, тоже изобража-

емаго несущимъ ребенка (т. е. Спасителя) на плечахъ, переходящимъ воду съ большимъ деревомъ въ рукѣ вмѣсто посоха. Въ послѣдствіи времени въ рукахъ ребенка видимъ уже крестъ. Это преобразованіе, оспариваемое нѣкоторыми историками, не можетъ насъ удивлять, когда вспомнимъ, сколько подобныхъ превращеній по необходимости было допускаемо христіанскимъ духовенствомъ въ первое время, послѣ уничтоженія язычества. (См. мою статью въ журн. Мин. внут. дѣлъ 1854 г., апрѣль, стр. 103.) Такъ въ Вильнѣ, при Ольгердѣ, когда первая супруга его, православная витебская княжна Марія Ярославовна, превративъ языческое капище Рагутиса въ православную церковь, велѣла освятить ее во имя св. Параскевіи; но церковь навсегда сохранила названіе Пятненкой, ибо во время язычества ее называли Пятенка отъ жрецовъ Рагутиса, именовавшихся Петиники, или Потиникой. Такъ на Жмуди долго еще послѣ принятія христіанства женщины покланялись Блиндѣ (вербѣ), которую земля изъ зависти превратила въ дерево; духовенство не разгоняло народъ, но повѣсило на вербѣ распятіе. Божію Матерь называли Перкунатемъ — и она напоминала народу прежнія его преданія.

А. Кир.

Алюторы — названіе, повидимому, какого то народа, извѣстное намъ по одной только былинѣ, гдѣ Добрыня Никитичъ, по вызову Владиміра, берется очистить дороги прямоѣзжія до грознаго короля Этмануила Этмануиловича —

Да и вырублю (говоритъ онъ) Чудь бѣлоглазую,
Прекрочу Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ со Татарами,
Чюши всѣ и Алюторы.

(См слово: алатырь).

Д. Ш.

Алыберское царство Саула Левонидовича, въ пѣснѣ о семъ богатырѣ:

„Тутъ десятскіе засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Левонидовича.
И которыя подъ царя пригодилися.
И пріѣхалъ онъ тутъ царь Саулъ
Въ свое царство Алыберское".

Безсоновъ сближаетъ это названіе съ народомъ Алюторовъ и алатыремъ камнемъ.

Д. Ш.

Альтъ, отъ altus, собственно высокій голосъ. „Вопрошаеши мя, пишетъ „Дилецкій, что есть алтъ? Отвѣщаваю: алтъ, иже есть латински алтусъ, „славенски же высокій, ибо онъ вся гласы, когда нѣсть дисканта (разумѣй дѣтска тонкаго гласа) гласомъ своимъ превосходитъ. Есть же сосѣдъ дискантъ въ высокихъ нотахъ, тенору же—въ среднихъ, далечайшій же сосѣдъ бассу, якоже и дискантъ" (Ід. Грам. мус. Дилецкаго рук. Б-ки М. Д. Акад. 1679 г. № 107. л. 183.).

Д. Р.

АНАНЕАНЕС. Текстъ къ мелодіи 1-го гласа греческаго роспѣва. Въ перг. нотныхъ кондакаряхъ и нѣкоторыхъ нотнолинейныхъ рукописяхъ русской церкви XVII в. помѣщался вмѣстѣ съ надписаніемъ гласа въ началѣ пѣснопѣній греческаго роспѣва и имѣлъ чисто педагогическое значеніе. см. Запѣвъ.

Д. Р.

АНАНЬИНЪ Иванъ, пѣвчій дьякъ Симона Архіепископа Вологодскаго и Бѣлоезерскаго (1666 г.). Въ „показаніи архіерейскихъ пѣвчихъ, чему учены они церковнаго трехстрочнаго пѣнія" говорится: ро҃д (1666) года въ „день пѣвчіи диякъ Иванъ ананинъ сказалъ великому господину преосвя„щенному Симону архиепископу вологоцкому и бѣлоезерскому чему учен „церковнаго трехстрочнаго пѣнія. Обѣдню златоустову (к п м), и постную „(п м), з задостойники (п м), и обиходъ строшной (п м) и демественнои „(п м) и охтаи (п м), и праздники господские (п п) и трезвоны во вес „годъ (п м), низъ и путь пѣлъ обѣдню демественную (п м), и стихеры „евангельские с свѣтильны и збогородичны (п м), и царски стихи кото„рые у нас впереводахъ есть (п м), и часы царские всѣ трои (п м), ка„нунъ греческой воду прошедъ (п м), катавасію отверзу уста моя „(п м), катавасію осмаго гласу море огустѣвая (п м), блаженны на „осмь гласовъ (п м), треоди постную и что подъяковъ писаны стихи сед„мичные, что поютъ на мѣре и язъ тѣ пою всѣ низъ и путь". Поставленныя здѣсь въ скобкахъ буквы означаютъ: к—верхъ, п—путь, м—низъ. Первое извѣстіе о „показаніи" сообщено въ Запискахъ Имп. Археол. Общества.

Д. Р.

АНЕЕАНЕ или АНЕАНѢЕ. Текстъ къ мелодіи 5-го гласа греческаго роспѣва; встрѣчается тамже, гдѣ аанес, и имѣетъ тоже чисто педагогическое значеніе. см. Запѣвъ.

Д. Р.

АНЕЕЕАНЕЕЕ. Текстъ къ мелодіи 3-го гласа греческаго роспѣва; встрѣчается тамже, гдѣ аанесъ, и имѣетъ чисто педагогическое значеніе. см. Запѣвъ.

Д. Р.

АНГЕЛЬСКІЯ. Это слово принадлежитъ стихирѣ на хвалитехъ 6-го гласа въ 20 день декабря. Вполнѣ она читается такъ: „Ангельскія предъидите „силы, иже въ Виѳлеемѣ, уготовайте ясли: Слово бо раждается, мудрость „происходитъ, пріемлетъ цѣлованіе церковь, на радость Богородицы людіе „рцемъ: благословенъ грядый, Боже нашъ, слава тебѣ." Мелодія всей стихиры, состоявшая изъ 8-ми частныхъ мелодій знаменнаго роспѣва, съ XI в. почиталась образцовою въ томъ смыслѣ, что она удобно прилагалась къ исполненію текста другихъ пѣснопѣній. Стихира съ образцовою мелодіею имѣла надъ собою надписаніе: самоподобенъ; прочія же стихиры на хвалитехъ 6-го гласа, которыя исполнялись по образцу ея, имѣли надписаніе: „гл. 6. Под. ангельскія" и въ богослужебныхъ книгахъ ненотныхъ раздѣлялись звѣздочками или репьями на 8 частей, отдѣленій или строкъ.

Д. Р.

Андрѣевъ (Ондрѣевъ), пѣвчій дьякъ, сотникъ изъ „приказу большова дворца". По волѣ Царя Ѳеодора Ивановича онъ былъ приставомъ при Николаевскомъ Пѣшношскомъ Монастырѣ. Царская грамота о семъ дана въ 1585 г. на имя Игумена Германа. (Истор. Опис. Пѣшн. М-ря М. 1837 г., 8°, стр. 123).

Д. Р.

Аненаки, приставки къ тексту свящ. пѣснопѣній въ нотныхъ безлинейныхъ книгахъ знаменнаго и демественнаго пѣнія. Раннее появленіе ихъ въ нтн. рукописяхъ объясняется тѣмъ, что первые пѣвцы русской церкви были греки, и что русскіе пѣвцы, сдѣлавшись самостоятельными дѣятелями, во многомъ подражали грекамъ. Въ нотныхъ книгахъ греческой церкви доселѣ употребляется не мало приставокъ, между которыми аненена занимаетъ не послѣднее мѣсто (Ταμεῖον ἀνθολογίας. 1851 ετ. 8° Κωνσταν. Τομ. 1. σελ. 365). Въ нтн. линейныхъ рукописяхъ XVIII в. вовсе нѣтъ подобныхъ приставокъ, но въ исходѣ XVII в. приставки изрѣдка находились и здѣсь. Въ одной изъ нтл. рукописей (М. О. П. in 4° № 24 (1919)) величаніе въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы читается такъ: „Архангельскій гласъ вопіемъ ти, чистая, Ѡле тайны Эненененани радуйся благодатная Господь съ тобою". Аненаки находились въ разныхъ пѣснопѣніяхъ и исполнялись пѣвцами наравнѣ съ прочимъ текстомъ свящ. пѣснопѣній. Въ 1667 г., 27 іюня, по случаю побѣды у Сѣвска, въ Московскомъ соборномъ храмѣ Успенія Пресв. Богородицы, по окончаніи литургіи и молебнаго пѣнія „пѣвчіе дьяки пѣли Государю Царю многолѣтіе большое со аненаками." (Доп. къ V тому А. И. Спб. 1853 г. стр. 132. № 26). Употребленіе аненакъ въ текстѣ свящ. пѣснопѣній, а равно и исполненіе ихъ при Богослуженіи не считалось противнымъ благочестію и основывалось на предписаніи церковнаго устава. Въ такъ называемыхъ большихъ уставахъ перваго и послѣдующихъ изданій (М. 1610 и 1641 г. въ л.) на всенощной службѣ въ предначинательномъ псалмѣ послѣ словъ— всяческая исполнятся благости предписывалось пѣть: „слава ти „господи анененененаани створившему вся.... обновиши лице земли „съ нененаики.... и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь сненена-ики же." Въ западно-русской церкви стали печатать подобныя приставки въ богослужебныхъ книгахъ почти полустолѣтіемъ раньше, чѣмъ въ великой Россіи. Въ славянской учебной Псалтири, изданной въ Вильнѣ (1575 г. въ л.), въ 103-мъ Псалмѣ, послѣ словъ: вся премудростію сотворилъ еси, внизу страницы, киноварью напечатанъ слѣдующій припѣвъ—„слава „тебѣ господи ѡненена́ѣненененена́ѣниѡненена́нунани створившему вся".

Д. Р.

Аннинъ плачь, розводная строка 4-го гласа знаменнаго роспѣва. Названіе ея взято отъ словъ текста, надъ которыми положена была мелодія этой строки. Безлинейное начертаніе мелодіи можно видѣть въ стихирѣ на Стиховнѣ на Р. Б. надъ словами: рыданіе бо аннино или по старымъ нотнымъ рукописямъ — плачь аннинъ.

Д. Р.

Антифонъ, Ἀντίφωνος или Ἀντίφωνον, противуголосное пѣніе нѣкоторыхъ стиховъ изъ псалмовъ степеней 119—133 [1]). На одномъ клиросѣ поютъ одинъ стихъ, на другомъ повторяютъ тотъ же стихъ. Каждый гласъ имѣетъ свои стихи изъ этихъ псалмовъ, раздѣленные на три антифона, имѣ-

ющаго три стиха. Образецъ перваго гласа 1-го антифона, поемаго на утрени въ Воскресные дни предъ Евангеліемъ слѣдующій:

Εν τῷ θλίβεσθαι με ἐισήκουσον μου των ὀδυνῶν κύριε, σοι κραζω.

Внегда скорбѣти ми, услыши моя болѣзни, Господи тебѣ зову.

Τοῖς ἐρημικοῖς ἄπαυστος ὁ θεῖος πόθος ἐγγίνεται κοσμου οὔσι τοῦ ματαιου ἐκτος. Δόξα καὶ νῦν.

Пустынныхъ не престанное Божественное желаніе бываетъ міра сущимъ суетнаго кромѣ. Слава и нынѣ:

Ἁγίῳ πνεύματι τιμὴ καὶ δόξα ὡσπερ πατρὶ πρέπει ἅμα καὶ υἱῷ δια τοῦ σωσωμεν τῇ τριαδι μονοκρατορια.

Святому Духу честь и слава якоже Отцу подобаетъ купно же и Сыну, сего ради и понмъ троицѣ единодержавіе:

На литургіи поются три Антифона изъ стиховъ другихъ псалмовъ предъ малымъ входомъ. Предъ каждымъ Антифономъ священникъ читаетъ тайно въ алтарѣ мотитву Антифона. Вотъ образецъ третьяго Антифона, поемаго на Литургіи.

Первый стихъ изъ 94 псалма.

Δεῦτε ἀγαλλιασώμεθα τῷ κυρίῳ ἀλαλάξωμεν τῷ Θεῷ Σωτῆρι ἡμῶν.

Пріидите возрадуемся Господеви Богу Спасителю нашему:

Σῶσον ἡμᾶς, υἱὲ Θεοῦ, ὁ ἐν ἁγιοῖς Θαυμάστος [2]) ψαλλοντάς σοι ἀλληλουια.

Спасины Сыне Божій, во святыхъ дивенъ сый, поющія ти аллилуіа.

Второй стихъ: (2-й и 3-й стихъ 94. псалма).

Προφθάσωμεν τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἐν ἐξομολογήσει καὶ ἐν ψαλμοῖς ἀλαλάξωμεν ἀυτῷ ὅτι θεὸς μέγας κύριος, και βασιλεὺς μεγας ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν σῶσον ἡμᾶς υἱὲ θεοῦ κ. τ. λ.

Предваримъ лице его воисповѣданіи и во псалмѣхъ воскликнемъ ему яко Богъ велій Господь и царь велій по всей земли. спаси ны Сыне Божій.

Третій стихъ: (изъ 4-го и 5. стиха 94. псалма).

Οτι ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τὰ πέρατα τῆς γῆς, καὶ τὰ ὕψη τῶν ὀρέων αὐτοῦ εἰσὶν.

Яко въ рукѣ его вси концы земли, и высоты горъ того суть.

ὅτι ἀυτοῦ ἐστιν ἡ θάλασσα καὶ ἀυτος ἐπόιησεν αὐτὴν, καὶ τὴν ξηρὰν αἱ χεῖρες αὐτοῦ ἔπλασαν.

Яко того есть море и той сотвори е, и сушу рукѣ его создастѣ.

Σῶσον ἡμᾶς υἱὲ θεῶ κ. τ. λ.

Спаси ны Сыне Божій.

[1]) Псалмы степеней ἀναβάθμων древніе Іудеи пѣли, при восходѣ по ступенямъ въ храмъ Соломоновъ. Объ Антифонныхъ пѣсняхъ упоминаютъ историки: Сократ. (кон. IV в.) Socr. 6. 8. p. 322 ἀντιφωνοι ὕμνοι и Созомент. V в. Soz. 8. 8. ἀντιφώνων ὠδῶν.

[2]) Въ праздники Богородичны поется: не во святыхъ дивенъ сый, а: молитвами Богородицы, въ Воскресные дни: Воскресый изъ мертвыхъ, въ нѣкоторые изъ двунадесятыхъ праздниковъ, родивыйся отъ Дѣвы, преобразивыйся на горѣ и проч.

Арх. А.

АНТІОХІЙСКІЙ РОСПѢВЪ сдѣлался извѣстенъ Православной русской церкви во второй половинѣ XVII вѣка. Пребываніе тогда вселенскихъ Патріарховъ въ Россіи, въ томъ числѣ и Патріарха Антіохійскаго вполнѣ объясняетъ намъ появленіе роспѣва Антіохійскаго. Впрочемъ очень немного сохранилось памятниковъ этого роспѣва: въ нотныхъ книгахъ, писанныхъ во время царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, встрѣчается „Херувимская пѣснь“ съ надписью „Антіохійская“? мелодія сей пѣсни изображена безлинейными нотами знаменнаго роспѣва.

Д. Р.

АНТОКОЛЬ, отъ литовскихъ словъ Ант-те-Колна т. е. на этой горѣ, на которой жили первоначальные поселенцы Вильна, до временъ Гедимина, и занимались рыбнымъ промысломъ, ибо Антоколь расположенъ на берегу Вилiи. Нынѣ, это живописное предмѣстье г. Вильны, замѣчательное многими археологическими достопримѣчательностями. По правой сторонѣ: Замковая гора, съ уцѣлѣвшими еще развалинами замка и подземельемъ; за нею трикрестовая гора, или турья; далѣе, гдѣ нынѣ костелъ св. Петра и Павла, во время язычества находилось капище литовской богини любви Мильды. Потомъ, такъ называемая литовская валгалла, или пантеонъ всѣхъ литовскихъ боговъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ военный госпиталь. Гельмольдъ описываетъ обряды и внутреннее устройство храма. По его словамъ, идолы, на деревянныхъ пьедесталахъ, разставлены были вокругъ главнаго идола, Перкуна. По четвергамъ совершалось здѣсь торжественное служеніе, стекались толпы народа и каждымъ жрецомъ зажигалась передъ идоломъ, котораго онъ былъ служителемъ, восковая свѣча, а народъ приносилъ жертвы. Изъ развалинъ этого храма въ XVII ст. Сапѣга построилъ палаты въ прекрасномъ готическомъ стилѣ. Зданіе это существуетъ и до сихъ поръ, утративъ первоначальный характеръ при передѣлкѣ подъ помѣщеніе военнаго госпиталя. Наконецъ при этомъ же предмѣстьѣ, по лѣвой сторонѣ, на берегу Вилiи, находились лѣтнія палаты великихъ князей литовскихъ. (См. Замковая, Турья, Бекешеная горы; Мильда; Вершубка; Вилiя).

А. Кир.

АПОСТРОФЪ, одна изъ кокизъ 7-го гласа знаменнаго роспѣва. Мелодію ея и безлинейное изображеніе между прочимъ можно видѣть въ Октоихѣ 7-го гласа, въ воскресныхъ стихирахъ на Стиховнѣ, надъ словами—во адъ сошедъ, Христе.

Д. Р.

АПРАКОСЪ отъ греческаго слова ἄπρακτος (Описаніе слав. рукоп. М. Синод. библ. I. стр. 215) означаетъ, недѣльное расположеніе чтеній изъ четырехъ евангелій т. е. евангеліе, расположенное для церковнаго употребленія по недѣлямъ, начиная съ Пасхи. Апракосъ ставится въ противоположность къ евангелію—тетръ или четвероевангелію, которое просто расположено по четыремъ евангелистамъ, и отъ того получило названіе τετραευαγγέλιον, τετραευάγγελον или τετραυάγγελον. Въ сххх посланіи Θеодорита сказано о четырехъ евангеліяхъ: „τῶν ἱερῶν ἐυαγγελίων τετραχτὸν (четверица).“ Во всѣхъ спискахъ евангелій, расположенныхъ по недѣлямъ, не всѣ недѣли года имѣютъ одинъ общій счетъ, какъ въ нынѣшнемъ печатномъ столпѣ евангелій, а три различныхъ счета: первый обнимаетъ недѣли отъ Іоанна въ числѣ 8 или иногда 7 т. е. до субботы, или иногда до понедѣльника по Пятдесятницѣ; второй—недѣли отъ Матѳея въ числѣ 17 т. е. до недѣли предъ Воздвиженіемъ включительно; третій — недѣли отъ Луки въ числѣ 17 т. е. до недѣли мясопустной, которая вмѣстѣ съ послѣдующею сыропустною не входитъ въ общій счетъ.—Списки евангелій по недѣлямъ были въ древности болѣе распространены, чѣмъ списки по евангелистамъ, по удобству для церковнаго употребленія. Къ этому издатели Описанія рукописей Сунодальной библіотеки, замѣчаютъ, что изъ всѣхъ рукописныхъ евангелій только два содержатъ текстъ по евангелистамъ, прочіе всѣ расположены по недѣлямъ (стр. 289, перваго отдѣленія). Въ Румянцовскихъ рукописяхъ, между Евангеліями отъ XII до

xiv вѣка, двѣнадцать списковъ расположены по чтеніямъ (апракосъ), одинъ только—по евангелистамъ. Самыя слова: апракосъ и тетрь встрѣчаются у насъ въ рукописяхъ съ xiii вѣка. Въ рукописи 1270 года (Румянц. М. № CV) стоитъ: „еванъгелие опраксъ съ бжиъ поучиниемь гн҃ бж҃ии оч҃е.“. Иногда вмѣсто греческаго слова стоитъ по русски: „Евангелие вседневное поучинаеться на святую пасхоу“ въ рукописи xiii вѣка (Румянц. М. № cvi). Въ другомъ евангеліи конца xv или начала xvi вѣка (Румянц. М. № cxv) помѣщены и греческое и русское выраженія: „еѵ҃лїе апракъсъ еже есть вседневное.„ Въ евангеліи 1544 года (Румянц. М. № cxvi) въ послѣсловіи сказано: „.... а се написано еѵ҃лие опрако на памѧ себѣ повелѣніемъ раба бжиѧ князѧ Олександра ивановича Казеского...“ Въ началѣ на переплетной доскѣ евангелія 1358 года (№ 25 (69) въ Сvнодальной ризницѣ) написано, почеркомъ xvii вѣка: “еѵ҃лїе апракосъ харатеное ѿ кервнїа тѵпографіи.“ Въ рукописяхъ xvi вѣка: „Оуказъ како утется тетра еѵ҃лїе“. (Опис. Сvнод. библ. стр. 267 и 280). Выраженія апракосъ и тетро свойственныя только евангеліямъ, примѣняются въ рукописяхъ и къ Апостолу. Въ Апостолѣ, писанномъ въ 1495 году сказано въ послѣсловіи: „.... иже велико дѣло сътворити повелѣ перевести апостолъ с тетра на апракосъ безъ всякого превословія и писцов мьзоу дасть оусоугоубивъ ·.·.“ (Востоковъ. Опис. Румянц. М. стр. 12. № ix.

Горскій и Новоструевъ. Описаніе славян. рукописей М Сvнодальной библ. М. 1855. т. I. Востоковъ. Описаніе Румянцовскаго Музеума. Спб 1842 4°.

Гр. У.

Артемій, Туровскій священникъ и знатокъ знаменнаго безлинейнаго пѣнія, жилъ во второй половинѣ xvi в. Ему принадлежалъ нотный раздѣльноречный Сборникъ на безлинейныхъ нотахъ знаменнаго роспѣва, заключавшій въ себѣ на 265 л. Ирмологій и Октоихъ. Этотъ сборникъ in 4°/ писанъ полууставомъ и въ концѣ начальныхъ листовъ имѣетъ слѣдующую подпись: „лѣта 7079 (1571) далъ сію книгу „ірмолои въ домъ пре„чистые богородицы восифовъ монастырь, туровской священникъ артѣ„мей по своей души, при книгохранителѣ Митрофанѣ, послѣ описи“. Сборникъ сей принадлежалъ Іосифову Волоколамскому монастырю, а нынѣ находится въ Москов. Епархіальной Библіотекѣ, подъ № 250.

Д. Р.

Асценсіо, отъ ascensio, повышеніе, означаетъ восходящій порядокъ звуковъ въ музыкальной лѣствицѣ. Дилецкій въ Ідеѣ грамматикіи (1679 г. ркп. Б ки М. Д. А. № 107. стр. 46. 47) писалъ: „хотяще выставити со„вершеннаго мусикію во имя господне прелагаю возшествія и низшест„вія, ими же составляется всяческое пѣніе. И тако начинающе писати „первую прелагаю, яже латински именуется асценсіо, первый степень“.

Д. Р.

Атекстаmисъ, способъ изготовлять мелодію безъ текста и потомъ къ готовой уже мелодіи пріискивать приличный ей текстъ. Дилецкій въ ідеѣ грамматикія мусикійской такъ изъясняетъ этотъ способъ или, какъ онъ называетъ, правило (1679 г. ркп. Б ки М. Д. А. № 107. л. 77). „Правило безрѣчное, „пишетъ онъ, именуемое латински атекстаmисъ, сіе есть, „когда творецъ пѣнія прежде безъ рѣчей смышляетъ пѣніе, по семъ же

„подъ ноты текстъ, сирѣчь рѣчи полагаетъ смышленнымъ отъ него но-„тамъ приличныя".

Д. Р.

АТЛАМБА. Въ Вильнѣ самая древняя мѣстность называется Баштa. Это высокая гора, на берегу Вилейки. Здѣсь, еще до временъ Гедимина, было укрѣпленіе. Хроника Ротунда, приводимая Нарбуттомъ, говоритъ, что подъ этой горой находится подземелье съ каменными сводами, имѣющее особыя залы, ниши и т. п. Здѣсь по словамъ хроники, находилось языческое капище, называемое Атламбой. Народное преданіе и до сихъ поръ приписываетъ много таинственнаго этому подземелью, которое, будто бы—простиралось до г. Трокъ; легенда говоритъ, что здѣсь жили злые духи, непостижимою силою увлекавшіе людей въ это таинственное мѣсто, гдѣ они потомъ погибали. Иванъ Скавронскій, описывая пожаръ 1610 г., истребившій почти весь городъ, между прочимъ, говоритъ о Василискѣ, который однимъ своимъ взглядомъ убивалъ людей. Онъ же разсказываетъ народное преданіе, что нашелся смѣлый человѣкъ, который хитростью съумѣлъ побѣдить Василиска; онъ отправился въ подземелье держа передъ собою большое зеркало, и когда встрѣтился съ Василискомъ, тотъ увидѣвъ свой обликъ въ зеркалѣ, былъ пораженъ собственнымъ взглядомъ и палъ мертвый. Что подъ горой Баштой существуетъ подземелье, неподлежитъ никакому сомнѣнію. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь скрывались грабители, нападавшіе ночью на прохожихъ. Еще въ 1812 г. можно было пройти на разстояніи полуверсты. Существуетъ и до сихъ поръ входъ въ подземелье, нынѣ на глухо задѣланный. (См. мои Przechadzki po Wilnie, 2-oe изд., 125).

А. Кир.

АѲАНАСІЙ клирошанинъ московскаго Спасскаго монастыря, жившій въ первой половинѣ XVI в. Вмѣстѣ съ другимъ клирошаниномъ Герасимомъ, онъ приходилъ къ Отенскому иноку Зиновію для духовной бесѣды съ нимъ и въ подтвержденіе своихъ мыслей ссылался на „столповыя книги".

Д. Р.

АѲАНАСЬЕВЪ Гавріилъ (Гаврилко Ѳонасьевъ) царскій пѣвчій дьякъ. Въ 1551 г. 20 сентября царь Іоаннъ Васильевичъ далъ ему жалованную грамоту на приставство по Троицкому Сергіеву монастырю и по другимъ, приписнымъ къ нему, монастырямъ (Акт. Ист. т. II. № 157).

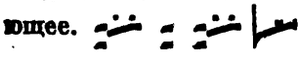
Д. Р.

В—одна изъ киноварныхъ буквенныхъ помѣтъ XVI и послѣдующихъ вѣковъ; встрѣчается весьма часто въ безлинейныхъ нотныхъ книгахъ, употреблявшихся для пѣнія при Богослуженіи; въ скорописи имѣетъ начертаніе ъ и есть начальная буква цѣлаго слова: борзо, т. е. скоро.

Д. Р.

ВАГРЯНИКА, книга, краткая мелодія знаменнаго роспѣва 6-го гласа. Названіе свое получила отъ слова багряницу, надъ которымъ встрѣчается безлинейное начертаніе ея въ стихирахъ изъ службы Великаго пятка.

Д. Р.

БАРАНЪ, ѳита, продолжительная мелодія знаменнаго роспѣва 4-го гласа. Названіе свое получила отъ слова бяше, надъ которымъ встрѣчается безлинейное начертаніе ея въ стихирѣ слава и нынѣ на стиховнѣ въ день Успенія Божіей Матери. Безлинейное начертаніе ѳиты — слѣдующее. 

Д. Р.

БАСКАКОВЪ ПЕРЕВОДЪ извѣстенъ болѣе исторически. О пѣвческомъ значеніи его въ настоящее время трудно составить себѣ опредѣленное понятіе.

Д. Р.

БАСЪ см. Э. Л. Плюшара. Пѣвцы второй половины XVII в. подъ словомъ басъ разумѣли вообще основную партію, въ какомъ бы объемѣ звуковъ она ни находилась. Дилецкій въ ідеѣ грамматикіи мусикійской (1679 г. Ркп. Б-ки М. Д. А. № 107. л. 181) писалъ: „вопрошаеши мя, что „есть басъ; отвѣщеваю: бассъ именуется отъ баси (basis), иже гречески „(βασις), славенски же основаніе, понеже пѣніе на немъ утверждается и „основаніе имать: но не разумѣй басса быти, когда толсто поетъ, но сего басса быти разумѣй, иже басовые поетъ ноты.“ Въ XVII в. различали басъ обыкновенный, грефъ, дуральный, крыжакъ, смѣшанный, алтембасъ.

Д. Р.

БЕЗВОРОДЫЙ Маркелъ, прибывшій изъ Новгорода въ Москву около 1557 г., знатокъ безлинейной семеіографіи знаменнаго роспѣва, положилъ на ноты псалтирь (Унд. Зам. о церк. пѣн. М. 1846 г. стр. 6. 22).

Д. Р.

Безлѣ,—безлѣтнаго сына—киноварная приписка на полѣ нѣк. рукописей знаменнаго роспѣва XVII в., одно изъ педагогическихъ пособій для малоопытныхъ пѣвцовъ. Оно означало, что мелодіею сихъ словъ, взятыхъ изъ 5-й пѣсни ирмолога 4-го гласа, должно быть исполнено безлинейное начертаніе ѳиты, противъ которой онѣ находились.

Д. Р.

БЕЗРѢЧНОЕ пра́вило, см. атекстались.

БЕМОЛЬ, иначе **БЕМУЛЬ**, музыкальный знакъ, показывающій что находящаяся послѣ него нота понижается на одинъ полутонъ. Нынѣ — бемоль.

Д. Р.

БЕМИУЛЯРНАЯ МУСИКІЯ. Дилецкій въ ідеѣ грамматикіи мусикійской (1679 г. ркп. Б-ки М. Д. А. № 107. л. 18) писалъ; „бемиулярная мусикія „есть когда имать въ началѣ единое, или двое, или трое, или четыре въ „началѣ ключа положенное.“

Д. Р.

БЕРЕЖАНСКІЙ, Петръ Ивановъ, одинъ изъ Кіевскихъ пѣвчихъ, вызванныхъ въ Москву, въ половинѣ XVII в., для обученія партесному пѣнію.

Д. Р.

БИЛО ИЛИ КЛЕПАЛО—деревянная доска или желѣзная полоса въ которую ударяли колотушкою. У Грековъ било извѣстно подъ именами σήμαντρον, σημαντὴρ или σημαντήριον, отнуда произошло Symandrum. „Græca etymologia", замѣчаетъ Hieronymus Magius: „a convocandis hominibus seu potius coadunandis". Греки также дѣлали различіе по веществу, изъ котораго сдѣлано было било. Когда доска была деревянная, то её называли symandrum; когда же желѣзная полоса замѣняла деревянную доску, то она принимала названіе ἁγιοσίδηρον, священное желѣзо и служила преимущественно для сопровожденія святыхъ Таинъ къ больному или къ умирающему. Дюканжъ доказываетъ, что существовали также и σήμαντρον σιδηροῦν, и приводитъ въ примѣръ описаніе желѣзнаго клепала съ Аѳонской горы. Вѣроятно и у насъ существовало тоже различіе; **било** означало деревянную доску, между тѣмъ какъ **клепало** означало желѣзную. Но изъ приводимыхъ ниже двухъ свидѣтельствъ, надо заключить, что желѣзное клепало, по причинѣ тяжести своей, висѣло и служило или вмѣсто настоящихъ колоколовъ, или было употребляемо наравнѣ съ ними. О новгородской церкви Св. Филиппа сказано, по случаю литья колокола въ 1558 году: „и не бысть ко„локола большаго и никакого и отъ созданія церквей каменныхъ Св. Апо„стола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175-ть лѣтъ, а били же„лѣзное **клепало**" (Церковная лѣтопись въ Синодикѣ XVII вѣка. Макарій. Арх. Опис. Новгорода. II, 277; I, 380). Въ описи 1682 года Звѣрина монастыря въ Новгородѣ, кромѣ трехъ небольшихъ колоколовъ, была еще „**доска желѣзная**." (Макарій. ibidem. II, 277. I, 143). — Въ рукописномъ Синодикѣ XVI вѣка (Собр. гр. Уварова. № 272 въ 4°; листъ 162) изображено **било**, въ которое ударяетъ монахъ. Доселѣ еще **била** употребляются въ греческихъ монастыряхъ и на Аѳонѣ. (см. Didron. Описаніе Аѳонскихъ монастырей). Въ слободѣ Плотяной подъ Пронскомъ, (Рязанской губерніи) на колокольнѣ древней дубовой церкви Воскресенія, хранится клепало или било. „Это не что другое, какъ дугообразная желѣзная полоса, имѣющая на срединѣ, вмѣсто ушковъ колокольныхъ, двѣ скважины; чрезъ посредство сихъ отверстій укрѣплялась къ билу: языкъ и цѣпь, какъ веревка; первыя употребляли какъ орудіе для произведенія звука, а съ помощію второй, било, подобно колоколу, привязывали къ поперечнику колокольни. Въ другихъ мѣстахъ, ближайшихъ къ югу (въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ Польши, въ Венгріи, въ Далмаціи и пр.) видали нѣкоторые било круглымъ, кольцеобразнымъ, подобное большое каменой шинѣ." Отечестг. Записки. 1828. ч. XXXVI. № 102. стр. 72—73.—Въ Соловецкомъ монастырѣ сохранилось: „клепало каменное въ которое ударали къ церковной службѣ во время игуменства пр. Зосимы." Описанія Соловецкаго монастыря. М. 1836. I, стр. 302.

Hieronymi Magii Anglarensis de Tintinabulis. Amstelœdami, 1689 cap. XV. pag. 72.

Augusti. Handbuch der christl. Arch. I. pag. 403.

См. всѣ сочиненія о колоколахъ.

Ducange. Glossarium. Σήμαντρον. Гр. У.

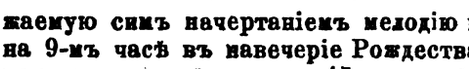
Примѣчаніе. Бывали еще и била келейныя, такъ св. Александръ Свирскій въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о **бильцѣ келейномъ**. Била такъ же какъ колокола церковные, раздѣлялись на большые и малые. Въ книгѣ **тріодъ цвѣтная**, въ уставѣ Божественной литургіи въ день св. Пасхи, читаемъ: „Экклесіархъ внѣ храма ударяетъ въ било великое и кампанъ (колоколъ)." Въ большомъ требникѣ, въ чинѣ постриженія въ малую схиму, сказано: „за-

неже ударити въ малое и начати братіи часы", слово малое прямо относится къ билу, въ противномъ случаѣ, еслибы это относилось къ колоколу, камнану, сказано было бы въ малый. Била теперь у насъ въ Россіи составляютъ археологическую рѣдкость: кромѣ пронскаго била при церкви Воскресенія Христова, другое въ видѣ полосы находится Новгородской губерніи Кириловскаго уѣзда въ селѣ Бородаевѣ при церкви Положенія Ризъ, въ это било ударяютъ камнемъ, повѣшено же оно какъ и пронское: чрезъ отверстія сдѣланные въ самыхъ билахъ, куда продѣваются веревки, и такимъ образамъ вѣшаются на перекладинахъ на колокольнѣ съ прочими колоколами. —

Р. Игн.

БИРЮЗА, кокиза, краткая мелодія 2 и 8-го гласа знаменнаго роспѣва. Безлинейное начертаніе сей кокизы и самую мелодію ея можно видѣть въ вечернихъ стихирахъ Октоиха 2-го числа надъ словами: со архангелы воспоимъ и въ вечернихъ же 8-го гласа стихирахъ на день Воздвиженія Честнаго Креста (14 сент.), надъ словами: подножію твоему вопія.

Д. Р.

ВИСЕРЪ—ѳита, продолжительная мелодія въ 6-мъ гласѣ знаменнаго роспѣва. Безлинейное начертаніе ея не во всѣхъ нотныхъ рукописяхъ одинаково; чаще другихъ встрѣчается  . Выражаемую симъ начертаніемъ мелодію можно видѣть въ знаменномъ роспѣвѣ на 9-мъ часѣ въ навечеріе Рождества Христова надъ словами: днесь раждается отъ дѣвы и въ 15 антифонѣ великаго пятка надъ словами—днесь виситъ на древѣ.

Д. Р.

БЛАГОСЛОВЕНЪ, киноварная надпись на полѣ нотныхъ рукописей знаменнаго роспѣва XVII в., одно изъ педагогическихъ пособій для малоопытныхъ пѣвцовъ. Она означала, что кокиза, противъ которой она поставлялась, содержитъ въ себѣ туже мелодію, какую имѣетъ слово: благословенъ, въ стихирахъ 6-го гласа на день Рождества Богородицы и въ недѣлю Ваій.

Д. Р.

БОГЪ,—БОГЪ БѢ или полнѣе—Богъ бѣ рождейся. Въ нтн. безлинейныхъ рукописяхъ знаменнаго роспѣва XVII в. одно изъ этихъ словъ, или въ совокупности съ другими, писалось киноварью, большею частію на полѣ рукописи, какъ учебное пособіе для пѣнія ѳитныхъ лицъ 1-го 5 и 7-го гласа. Оно показывало пѣвцамъ, что ѳитное лицо, противъ которой поставлялась сія надпись, выражаетъ собою мелодію, свойственную словамъ: Богъ бѣ рождейся (въ воскресныхъ стихирахъ Октоиха 1го гласа).

Д. Р.

БОДРО, одно изъ качествъ, относящихся къ исполненію богослужебнаго пѣнія. Въ лѣтописяхъ замѣчается, что въ новолѣтіе 1667 и 1675-го года „пѣвчіе патріарховы дьяки тропарь Всемилостивому Спасу (пречистому Твоему образу покланяемся, благій) пѣли бодро (Доп. къ V Т.

Акт. Ист. Спб. 1853 г. стр. 112. 152). Сущность этого качества, по догадкамъ, опредѣлить трудно.

Д. Р.

Болгарскій роспѣвъ, по богослужебному употребленію своему въ Православной Грекороссійской церкви восходитъ къ началу ея. Существующіе же нотные памятники сего роспѣва—не старѣе второй половины XVII в. Не мало пѣснопѣній болгарскаго роспѣва содержится и въ печатныхъ нотно-линейныхъ книгахъ, издаваемыхъ по благословенію Св. Синода. Болгарскій роспѣвъ, подобно всѣмъ прочимъ древнимъ богослужебнымъ роспѣвамъ, основанъ на осмогласіи. Характеръ гласовъ болгарскаго роспѣва лучше всего опредѣляется техническимъ устройствомъ ихъ. Область перваго гласа болгарскаго роспѣва состоитъ изъ пентахорда—do, re, mi, fa, sol; окончательнымъ звукомъ служитъ — re, а господствующимъ — fa. Вообще всѣ областные звуки, по количественному употребленію въ 1-мъ гласѣ болгарскаго роспѣва, могутъ быть расположены въ порядкѣ — fa-mi-re-sol do, т. е. чаще употребляется fa, чѣмъ mi,—чаще mi, чѣмъ re и т. д. Область 2-го гласа болгарскаго роспѣва, si-do-re-mi, имѣетъ господствующимъ звукомъ—re, а окончательнымъ si, и самые звуки по количественному содержанію располагаетъ въ порядкѣ re, mi, si, do. Въ области 3-го гласа болгарскаго роспѣва do-re-mi-fa окончательнымъ звукомъ служитъ re, а господствующимъ—mi, и самые звуки, по количественному употребленію, соблюдаютъ порядокъ: mi, re, do, fa. Четвертый гласъ болгарскаго роспѣва написанъ въ области la, si, do, re, съ окончательнымъ звукомъ — la и господствующимъ — re; самые звуки сохраняетъ въ порядкѣ re, do, si, la, т. е чаще употребляетъ re, нежели do,—чаще do, чѣмъ si и т. д. Область пятаго гласа болгарскаго роспѣва la, si, do, re, mi, имѣетъ господствующимъ звукомъ mi, а окончательнымъ—la, и порядокъ mi, re, do, la, i. Шестый гласъ болгарскаго роспѣва идетъ въ области la, si, o, sre, чаще всего употребляетъ re, оканчиваетъ пѣснопѣнія на si, и вообще областные звуки сохраняетъ въ порядкѣ re, do, si, la. Въ области 7-го гласа болгарскаго роспѣва do, re, mi, fa господствующимъ звукомъ служитъ fa, а окончательнымъ do; порядокъ между звуками наблюдается слѣдующій: fa, mi, re, do. Восьмый гласъ болгарскаго роспѣва совершается въ области do, re, mi, fa, sol, т. е. въ той же, въ какой обыкновенно идетъ и первый гласъ болгарскаго роспѣва. Господствующій звукъ 8-го гласа болгарскаго роспѣва есть mi, а окончательный do. Замѣтить впрочемъ надобно, что гласовые законы болгарскаго роспѣва выведены здѣсь на основаніи пѣснопѣній болгарскаго распѣва, напечатанныхъ въ нтн. богослужебныхъ книгахъ Русской церкви. Рукописи же, содержащія въ себѣ болгарскій роспѣвъ, даютъ поводъ думать объ иной формѣ въ построеніи гласовъ болгарскаго роспѣва. Гласовая мелодія болгарскаго роспѣва отличалась разнообразіемъ. Каждый гласъ имѣлъ два вида мелодіи: продолжительную и краткую. Продолжительная, украшенная мелодія назначалась для дней воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ; краткая же мелодія употреблялась въ обыкновенные, непраздничные, будничные дни. Въ нтл. рукописяхъ, относящихся ко второй половинѣ XVII в., весьма нерѣдко встрѣчаются пѣснопѣнія, называемыя по различной протяженности въ мелодіи „болгарскіе большіе“ и „болгарскіе малые“, а по церковному употребленію и назначенію или „недѣльные“ или „дневные.“ Лучшая изъ видѣнныхъ мною рукописей болгарскаго роспѣва находится въ П—мъ гр. А. С. Уварова in 4° № 807.

Д. Р.

волонокъ, по другимъ **солонокъ**, киноварная или краткая мелодія 4-го знаменнаго роспѣва. Безлинейное начертаніе ея и мелодію можно видѣть въ первой пѣсни ирмолога надъ словами: море чермную пучину.

Д. Р.

вольшая — дербица, — навычка, — наметка, — ометка, — пакша, — перевертка, — переметка, — повертка, — пригласка, — чашка, — ѳита. См. сіи слова.

вольшія — кережи, — кудри. См. сіи слова.

вольшой — недоскокъ, — опрометъ, — скочекъ, — шибокъ. См. сіи слова.

вольшой роспѣвъ, или точнѣе, продолжительный видъ богослужебнаго роспѣва. Каждый изъ роспѣвовъ, употребляемыхъ въ Православной Грекороссійской церкви, знаменный, греческій, болгарскій и пр. имѣетъ два вида: малый, краткій, приличный богослуженію вседневному, будничному, и большой продолжительный, украшенный въ пѣвческомъ смыслѣ, принадлежность торжественнаго богослуженія во дни воскресные, праздничные, и вообще такихъ дней, когда богослуженіе совершалось съ нарочитымъ благолѣпіемъ, напр. при поставленіи епископовъ, при возведеніи митрополитовъ съ низшей митрополіи на высшую, при погребеніи царей и пр. При выносѣ тѣла в. к. Василія Ивановича „дьяки его и пѣвчіе большая станица начаша пѣти святый Боже большую“ (Царств. Кн. Спб. 1769 г. стр. 33). Въ нотномъ сборникѣ, писанномъ въ 1-й половинѣ XVII в. (М. О. П. № 55. л. 36 и 37.), также замѣчено: „въ навечеріе Р. Хри„стова по окончаніи часовъ, избранный діаконъ, ставъ прямо аналогію и „творитъ обычное поклоненіе ко святымъ иконамъ, и обращься ко игу„мену творитъ поклоненіе и вземъ благословеніе отъ игумена, и шедъ „прямо востоку одесную страну аналогія и чтетъ велегласно тропарь: „днесь раждается отъ Дѣвы—весь до конца. Тажъ славитъ царя.... многолѣтна. А въ соборней и апостольстей церкви честнаго и славнаго „ея Успенія, егда прокличетъ царю многолѣтна, клирицы поютъ много„лѣтіе большее. Аще поемъ часы у царя въ полате или въ хоромехъ, „и егда діаконъ прочтетъ велегласно тропарь—днесь раждается отъ „Дѣвы, и многолѣтны всѣ, потомъ поютъ другій ликъ—днесь раждается отъ Дѣвы. Тажъ первый ликъ поютъ царю многолѣтіе большое.“ Въ 1667 г. „7-го марта въ 5 ю субботу поста пѣвчіе дьяки Патріарши пѣли на обѣихъ крылосѣхъ взбранной воеводѣ по второй кѳизмѣ и по третіей и по шестой пѣсни греческую меньшую а послѣднюю самую пѣли на сходѣ обѣ станицы большую греческую (Доп. къ V том. Акт. Истор. Спб. 1853 г. стр. 122).

Д. Р.

волѣвоше, киноварная приписка на полѣ нѣкоторыхъ раздѣльно-рѣчныхъ знаменныхъ рукописей, относящихся къ 1-ой половинѣ XVII в. Она составляла одно изъ педагогическихъ пособій для малоопытныхъ пѣвцовъ и указывала имъ, что ѳита, находившаяся противъ этого слова, выражала собою туже мелодію, какую имѣло слово волѣвоше въ вечернихъ 3-го гласа стихирахъ въ недѣлю Пятьдесятницы.

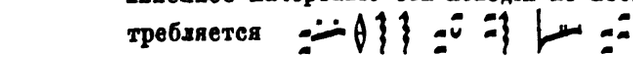
Д. Р.

ворзая мережа см. мережа.

ворзо, собственно скоро. Начальная буква сего слова принадлежала къ числу помѣтъ знаменной семеіографіи и вошла въ употребленіе во второй половинѣ XVI в. Она означала собственно, что ноты, выражаемые

знаменемъ, къ которому она приставлена, уменьшаютъ свою продолжительность, идутъ скорѣе по музыкальной мѣрѣ. Такъ напр. запятая, одна изъ нотъ знаменнаго безлинейнаго пѣнія означаетъ всегда бѣлую ноту, но таже запятая съ киноварною помѣтою борзо означаетъ уже чорную ноту . Отсюда понятно, какой смыслъ заключаютъ въ себѣ замѣчаніе пѣвчихъ азбукъ: „идѣже стоятъ буки, то знамя пой борзо. Идѣже двои буки, то являетъ борзѣе того пѣть.“

Д. Р.

БОРИСОГЛѢБСКАЯ ѳита, продолжительная мелодія знаменнаго роспѣва 6 го гласа Названіе свое получила отъ того, что встрѣчается только въ стихирахъ въ честь Бориса и Глѣба надъ словами — радуйтася. Безлинейное начертаніе сей мелодіи не всегда однообразно; болѣе всего употребляется  Д. Р.

БОРОДА Исаія, Новгородскій пѣвчій, старецъ Новгородскаго Юрьева Монастыря, пріявшій иночество въ монастырѣ Іосифа Волоколамскаго (Моск. губ.). Памятникомъ его любви къ церковному пѣнію служитъ нотный ркп. сборникъ, заключающій въ себѣ стихиры на весь годъ и Ирмологій, на нотахъ знаменнаго безлинейнаго пѣнія, in 4°/, въ одной книгѣ на 613 листахъ. Этотъ сборникъ въ 1569 г. пожертвованъ Исаіею къ Іосифовъ Монастырь, откуда подъ № 240 поступилъ въ Б—ку Моск. Дух. Академіи, гдѣ и доселѣ находится. На начальныхъ листахъ сей рукописи находится подпись: „далъ сей стихараль старецъ Юрьева Манастыря ісаиа по реклу борода, новгородецъ, а постриженікъ Іосифова Монастыря, а далъ по своей души Восифовъ Монастырь, при ігумене Леониде лѣта 7077 (1569) мѣсяца апрѣля 28 дня“.

Д. Р.

БРАЛЬЯ, отъ — брать, выбирать или выдергивать нити изъ полотна для составленія желаемаго сѣтчатаго узора, который укрѣплялся въ нитяхъ уже посредствомъ шитья. Женщина, изготовлявшая такой узоръ, обыкновенно на убрусахъ (полотенцахъ), скатертяхъ, пологахъ и т. п., называлась бральею. Въ царскомъ хамовномъ дѣлѣ, каждая бральня была обложена годовымъ дѣломъ-урокомъ, „а на дѣло брални тонкихъ и двойныхъ убрусовъ берутъ 8 убрусовъ (полотенецъ); брални двойныхъ и тройныхъ скатертныхъ столбцовъ на дѣло брали по 2 столбца, на каждое дѣло шло имъ жалованья 23 алт. 2 деньги за дѣло убрусовъ и 46 алт. 4 д. за дѣло скатертей. При бральняхъ находились пряльи и бѣляницы (см. эти слова) готовившія для нихъ пряжу.

И. З.

БРАТСКІЙ ДВОРЪ, также съѣзжій дворъ, слободской дворъ, построенный или нанятый на общественныя слободскія деньги для собраній по дѣламъ общины. Такіе дворы находились въ старину въ каждой слободѣ, управлявшейся своими выборными. „7206 г. февр. 7. Казенныя слободы (въ Москвѣ), староста и всей той казенной слободы тяглецы, выбрали мы на брацкомъ дворѣ со всего брацкаго совѣту въ цѣловальники тоежъ казенныя слободы тяглеца человѣка добраго и пожиточнаго Ѳедора Иванова, что быть ему у пріему и у раздачей В. Государя хлѣбнаго жало-

ванья Преображенскаго и Семеновскаго полковъ пѣхотнаго строю и всякихъ чиновъ людемъ на 206 годъ... — „208 г. октября 17 въ Тулѣ кузнецъ Ив. Баташовъ на братской дворъ его Дмитрея Пантелева сына Жилина привелъ... и на улицу за ноги съ братскаго двора не таскивалъ, только де онъ его на братскомъ дворѣ бранилъ и воромъ называлъ и спорилъ...“ Дѣло объ обидѣ Тульскаго казеннаго кузнеца Пантелея Жилина, въ которомъ братскій дворъ именуется также и съѣзжій дворъ.

Такимъ образомъ братскій дворъ былъ мѣстомъ общаго схода, мѣстомъ, гдѣ разбирались, обсуждались и рѣшались всѣ дѣла общины. Онъ соотвѣтвовалъ теперешнимъ сельскихъ домамъ, въ которыхъ находятся волостныя и сельскія правленія или управы. Въ старинномъ общественномъ и полицейскомъ управленіи Москвы такіе дворы находились въ каждой слободѣ, ибо встарину каждая Моковская слобода управлялась сама собою, посредствомъ своихъ выборныхъ старостъ и десятниковъ. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ центральнаго полицейскаго управленіяи съ раздѣленіемъ города на части значеніе братскихъ дворовъ перешло на частные домы, которые вначалѣ назывались также съѣзжими дворами, такъ какъ и часть, называется и до сихъ поръ съѣзжеею. Припомнимъ всегородную избу въ древнемъ Псковѣ и схожія избы въ Новгородскихъ погостахъ, куда погощане сходились по воскресеньямъ разсуждать объ общихъ дѣлахъ или разбирать и рѣшать свои споры и ссоры.

И. З.

БѢЛЯНИЦА И БѢЛЯНИЦА — ПРЯЛЬЯ, женщина готовившая бѣль, бѣлевую пряжу для бранья скатертей (см. бралья). Въ царскомъ хамовномъ дѣлѣ въ XVII ст. бѣляницы были обложены, каждая, годовымъ дѣломъ, бѣляницы двойныхъ скатерныхъ столбцовъ давали на дѣло, на свой урокъ, бѣли по 4 столбца; а бѣляницы тройныхъ столбцовъ пряли на дѣло по 8 столбцовъ. Жалованья получали на дѣло по 47 алт. 4 деньги.

И. З.

БУКВАРЬ на музыкальномъ языкѣ XVII и даже XVIII в., означалъ тоже, что пѣвческая скала или лѣствица. Лѣствица съ однимъ или нѣсколькими бемолями въ ключѣ называлась букваремъ беммолярнымъ, — съ однимъ или нѣсколькими діезами въ ключѣ называлась букваремъ діезисовымъ, — лѣствица же, неимѣвшая никакихъ знаковъ измѣненія въ ключѣ; называлась букваремъ дуральнымъ.

Д. Р.

БЫКОВСКОЙ Михайло (Мишко, Мишка, Осиповъ, Кіевскій пѣвчій прибывшій въ Москву въ половинѣ XVII в. для обученія партесному пѣнію.

Д. Р.

ГЕДИМИНОВА ГОРА, подъ этимъ именемъ извѣстны двѣ горы: одна между Ковно и Юрборгомъ, при р. Нѣманѣ, подъ Вѣлоной. Другая въ Вильнѣ, между Поповщизной и Антоколемъ. Въ Вильнѣ высокій насыпной курганъ, господствующій надъ окрестными горами и надъ цѣлымъ городомъ, съ незапамятныхъ временъ называютъ могилою Гедимина. Такъ ее называютъ и старинные писатели. Въ одной рукописи XV ст. подъ заг: De veteribus Tumilis vulgo Kurhani num kupatis, описано преданіе объ этой могилѣ. Д. Наборовскій въ посланіи къ князю Янушу Радзивиллу,

18 сентября 1729 г. говоритъ тоже про Гедиминову гору. Вел. кн. Гедиминъ убитъ въ сраженіи съ Крестоносцами при Вѣлонѣ въ 1339 г. Стрыйковскій говоритъ, что прахъ Гедимина привезенъ былъ въ Вильно, сожженъ на долинѣ Свинторога, вмѣстѣ съ тремя военноплѣнными рыцарями, и что сыновья заблаговременно приготовили ему мѣсто вѣчнаго успокоенія. Въ Вѣлонѣ же и окрестныхъ мѣстахъ народное преданіе оспариваетъ прахъ Гедимина, утверждая, что онъ сожженъ на мѣстѣ убіенія, т. е. при Вѣлонѣ. Кажется вопросъ легко разрѣшится, допустивъ мысль, что на мѣстѣ убіенія великаго князя, въ память его насыпанъ былъ курганъ, сохранившій доселѣ его имя; но, что прахъ его дѣйствительно былъ привезенъ въ основанную имъ столицу, сожженъ на долинѣ, избранной для этой цѣли внизъ Свинторогомъ за 69 лѣтъ предъ тѣмъ, и что по современному обычаю надъ его прахомъ насыпанъ большой курганъ. На вершинѣ кургана небольшая круглая равнина съ замѣтнымъ посреднѣ углубленіемъ.

А. Кир.

ГУДОКЪ, ГУДКИ, особой формы балясникъ, названный такъ, быть можетъ, по сходству въ фигурѣ съ старинным музыкальнымъ инструментомъ, гудокъ. 189 г. Кровлю покрыть... полаткою съ полицами и около обвесть гудками.

1720 г. Изъ сѣней къ хоромамъ переходы съ одной стороны забрано гудками. Дом. бытъ Р. Ц. 399. 411.191 г. На крышку полатъ на перильные гудки... тесу. — Расх. кн. строильн. матеріал.

И. З.

ДУХОВНАЯ ПАМЯТЬ. Это есть юридическій актъ на владѣніе завѣщаваемаго вкладчикомъ пожертвованія. Она заключала въ себѣ полную перечень пожертвованій съ изъясненіемъ „кому что дати, на комъ что взяти и кому душа поминати“ Буквальное значеніе ея происходитъ отъ глагола помнить и есть актъ, напоминающій о завѣщаніи и ограждающій пожертвованія отъ вмѣшательства родственниковъ, коимъ приказывалось „въ памати не вступатися“. Духовною называлась память потому во 1-хъ, что писалась на поминъ своей души и душъ сродниковъ и во 2-хъ потому, что закрѣплялась подписомъ духовнаго отца. (Архивъ 1862 г. кн. 4).

Свящ. Св.

ЕРДАНЬ, означаетъ шею; но въ особенности ерданью называлось въ одеждахъ то мѣсто оплечья, которое обхватывало самую шею. Опись арх. ризницы Софійскаго собора 1690. л. 26, 27: „(у епатрахили) ердань отласъ желтой травчатой; надложена патрахиль тафтою красною,“ строена при Никонѣ Митрополитѣ“. (Макарій. Арх. Опис. Новгорода II. 327. 328). Л. 17. „Саккосъ — алтабасъ серебряный гладкой..... около ердана и зарукавья тесьма золотая“.

ЕРУСАЛИМЫ или ІЕРУСАЛИМЫ см. Сіоны. Гр. У.

КАМЕННЫХЪ ДѢЛЪ ПОДМАСТЕРЬЕ. Такъ назывались строители каменныхъ зданій. По переводу на теперешнее понятіе это были „архитекторскіе помощники“ или же и самые „архитекторы.“ Скромное наименованіе подмастерій русскіе старинные мастера — архитекторы стали носить, по всему вѣроятію, со времени пребыванія въ Москвѣ итальянскихъ и другихъ иноземныхъ мастеровъ, предъ которыми, конечно, русское каменное

дѣло по необходимости становилось на второе мѣсто. Въ теченіи XVII ст. ни одного Русскаго имени не встрѣчается съ обозначеніемъ мастера кам. дѣла; между тѣмъ подмастерья исполняютъ постройки, даже весьма значительныя, прочныя и красивыя, самостоятельно и независимо отъ наблюденій и указаній какого либо иноземнаго мастера. Ими выстроено множество церквей, существующихъ доселѣ, нерѣдко замѣчательныхъ по своей красотѣ. Подмастерья составляли смѣты, смѣтныя росписи, дѣлали примѣрные чертежи, вообще управляли заводомъ, хозяйствомъ постройки и главное ея указомъ, ея архитектурнымъ, собственно мастерскимъ и техническимъ исполненіемъ. Они же составляли списки каменщиковъ и кирпичниковъ, когда требовалось собрать ихъ къ какому либо дѣлу. Къ сожалѣнію мы имѣемъ мало свѣдѣній не только о работахъ нашихъ русскихъ мастеровъ — архитекторовъ, но даже и объ ихъ именахъ. На первый разъ сообщаемъ здѣсь нѣсколько именъ съ обозначеніемъ при нѣкоторыхъ и ихъ работъ. Свѣдѣнія объ нихъ извлечены нами изъ архивовъ Оруж. Пал. и Министр. Юстиціи.

АВРАМОВЪ (Обрамовъ) Сергѣй, Каменнаго Приказа третій подмастерье Кам. д., въ 124 г.

АПСИНЪ Ив., кам. дѣлъ подмастерье, во 185 г. былъ у церковнаго дѣла у Спасской церкви, что въ верху, во дворцѣ, т. е. у Спаса за Золотою рѣшоткою, которая въ это время была имъ перестроена и до сихъ поръ остается памятникомъ его искуства,

БѢЛОЙ, СЕМЕЙКА, Сенька, кам. дѣлъ подмастерье.. 142—143 г. (см. Огурцовъ Баж.)

ВОЗОВУЛИНЪ, ѲЕДКА, подмастерье кам. д. 134—135 г. (см. Огурцовъ Баж.)

ГАЛАКТІОНОВЪ, Петръ, Камен. дѣлъ подмастерье, въ 152 г., былъ у каменнаго дѣла на Пушечномъ дворѣ у Литейнаго анбара.

ИВАНОВЪ СМИРНОЙ, Каменнаго Приказа четвертый подмастерье кам. д., во 124 г.

КАЛИНИНЪ, ИВАНЪ, Кам. Пр. третій подмастерье к. д. во 172.

КОВАЛЕВЪ, ЛАРІОНЪ, Кам. Прик. подмастерье кам. д. 201 г. марта 9.

КОНСТАНТИНОВЪ, ОНТИПЪ, подмастерье кам. д.; во 139 г. дѣлалъ съ Трефиломъ Шарутинымъ на кормовомъ государевомъ дворцѣ каменную поварню. Во 142 г. былъ съ Тр. Шарутинымъ у каменнаго церковнаго дѣла, у заводу и у указу, въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ у церкви Преображенія Господня да Алексѣя человѣка Божія. Во 143 и 144 г. былъ съ Тр. Шарутинымъ, Ларею Ушаковымъ у каменнаго дѣла церкви Нерукотвореннаго образа да у Ивана Бѣлоградскаго, что у государя на сѣнѣхъ и у государевыхъ хоромъ, что надъ мастерскою палатою (нынѣ Теремный дворецъ) и у свѣтлицы, что надъ Курешными вороты, и у заводу т. е. у всего хозяйства этихъ построекъ. Въ 152 г. былъ на Пушечномъ дворѣ у анбарнаго каменнаго дѣла и у иныхъ каменныхъ дѣлъ.

КОПЫЛЪ, ГРИШКА. Кам. дѣлъ подмастерье во 156 г. пожалованъ за то, что въ прошлыхъ годахъ былъ въ Спасскомъ монастырѣ на Новомъ у церковнаго каменнаго дѣла три годы. Въ 162 г. мая 22 былъ пожалованъ за церковное каменное строенье у Андрея Стратилата въ Пленицахъ (въ Андрееевскомъ упраздненномъ монастырѣ, въ Москвѣ).

КОРОЛЬКОВЪ, АЛЕКСѢЙ подмастерье кам. д. 174 г.

КОСТОСОВЫ, Дмитрій да Левонтій, Кам. Пр. подмастерья. Во 169 г. февр. 4. Составляли роспись и смѣту на строенье церкви Савы Стратилата, что на Знаменской улицѣ въ Москвѣ. Упомин. 174 г.

КУЗНЕЧИКЪ, КУЗНЕЧОНОКЪ, Ив. Кузминъ, кам. д. подмастерье, стрѣлецъ, полку Артамона Матвѣева въ 173—174 г, строилъ въ Екатерининской рощѣ (нынѣ Екатерининская пустынь) всякое каменное дѣло, церковь, палаты, кельи. Во 177. былъ у церковнаго каменнаго дѣла церкви Григорья Неокесарійскаго въ Москвѣ за Москвою рѣкою, и у каменныхъ дѣлъ въ Измайловѣ, подъ Москвою.

МАКСИМОВЪ ОБРОСИМКА, кам. дѣлъ подмастерье. Въ 146—147 г. по государеву указу въ Твери, въ Жолтиковѣ монастырѣ сдѣлалъ церковь каменную Спаса Нерукотвореннаго образа, да Успеніе Пречистыя Богородицы, да Арсенія Чудотворца въ вѣчный поминъ по Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. Въ 152 г. былъ у каменнаго дѣла церкви Богородицы Казанскія, и въ селѣ Коломенскомъ у церковныя подѣлки и (у) всходныя лѣстницы приказу Большаго Дворца.

МАКСИМОВЪ, Посникъ, Каменнаго Приказа седьмой подмастерье кам. д. въ 124 г.

МАКСИМОВЪ Третьякъ, Каменнаго Приказа восьмой подмастерье к. д. въ 124 г.

МИКИТИНЪ, ЛЮБИМЪ, Кам. Пр. пятый подмастерье к. д. въ 172 г.

МИХАЙЛОВЪ ОКСЕНЪ, Каменнаго Приказа первый подмастерье кам. д. въ 124 г Іюль. Въ 127 г. Генв. 20 пожалованъ за то, что подѣлывалъ у Архангела Михаила, т. е. возобновлялъ этотъ соборъ.

НЕВѢРОВЪ ИВАНЪ, Каменнаго Приказа третій рѣзецъ въ 124 г., а потомъ каменнаго дѣла подмастерье. Въ 139 г. былъ въ Дворцовомъ селѣ Воздвиженскомъ у каменнаго плотиннаго дѣла и каменную плотину всякія и плотинныя мѣста устроилъ. Въ 142 г. Ноябр. 21. кам. д. рѣзецъ, съ рѣзцами же Ѳедкою Тарасовымъ, Ромашкою Ивановымъ, рѣзалъ на камени наружныеслова и золотили и красками наводили на гробницу Патріарха Филарета Въ 143 г. они же (названы рѣзцами и наводчиками), дѣлали на гробницѣ (Царя Василья Шуйскаго) лѣтопись, слова изъ камени выбивали и золотили. Въ 143 г. (Іюня 5) составлялъ смѣтную роспись на возобновленіе каменнаго храма Успенія Богородицы въ Тверскомъ Жолтиковѣ монастырѣ. Въ росписи пишетъ между прочимъ: „храмъ каменный Успенія Богородицы, по правою сторону придѣлъ Нерукотвореннаго Образа, полѣвую сторону придѣлъ Николы Чуд.; мѣрою внутрь въ олтарѣ отъ горняго мѣста до Царскихъ дверей 2½ саж., отъ царскихъ до переднихъ 5 саж., поперегъ въ олтарѣ 2 саж. Кругомъ церкви и съ придѣлы 36 саж., а по другой мѣрѣ 46 саж. Стѣны и своды обрушились по самые олтари и завалились внутрь храму... Надобе на сваи 300 бревенъ 2 саженныхъ въ отрубѣ 3 вер., а за бревна дать по 3 д.... Бутовой камень имать во Твери изъ рушеныхъ храмовъ и изъ Полатъ, изъ которыхъ имали камень къ Спасу (къ Соборной Преображенской церкви Спаса) на подѣлку, Къ тому же дѣлу надобе на поясы и на одверныеоклады и на подставки и на дыни 1000 камени трехпядного, а ломать во Твери изъ порченыя палаты". Всего по смѣтѣ исчислено на 1472 р. 3 алтына. А церква де подѣлкою подѣлать немочно, потому что предѣльные олтари отъ большаго олтаря отсѣли прочь, а большой де олтарь развалился на четверо и противъ горнего мѣста олтарная стѣна отсѣла прочь и свод-

ные замки всѣ выпали вонъ: а дѣланы де были у той церкви стѣны въ одинъ камень, а бучено де каменемъ дикимъ и тѣмъ де бутомъ тѣ стѣны, розперло; а связи де были у той церкви деревянные; и тѣ связи отъ пожару выгорѣли и отъ того де той церкви и поруха учинилась." Это мѣсто смѣтной росписи очень любопытно въ томъ отношеніи, что оно свидѣтельствуетъ о способахъ постройки древнѣйшихъ каменныхъ церквей въ сѣверной и средней Россіи. Во 145 г. Апр. 29, камен. д. подмастерье пожалованъ 4 арш. сукна и 4 арш. тафты за церковное дѣло, "что онъ посыланъ былъ во Тверь къ каменному дѣлу соборные церкви Преображенія Господня, а строена та церковь по В. Г. святѣйш. Патр. Филаретѣ Никитичѣ изъ его келейной казны."

ОГУРЦОВЪ, Баженъ, подмастерье кам. д., въ 134—135 г. былъ въ Можайскѣ у городоваго (стѣннаго) каменнаго дѣла до отдѣлки, вмѣстѣ съ Ѳедкою Возовулинымъ. (См. также Галовей Хр.). Въ 142 г. былъ съ Семейкою Бѣлымъ у каменнаго у церковнаго дѣла у заводу и у указу въ Вознесенскомъ монастырѣ у церкви государева Ангела Препод. Михаила Малеина. Въ 143 г. дѣлалъ Церковь Нерукотвореннаго образа да Ивана Бѣлоградскаго, что у государя на сѣнѣхъ. 152 г. См. Шарутинъ Трео.

ОХЛЕБИНИНЪ, Давыдъ, Кам. Приказа первый подмастерье дам. д. въ 172 г. Вмѣстѣ съ своими товарищами (5 ч.) въ 172 г. переписывалъ дворъ боярина Никиты Ивановича Романова все строенье, каменное и деревянное.

САВЕЛЬЕВЪ, Вавило, Кам. Пр. четвертый подмастерье к. д. въ 172 г. Въ 168 г. въ Оптекарскомъ Приказѣ дѣлалъ окна и двери и подъ старые своды подводилъ новые своды.

СТАРЦОВЪ, Дмитрій, подмастерье кам. д. 186 г. Генв. 11 въ 191 г. досматривалъ на Троецкой башнѣ, гдѣ быть указнымъ колесамъ (циферблату для часовъ) и сказалъ: по обѣ стороны въ верхнихъ зубцахъ, гдѣ ходить колесамъ, доведется разломать и сдѣлать вновь столбы и перемкнуть надъ ними кирпичемъ, гдѣ будетъ указная звѣзда и къ тому строенію надобно на подушки, гдѣ быть столбомъ 8 лещедей длиною и шириною по аршину, толщина въ 5 вершковъ, кирпичу 2000, извести 8 бочекъ.

УШАКОВЪ, Ларя, кам. дѣлъ подмастерье 143—144 г. (См. Константиновъ Антипъ).

ФИЛИМОНОВЪ, Пріѣзжей, Каменнаго Приказа второй подмастерье кам. д., во 124 г.

ХАРИТОНОВЪ, Иванъ, Каменнаго Приказа шестой подмастерье кам. дѣлъ во 124 г., а во 131 г. первый подмастерье.

ШАРУТИНЪ, Микита Кам. Пр. второй подмастерье кам. д. 172 г. Во 171 г. починилъ на Дворцѣ соборную церковь Спаса Нерукотвореннаго и трапезу сдѣлалъ на ново.

ШАРУТИНЪ, Трефилъ, подмастерье кам. д. 139 г. (см. Константиновъ Онтипъ). Во 146 и 147 г. дѣлалъ въ Казани въ дѣвичѣ монастырѣ Бородицы Казанскія теплую каменную новую церковь во имя Рождества Богородицы. Во 152 г. вмѣстѣ съ Огурцовымъ былъ у каменныхъ дѣлъ у дворцовыхъ у новыхъ каменныхъ полатъ.

ѲЕДОРОВЪ, Томилко, Каменнаго Приказа пятый подмастерье камен. дѣла. Во 124 г. посланъ былъ съ сыномъ боярскимъ въ Кашинъ, „а велѣно (имъ) собрати каменщиковъ и кирпичниковъ старинныхъ, которые къ каменнымъ дѣламъ ходили къ Москвѣ и въ Смоленскъ и въ иные городы, а собравъ, имена ихъ переписати и подавати на поруки съ записьми и къ веснѣ былибъ готовы къ каменному дѣлу къ Москвѣ." Въ томъ году разосланы были грамоты во всѣ города изъ Городоваго Приказу, а писано въ нихъ къ воеводамъ: „указалъ государь на Москвѣ соборную церковь Архангела Михаила порченыя мѣста, шеи и своды разобрати и сдѣлати на ново; и у всѣхъ трехъ городовъ, у Кремля и у Китая и у Большаго Царева города (Бѣлаго) порченыя мѣста подѣлати, а каменщиковъ и кирпичниковъ къ тѣмъ дѣламъ взяти изъ всѣхъ городовъ, въ которыхъ есть."

КАНДІЯ. Въ ризницѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ хранится мѣдный сосудъ, на подобіе небольшой чаши, на ножкѣ съ поддономъ; вокругъ поддона надпись: „лѣта 779 (1571) г. поставилъ сію „кандию въ домъ святому Николѣ на Боровно ста„рецъ Андрей." При кандіи небольшой желѣзный язычекъ для ударенія по ней. Въ старину ударяли въ кандію во время чтенія евангелія въ первый день Пасхи. Въ рукописномъ уставѣ XVII вѣка Софійскаго собора на Св. Пасху сказано: „и на всякомъ возгласѣ протодіаконовѣ евангелія ударяютъ въ кутейникѣ по единощи въ кандею и въ вѣстовой колоколецъ". Макарій. Археол. опис. Новгорода, II, 285—286. Рисунокъ съ кандіи въ Древн. Рос. Госуд. отд. I, № 76.

Клепало см. **Било.**

Гр. У.

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ. "Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Лелевель, что уже болѣе 1800 лѣтъ Литовцы занимаютъ тѣ-же мѣста, что и нынѣ ими заселены„; а извѣстный филологъ Микуцкій такъ объясняетъ значеніе самаго названія: "Народъ Литовскій, по языку, нравамъ, повѣрьямъ, по древне-языческимъ вѣрованіямъ самый ближайшій родственникъ Славянъ,—въ теченіе тысячелѣтій раздѣлился на двѣ части: Понеманскую и Подвинскую или Литовскую и Латышскую. Литовцы сами себя называютъ Letuwis, а Латыши—Latwis; родную свою землю Литовцы называютъ Letuwà, а Латыши Latuwiu zeme. Слова Letuwis и Latwis, происходятъ отъ прилагат. letas—простой, тихій, небойкій, недорогой, малоцѣнный. И замѣчательно, что Славянинъ, называя себя Словѣнинъ, Словакъ (отъ слово, словити), т. е. говорящій, словесный,—инородцевъ называетъ Нѣмцами, т. е. нѣмыми, безсловесными; Литовецъ же, называя себя простакомъ, простодушнымъ человѣкомъ (Letuwis, Latwis), инородцевъ называетъ: или Gudas—хитрый, лукавый отъ глагола gusti, наст. gundu—быть зоркимъ, проницательнымъ,—или Wokis, Wokitis, Wacis, Wacets, отъ гла-

гола wokiu—понимаю, смекаю, замѣчаю. И до сихъ поръ Литовецъ относительно инородцевъ (Gudas, Wokitis, т. е. хитрецъ, вѣдунъ, смекалый) удивительно скрытенъ и остороженъ. Извѣстно, что нынѣ мы называемъ Нѣмцами людей тевтонскаго происхожденія; но Русскій простолюдинъ до сихъ поръ каждаго инородца называетъ Нѣмцемъ. (Я сказалъ Тевтонскаго, а не Германскаго потому, что у древнихъ слово Germania служило общимъ названіемъ земель, населенныхъ Нѣмцами и Славянами). Литовцы же словомъ Gudas называютъ Славянъ, а словомъ Wokitis — Нѣмцевъ. Со словомъ letas (откуда произошли: Letuwis, Latwis) родственны Славянскія: Польск. latwy—легкій, нетрудный, возможный; Чешск. láce — дешевизна, laciny—дешевый, сходный; Древне-Славян. лѣть есть = лѣзѣ есть, т. е. можно, возможно, позволено; Греч. λιτός, ή, όν, — гладкій, ровный, безъ узоровъ; простой, умѣренный, бережливый, недорогой; малый, незначительный, бѣдный.„ (6-й отчетъ Минуцкаго Академіи Наукъ, тетрадь вторая, 1855, стр. 31). Шафарикъ полагаетъ (Starožytnosci, 361), что народы Литовскій и Славянскій въ предъисторическое время составляли двѣ отрасли одного племени; но въ историческую эпоху, вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ между собою раздѣлились, что теперь мы должны ихъ принимать за два племени различныя, хотя между всѣми Индо-Европейскими племенами самыя родственныя.

Литовское племя раздѣляется на двѣ вѣтви, именно: собственно литовскую и латышскую. Эти вѣтви подраздѣляются еще на мѣстныя отродья, отъ чего и въ нарѣчіяхъ существуетъ много мѣстныхъ оттѣнковъ. Жмудь, Самогитія, таже Литва. Литовское слово zemas, латышское žeme значатъ: низкій, низменный; оттуда литовское zeme, ziam ла-е; тышское zeme—земля, собственно: низина, низъ, низъ. Отъ zemas (низкій, низменный) происходитъ слово Žemajtis, Žamajtis, т. е. низовецъ житель низовья. Žemajtej, Žamajczej — низовцы, Литовцы живущіе на низовьи Нѣмана. Латыши, живущіе по низовью Двины, называются Zemgaleszi, т. е. Низовцы. Auksztajtis или Auksztatis—значитъ житель верховья; Auksztatej, Auksztaczej—верховцы, т. е. Литовцы живущіе на Нѣманѣ до того мѣста, гдѣ въ него втекаетъ рѣка Невяжа, по рѣкѣ Виліи и по лѣвому берегу рѣки Невяжи [1]). Литовцы живущіе въ уѣздахъ Россіенскомъ, Тельшевскомъ и Шавельскомъ, Ковенской губерніи,—называютъ себя Жмудинами (Žemajczej). Что касается до языка литовскаго, то вообще онъ раздѣляется на два главныя нарѣчія: южное и сѣверное. Естественную границу между этими нарѣчіями составляетъ отчасти рѣка Вилія. Къ сѣверному нарѣчію принадлежатъ Литовцы, живущіе въ уѣздахъ: Свенцянскомъ (Виленской губерніи), Новоалександровскомъ, Вилкомирскомъ, Поневѣжскомъ и отчасти Шавельскомъ (Ковенской губерніи). Всѣхъ остальныхъ Литовцевъ можно причислить къ южному нарѣчію. Въ настоящее время Литовцевъ и Латышей считается вообще около двухъ милліоновъ. Литовцы населяютъ большую половину

---

[1]) Минуцкій (6-й отчетъ его въ Академію Наукъ,) приводитъ свидѣтельство вел. князя Витовта, въ письмѣ къ императору Сигизмунду, писанномъ 1420 г., гдѣ читаемъ: "Terra Samaytarum est et semper fuit idem cum terra Lituanie, nam unum ydioma et uni homines, sed quia terra Samaytarum est terra inferior ad terram Lituanie ideo Szomoyth vocatur, quod in Littvanico terra inferior interpretatur. Samayte Littvaniam apellant Auxtote, quod est terra superior, respectu terrae Samaytarum. Samayte quoque omnes se Litvanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas apellabant, et propter talem idemptittatem in titulo nostro, nos de Samaycia non scribimus, quia totum unum est, terra una et homines uni". Voigt, Geech. Preus. B. V. p 62.

Виленской губерніи, Ковенскую, Августовскую (край Запущанскій) и Восточную Пруссію; Латыши—три инфляндскіе уѣзда Витебской губерніи, въ Курляндіи и Лифляндіи. Границы литовскаго племени и распредѣленіе вѣтвей его обстоятельно изложены Шафарикомъ въ его „Славянскомъ народописаніи“ [1]).

А. Кир.

мусія или Мозаика. Мозаическія изображенія съ таковыми же Греческими надписями находятся въ главномъ алтарѣ и подъ среднимъ куполомъ Софійскаго храма въ Кіевѣ. Всѣ эти мозаическія изображенія сдѣланы по золотому полю. — Для большей ясности опредѣлимъ матеріалъ мозаики и ея технику, какъ она представляется намъ въ Кіевскомъ храмѣ: Мозаика, или по древнему выраженію Мусія, состоитъ изъ небольшихъ камешковъ, большею частію имѣющихъ форму кубическую, величиною отъ $^1/_8$, $^1/_4$, до $^1/_2$ вершка; впрочемъ эти маленькіе камни очень разнообразны, и даже весьма неправильной формы. Примѣтно, что сплавная стеклянная масса, разныхъ цвѣтовъ, толщиною около четверти вершка, была разбиваема на части. Иные камешки прозрачны, другіе совсѣмъ тусклы. Для золотаго фона употреблялась прозрачная мусія, верхняя сторона этихъ камешковъ покрывалась золотомъ, а—потомъ, для прочности, еще стеклянною эмалью. Кромѣ стекла, употреблялась смѣсь изъ разныхъ металлическихъ окисей; но много шло мусіи изъ натуральныхъ камней, какъ-то краснаго шифера, бѣлаго и цвѣтнаго мрамора. Техническое производство мозаическихъ изображеній, повидимому, состояло въ слѣдующемъ: стѣны, предназначенныя для мозаикъ, подвергались гладкой ошлифовкѣ; потомъ накладывалась мастика, которая, по сдѣланному рисунку, наполнялась мозаическими камешками. Мастика эта, или цементъ, чрезвычайно прочна. Скрѣпленные ею камешки скорѣе можно раздробить, чѣмъ отдѣлить изъ ихъ ячеекъ. Вѣроятно потомъ полировали и самую мозаику. Софійскія мозаическія въ алтарѣ изображенія суть: a) Божія Матерь, стоящая на узорчатомъ подножіи съ воздѣтыми руками; b) ниже, представлена Тайная Вечеря съ 12-ю апостолами, а еще ниже c) 10 святителей и два архидіакона. Эти три изображенія отдѣлены узорчатыми полосами.

И. Забѣлинъ. Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинаго дѣла въ Россіи. Зап. Имп. Археол. Общ. 1853, стр. 48—50. Закрев.

нѣмига. Небольшая рѣченка, протекающая чрезъ г. Минскъ и впадающая въ Свислочь. Объ ней упоминается въ Пѣсни о полку Игоря, въ описаніи сраженія Всеслава въ 1067 г. Карамзинъ, не зная о существованіи этой рѣки, принялъ ее за Нѣманъ. Татищевъ вообразилъ даже,

---

[1]) О происхожденіи Литовцевъ, см.: Богуша, O początkach narodu języka litewskiego; Лелевеля, Wiadomość o narodach Litewskich въ Polska, dzieje i rzecy jej, т. V., 447.; Нарушевича, Hist. Pol. т. IV., 144; Валинскаго—Starożytna Polska, т. III. гл. I.; Ярошевича, Obraz Litwy 1, 15. и. д.; Нарбутта Dzieje Nar. Lit., II., 264 § 251; его же Dzieje wkrótkości zebrane, гл. I., Крашевскаго, Litwa 1 — 69; Мацѣевскаго, Pierwotne dzeje Polski i Litwy, гл. II.; Бандтке, Dzieje król. P .II.,гл. I., Wizerunki i rozstrąsania naukowe, t. 60, 7.; Шайноха — Iadwiga i Jagiello, а также въ сочин. Фохта, въ Древностяхъ Шафарика, въ исторіи Палацкаго и мн. друг.

что Нѣманъ течетъ между Минскомъ и Полоцкомъ, тогда какъ Нѣманъ находится на югъ отъ Минска въ 70 верстахъ. Всеславъ изъ Дудутокъ ударилъ на Нѣмигу. Карамзинъ заключилъ, что Дудутки подъ Новгородомъ; но Арцыбышевъ (Повѣтствованіе) правильно разъяснилъ, что это Дудичи, Минской губ., въ Игуменскомъ уѣздѣ.

А. Кир.

обыденныя, единодневныя церкви, или церкви **единодневнаго строенія** называются тѣ, которыя сооружались по обѣту въ одинъ день для избавленія города или страны отъ какого-либо общественнаго бѣдствія. Такъ какъ онѣ строились по обѣту данному цѣлымъ городомъ, то онѣ назывались также **обѣтными** и **завѣтными**, но не всѣ обѣтныя церкви были обыденными. Первый примѣръ обѣтной церкви, а можетъ быть и обыденной, [1]) встрѣчается въ 996 году при Владимірѣ. Во время празднованія освященія Десятинной церкви внезапно пришли Печенеги на городъ Василевъ. Великій князь поспѣшилъ съ малою дружиною къ нему на помощь, но былъ разбитъ и долженъ былъ скрыться подъ мостомъ. Во время этой опасности онъ далъ обѣтъ построить въ Василевѣ церковь Преображенія, „бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне“. По удаленіи Печенеговъ, онъ немедля исполнилъ свой обѣтъ, «постави церковь и створи праздникъ великъ». (Полн. Собр. Лѣт. I, 53). Выраженіе **постави** употребленное тутъ Несторомъ ясно указываетъ на построеніе деревянной церкви, тогда какъ для каменныхъ онъ всегда говоритъ: «**созда** или **заложи**». Моръ и моровыя повѣтрія были главными причинами построекъ обыденныхъ церквей. Во время мора 1390 года построили въ Новгородѣ обыденную церковь св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ; въ Псковѣ во время мора 1407 года соорудили такую церковь и посвятили ее также св. Аѳанасію. По случаю моровой язвы, извѣстной подъ именемъ Анастасійскаго мора, 1417 года въ Новгородѣ построили церкви св. Анастасіи, св. Пророка Иліи и св. Аѳанасія. Въ 1420 году, также по случаю мора, Псковитяне выстроили Спасскую церковь. Въ 1424 году, по такому же случаю, Новгородцы построили церковь Происхожденія Честныхъ Древъ или Спаса Всемилостиваго; въ 1467 — церковь Симеона Богопріимца въ Звѣринѣ монастырѣ; въ 1466 году—церковь св. Варлаама Хутынскаго во Псковѣ; въ 1487 — церкви св. Образа Господа нашего Іисуса Христа и св. Анастасіи; въ 1508 году — церкви св. Луки на Лубяницѣ и Похвалы Пр. Богородицы, „завѣтная отъ мору“, на площади у Софійскаго собора въ Новгородѣ; въ 1552 году — церкви Всемилостиваго Спаса и Покрова Пр. Богородицы во Псковѣ; въ 1527 году — церковь Покрова въ Новгородскомъ кремлѣ за олтаремъ Входоіерусалимской церкви; въ 1533— церковь св. Марка въ Новгородѣ; въ 1553 году—церковь св. Кирилла Бѣлоозерскаго съ предѣломъ св. Христофора; 1655 года — церковь Спаса Всемилостиваго Смоленскаго на Вологдѣ. Исключеніемъ изъ этого общепринятаго правила должна служить церковь св. Андрея Стратилата въ Новгородѣ, если разсказы о причинѣ ея основанія дѣйствительно вѣрны. Говорятъ иные, что она выстроена по случаю моровой язвы, въ одинъ день, 19 августа, но не извѣстно какого года. Между тѣмъ какъ архи-

[1]) Макарій. Ист. Р. Церкви. I стр. 35. По его мнѣнію она неоспоримо воздвигнута въ одинъ день.

мандритъ Макарій [1]), на основаніи рукописнаго лѣтописца Николо-Дворищскаго собора 1762 года, допускаетъ возможность отнести ее къ 1301 году и причислить къ обѣтнымъ церквамъ, какъ выстроенную въ память побѣды Новгородскаго князя Андрея Александровича. Если свидѣтельство столь поздняго лѣтописца можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, то мы видимъ въ церкви св. Андрея Стратилата любопытный примѣръ обѣтной церкви единодневнаго строенія. Благочестивое обыкновеніе строить обыденныя церкви для избавленія отъ моровой язвы, существовало у насъ повсемѣстно. Первая мысль о такой обѣтной постройкѣ при угрожающей опасности, или зарождалась у всѣхъ жителей города (Псков. Лѣт. М. 1837. стр. 101—102: „Въ тоже время посадники Псковскіе степеннія Тимовей Васильевичъ и Алексѣй Васильевичъ и Стефанъ Офонасьевичъ и весь Псковъ, съ своими отцы духовными съ семи соборы, со священноиноки и священники и съ діаконы, и со всѣмъ священствомъ здумавше и видѣвше, что скорбь бысть велика и печаль, поставиша по благословенію отецъ своихъ духовныхъ на званицы церковь св. Преподобнаго отца нашего Варлаама, иже на Хутынѣ въ великомъ Новгородѣ. А поставиша въ единъ день, да и священа тогожь дни мѣсяца декабря въ 8 день, на память преподобнаго отца Патапія въ день недѣльный; и литургіею свершивъ вся 5 соборовъ, и разыдошася каждо во свояси, благодаряще Бога и св. Пр. Отца Варлаама)“—или начиналась по совѣту одного лица духовнаго или свѣтскаго. Въ 1390 году Новгородскій архіепископъ Іоаннъ II приказалъ поставить обыденную церковь: „Бысть моръ въ Новгородѣ желѣзою; а мѣсяца октября въ 12 въ среду крестьяне поставили церковь, въ едино утро, изъ лѣса привозивъ берьвна, у святѣй Софіи святый Аѳанасій, по благословенію и по повелѣнію Владычню; и священъ владыко Иванъ того же утра и литургію свершилъ; Божіею же милостію, святыя Софѣя стояніемъ и владычнимъ благословеніемъ и молитвою преста моръ“. (Полн. Собр. Лѣт. IV. стр. 97). Въ 1407 году Псковской князь Константинъ совѣтуетъ тааже поставить обыденную церковь. «Тогда умысли кн. великій Константинъ, а Богъ ему добрыя мысли влагаше въ сердце, создати церковь св. Аѳанасія, и создана бысть церковь мѣсяца марта въ 24 день на память св. отца Артемія, единъ день свершена и священа и службу сотворивше того дни всѣмъ соборомъ“. (Псков. Лѣт. стр. 43). Для такой постройки обыкновенно выбиралось новое мѣсто, но мы имѣемъ въ Псковѣ одинъ случай, гдѣ отыскивали для сооруженія обыденной церкви мѣсто, на которомъ стояла прежде другая церковь: „Тогда посадники Псковскыя и весь Псковъ начали искати священнаго мѣста, гдѣ была первая церковь св. Власей, а на томъ мѣстѣ стояли дворъ Артемьевъ, воротиве, и Псковичи. давше ему сребро и спрятавше дворъ, обретоша престолъ, а на томъ мѣстѣ въ одинъ день поставиша церковь во имя св. Всемилостиваго Спаса и освящена и литургію совершиша мѣсяца сентября 14, на Воздвиженіе Честнаго Креста“. (Ibidem. стр. 53).

Спѣшность и быстрота такихъ построекъ не допускали другаго матеріала кромѣ дерева, и вмѣстѣ съ тѣмъ часто вредили прочности самаго зданія. Отъ этой причины или отъ особаго благочестія прихожанъ, но мы видимъ какъ скоро иногда замѣняли деревянныя обыденныя церкви каменными. Черезъ годъ: 6975 (1467). И поставиша церковь древяну св. Семіона Богопріимца въ Звѣринцахъ, на новомъ мѣстѣ, беревна изъ лѣса принесоша своими рамены людіе, октября 1, на Покровъ св. Бого-

---

[1]) Археолог. описаніе Новгорода, I, 114—115

родица и свяща ю арх. Іона того дни и литургію свершиша".—„На другое лѣто поставиша церковь каменну на томъ же мѣстѣ св. Семіона Богопріимца" (Полн. Собр. Лѣт. IV. стр. 127, 132). Черезъ 23 года: Церковь св. Анастасіи въ Новгородѣ, построенная 29 октября 1417 года, замѣнена въ 1440 году каменною, которая черезъ 100 лѣтъ вновь перестроивается арх. Макаріемъ [1]). Черезъ 25 лѣтъ: Церковь св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, сооруженная въ 1390 году, перестроивается въ каменную въ 1415 году, которая въ свою очередь уничтожается и разбирается до основанія въ 1812 году [2]). Черезъ 40 лѣтъ: Вологодская Спасская церковь, въ 1688 году, перестроивается въ каменную церковь. Во все время постройки, прежняя обыденная церковь стояла внутри новостроящагося храма, и служба въ ней отправлялась до окончанія и освященія новой церкви 4 февраля 1698 года. (Суворовъ. Описаніе Спасообыденной церкви). Иныя изъ обыденныхъ церквей стояли весьма долго; такъ напримѣръ церковь происхожденія честныхъ древъ или Спаса Всемилостиваго въ Новгородѣ съ 1424 года простояла до 1592, когда на мѣстѣ ея построили церковь Преп. Маріи Египетской [3]). Напротивъ того другія деревянныя церкви уничтожались совершенно пожарами, какъ церковь Похвалы Пр. Богородицы на Софійской площади въ Новгородѣ. „Въ лѣто 7016 (1508) бысть моръ въ великомъ Новгородѣ: помре желѣзою по три осени и въ послѣднюю осень людей 15395 человѣкъ. Тое же осени поставиша церковь древяну св. Богородицы Похвалы, въ великомъ Новгородѣ, во градѣ дѣтинцѣ, противъ соборной церкви каменной Софіи, на площади, въ единъ день, октября въ 15; и того же дни арх. Серапіонъ святилъ и служилъ въ ней". Новгор. III, стр. 240. Деревянная церковь сгорѣла въ 1535 году по словамъ той же лѣтописи (стр. 295) и совершенно уничтожена огнемъ: „и вся погорѣ и до основанія все въ ней погорѣ, святыя иконы и пречистые сосуды и книги и не остась ничтоже". Новая каменная церковь окончена 1539 года: „совершиша ю о трехъ версѣхъ въ 4 мѣсяцы". (Полн. Собр. Лѣт. IV. стр. 249. VI. стр. 30).—Обращаясь теперь къ самому способу сооруженія этихъ церквей, мы видимъ, въ тѣхъ описаніяхъ, которыя подробно изложены въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ все народонаселеніе участвовало въ постройкѣ. Иные таскали бревна „своими рамены", какъ говорится для церкви Симеона Богопріимца, другіе помогали верхомъ, но всѣ работы и самое освященіе должно было быть кончено въ тѣже сутки. Ночью освящали работы, чтобы не остановить ихъ (Савваитовъ: Вологодскій лѣтописецъ, въ Описаніи Спасокаменскаго Духова монастыря. Спб. 1860, стр. 49). „Лѣта 7163 (1655) октября 18 дня, належащу мору, на память св. апостола и евангелиста Луки, поставили единодневный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса Смоленскаго на Вологдѣ на старой площади; начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, и клали свѣточи и зажигали скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло; а срубили за два часа до дня; и святить начали въ 5 часу дни. И видѣ Господь вѣру и моленіе рабовъ своихъ и покояніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста". Въ тотъ же день, по освященіи храма, жители Вологды составили общественный приговоръ для обезпеченія навсегда благосостоянія обыден-

[1]) Макарій. l. c. I, стр. 16, 65.
[2]) Ibidem. стр. 16, 64—65.
[3]) Ibidem. стр 16, 65.

ной церкви. Отсюда получила она прозваніе Спасообыденной всеградской церкви потому что содержаніе ея получалось съ доходовъ всего града. 23 октября Вологодскій художникъ написалъ въ одинъ день для новой церкви икону Всемилостивѣйшаго Спаса. По величинѣ эта икона въ старыхъ документахъ называется штилистовою. Вышины имѣетъ одинъ футъ и ½ дюйма или 6 вершковъ; ширины — 10⅛ дюймовъ или 5 вершковъ. По сторонамъ лика Спасителя художникъ написалъ тропарь Спасу: „Съ высшихъ презирая, убогія пріемля“.... и кондакъ: „Возбранный воево„водо“ и „Господи, ада Побѣдителю“..... Передъ этою иконою, вѣроятно со дня основанія церкви, горитъ неугасимая лампада, и между гражданами сохранилось благочестивое обыкновеніе, за недѣлю до 18 октября, соблюдать строгій постъ, а на канунѣ этого дня, послѣ всенощнаго бдѣнія, проводить всю ночь безъ сна въ обыденной церкви, гдѣ въ это время читается пространное сказаніе о сооруженіи этого храма [1]).

Обыденныя церкви посвящались Спасителю, или Богородицѣ, или святому, при чемъ не избирали того святаго, чья память праздновалась въ самый день построенія церкви: такимъ образомъ церковь Св. Варлаама Хутынскаго выстроена 8 декабря въ день памяти преп. Патапія; церковь Св. Аѳанасія во Псковѣ 24 марта на память преп. Артемія. При этомъ любопытно замѣтить, что «въ лѣто 6898 (1390) моръ Аѳонасіевской и по«ставиша церковь Аѳонасія“ (Новгор. II, стр. 134). Въ 1467 году, по случаю мора, извѣстнаго подъ именемъ Симоновскаго, поставили церковь Св. Симеона Богопріимца (Ист. Росс. Іерарх. IV, стр. 151 — 153). Наконецъ благочестивое усердіе народное не довольствовалось сооруженіемъ одной обыденной церкви, и часто по одному и тому же случаю строили двѣ и даже три. Въ Новгородѣ: «въ лѣто 7061 (1553) сентября въ 1 „день на память Преп. отца нашего Семіона Столпника поставили цер„ковь древяну на площади у княжаго двора, Св. Кирилла Бѣлозерскаго „да Св. мученика Христофора, а свершили церковь одного дня; освящалъ „и обѣдню служилъ владыко Сарапіонъ того же дни.“ (Пол. Соб. Лѣт. III. стр. 291). Во Псковѣ въ 1547 году: „Того жъ лѣта бысть моръ ве„ликъ во Псковѣ: тогда поставиша 2 церкви Св. образа Господа нашего „Іисуса Христа да святую мученицу Анастасію“ (Псковск. Лѣтописи стр. „169). Въ томъ же городѣ: „въ лѣто 7030 (1522) замыслиша намѣстникъ ве„ликаго князя князь Михайло Васильевичь Кислой, да священникъ соборомъ „и весь городъ Псковъ и поставиша церковь Варлама подлѣ Всемилостивѣй„шаго Спаса, и моръ не преста. И паки поставиша другую церковь Покровъ „Святѣй Богородицы, рекли у Мотыльной у градницы, и преста моръ.“ (ibidem. стр. 185). Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ мы примѣръ трехъ церквей: Новгор. I. стр. 107: „Въ лѣто 6925 (1417). Въ то же лѣто и зиму бѣ моръ страшенъ въ Новгородѣ на людѣхъ..... а владыко Симеонъ со всею седмію соборовъ и съ христіаны, съ кресты, обходи около всего города, молися Богу и пречистѣй его Матери о престаніи гнѣва Божія; а христіане, ови на конѣхъ, ови пѣша, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь св. Анастасію въ память ея, и свяща ю арх. Симеонъ, того же дни и святи ю и литургію съвръши; а въ остаточныхъ бревнахъ поставили церковь Св. Илію конецъ Прусской улицы, а Новоперъжане также единѣмъ утромъ — Св. Аѳанасіа и литургію съ врѣшиша мѣсяца октября 26“. Новгор. IV. стр. 115. — Послѣ приведен-

[1]) Суворовъ. Описаніе Спасообыденной церкви, стр. 6, 55, 24. Приложеніе 2-ое.

с. I 247/2

нами здѣсь примѣровъ обыденныхъ построекъ остается только рѣшить вопросъ: Откуда взялось въ Россіи обыкновеніе строить обыденныя церкви?

Гр. У.

ПЕРЕСЛАВСКОЕ ПЛЕЩЕЕВО ОЗЕРО. Оно заключаетъ въ себѣ пространство 4606 десятинъ и 1771 саж. Въ древности называлось Клещино озеро; такъ объ основаніи Переславля В. К. Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году сказано въ лѣтописи: „преведе отъ Клещина заложеніе церкви, и заложи во имя Всемилостиваго Спаса". Въ писцовыхъ книгахъ Рыбной слободы 1675 года оно называется „озеро плещее". Древнее названіе „клещино" вѣроятно, значило тоже, что плещино. Нынѣ зовутъ его Плещеевымъ; но названія: плещее или плещино, будутъ вѣрнѣе; потому что прямо указываютъ на свойства озера, а именно на плескъ волнъ его, которыя поднимаются вдругъ отъ малѣйшаго вѣтра. (Архивъ 1863 года кн. 5).

А. Св.

Перкунасъ. Перкунасъ, литовскій богъ молній, громовержецъ, соотвѣтствовалъ славянскому перуну, римскому юпитеру, скандинавскому тору, индійскому Adiwarage Perunal (одному изъ видоизмѣненій Вишны); но перкунасъ не былъ главнымъ литовскимъ богомъ, какимъ его считаютъ нѣкоторые; его могъ даже побороть человѣкъ, говорятъ древнія легенды. Dejwas, богъ, вдохнулъ въ Перкунаса добрую, ограждающую, зиждущую силу; велѣлъ ему быть защитникомъ людей отъ козней и ухищреній нечистой силы. Огненными стрѣлами онъ преслѣдовалъ чертей и загонялъ ихъ въ адъ. Литовецъ чтилъ въ немъ покровителя, молилъ его: Perkune diewajti, nemuszk int namus, diewą melsiu, tawi palti mesiu, т. е. боже Перкуне, не стрѣляй въ домъ, бога буду молить (чтобы спасъ домъ отъ громоваго удара), а тебѣ брошу кусокъ солонины; [1]) но ежели молитва не подѣйствовала и громъ убивалъ человѣка, это ужь было предопредѣленіе свыше, и убитый былъ счастливъ въ будущей жизни. Даже каждый предметъ, въ который ударитъ громъ, напр. камень, дерево, — считался священнымъ. Литовцы, почитали свои вѣковые дубы, и обыкновенно подъ ними ставили истуканы Перкунаса. Они ѣли жолуди, воображая, что въ шелухѣ ихъ, сосланы были богами сѣмена хлѣба. Преданіе говоритъ, что священные дубы зимою и лѣтомъ были зелены. Долго, и послѣ крещенія, Литовецъ не рѣшался прикоснуться сѣкирою къ священному вѣковому дубу, свидѣтелю минувшихъ поколѣній. Въ послѣднее время язычества въ Литвѣ, Перкунасу воздавались особенныя почести. Ему были посвящены дубовыя рощи, особыя капища, жертвенники. Изображеніе его носилъ на своихъ ризахъ верховный жрецъ, Криве-Кревейто. Перкунасу посвящалась пятница; въ этотъ день, какъ праздничный, приносились ему жертвы. Земледѣльцы преимущественно поклонялись Перкунасу, ибо отъ него зависѣли всѣ атмосферическія явленія. Перкунаса изображали старцемъ, съ огненными стрѣлами въ рукахъ. Онъ катался на

[1]) Самое практическое примѣненіе: громъ бьетъ чаще всего въ крышу дома; а подъ крышею, на чердакѣ, виситъ солонина; когда крыша загорится, солонина отрывается и летитъ распространяя повсюду пламя. Поэтому-то Литовецъ предлагалъ Перкунасу свою солонину, лишь бы домъ остался цѣлъ.

тучахъ и присматривался, что дѣлается на землѣ. Еще и теперь когда раздается грохотъ грома, простой народъ говоритъ: werzajs barrahs— старецъ ворчитъ; или, werzajs kahjas — старецъ дастъ знать, гдѣ онъ теперь.

Литовскія капища, или Ромне Ромнове, Ромове, разсѣены были въ разныхъ мѣстахъ Литвы и посвящались всѣмъ богамъ вмѣстѣ, или же нѣкоторымъ отдѣльно. Истуканы Перкунаса находились въ нынѣшней Восточной Пруссіи, населенной Литовцами, и въ разныхъ мѣстахъ собственной Литвы. Болѣе извѣстныя капища существовали: при впаденіи рѣки Невяжи въ Нѣманъ, разрушенное въ 1294 г.; въ Керновѣ, близъ Вильна, гдѣ жилъ Креве-Кревейто съ начала XIII столѣтія до основанія столицы въ Вильнѣ и др. Послѣднее капище Перкунаса, которое не разъ видѣли рыцари, находилось въ Вильнѣ, въ долинѣ называемой Свинторога,[1]) гдѣ князь этого имени избралъ мѣсто для сожиганія княжескихъ тѣлъ, и гдѣ онъ первый былъ сожженъ сыномъ своимъ Гермундомъ въ 1270 г.; здѣсь Гермундъ, еще прежде, въ 1265 г., среди великолѣпной дубовой, посвященной рощи, основалъ храмъ Перкунасу. Капище это имѣло въ длину около 150 аршинъ, въ ширину 100; вышина стѣнъ простиралась до 15 аршинъ. Капище не имѣло крыши; оно было съ однимъ входомъ съ западной стороны; насупротивъ входа находилась каменная часовня съ разными сосудами и священными предметами, а подъ нею пещера, гдѣ хранились змѣи и разные гады. Надъ этой-то часовней устроена была каменная галлерея, въ родѣ бесѣдки, имѣвшая 16 аршинъ вышины надъ часовнею, и въ ней помѣщался деревянный идолъ Перкунаса, перевезенный изъ священныхъ лѣсовъ Полангена (на берегу Балтійскаго моря). Передъ часовней, на 12 ступеняхъ, обозначавшихъ теченіе луны, возвышался жертвенникъ въ 3 аршина вышины и 9 ширины. Каждая ступень была въ полъ аршина вышины, такъ что вообще вышина жертвенника составляла 9 аршинъ. На этомъ-то жертвенникѣ горѣлъ неугасно огонь, называемый Зничь. [2]) Огонь, поддерживаемый день и ночь жрецами и жрицами (вейделоты и вейделотки), пылалъ во внутреннемъ углубленіи въ стѣнѣ, устроенномъ такъ искусно, что его не могли потушить ни вѣтеръ, ни дождь.

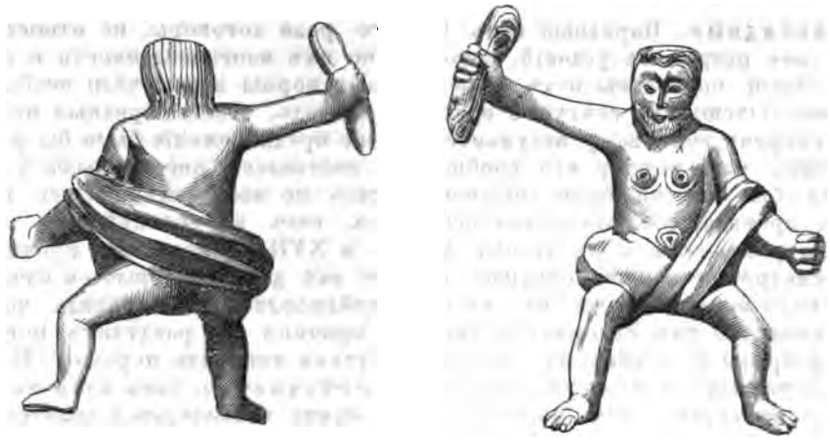
На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ изображенъ идолъ Перкунаса, найденный въ землѣ, въ Керновѣ, гдѣ было капище и гдѣ умеръ послѣдній Креве-Кревейте. Идолъ этотъ имѣетъ въ вышину 4''7 дюйма, и сдѣланъ изъ композиціи. Нарбуттъ, гр. Е. Тышкевичъ, Крашевскій и др. по сохранившимся въ кенигсбергскомъ тайномъ архивѣ описаніямъ идола Перкунаса, единогласно признали, что Керновскій идолъ — Перкунасъ. Это же мнѣніе раздѣляли Ганка и Савельевъ. Оно нѣкоторымъ образомъ подтверждается сходствомъ съ изображеніями на старовичныхъ Перунахъ золотыхъ, какъ называются древнѣйшія литовскія монеты, находимыя въ землѣ и о которыхъ упоминается въ старинныхъ грамо-

---

[1]) Названіе долины Свинторога выводятъ еще отъ русскихъ словъ: Святый рогъ, или литовскихъ Szwyntas rogas, потому что долина эта оканчивалась клиномъ земли къ рѣкамъ Niavis (Вилія) и Вильна (Вилейка); точно такимъ какъ и названіе мѣстности, занимаемой нижнимъ замкомъ въ Вильнѣ, называлось отъ русскихъ словъ, Крывый градъ, Крывъ-городъ, а не отъ литовскаго Креве, т. е. жрецъ.

[2]) Ziniczia, въ буквальномъ переводѣ, храмъ вѣдѣнія, идея животворной силы и вѣчнаго свѣта (неугаснаго огня). Отъ Ziniczia происходятъ zinys, знахарь, вѣщунъ, жрецъ; zinia—вѣдѣніе, знаніе; zinotie, знать, вѣдать.

тахъ и записяхъ. Въ 1684 г., въ развалинахъ какого-то древняго каменнаго зданія, близъ Витебска, найденъ былъ большихъ размѣровъ, на огромномъ подносѣ, идолъ Перкунаса. Идолъ и подносъ были изъ чистаго золота. Ксендзъ Стецевичъ, описывающій это событіе, присовокупляетъ, что этотъ золотой идолъ доставилъ многимъ поживу, и что даже святѣйшему отцу досталась отъ него доля. Другой Перкунасъ найденъ былъ близъ Крожъ, на Жмуди, и хранился въ поіезутской библіотекѣ, но куда потомъ дѣвался, неизвѣстно.



Представленный здѣсь рисунокъ Перкунаса очень похожъ на извѣстныхъ идоловъ славянскихъ Перуновъ, хранящихся въ собраніи древностей гр. А. С. Уварова, въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ, въ ганноверскомъ музеѣ и у придворнаго книгопродавца въ Ганноверѣ, Гана.

А. Кир.

полати. Въ харатейномъ Патерикѣ Печерскомъ, по Арсеніевской рукописи 1406 г., въ статьѣ о Писцихъ, т. е. о Византійскихъ живописцахъ, сказано: суть же и нынѣ свиты (свитки) ихъ на полатахъ и книгы ихъ Грецьскыѣ блюдомы. И изъ другаго мѣста, въ статьѣ объ Іоаннѣ и Сергіи, въ той же самой рукописи: Симъ же сребромъ и златомъ (принадлежавшимъ боярину Іоанну и сыну его Захаріи) поставлена бысть церкы Св. Іоанна Предтечи; у ту же (т. е. въ которую церковь, или собственно придѣлъ) на полати (великой Печерской церкви) въсходятъ. Изъ этихъ текстовъ явствуетъ, что полатами назывались церковные хоры, сохранившіеся во многихъ церквахъ и до нашихъ временъ. На этихъ хорахъ мы видимъ устроенные придѣлы и кладовыя.

Н. З.

пономарь, правильнѣе **параномарь**, παρα — при и μονη — обитель, при обители находящійся, служащій, aedituus, блюститель храма, или священныхъ въ храмѣ и другихъ вещей. (Chalc. can. 2. Nic. II. can. 5.)

Обязанность его—хранить въ алтарѣ и церкви находящуюся священную утварь, а также производить звонъ къ церковнымъ службамъ.

Въ наставленіи Епископа къ новопосвященному священнику, помѣщенномъ въ Кормчей 1282 г. моск. синод. библіотеки на листѣ 285, такъ сказано объ обязанности п а р о н о м о р я и его нравственныхъ качествахъ: „п о н о м а р ь (параномарь) избранъ непорочнымъ ни въ коемъ же гресе съ благовлениемъ еппа носа сщное знамение. а къ съ сүдомъ сщнымъ не прикасають слоугы ни кадать. да будеть стъ стою црквн“.

П О Р Я Д Н Ы Я. Порядныя суть разнаго рода договоры, не относящіеся къ тѣмъ разрядамъ условій, которыя, по ихъ многочисленности и важности, были подведены подъ опредѣленныя формы и получили особыя названія. Отсюда не слѣдуетъ однако заключать, чтобы порядныя писались въ старину какъ кому вздумается. Такое предположеніе было бы несправедливо уже потому что вообще для составленія письменныхъ условій, какія бы они ни были, обычаемъ мало по малу установились нѣкоторыя правила, соблюдавшіяся неизмѣнно, какъ въ древнѣйшихъ актахъ этого рода, такъ и въ актахъ XVI-го и XVII-го вѣка. Но кромѣ того, разсматривая самыя порядныя, сколько ихъ до насъ дошло—а ихъ очень много — мы замѣчаемъ, что въ нихъ соблюдались еще правила частныя по различію ихъ содержанія. По этой причинѣ мы раздѣлимъ порядныя на разряды и о каждомъ изъ нихъ будемъ говорить порознь. Начнемъ съ порядныхъ о п о с т у п л е н і и в ъ к р е с т ь я н с т в о, такъ какъ въ сравненіи съ другими ихъ до насъ дошло самое значительное количество.

Изъ исторіи нашего законодательства извѣстно, что до конца XVI-го столѣтія крестьяне имѣли право въ опредѣленный срокъ переходить отъ одного владѣльца земли къ другому. Переходившій къ новому владѣльцу заключалъ съ нимъ условіе касательно обработки его земли и отправленія на него другихъ повинностей, за что съ своей стороны помѣщикъ предоставлялъ ему часть земли и избу для жительства. Этотъ обычай наниматься въ крестьяне на означенныхъ условіяхъ удержался и тогда, когда извѣстными указами большая часть крестьянъ были зачислены за помѣщиками по жительству на ихъ земляхъ; онъ сталъ только относиться къ такъ называемымъ л ю д я м ъ в о л ь н ы м ъ или г у л я щ и м ъ, т. е. не приписаннымъ къ землѣ, а по ней къ помѣщику: такими были в о л ь н о о т п у щ е н н ы е, далѣе в ы х о д ц ы изъ-за границы, особенно изъ Литвы; мастеровые или д ѣ л о в ы е, которые не были приписаны къ землѣ, такъ какъ занимались другими работами, и наконецъ б о б ы л и, бывшіе въ наймахъ, но не принимавшіе на себя земли. Всѣ такія лица продолжали заключать съ помѣщиками условія о поступленіи въ крестьянство, которыя и дошли до насъ въ значительномъ количествѣ, хотя понятно, что несравненно болѣе порядныхъ въ крестьяне должно было заключаться въ періодъ времени до запрещенія перехода. Впрочемъ тѣ и другія порядныя сходны между собою по содержанію и различаются только формой; поэтому мы разсмотримъ содержаніе тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Рядясь въ крестьяне, нанимающійся всегда выговаривалъ для себя въ пользованіе опредѣленное количество земли: во владѣніяхъ Новгородскихъ полобжи, обжу и проч., въ другихъ мѣстностяхъ полвыти, четверть выти и т. д. Эта земля могла быть или ж и л а я, или д и к а я. Подъ именемъ жилой земли разумѣлась такая, гдѣ уже прежде заведена была пашня; дикой называлась напротивъ земля нерасчищенная, которая прежде еще не обработывалась: сюда принадлежали преимущественно лѣсныя

мѣста, которыя отдавались подъ пашню. Средину между тѣми и другими занимали мѣста, прежде бывшія подъ пашней, но впослѣдствіи заброшенныя и оттого называвшіяся пустыми. Очень естественно, что условія нанимающихся крестьянъ не могли быть съ ихъ стороны одинаковы относительно всѣхъ разрядовъ земли, которая должна была поступить въ ихъ пользованіе. Крестьянинъ, садившійся на пашню въ жилой деревнѣ (деревней въ старину назывался всякій населенный участокъ, какъ бы мало ни было это населеніе — даже хотя бы одинъ дворъ), получалъ отъ владѣльца: 1) денежную ссуду, называвшуюся подмогой, впрочемъ незначительную: полтину, рубль, два рубля, рѣдко до десяти или двадцати рублей; иногда подмога состояла, вмѣсто денегъ, въ извѣстномъ количествѣ хлѣба; иногда же къ ней придавалась еще лошадь, корова, и проч.; 2) землю, въ томъ числѣ нерѣдко озимое поле уже засѣянное, вслѣдствіе того, что вступленіе въ крестьяне происходило обыкновенно весною, въ пору яроваго посѣва; почему въ порядныхъ встрѣчается такое выраженіе со стороны нанимающихся: «тягло тянути, какъ соху наставимъ»; иногда это выраженіе поясняется еще словами: съ Егорьева дни съ вешнего, т. е. съ 23 апрѣля, когда во многихъ мѣстахъ уже начинается весенняя пашня; 3) готовый дворъ, или избу со всѣмъ строеніемъ. Въ замѣнъ того крестьянинъ обязывался тянуть тягло или отправлять всѣ тѣ повинности, какія лежали на крестьянахъ того селенія, куда онъ поступалъ. Повинности эти были различны смотря по обычаямъ мѣстности; но главныя изъ нихъ слѣдующія: дача владѣльцу опредѣленной части хлѣбнаго урожая, именно сноп пятой, шестой или даже четвертый; такая хлѣбная дача называлась также оброкомъ или еще иначе половничествомъ; далѣе иногда, кромѣ хлѣбнаго, и денежный оброкъ или дань, впрочемъ незначительные; наконецъ крестьянинъ долженъ былъ дѣлать на своего владѣльца разное издѣлье и страда страдати. Въ чемъ состояло издѣлье—на это не было опредѣленныхъ правилъ: оно зависѣло отъ мѣстныхъ обычаевъ и временныхъ условій; что касается до выраженія «страда страдати,» то оно означало вообще тяжелую работу: такъ напр. въ лѣтнюю пору страдой называется жнитво, а самое время—страднымъ временемъ. Сверхъ того крестьянинъ былъ обязанъ отправлять всѣ повинности казенныя, т. е. платить казенныя подати, давать или возить, куда слѣдуетъ, казенный хлѣбъ, также пошлины намѣстникамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ и вообще деньги на всѣ мірскія нужды по разрубамъ или разверсткѣ съ другими односельцами. Но главное попеченіе онъ долженъ былъ обращать на данные ему во владѣніе землю и дворъ. Ему вмѣнялось въ обязанность не только поддерживать ихъ въ томъ видѣ, какъ они къ нему поступили, но, по возможности, и улучшать. Поэтому ставилось крестьянину въ вину, если онъ землю запереложитъ, т. е. запуститъ пашню, а избу съ надворнымъ строеніемъ, не произведя ежегодныхъ необходимыхъ починокъ, приведетъ въ упадокъ. За такое нерадѣніе онъ обязывался платить владѣльцу пеню. Что касается до улучшеній, то на основаніи многихъ порядныхъ крестьянину назначается сдѣлать новую избу, независимо отъ поддержки старой.—Въ отношеніи къ землямъ нерасчищеннымъ и пустымъ деревнямъ всѣ исчисленныя условія примѣнялись только по истеченіи нѣсколькихъ, такъ называемыхъ льготныхъ лѣтъ. Эти льготные года давались крестьянину для того, чтобы онъ усѣлъ какъ слѣдуетъ расчистить и распахать землю и сдѣлать на ней нужныя постройки; почему, какъ число лѣтъ, такъ и строеніе, опредѣлялись особо въ такихъ порядныхъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до поступленія на полное тягло

полагается не болѣе трехъ лѣтъ, въ другихъ же шесть и даже двѣнадцать, смотря по качеству земли. Въ теченіи льготныхъ лѣтъ помѣщику платится только оброкъ денежный или хлѣбный, да и то незначительный; за то неисполненіе со стороны крестьянина обязанностей касательно договоренной расчистки земли и постройки двора подвергаетъ его пенѣ въ пользу хозяина.

Порядныя, до изданія указовъ о запрещеніи перехода крестьянъ, писались по общей формѣ для договоровъ того времени. Онѣ давались отъ имени лицъ, поступавшихъ въ крестьянство и начинались словами: „Се язъ такой-то порядился есмя во крестьяне за такого-то владѣльца, въ такомъ-то мѣстѣ, на четверть выти или на полвыти земли;“ далѣе опредѣляется срокъ, когда крестьянину переѣхать на новую землю; говорится о льготныхъ годахъ, если они даются, о времени, съ котораго должно начаться полное тягло и о ссудѣ, полученной на обзаведеніе отъ помѣщика; тутъ же исчисляются подробно или же только вообще обязанности крестьянина въ отношеніи владѣльца и казенныхъ и мірскихъ повинностей; наконецъ опредѣляется пеня со стороны крестьянина, если онъ не будетъ исполнять принимаемыхъ имъ на себя обязанностей по порядной. Въ заключеніе исчисляются свидѣтели (послухи) отъ одного до трехъ человѣкъ, означается писецъ и годъ, мѣсяцъ и число написанія порядной; на оборотѣ—рукоприкладство свидѣтелей и иногда духовнаго отца.

Приведенная форма не только не вышла изъ употребленія въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка, когда переходъ крестьянъ былъ воспрещенъ, но встрѣчается еще въ актахъ въ продолженіи всего XVII-го столѣтія и даже въ началѣ XVIII-го; однако въ такой формѣ порядныя давались преимущественно не со стороны лицъ поступавшихъ въ крестьянство, а со стороны вольныхъ людей, нанимавшихся на опредѣленное число лѣтъ къ помѣщикамъ для работъ около господскаго двора и по хлѣбопашеству, сообразно съ чѣмъ въ порядныхъ и не прописывались условія приравнивавшія вольныхъ людей крѣпостнымъ крестьянамъ. Относительно же лицъ рядившихся собственно въ крестьянство, эта форма измѣнялась вслѣдствіе стремленія съ одной стороны помѣщиковъ и самого правительства прикрѣплять крестьянъ къ землѣ, а съ другой стороны вслѣдствіе невозможности порядившихся, по бѣдности ихъ, возвращать помѣщикамъ денежныя и хлѣбныя ссуды и уплачивать имъ пени, что самое обращало ихъ въ крѣпостныхъ, такъ какъ владѣльцы земли стали давать денежную ссуду только подъ условіемъ, что если заемщикъ въ извѣстный срокъ не возвратитъ ея, то обязанъ жить за господиномъ (помѣщикомъ) и «по срокѣ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые вольные, даже прямо на основаніи порядной, поступали въ крестьяне навсегда. Для обезпеченія въ такихъ случаяхъ помѣщиковъ и для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній и споровъ, было постановлено, чтобы порядныя въ крестьяне заключались между договаривающимися не иначе какъ съ доклада губному старостѣ или въ съѣзжей избѣ. Этотъ докладъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. «Новопорядные крестьяне,» какъ называются они въ актахъ, должны были приходить въ то мѣсто, гдѣ они записывались, вмѣстѣ съ своимъ будущимъ владѣльцемъ или его повѣреннымъ. Губной староста, воевода или кто другой изъ властей спрашивалъ ихъ, что они за люди и не были ли прежде за кѣмъ въ крестьянахъ, или не давали ли на себя кому нашихъ крѣпостей; на отвѣтъ же ихъ, что свободны, они признавались на основаніи данной ими порядной крѣпними за тѣмъ, кто ихъ представилъ къ записке. Тутъ же записывались и ихъ примѣты: ростъ, цвѣтъ

волосъ, глазъ; носъ, борода, лѣта. Составленный такимъ образомъ актъ назывался распросными рѣчами, которыя и помѣщались на оборотѣ порядной или на особомъ приложенномъ къ ней листѣ. Въ самой же порядной стали означать, что тотъ, кто рядится, становится крѣпкимъ помѣщику, къ которому нанялся; иногда тутъ же приписывались и приметы порядчика. На оборотѣ акта подписывался губной староста или дѣлалась помѣта дьякомъ съѣзжей избы. Къ распроснымъ рѣчамъ прикладывалъ руку тотъ кто рядился, а въ случаѣ неумѣнья его грамотѣ кто нибудь другой по его просьбѣ.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что съ развитіемъ начала укрѣпленія крестьянъ отъ порядныхъ собственно въ крестьянство стали отличаться, съ одной стороны, порядныя на отправленіе земледѣльческихъ работъ постоянныхъ и дворовой службы безсрочной или же на извѣстное число лѣтъ, а съ другой — порядныя на исполненіе временно какой-либо работы изъ крестьянскаго быта. Изъ порядныхъ перваго изъ этихъ двухъ разрядовъ до насъ дошли въ большомъ количествѣ порядныя такъ называемыхъ бобылей. Бобылемъ въ старину, какъ и теперь, назывался крестьянинъ, не имѣвшій земли и не поступавшій на тягло за неимѣніемъ къ тому средствъ или за старостью и увѣчьемъ; съ принятіемъ же на себя тягла онъ становился крестьяниномъ. На основаніи означенныхъ выше порядныхъ бобыли, нанявшіеся къ помѣщикамъ, обязываются дѣлать всякое сѣмье и страдо, какія отъ нихъ потребуются. При поступленіи въ наемъ бобыль получаетъ, какъ и крестьянинъ, подмогу, состоящую въ деньгахъ или хлѣбѣ; иногда ему дается лошадь или деньги на ея покупку, или требуется, чтобы онъ на господскую работу выѣзжалъ съ лошадью. Кромѣ занятій по хлѣбопашеству, бобыли нанимались и къ отправленію другихъ должностей, къ какимъ были способны, какъ то: къ кузнечной работѣ, въ дворники, въ сторожа къ хлѣбнымъ амбарамъ, и пр. Но всѣ порядныя бобылей представляютъ то сходство съ порядными въ крестьяне, что за отправленіе работъ имъ давалась помѣщикомъ въ пользованіе земля, такъ что иногда бобыль платилъ за все сверхъ работы, еще деньгами. Форма такихъ порядныхъ заключалась въ томъ, что онѣ писались отъ имени нанимавшихся бобылей; въ концѣ непремѣнно обозначались свидѣтели или послухи, иногда указывалось также на поручиковъ (поручителей), одного или нѣсколькихъ, которые обязывались отвѣчать за бобыля, если онъ окажется виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ, хотя впрочемъ въ порядныхъ съ виновнаго бобыля полагалась неустойка. Наконецъ, означеніе числа, года, мѣсяца и числа написанія акта и рукоприкладство послуховъ составляютъ принадлежность и этихъ порядныхъ, какъ и всѣхъ прочихъ. Что касается до порядныхъ касательно единовременнаго исполненія какой-либо обязанности изъ крестьянскаго быта, то такія порядныя заключались по преимуществу съ самими крестьянскими общинами, на которыхъ лежали означенныя обязанности, напримѣръ доставка хлѣбныхъ запасовъ въ опредѣленное мѣсто, отправленіе ямской гоньбы, и т. п. Замѣчательно, что исполненіе такихъ обязанностей принимали на себя не только свободные люди, но и крестьяне, прикрѣпленные къ земли. Это самое показываетъ, что принадлежащія сюда порядныя только отчасти по своему предмету имѣютъ связь съ обязанностями, лежащими на крестьянахъ, вообще же совершенно однородны съ порядными на исполненіе разнаго рода обязанностей и работъ, о которыхъ мы и скажемъ здѣсь особо.

Разнообразіе человѣческихъ потребностей и услугъ, которыми они удовлетворяются, уже и въ старину давало поводъ къ безпрерывнымъ и

различнымъ сдѣлкамъ. Трудно поэтому исчислить всѣ основанія порядныхъ, составлявшихся подъ вліяніемъ многосторонннихъ требованій и предложеній работъ и услугъ. Не лишнимъ однако не обратить особаго вниманія на слѣдующія три группы, къ которымъ сводится большинство изъ дошедшихъ до насъ этого рода порядныхъ: 1) договоры объ исполненіи какой-либо общественной службы или обязанностей, 2) договоры о подрядахъ и поставкахъ, 3) договоры о личномъ наймѣ или наймѣ услугъ для одного лица. Мы разсмотримъ каждый изъ этихъ разрядовъ порядныхъ порознь.

Поступленіе въ общественную должность обусловливалось главнымъ образомъ выборомъ самой общины, въ которой эта должность исполнялась. Но изъ выборовъ одни были обязательны и слѣдоват. не предполагали особаго договора между выборщиками и избираемымъ лицомъ; другіе же составлялись не иначе какъ по добровольному согласію на то принимаемаго въ должность. Къ первымъ принадлежали выборы въ старосты, подъ разными названіями смотря по мѣстности, именно: головные, земскіе, сельскіе и проч.; въ цѣловальники, судьи (излюбленные судейки), сотскіе, земскіе приставы и недѣльщики, въ трапезники при церкви и проч. По добровольному соглашенію выбирались священники, пономари, дьячки, ямскіе охотники, сторожа. На этомъ основаніи, только при выборахъ въ послѣднія должности встрѣчаются въ нашей древней письменности порядныя, данныя на себя избираемыми, хотя нельзя сказать, чтобы составленіе порядныхъ одновременно съ выборами, какъ ихъ противней, считалось необходимымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ составлялись оба акта, въ обоихъ одинаково опредѣлялись взаимныя обязательства договаривающихся сторонъ. Такъ въ выборахъ и порядныхъ въ священники и причетники указывается на обязанность ихъ отправлять церковную службы по уставамъ и никуда не отъѣзжать безъ мірскаго вѣдома, а прихожане обязываются давать имъ содержаніе или ругу и другіе доходы. Особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи выборъ пономаря напечатанный въ Актахъ Юридическихъ подъ № 287. Ему вмѣняется въ обязанность беречь церковныя книги, «и малымъ робятамъ, въ кои дни доведетца по книгамъ говорять, смотрять надъ ними, чтобъ они книгъ не драли, воскомъ словъ не закапывали и на домъ изъ церкви безъ просу книгъ не брали.» Священника онъ долженъ почитать, церковь и колокольню запирать, особенно для того чтобы „малыя робята“ безчинно не звонили. Для своего прокормленія ему дается право держать восковыя свѣчи на прихожанъ; но сверхъ того онъ пользовался еще другими доходами. Выборы и порядныя въ дьячки различаются своимъ содержаніемъ смотря по тому, назначались ли они къ церкви, или для земскаго дѣла; первые назывались церковными, а вторые земскими или сельскими, но рѣдко обязанности тѣхъ и другихъ соединялись въ одномъ лицѣ. На основаніи одного изъ принадлежащихъ сюда выборовъ, церковный дьячекъ обязывается „въ церквѣ Божіи приходить всегда безъ лѣности, пьянства не держатца, жить въ смиреніи, у властей быть всегда въ покорствѣ и послушаніи, гордости и величанія не имѣть“; изъ денегъ служебныхъ и молебныхъ онъ долженъ получать четвертую часть, сверхъ того пользуется землей и получаетъ хлѣбную ругу или жалованье, или же собираетъ съ міра въ опредѣленные сроки. Въ выборахъ же земскаго дьячка говорится, что онъ никогда не долженъ отказываться отъ письма для мірскихъ дѣлъ: но писемъ порядныхъ по завочью, т. е. съ злымъ умысломъ безъ просьбы и во вредъ кому бы то ни было не писать; вообще онъ долженъ жить правдою, другу не дружить, а недругу не мстить. Ямскіе охот-

ники обязывались гонять гоньбу, т. е. провозить пословъ, гонцовъ и другихъ служилыхъ людей, которые ѣдутъ по казенной надобности, отъ мѣста ихъ стоянки до другаго. Поэтому они должны были имѣть особый дворъ, который назывался ямомъ, и достаточное число лошадей, чтобы не было задержки проѣзжающимъ. Если везлась казна (казенныя деньги), то охотники были обязаны стеречь ее отъ яма до яма. За отправленіе такой должности они получали отъ нанимавшаго ихъ селенія ежегодное жалованье по взаимному съ нимъ уговору. — Сторожа рядились, отправляя свою службу, „не воровать никакимъ воровствомъ“, подъ угрозою пени.

Къ договорамъ о подрядахъ и поставкахъ должно отнести изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ тѣ, въ коихъ рядчики уговариваются съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ исполнить единовременно какую-либо работу, какъ то: отвезти изъ одного мѣста въ другое припасы, построить церковь, настлать или починить мостъ и т. п. Содержаніе ихъ опредѣлялось предметомъ подряда, который и означается во всей подробности. Но при этомъ должно обратить вниманіе на одну особенность, замѣчаемую въ такихъ порядныхъ. Если условіе о принятіи на себя какой-либо работы дается многими лицами вмѣстѣ, то въ случаѣ неисполненія съ ихъ стороны обязанностей по договору, каждое изъ нихъ не только отвѣчаетъ за себя, но и за всѣхъ другихъ своихъ товарищей, другими словами: каждый изъ нихъ, такъ точно какъ и всѣ они вмѣстѣ, отвѣчаетъ за всю работу сполна. На этомъ основаніи пишется въ порядной, что, въ случаѣ неисполненія по ней, каждый изъ порядчиковъ, кто будетъ въ лицахъ, то-есть налицо, можетъ быть нанимающимъ обществомъ или принужденъ къ окончанію работы или къ уплатѣ опредѣленной неустойки сполна или наконецъ къ вознагражденію наемщиковъ за всѣ понесенныя отъ того убытки. Это круговая порука порядчиковъ, которою они обезпечиваютъ исполненіе принимаемаго на себя обязательство.

Въ порядныхъ о личномъ наймѣ одно лицо обязывается въ какой-либо услугѣ или работѣ въ пользу другаго на опредѣленныхъ условіяхъ. Такова напримѣръ напечатанная въ Юридическихъ Актахъ порядная о выучкѣ мальчика серебряному мастерству. Изъ нея видно, что мальчикъ отдается отцомъ на восемь лѣтъ, съ тѣмъ чтобы хозяинъ (мастеръ) снабжалъ его платьемъ, верхнимъ и исподнимъ, и обувью, и училъ его всему, что самъ умѣетъ, а мальчикъ обязанъ его слушаться, за непослушаніе же хозяинъ имѣетъ право смирять и доброму дѣлу наставливать, т. е. наказывать. На тотъ случай если мальчикъ «сбѣжитъ что либо покрадчи или въ чемъ противъ записи не устоитъ“, отецъ обязывается заплатить за него 20 рублей, да за сносной, т. е. украденый, животъ или имущество, за убытки и волокиту сколько хозяиномъ начтется. Сюда же принадлежитъ порядная часоваго мастера о поставкѣ боевыхъ часовъ на колокольнѣ дѣвичьяго монастыря Введенія Богородицы.

Въ отношеніи къ формѣ порядныхъ на исполненіе разнаго рода обязанностей и работъ слѣдуетъ указать на одну особенность, которая преимущественно встрѣчается въ договорахъ этого разряда. Кромѣ свидѣтелей или послуховъ, упоминаемыхъ во всѣхъ порядныхъ, здѣсь очень часто упоминаются еще поручители по рядчикѣ. Главнымъ образомъ это могли быть его родственники; но часто и постороннія лица принимали на себя такую обязанность. Она состояла въ томъ, что поручитель, удостовѣряя своею подписью что порядчикъ исполнитъ принимаемую на себя должность, работу или услугу, въ противномъ случаѣ принималъ на себя отвѣтственность за него своимъ имуществомъ и головою. Та-

кая отвѣтственность выражалась слѣдующею формой, которая иногда повторялась сполна, а иногда сокращенно: „А учнетъ онъ, т. е. рядчикъ, дѣлати то или то не въ правду, и проч., ино на насъ на поручникѣхъ пеня и исцовы пени и съ судныхъ дѣлъ пошлины и наши поручниковы головы въ его головы мѣсто и животы наши въ его животовъ мѣсто; а которой насъ поручниковъ въ лицѣхъ, на томъ пеня и порука и исцовы пени и пошлины.“ Такое обязательство прописывалось иногда въ самой порядной, и въ такомъ случаѣ поручители прилагали свои руки на оборотѣ ея вмѣстѣ съ послухами: „Поручикъ такой-то руку приложилъ“, или „такой-то ручалъ и руку приложилъ“. Но чаще ручательства принимали на себя обязывавшіяся къ тому лица особымъ письменнымъ договоромъ, который назывался поручною записью и совершался при свидѣтеляхъ. Какъ это обстоятельство, такъ и строго выражавшееся въ поручныхъ обязательство удовлетворять истцовъ въ случаѣ неисполненія какого-либо условія со стороны того, за кого дѣлалось ручательство, — давало поручнымъ значеніе рядныхъ, почему онѣ сами назывались иногда порядными.

Наконецъ къ порядным же принадлежатъ договоры, называемые иначе наемными, о правѣ пользованія землею, водою или другимъ предметомъ собственности лица, предоставляющаго это право. Главное содержаніе такихъ порядныхъ составляетъ точное означеніе имущества, которое отдается въ чужое пользованіе, опредѣленіе времени, сколько оно должно продолжаться и оброчной за то платы со стороны наемщика. Послѣдняя заключалась не только въ деньгахъ, но чаще, смотря по роду нанимаемаго имущества, въ естественныхъ произведеніяхъ: за наемъ земли платилось извѣстнымъ количествомъ хлѣба, молоченаго или въ снопахъ; за наемъ тони — опредѣленнымъ количествомъ рыбы; за наемъ бортныхъ ухожьевъ — извѣстнымъ количествомъ меда, и т. п. Особенность найма бортныхъ ухожьевъ составляло обозначеніе знамени — мѣтки, подъ которою ухожье было извѣстно, такъ какъ всякое изъ нихъ имѣло свое знамя. Въ числѣ условій порядчикъ обязывался также не пускать никого изъ постороннихъ въ лѣсъ, гдѣ ему давалось ухожье. Сами бортники, т. е. лица, нанимавшія борть, пользовались напротивъ правомъ, всякой нужный лѣсъ на домашній обиходъ брать, но только дѣльнаго, т. е. строеваго лѣса не рубить. Вообще относительно всякаго рода найма угодьевъ должно еще замѣтить, что въ порядныхъ право ими пользоваться называется иначе путемъ; почему и самыя порядныя называются иногда путемъ же: „А сей путь писалъ такой-то“.

Наемныя порядныя писались обыкновенно отъ имени наемщиковъ или оброчниковъ; впрочемъ въ отношеніи формы онѣ совершенно сходны съ другими порядными, начинаясь обычнымъ выраженіемъ: „Се язъ“, и оканчиваясь исчисленіемъ послуховъ, означеніемъ писца и указаніемъ года, мѣсяца и числа написанія акта.

Н. Калачовъ.

потиръ. *Примѣчаніе 1-е.* Говоря о веществѣ, изъ котораго приготовлялись священные сосуды, Авторъ почелъ нужнымъ опредѣлить, какіе вообще дѣлались сосуды въ первомъ вѣкѣ христіанства, и приводитъ свидѣтельство язычника Марціала, что стеклянные сосуды начали входить въ употребленіе съ 80 г. и постепенно вытѣснили всѣ прочіе. Но для рѣшенія задачи лучше было бы обратиться къ еврейской Археологіи и въ ней поискать объясненія. Свидѣтельство Тертулліана указываетъ только на

то, что выходили изъ употребленія сосуды мѣдные, но не изъ другихъ веществъ. Какъ вреднымъ для здоровья, имъ конечно и слѣдовало быть оставленымъ.

Сосуды, употребляемые у Евреевъ для вмѣщенія жидкостей и для питія вина, носили неодинаковое названіе [1]).

1. Кадъ (3 Цар. 17, 16; Исаія, 40, 15) соотвѣтствуетъ греческому καδος, латинскому cadus, русскому кадь, переводится также amphora, καδάμιον, сосудъ для черпанія воды или вина. Семьдесятъ толковниковъ переводятъ ὑδρια, водоносъ.

2. Мизрахъ (Зах. 14, 20; 1 Парал. 28, 17. Амос. 6, 6). 70-ть перево дятъ φιαλαι, въ славянскомъ чаша, фіалъ. Это глубокая кружка.

3. Гева (Іерем. 35, 5; Быт. 44, 2. 5). 70 переводятъ въ первомъ случаѣ: κεραμον, по славянски корчагъ, во второмъ κονδο, по славянски чаша (стаканъ). Гева значитъ вообще круглый сосудъ.

4. Кели (Іезек., 16 7) значитъ вообще сосудъ. 70-ть переводятъ словомъ: ποτηρων, чаша.

5. Чаще всего встрѣчается слово Косъ (Притч. 23, 41; Іезек. 23, 31 33 Исаія, 51, 17. Іерем. 49, 12; 35, 5); 70-ть переводятъ φιαλαι и ποτηρων. Косъ значитъ стаканъ или кружка, но не всегда означаетъ малый сосудъ. У пророка Іезекіила говорится: чашу (косъ) сестры твоея испіеши глубокую и широкую (гл. 23, 31—33).

Форму и матеріалъ этихъ сосудовъ нѣтъ возможности опредѣлить. Были сосуды золотые, серебряные, даже изъ анеракса (Есѳ. 1, 79), но конечно дѣлались и мѣдные, глиняные, деревянные. Чѣмъ отличался одинъ сосудъ отъ другаго, трудно объяснить; 70-ть не вездѣ однимъ словомъ переводятъ еврейскія названія ихъ. Замѣчательно что въ книгахъ Ветхаго Завѣта нѣтъ упоминанія о стеклѣ, исключая одного слова въ книгѣ Іова „зехахудъ“ (Іов. 28, 17), которое переводится кристаллъ, и нѣкоторыми принимается за стекло. У 70-ти встрѣчаются еще названія сосудовъ: 1. καμψαχης (отъ καμψα или καψα, capsa, theca), сосудъ для елея, по славянск. чванецъ (1 Цар. 17, 12. 14. 16; 19, 6. Іудиѳ. 10, 5); 2. Ασκοπυτινη, мѣхъ для вина (Іудиѳь, 10. 5), по славянски переведено: оплетенные сосуды вина.

Въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчаюся слѣдующія названія сосудовъ.

1. Ὑδριαι λιθιναι, водоносы каменные (Іоан. 4, 6.)

2. Κεραμων οδατος, скудельница воды—глиняный кувшинъ съ водою.

3. Σκευη, вообще сосуды, съ прибавленіемъ опредѣленія; такъ упоминаются: σκευη της λειτουργιας, сосуды служебные (Евр. 9, 21), сосуды (σκευη) съ оцтомъ (Іоан. 29, 29), сосуды золотые, серебряные, деревянные, глиняные (2 Тим. 2, 20), сосуды изъ слоновой кости, изъ драгоцѣннаго дерева, желѣза, мѣди, мрамора (Апок. 18, 19), сосуды глиняные κεραμικα (Апок. 2, 27), οστρακινα (2 Кор. 4, 7).

4. Упоминаются особые сосуды αγγεια для собиранія рыбы, для храненія елея (Мѳ. 23, 4).

5. Встрѣчается φιαλαι, чаши съ широкимъ дномъ (Апок. 17, 1).

6. Но для означенія чаши, которая благословлена была Спасителемъ на Тайной Вечери, исключительно употребляется слово ποτηρων у всѣхъ Евангелистовъ. Это слово употребляетъ и Апостолъ Павелъ, когда говоритъ о таинственной чашѣ. Это впрочемъ не исключаетъ употребленія слова ποτηρων и въ другихъ мѣстахъ, напр. чаша (ποτηρων) студеной воды (Мѳ. 10, 42), и въ иносказательномъ смыслѣ: чашу убо мою испиша (Мѳ.

---

[1]) Объясненіе еврейскихъ словъ приводимъ по лексиконамъ Фрорета и Гезеніуса.

20, 22, 23), да мимо идетъ отъ мене чаша сія (Мѳ. 26, 39). У Апостола Павла встрѣчается названіе ποτηριον δαιμονιων (1 Кор. 10, 26). Въ Апокалипсисѣ встрѣчается также слово ποτηριον—чаша гнѣва, чаша златая, чаша, ею же черпа вамъ (14, 10; 17, 4; 18, 1).

Изъ сего видно, что ποτηριον былъ обыкновенный сосудъ которымъ пили, и притомъ небольшой (см. Мѳ. 10, 42). Шредеръ (Satzungen und Gebräuche des talmudisch—rabbinischen Iudenthums. Bremen 1851), описывая по указаніямъ древнихъ раввиновъ обряды празднованія пасхи Евреями, говоритъ, что предъ каждымъ изъ присутствующихъ становилось по чашѣ вина, и только вслучаѣ недостатка чашъ для каждаго, наливалась одна чаша предъ главою семейства. Это также показываетъ, что чаши эти были не велики. На это указываетъ и самое названіе ποτηριον, т. е. изъ чего даютъ пить. Потому обыкновенно и переводится оно по латинѣ poculum. Чаша поднималась главою семейства и надъ нею читалась молитва. Чтобы можно было держать ее и передавать другимъ, она должна была имѣть или ручки, или поддонъ.

Шредеръ говоритъ, что Евреи къ праздникамъ нетолько Пасхи, но и Субботы уготовляли обыкновенно все самое дорогое, что только у нихъ было. Хозяинъ дома, у котораго Г'осподь совершилъ Тайную Вечерю, не былъ изъ числа бѣдныхъ; ибо у него нашли горницу большую, убранную. Поэтому можемъ заключить, что и чаша, употребленная Спасителемъ для благословенія вина, не была простая глиняная или деревянная. Нельзя ли найдти нѣкотораго указанія въ словахъ Апостола Павла къ Тимоѳею? (2 Тим. 2, 20). Въ большомъ домѣ есть не только золотые и серебряные сосуды, но и деревянные и глиняные, и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи. И такъ, кто будетъ хранить себя чистымъ, тотъ будетъ сосудъ къ чести освященный, благопотребный для Владыки, годный на всякое доброе дѣло. Стеклянныхъ сосудовъ въ это время у Евреевъ не видно. Въ Апоколипсисѣ упоминается море стеклянное, подобное кристаллу (4, 6; 18, 2), но при перечисленіи сосудовъ изъ разныхъ болѣе или менѣе дорогихъ матеріаловъ стекла не упоминается (Апок. 18, 12).

Нѣкоторыя указанія на матеріалъ и форму сосудовъ употреблявшихся для вина у Евреевъ можно найдти въ Archäologie der Hebräer von Saalschütz. Königsberg, 1855. Th. 1. S. 68. 69. 151, съ примѣчаніями подстрочными, сюда относящимися, и въ Biblische Archäologie v. Iahn, Band II. S. 207 § 109, изданіе второе, Wien, 1818. Но подробное раскрытіе этого предмета увлекло бы къ большимъ трудамъ, на которыя опредѣлить себя не имѣю времени. Заальшютцъ сознается, что собственно въ Библіи нѣтъ яснаго указанія на формы сосудовъ еврейскихъ и различный матеріалъ, для нихъ употребляемый. Янъ дѣлаетъ попытку указать на различную форму этихъ сосудовъ, но не столько изъ библейской археологіи, сколько изъ современной языческой. Для объясненія дѣла требуется: 1. изъ свойствъ еврейскаго языка объяснить различіе названій сосудовъ, чтобы въ самомъ названіи видѣть указаніе на ихъ форму; 2. обратиться къ сочиненіямъ раввиновъ, которые болѣе говорятъ о семъ предметѣ. Все это потребовало бы значительнаго труда, который во всякомъ случаѣ не приведетъ къ рѣшительному опредѣленію, въ какомъ сосудѣ совершено было Спасителемъ нашимъ таинственное благословеніе вина.

Авторъ говоритъ: „Кромѣ обыкновенныхъ потировъ, служившихъ для причастія, употреблялись еще потиры большаго размѣра, calices ministeriales, для раздачи причастія при многочисленномъ стеченіи причастниковъ. Въ этихъ потирахъ Святые Дары не освящались, а только раздавались“.

Но въ чемъ же освящались эти дары? Раздать причастія можно было столько, сколько его освящено. Слѣдовательно, если нужны были большіе сосуды для раздачи, то они должны быть необходимы и для освященія даровъ. Авторъ опустилъ изъ виду то значеніе, какое имѣли calices ministeriales въ Западной Церкви. Западная Церковь хотя и ввела въ обычай лишать мірянъ при причащеніи Крови Христовой, но не вдругъ отказалась отъ древняго правила преподавать всѣмъ Христіанамъ причащеніе подъ двумя видами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до XVIII в. сохранялся обычай, что послѣ причащенія священника остатки въ потирѣ крови Христовой вливаемы были въ сосудъ съ виномъ, которое и подавалось мірянамъ: этотъ-то сосудъ назывался calix ministerialis (Handbuch der kirchlich. Kunst-Archäolog. von Heinrich Otte. Leipzig. 1853, S. 164). Такія чаши назывались притомъ ansati, т. е. съ двумя ушками.

Упоминаемые авторомъ сосуды крестильные и сосуды погребальные исключительно принадлежатъ Западу. Въ Трульскомъ соборѣ совсѣмъ не упоминается о сосудахъ крестильныхъ, а только повторяется Апостольское запрещеніе приносить къ алтарю медъ и млеко.

Въ 57-мъ правилѣ шестаго Вселенскаго Собора опредѣлено: не подобаетъ приносити къ олтарю медъ и млеко. Изъ дѣяній этого собора извѣстно, что это запрещеніе направлено противъ обычая нѣкоторыхъ подавать новокрещенымъ медъ и млеко. — Кажется въ моей запискѣ не было сказано (чернового отпуска нѣтъ у меня), что въ Восточной Церкви запрещено класть съ умершими священниками сосуды священные, но только то, что этотъ обычай существовалъ лишь въ Западной Церкви и притомъ для однихъ епископовъ. Ссылка въ статьѣ графа А. С. Уварова сдѣлана не на Бинтерима, а на Августи Tom. III. p. 519. Но въ третьемъ томѣ Августи разсуждаетъ о праздникѣ и въ немъ нѣтъ 500 страницъ. Вообще какъ ссылки, такъ и текстъ свидѣтельствъ въ сей статьѣ по слабой корректурѣ такъ искажены, что невозможно почти и пользоваться ими. У Августи, по Лейпцигскому изданію 1831 г., говорится о сосудахъ св. въ 12 мъ томѣ. Здѣсь Августи на стр. 33-й говоритъ, что крестильныя чаши не были въ общемъ употребленіи, а только въ одной Карѳагенской Церкви, и обычай давать новокрещеннымъ медъ и млеко прекратился самъ собою, особенно когда начали крестить дѣтей. Но нужно ли говорить объ этихъ чашахъ, когда дѣло идетъ о сосудахъ святой Евхаристіи? Мало ли какихъ чашъ не бываетъ и заздравныхъ, и заупокойныхъ и пр., и пр. и для благословленія вина на всенощной?! Августи хорошо дѣлаетъ, что приводитъ изреченіе Златоустаго въ концѣ своей статьи о чашѣ изъ 17-й бесѣды его на посланіе къ Ефесеямъ: Видишь ли ты эти сосуды? Они имѣютъ одно назначеніе: кто же осмѣлится употребить ихъ на другое?

Равно въ нашей Церкви не было обычая хоронить покойниковъ, хотя бы и священника, съ св. Дарами. Въ нѣкоторыхъ западныхъ церквахъ былъ обычай хоронить епископовъ, но не простыхъ священниковъ, съ сосудами. Думаемъ, что въ гробницѣ духовнаго лица, открытой въ селѣ Кидекшѣ, деревянный потиръ содержалъ въ себѣ остатки масла и елея употребленныхъ при елеосвященіи. И нынѣ, послѣ возліянія остатковъ на умершаго, сосудъ оставляется въ гробѣ.

Напрасно авторъ принялъ на вѣру сказаніе о потирѣ 1-го вѣка изъ житія Св. Мартіала епископа Лиможскаго. Нынѣ никто не споритъ противъ того, что Мартіалъ епископъ Лиможскій жилъ не ранѣе III-го вѣка. Житіе его, мнимо написанное ученикомъ его Авреліаномъ, дѣлающее изъ Мартіала современника земнаго служенія Спасителя и спутника Апостола Петра, есть очень позднее произведеніе; ибо проповѣдуетъ Spiritum

Sanctum a Patre et Filio procedentem. А потому и сказаніе о тѣхъ сосудахъ, которые мнимый владыка сѣверныхъ странъ отъ Рѳны до Іордана, Стефанъ, пожертвовалъ въ Лиможскую церковь, должно быть отнесено къ области баснословныхъ легендъ Запада. Одинъ римско-католическій духовный писатель говоритъ о составителѣ ложнаго житія Martiala: Vitae Martiali scriptorem tot ridicula et scripturae sacrae contraria permiscentem aeque imperitum Theologum et supinum Historicum fuisse demonstrat.—Чтобы и къ намъ не приложили этого. Есть несомнѣнныя указанія, что сего житія въ началѣ XI в. еще не существовало.

Жаль, что авторъ не приложилъ изображенія потира 777 г., пожертвованнаго герцогомъ Таселло, какъ значится въ надписи, и еще Кельнскаго потира XIII в. Они имѣютъ форму совершенно сходную съ употребляемыми въ нашей Церкви (смот. указанное выше сочиненіе Отте стр. 166. 169). Слѣдовало бы приложить изображеніе и сосудовъ разныхъ вѣковъ встрѣчающихся въ нашей Церкви. — Во многихъ сельскихъ церквахъ хранятся еще и доселѣ оловянные сосуды. Они были въ употребленіи не только въ XVII в., но и въ XVIII-мъ, и даже въ началѣ нынѣшняго вѣка.

ПОТИРЪ. *Примѣчаніе 2-е. О формѣ потировъ.* Почтенный сочленъ нашъ П. С. Казанскій, въ замѣчаніяхъ своихъ на статью: потиръ, предложилъ, для разрѣшенія вопроса о происхожденіи потира, обратиться къ еврейской археологіи. Но литературные источники, имъ приведенные, хотя и указали намъ на существованіе у Іудеевъ различнаго рода сосудовъ, носившихъ разныя названія, не пролили однако новаго свѣта на тотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго состояла вся задача, именно: нельзя ли найти у еврейскаго народа первообразъ формы потира?

Указаніе нашего извѣстнаго ученаго подало мнѣ мысль обратиться для разрѣшенія этого, только-что поставленнаго, вопроса къ древне-іудейской нумизматикѣ. Извѣстно, въ сколь частыхъ случаяхъ нумизматика, эта важная вѣтвь археологической науки, оказываетъ неожиданную помощь въ разъясненіи самыхъ темныхъ и спорныхъ историческихъ вопросовъ. Мои розысканія, если не ошибаюсь, не остались безъ всякихъ плодовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на древне-іудейскихъ монетахъ изображенія сосудовъ различной формы и величины встрѣчаются не рѣдко. Что каждое изъ этихъ изображеній имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе, ясно съ перваго взгляда: всякій, занимавшійся античною нумизматикою, знаетъ, что каждый знакъ на древнихъ монетахъ имѣетъ или символическое или какое-либо другое отношеніе къ лицу или городу, гдѣ чеканена монета, или къ событію, въ воспоминаніе котораго она выбита. Поэтому и сосуды, изображенные на древне-іудейскихъ монетахъ, должны непремѣнно находиться въ какомъ-либо отношеніи къ вышеозначеннымъ причинамъ, вызвавшимъ ихъ появленіе на монетахъ, бывшихъ у Евреевъ въ обиходномъ употребленіи. Слѣдовательно, значеніе предметовъ, изображенныхъ на этихъ значкахъ торговаго оборота, должно было быть ясно и понятно каждому, даже простолюдину, съ перваго взгляда. Но многіе намёки, бывшіе совершенно ясными и удобопонятными для современниковъ, вслѣдствіе забвенія историческаго факта, ихъ вызвавшаго, сдѣлались для насъ совершенно темными, и вотъ почему толкованіе символовъ, изображенныхъ на античныхъ монетахъ, представляетъ такія безконечныя затрудненія даже первокласснымъ нумизматамъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія рядъ древне-іудейскихъ монетъ, на которыхъ изображены различныхъ родовъ сосуды, убѣждаемся прежде всего въ не-

обходимости отстранить отъ обсужденія монеты, съ изображеніемъ сосудовъ, которыхъ формы не составляютъ исключительной принадлежности іудейскаго народа, а общи ему вмѣстѣ съ другими народами древности, напр. Греками и Римлянами, хотя въ формахъ ихъ, безъ сомнѣнія, есть нѣкоторыя своеобразности. Таковы напр. монеты, чеканенныя въ Палестинѣ римскими прокураторами въ первые годы правленія императора Тиберія, на которыхъ изображены греческія діота и кратеръ. Эти двѣ монеты съ именами Тиберія и Юліи чеканены по приказанію прокуратора Валерія Грата, въ 4-й годъ правленія Тиберія = 17 году по Р. Х. Діота и кратеръ, оба съ крышами,

изображенные на этихъ монетахъ, суть чаши для вина (ἀκρατοφόρος), принесенные въ даръ Іерусалимскому храму Ливіею или Юліею [1]) и Августомъ. Что именно кратеры находились въ Іерусалимскомъ храмѣ, объ этомъ, сохраняя даже греческое названіе этого сосуда, упоминаетъ Флавій Іосифъ [2]). Каведони полагаетъ [3]), что изображенный на второй монетѣ пузатой формы кратеръ совершенно соотвѣтствуетъ временамъ Августа, потому что намъ положительно извѣстно, что Августъ вмѣстѣ съ своею супругою Юліею принесли въ даръ Іерусалимскому храму много прекрасныхъ золотыхъ сосудовъ для храненія и возліянія вина въ священныхъ обрядахъ, какъ по свидѣтельству Филона [4]), такъ и по словамъ Іосифа Флавія, который разсказываетъ [5]), что Іоаннъ Гискала, между прочими святотатствами, не могъ удержаться даже отъ похищенія τῶν ὑπὸ τοῦ Ζεβαστοῦ καὶ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ περιφθέντων ἀκρατοφόρων. Эти сосуды, по всей вѣроятности, были изготовлены въ Римѣ, римскими золотыхъ дѣлъ мастерами, по рисункамъ греко-римскихъ художниковъ, и оттуда посланы въ Іерусалимъ, на что указываютъ и вышеприведенныя слова Іосифа Флавія. На монетахъ императора Тиберія, принадлежащихъ болѣе позднимъ годамъ его царствованія, а именно 16 году его правленія (=26 годъ по Р. Х.), мы находимъ два, почти тожественныя, изображенія сосуда, имѣющаго совершенно иную форму: это полусферическая ваза, широкими ободочками раздѣленная на нѣсколько ярусовъ, стоящая на низкомъ поддонникѣ, имѣющая полусферическую крышу и вертикально поставленную ручку. Форма этой вазы, не напоминающая впрочемъ формъ классическаго міра, для насъ уже важнѣе. О названіи и назначеніи этого сосуда нумизматы были разныхъ мнѣній: Экель называетъ его simpulum (черпакъ), де-Сольси и первоначально Каведони—capeduncula (жертвенная чара), Мадденъ тоже называетъ его simpulum. Впослѣдствіи Каведони убѣдился, что форма этой вазы совершенно отличается отъ римской capeduncula. Онъ сталъ считать вѣроятнѣйшимъ, что здѣсь изображенъ іудейскій священный сосудъ, принесенный въ даръ Іерусалимскому храму самимъ императоромъ Тиберіемъ, потому что изъ словъ Филона мы знаемъ, что почти всѣ члены фамиліи Августа, между которыми Тиберій занималъ почетное мѣсто, украшали Іерусалимскій храмъ драгоцѣнными дарами [6]). Но съ формою потира этотъ сосудъ не имѣетъ ничего общаго.

---

[1]) Cm. Madden, History of Jewish coinage; London. 1864, стр. 148.

[2]) Bell. Iud. c. XIII. 6. Καὶ πολλὰμὲν τῶν ἀναθημάτων κατεχώννυ ἐν ἐκ τοῦ ναοῦ, πολλὰ δὲ τῶν πρὸς τὰς λειτουργίας ἀναγκαίων σκευῆ, κρατῆράς τε καὶ πίνακας καὶ τραπέζας.

[3]) Appendice alla numismatica biblica; Modena, 1855, стр. 43.

[4]) Opera, стр. 1014. E.

[5]) Bell. Iud. кн. V. гл. XIII. 6.

[6]) Cavedoni, op. cit. стр. 50.

Совершенно особое исключеніе, въ ряду древне-іудейскихъ монетъ съ изображеніемъ сосудовъ, составляетъ ваза, представленная на томъ экземплярѣ большой бронзовой древне-іудейской монеты, очевидно перечеканенной изъ римской [7]), на которой мы находимъ фигуру сосуда, часто встрѣчаемаго на римскихъ монетахъ. Сама монета перечеканена во время перваго возстанія Іудеевъ противъ римскаго владычества при Симонѣ, сынѣ Гамаліила, и изображенная на ней ваза есть очевидно чистая случайность. Въ финансовыхъ затрудненіяхъ при тогдашнихъ смутахъ и войнахъ, подобная наскоро сдѣланная перечеканка весьма понятна.

Чтобы приблизиться къ цѣли нашихъ розысканій, мы должны обратиться или къ монетамъ съ изображеніемъ вазъ, чеканенныхъ во время національнаго возстанія противъ римскаго владычества, когда іудейскій народъ отвергалъ съ ненавистью все чуждое, иноземное, выдвигалъ на первый планъ свои древніе національные символы, или къ монетамъ съ изображеніемъ вазъ временъ Маккавеевъ, когда своенародные символы были полнымъ выраженіемъ іудейской національности.

Къ первому разряду древне-іудейскихъ монетъ съ изображеніемъ вазъ относятся монеты, чеканенныя во время перваго возстанія противъ римскаго господства при Элеазарѣ. На этихъ монетахъ изображена ваза, имѣющая форму кувшина (лейки, Kanne, Krug, pitcher), и ваза этой формы повторяется на монетахъ, чеканенныхъ его преемникомъ Симономъ, сыномъ Гіораса, и на монетахъ, чеканенныхъ во время втораго возстанія Симономъ Баръ - Кохебой.

Что же это за сосуды? Леви [8]) предполагаетъ, что они служили для церемоніи, ежегодно совершаемой въ Іерусалимскомъ храмѣ, а именно для окропленія водою въ седьмой день праздника кущей. Эта церемонія праздновалась съ освѣщеніемъ (иллюминаціею). Тогда золотой кувшинъ, вмѣщавшій въ себѣ три лога [9]), наполнялся водою изъ источника Силоамскаго, и когда священство приближалось съ нимъ къ Водянымъ воротамъ, то раздавались звуки трубъ и т. д. [10]).

Къ монетамъ съ изображеніемъ вазъ, чеканенныхъ во время перваго возстанія, нумизматы-спеціалисты по этой части причисляютъ еще двѣ монеты, выбитыя, какъ они думаютъ, по приказанію Санхедрина. На этихъ монетахъ изображенъ изящный сосудъ съ двумя ручками, на одной монетѣ безъ крыши, на другой съ широкою крышкою. Каведони [11]) предполагаетъ, что этотъ двуручный сосудъ котораго нижняя половина украшена ложками, есть изображеніе одного изъ тѣхъ сосудовъ, которые были принесены въ даръ Іерусалимскому храму Птоломеемъ

---

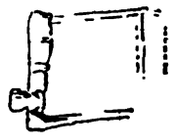
[7]) Мадденъ, H. of. I. c. стр. 176.
[8]) Jüdisch. Münz. стр. 135.
[9]) Логъ = 2-мъ русск. чаркамъ.
[10]) Ackermann, Archaeol. Bibl. § 344. Sacerdos per totum octiduum, quotidiemane, vase aureo tria Log aquae ex fonte Siloe hauriebat, magna et laetissima solemnitate per portam Aquarum in templum portabat, et in cornu altaris australe versus occasum effundebat, quum interim Levitae Hallel (Psal. 113—118) decantarent, et tibiis accinerent. Эта золотая ваза называлась Tzeluchith (Misna, Succa, IV. 9). См. Каведони, Spicilegio numismatico. Modena 1838, стр. 288, примѣч. 243.
[11]) Bibl. Num. томъ II. стр. 55.

Филадельфомъ и, по словамъ Іосифа Флавія, были украшены подобнымъ образомъ [13]). Эти сосуды были похищены изъ храма Іоанномъ Гисхалою [14]).

Но всѣ эти формы вазъ еще далеки отъ цѣли нашихъ розысканій. За то, нельзя не быть пораженнымъ при взглядѣ на рядъ монетъ съ изображеніемъ вазъ, принадлежащихъ временамъ національнаго правленія Маккавеевъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшія іудейскія монеты: съ нихъ начинается древне-іудейская нумизматика. На монетахъ перваго, втораго, третьяго, четвертаго годовъ правленія Симона Маккавея (143—139 г. до Р. Х.) мы встрѣчаемъ тожественныя изображенія сосуда, которыя различаются между собою не основною формою, но орнаментаціею. На этихъ монетахъ, которыя суть серебряные шекели, полу-шекели, и мѣдная монета, достоинствомъ $^1/_8$ шекеля, изображена полусферическая чаша, стоящая на высокой и тонкой ножкѣ, посреднѣ украшенной шаромъ и укрѣпленной на широкомъ подножникѣ. Полусферическая чаша или имѣетъ широкую окраину или украшена орнаментомъ въ видѣ бусъ. Всѣ нумизматы называютъ этотъ сосудъ calice (по Англійски, по Французски и по Итальянски), но назначеніе его объясняли различнымъ образомъ. Первоначально общее мнѣніе нумизматовъ было, что это сосудъ, въ которомъ въ Іерусалимскомъ храмѣ сохранялась манна; оно основывалось на словахъ 2 й книги Моисея, XVI, 33: „И рече Моисей Аарону: возьми стамну златую едину и вложи въ ню гоморъ [15]) полный отъ манны и положиши тую предъ Богомъ, въ соблюденіе въ роды ваша“. Въ еврейскомъ текстѣ сосудъ названъ: tzintzeneth, т. е. кузовъ, корзина, если это слово производить отъ корня tzanan, плести. Напротивъ, Мадденъ [16]) производитъ отъ глагола покрывать, оберегать (to protect) и, основываясь на этомъ словопроизводствѣ, выводитъ заключеніе, что сосудъ для храненія манны имѣлъ крышку, чего нѣтъ въ его изображеніяхъ на іудейскихъ монетахъ. Этотъ священный сосудъ, вѣроятно, сохранялся въ цѣлѣ Іерусалимскаго храма, на одной изъ трапезъ, но, вмѣстѣ съ Ковчегомъ Завѣта, былъ затерянъ Іудеями. Трудно опредѣлить, когда совершилось это событіе: извѣстія писателей противорѣчатъ другъ другу. Ковчегъ Завѣта погибъ, по однимъ, при разрушеніи Іерусалимскаго храма Навуходоносоромъ; другіе говорятъ, что Іудеи взяли съ собою Ковчегъ въ Вавилонъ, но лишились его впослѣдствіи; третьи утверждаютъ даже, что ковчегъ былъ затерянъ только во времена Антіоха Эпифана. Достовѣрно одно, что въ Святая Святыхъ Іерусалимскаго храма, воздвигнутаго Зоровавелемъ, Ковчега уже не находилось [16]). Что при этихъ смутахъ всего скорѣе могли утратиться священные сосуды Іерусалимскаго храма, весьма понятно. Впослѣдствіи, первоначальный сосудъ могъ быть замѣненъ другимъ, изъ болѣе драгоцѣннаго металла, чтобы соотвѣтствовать прочему великолѣпію Храма, и даже сама первоначальная его форма измѣнена, потому что во времена Маккавеевъ, къ эпохѣ которыхъ относится дошедшее до насъ изображеніе его на монетахъ, она могла быть извѣстна только по преданію [17]). Въ новѣй-

[13]) Antiq. Jud. XII. 2. 9. ῥάβδωσις ἀνεγλυπτο.
[14]) Joseph. Flav. Bell. Jud. V. 13 6.
[15]) Omer (ghomer) р. мѣры, $^1/_{10}$ ч. эфы, содержавшей $5^1/_8$ русск. гарнцевъ.
[16]) См. вышепр. сочиненіе стр. 49.
[16]) De Wette, Lehrbuch der hebräisch-iudischen Archäologie. Leipzig. 1864. стр. 359.
[17]) Smith, Dictionary of the Bible. Томъ II. Статья: Money, стр. 410.

шее время, Каведони и Левистамъ предполагаютъ, что это былъ сосудъ для вина, употребительный при священнослуженіи, но оба убѣждены, что онъ принадлежалъ къ сосудамъ Іерусалимскаго храма. Замѣчательно, что схожій съ нимъ сосудъ изображенъ на извѣстномъ, но, къ несчастію, очень попорченномъ барельефѣ тріумфальной арки императора Тита въ Римѣ, гдѣ римскіе солдаты, вмѣстѣ съ другими трофеями Іерусалимскаго храма, несутъ на плечахъ трапезу, на которой стоитъ и весьма схожій съ тѣмъ сосудъ. Не есть-ли этотъ сосудъ первообразъ потира?



К. Гёрцъ.

ПРЯЛЬЯ, отъ—прясть, также **прядитья**, женщина, готовившая пряжу для тканья полотенъ и для бранья скатертей и убрусовъ, т. е. полотенецъ. Въ царскомъ хамовномъ (тяцкомъ) дѣлѣ въ XVII ст. каждая прялья была обложена годовымъ **дѣломъ** — уроком; каждая прялья двойныхъ полотенъ на **дѣло** пряла по **два полотна** двойныхъ, т. е. пряла основки и утокъ, количествомъ на два полотна, а прялья тройныхъ полотенъ пряла на **дѣло** три полотна. Прялья скатертныхъ столбцовъ двойныхъ пряли два столбца; тройныхъ 6 столбцовъ, а во всякомъ столбцѣ мѣрою по 10 арш. Прялья пряли также и **росхожія нити**. Жалованья на ленъ, онѣ получали по 47 алт. 4 деньги въ годъ. (См. ткалья, бралья).

И. З.

РѢЗЕЦЪ каменныхъ дѣлъ, каменный рѣзецъ; такъ назывался мастеръ, занимавшійся вырѣзываніемъ или высѣканіемъ на строительномъ камнѣ травъ, разныхъ узоровъ, каемъ, **лѣтописныхъ словъ** и т. п. Рѣзцы приготовляли изъ камня всѣ рѣзныя детальныя украшенія въ зданіяхъ, наличники дверей и оконъ, пояса, карнизы и всякаго рода обломы. Вотъ имена рѣзцовъ, жившихъ въ XVII ст., работы которыхъ еще сохраняются и теперь во многихъ зданіяхъ этого времени:

Аврамьевъ Жданъ, (вдовый попъ) **каменный рѣзецъ**. Во 133 г. генв. 24 рѣзалъ на гробницѣ Царицы Марьи Володимеровны наружныя слова и покрывалъ золотомъ, а поля (надписи) наводилъ лазоревою краскою. Работалъ вмѣстѣ съ подмаст. кам. д. Иваномъ Невѣровымъ.

Васильевъ Мих., каменнаго дѣла рѣзецъ, во 177 г. съ товарищами 12 челов. былъ у строенья церкви Григорья Неокесарійскаго.

Даниловъ Первой, Каменнаго Приказа второй рѣзецъ во 124 г.

Ивановъ Романъ, кам. дѣлъ рѣзецъ, 142 г.

Наумовъ Василій, рѣзецъ кам. дѣла; въ 1641 г. вмѣстѣ съ рѣзцомъ Романомъ Ивановымъ рѣзали **лѣтопись** (слова надписи) и около лѣтописи кайму травы, и слова и травы золотили на гробницѣ патріарха Іоасафа.

Невѣровъ Иванъ, см. это имя въ **подмастерьяхъ** кам. дѣла.

Семеновъ Баженъ, Каменнаго Приказа первый рѣзецъ во 124 г.

Тарасовъ Ѳедоръ, кам. дѣлъ рѣзецъ, 142 г. (См. Невѣровъ Ив.)

Лукьяновъ Митрофанъ, каменнаго дѣла **травщикъ**, рисовальщикъ, чертежникъ, во 177 г. былъ у строенья церкви Григорія Неокесарійскаго въ Москвѣ, съ рѣзцами Мишкою Васильевымъ съ товарищи.

Тепловскій Петръ, Каменнаго Приказа первый знаменщикъ и травной писецъ, т. е. рисовальщикъ, во 124 г.

И. З.

Рѣчки. Въ сѣверозападныхъ губерніяхъ по сіе время сохранилось много древнихъ городищъ, замковыхъ горъ и боевыхъ кургановъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какъ по величинѣ, такъ и по употребившимъ сооруженіямъ, безспорно должно считаться древнѣйшее кривичанское городище, или правильнѣе, замковая гора, извѣстная и теперь въ народѣ подъ названіемъ городка, близъ мѣстечка Рѣчекъ, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, при самой почтовой дорогѣ изъ Вилейки въ Костеневичи, на 15 верстѣ отъ уѣзднаго города. Названіе Рѣчекъ происходитъ вѣроятно отъ двухъ небольшихъ ручьевъ здѣсь протекающихъ. Проѣхавъ мѣстечко, направо, встрѣчаемъ холмистую мѣстность, покрытую дремучимъ лѣсомъ, и здѣсь-то этотъ рѣдкій памятникъ древняго укрѣпленія. Лѣтописи ничего намъ не говорятъ объ этой горѣ. Народное преданіе тоже молчитъ [1]). Гора окружена глубокимъ рвомъ, имѣетъ два вала, выложенные вокругъ большими камнями; на верху котлище изъ насыпнаго черноземy. Гора, хотя подобно всѣмъ городищамъ и имѣетъ видъ конусообразнаго холма, но вершина ея обширнѣе обыкновенныхъ городищъ, и здѣсь, вѣроятно, были значительныя постройки. Въ глубинѣ горы существовалъ тайный проходъ. Подъ горою между первымъ и вторымъ валомъ расчищенъ мною удивительнаго устройства сводъ, составленный изъ колоннъ разныхъ формъ и величинъ.

Изслѣдованіе этой замѣчательной мѣстности, въ военномъ отношеніи, сдѣлано по моей просьбѣ спеціалистомъ по этой части Ген. Шт.-полковникомъ А. К. Корева, котораго любопытное письмо ко мнѣ о орезультатахъ изслѣдованія и снятый имъ на мѣстѣ точный планъ при семъ помѣщаю. Вотъ это письмо:

„Исполняя Вашу просьбу, я посѣтилъ мѣстечко Рѣчки, положенное по Дисненскому тракту, въ 15 верстахъ отъ г. Вилейки. Планъ указанной Вами мѣстности при этомъ письмѣ препровождаю. Изъ всего видѣннаго мною на мѣстѣ, въ военномъ отношеніи, я могу Вамъ сообщить слѣдующее:

1) Рядъ высотъ, находящихся по правую руку отъ почтовой дороги близъ мѣстечка Рѣчки, образуетъ своими вершинами A, a, D, E, C и c вогнутую кривую линію, исходящею частью обращенную къ сѣверу. Сочетаніе этихъ высотъ естественнымъ образомъ составляетъ оборонительную позицію, усиленную по флангамъ земляными укрѣпленіями A и C, слѣды которыхъ весьма хорошо, до сихъ поръ, сохранились.

2) Укрѣпленія A и C построены въ два яруса, и верхній валъ отъ нижняго отдѣленъ рвомъ, который въ настоящее время, должно быть, доположины уже засыпанъ землею. Верхній валъ укрѣпленія A имѣетъ до 27 аршинъ высоты, нижній около 16; насыпи укрѣпленія C имѣютъ высоту меньшую, и въ настоящее время какъ высота A, такъ равно и высота C покрыты лѣсомъ.

---

[1]) Народъ вѣритъ только, что подъ Городкомъ находится подземный ходъ, что между камнями вала есть небольшое отверстіе, но кто только туда засуетъ руку, рука тотчасъ отсохнетъ. Въ первый разъ я осмотрѣлъ эту мѣстность въ 1855 г.; поточъ въ 1857 изслѣдовалъ подробнѣе и тогда, кажется, въ первый разъ упомянуто было о Рѣчкахъ (См. мои статьи въ Извѣстіяхъ Импер. Арх. Общ. Т. I. вып. I., 15.—Bibl. Warsz., Czerwiec 1855).

3) На высотѣ Bb, судя по мѣстности и относительному положенію окружающихъ ее высотъ, должны были находиться тоже земляные окопы; но такъ какъ эта высота болѣе отлога и въ настоящее время обращена въ пахатное поле [1]), то не мудрено, что остатки валовъ преобразились въ нѣсколько пластовъ земли, служащей нынѣ для пропитанія земледѣльца, поправшаго сохой память, оставленную предкомъ-воиномъ.

4) Вообще видъ всѣхъ высотъ, образующихъ описываемую позицію, заставляетъ предполагать, что онѣ были приспособлены къ оборонѣ.

5) Высота A, командующая окружающею мѣстностью, вѣроятно служила редюитомъ (Reduit) этой позиціи; а открытый Вами подъ валомъ скрытый ходъ доказываетъ, что на самой вершинѣ находилась постройка приспособленная къ оборонѣ и жительству. Въ прежнія времена, оборонную силу укрѣпленія основывали между прочимъ на его высотѣ; тѣмъ болѣе мѣсто избранное для редюита должно было быть выше всѣхъ окружающихъ возвышеній. Съ этой цѣлью увеличена высота горы искусственной насыпью, которая при этомъ должна была поддерживать постройку; слѣдовательно нуждалась въ прочномъ фундаментѣ. Слѣды этого фундамента сохранились до сихъ поръ и ясно видны въ прорытыхъ Вами отверстіяхъ. Рядъ вертикально поставленныхъ столбиковъ, известковаго свойства, прикрытый пластомъ глины въ аршинъ толщиною, превратившейся нынѣ въ сплошную массу, твердую какъ кирпичъ, составляетъ сказанный фундаментъ, на который насыпана земля, преимущественно черноземъ.

6) Въ фундаментѣ былъ продѣланъ скрытый ходъ, служившій сообщеніемъ постройки за верхнимъ валомъ съ нижнимъ валомъ. Предположеніе это основано мною на томъ, что въ древнихъ укрѣпленныхъ замкахъ и крѣпостяхъ, самою слабою частью считались ворота, а потому при началѣ осады старались имъ доставить сколько возможно болѣе силы, заваливая ихъ изъ внутри камнями, бревнами и проч., и такимъ образомъ сообщеніе съ полемъ должно было производиться посредствомъ скрытыхъ проходовъ. Въ разбираемомъ нами укрѣпленіи скрытый ходъ былъ еще необходимъ и для непосредственнаго ближайшаго сообщенія людей защищавшихъ нижній валъ съ людьми находившимися на вершинѣ вала и въ строеніи. Начальникъ управлявшій боемъ имѣлъ въ своихъ рукахъ скрытый выходъ, могъ всегда во время поддержать бой высланными съ верху подкрѣпленіями, которыя неожиданно и не подвергаясь метательному дѣйствію непріятеля, обстрѣливавшаго атакуемый пунктъ, могли являться на помощь своимъ товарищамъ. Въ случаѣ неудачной обороны нижняго вала, обороняющійся имѣлъ возможность скрытно уйти въ верхнюю часть укрѣпленія и лишалъ, такимъ образомъ, атакующаго возможности, по пятамъ отступающихъ эскаладировать верхній валъ. Это обстоятельство заставляло атакующаго предпринимать другой штурмъ, на верхнюю часть укрѣпленія, гдѣ его встрѣчали свѣжія силы обороняющихся. 7) Въ укрѣпленіи C, въ настоящее время, находится въ верхнемъ валу отверстіе, которое вѣроятно служило также, для сообщенія нижняго яруса окоповъ съ верхнимъ; о чемъ, впрочемъ, утвердительно сказать трудно. Сообщеніе должно было существовать; ибо черезъ валъ неудобно было, ни входить, ни выходить, но для этой цѣли могъ тоже существовать скрытый ходъ, который при разрытіи насыпей быть можетъ и откроется.

---

[1]) Гора эта болѣе пологимъ мѣстамъ вспахана, вершина же поросла лѣсомъ.

План.

Укрѣпленной мѣстности близъ мѣстечка Рѣчекъ.

Лит. Шелковникова въ Москвѣ.

Принимая въ расчетъ, что эта часть Вилейскаго уѣзда находилась на границѣ другихъ удѣловъ, болѣе или менѣе непріязненныхъ, что при томъ старый полоцкій трактъ, единственная быть можетъ, въ то время, операціонная и вмѣстѣ съ тѣмъ коммуникаціонная линія, пролегалъ близъ м. Рѣчевъ; мы найдемъ, что выборъ разсматриваемой позиціи удовлетворяетъ и стратегическимъ соображеніямъ, которыя указываютъ пункты могущіе имѣть вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ тактическомъ отношеніи позиція эта имѣетъ неотъемлемыя выгоды; а именно: a) командуетъ окружающею мѣстностью, и b) фланги ея прикрыты съ одной стороны большимъ лѣсомъ, а съ другой озеромъ и болотистой долиной рѣчки протекающей черезъ мѣстечко. Все это даетъ возможность обороняющемуся сосредоточить свое вниманіе на частяхъ позиціи болѣе слабыхъ. Для безопасности отъ скрытаго нападенія изъ лѣсу и нечаяннаго со стороны болота, построены сомкнутыя укрѣпленія имѣющія двухъярусную оборону.

Въ фортификаціонномъ отношеніи мы здѣсь видимъ искусное примѣненіе укрѣпленій къ мѣстности. Здѣсь инженерное искусство является во всей простотѣ, и недостатокъ науки замѣненъ здравымъ смысломъ, умѣвшимъ оцѣнить выгоды доставляемыя самою природою. Впереди высоты B образуется перекрестная оборона изъ двухъярусныхъ укрѣпленій; ложбина между возвышеніями A, B, C обстрѣливается изъ нижнихъ валовъ обоихъ укрѣпленій. Значительное командованіе насыпей даетъ возможность обозрѣвать окружающую мѣстность. Устройство рвовъ между верхнимъ и нижнимъ валами дозволяло дольше удерживать непріятеля у подошвы верхней насыпи и наносить ему вредъ стрѣлами, камнями, бревнами и прочими въ то время употреблявшимися средствами обороны.

Въ заключеніе скажу Вамъ, что еслибы эта позиція и не сохранила видимыхъ слѣдовъ своего прежняго назначенія, то самая мѣстность указываетъ на этотъ пунктъ, какъ на весьма выгодный для оборонительнаго дѣйствія незначительнаго отряда.“

Вилейскій уѣздъ, заселенный Кривичами [1]), гдѣ и до сихъ поръ нѣсколько мѣстностей сохранило названіе Кривичъ, богаче другихъ нашихъ уѣздовъ уцѣлѣвшими памятниками давно минувшаго. Въ настоящемъ трудѣ будутъ приведены еще и другія городища, а также мѣстности гдѣ сохранились могильные и боевые курганы.

А. Кор.

рядныя. Слова: рядъ, ряда имѣли въ древней Россіи самое обширное значеніе. Ими не только означались всякое условіе, всякій договоръ о чемъ бы то ни было, но также иногда приказъ, порученіе. Такъ въ Русской Правдѣ раздѣлъ, сдѣланный отцемъ своего имѣнія дѣтямъ, называется рядой. Въ актахъ позднѣйшихъ подъ именемъ ряда встрѣчаются договоры объ уступкѣ земли и другихъ предметовъ владѣнія, о мѣнѣ, о превращеніи заведеннаго въ судѣ спора миромъ, о наймѣ, бракѣ, и проч. Но такое обширное значеніе слову рядъ могло даваться только въ началѣ письменности, пока не установились юридическія формы и назва-

---

[1]) Нынѣшній Вилейскій уѣздъ, съ юго-восточною частію Ошмянскаго, принадлежалъ къ Минскому княжеству; съ 1300 г. вошелъ въ составъ Литовскаго княжества, и съ 1413 г. былъ присоединенъ къ Виленскому воеводству. Послѣ раздѣла Польши, съ 3 мая 1795 принадлежалъ къ Минской, а съ 1 іюля 1843 къ Виленской губерніи.

нія для каждаго разряда актовъ въ отдѣльности. Поэтому въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ, когда уже болѣе или менѣе выработались тѣ и другія, названіе рядная запись должно было примѣниться къ какому нибудь отдѣлу договоровъ, который не имѣлъ своего опредѣленнаго имени. Такихъ договоровъ было еще довольно много, но изъ нихъ по своей особенности выдавались условія о бракѣ или предварительные брачные договоры. Имъ и было придано названіе рядныхъ, съ присоединеніемъ впрочемъ къ главному предмету договора и другихъ условій, связанныхъ съ брачными отношеніями. Такъ напр. если кто женился на вдовѣ съ дѣтьми, то въ рядной опредѣлялись также его обязанности къ будущимъ пасынкамъ. Но какъ всѣ такія побочныя обстоятельства ставились въ зависимость отъ главнаго — договора о свадьбѣ, то говоря о рядныхъ XVI-го и XVII-го вѣка должно именно разумѣть подъ ними свадебныя сдѣлки. За тѣмъ слово ряда продолжало еще примѣняться и ко множеству другихъ договоровъ, которые не имѣли ни опредѣленной формы, ни опредѣленнаго названія. Однако, въ отличіе отъ рядныхъ, получившихъ уже спеціальное значеніе, а можетъ быть и по выраженію, которымъ начинаются условія такого рода: „се азъ порядился," они получили въ нашей древней юридической письменности названіе порядныхъ. Подъ это названіе подводятся впрочемъ самыя разнообразныя условія. Такъ въ «Юридическихъ Актахъ», изданныхъ Археографической Коммиссіей, подъ именемъ порядныхъ встрѣчаются и договоры о наймѣ земли, о поступленіи въ крестьяне, о постройкѣ церквей, домовъ, о починкѣ мостовъ, и договоры объ отправленіи въ какомъ либо селеніи должности священника и дьячка, и договоры о ямской гоньбѣ, о поставкѣ хлѣбныхъ запасовъ, объ исполненіи обязанностей дворника, сторожа, и проч.

На основаніи сказаннаго мы разсмотримъ прежде всего акты, дошедшіе до насъ подъ названіемъ рядныхъ изъ XV-го вѣка, съ тою цѣлью чтобъ показать какъ первоначально общая форма ряды совпадала съ тѣми формами, которыя въ послѣдующія столѣтія сдѣлались исключительно принадлежностію того или другаго разряда актовъ, за тѣмъ перейдемъ къ рядными XVI-го и XVII-го вѣка въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ, и наконецъ къ порядными [1]).

Рядныя XV-го вѣка. Въ рядныхъ этого столѣтія о землѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе тождественность употребляемыхъ здѣсь выраженій съ тѣми, какія встрѣчаются въ купчихъ и мѣновныхъ. Пріобрѣтающій землю получаетъ ее, по словамъ рядныхъ, собѣ и своимъ дѣтямъ въ вѣки; обозначается цѣна, за какую земля отдается или вымѣнивается на другую, и говорится о пополнкѣ — обычной принадлежности древнихъ купчихъ. Было бы однако неосновательно предположить, что тотъ или другой договоръ о продажѣ или мѣнѣ земли названъ рядною вслѣдствіе того, что составленъ для прекращенія бывшаго спора о землѣ, каковы именно большая часть рядныхъ до насъ дошедшихъ подъ этимъ названіемъ. Ибо, въ такомъ случаѣ, почему было бы не назвать его поступною или отступною записью? Очевидно, выраженіе ряда

[1]) Мы не останавливаемся здѣсь вовсе на извѣстной, найденной К. Э Наперскимъ, рядной XIII-го вѣка, возбудившей своимъ содержаніемъ споры между нашими учеными (см. Записки С.-Петерб. Археологич. Общ. т. III стр. 221—267), потому что вопросъ о томъ, въ чемъ заключался договоръ, подтвержденный этимъ актомъ, кажется найдетъ еще споримымъ и требующимъ преизслѣдованія. Но имъ вполнѣ доказывается наша мысль, что въ древности въ формѣ рядныхъ писались договоры и сдѣлки самаго разнообразнаго содержанія.

употреблено здѣсь только потому, что спеціальныя названія для актовъ по предметамъ договоровъ или сдѣлокъ еще не успѣли окончательно утвердиться въ юридическомъ языкѣ того времени. Тоже подтверждается и разсмотрѣніемъ рядныхъ XV-го вѣка, не относящихся до пріобрѣтенія земли. Такъ встрѣчаются рядныя съ содержаніемъ духовныхъ и данныхъ, писанныя съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ, какъ писались эти акты. Подобно тому и наемныя записи назывались иногда рядными: такъ наемной, напечатанной въ Акт. Юрид. подъ № 192, въ самомъ текстѣ придано такое названіе.

Рядныя въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ. Рядныя въ томъ значеніи, какое имъ принадлежало въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ, суть условія объ имѣющемъ быть бракѣ въ опредѣленное время; почему иначе эти условія называются сговорами, или, какъ говорилось въ старину, сговорными. Первый вопросъ, который намъ представляется здѣсь, относится къ лицамъ, заключавшимъ между собою такіе договоры. Очевидно, что со стороны невѣсты — это ея ближайшіе родственники, отъ которыхъ она зависитъ: отецъ, мать, братья. Но судя по дошедшимъ до насъ рядамъ, онѣ писались иногда и отъ имени самой невѣсты. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣста жила отдѣльно и слѣдовательно была лицомъ самостоятельнымъ. Конечно, рѣдко въ такомъ положеніи находились у насъ въ старину дѣвицы; но тѣмъ не менѣе до насъ дошли рядныя, писанныя отъ имени самихъ дѣвицъ, выходившихъ замужъ. Въ бо́льшей же части случаевъ самостоятельностію пользовались вдовы. Выходя вновь замужъ, онѣ разумѣется должны были писать рядную отъ себя. Однако и здѣсь намъ извѣстны примѣры, что рядныя писаны не отъ имени самихъ невѣстъ, а отъ лицъ, у которыхъ онѣ жили въ домѣ. Такъ, наприм., рядная, напечатанная въ Актахъ Юрид. подъ № 401, писана отъ лица, сговорившаго, какъ здѣсь сказано, „невѣстку свою, брата своего роднаго жену.“ Очевидно, что оба брата жили вмѣстѣ, и потому по смерти одного изъ нихъ вдова его, оставшаяся въ томъ же домѣ, была выдана замужъ оставшимся въ живыхъ братомъ. Что касается до жениха, то, согласно съ обычаями того времени, когда всѣ переговоры насчетъ женитьбы сына велись его родителями, должно полагать, что и рядныя писались отъ ихъ имени. Однако намъ неизвѣстно ни одного образчика рядныхъ, которыя были бы писаны отъ имени отца или матери за сына, вступавшаго въ бракъ. Напротивъ, есть нѣсколько образцовъ, писанныхъ женихомъ прямо отъ себя; впрочемъ въ этихъ рядныхъ указывается вмѣстѣ съ тѣмъ, что женихъ распоряжается собою какъ лицо самостоятельное и не живетъ въ домѣ родителей. Между тѣмъ въ старину, особенно въ низшемъ сословіи, такіе случаи были рѣдки: обыкновенно женихъ приводилъ невѣсту въ домъ своего отца или старшаго брата. Слѣдовательно то обстоятельство, что мы не знаемъ рядныхъ со стороны жениха, писанныхъ отъ имени его родителей, можетъ быть слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что до сихъ поръ еще мало напечатано рядныхъ древняго времени, особенно между лицами низшихъ классовъ.

Рядныя писались въ двухъ экземплярахъ или противняхъ: одинъ со стороны невѣсты, а другой со стороны жениха. Но содержаніе ихъ не всегда бывало одинаково. Нѣкоторые пункты дѣйствительно повторялись въ обоихъ противняхъ безъ измѣненія, какъ-то: о срокѣ, назначенномъ для свадьбы, о неустойкѣ или денежной пенѣ, которую должна была платить сторона, отступившая отъ условія, въ пользу обиженной; наконецъ въ обоихъ прописывались свидѣтели, бывшіе при заключеніи свадебной сдѣлки. Но условія относительно приданаго, какое должна бы-

ля получить невѣста, о томъ, когда выдать его жениху, а также о полученіи выводной — акта, необходимаго для невѣсты, если она была крѣпостнаго сословія и выдавалась за лицо свободнаго состоянія или за крестьянина другаго вѣдомства, и т. п., исчислялись обыкновенно только въ рядной со стороны невѣсты.

Эта рядная передавалась жениху и оставалась въ его рукахъ документомъ до исполненія означенныхъ въ ней обязательствъ. По совершеніи же свадьбы и послѣ того какъ родственниками невѣсты было передано молодому все ими обѣщанное, онъ на полученной отъ нихъ рядной подписывался, что все означенное въ ней принялъ и за тѣмъ отдавалъ ее имъ обратно. Подписанная такимъ образомъ рядная становилась теперь наоборотъ въ рукахъ родственниковъ невѣсты документомъ въ ихъ пользу противъ молодаго въ томъ случаѣ, еслибы онъ вздумалъ оспоривать, что не получилъ всего обѣщаннаго. Здѣсь невольно представляется вопросъ: для чего приданое передается новобрачному, когда оно считается собственностію жены? Этотъ обычай существуетъ и въ настоящее время, особенно въ среднемъ классѣ; именно: на росписи приданаго заставляютъ мужа (новобрачнаго) подписывать, что онъ получилъ означенное въ ней сполна. А между тѣмъ если умретъ жена, не оставивъ по себѣ дѣтей, родственники ея имѣютъ право, за исключеніемъ выдѣла мужу ея слѣдующей ему указной части въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, потребовать отъ него обратно все, полученное ею въ приданое. Можно думать, что обычай предъявлять рядную жениху для росписи съ его стороны въ полученіи по ней приданаго указываетъ на глубокую древность, когда женщина не признавалась еще лицомъ самостоятельнымъ, когда она не только относительно своего имущества, но и относительно своей личности подчинялась главѣ семейства. Въ домѣ своихъ родителей она была въ полной отъ нихъ зависимости, переходя же отъ нихъ въ домъ своего мужа, не освобождалась отъ подчиненія, а только мѣняла власть, подъ которой находилась прежде, на другую. Подъ вліяніемъ такихъ понятій естественно, что, передавая дочь, отецъ передавалъ ее со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ ее награждалъ. Но при этомъ должно обратить вниманіе и на значеніе самаго приданаго. Судя по древнимъ источникамъ, оно давалось невѣстѣ въ замѣнъ цѣны, какую отецъ ея получалъ отъ жениха, пріобрѣтавшаго ее покупкой. Вотъ почему какъ цѣна невѣсты, такъ и награжденіе или приданое, которое за ней давалось, назывались одинаково вѣно. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ обычаяхъ, еще и теперь существующихъ между крестьянами. Во многихъ мѣстностяхъ женихъ обязанъ платить отцу невѣсты денежную за нее цѣну, которая называется кладкой. На эти деньги отецъ покупаетъ ей шубу, сарафанъ и другое имущество, которое даетъ за ней въ приданое. Слѣдовательно женихъ вмѣстѣ съ невѣстой получаетъ обратно то, что за нею далъ. На основаніи этого обычая онъ даже въ правѣ требовать отъ отца своей жены или другаго ея родственника, выдавшаго ее замужъ, чтобы онъ наградилъ ее, какъ скоро получилъ кладку. Въ этомъ отношеніи онъ становится защитникомъ своей жены, какъ ближайшее къ ней лицо, даже предъ ея родственниками. И дѣйствительно, мужъ всегда былъ и признавался, какъ и теперь, защитникомъ жены. И по настоящимъ понятіямъ ему должны быть извѣстны всѣ права жены для того, чтобы онъ могъ отыскивать ихъ въ ея пользу. Если дѣвица выходитъ замужъ еще несовершеннолѣтнею, то по обычаю избираетъ себѣ въ попечители мужа, хотя бы прежде того имъ былъ у нея родной отецъ ея. Вотъ кажется историческое и разумное основаніе

нашего исконнаго обыкновенія предъявлять жениху роспись приданаго его невѣсты.

Разсмотримъ теперь въ чемъ состояло приданое на основаніи древнихъ рядныхъ? Его составляли тѣ же имущества, которыя и въ наше время даются за невѣстой: во первыхъ милосердіе Божіе, какъ называются образа; далѣе разная кузнь, т. е. одежда и наряды: разнаго рода серебряныя и золотыя вещи, серьги, жемчугъ и проч.; все это высчитывалось на деньги и всему вмѣстѣ записывалась въ рядной цѣна такъ точно, какъ и теперь дѣлается въ росписи. Съ этой стороны рядныя представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для нашихъ старинныхъ костюмовъ и для ихъ расцѣнки. За тѣмъ исчислялись дворовые люди, дававшіеся въ приданое: ихъ могло быть болѣе или менѣе, смотря по состоянію отца; но необходимую принадлежность всякаго сколько нибудь порядочнаго приданаго составляла дѣвка къ ларцу (ларецъ значитъ сундукъ съ приданымъ невѣсты) — тоже что наша горничная дѣвушка, какую еще недавно, при существованіи крѣпостнаго права, всегда невѣста получала изъ родительскаго дома. Наконецъ къ приданому принадлежали земли пустопорожнія и населенныя, не только вотчинныя, но и помѣстныя. Впрочемъ обычай давать въ приданое и помѣстья сталъ вводиться только подъ конецъ допетровскаго періода, когда первоначальное значеніе помѣстныхъ дачъ было уже утрачено въ общемъ сознаніи. Но издавна позволялось отцу дочери, который владѣлъ помѣстьемъ, въ томъ случаѣ если онъ былъ старъ и не имѣлъ сыновей, передавать его жениху ея, который разумѣется вслѣдствіе этого былъ обязанъ принять на себя всѣ повинности, соединенныя съ помѣстнымъ владѣніемъ. Однако передачи земли и крѣпостныхъ людей посредствомъ одной рядной не считалось достаточнымъ. Было необходимо, чтобы женихъ получилъ еще на нихъ выпись. Для этого родственникъ невѣсты, который выдавалъ ее замужъ, долженъ былъ подать челобитную въ Помѣстный Приказъ, чтобы здѣсь отдаваемую въ приданое землю за женихомъ справили, т. е. за нимъ записали и выдали ему на нее выписку изъ писцовыхъ книгъ. Точно также на дворовыхъ людей женихъ долженъ былъ получить данную. Отсюда видно, что приданое поступало въ полное владѣніе мужа, и дѣйствительно онъ располагалъ имъ какъ своимъ имуществомъ (за исключеніемъ развѣ приданаго платья и вещей), и только въ случаѣ отчужденія былъ обязанъ испрашивать согласіе жены.

Кромѣ означенія приданаго и другихъ указанныхъ выше существенныхъ условій рядныхъ, именно: опредѣленія срока свадьбы, неустойки и свидѣтелей, условій которыя впрочемъ не встрѣчаются непремѣнно во всѣхъ дошедшихъ до насъ образцахъ рядныхъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены условія побочныя. Такъ напримѣръ въ одной рядной, женихъ отказываетъ въ случаѣ своей смерти все свое движимое имущество будущей женѣ своей; въ другой рядной женихъ, принимая къ себѣ въ домъ вмѣстѣ съ женой сына ея, обязывается кормить и поить его „какъ прочіе отцы своихъ дѣтей“, а какъ онъ возмужаетъ и не захочетъ съ нимъ жить, то отпустить его, надѣливъ имѣніемъ. Наоборотъ, въ одной рядной со стороны невѣсты отецъ ея обязывается очищать ее, если кто вступится въ нее какъ въ крѣпостную свою дѣвку; въ другой рядной отецъ обѣщается дать своему будущему зятю крѣпость на людей, поступающихъ въ приданое за дочерью и справить за нимъ помѣстную пустошь, также отданную въ приданое. Въ Юридическихъ Актахъ напечатано еще нѣсколько рядныхъ, данныхъ женихами изъ крестьянъ не невѣстѣ и не ея родственникамъ, а властямъ монастырей и церквей, за

которыми они состояли. Поводъ къ тому очевидно заключался въ томъ, что эти власти, стоявшія выше родительской власти невѣсты, вмѣсто выдачи жениху ея выводной, предпочли обязать его самого рядной. Особенно это имѣло мѣсто, когда невѣста была вдова и у нея были дѣти: выводя свою будущую жену изъ монастырскаго или церковнаго селенія, женихъ долженъ былъ обязаться, что ея дѣти, когда выростутъ, воротятся опять на монастырскую землю и будутъ монастырскими или церковными крестьянами, иначе монастырь или церковь потерпѣли бы убытокъ.

Въ заключеніе скажемъ о формальной сторонѣ рядныхъ. Отъ чьего бы имени онѣ ни писались, начало ихъ одинаково: „Се азъ“; за тѣмъ слѣдуетъ имя того, кто даетъ рядную и словá: „сговорилъ“ съ такимъ-то чли съ такою-то о томъ-то. Далѣе въ рядныхъ со стороны невѣсты исчисляется ея приданое, назначается срокъ свадьбы и опредѣляется количество неустойки. Въ рядныхъ же со стороны жениха, кромѣ двухъ послѣднихъ условій, излагаются и тѣ обязательства, какія онъ даетъ отъ себя, если это нужно. Наконецъ означаются свидѣтели, которые называются послухами или сидѣльцами, писецъ рядной и годъ, а иногда и число совершенія. На оборотѣ акта прикладывали руки свидѣтели, а въ нѣкоторыхъ образцахъ приложены руки и тѣхъ лицъ, отъ имени ковхъ рядныя писаны. Сверхъ того на многихъ рядныхъ со стороны невѣсты встрѣчается подпись жениха. Форма подписи родственниковъ невѣсты и свидѣтелей общая: „Къ сей записи такой-то руку приложилъ“. „Послухъ такой-то руку приложилъ.“ Но женихъ пишетъ: «По сей рядной записи такой-то приданаго за женою своею такою-то столько-то или на столько-то принялъ и росписался.» Въ рядныхъ со стороны жениха подпись его и свидѣтелей также общая: „Къ сей записи такой-то руку приложилъ.“

Н. Калач.

СИКО́ЛОЙ или СИКАЛОЙ отъ *συκάς*, смоковница, означаетъ финиковое или смоковное дерево, часто употребляемое на рѣзьбу небольшихъ иконъ, панагій, крестовъ и пр. Отъ времени оно принимаетъ совершенно черный цвѣтъ. Панагія XVI вѣка архіепископа Пимена (1533—1570) въ ризницѣ Софійскаго собора въ Новѣгородѣ. (Макарій. Арх. описаніе Новгорода. II, 212. Въ рукописномъ описаніи Софійскаго собора 1808 года, дерево, изъ котораго сдѣлана эта панагія, названо кизиль). Гр. У.

СІОНЫ или ІЕРУСАЛИМЫ, ЕРУСАЛИМЫ, или „ІЕРУСАЛИМЫ ЦЕРКОВНЫЕ“; такъ назывались ковчеги имѣющіе подобіе церкви. Внизу у нихъ блюдо, на которомъ утверждены столбики поддерживающіе все зданіе. Въ первый разъ это названіе встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1175 годомъ. При исчисленіи всѣхъ построекъ и всѣхъ украшеній сдѣланныхъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ сказано: „а тріе ерусалимы велми велиции иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣнна устрои и всими виды „и устроеніемъ подобна быста удивленію Соломоновѣ Святая святыхъ. [1])“ Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи Кіевской, мы видимъ что въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго, Всеславъ Брячиславичь, ограбивъ Софійскую церковь въ Новгородѣ, захватилъ и Сіонъ и церковные сосуды: „И на „весну съдума съ мужи своими, поиде на Полтъскъ на зятя на своего „на Всеслава: ходилъ бо бяше дѣдъ его на Новгородъ и взялъ ерусалимъ

[1]) Полн. Собр. Лѣт. II. стр. 112.

ТАБ. XIV.

№ 1.

№ 2.

СІОНЫ.

„церковный и сосудѣ служебніѣ, и погостъ одинъ завелъ за Полтъскъ. „Мстиславъ же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду [1])“.

Употребленіе этихъ ковчеговъ, извѣстныхъ у насъ уже въ половинѣ XII вѣка, вѣроятно перешло съ запада, гдѣ они были часто въ употребленіи, какъ видно изъ словъ Дюканжа [2]). Доселѣ ни въ византійскихъ древностяхъ, ни у византійскихъ писателей я не могъ найти ни одного намека на подобные Сіоны. Первоначальная мысль этихъ сосудовъ вѣроятно возникла отъ изображеній на древнихъ христіанскихъ мозаикахъ, на которыхъ постоянно представляли Іерусалимъ и Виѳлеемъ, въ видѣ городовъ съ золотыми стѣнами обсыпанными драгоцѣнными камнями. А изъ этихъ городовъ Іерусалимъ въ переносномъ смыслѣ принимается въ смыслѣ самой Церкви въ стихирахъ 8 гласа: „Радуйся, Сіоне святый“. Такіе же примѣры встрѣчаемъ и въ священномъ писаніи: въ посл. Галатамъ, IV, 26: „А высшій Іерусалимъ, свободъ есть, иже есть мати всѣмъ намъ“ (Срав. Исаія LX. 1.—Къ Евреямъ, XII, 22.—Апокал. XXI, 2). Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владиміра и Москвы такіе Іерусалимы выносимы были во время архіерейскаго служенія на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ, вмѣсто митры, также и во время крестныхъ ходовъ, и ставились на престолѣ въ олтарѣ [3]).

Іерусалимъ, или Сіонъ, принимаемый здѣсь въ смыслѣ Церкви, всегда имѣетъ видъ храма. Древнѣйшіе памятники этого рода находятся въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. На обоихъ находятся надписи, опредѣляющія самый годъ ихъ изготовленія 6964 (1456). Большой Сіонъ (рисунокъ въ Древностяхъ Р. Г. Отд. I. № 60.). У поддона придѣланы ручки для ношенія; на немъ прикрѣплено основаніе круглой церкви или первый ярусъ образуемый двѣнадцатью изображеніями евангелистовъ и апостоловъ въ ростъ, вычеканенныхъ обронно, и стоящихъ каждый подъ аркою поддерживаемою двумя колоннами. То пространство между колоннами, на которомъ изображенъ апостолъ Петръ (съ ключемъ въ рукѣ), служитъ дверцою, и на внутренней ея сторонѣ начерчена надпись: „влѣто ҂зѳѯд сдѣланъ бысть сіи е русалимъ повелѣни емъ бл говѣрнаго і христол юбіваго великаго кн зя івана васільевича господаря всея руси въ к. є. лѣто господарьст ва его въ церковь успенія п рчтыя і ко гробу чюдотво рца Петра на Москвѣ“. Надъ нижнимъ ярусомъ, олицетворяющимъ новый завѣтъ, возвышается второй ярусъ крытый крестообразно бочками съ гребнемъ, съ четырехъ сторонъ кончающимися закомарами или фронтонами съ тройною аркою. На закомарахъ представлены четыре пророка: Давидъ, Варлаамъ, Моисей и Іоаннъ (Предтеча?), какъ представители ветхаго завѣта. Надъ серединою возвышается глава всего зданія, съ равностороннимъ крестомъ на вершинѣ. На барабанѣ размѣщены змѣи basilcoq, заимствованные изъ западной символики, а по всей чешуйчатой вершинѣ главы наведены чернью фантастическія змѣи и другіе символы порока и зла. Вокругъ барабана четыре малыя главы тѣсно приставлены къ средней.

Оба Московскіе Сіона сдѣланы однимъ мастеромъ, и судя по всему стилю, чисто романскому, по двуперстному благословенію Спасителя, по иконографическому характеру апостоловъ (ключи у апостола Петра) и

---

[1]) Ibidem. стр. 120.
[2]) Ducange Glossar. inf. latin. Sium, Sion.
[3]) Древности Р. Г. Отд. I. стр. 89.

наконецъ по терновому вѣнцу на крестѣ, должны быть признаны за произведенія западныхъ (даже италіянскихъ) художниковъ, работавшихъ въ Москвѣ.

Новгородскіе Сіоны [1]), повидимому одного времени съ Московскими и одного стиля, также принадлежатъ къ произведеніямъ западныхъ художниковъ (Въ словѣ: πετρος T и R латинскія; ΚΑΔΗΙ вмѣсто ΚΑϹΗΔΙ, ноги босыя). Одинъ изъ этихъ Сіоновъ съ дверцами (рисунокъ въ Древн. Р. Г. Отд. I. № 49, 50, 51, 52.), другой, напротивъ того, состоитъ изъ шести столбиковъ поддерживающихъ сводъ съ главою; но оба сохраняютъ общую форму храма. На первомъ изъ нихъ между столбиками прикрѣплены двустворчатыя дверцы (арки копытообразныя въ мавританскомъ стилѣ), на коихъ вычеканены 12 изображеній евангелистовъ съ евангеліями и апостоловъ со свитками въ рукахъ. Надъ этими колоннами и арками сводъ, на которомъ въ шести круглыхъ клеймахъ представлены: Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, Василій великій и два архангела. На второмъ Сіонѣ (Древн. Р. Г. Отд. I, 53 и 54) нѣтъ никакихъ изображеній; на самомъ блюдѣ, на срединѣ выгравированъ равносторонній крестъ, съ пояснымъ изображеніемъ Спасителя.

СКУРАТЫ, „воображенія человѣческія на дскахъ истесаны." Алфавитъ. $^{25}/_{4}$. л. 297.

Гр. У.

ТАРТАРЪ. Въ древнихъ Славянскихъ и Русскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ, симъ словомъ, взятымъ съ Греческаго, выражается мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго хлада, куда будутъ посланы души грѣшныхъ людей. Самое Греческое τάρταρος лексикографы роднятъ съ ταρταρίζω — дрожу отъ холода, и разумѣютъ подъ тартаромъ подземную, солнцемъ никогда не освѣщаемую и несогрѣваемую пропасть, гдѣ свирѣпствуетъ холодъ (Λέξικον Βαρίνυ Φαβωρινυ, Λεξικον Ανθ. Γαςη, Ben. Hederichs Lexicon Mythologicum). Въ словѣ Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души, помѣщаемомъ въ Соборникѣ въ недѣлю мясопустную, въ началѣ читается: боюся тартара (τάρταρον), зане непричастенъ есть теплоты. Въ апокрифическомъ сказаніи о явленіи ангела преп. Макарію Египетскому (нач. Ходящу нѣкогда преподобному Макарію по пустыни) о томъ же говорится: а се есть червь неусыпаемый, а се есть глаголемый тартаръ — зима несъгрѣема и мразъ лютъ. Въ притчѣ Кирилла Туровскаго о человѣкѣ бѣлоризцѣ (Памятники XII в., стр. 130): да не раслабѣвше.... плотьскими похотьми въ адстѣй станемъ пустынѣ.. огнемъ мучима и скрежета зубнаго исполнена и тмы кромѣшняя и тартаръ несъгрѣемый. Въ житіи преп. Іосифа Волоколамскаго, изд. 1865, стр. 21, Савва Крутицкій говоритъ, что иноки Волоколамскіе въ самые лютые морозы терпѣливо стояли въ холодной церкви своей у обѣдни, въ одной ризѣ, безъ шубъ, поминая кождо несъгрѣемый тартаръ. Часто это же Греческое τάρταρος переводилось словомъ гроза, и гроза въ означенномъ смыслѣ тартара употреблялась въ древнихъ, собственно Славянскихъ или Русскихъ произведеніяхъ. Напр. въ 23 словѣ Паренесиса Ефрема Сирина по Чудовскому пергам. списку № 140, XIV в., л. 22: у лютѣ мнѣ, что

---

[1]) Макарій. Археол. описаніе Новгорода. II, 205. 295—296.

сътворю геонѣ огненѣй и тиѣ кромѣшней, идѣже плачь и скрежетъ зубомъ,—что створю грозѣ (и мукѣ) безконечной (τὸν τάρταρον καὶ τὴν ἀτελέτηντον βάσανον). Въ Синодальномъ спискѣ Пандектъ Антіоха № 3, XIV—XV в., л. 93: иніи грозѣ предаются (τῷ ταρτάρῳ). Въ древнерусскомъ поученіи объ инечествѣ, отпечатанномъ въ Духовномъ Вѣстникѣ 1862, Іюль, въ Матеріалахъ, стр. 152: и ту (во адѣ) будетъ плачь неутѣшимый и скрежетъ, червь неусыпаемы, гроза несъгрѣемая. Подобнымъ образомъ въ житіи преп. Никиты Столпника по Синод. ркп. № 885, XVI в., л. 416: и по судѣ—осужденіе въ огнь и въ тму и скрежетъ зубный, въ червь неусыпаяй и въ грозу несъгрѣемую.

К. Невоструевъ.

ТАХА. Слово это, встрѣчающееся въ припискахъ писцовъ, затрудняло знаменитыхъ нашихъ археологовъ и филологовъ — Калайдовича (см. Іоаннъ, ексархъ Болгарскій, стр. 88 прим. 6), митроп. Евгенія (Словарь о писателяхъ дух. чина, изд. 2.—Храбръ) и самого Востокова (Описаніе Рум. музеума с. 190, слич. въ Указателѣ къ нему: тахъ). Въ видѣ техническаго слова, таха есть буквальное заимствованіе древнеславянскими писцами у Греческихъ частицы τάχα, выражающей одну только возможность, сомнѣніе, почти отрицаніе—можетъ-быть, едва ли. И Греческими писцами, а иногда и авторами, обыкновенно при имени должности или сана оно употреблялось въ чувствѣ смиренія, недостоинства, напр. τάχα μοναχος значило тоже, что мнимый, недостойный монахъ. Примѣры употребленія этой частицы Греческими писцами представлены у Дюканжа въ Glossarium mediae et infimae Graecitatis sub. v. τάχα. Такъ въ заглавіи Исторіи Георга Франца пишется: Οἰκτρός Γεώργιος ὁ Φραντζὴς πρωτοβεσιάριος καὶ Γρηγόριος τάχα μοναχὸς ταῦτα ἔγραψεν... Θеодулъ Трапезунтскій епископъ говоритъ: Ἐγράφησαν αἱ βίβλοι αὐταί — δὶα χειρὸς ἐμῆ τῆ ἁμαρτολῆ, τάχα δε καὶ ἀναξίᾳ Ἐπισκόπῃ τῇ Θεοδούλῳ τῇ ποτὲ Τραπεζοῦντος и пр. Въ концѣ типика въ Ватиканскомъ кодексѣ 784: χειρὶ ἁμαρτωλῆ γραφεως Νείχῃ, τάχα ἱερομονάχῃ γραφεῖσα и пр. Изъ Славянскихъ рукописей мы можемъ указать на Сборникъ Синодальной Библіотеки № 145: о письменѣхъ черноризца Храбра и пр., писанный въ 1348 г. для Болгарскаго царя Александра, по припискѣ писца—трудъ и болѣзнь Лаврентія многогрѣшнаго таха священноинока (слич. Калайдовича Іоаннъ ексархъ Болгарскій, стр. 88). Другая рукопись Синодальной Библіотеки № 148, Сербскій списокъ Георгія Амартола, писанъ руками многогрѣшныхъ и смѣренныхъ тах монах Романа и Василіа...въ лѣто 6894 (1386). Въ Румянцовскихъ рукописяхъ Евангеліе, Болгарскаго происхожденія, XVI в. исписася рукоу многогрѣшьнаго тах ирьмонах василіе (Описаніе Рум. музеума стр. 190). У Русскихъ писцовъ, конечно по незнанію смысла частицы таха, не видно ея употребленія. Только въ концѣ XVII в. великій труженикъ и знатокъ Греческаго языка, чудовскій монахъ Евѳимій, въ припискахъ своихъ, это слово таха переводилъ на Славянское негли (можетъ-быть). Такъ въ Синодальномъ спискѣ правилъ церковныхъ № 464, Евѳиміемъ вновь переведенныхъ, въ послѣсловіи онъ пишетъ: трудивыйся въ преведеніи прощенія проситъ въ погрѣшеніихъ грѣшный Евѳимій негли монахъ. И въ спискѣ твореній Симеона Ѳессалунитскаго № 654: переведеся отъ Еллинска на Славенскій діалектъ—въ обители Чудовѣ зовомой нѣкимъ грѣшнымъ негли монахомъ.

К. Невоструевъ.

ТКАЛЬЯ, отъ—ткать, женщина, ткавшая полотно. Въ царскомъ домашнемъ обиходѣ XVII ст. каждая ткальи была обложена годовымъ дѣломъ или урокомъ; на всякое дѣло или въ урокъ ткальи ткали 6 полотенъ, мѣрою каждое полотно по 14 аршинъ, за что получали годоваго жалованья на каждое дѣло по 23 алт. 2 денги. Такъ было въ хамовныхъ Ярославскихъ селахъ Брейтовѣ и Черкасовѣ, въ 1665—1672 г. При каждой ткальѣ находились прядьи, готовившія пряжу. (См. это слово).

И. З.

ТОРОЦИ. Это слово одного корня съ глаголомъ оторочить, и выражаетъ особое вниманіе ангеловъ къ вѣщаніямъ Божіимъ; отсюда тороци называются также слухами. Въ иконографіи они произошли отъ неяснаго пониманія изображеній. У ангеловъ и у всѣхъ небесныхъ чиновъ волосы придерживаются повязкою, которой концы развѣваются съ обѣихъ сторонъ головы возлѣ ушей. Эти концы повязки были приняты за особыя ленты, будто-бы выходящія изъ ушей и были истолкованы торокамы или слухами.

ТРАПЕЗА. Лучше всякихъ объясненій опредѣлитъ это слово слѣдующая выписка изъ харатейнаго Патерика Печерскаго по Арсеньевской рукописи 1406 г. Св. Симонъ, епископъ Владимірскій (1214—1226 г.), въ посланіи своемъ къ черноризцу Поликарпу, описывая созданіе и освященіе Великой Печерской церкви, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Скажи же ти, брате, и о святѣй трапезѣ и освященіи тоѣ великыя церкви Божія Матере: въ первое лѣто игуменьства Иванова въ лѣто 6597 (1089 г.) священа бысть церкы Печерьская Іоаномь митрополатомъ. Много же убо поискавше да будетъ сдѣлана трапеза святаа, камена. Не обрѣтеся мастеръ ни единъ.... и преиде нѣсколько дни не бывшю священію. Въ 13 августа внидоша черньци въ церковь.... и видѣша у олтарьное преграды дъску камену положену и столпъци на строеніе трапезѣ.... Хытрець и промыслениикъ всѣхъ Богъ, створивый и дѣлавъ ту, и принесъ и положивъ и утвердивъ рукама святительскыма на предложеніе своему пречистому тѣлу и святѣй крови, излиявъ на той святѣй трапезѣ, юже самъ дарова за весь миръ, по вся дни заналатися“.... и пр. Ясно, что подъ словомъ Трапеза древніе Русскіе разумѣли то самое, что мы означаемъ словомъ престолъ во храмѣ Божіемъ; потому что пресуществленіе даровъ совершается во время Литургіи на престолѣ, а не на жертвенникѣ.

Закревскій.

ТРІОДЬ, отъ τρισ—три и ωδη—пѣснь, книга содержащая въ себѣ каноны, состоящіе большею частію изъ трехъ пѣсней[1]). Тріодей двѣ: одна постная, начинающаяся недѣлею Мытаря и Фарисея, и оканчивающаяся Страстною недѣлею, а другая цвѣтная[2]), начинающаяся недѣлею Св. Пасхи, и оканчивающаяся недѣлею Всѣхъ Святыхъ. Авторы тріоди пост-

---

[1]) Св. Андрей Критскій составилъ канонъ, извѣстный подъ названіемъ Великаго канона, читаемаго на 1-й недѣлѣ св. поста и въ четвертокъ 5-й недѣли, изъ 9-ти пѣсней, а не 3-хъ.

[2]) Древнія старописанныя тріоди цвѣтныя начинаются съ субботы недѣли Ваій, вербной, или цвѣтоносной, отъ чего послѣдняя тріодь и называется цвѣтною.

ной и цвѣтной, или каноновъ изъ трехъ пѣсней состоящихъ: Ѳеодоръ Студитъ, Іосифъ Пѣснописецъ, Козма Маіумскій, Андрей Критскій и другіе.

ХИМИНЕТЪ. Это слово встрѣчается только въ одномъ, но за то знаменитомъ памятникѣ древности — въ Мстиславовомъ спискѣ Евангелія, писанномъ въ началѣ XII в. для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича. На послѣднемъ листѣ его, современникъ Наславъ, для памяти князя и людей, записалъ о докончаніи сего Евангелія, т. е. украшеніи его, которое сдѣлать поручено ему было отъ Мстислава, и для этого Наславъ возилъ списокъ въ Царьградъ, гдѣ учинилъ химинетъ и украсилъ Евангеліе всякимъ златомъ, сребромъ и камнями (и возивъ Царюгороду и учинихъ химинетъ, Божіею же волею возвратихся изъ Царягорода исправихъ все злато и сребро и драгій камень). Доселѣ употреблявшееся объясненіе этихъ словъ: учинихъ химинетъ (съ производствомъ химинетъ отъ Греческаго χαμαιπέτεια—поверженіе на землю, смиреніе), поклоненіемъ Наслава при сей поѣздкѣ Константинопольской Святынѣ (Памятники Московской Древности стр. 78) принять трудно. Ибо не говоря о прочемъ, а) изъ связи рѣчи и самого дѣла видно, что въ этомъ химинетѣ состояло главное дѣло Наслава по украшенію Евангелія и выражалась собственная цѣль посольства, для коей онъ ѣздилъ въ Константинополь, а не какое нибудь побочное, его личное дѣло; б) для выраженія поклоненія святынѣ какъ на Славянорусскомъ языкѣ искони были свои термины (моленіе, поклоненіе), такъ и на тогдашнемъ Греческомъ языкѣ χαμαιπέτεια отнюдь не было въ означенномъ смыслѣ церковнымъ, техническимъ терминомъ; слѣдовательно, Наславу для своей мысли не было нужды употреблять чужеземное слово, и странно было бы избрать Греческое, вообще неизвѣстное и малоупотребительное χαμαιπέτεια. Эти затрудненія устранятся и дѣло объяснится лучше, если мы слово химинетъ примемъ за испорченный технической терминъ того времени χειμευτόν или χυμευτόν отъ χυμεία. Извѣстно какую славу имѣло въ среднихъ вѣкахъ искуство химіи или что тоже алхимія. По Дюканжу (Grossarium mediae et infimae Graecitatis sub v. χυμεία, χύμευσις, χυμευτής), это было искусство дѣлать золото, соединять разнородные металлы въ одинъ составъ (какъ напр. сдѣланъ престолъ Св. Софіи въ Константинополѣ), также искусство приготовлять, отдѣлывать и оправлять драгоцѣнные камни. По поводу одного мѣста у Константина Багрянороднаго de caeremoniis aulae Bysantinae, Bonnae 1829 t. I. p. 99, о царскомъ церемоніальномъ сѣдлѣ, посредствомъ химіи (χειμευτῷ) сдѣланномъ изъ золота и украшенномъ драгоцѣнными камнями, издатель книги-Рейске въ примѣчаніяхъ vol. II. p. 204 — 208 входитъ въ разсмотрѣніе этого слова χειμευτόν, и на основаніи современныхъ свидѣтельствъ еще ближе и точнѣе опредѣляетъ его значеніе. Именно отъ корня χεω или χύω, разливаю,-Рейске разумѣетъ подъ нимъ часто встрѣчающіяся въ среднихъ вѣкахъ а) fusile opus, т. е. искусство плавить металлы, выливать изображенія, б) smaltitum opus — эмалевое или финифтяное искусство живописи на металлахъ: то и другое въ особенности имѣло приложеніе къ церковнымъ вещамъ. Самое слово smaltitum, по его объясненію, есть Германское, означающее, какъ и Греческое χυμον, расплавленное вещество, жидкость. Послѣ сего выраженіе Наслава: „возилъ Евангеліе въ Царьградъ, гдѣ учинилъ химинетъ и возвратившись исправилъ все злато, сребро и камень драгій,» будетъ значить тоже, что все это украшеніе въ Константинополѣ, по заказу его, сдѣлано было посредствомъ финифтянаго искусства (въ вышеизложенномъ, обширномъ смыслѣ).

этого тайнаго и славнаго тогда въ Византіи искусства, ради котораго и другіе пріѣзжали сюда изъ отдаленныхъ странъ. Какъ техническій терминъ, Наславъ передаетъ χειμευτόν безъ перевода — химинетъ, извращая только окончаніе его. Древніе наши лѣтописцы въ этомъ же самомъ техническомъ словѣ для легкости произношенія съ обычною замѣною буквъ извратили и начало его: они писали финиптъ (См. Полное собраніе Рус. лѣтоп. т. 2. стр. 111, 123, 223 — трижды). Еще для большей удобности произношенія впослѣдствіи и въ словѣ финиптъ и измѣнено на ф,—и такимъ образомъ произошло у Русскихъ только употребляемое, а иностранцамъ неизвѣстное слово: финифть. На западѣ же извѣстно только было сперва smaltitum opus, а теперь французское email — эмаль. — Это самое объясненіе слова химинетъ болѣе нами раскрыто въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Академіи Наукъ 1860, т. 9. стр. 75—78.

К. Невоструевъ.

ЧАША ТРАПЕЗНАЯ. Трапезныя чаши дѣлали изъ серебра, какъ мы это видимъ изъ жалованной грамоты князей Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (между 1128 и 1132 годомъ. Доп. къ Акт. Истор. I, № 2): а се іа Всеволодъ далъ ѥсмь блюдо серебрьно въ і҃ гр҃внъ серебра. ст҃моу же Геѡргиеви велѣлъ ѥсмь бити въ нѥ на ѡбѣдѣ коли игоуменъ ѡбѣдаѥтъ. даже кто запъртить или тоу дань и се блюдо да соудитъ ѥмоу Б҃ъ въ д҃нь пришьствиѩ своѥго и тъ ст҃ый Геѡргии."

ѲЕОДОРА СТУДІЙСКАГО (МОНАСТЫРЬ) ВЪ ЦАРЬГРАДѢ. Русскіе живали въ царьградскомъ Студійскомъ монастырѣ и занимались списываніемъ книгъ для соотечественниковъ какъ упоминаетъ паломникъ Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Царьградѣ при патріархѣ Исидорѣ (сконч. около 1349 года): „Ту„ (близъ Золотыхъ вратъ) лежитъ Ѳеодоръ Студійскій. Изъ того бо мона„стыря въ Русь посылали много и книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги"... „И на утріе, въ пятокъ, идохомъ съ други моими по святымъ монастырямъ „и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ.... и нынѣ „живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ святаго пи„санія, зане бо искусни зѣло книжному списанію." (Сахаровъ, Сказанія русс. нар. Книга VIII, стр. 53, 54). Въ томъ монастырѣ митрополитъ Кипріанъ переписалъ Лѣствицу своею рукою въ 1387 году. (Опис. слав. рукп. Сѵнод. библ. I, стр. 291). Вѣроятно русскимъ пришельцомъ въ этотъ монастырь было написано четвероевангеліе въ 1383 году «12 Мц҃а Мая къ «бг҃оспс҃аемѣмъ и славнѣмъ градѣ цр҃тѣмъ Костантинополи.» (Рукопись Сѵнод. Библ. 26, по прежнему каталогу 742, въ 4-ю долю, на пергаминѣ, мелкимъ полууставомъ, стр. 244 и 291).

См. у Дюканжа, въ топографіи Царьграда, описаніе монастыря Студійскаго.

Гр. У.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОБЩЕСТВА.

№. 9.

1865 года, Января 19 дня. Протоколъ 5-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Дмитріева, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, С. М. Соловьева, Д. П. Сонцова, и Секретаря Общества К. К. Герца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Слушали слѣдующія поступившія бумаги: a) отъ Дѣйствительнаго Члена А. С. Норова письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ члены Общества и присылаетъ изданное имъ Путешествіе Игумена Данінла.

b) Отъ дѣйствительнаго Члена А. К. Киркора письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ члены общества и объявляетъ о присылкѣ изданныхъ имъ сочиненій.

c) Отъ Дѣйствительнаго Члена Гануша (въ Прагѣ) письмо, такого же содержанія.

d) Отъ Императорской Археологической Комиссіи отношеніе, при которомъ препровождаются въ даръ четыре отчета Комиссіи.

e) Отъ Императорской Академіи Наукъ отношеніе, при которомъ препровождаются въ даръ разныя сочиненія ею изданныя.

f) Отъ Совѣта Императорскаго Казанскаго университета изъявленіе согласія университета на обоюдный обмѣнъ изданій.

g) Отъ Мироваго Посредника 3-го участка Брацлавскаго уѣзда, капитана Гатцука, письмо, въ которомъ изъявляетъ желаніе произвести на собственный свой счетъ нѣсколько предварительныхъ раскопокъ въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему мѣстностяхъ Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи, и проситъ Общество снабдить его правомъ для производства этихъ раскопокъ.

Опредѣлили: выдать Г. Гатцуку отъ Общества дозволеніе произвести на собственный его счетъ предварительныя раскопки въ двухъ или трехъ курганахъ означенной мѣстности, обязавъ его доставить Обществу подробный журналъ раскопокъ и находокъ имъ сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выслать ему инструкцію о производствѣ раскопокъ.

По поводу этого письма, присутствовавшій въ засѣданіи Профессоръ Московскаго Университета А. П. Богдановъ обратился къ Обществу съ просьбою дозволить ему воспользоваться правомъ производить раскопки и поручить ему ихъ въ Московской губерніи, и преимущественно въ Подольскомъ уѣздѣ. Раскопки эти особенно важны для Г. Богданова въ томъ отношеніи, что по всей вѣроятности они подтвердятъ фактъ о существованіи въ первобытныя времена въ Московской губерніи, кромѣ финскаго и славянскаго племенъ, еще особаго народа, отличающагося значительною длинноголовостію и своеобразною формою черепа, народа, который, судя по имѣющимся черепамъ, всего болѣе подходитъ къ первобытнымъ жителямъ Швеціи, изученнымъ Ретціусомъ. Г. Богданову доставлено нѣсколько череповъ длинноголовыхъ Г. Гатцукомъ изъ подольскихъ кургановъ. Такъ какъ фактъ этотъ представляетъ большой археологическій интересъ, то Г. Богдановъ и надѣется, что Общество не откажетъ ему въ своей помощи, а также сообщитъ и другія черепа, имѣющіе поступить въ распоряженіе Общества. При этомъ показаны были Обществу черепа, собранные Г. Гатцукомъ и для сравненія съ ними черепъ великороссійскій и рисунки Ретціуса. Общество положило выдать Профессору Богданову разрѣшеніе производить раскопки на свой собственный счетъ въ означенной мѣстности.

3. Д. П. Сонцовъ прочелъ написанную имъ статью о древне русскихъ печатяхъ до XVI столѣтія. Въ преніяхъ, возникшихъ по поводу этого чтенія, принимали участіе Графъ А. С. Уваровъ, С. М. Соловьевъ, А. П. Аѳанасьевъ. Опредѣлили: передать статью Д. П. Сонцова въ редакціонный комитетъ

4. И. Е. Забѣлинъ прочелъ объясненіе нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ словъ, какъ матеріалъ для будущаго археологическаго словаря. Это чтеніе вызвало нѣкоторыя возраженія со стороны члена Общества Н. В. Дмитріева.

5. К. К. Гёрцъ прочелъ объясненіе слова: **базилика**, какъ матеріалъ для археологическаго словаря Общества.

6. Графъ А. С. Уваровъ прочелъ статью, написанную отсутствующимъ членомъ Общества А. П. Клачковымъ, подъ заглавіемъ: О кладѣ, найденномъ въ Кіевской Губерніи въ 1863 году. Опредѣлили: передать статью въ редакціонный комитетъ.

7. Секретарь Общества К. К. Гёрцъ сообщилъ извѣстія о новѣйшихъ раскопкахъ и открытіяхъ въ Помпеѣ.

№ 10.

1865 года, Февраля 5 дня. Протоколъ 6-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Дмитріева, И. Е. Забѣлина, А. А. Котляревскаго, Д. П. Сонцова, Барона Д. О. Шепинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Слушали слѣдующія поступившія бумаги:

а) Отъ Дѣйствительнаго Члена Графа Е. П. Тышкевича письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ члены Общества.

в) Отъ Виленской Археологической Коммисіи увѣдомленіе, что она согласна на обоюдный обмѣнъ изданій и вмѣстѣ съ тѣмъ препровождаетъ труды свои и своихъ членовъ въ 7-ми томахъ.

3. Предсѣдатель Общества Графъ А. С. Уваровъ предложилъ на разсмотрѣніе снимокъ съ древнерусской надписи, на митрѣ, хранящейся въ Стокгольмскомъ музеѣ. Снимокъ присланъ Обществу Барономъ Б. фонъ-Кёне.

Графъ Уваровъ предложилъ чтеніе этой надписи, писанной вязью, а Дѣйствительный Членъ И. Е. Забѣлинъ пополнилъ не разобранное Предсѣдателемъ слово. Вотъ эта надпись: „159 (1651) Ноября въ 17 сию шапку с҃тительскую дала вкладомъ въ чюдовь м҃итрь вдомъ чудотворцу Алеѯѣю думняго дьяка Михаиловская жена Данилова вдова Ульяна Васильева дочь по муже своемъ по Михаиле Даниловиче по схимнике Мисаиле для его дочери ѯеніи и по своей душе.„

4. Графъ А. С. Уваровъ прочелъ написанное имъ объясненіе двухъ словъ: вѣко и потиръ, какъ матеріалъ для будущаго словаря Общества. Опредѣлили: передать въ Редакціонную Коммиссію.

5. Дѣйствительный Членъ Баронъ Д. О. Шепингъ передалъ въ Редакціонную Коммиссію составленное имъ объясненіе нѣсколькихъ словъ, какъ матеріалъ для будущаго словаря Общества.

6. Членъ-основатель Д. П. Сонцовъ представилъ на разсмотрѣніе серебряныя стопы: одна принадлежала Петру Могилѣ. На ней находится посрединѣ гербъ Петра Могилы, а кругомъ щита начальныя буквы:

Б.		М.
П.	Молдавскій гербъ	Є.
П.		ІБ.
П.		Б.

Вторая стопа, сдѣланная въ Данцигѣ, имѣетъ клеймо. На крышѣ сдѣлано, въ видѣ медали, изображеніе Іоанна III, съ надписью: Rex Polonorum.

7. Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ статью подъ заглавіемъ: О значеніи трудовъ Якова Гримма для русской археологической науки.

8. Предсѣдатель Общества Графъ А. С. Уваровъ предложилъ на разсмотрѣніе Членовъ и объяснилъ снимокъ съ неизданнаго оклада Евангелія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, сдѣланный въ 1422 году и поновленный въ 1533 г. Опредѣлили: передать въ Редакціонную Коммиссію.

9. Секретарь Общества К. К. Гёрцъ прочелъ первую статью о недавно открытыхъ фрескахъ въ подземной базиликѣ Св. Климента въ Римѣ и предложилъ на разсмотрѣніе фотографическіе съ нихъ снимки, исполненные въ Римѣ. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

№ 11.

1865 года, Февраля 23 дня. Протоколъ 7-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи Членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, А. А. Котляревскаго, Д. П. Сонцова, Барона Д. О. Шепинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Слушали слѣдующія поступившія бумаги:

a) Отъ Профессора Берлинскаго Университета Фердинанда Пипера и b) отъ Графа Константина Тышкевича письма, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе ихъ въ Дѣйствительные Члены Общества. c) Отъ Кіевской Духовной Консисторіи отношеніе, въ которомъ Митрополитъ Кіевскій Арсеній указываетъ Обществу на лица, занимающіяся отечественными древностями, а именно: на Настоятеля церкви въ домѣ Генералъ-Губернатора, члена Кіевской Духовной Консисторіи, Протоіерея Петра Лебединцева, Ключаря Кіево-Софійскаго Каѳедраль-

наго Собора Протоіерея Николая Оглоблина, и Кіевопечерской Воскресенской церкви Священника Павла Троцкаго.

d) Отъ Оренбурскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отношеніе того же содержанія, съ указаніемъ на Руфа Гавриловича Игнатьева.

e) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей увѣдомленіе, что оно согласно мѣняться съ Обществомъ въ текущемъ году своими изданіями.

3. Поступили слѣдующія приношенія:

a) Отъ Почетнаго Гражданина Московскаго 1-й гильдіи купца К. А. Попова, при письмѣ отъ 18 Февраля 1865 года, 500 руб., въ которомъ онъ, заявляя полное сочувствіе къ цѣлямъ и дѣятельности Общества и желая съ своей стороны содѣйствовать его начинаніямъ, предоставляетъ эту сумму въ распоряженіе Общества.

b) Отъ Священника села Суханова, Подольскаго Уѣзда Московской Губерніи, Александра Ѳедоровича Розонова, небольшой наперсный крестъ.

c) Отъ Дѣйствительнаго Члена А. А. Гатцука, мѣдный образокъ.

d) Отъ Члена Корреспондента И. Г. Артлебена—два рисунка: изображеніе Св. Троицы съ западныхъ дверей соборной церкви Успенскаго Дѣвичьяго Монастыря въ городѣ Александровѣ; другой — съ дверей соборной церкви Рождественскаго Монастыря во Владимірѣ.

e) Отъ Дѣйствительнаго Члена К. Н. Тихонравова, рукописная приходо-расходная книга Спасъ-Евѳиміевскаго монастыря 1697—7205 года съ Октября 1-го числа по Апрѣль мѣсяцъ. Повѣрена въ Монастырѣ при передачѣ монастырской казны Архимандритомъ Іоасафомъ Архимандриту Варлааму.

f) Отъ редакціи Православнаго Собесѣдника увѣдомленіе о присылкѣ 1-й книжки этого журнала.

g) Отъ Члена Корреспондента А. М. Сементовскаго-Курилло три отношенія, при которыхъ онъ посылаетъ: 1) журналъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 7-го ноября 1864 года. 2) Витебскія губернскія вѣдомости, часть неофиціальная, 1865, № 2, и 3) Отчетъ о занятіяхъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1864 годъ.

h) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отношеніе, при которомъ оно препровождаетъ въ даръ обществу по десяти экземпляровъ слѣдующихъ своихъ изданій.

1) Записки Общества: Т. XII, вып. XIII и XIV.
2) Извѣстія Общества: Т.—IV.
3) Записки отдѣленія русской и славянской Археологіи. Т. II съ приложеніемъ.
4) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ.
5) Жизнь и труды П. С. Савельева, соч. В. Григорьева.
6) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, соч. Соловьева.
7) Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, соч. Вельяминова-Зернова. Ч. I и II.
8) Памятники Церковныхъ древностей Нижегородской губерніи, соч. Архимандрита Макарія.
9) Записка для обозрѣнія русскихъ древностей 25 экз.

i) Отъ Дѣйствительнаго Члена Барона Д. О. Шёпинга слѣдующія книги:
1) Worsaae, Zur Alterthumskunde des Nordens 1847.
2) C. von Estorff, Heidnische Alterthümer. 1846.
3) Lindenschmidt, Das germanische Todtenlager bei Seltzen.
4) Lisch, Frederico-Francisceum, oder grossherzoglicher Alterthumsmuseum; съ атласомъ рисунковъ in fol.
5) Oberlitner, die Runendenkmäler des Nordens.

Постановили: за всѣ эти приношенія изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4) Поступили слѣдующіе денежные взносы отъ Гг. Членовъ Общества:

a) Отъ Графа А. С. Уварова и Д. П. Сонцова, по § 5 Устава Общества, единовременнаго взноса по 100 руб., и того 200 руб. сер.

b) Отъ Дѣйствительныхъ Членовъ: К. К. Гёрца, Брыкина, Ешевскаго, Шуберта, Иловайскаго, Соловьева, Барона Шёпинга, Андреева, Львова, Киркора, Клачкова и Графа К. П. Тышкевича—ежегоднаго взноса по 10 руб. сер., итого 120 руб.

5) Дѣйствительный Членъ А. А. Гатцукъ прочелъ статью о раскопкахъ въ курганахъ Московской губерніи, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1864 г. По поводу соображеній, высказанныхъ Г. Гатцукомъ, Общество постановило въ будущемъ засѣданіи своемъ обсудить вопросъ о раскопкахъ кургановъ и о необходимости назначенія особой комиссіи для завѣдыванія ими.

6) Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ статью о значеніи антропологіи для археологическихъ изслѣдованій.

№. 12.

1865 года, февраля 23 дня. По окончаніи обыкновеннаго засѣданія, въ присутствіи тѣхъ же членовъ, кромѣ Д. П. Сонцова, происходило пятое экстренное собраніе Общества.

1) Предсѣдатель предложилъ Обществу обратить вниманіе на § 10 Устава, по редакціи котораго не довольно ясно опредѣлены права и обязанности Почетныхъ Членовъ. Постановили въ поясненіе § 10: Почетные Члены, пользуясь всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, свободны отъ обязательныхъ ученыхъ трудовъ.

2) Принесенные въ даръ обществу К. А. Поповымъ 500 руб. сер. положено обратить въ 5% билетъ Государственнаго Банка и передать ихъ на храненіе Г. Казначею Общества.

3) Присланные дѣйствительными членами А. К. Киркоромъ и Графомъ К. П. Тышкевичемъ годовые членскіе взносы, хотя по § 7 Устава Общества для нихъ и не обязательные, рѣшено передать въ кассу Общества, по желанію приславшихъ лицъ.

4) Объявленъ Почетнымъ Членомъ: Константинъ Абрамовичъ Поповъ, въ Москвѣ.

Избраны: въ Дѣйствительные члены по § 7 Устава Общества:

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ.

Владиміръ Евстаѳіевичъ Тизенгаузенъ.

Гг. Графъ Делабордъ. Де-Росси. Лабартъ. Комонъ. Гергардъ. Густавъ Гейдеръ. Де-Сольси. Герцогъ де-Люинъ. Бруннъ. Генценъ. Моммсенъ. Эйтельбергеръ. Якобъ Буркгардъ. Панинци. Акерманнъ. Миннерини. Фіорелли. Каведони. Гарручи. Клеммъ. Ворсо. Морло. Фердинандъ Келлеръ. Д-ръ Кунъ, въ Берлинѣ. Шварцъ. Маннгардтъ. Каноникъ Рачкій. Патера. Коларъ. Вртятко, въ Прагѣ. Іосифъ Иречекъ. Германегильдъ Иречекъ. Максъ Мюллеръ, въ Оксфордѣ. Шембера, въ Вѣнѣ.

Въ Дѣйствительные члены: Николай Дмитріевичъ Иваницкевъ, въ Варшавѣ. Маврикій Антоновичъ Круповичъ. Николай Васильевичъ Калачовъ.

Въ Члены корреспонденты: Иванъ Куприановичъ Куприановъ, въ Новгородѣ. Руфъ Гавриловичъ Игнатьевъ.

№. 13.

1865 года марта 9 дня. Протоколъ 8-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Амфилохія, Н. Г. Артлебена, А. И. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, А. Е. Викторова, А. А. Гатцука, Н. В. Дмитріева, Н. В. Калачова, А. А. Котляревскаго, С. М. Соловьева, Барона Д. О. Шёпинга, и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Слушали поступившую бумагу:

Отъ Дѣйствительнаго Члена А. С. Гедеонова письмо, въ которомъ онъ благодаритъ за избраніе въ Члены Общества.

3) Поступили слѣдующія приношенія:

a) Отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, двѣ брошюры: 1) Notice sur la Société odessoise.

и 2) Отчетъ Общества за $186^3/_4$ годы.

b) Отъ Редакціи Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета: 1-й выпускъ 2 отдѣленія Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета.

c) Отъ Кіевской Духовной Академіи: Январская книжка 1865 года Трудовъ Академіи.

d) Отъ Секретаря Общества К. К. Гёрца сочиненіе Гаруччи: Les mystères du Syncrétisme Phrygien dans les catacombes romaines de Prétextat. Paris. 1854. 4°.

4) Поступилъ денежный взносъ:

Отъ Дѣйствительнаго Члена П. А. Хвощинскаго, по § 5. Устава Общества, сто руб.

5) Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ статью, присланную Членомъ Корреспондентомъ Р. Г. Игнатьевымъ: Извѣстіе о думномъ дьякѣ Аѳанасіи Власьевѣ. Опредѣлили передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

6) Г. Предсѣдатель Общества сдѣлалъ сообщеніе изъ статьи, присланной на разсмотрѣніе Обществу В. К. Савельевымъ въ Казани: Описаніе нумизматическаго клада, открытаго въ Казани въ 1864 году. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

7) Членъ-Корреспондентъ Архимандритъ Амфилохій прочелъ статью: О рукописной Греческой Псалтири IX-го вѣка, принадлежащей А. Н. Лобкову, въ палеографическомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ снимки, снятые имъ съ древнѣйшихъ почерковъ этой рукописи. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

8) Дѣйствительный Членъ А. Н. Андреевъ представилъ на разсмотрѣніе: a) серебряное блюдо, съ изображеніемъ охотника, сидящаго на конѣ и окруженнаго разными животными, найденное въ землѣ въ 1858 году на берегу Иртыша, и b) гривну, плетеную изъ серебряной проволоки, найденную въ курганѣ подъ Рославлемъ, при проведеніи шоссейной дороги.

9) Дѣйствительный Членъ А. А. Гатцукъ на основаніи сообщеній, сдѣланныхъ имъ въ предыдущемъ засѣданіи, прочелъ свое мнѣніе—о составленіи Коммиссіи для изслѣдованія древнихъ насыпей центральной Россіи. Общество, выслушавъ мнѣніе А. Г. Гатцука, въ члены этой Коммиссіи большинствомъ голосовъ избрало И. Е. Забѣлина, И. П. Бочарова, Графа А. С. Уварова и А. А. Гатцука.

10) Членъ-Корреспондентъ Н. В. Дмитріевъ прочелъ первую статью подъ заглавіемъ: Обозрѣніе архитектуры въ Россіи I. Кіевъ. Чтеніе сопровождалось показаніемъ многочисленныхъ плановъ и рисунковъ различныхъ зданій этого города. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

№ 14.

1865 года Марта 9-го дня. По окончаніи обыкновеннаго засѣданія, въ присутствіи тѣхъ же членовъ, въ шестомъ экстренномъ собраніи Общества избраны:

Въ Дѣйствительные члены по § 7 Устава Общества:

Эйхвальдъ, Эдуардъ Ивановичъ. Лерхъ, Петръ Ивановичъ. Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ. Дестуннсъ, Гавріилъ Спиридоновичъ. Горскій, Александръ Васильевичъ, въ Сергіевой Лаврѣ. Казанскій, Петръ Симоновичъ, тамъ же. Лонперье, въ Парижѣ. Отто Янъ, въ Боннѣ. Бурсіанъ, Конрадъ. Лишъ. Линденшмидтъ. Смоляръ. Терстенякъ. Г-жа Фелиси д'Айзакъ.

Въ Дѣйствительные члены:

Поленовъ, Дмитрій Васильевичъ. Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ. Бартоломей, Иванъ Алексѣевичъ.

Въ Члены-Корреспонденты:

Савельевъ, Викторъ Константиновичъ, въ Казани.

№ 15.

1865 года марта 23 дня. Протоколъ 9 обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, А. А. Гатцука, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Калачева, А. А. Котляревскаго, П. А. Хвощинскаго, Барона Д. О. Шепинга, и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Поступилъ денежный взносъ.

Отъ Дѣйствительнаго Члена Н. В. Калачева членскій взносъ за 1865 годъ десять руб. сер.

3) Поступили слѣдующія приношенія:

a) Отъ Редакціи Виленскаго Вѣстника—Газета Виленскій Вѣстникъ за 1864 и 1865 годы.

b) Отъ Профессора Московскаго Университета Н. А. Попова: Archäologische Karte von Krain, entworfen von P. v. Radisc. Laibach 1864.

c) Отъ Дѣйствительнаго Члена К. Н. Тихонравова: рукописная приходорасходная книга Покровскаго Дѣвичьяго Монастыря 1685 года и Протоколы Засѣданій Владимірскаго Статистическаго Комитета, три номера.

d) Отъ Дѣйствительнаго Члена А. Н. Аѳанасьева: Народныя русскія сказки Москва, 1863 и 1864 года, 8 выпусковъ.

e) Отъ Члена Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества П. И. Ревякина—особый оттискъ его статьи: Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ.

f) Отъ Члена-Корреспондента И. Г. Артлебена три дополнительныхъ рисунка къ прежде имъ присланнымъ рисункамъ антропоморфическихъ буквъ изъ рукописнаго Евангелія Боголюбова монастыря.

g) Отъ ризничаго Московскаго Покровскаго Монастыря Іеромонаха Арсенія: напрестная панагія, рѣзанная обронно на деревѣ, въ серебряной сканной (филигранной) оправѣ, доставшаяся ему отъ покойнаго его отца, священника Крестовоздвиженской церкви Іакова Иванова Орлова. На лицевой сторонѣ вырѣзана Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ Іисусомъ. На Божіей Матери пресчатый вѣнецъ. По сторонамъ изображенія Св. Вар. нфа (sic) и великомученицы Екатерины, оба въ гладкихъ вѣнцахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. Ниже ихъ изображены четыре Святителя: 1) Николай, 2)..... 3) Іоаннъ, 4)..... и мученикъ Никита. Вверху на доскѣ вычеканенъ нерукотворный образъ Спасителя; на

оборотной сторонѣ вырѣзана Св. Софія, съ воздѣтыми руками и съ крестатымъ вѣнцомъ. Ниже ея три ея дщери, съ четвероконечнымъ крестомъ въ рукѣ; на Вѣрѣ и Надеждѣ вѣнцы крестатые, а на Любви—гладкій. Можно предположить, суда по неправильно употребленнымъ крестатымъ вѣнцамъ, что эта панагія сдѣлана въ первой половинѣ XVI вѣка, до стоглаваго собора.

h) Отъ Настоятеля Московскаго Покровскаго монастыря Архимандрита Паисія: каменный крестикъ весьма замѣчательный по формѣ. Онъ найденъ въ Черниговскойгуберніи, въ городищѣ Мазепы.

Опредѣлили: благодарить жертвователей.

4) Г. Предсѣдатель Общества прочелъ мнѣніе Дѣйствительнаго Члена Барона Д. О. Шёпинга о принятіи мѣръ для ускоренія ученыхъ работъ по изданію Археологическаго словаря. Общество, обсудивъ предложенныя Барономъ Д. О. Шёпингомъ мѣры, постановило, по предложенію Дѣйствительнаго Члена А. А. Котляревскаго, въ теченіе будущей зимы посвятить два засѣданія исключительно для чтенія матеріаловъ, приготовленныхъ Гг. Членами Общества и для обсужденія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ изданіемъ. Объ этихъ засѣданіяхъ будетъ предварительно напечатано въ газетахъ.

5) Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ статью: объ Этнологіи каменнаго періода въ Европѣ. Постановили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

6) Г. Предсѣдатель Общества предложилъ на разсмотрѣніе рукописное Евангеліе 1578 года въ финифтяномъ окладѣ; писцемъ и художникомъ былъ Феодоръ, Священникъ Волжской церкви Ѳеодора Стратилата.

7) Дѣйствительный Членъ А. Н. Аѳанасьевъ прочелъ статью по поводу программы, изданной этнографическимъ отдѣленіемъ Географическаго Общества въ С.Петербургѣ о собираніи юридическихъ древностей Россіи.

8) Членъ-Корреспондентъ Архимандритъ Аѳинлохій прочелъ статью: Путешествіе Іоанна Алексіевича, его тетки княжны, Царевны Татіаны Михайловны, Царевны Софіи Алексѣевны и благочестивѣйшихъ Царицъ и благородныхъ Царевенъ изъ Москвы на освященіе соборнаго храма во Имя Воскресенія Христова въ Новомъ Іерусалимѣ въ 1685 году. Опредѣлили: передать статью въ Редакціонную Коммиссію.

№ 16.

1865 года Апрѣля 20 дня. Протоколъ 10-го обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи членовъ: Архимандрита Аѳинлохія, А. Н. Аѳанасьева, И. П. Бочарова, А. А. Гатцука, И. Е. Забѣлина, А. А. Котляревскаго, Барона Д. О. Шепинга, и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Поступили слѣдующія приношенія:

a) Отъ Настоятеля Московскаго Покровскаго Монастыря О. Архимандрита Паисія—небольшой образъ Іоанна Евангелиста, въ бронзовой оправѣ.

b) Отъ Дѣйствительнаго Члена Д. П. Сонцова—Нумизматическія изслѣдованія Славянскихъ монетъ. Часть 1-я Москва 1865 г.

c) Отъ Нарвскаго Археологическаго Общества: Уставъ съ протоколами и 3 тетрадями трудовъ Общества.

d) Отъ Археологической Коммиссіи—экземпляръ различныхъ ея изданій, по описи, приложенному къ отношенію отъ 27 Марта 1865 года подъ № 27-мъ.

e) Отъ Дѣйствительнаго Члена И. Кукулевича-Сакчинскаго, по экземпляру [illegible] изданныхъ имъ сочиненій.

f) Отъ Г. Фортунатова—статья Г. Бутенева: О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Россіи.

g) Отъ Дѣйствительнаго Члена К. Н. Тихонравова: 1) Надписи съ разныхъ древнихъ памятниковъ до конца XVII вѣка, находящихся во Владимірской губерніи, и 2) Столовая книга Суздальскаго Покровскаго Дѣвичьяго Монастыря 1685—7193 года.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества, а статью Г. Тихонравова: Надписи Владимірской Губерніи, передать въ Редакціонный Комитетъ.

3) Слушали слѣдующія поступившія бумаги:

Отъ Дѣйствительныхъ Членовъ: Э. И. Эйхвальда, П. И. Лерха, М. О. Круповича, Д. В. Полѣнова, В. В. Вельяминова-Зернова, Г. С. Дестуниса, А. Ѳ. Бычкова, П. С. Казанскаго, В. Тизенгаузена, И. Кукулевича-Сакчинскаго, и Члена-Корреспондента Р. Г. Игнатьева—благодарственныя письма за избраніе ихъ въ Члены Общества.

4) Г. Предсѣдатель Общества представилъ Гг. Членамъ экземпляръ отпечатаннаго перваго выпуска Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

5) Г. Предсѣдатель представилъ на разсмотрѣніе Гг. Членовъ находящійся въ его собраніи антиминсъ, освященный Патріархомъ Игнатіемъ 1606 года, при чемъ сообщилъ чтеніе надписи, находящейся на этомъ памятникѣ.

6) Дѣйствительный Членъ А. А. Котляревскій прочелъ присланную Дѣйствительнымъ Членомъ Графомъ К. П. Тышкевичемъ статью: о свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ 1864 году на днѣ рѣки Буга, у Дрогичина. По окончаніи чтенія, А. А. Котляревскій сообщилъ свои замѣчанія на мнѣнія, высказанныя въ этой статьѣ, а Гг. Члены Общества, разсматривая приложенныя къ ней рисунки, полагали, что свинцовыя оттиски должны быть признаны за печати.

Опредѣлили: передать статью Графа К. П. Тышкевича въ Редакціонный Комитетъ.

7) Прочитана статья Д. Ч. Барона Д. О. Шепинга: Символика драгоцѣнныхъ камней.

Опредѣлили: передать статью Барона Д. О. Шепинга въ Редакціонный Комитетъ.

8) Секретарь Общества К. К. Гёрцъ прочелъ вторую статью о фрескахъ въ подземной базиликѣ Св. Климента въ Римѣ, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на фреску, изображающую: чудо, совершенное Спасителемъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской.

Опредѣлили: передать статью въ Редакціонный Комитетъ.

9) Предсѣдатель Общества Графъ А. С. Уваровъ прочелъ статью: олень въ русской Символикѣ.

10) По окончаніи этихъ чтеній Г. Предсѣдатель Общества Графъ А. С. Уваровъ объявилъ, что по случаю наступленія вакаціоннаго времени засѣданія Общества закрываются до 1-го Октября нынѣшняго года.

Stanford University Libraries
3 6105 121 189 935

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
А. П. ПЕТЦИАНЪ
МОСКВА,
[illegible], домъ Гуськова

DK
1
.M5824
v.1

COINS

✓ P206, ✓P209
✓P105
✓P109
✓P34

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305